

АЛЕКСАНДР НЕФЁДКИН

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ

ПЕРВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ЛУЧШИЕ ВОИНЫ В ИСТОРИИ

АЛЕКСАНДР НЕФЁДКИН

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ

**ПЕРВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**

Якорь

**МОСКВА
2017**

УДК 355/359

ББК 68

H58

Рецензенты:

доктор исторических наук, доктор филологических наук А. А. Бурыкин
(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

кандидат исторических наук К. А. Днепровский

(Государственный музей искусства народов Востока, Москва)

Художник Игорь Варавин

Нефёдкин, Александр Константинович.

H58 Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия / Александр Нефёдкин. — Москва : Яуза: Эксмо, 2017. — 496 с. — (Лучшие воины в истории).

ISBN 978-5-04-088815-3

Сложно найти другой народ, чей образ в массовом сознании настолько бы расходился с реальностью, как образ чукчей — персонажи известных анекдотов просто не смогли бы выжить в жестоких условиях Крайнего Севера. Настоящие чукчи были умелыми и энергичными воинами, грозой арктического побережья, где между ними, коряками, эскимосами и русскими разворачивались самые северные войны в истории человечества. Несмотря на то что кровопролитное противостояние русских колониальных войск с чукчами продолжалось почти 150 лет, этот северный народ так и не удалось покорить силой, а командиры русских отрядов так отзывались о своих непримиримых противниках: «Чукчи — народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана».

Новая книга ведущего специалиста по военной истории древних народов — первое в мировой литературе систематическое исследование военного дела чукчей (вооружение, тактика, стратегия, фортификация, война на море), рассматривающее его на всем протяжении известной по источникам эпохи, начиная со второй половины XVII века, когда чукчи впервые столкнулись с сибирскими казаками, вплоть до начала XX столетия, когда еще происходили вооруженные столкновения на почве кровной мести. Кроме того, эта богато иллюстрированная энциклопедия подробно описывает культовые аспекты войны чукотского народа (обряды, жертвоприношения) и важнейшие аспекты военного дела казаков Восточной Сибири — главных противников чукчей.

УДК 355/359
ББК 68

© Нефёдкин А.К., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Якорь», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-088815-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В послевоенный период в обыденном народном сознании чукчи безапелляционно ассоциировались с героями анекдотов. Нельзя с полной уверенностью утверждать, откуда возник данный стереотип. Возможно, сказала, как считает английский исследователь С. Грэхем, некая крайность этноса: географическая, культурная, физиологическая. С другой стороны, нельзя исключить и влияние кинематографа, в котором чукчам уделяется едва ли не ведущее место среди народов Севера. В особенности следует назвать такой знаковый фильм, как «Начальник Чукотки» режиссера В. В. Мельникова (Ленфильм, 1966 г.), который не мог не повлиять на общественное сознание советских людей¹.

Однако в последнее время общественное сознание россиян в отношении чукчей стало постепенно изменяться. В частности, после появления в 2003 г. первого издания книги «Военное дело чукчей» интерес к чукчам возрос. Об этом ясно свидетельствуют не только печатные издания, но и активное обсуждение и отзывы в Интернете — интересующиеся читатели неожиданно открыли для себя, что чукчи являются не только героями анекдотов, но у них есть и славное военное прошлое: почти полтора столетия чукчи и стоящие за ними эскимосы противостояли натиску российских сил, стремившихся их покорить, что выражалось во взимании ясака и взятии аманатов. Даже такой писатель и одиозный политический деятель, как Э. В. Лимонов, посвятил истории русско-чукотских войн отдельное небольшое эссе. Впрочем, из всех этих работ оригинальны лишь статьи анадырского писателя Е. Ф. Рожкова (1943–2009), писавшего по личным впечатлениям и фольклорным материалам².

И на самой Чукотке также усилился интерес к теме, что связано с общим постепенным подъемом чувства национального самосознания у коренных народов округа и увеличением интереса к традиционной культуре, составной частью которой являлось военное дело. Конкрет-

¹ Грэхем 2007: 33–35; о феномене чукотских анекдотов см.: Бурыкин 2002: 67–70 (развитие темы о пошехонцах); ср.: Егоршев 2009; о фильме ср.: Брачун, Сахибгоряев 2009: 27.

² Ботяков 2003; Нестеров 2003; Шурхало 2004 (с массой ошибок); Рожков 2007; 2007а; 2008; Горосов 2011 (с рядом фактических ошибок); Косяченко 2013; Лимонов 2013: 288–291 (с рядом недочетов).

ным примером роста интереса к военной культуре служит появление и деятельность исторического клуба «Истоки» в поселке Провидения. Тут усилиями учащихся СПУ-2 во главе с директором училища Владимиром Ивановичем Чучупалом (1955–2010) было воссоздано в сильной для учащихся форме вооружение и одежда воинов Чукотки. В 2000-х гг. порядка трех десятков реконструкторов выезжали в тундру для проведения показательных боев, представлявших древние сражения¹.

Еще одним показателем неподдельного интереса к военному делу у самих жителей Чукотки являются мои встречи с читателями в Анадыре в конце сентября — начале октября 2013 г. и в марте 2017 г. Читатели не только задавали вопросы, но и сами рассказывали исторические предания, которые еще помнят коренные жители в возрасте 50–60 лет и старше². Фольклорные же знания среднего поколения более ограничены, а молодежь уже мало что знает, если не проявляет особого интереса к теме, который, надо сказать, все же усиливается.

По сравнению с книгой 2003 г. второе издание, вышедшее в 2017 г. под названием «Военная культура чукчей», было значительно расширено за счет привлечения дополнительных фольклорных материалов по теме как чукотских, так и аляскинских, эвенских, таймырских и других. Кроме того, привлечены последние работы по чукотской тематике и заново проработанный значительный блок архивных материалов. Верхней хронологической границей настоящей монографии признана не начало, а середина XX в., т. е. 1940-е — начало 1950-х гг., когда произошла сплошная коллективизация хозяйств оленных чукчей, во время которой произошло и изъятие оружия. В ходе нее традиционный уклад жизни был коренным образом изменен и в значительной степени потерян, тогда как в первой половине XX в. традиционное воспитание и определенные элементы военного дела продолжали существовать³. В настоящее третье издание внесен еще ряд исправлений и небольших дополнений из материалов, которые удалось собрать во второй половине 2016-го — первой половине 2017 г.

В заключение хотелось бы поблагодарить тех, кто помогал и способствовал появлению данного издания: кандидата филологических наук Идею Владимировну Куликову за консультации по чукотскому языку; докторов филологических наук Алексея Алексеевича Бурыкина

¹ Чучупал 2006: 2; Рожков 2008: 8.

² О моих визитах в Анадырь см.: Омруев 2013а; 2017.

³ Ср.: Libby 1960: 298–301.

и Николая Борисовича Вахтина за ценные консультации по филолого-этнологическим вопросам; кандидата исторических наук Егора Андреевича Багрина за ценные замечания по вооружению русских казаков; президента Ассоциации коренных малочисленных народов Чукотки (сейчас — члена Совета Федерации) Анну Ивановну Отке, исполнительного директора НКО «Фонд социального развития “Купол”» Людмилу Леонидовну Данилову и Татьяну Ивановну Бардашевич за возможность побывать в Анадыре в сентябре–октябре 2013 г. в рамках проекта «Ымыльо чезэкэй» («Все вместе») и в марте 2017 г. для презентации моих новых книг, что дало возможность собрать дополнительный материал на месте; директора ГУК «Музейного центра “Наследие Чукотки”» Ольгу Борисовну Расторгуеву за возможность поработать в хранилищах музея и Екатерину Павловну Отке за помощь в этой работе; заведующую Марковским филиалом анадырского музея Валентину Захаровну Делянскую за предоставление материалов об экспонатах своего музея; кандидатов исторических наук Кирилла Александровича Днепровского, Михаила Моковича Бронштейна и Елену Станиславовну Сухорукову за возможность познакомиться с чукотской археологической коллекцией Государственного музея искусства народов Востока; моих информантов по чукотской традиции: заслуженного артиста России Василия Петровича Кевкея, научного сотрудника Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН Владислава Николаевича Нувано, мастера по пошиву традиционной одежды Зинаиду Федоровну Тагрытвааль, бригадира-оленевода Сергея Петровича Тнаныквата, преподавателя чукотской борьбы тэйкэв Александра Яковлевича Яттиргина, председателя отделения общества «Чычеткин вэтгав» в селе Мейныпильгыно Елену Викторовну Тевлявье и инженера-механика Валерия Дмитриевича Тымнэраскова.

*Александр Константинович Нефёдкин,
доктор исторических наук*

ВВЕДЕНИЕ

Сначала остановимся на характеристике основных источников по военной культуре чукчей. Их можно разделить на две большие группы: источники материальные и нарративные. К первой группе относятся археологические находки, этнографические коллекции музеев, причем как сами реальные предметы, так и иконографический материал.

Археология крайнего северо-востока Азии еще сравнительно молода и имеет много различных проблем, среди них можно выделить сложности датировки (из-за особенностей залегания археологических слоев) и этнической атрибуции находок. Однако именно археология позволяет проследить в общих чертах генезис различных видов вооружения и фортификации, а также сами материалы, из которых изготовлялось оружие. Среди музейных коллекций, содержащих богатый чукотско-эскимосский материал, следует выделить Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Музейный центр «Наследие Чукотки» в Анадыре. Эти музейные собрания обладают значительным количеством наступательного и оборонительного вооружения и воинской одеждой, что дает нам реальное представление об облике и снаряжении чукотского воина в XVIII–XIX вв. Отдельно надо выделить иконографический материал, представленный как рисунками и позднее фотографиями путешественников, так и собственно чукотско-эскимосскими изображениями, в основном резьбой по моржовому клыку. Последняя форма искусства информирует нас не только о комплексе вооружения воинов, но и о некоторых тактических особенностях на основании преданий и легенд. К сожалению, европейцы не оставили изображений батальных сцен с участием чукчей, тогда как рисунки боев из самой Чукотки, выполненные в конце XIX–XX в., показывают нам лишь представления о войнах прошлого людей данного времени. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на изображения доспехов и сравнить их с сохранившимися экземплярами¹. Хотя, повторюсь, определенную информацию об оружии, комплексе вооружения и о тактике мы все же можем тут почерпнуть.

¹ Например, изображения см.: Антропова 1957: Рис. 34–35; Широков 1968: Рис. 7–9.

К письменным источникам относятся записи фольклорного материала, различного рода официальные документы и записки путешественников. Естественно, основным источником для изучения выбранной темы является фольклор. Именно в устном народном творчестве мы можем найти такую информацию, которая или вообще не встречается, или недостаточно освещена в других видах источников, — это свидетельства о стратегии и тактике, о способах ведения боя, об использовании различных видов оружия, боевом этосе и т. д. В целом сказок, имеющих военные сюжеты, не так много в сравнении с общим количеством записанного материала¹. Героический эпос, у других народов содержащий наиболее полный набор сведений о военном деле, у чукчей лишь формировался — это цикл сказаний о русском военачальнике-антигерое Якунине, о южночукотском герое Кунлелю, о богатыре Эленди и его сыновьях. Небезынтересны и исторические предания азиатских эскимосов о войнах как между собой («Как уназикские воевали с сивукакскими», «Нунагмитский кит» и т. д.), так и с соседними народами («Виютку-предводитель», «Сражение науканцев с иноплеменниками» и т. д.).

Следует отметить, что в фольклорных материалах народов северо-востока Азии не слишком много фантастических элементов — они отражают действительность или, по крайней мере, понимание ее людьми более позднего времени. Сказка обычно фиксирует свое внимание на главном герое и его окружении, часто наделяя их качествами богатырей, при этом подчас трудно определить, реальные это качества или гиперболизированные². Естественно, на интерпретации сюжета сказывалось и мировоззрение рассказчика, который вольно или невольно мог вносить в него нюансы, сглаживающие неудобные, с его точки зрения, углы. Причем в сказаниях, записанных во второй четверти XX в., особенно чувствуется миропонимание рассказчика, некая «гуманизация» повествования, наделение героя положительными качествами, а врагов — сугубо отрицательными, тогда как в материалах начала XX в. это полярное понимание не так заметно, там и

¹ Например, среди 216 текстов, собранных В. Г. Богоразом, лишь в 20 рассказывалось о войнах (Беликов 1956: 8, 14). В сборнике Е. С. Рубцовой (1954) из 45 эскимосских сказок лишь в одной (№ 16) рассказывается о набеге врагов и о военных действиях, в собрании же сиренинского фольклора Н. Б. Вахтина (2000) лишь четыре сказки из 77 имеют батальные сюжеты. Создается впечатление, что чукотский фольклор более «воинствен», чем эскимосский, а в последнем больше батальных сюжетов в сибирских сказках, чем в аляскинских.

² Беликов 1956: 15; Нефёдкин 2016: 7.

положительный персонаж мог быть убийцей и насильником, то есть обладать негативными, с нашей точки зрения, качествами. В целом, как отметил сибиревед И. С. Вдовин, «исторические предания, героические сказания народов северо-востока Сибири содержат весьма обширный исторический материал, в значительной своей части вполне надежный и точный»¹. Если судить по событиям, обычно псевдоисторическим, то основная масса информации в сказаниях относится к достаточно позднему периоду — к XVIII–XIX вв. Хотя сами события, о которых идет рассказ, могли происходить в иной исторический период, однако реалии сказки должны быть приближены ко времени рассказчика, чтобы его поняли слушатели.

Следующая группа письменных источников — исторические документы — датируется второй половиной XVII–XVIII в. Это «сказки» (устные рапорты) и челобитные казаков, документы ясачного сбора, указы властей, наказы посылаемым в экспедицию, донесения и записки воевод, составленные на основании последних записки-справки и указы Сената и т. д. Сюда же входят и записки чиновников (датируемые главным образом второй половиной XVIII в.), в которых для вышестоящих инстанций кратко излагались быт и нравы местных народов. Особенно много документов хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и Российском государственном архиве древних актов, в так называемых «Портфелях Миллера», среди них можно также выделить документы местного краеведа капитана Тимофея Ивановича Шмалева (1736–1789), часть этих документов была уже опубликована². Естественно, в данной группе документов информация о военном деле мелькает лишь между прочим, хотя сами исторические события описываются неплохо. Конечно, тут присутствует и субъективизм описаний, особенно в информации о военных действиях. В частности, иногда явно завышена численность противников. Это происходило, с одной стороны, оттого, что врагов всегда кажется больше, чем есть, а с другой — вследствие стремления военных преувеличить значение своей победы или объяснить причину поражения. Так, например, в записках о гибели отряда майора Д. И. Павлуцкого (1747 г.) численность чукчей указывается участниками боя то в 400, то в 500, а то и в 600 воинов³. Разброс в числах, как видим, большой — 150%.

¹ Вдовин 1970: 23; ср.: Меновщиков 1964: 2; Беликов 1965: 168; Нефёдкин 2016: 7.

² Голицын 1899: 35–40; Андреев 1965: 140–141; Нефёдкин 2016а: 105–366.

³ КПЦ. № 65-2: 170; № 65-3: 171; № 66: 173.

Определенный материал по теме можно найти в описаниях путешественников. В них в основном содержатся этнографические описания оружия и одежды воинов, то есть того, что в первую очередь бросалось в глаза, намного меньше информации можно найти по другим областям военного дела. Среди работ этой группы источников следует выделить сочинение доктора и естествоиспытателя Карла Генриха Мерка (1761–1799), который в 1789–1792 гг., будучи участником экспедиции капитана И. Биллингса, собрал и описал с чисто немецкой скрупулезностью нравы и обычаи чукотского народа, в том числе и военные¹. В данной работе мы найдем не только сведения по одежде и вооружению, но очень краткие замечания по тактике. Ведь К. Мерк писал, так сказать, по свежим следам, когда период великих войн XVIII в. только что закончился и ветераны боевых действий могли компетентно информировать автора. В целом вся информация путешественников, а позднее — этнографов относится к XVIII (главным образом ко второй половине столетия) — первой трети XX в.

Работы первого чукчеведа Владимира Германовича Богораза (1865–1936), где вкратце затрагиваются вопросы военного дела чукчей, являются как бы переходными от чисто этнографического описания к исследованию². С одной стороны, автор, работавший среди чукчей в составе Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1895–1898), и в российско-американской Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона (1900–1901), организованной антропологом Ф. Боасом, выступает в качестве первоисточника и информатора, а с другой стороны, его работы — это научные исследования, анализирующие данный материал³. В. Г. Богораз рассматривал военное дело как одну из тем, не выделяя ее особо и поэтому говоря о ней весьма кратко. Ведь военное дело для него было скорее второстепенным историческим сюжетом по сравнению с другими более актуальными темами. Наиболее полное описание вооружения и иллюстрации мы найдем в его книге, посвященной материальной культуре чукчей⁴. Часть своих наблюдений, не вошедших в его научные работы, В. Г. Богораз отразил в художественных произведениях на сюжеты из жизни народностей северо-востока Сибири⁵.

¹ Мерк 1978; см.: Иванов 1978: 42–43.

² Богораз 1901: 28–33; 1934: 164–184; 1991: 88–101.

³ См.: Колесницкая 1971: 139–148, 153–159.

⁴ Богораз 1991: 88–101.

⁵ Например: Тан-Богораз 1979; 1979а; также см.: Беликов 1967: 84; Степанов 1967: 71–79.

В отечественной историографии имеются несколько работ, посвященных военному делу народов северо-востока Сибири. В 1903 г. этнограф Бруно Фридрихович Адлер (1874 — после 1932) издал культурологическую концептуальную статью о луке и стрелах в Северной Азии, географически охватив регион от Китая и Японии до Чукотки и Аляски. Данная работа базировалась на немецкой диссертации автора и его статье¹.

В 1957 г. была опубликована фундаментальная статья (точнее, монография в форме статьи) сибиреведа Валентины Васильевны Антроповой (1909–1976), специально посвященная военному делу народов северо-востока Сибири. Однако, как заметила сама исследовательница, она могла «разобрать только некоторые вопросы данной обширной темы»². В работе автор стремилась охватить всё, что известно о военном деле юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков и ительменов: военная организация, анализ характера конфликтов, вооружение, укрепления, способы ведения войны, тренинг. Таким образом, работа получилась сделанной по принципу: «всё обо всем». Военное дело В. В. Антропова, как истинный марксистский исследователь, рассматривает с точки зрения социальной организации, уделяя главное внимание этому сюжету. Естественно, никто не будет отрицать того громадного влияния, какое оказывает социальная организация на комплектование, систему командования и даже на вооружение армии, но при этом на развитие военного дела этноса сильно воздействуют и другие факторы: наличие технологической базы, способы ведения войны противником и т. д. Сегодня данная работа нуждается в серьезных дополнениях, ведь значительная часть фольклорного материала чукчей и эскимосов была опубликована уже после ее выхода в свет. Впрочем, это никоим образом не влияет на общую высокую оценку данного труда.

О военном деле можно найти информацию и в более общих трудах по истории и этнографии чукчей, в частности в работе Иннокентия Степановича Вдовина (1907–1996)³. Однако сведения тут весьма краткие. Естественно, и в статьях, посвященных оружию народов Восточной Сибири, есть информация о нашем сюжете, в основном об оружии⁴.

¹ Адлер 1903.

² Антропова 1957: 226.

³ Вдовин 1965.

⁴ Ухтомский 1913; Мальцева 1968; Глинский 1986; 1987; 1989.

В 2003 г. появилась первая монография о военном деле чукчей, написанная автором этих строк, в процессе работы над темой вышли несколько статей¹. Работа имела положительные отклики и большой общественный резонанс, особенно на Чукотке². Интерес к теме значительно вырос. Показателем этого возросшего интереса к теме служит появление ряда статей. В процессе работы над диссертацией по анализу трансформации чукотского этноса в современную эпоху философ-этнолог Т. А. Брачун написала ряд статей, среди которых для нашей темы важна одна, рассматривающая русский стереотип об агрессивности чукчей. Агрессивность чукчей автор объясняет тем, что в это время у чукчей развивалось крупнотабунное оленеводство, для которого требовались пастбища, чем и была вызвана экспансия чукчей³.

В исторической монографии новосибирского историка Андрея Сергеевича Зуева, посвященной присоединению Чукотки к России в XVIII в., также есть часть, рассматривающая военное дело противников, русских и чукчей, с современной антропологической точки зрения. Данное описание базируется на предыдущих разработках автора, оформленных в виде отдельных статей, а также, главным образом, на докторской диссертации, защищенной в Томском университете в 2005 г.⁴ Главным достоинством монографии является активное использование неопубликованных архивных материалов.

Зарубежная специальная историография по теме невелика. Следует упомянуть зарисовку немецкого североведа Ганса Финдайзена (1903–1968), рассказывающую о некоторых аспектах военного дела народов Северо-Восточной Азии (чукчей, ительменов, гиляков, сороков и айнов). Информация о чукчах взята автором из описаний секретаря И. Биллингса М. Соура и В. Г. Богораза и не имеет самостоятельной научной ценности⁵.

¹ Нефёдкин 2003; второе значительно расширенное и дополненное издание: Нефёдкин 2017; английский вариант первого расширенного издания книги: Nefödkin 2016; отдельные статьи: Нефёдкин 2001; 2001а; 2002; 2012; 2015а; 2016в; 2018.

² Отзывы на первое издание книги см.: Нестеров 2003; Горин 2004; Военное дело чукчей 2006.

³ Брачун 2009: 9–10 (с массой фактических ошибок в изложении материала); Брачун, Сахибгоряев 2009: 50–55.

⁴ Зуев 2009: 258–313; статьи см.: Зуев 1998 (с рядом фактических ошибок); 1999; 2001; 2002; 2002а; 2002б; 2003; 2005; 2005а; 2006; 2007; 2007а; 2008.

⁵ Findeisen 1929/30.

Для сравнительного анализа военного дела сибирских и аляскинских эскимосов большое значение имеет исследование американского антрополога Эрнеста С. Бёрча (1938–2010), который работал среди эскимосов-инупик около залива Нортон (Западная Аляска) в 1969–1970 гг. и записал свидетельства детей и внуков людей, принимавших участие в боевых действиях ранее 1880 г. Здесь мы найдем подробнейшее описание всех стадий проведения боевых действий — набегов, характерных для обитателей Аляски, и других ситуаций, случавшихся на войне. Присутствуют также различные детали ведения кампании, не сохранившиеся в фольклоре Чукотки, где крупные по местным масштабам войны прекратились намного раньше¹.

Из работ французского эскимосоведа Жана Малори (1922 г. р.) следует упомянуть одну из его статей, которая с социологической точки зрения рассматривает положение воинов и рабов, способы проведения набегов, тактику и вооружение народов Чукотки и Аляски². Автор приводит интересные сведения о различных аспектах военного дела эскимосов, полученные им от информаторов с Аляски в 1960–1970-х годах. Данные же о сибирских народах приводятся им в качестве сравнения. Сведения Ж. Малори удачно дополняют информацию Э. Бёрча, в результате чего создается полноценная и весьма компетентно описанная картина способа ведения войны аляскинскими эскимосами.

В западной историографии исследовалось и вооружение народов Чукотки. Так, обширная статья известного немецкого этнографа Фридриха Ратцеля (1844–1904) рассматривает пластинчатый панцирь в северо-тихоокеанском регионе, в том числе на Чукотке и Аляске. Работа американского этнолога Уолтера Хафа (1859–1935) кратко описывает среди прочего защитного вооружения коренных жителей Северной Америки ламеллярные и кожаные ламинарные панцири эскимосов Берингова пролива, хранящиеся в Национальном музее естественной истории в Вашингтоне. Конструкцию пластинчатых панцирей с острова Св. Лаврентия рассмотрел в своей статье швейцарский историк Ганс-Георг Банди (1920–2016), а также современные американские исследователи Кори Купер и Габриэль Дж. Боуэн. Статья другого американского антрополога Джеймса Ванстоуна (1925–2001) посвящена анализу доспешного комплекса азиатских эскимосов, храняще-

¹ Burch 1974. Как показали в своей статье П. Швайццер и Е.В. Головкин (2001), на побережье Аляски память о набегах азиатов более свежа благодаря привязке исторических событий к ландшафту местности (ср.: Burch 1998: 127–128, 221–230).

² Malaurie 1974.

гося в Полевом музее естественной истории в Чикаго. В работе автор сопоставляет этот доспех с пятью другими сохранившимися бронями с крыльями, происходящими с Чукотки и с о. Св. Лаврентия, после чего переходит к использованию их в бою¹.

Итак, можно констатировать, что основными направлениями в изучении выбранной темы являются рассмотрение различных видов вооружения (Ф. Ратцель, У. Хаф, Д. Э. Ухтомский, Г.-Г. Банди, Дж. Ван-стоун, Е. А. Глинский, К. Купер и Дж. Габриэль) и общие очерки военного дела чукчей в этнографических работах об этом этносе (В. Г. Богораз, И. С. Вдовин) и в статьях, посвященных характеристике военного дела народов региона (Г. Финдайзен, В. В. Антропова, Ж. Малори). Однако монографическому исследованию, способному осветить все или, по крайней мере, большинство аспектов военного дела чукчей, данная тема еще не подвергалась.

Основная задача настоящей работы состоит в анализе сведений о военном деле чукчей и, следовательно, в более подробном воспроизведении общей картины способа ведения войны, а также во взгляде на военное дело чукчей с военной же точки зрения в общем контексте военно-исторического развития.

Поскольку большая часть чукчей являлась кочевниками-оленоводами, то основной блок материала относится к ним. Вследствие того, что оседлые чукчи имели идентичную с азиатскими эскимосами материальную культуру и способы ведения войны, то и сведения об этих двух этносах нужно разбирать вместе². Кроме того, для работы необходимо было привлечь и материалы по эскимосам западного побережья Аляски, которые генетически связаны со своими азиатскими сородичами, что давало возможность сравнивать их военное дело и выявлять особенности военного развития первых. При подобном сравнении ясно видно взаимовлияние соседних этносов, главным образом чукчей на эскимосов и наоборот. Следует отметить, что в данной книге чукчами я называю именно чукчей, тогда как в цитированных документах XVII–XIX вв. под «сидячими» или «пешими» (приморскими) чукчами подразумевались как эскимосы, так и собственно оседлые чукчи³. Если речь точно идет об эскимосах, то это обычно оговаривается.

¹ Ratzel 1887; Hough 1895: 631–635; Bandi 1974 /75; VanStone 1983; Cooper, Gabriel 2013.

² Ср.: Антропова 1957: 113–114.

³ Ср.: Вдовин 1944: 262; 1961a: 54.

Хронологические рамки данной работы ограничены серединой XVII в. и серединой XX в. Верхняя граница работы обусловлена появлением первых письменных данных, ведь именно во второй половине XVII в. появились документальные свидетельства, в основном отписки казаков. Важнейшие же этнографические и фольклорные материалы рассказывают о событиях XVIII в. Основные войны чукчей с соседями (главным образом с коряками и русскими) прекратились в конце XVIII в., но еще в первой половине XX в. иногда возникали индивидуальные и межсемейные ссоры и стычки, в которых стороны использовали навыки осады и обороны¹. Некоторые элементы военной культуры существовали как составная часть традиционного уклада жизни оленеводов вплоть до завершения коллективизации в 1951-м — начале 1952 г. и разоружения чукчей советскими властями. Это обуславливает нижнюю границу работы — конец традиционной культуры чукотских оленеводов. К сожалению, из-за недостатка информации мы не можем проследить развитие всех аспектов военного дела за описываемый период. Поэтому для составления полной картины более подходящим казался подход, основанный на преимущественном доверии к фольклорным источникам, нежели гиперкритический². Основными же ориентирами для датировки военного развития могут служить работы К. Мерка (конец XVIII в.) и В. Г. Богораза (рубеж XIX–XX вв.).

В качестве приложения казалось полезным добавить тексты авторов XVIII в., в которых описывается культура чукчей, в том числе и их военное дело. Также казалось нужным сохранить в работе описание важнейших элементов военного дела восточносибирских казаков (XVII–XVIII вв.) — главных противников чукчей, наглядно показывающее эволюцию способов ведения войны противоборствующими сторонами. Кроме того, полезным показалось привести неопубликованные фольклорные тексты с милитарными сюжетами.

¹ Ср.: Ресин 1888: 175; Козлов 1956: 64.

² Поскольку переводы чукотских и эскимосских текстов сделаны крупнейшими специалистами-сибиреоведами, хорошо ориентировавшимися в материале и зачастую просившими рассказчика пояснить неясный пассаж, то данную работу я построил на принципе доверия к переводу, хотя отчетливо сознаю, что некоторые нюансы могли быть неверно истолкованы или поняты.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Чукчи почти полтораста лет сражались за свою независимость с русскими землепроходцами, казаками и даже с солдатами, которым так и не удалось покорить их силой. Это объяснялось как объективными, так и субъективными причинами. Вот как в донесении в тобольскую канцелярию (1732 г.) характеризовал этот народ его непримиримый противник капитан Д. И. Павлуцкий: «Чукчи — народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают. Стреляют из луков и бросают камни, но не очень искусно»¹. Как мы увидим, капитан (с 1733 г. — майор) очень верно отразил особенности физического сложения, этнической психологии и военного дела чукчей.

На северо-востоке Сибири, как и везде, наиболее воинственными были кочевники, а среди них своими боевыми качествами выделялись чукчи-оленоводы, которые разбивали не только ополчения местных народов, но и колониальные войска Российской империи. Участник «физической» экспедиции в Сибирь (1768–1774 гг.) академик И. Г. Георги (1729–1802) дал чукчам такое описание: «Они наравне с страшною своею крайне дики, суровы, необузданны и жесточае всех сибирских народов... Двадцать чукчей прогонят верно пятьдесят человек коряков...»² Действительно, в силу обстоятельств кочевые чукчи оказались самым воинственным этносом в регионе, вторыми же по своим боевым качествам являлись оленные коряки.

Какие военные события происходили до прихода россиян в регион, можно лишь предполагать на основании свидетельств фольклора и археологических данных. В частности, в преданиях сохранилось свидетельство о большой войне чукчей с коряками, в которой последние были побеждены, а оставшиеся в живых спаслись в лесах, затем же оленные коряки опять размножились и вступили в новую конфронта-

¹ Сгибнев 1869: 30; Нефёдкин 2017: 369. Из недавних же статей, написанных в духе апологии Д. И. Павлуцкого, см. например: Бушнев 1995; о восприятии русскими чукчей в XVIII в. см.: Зуев 2006.

² Георги 1777: 81–82; ср.: Крашенинников 1949: 450, 728, примеч. 1; Хан 1863: 253.

цию с чукчами, в это время в регионе и появились русские¹. Сначала казаки просто пытались присоединить территорию к Московскому царству, наложив на чукчей ясак, который требовался и от других сибирских народов, но чукчи не желали ничего платить, а тем более давать заложников-аманатов непонятно за что невесть откуда взявшимся пришельцам². В следующем, XVIII столетии основным источником конфликтов в регионе была вражда оленных чукчей и кочевых коряков. За последних, как за своих подданных, вступаются русские власти, они направляют ряд карательных экспедиций против жителей Чукотки. Это была типичная колониальная война, которая велась небольшими отрядами россиян, привлекавших в свое войско и туземное население со своими оленями. Обычно экспедиционный отряд состоял из нескольких десятков русских, вооруженных огнестрельным оружием, и нескольких сотен туземцев, вооруженных луками. Всего, по подсчетам А. С. Зуева, во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. произошло, по крайней мере, 23 вооруженных столкновения русских с чукчами³. Война велась с эксцессами с обеих сторон, упоминание о которых можно найти как в чукотском фольклоре, так и в российских документах. Естественно, ни о каком гуманизме в XVII–XVIII вв. речи не могло быть — такова была эпоха. Вспомним хотя бы, что в казаки — основную военную силу сибирских властей той эпохи — из-за нехватки людей рекрутировались ссыльные, беглые, а то и просто искатели приключений. Можно представить, как относились эти «господа» к инородцам!

Итак, чукчи и находящиеся восточнее их на побережье азиатские эскимосы, как и кереки, так и не были покорены российскими властями силой и вошли в состав Российской империи лишь номинально в конце XVIII в., платя ясак по своему желанию. Почему? Очевидно, существовал целый комплекс причин, объясняющих данную ситуацию. Во-первых, удаленность Чукотки от основных центров и сложность переброски сюда провианта, оружия и войск. Во-вторых, постоянная нехватка в Восточной Сибири средств, как людских, так и материальных (вспомним хотя бы упразднение Анадырского острога из-за его нерентабельности). В-третьих, суровые климатические условия: страшный холод зимой и тучи мошкеры летом. В-четвертых, отсутствие особых стимулов для проникновения русских на территорию Чукотки: соболя тут нет, полезные ископаемые не были разведаны, можно было

¹ Мамышев 1809: 22; Нейман 1872. № 1: 34; Нефёдкин 2016б: 232–238.

² О системе аманатства в Сибири: Люцидарская 2006; у чукчей: Зуев 2007.

³ Зуев 2001а: 84.

добывать лишь ценные моржовые клыки да бивни мамонта. В-пятых, отчаянное сопротивление чукчей завоевателям. Будучи в подавляющем большинстве кочевниками, они, не желая принимать битву, могли просто откочевывать при приближении врагов, становясь трудноуловимыми (так называемая скифская тактика). Чукчи, как мы далее увидим, хорошо приспособились к тактике казаков и научились с ними воевать, то есть их военное искусство также сыграло свою роль в отстаивании свободы. В-шестых, сама социальная структура местных жителей создавала сложность для их покорения: тут не было центральной власти, которая могла заключить мир или объявить войну, поэтому колонизаторам нельзя было, сосредоточив свои силы на главном направлении, захватить, как это было, в плен великого вождя Монтесуму или сапа инку Атагуальпу и продиктовать ему кабальные условия мира. Здесь каждая семейная община действовала на свой страх и риск, координируя при необходимости свои действия с соседями и, шире, с соплеменниками. Это тем более значимо, что чукчи предпочитали не вступать в союзы с иноплеменниками, за исключением эскимосов. Так, например, во время корякского восстания (1745–1757 гг.) они отвергли предложение коряков объединиться и пойти походом на русских¹.

Из-за всех этих причин карательные экспедиции россиян не приводили к кардинальному изменению положения и постановке чукчей под высокую руку государя, поэтому сибирские власти уже с середины XVIII в. были вынуждены сменить «кнут» на «пряник» и договариваться с противником, стараясь не обращать внимания на их набеги и минимизировать ущерб от них. К последней четверти XVIII в. чукчи уже остро нуждались в российских товарах, посему и примирение им было выгодным. Что не могли сделать ружья и пушки, сделали табак, водка и эпидемии: в течение XIX в. чукчи постепенно утратили былую воинственность². Однако сибирские власти воздерживались от вмешательства во внутренние дела чукчей, среди последних до конца XIX в. не было царской администрации, они жили по своим племенным обычаям, сохраняли традиционные верования. Впрочем, былая вражда все же давала о себе знать: некое отчуждение и боязнь чукчей существовали у русских, живших в Восточной Сибири, даже в третьей четверти XIX в., а именем чукчей пугали детей³. Лишь после Октябрь-

¹ Датировка великого корякского восстания по А. С. Зуеву (2004: 70, 74).

² Ср.: Вымирание инородцев 1914: 3.

³ Отчуждение с чукчами: Суворов 1867: 17–18; ср.: Кибер 1824: 116–117; Аргентов 1857а: 15–16; Нейман 1871. Т. I: 17; испуг детей: Нейман 1877. № 3–4: 89.

ской революции, в конце 1920-х — начале 1930-х гг., на Чукотке произошли коренные социально-экономические преобразования, которые привели к кардинальным изменениям в укладе жизни местного населения.

Нижеприведенный хронологический обзор показывает общую канву событий, по которой читатель может представить напряженность борьбы. Что было до середины XVII в., мы, как уже говорилось, можем лишь догадываться по глухим воспоминаниям, сохранившимся в фольклоре. Об интенсивности боевых действий на Чукотке свидетельствуют подсчеты историка Н. П. Отке и фольклориста М. К. Такакавы: всего было насчитано около 220 топонимов, связанных с военными действиями, преимущественно в Беринговском и Анадырском районах¹. Конкретные же исторические события можно восстановить лишь после появления информации о них в письменных источниках.

Для удобства восприятия информации о войнах чукчей с другими этносами сведения о них объединены в таблицу. При чтении таблицы следует иметь в виду численность населения и отрядов в Восточной Сибири. Самих чукчей насчитывалось приблизительно десять тысяч человек, а в якутском казацком полку, контролировавшем Восточную Сибирь, было около 1500 служилых (1727 г.). Этим объясняется и незначительное, по нашим меркам, количество казаков в экспедиционных отрядах. Для увеличения отрядов привлекались торговые и промышленные люди, а также воины ясачных местных жителей. Поскольку в племенном обществе боеспособные мужчины составляли пятую или четвертую часть населения, то войско чукчей в 2000 человек соответствовало в процентном отношении гигантскому войску персидского царя Ксеркса в 480 г. до н. э. или армии Наполеона в 1812 г.

¹ Сообщение Н. П. Отке (Анадырь, октябрь 2013 г.).

СОБЫТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУКОТКИ

1642, лето — казак Д. М. Зырян (Ярило) с 15 товарищами впервые встретили чукчей, сопровождавших юкагиров, на р. Алазея, к западу от Колымы. Требование казаков платить ясак чукчи и юкагиры отвергли¹.

1644 — возведено Нижнеколымское зимовье — база для дальнейшего продвижения на восток.

1648, 20 сентября — С. И. Дежнев во время своей экспедиции столкнулся на Чукотском носу с «пешими чукчами», скорее всего, с эскимосами.

1648, 26 ноября — 23 декабря — экспедиция из Нижнеколымска казака И. Б. Пинегы с целью приведения в подданство «князцов» немирных чукчей Ауна и Тыки. Покупка пяти моржовых бивней. При возвращении назад 30 чукчей подошли на полверсты (ок. 0,5 км) к Нижнеколымскому зимовью².

1649, зима–весна — три похода нижнеколымских казаков на чукчей. Два первых похода были неудачны, до врагов не дошли; во время же весеннего похода 12 казаков нашли у моря в тундре «юрты», где и произошел бой, причем один служилый был смертельно ранен³.

1649 — постройка С. И. Дежневым Анадырского зимовья, которое позднее было укреплено и стало острогом в 1659–1660 гг. Острог служил казакам базой для продвижения на север, на Чукотку⁴.

1649, сентябрь–октябрь — поход на чукчей нижнеколымских казаков во главе со М. В. Стадухиным⁵.

1653, июль — поход Ю. Селивестрова на чукчей, так как они в устье Алазеи «побили» русских торговых и промышленных людей⁶.

¹ Оглоблин 1903: 54; Орлова 1951: 134–135; Белов 1952: 58, примеч. 1; Иванов 1999: 102; Зуев 2002: 191–192; Нефёдкин 2016б: 57–58.

² Белов 1952. № 76: 217; Гурвич 1966: 48; Нефёдкин 2016б: 62–63.

³ ДАИ. 1848. Т. III. № 56: 212; 1851. Т. IV. № 4: 8; Гурвич 1966: 48; Нефёдкин 2016б: 64–65; ср.: Вдовин 1965: 103.

⁴ Орлова 1951. № 159: 398–399; Вдовин 1959: 23–24; Нефёдкин 2016б: 127.

⁵ ДАИ. 1867. Т. IV. № 4: 8; Вдовин 1965: 103; Гурвич 1966: 48; Нефёдкин 2016б: 65–66.

⁶ Вдовин 1944: 254; 1965: 103; Зуев 2002: 206; Нефёдкин 2016б: 68–69.

1656 — чукотский «князец» Мита был взят в плен юкагирами в декабре 1655 г. и отдан заложником в Нижнеколымск. Более 200 чукчей осадили Нижнеколымское зимовье, используя осадные щиты, вылазка казаков с целью деблокировать осаду. Весной 1656 г. русские отпустили Миту в обмен на троих его родственников; осенью 1656 г. Мита напал на ясачных юкагиров, несущих ясак на зимовье¹.

1659, лето — чукчи Миты напали на русских около Нижнеколымска во время рыбной ловли, убив двоих и ранив троих, после чего, 8 июля, отряд, состоящий из 19 служилых и «охочьих» людей и около 150 юкагиров, отправился в поход на врагов².

1660, июнь — 24 сентября — анадырский приказчик (комендант) К. А. Иванов с 22 служилыми и промышленными людьми направился из острога на одном коче на промысел «моржового зуба» по реке Анадырь к Чукотскому носу. Двухдневный бой с приплывшими на девяти байдарках чукчами, которые были разбиты и обращены в бегство. На южном берегу Чукотки (бухта Провидения?) еще один бой с чукчами; после неудачной попытки моржового промысла возвращение назад³.

1662 — чукчи осаждают Нижнеколымск, убивают на рыбных промыслах русских и юкагиров, чем был вызван поход на них М. Колесова⁴.

1676 — чукчи нападают на алазейских и нижнеколымских юкагиров: убивают мужчин, уводят жен и детей, угоняют стада оленей, громят амбары и лабазы. Недостаток служилых на Колыме для обороны от чукчей⁵.

1679 — служилые в Нижнеколымском зимовье (10 казаков) не могут выходить за дровами и на рыбную ловлю вследствие постоянной угрозы нападения со стороны чукчей⁶.

1682–1688 — нападения чукчей на юкагиров и русских в окрестностях Анадырска⁷.

¹ КПМГЯ. № 25: 64; Вдовин 1965: 104; об осаде: АИИ, ф. 160, № 383, ст. 75–76; Белов 1952. № 97: 258; Вдовин 1965: 104; Нефёдкин 2016б: 69–73.

² КПМГЯ. № 25: 64; Вдовин 1944: 258; 1965: 104; Гурвич 1966: 48–49.

³ Белов 1952. № 102: 269; 1956: 526; Зуев 2002: 213; Нефёдкин 2016б: 127–129.

⁴ КПМГЯ. № 30: 69; Вдовин 1944: 254; 1965: 104; Нефёдкин 2016б: 73.

⁵ АИИ, ф. 160, № 665, ст. 36; КПМГЯ. № 190: 239; Вдовин 1944: 257; Нефёдкин 2016б: 75–76.

⁶ КГМГЯ. № 192: 241; Вдовин 1965: 104; ср.: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 3–4: 9; Нефёдкин 2016б: 77.

⁷ ДАИ. 1867. Т. X. № 78–VI: 351; ПСИ. Кн 2. № 122: 524, Гурвич, Кузаков, 1960: 43; Вдовин 1965: 111; Нефёдкин 2016б: 130–131.

1685, ноябрь — более сотни чукчей подъезжало к Нижнеколымскому зимовью, около которого убили четырех служилых, а 18 ясачных юкагиrow было убито на Колыме; ответный неудачный поход казаков¹.

1687, зима — чукчи несколько раз подъезжали к Нижнеколымскому зимовью, имея намерение взять его, двое служилых были убиты².

1687, лето — приморские чукчи сдают сборщикам из Анадырска в качестве ясака моржовые бивни, по клыку с мужчины³.

1688, 6 декабря — нападение чукчей на спящий отряд анадырского приказчика пятидесятника В. Ф. Кузнецова, шедшего «Олюторским морем» на юг, россияне перебиты⁴.

1692 — поход анадырцев во главе с приказчиком сыном боярским С. Чернышевским к устью Анадыря на чукчей, «побито» 16 чукотских «юрт»⁵.

1702, апрель — июнь — поход казаков во главе с А. Чудиновым из Анадырска на чукчей в защиту ясачных юкагиrow-ходынцев. В нем участвовали 24 россиянина, 110 юкагиrow и коряков. Бой в Анадырском носу с 300 оседлыми чукчами, из которых более 200 были убиты, а остальные бежали. На следующий день бой в течение всего дня с отрядом, более чем 3000 оленных и оседлых чукчей, из которых многих «побили», потеряв ранеными 70 служилых и юкагиrow. Россияне, просидев в осаде пять дней, отступили в Анадырск⁶.

1708 — поход колымского приказчика И. Енисейского за ясаком на чукчей, которые в очередной раз отказались платить дань, было «побито» 12 чукотских «юрт»⁷.

¹ АИИ, ф. 160, № 881, сст. 40; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 130–131; Вдовин 1944 254; 1965: 104, Гурвич, Кузаков 1960: 43; Зуев 2002: 223; Нефёдкин 2016б: 78–80.

² ДАИ. 1867. Т. X: 357; Нефёдкин 2016б: 80–81.

³ Зуев 2002: 67, 224; ср.: Вдовин, 1965: 110.

⁴ Богораз 1934: 44; Полевой 1976: 132; Леонтьева 1997: 60; Зуев 2002: 224–225; Нефёдкин 2016б: 132–133.

⁵ ПСИ. Кн 1. № 102: 433; Полевой, 1976: 132; Леонтьева 1997: 59–60; Нефёдкин 2016б: 135–136. Возможно, осенью 1699 г. состоялась направленная против чукчей экспедиция анадырцев к устью реки в защиту коряков и по их просьбе (Леонтьева 1997: 109; Зуев 2002: 235).

⁶ ПСИ. Кн 2. № 122: 525–526; Нефёдкин 2016б: 136–138.

⁷ ПСИ. Кн 1. № 102: 435–436, Гурвич 1966: 49; 1982: 201; Нефёдкин 2016б: 81–82.

1709 — «шалаги-чукчи» убили семерых казаков во главе с Данилом Бусормановым, приплывших к востоку от Колымы в устье Большой реки (Раучуа)¹.

1710, январь — к Нижнеколымску в последний раз подошли местные чукчи, один из которых был взят в плен².

1711, 13 января — сентябрь — морской поход казаков во главе с П. И. Поповым из Анадырска на Чукотский полуостров за ясаком. Очередной отказ чукчей платить дань, хотя некоторые оседлые жители ее все же дали³.

1716–1721 — военные действия между тундровыми колымско-алазейскими и «каменными» (т. е. носовыми) чукчами. «Ледяной поход» тундровых чукчей на запад вплоть до Енисея, во время которого происходят боевые действия с русскими и якутами, тунгусами и та-вгами — предками нганасанов⁴.

1725–1773 — около 50 набегов чукчей на кочевых коряков в основном с целью захвата оленей. По подсчетам капитана Т. И. Шмалева на основании данных канцелярии в Анадырске и позднее, в Гижиге, в ходе этих набегов было захвачено 239 300 оленей, несколько сот женщин и детей. Возможно, количество захваченных домашних оленей преувеличено потерпевшими ущерб коряками⁵.

1727–1778 — «Чукотская война» — серия военных действий российских отрядов, направленных центральной или местной властью. Первый период войны (1727–1732) ознаменован походами А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого. Затем последовали постоянные набеги чукчей на коряков — подданных империи, вынудившие сибирские власти перейти в наступление, период 1742–1752 гг. ознаменован активным наступлением россиян. С 1756 г., ввиду бесперспективности борьбы с чукчами, начались активные переговоры, окончившиеся миром в 1778 г.⁶

1727, август — 1730, март — «партия» (сухопутный отряд) во главе с казачьим головой (полковником) А. Ф. Шестаковым и капитаном

¹ ПСИ. Кн. 2. № 124: 527–528; Вдовин 1972: 102; Нефёдкин 2016б: 89; ср.: Зуев 2002: 244–245 (с неверным указанием численности погибших).

² ПСИ. Кн. 2. № 124: 527–528; Богораз 1934: 45; Вдовин 1972: 102; Нефёдкин 2016б: 89.

³ ПСИ. Кн. 2. № 108: 456–459; КПЦ № 57: 156–158; Нефёдкин 2016б: 140

⁴ Элерт 1991: 27–30; Зуев 2009: 27; Нефёдкин 2013; 2016б: 83–89.

⁵ Вдовин 1965: 65; Гурвич 1982: 204; Нефёдкин 2016б: 238–259. И. С. Вдовин (1965: 18, 65) считает, что было угнано лишь около 45 000 животных.

⁶ Окунь 1935а: 65–86; Зуев 1999а: 134–138; Нефёдкин 2016б: 144–229.

Д. И. Павлуцким должна была привести в подданство «немирных» коряков, а затем и чукчей. Поход из Тауйского острога против «немирных» оседлых коряков. Отряд А. Ф. Шестакова состоял примерно из 150 человек, из которых 19 были русскими, а остальные — эвенками, коряками и якутами¹.

1730, 14 марта — отряд А. Ф. Шестакова, узнав о нападении чукчей на оленных коряков, двинулся вперед. Русские преследовали чукчей и столкнулись с ними у реки Егаче (позднее — Шестаковка), впадающей в Пенжинскую губу. Россияне потерпели поражение и потеряли самого А. Ф. Шестакова, дворянина якута Б. Жертина, 10 казаков, 6 якутов, 11 ламутов и 1 коряка; чукчи захватили знамя, 12 фузей, 3 винтовки, 12 ручных гранат, 12 железных куяков².

1731, 12 марта — 21 октября — первый поход капитана Тобольского драгунского полка Д. И. Павлуцкого из Анадырска на Чукотку с большой, по восточносибирским меркам, армией (236 казаков, 280 коряков и юкагиров) с целью наказать немирных чукчей и отбить захваченных оленей³. Убито от 800 до 1462 чукчей, захвачено 160 пленных, угнано до 40 000 оленей, возвращены ружья, 12 железных куяков и вещи А. Ф. Шестакова, освобождено 42 коряка и 2 русских; потери капитана — 23 человека⁴.

1731, 7 и 30 июня, 14 июля — три фронтальных сражения капитана Д. И. Павлуцкого с чукчами: первое — на берегу Чукотского моря, при впадении в него какой-то реки; второе — где-то внутри Чукотского полуострова; третье — у горы Сердце-Камень. Во всех сражениях превосходящие по численности силы чукчей были разбиты.

¹ КПЦ. № 60 160; Сгибнев 1869: 12–15, Греков 1960: 45–49; Зуев 1999; 2002: 56–63; Нефёдкин 2016б: 144–155. Л. А. Гольденберг (1985: 43) на основании архивных данных отмечает, что из Тауйского острога вышло 107 человек: 17 служилых, 1 писарь, 30 оленных эвенов, 30 охотских пеших эвенов, 10 якутов, 19 коряков (Зуев 2002: 59). Г. Майдель (1894: 545) насчитывал в отряде А. Ф. Шестакова 23 казака, 48 эвенков, 20–30 коряков, 13 эвенов, 10 якутов.

² Зуев 2002: 63; Нефёдкин 2003: 240–244; 2016б: 150–155; ср.: Сгибнев 1869: 16.

³ По сообщению Г. Ф. Миллера (1758: 406), который собрал устные свидетельства об этом походе, в последнем принимали участие 215 россиян, 160 коряков и 60 юкагиров (об этом же числе говорит и А. С. Сгибнев (1869: 28, ср.: Щукин 1852: 6–10; 1854: 421–426; Зуев 2001: 20)).

⁴ КПЦ. № 59; Миллер 1758: 406–408; Берх 1819: 13–15; Сгибнев 1869: 30; Зуев 2001: 24–31; 2009: 70–74; Нефёдкин 2016б: 156–169.

1732, 27 мая — 25 июля — речной поход Д. И. Павлуцкого из острога по Анадырю к устью реки для действия против «немирных чюкоч», однако последних не нашли¹.

1733, февраль — отряд из 600 чукчей угнал казенное стадо оленей из-под Анадырска, убил 12 казаков и некоторое количество коряков, жен и детей которых увели в плен².

1734 — отпуск из Анадырска пленного чукчи, одетого в инфицированную оспой одежду; эпидемия оспы у чукчей продолжалась до 1736 г.³

1737 — отряд чукчей подошел к Нижнекамчатскому острогу в центре Восточной Камчатки, убито 6 служилых и камчадалов⁴.

1738, март — чукчи подошли к Анадырску, убили 8 служилых и 20 ясачных коряков⁵.

1740, 25 ноября — указ сената о прекращении походов против чукчей из-за их бесперспективности вследствие отдаленности территории и неудобства пути⁶.

1741, 22 августа — убийство 12 чукотских старейшин на переговорах на Анадыре по приказу сотника В. Шипицына⁷.

1742, 3 февраля — в связи с непрекращающимися набегами чукчей на коряков сенат издал указ об истреблении и депортации «немирных» чукчей: «На оных немирных чюкоч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе, точию которые из них пойдут в подданство Ее Императорского Величества, оных, также жен их и детей взять в плен и из их жилищ вывести и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам...»⁸.

1744, 2 февраля — 26 сентября — на Чукотку отправилась огромная, по восточносибирским меркам, экспедиционная армия майора Д. И. Павлуцкого — 644 человек, из них 407 были русскими, 170 —

¹ ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 245; Зуев 2001: 36–37; 2009: 83; Нефёдкин 2016а: 44–45; 2016б: 173–175.

² ЭБ: 129; Сгибнев 1869а. № 4: 130; Вдовин 1965: 119; Нефёдкин 2016б: 175–176.

³ АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 13; Элерт 1996: 258; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 104.

⁴ Сгибнев 1869а. № 5: 57; Вдовин 1965: 119; Гурвич 1982: 203; Нефёдкин 2016б: 176.

⁵ ЭБ: 129; Сгибнев 1869а. № 5: 57; Вдовин 1965: 119; Нефёдкин 2016б: 176.

⁶ КПЦ. № 60: 161.

⁷ Нефёдкин 2016б: 177–180.

⁸ КПЦ. № 61: 163; Зуев 2002а: 19.

коряками, 67 — юкагирами. Крупных битв не было. 15 марта у горы Сердце-Камень отряд майора нашел стойбище из семи яранг, где перебил 88 чукчей, в плен был взят десятилетний мальчик Тангитан — будущий казак Николай Дауркин. У чукчей захвачено 4620 оленей, которые, впрочем, все были употреблены в пищу во время возвращения экспедиции, убито 360 и в плен взято 94 человека¹.

1745, 4 июня — 4 сентября — экспедиция Д. И. Павлуцкого из Анадырска вниз по реке на 12 шитиках для оленьего и рыбного промысла; 14 августа у устья Красной реки — морской бой с отходящими чукчами, у которых захвачено 17 байдар и 22 пленных².

1746, 18 марта — 21 мая — очередная экспедиция Д. И. Павлуцкого с отрядом, в котором было 250 солдат и казаков и 150 коряков и юкагиров, из Анадырска к Чаунской губе; разгром пяти встреченных «юрт», бой с 16 чукчами (14 апреля). Отбито 650 оленей, а также двое пленных коряков, захвачено в плен двое подростков и столько же женщин. В целом поход малоудачен³.

1747, 12–14 марта — последний поход из Анадырска против чукчей майора Д. И. Павлуцкого с отрядом из 299 солдат и казаков, а также коряков. 12 марта чукчи угнали в устье р. Орловой семь табунов, принадлежавших корякам и служилым. Майор выступил за ними в погоню и утром 14 марта догнал на р. Орловой 400–500 чукчей; последние разгромили авангард майора, насчитывавший 97 россиян и 35 коряков. Д. И. Павлуцкий погиб, с ним погибли 32 россиянина и 11 коряков. Желание служилых отправиться в погоню за чукчами не осуществилось из-за нехватки ездовых оленей⁴.

1749, 30 мая — 25 июля — поход поручика С. Кекерова на десяти судах из Анадырска вниз по реке для промысла рыбы и оленей, а также поиска и разгрома чукчей, но последних не нашли⁵.

1750, 7 августа — 5 сентября — второй поход С. Кекерова против чукчей вниз по Анадырю, бой с пешими чукчами в устье р. Красной⁶.

¹ РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 14–16; КПЦ. № 62: 163–165; Стрелов 1916. № 62: 267; Майдель 1925: 23; Зуев 2009: 119–122; Нефёдкин 2016б: 180–192.

² РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 16 об. — 17; КПЦ. № 63: 165–166; Зуев 2004а: 216–217 = 2009: 123–124; Нефёдкин 2016б: 192–196.

³ КПЦ. № 64: 168–169; Зуев 2009: 125; Нефёдкин 2016б: 196–197.

⁴ КПЦ. № 65–66; Окунь 1935а: 79; Нефёдкин 2003: 244–249; 2016б: 197–203.

⁵ Сенатский архив. 1897. Ч. VIII: 301; Словцов 1886. Кн. 2: 79; Окунь 1935а: 80; Зуев 2009: 140–141; Нефёдкин 2016б: 204–205.

⁶ Зуев 2009: 141–142; Нефёдкин 2016б: 205–206; ср.: Майдель 1894: 562–563; Окунь 1935а: 80; Гурвич 1966: 114; Сафронов 1988: 43.

1751, 6 августа — 1 сентября — первый поход по Анадырю нового коменданта острога капитана В. Шатилова на чукчей, в котором участвовало 180 солдат и казаков на 10 судах. Отряд спустился по реке Анадырь до Красного Яра. Неудачная попытка переговоров. Промысел оленей, переправлявшихся через реку. Бесплодная попытка чукчей тайно напасть на русских 14 августа, погоня за чукчами¹.

1752, 9 августа — 2 сентября — вторая морская экспедиция В. Шатилова вниз по Анадырю на 11 судах, в которых находилось 180 человек. Чукчи, узнав о походе, отошли; капитан гнался за ними 80 верст (85 км) и взял в плен 2 ребят, 10 женщин и девочек, захватил 1 куюк, 15 байдар и 40 веток, а также пушнину. Затем промыслили оленей на реке. Пленных продали с молотка, а трофейные лодки распределили между служилыми².

1752, 25 октября — начало ноября — чукчи напали и убили на Чукотской реке (к западу от Колымы) партию из шести русских, пришедших из Нижнеколымска для промысла³.

1754, март — 500 чукчей в 35 верстах от Анадырска напали на восемь «юрт» юкагиров, а также на русских, возвращающихся с охоты в острог; взяли в плен казака Б. Кузнецкого⁴.

1756, 4 июля — 20 августа — изменение политики правительства, рекомендация действовать с чукчами «лаской». Попытка секунд-майора И. С. Шмалева, командира Анадырска, договориться с чукчами об уплате ясака по шкуре лисы с человека без взятия заложников-аманатов. Прощение от имени императрицы вины чукчам. Неожиданный уход с переговоров чукчей, испугавшихся хитрости со стороны россиян⁵.

1756 — брат «главного коряцкого князца» Эйгеля Ивака Лехтелев заключил с чукчами мир и пригласил последних в свою землю. Чукчи перешли Анадырь, заключили браки с коряками и поселились на

¹ КПЦ. № 67: 174–176; Окунь 1935а: 80; Зуев 2009: 143–144; Нефёдкин 2016б: 207.

² КПЦ. № 68: 176–179; Сгибнев 1869а. № 5: 84; Окунь 1935а: 81; Нефёдкин 2016б: 207–211.

³ ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 66, 173–174; Вдовин, 1944: 254; Нефёдкин 2016б: 118–119.

⁴ КПЦ. № 70; Гурвич 1957; Нефёдкин 2016б: 264–266.

⁵ АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; КПЦ. № 69: 179; Федорова 1971: 157; Нефёдкин 2016а: 98–100; 2016б: 212–215.

р. Хатырка, однако уже через год (в 1757 г.) коряки, поссорившись, переехали чукчей¹.

1756, 4 декабря — набег 200 чукчей на живших в 25 верстах от Анадырска юкагиров, стойбище которых они разгромили, угнали оленей и унесли имущество. Возвращение без результата 200 солдат и казаков, посланных на лыжах и собачьих нартах, преследовать чукчей. Переселение оставшихся 10 юкагирских женщин в Анадырск².

1759, апрель — около 200 чукчей пришли к укинскому берегу (Северо-Восточная Камчатка), закололи казака, едущего собирать ясак с аляutorцев, отбили у коряков собак и оленей, убив 9 мужчин и пленив женщин и детей. Затем, соединившись с другими чукчами, подошли (или хотели подойти) под Анадырск, где был голод, после вскрытия реки, тем не менее поручик С. Кекеров смог выплыть на оленьи и рыбные промыслы в низовье Анадыря, обеспечив тем самым россиян продовольствием³.

15 марта 1764 – 3 марта 1771 — упразднение Анадырского острога с большим, по сибирским меркам, гарнизоном в 588 человек (303 солдата, 285 казаков) как нерентабельного и не смогшего выполнить свои функции по защите ясачных народов; только за 1710–1764 гг. содержание острога обошлось казне в 1 381 007 руб., тогда как собранный ясак составил 29 152 руб. Указ сената об упразднении последовал 5 марта 1764 г., 15 марта был подписан императрицей, а повторный указ последовал 11 июня 1764 г. Жители Анадырска переселились в Нижнеколымск и Гижигу, пушки и снаряды были зарыты, укрепления и дома сожжены, Спасская церковь разобрана и пущена на воду⁴.

1768, февраль — под Гижигой отряд из сотни служилых при помощи коряков разбил чукчей, совершавших набег на оленных коряков; возвращение угнанных у коряков оленей⁵.

¹ Вдовин 1965: 69, 129; 1973: 258; Зуев 2009: 169, 173; Нефёдкин 2016а: 156–157; 2016б: 248–249.

² РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 36–38 об.; АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; Алексеев 1961: 20, Вдовин, 1965: 76, 124; Зуев 2009: 169–170; Нефёдкин 2016а: 99; 2016б: 266–268.

³ РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 47; Сгибнев 1869а. № 5: 84, Богораз 1934: 50; Гурвич 1966: 106; ср.: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 584; Нефёдкин 2016а: 100–101.

⁴ АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 584 об.; КПЦ. № 75: 191; Мамышев 1809: 25; Шаховской 1822: 287, 305; Литке 1948: 226; Богораз 1934: 52; Вдовин 1960: 47; Зуев 2009: 187–199; Нефёдкин 2016а: 102; 2016б: 218–224.

⁵ Вдовин 1965: 135; Зуев 2007а: 292; 2009: 206; Нефёдкин 2016б: 253–254.

1768, март — сентябрь — 15 коряков пошли в поход к Чаунской губе, во время которого были захвачены три женщины и стадо в 400 оленей — один из примеров наступательной стратегии коряков¹.

1769, март — май (или позднее) — 80 коряков в походе на чукчей дошли до Чаунской губы, где на острове ночью напали на чукотскую ярангу, мужчин убили, женщин увели, два табуна угнали².

1775, март — отряд из 130 оленных чукчей, угнавший сначала оленей у коряков, после встречи с Н. Дауркиным направился для переговоров с русскими у Гижиги, где возникли разногласия по поводу выдачи чукчами заложников. Чукчи стали отходить от острога, угнав у коряков десять ездовых оленей. Русские и коряки преследовали чукчей и затем атаковали их (9 марта). Убито 54 чукчи, 40 женщин и детей взято в плен, у россиян — двое убитых и 12 раненых³.

1777, март — набег 180 чукчей на оленных коряков в районе р. Апука и Пахача⁴.

1778, 4 марта — договор в Гижигинске о принятии в российское подданство с выплатой ясака между представителем российских властей Т. И. Шмалевым и «главным чукотским тойоном» Амулятом Хергынтовым и «тойоном Северного Ледовитого моря» Аеткимом Чымкычыном⁵.

1779, 11 октября — указ Екатерины II о принятии чукчей в российское подданство и освобождении их от ясака на 10 лет в связи со случившимся у них мором. В подходящих местах на побережье велено развесить российские гербы в знак принадлежности этой территории России (в 1781 г.)⁶.

1781 — в Гижигинске капитан Т. И. Шмалев договорился с тойоном Амулятом о прекращении нападений на коряков⁷.

¹ Зуев 2009: 208–209; Нефёдкин 2016б: 254–255.

² РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 48 об.; Вдовин 1950: 55; 1965: 66; Зуев 2009: 208; Нефёдкин 2016б: 255.

³ Шаховской 1822: 306; Две записки 1873: 360, 362, 365–366; Алексеев 1961: 61; Вдовин 1965: 66, 135; Зуев 2009: 216–221; Нефёдкин 2016б: 225–227.

⁴ РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 42–42 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 5 об.; Вдовин, 1965: 136; Зуев 2009: 233; Нефёдкин 2016б: 257.

⁵ Зуев 2006а: 26–37; 2009: 242–244; Нефёдкин 2016б: 227–229.

⁶ Алексеев 1961: 63, Зуев 1999а: 137; 2009: 242–243; 2009а: 86; Нефёдкин 2016б: 228.

⁷ Шаховской 1822: 289; Вдовин 1965: 66, 69; Зуев 2009: 257; Нефёдкин 2016б: 259.

1784, январь — несостоявшийся поход на оленных коряков чукчей во главе с Камуху с «Ледовитого моря», который, уже выступив в поход, отказался от своего намерения из-за уговоров Амулята¹.

1788, февраль — по просьбам чукчей для торговли с ними организована ярмарка в устье р. Ангарки у ее впадения в Большой Анюй.

1789 — зашиверский земской капитан-исправник И. И. Баннер, которому подчинялся Колымский округ, убедил часть чукчей (581 человек) присягнуть на верность императрице и платить ясак по одной красной лисице с лука в обмен на подарки².

1790 — разгром чукчами русской торговой фактории на р. Анадырь³.

1806 — разгром чукчами русской торгово-промышленной Майнской фактории на Анадыре⁴.

1806, лето — последний набег чукчей на байдарках на Нижнеколымск⁵.

1822 — «Устав об управлении инородцев»: чукчи живут по своим законам и судятся собственным судом, ясак — шкура лисицы с лука (с одного мужчины) — платится по желанию⁶.

1837 — назначение начальником (тойоном) чукчей Ятыргына — установление системы тойоната для удобства управления западными (заколымскими) оленеводами.

1840 — морской набег приморских чукчей на островных эскимосов в Беринговом проливе (вероятно, на о. Св. Лаврентия)⁷.

1848 — прибытие в Берингов пролив первого американского китобойного судна «Superior» — начало активного американского промысла и торговли в регионе⁸.

1857 — «Свод законов Российской империи» о правах сибирских народов «без совершенного подданства»: «Они управляются и судятся по своим обычаям и обрядам; суду российскому подлежат они только

¹ Зуев 2009: 258; Нефёдкин 2016б: 259.

² Архив Государственного Совета. 1869: 260; Словцов 1856: 19–22; Нефёдкин 2016б: 230; ср.: Зуев 2009а: 86.

³ Нефёдкин 2016б: 316.

⁴ Нефёдкин 2016б: 317.

⁵ Нефёдкин 2003: 142, примеч. 4; 2016б: 123.

⁶ Богораз 1901: XXVII.

⁷ Аргентов, 1857а: 37, 1886: 30–31, 1887. № 2: 21; Нефёдкин 2016б: 300–301; Nefödkin 2017: 29–30.

⁸ Митчель 1865: 329; Dall 1870: 343; Burch 1988: 238; Нефёдкин 2016б: 321–322.

в случае убийств или насилий на русской земле учиненных»; «Чукчи платят дань по собственному их произволу, как в количестве, так и в качестве»¹.

1869–1870 — колымский исправник барон Г. Л. Майдель разделил колымских чукчей на «роды» и назначил помощников тойона для сбора ясака: по рублю с мужчин в возрасте 15–55 лет и по 50 копеек в возрасте до 15 лет (всего — 247 человек). Упразднение ответных подарков при сдаче ясака, цена которых подчас превышала стоимость сданных шкур².

1888 — организация в Приморской области Анадырского областного управления с центром в селе Марково.

1909 — разделение Анадырского округа на Анадырский и Чукотский уезды (последний с центром в Уэлене с 1912 г.).

1930 — упразднение системы тойоната у западных чукчей на общем собрании бедных оленеводов; еще в 1927 г. взамен власти эрема был номинально избран родовой совет из трех человек³.

1930, 10 декабря — создание Чукотского национального округа в составе РСФСР.

1930 — начало 1952 — период коллективизации. В 1930 г. был создан первый оленеводческий колхоз, началась коренная ломка традиционного уклада жизни чукчей, сопровождавшаяся восстаниями в селах Ваеги и Березово (1940, 1949 гг.); в 1951 — начале 1952 г. завершилась полная коллективизация хозяйств кочевников, произошло разоружение чукчей⁴.

¹ СЗРИ. Т. IX. 1857: 251–252, ст. 1254, 1256; ср.: На крайнем северо-востоке Сибири. 1894: 2; Богораз 1921: 33.

² Майдель 1925: 34; Иохельсон 1895: 155; Кротов 1927: 52.

³ Поляков 1983: 58–68; о родовом совете: Зонов 1931: 53.

⁴ Гарусов 1981: 69–133, 185–186; Вахтин, Головкин, Швайццер 2004: 222; Нувано 2004: 58–61; 2008: 85–90; Райзман 2008: 96–99; Андронов 2008: 102–126. Например, в марте 1941 г. в семье богатого оленевода Гыргольтынау из Пильхинской тундры (Чаунский район) было три американских винчестера, два лука и копьё (Гарусов 1981: 129; Райзман 2008: 98).

Глава I

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Чукотка представляет собой арктическую тундру с хребтами и нагорьями, прерываемыми болотами, реками и озерами. На юге, в бассейне реки Анадырь, растут береза, тополь, хвойная лиственница. Средняя температура июля — около +8 — +9 °С, января — около — 27 °С (данные 1960-х гг.)¹.

В XVII — XVIII вв. основная масса чукотского населения была кочевниками-оленоводами. Те, кто по каким-либо причинам терял свой стада, становились оседлыми жителями, перенимая культуру приморских эскимосов, на что прямо указывали капитан Г. А. Сарычев (1763–1831) и позднее доктор А. Э. Кибер (1794–1855)². В русских источниках эти две группы населения именуются «оленными» и «пешими». Выделять некую третью промежуточную группу «сидячих» чукчей, которые были полuosедлыми, владея лишь ездовыми оленями³, как представляется, источники не позволяют — малооленных стоит считать кочевыми. Лишь во второй половине XIX в. по мере оскудения морских природных ресурсов (в основном из-за хищнического промысла американских китобоев) часть оседлых жителей стала обзаво-

¹ Ср.: Овсянников 1930: 79.

² Сарычев 1952: 185; Кибер 1824: 88; Дитмар 1856: 33.

³ Вдовин 1950: 81; Михайлова 1996: 179; Зуев 2009: 28; не выделяют: Мерк 1978: 98–99; Литке 1948: 219; Вдовин 1971а: 54; Гурвич 1966: 50–52. О явной синонимичности названий см.: Шаховской 1822: 298, примеч. 3; ЭМ: 169 (об оленных и сидячих / пеших коряках).

даться оленями для ведения комплексного хозяйства или вообще уходить к оленеводам.

Судя по описанию К. Мерка, еще в конце XVIII в. основное население побережья было эскимосским¹. До XIX в. в русских источниках эскимосы не выделяются в отдельный этнос, а просто именуются «сидячими чукчами». По предположению лингвиста А. А. Бурькина, эскимосов стали называть чукчами, поскольку они вели свои переговоры по-чукотски². В начале 1820-х гг. путешественник Ф. П. Врангель (1796–1870) именовал азиатских эскимосов онкилонами (от чук. *ан'к'альын* — «приморский»), а чуть позднее Ф. П. Литке (1797–1882) назвал оседлых жителей намолло от корякского *нымылг'ын* — «береговые жители». Эскимосов островов Берингова пролива и Аляски служилые называли «зубатыми чукчами» из-за пары лабреток, носимых мужчинами в прорезях нижней губы, — отличительное украшение полноправных членов социума (по-чукотски: *йыкыргавылыт* — «дыряворотые»)³. В общем же, когда источники середины XVII — начала XIX в. говорят об оседлых чукчах, под последними подразумеваются в первую очередь эскимосы. Основными племенами последних в XVIII в. были уэленцы, чаплинцы, науканцы, аваньцы, сиреникцы, имакликцы — жители островов Диомиды. Всего же насчитывалось 150 поселений, где компактно жили азиатские эскимосы⁴.

Как считается, с течением времени в хозяйстве чукчей все большее значение приобретала не охота на дикого оленя, а домашнее оленеводство. По словам Г. Ф. Миллера (1730-е гг.), самыми богатыми оленями в Сибири были ненцы-юраки и чукчи, которые владели стадами более 200–300 голов, но уже в 1750-х гг. у богатых чукчей было по 1000 и более оленей, у бедных лишь по 10–20, в среднем же — по несколько сотен животных; ведь уже при наличии сотни голов в стаде

¹ Мерк 1978: 98–100; Долгих 1960: 550–551.

² Бурькин 2006: 216–217.

³ Врангель 1948: 311; Литке 1948: 219–226; Замечание о чукчах. 1835: 483; Замечания о чукчах 1835: 356–357; Чукчи и земля их. 1851: 485; Григорьев 1876: 571; Dall 1877: 12–15; Нордквист 1880: 95; 1881: 434; Jochelson 1928: 60, 62; Богораз 1921: 20; 1934: 9; Леонтьев 1976: 7, 179; 1982: 152; Krauss 2005: 177.

⁴ Богораз 1909: 182; Jochelson 1928: 62; Долгих 1960: 551–552; Крупник, Членов 1979: 19–29; Членов 1988: 65–69; Богословская, Крупник, Вдовин 2008: 208–211; Богословская 2009: 150, 153; Членов, Крупник 2016: 41–48; ср.: Гондатти 1898: 30–31. На рубеже XIX–XX вв., согласно В. Г. Богоразу (1934а: 105), лишь 16 поселков было эскимосскими и еще два смешанными.

небольшая семья могла жить лишь за счет оленеводства¹. В первой половине XIX в. в результате былых набегов на коряков количество оленей у чукчей значительно возросло. Так, в 1820-х гг. середняки имели до 1000 животных, бедные — несколько сотен, а богатые — «часто даже не знают им числа»; согласно же миссионеру А. И. Аргентову (1816–1896), в 1852 г. в стаде у западных чукчей насчитывалось от 3000 до 5000 голов, а у двух человек — по 12 000 оленей². С ростом оленьего поголовья связаны и необходимость поиска новых пастбищ, и дальнейшее расселение чукчей на юг за Анадырь и на запад за Колыму³. Чукчам теперь уже сложнее было собрать большие отряды, впрочем, в XIX в. крупномасштабных боевых действий не отмечалось.

Кочевники-олeneводы имели свой цикл кочевания, от которого, в свою очередь, зависело и время военных действий против тех или иных врагов. Чукотская сказка так объясняет причины перекочевки: «Зимой, когда мох покрывался толстой коркой льда и олени не могли пробить ее... угоняли табун в глубь тундры. Весной, когда начались обвалы в горах... угоняли оленей ближе к морю»⁴. Ведь летом на побережье прохладно, меньше комаров и оводов; кроме того, тут можно заняться морским промыслом (май — сентябрь), а зимой в глубине материка стада лучше защищены от ветров. Перекочевки происходили на нартах, в конце апреля — начале мая по последнему снежному покрову и в конце сентября — начале октября по первому снегу⁵.

¹ Миллер 2009: 224; ср.: Элерт 1998: 126; 1999: 96, 121; КПЦ. № 70: 184; Богораз 1991: 9, примеч. 5. Объем стада для прожиточного минимума: Куликов 2002: 64. Как отмечает И. С. Архинчеев (1957: 51), оптимальный размер табуна, удобного для выпаса, составлял 1500–1800 голов (ср.: Антропова 1957: 117; Вольфсон 1991: 52–53), у коряков же обычный табун — около 2000 оленей (Беретти 1929: 47). Согласно В. И. Задорину (2009: 123), стадо в 2000 голов могло прокормить 15–20 человек.

² Кибер 1824: 96; Аргентов 1860 а: 24; 1889: 84; Вдовин 1965: 21; 1987: 50; ср.: Нечто о Сибири 1806. № 8: 95; Щекатов, Максимович 1809: 171; Кибер 1827: 197; Августинович 1880: 716: у некоторых чукчей стадо было по 10 000 голов. Как заметил И. С. Архинчеев (1957: 67, 80), чукчи умели считать только до 400 (ср.: Зонов 1931: 48; Бурыкин 2007: 380). Однако всех своих оленей они узнавали даже не по клейму на ухе, а «в лицо» (ср.: Георги 1777: 79: о коряках).

³ О средней площади для выпаса оленей см.: Васильев 1936: 94; Друри 1936: 110–111.

⁴ Бабошина 1958. № 93: 223.

⁵ Олсуфьев 1896: 122; Друри 1936: 106–110; Тихомиров 1960.

1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КОЧЕВЫХ ЧУКЧЕЙ

Социальная структура кочевых чукчей базировалась на семейных общинах, состоящих из близкородственных семей. Десяток таких стойбищ представляли собой «околоток», фактически «семейно-родственную соседскую общину». Кочевья, располагавшиеся около крупного географического объекта, обычно реки, носили общее локальное название — таких территориальных групп насчитывалось в недалеком прошлом 14¹.

Если описывать некое усредненное стойбище оленеводов первой половины XIX в., то его можно представить следующим образом. Оно чаще состояло из 2–7 яранг, в которых жила группа родственников и лиц, принятых в семейную общину. Причем подчас сами стойбища располагались на значительном удалении друг от друга². Яранга представляла собой почти круглое в плане жилище в форме неправильной полусферы, состоящее из нескольких десятков сшитых оленьих шкур, натянутых на каркас из связанных шестов. Высота летней яранги в центре была примерно 3–4,5 м, а диаметр — 8–10 м, посередине купола было специальное дымовое окно. Зимняя яранга была ниже и меньше в диаметре. В яранге жила большая патриархальная семья. Отдельная семья из нескольких (например 4–6, но не более 15) человек жила в палатке-комнате — пологе. Яранга имела несколько (согласно количеству семей) пологов, стоящих по периметру. Пологи состояли из натянутых мехом внутрь оленьих шкур, верх такой «комнаты» крепился к верху яранги. В каждом пологе имелся светильник-жирник, который обогревал помещение так, что люди тут сидели почти голыми³.

Яранги обычно располагались в несколько изогнутый ряд. Подобное расположение объяснялось удобством при подгоне стада к стойбищу. Первое место в ряду с востока занимала большая яранга наиболее богатого и поэтому, по чукотским представлениям, наиболее

¹ Околоток: Крупник 1989: 90; стойбищные группы: Куликов 2002: 39; ср.: Симченко 1970: 314. Еще в 1823 г. А. Кибер (1824: 93) различал такие основные территориальные группировки чукчей: анадырские, носовые (Чукотский полуостров), беломорские (побережье Северного Ледовитого океана) и чаунские (рго: Литке 1948: 219).

² Винокуров 1890. № 5: 75; Русская миссия. 1890: 98 (от двух до пяти яранг в стойбище); Меновщиков 1988. № 53: 109; № 121: 281; ср.: № 92: 207; Чесноков 1993: 222; Куликов 2002: 58.

³ Кибер 1824: 102; Чесноков 1993: 221–231; Вуквукай 2009: 134–139.

Чукотская летняя яранга в заливе Св. Лаврентия. Фотография рубежа XIX–XX вв. Воспроизведено по: Нефёдкин 2017: 38.

влиятельного члена семейной общины, тогда последней стояла наиболее бедная яранга¹. Олени «переднедомного» (*эттыорралын*) составляли основу стада всего стойбища, поскольку пасти стадо менее 200 голов было нецелесообразно².

Казак Б. Кузнецкий так рассказывал о положении «хозяина стойбища» (1756 г.): «Лучших мужиков яко старшин признают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того, ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы»³. Поэтому, как отмечал Г. А. Сарычев, глава стойбища «может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или худых поступков одними словами». Для решения значимых вопросов войны и мира «хозяин стойбища» проводил собрание

¹ Рубцова 1954. № 16: 236, § 14; Беликов 1982: 200; Меновщиков 1988. № 125: 296; Чесноков 1993: 222; Нефёдкин 2016: 90.

² Беретти 1929: 47; Антропова 1957: 117.

³ КПЦ. № 70: 181; ср.: Георги 1777: 82; Шашков 1864: 67; Антропова 1957: 120; Давыдова 2015: 13; Нефёдкин 2017: 376.

мужчин стойбища, которое могло и не принять совет, рекомендуемый «переднедомным». Вес на совещании имели старики, молодежь же, стоя сзади, слушала обсуждение. Чукотское сказание рассказывает: «Долго спорили воины и не послушали своего вождя...»¹

В патриархальной чукотской семье отец был полным хозяином. Его практически беспрекословно слушались родичи. Поручик А. В. Олсуфьев отметил: «Несмотря на все своеволие и необузданность чукоч, подчинение старшему в семье всех ее членов совершенно беспрекословное». Он мог даже убить членов своей семьи без всяких для него последствий, люди могли лишь осудить его поступок, но не могли вмешаться². Царская администрация также никак не вмешивалась во внутренние дела чукчей, оставляя им право решать споры согласно местным обычаям.

2. СОЦИАЛЬНАЯ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИМОРСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

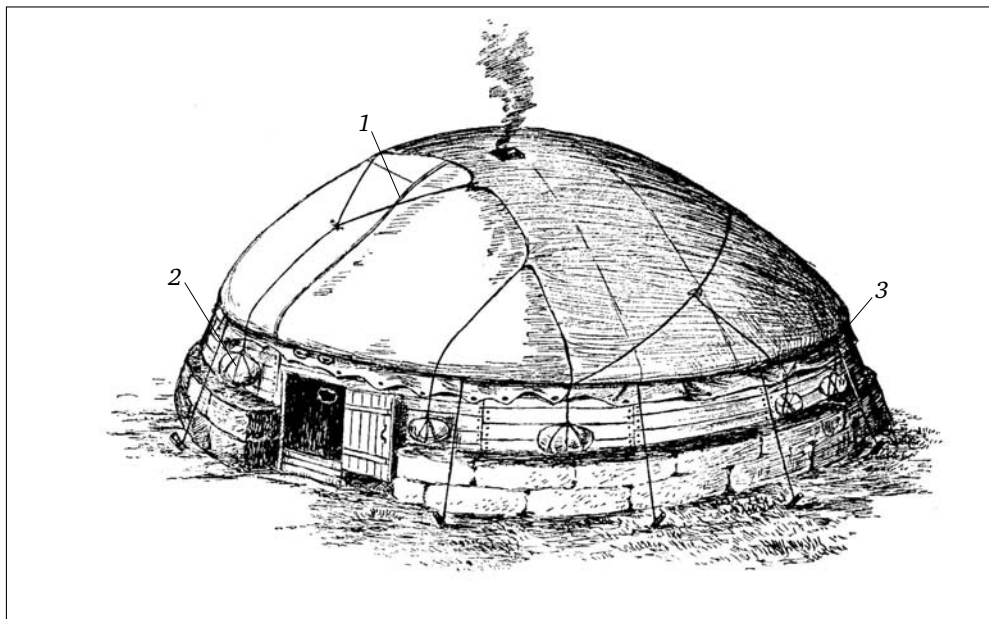
В каждом селении было несколько жилищ, в среднем 2–3 или 6–7. В сказках, например, говорится, что в поселке было пять жилищ, в которых жили братья с семьями³. Древние зимние жилища — большие полуземлянки с каркасом из китовых костей — устраивались на косогоре, на склонах прибрежных сопок, обычно у галечной косы или на возвышенности. Когда позднее внешней опасности уже не было, селения приморских жителей стали располагаться на косе, откуда удобно было усматривать добычу⁴. В зимней полуземлянке могло жить пять семей, в среднем же в ней находилось от трех до десяти семей. Рядом с полуземлянкой устанавливались летние жилища, коли-

¹ Цитата: Сарычев 1952: 186; мнение стариков: Богораз 1934: 178; Лебедев, Симченко 1983: 99; переднедомный: Майдель 1925: 32; ср.: Козлов 1956: 35; цитата чукотского сказания: Бабошина 1958. № 101: 243; Нефёдкин 2016: 106; также см.: Самоубийство 1906: 2; Лебедев, Симченко 1983: 129.

² Цитата: Олсуфьев 1896: 108; ср.: Вуквукай, Коломиец 2012: 42; убийство родственников: Толмачев 1911: 99; Беретти 1929: 19; Тан-Богораз 1979а: 210.

³ Среднее количество жилищ: Григорьев 1876: 571; Текки Одулок 1933: 35; сказки: Меновщиков 1988. № 32: 65; № 88: 196; ср.: № 89: 198.

⁴ Жилища на склонах сопки: Леонтьев 1975: 83; Меновщиков 1987. № 24: 163; 1988. № 120: 280; Леонова 2016: 75–76; ср.: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 47; на возвышенности: Мерк 1978: 106; Членов, Крупник 2016: 44; поселение на косе: Норденшельд 1879: 222; Богословская 2009: 152; Рытхэу 2010: 212.

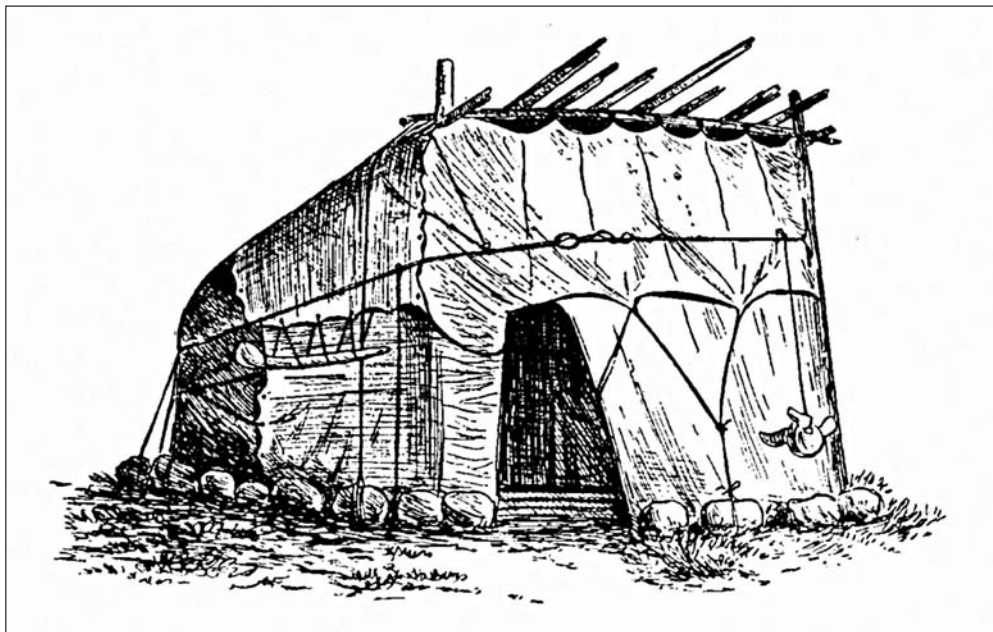

Зимняя яранга азиатских эскимосов (первая треть XX в.). 1 — ремни, натягивающие брезент, 2 — камни-грузы, 3 — ремень, стягивающий конструкцию яранги. Воспроизведено по: Рубцова 1954: 514, рис. 1.

чество которых соответствовало числу семей в зимнем. У эскимосов существовал и родовой мужской дом (*к'легран*) — аналог аляскинского кажима, в котором проходила общественная жизнь, однако со временем он превратился в зимнее жилище нескольких родственных семей¹. Уже к середине XIX в. от полуземлянок в основном отказались². Население стало жить в заимствованных у оленных чукчей несколько модифицированных ярангах, но покрытых моржовыми кожами. Зимняя яранга была круглой, обложенной дерном снизу; в ней находился высокий каркасный полог из оленьих шкур или даже шкур белых медведей, который размещался на возвышающейся площадке. Когда сходил снег, зимние жилища разбирали и обитатели

¹ Вдовин 1950: 97; 1965: 46–47; Леонтьев 1973: 90–94; 1975: 83–86; Леонова 2016: 77; ср.: Богораз 1939: 84–85; Hughes 1984: 244; 1984a: 251.

² Богораз 1909: 180; Сергеев 1962: 42; Леонтьев 1975: 87. Эскимос Накум (Nokum) из бухты Провидения в 1866 г. рассказывал У. Даллу, что его дед строил землянки, а теперь жители живут в ярангах (Dall 1870: 375); т. е. в землянках жили в первой четверти XIX в. В Наукане семья Нутетегина жила в своей полуземлянке вплоть до закрытия поселка в 1958 г. (Леонова 2014: 69, примеч. 1).

Летняя яранга азиатских эскимосов (первая треть XX в.). Воспроизведено по: Рубцова 1954: 521, рис. 10.

переезжали в летние яранги в форме неправильной коробки, состоящие из каркаса, обтянутого кожей. Тут они оставались до первых морозов¹.

В XIX в. эскимосское население делилось по языковому и территориальному признаку на племена, которые, в свою очередь, разделялись на роды (кланы). Семьи, произошедшие от общего предка, объединялись в род, который имел свои праздники, территорию, кладбище и старейшину (*нуналихтак* — «хозяин земли»), выполняющего представительские, судейские и культовые функции. Должность старейшины была наследственной и передавалась от отца к сыну². В одном селении в зависимости от его величины жил один или несколько родов. Например, в крупном поселке Наукан (в начале XX в. — ок. 500 человек) известно 13 родов. Оседлые чукчи жили большими патрилокальными семьями. Основной хозяйственной ячейкой оседлого приморского об-

¹ Чукотская земля... 1873: 63; Ноорер 1884: 61; Богораз 1991: 114; Рубцова 1954: 100–101, примеч. 13–14; Меновщиков 1959: 37–41; 1977: 25 (о Сирениках); Теин 1992: 25–29; Рытхэу 2004: 24.

² Файнберг 1964: 167–168; Сергеев 1962: 37; Симченко 1970: 325; Арутюнов, Сергеев 1975: 109; Теин 1975: 88; 1977: 26; 1981: 218; Крупник 2000: 38, 71; Леонова 2014: 10, 24.

щества была промысловая артель, которая обычно состояла из восьми человек, — именно столько человек включал экипаж обычной промысловой байдары: на носу находился гарпунщик, на корме сидел с рулевым веслом хозяин байдары, а в середине — три пары гребцов. Обычно такую артель составляли родичи, но если один род не мог укомплектовать экипаж, тогда к нему присоединялись неродственники. Если же родичи были многочисленны, то они владели несколькими промысловыми байдарками. Добыча артели распределялась поровну, а позднее, примерно с середины XIX в., — хозяин байдары брал себе большую часть¹.

В селении наибольшим влиянием пользовался старшина (*умилык*) — самый сильный мужчина, им мог стать и тот, кто победил своего предшественника силой. Этот старшина мог требовать у односельчан часть добычи, которую, боясь его, жители отдавали². Если требования старшины не исполняли, то он мог вызвать непокорного на поединок и на «законных основаниях» убить его. На войне же ополчением мог руководить опытный старичок, а не самый сильный воин, впрочем, военным предводителем и старшиной могло быть одно и то же лицо³. Важные вопросы решали старики, совещавшиеся с предводителем. Они и говорили первыми, и их нельзя было перебивать.

3. СИСТЕМА КОМАНДОВАНИЯ

К. Мерк так рассказывает об организации чукчами похода: «При предприятиях подобного рода чукчи выбирают себе предводителя, что в других случаях редко имеет место. Когда они приближаются к

¹ Патрилокальные семьи: Burch 1998: 36; Леонова 2014: 9; байдарная артель: Мерк 1978: 119; Тан-Богораз 1930: 70; Меновщиков 1962; добыча: Сергеев 1962: 37–39; Наукан: Теин 1977: 29; Леонова 2014: 10.

² Старшина — победитель предыдущего: Олсуфьев 1896: 109; Рубцова 1954: 41–42; № 3: 56–57, § 197–206; требования дани от односельчан: Ноорер 1884: 107; Богораз 1900. № 140: 373; Bogoras 1913. № 13: 432–433; Тан-Богораз 1930: 73; Рубцова 1954. № 2: 2, 40–41, § 3–55; № 3: 55–56, § 136–163; № 19: 272, § 8; Козлов 1956: 145–146; Меновщиков 1980: 221; 1988. № 131: 313; Вахтин 2000: 52–54, 72, 343; ср.: Smith 1970: 237.

³ Вызов на поединок непослушных старейшине односельчан: Меновщиков 1974. № 30: 135; старичок — военный предводитель: Богораз 1934: 175; Меновщиков 1988. № 129: 308; военный вождь и старейшина — одно лицо: Меновщиков 1985. № 127: 307–310; 1987. № 31: 214; Дьячков 1893: 53.

чужой земле, то оставляют позади женщин и юрты, а их предводитель советуется с более опытными стариками. Возраст при таких предприятиях имеет преимущество, а все остальные молчат»¹. По сведениям В. Г. Богораза, в походном совете участвовали и женщины, хотя в общем действовало правило, выраженное чукотской поговоркой: «Раз ты женщина, то молчи»². На военных советах особым влиянием пользовались старейшие и более опытные члены семьи. Общественное мнение выразил оленевод в чукотском героическом сказании: «Стариков всегда надо слушать, не спорить с ними. Они лучше всех все знают». Именно состоятельные старики имели влияние на решение народного собрания. Старики нескольких родственных стойбищ, участвующих в мероприятии, проводили общее совещание, где решали политические вопросы. Для решения общечукотских дел могли собрать и более широкий «консилиум» из представителей различных территориальных групп чукчей, как это было в 1741 г. перед экспедицией на реку Анадырь, а затем предполагаемым походом на Анадырский острог и на коряков и в 1757 г. после убийства старейшин Арелпуги и Татымкина. В процессе обсуждения могли возникать различные мнения, которые не решались большинством голосов, а несогласная часть действовала по-своему³.

Как видим, для похода чукчи избирали военного предводителя («тойона» в русских источниках), эта должность обычно совпадала со статусом «хозяина стойбища». В повести классика корякской литературы Кецай Кеккетына (1918–1943) «Последняя битва» (1936 г.) предводителем чукотского отряда был один из наиболее пожилых воинов. Г. Л. Майдель (1835–1894) отметил, что чукчи меняли предводителей в каждом походе. Данное мнение могло относиться к предводителю отряда, который формировался из воинов разных стойбищ. Во главе тогда мог оказаться наиболее умелый и

¹ Мерк 1978: 120; ср.: Дитмар 1856: 27, 38; Богораз 1900. № 130: 334; Тан-Богораз 1979: 81; Антропова 1957: 160; Мартынов 1957: 109; Костенецкая 1973: 181–183; Вдовин 1987: 105; Вуквукай, Коломиец 2012: 45; Мой народ... 2012: 27; Леонова 2014: 115, 118, 151; Нефёдкин 2016: 131.

² Тан-Богораз 1979: 81; ср.: Богораз 1934: 98; Леонтьев 1965: 260; Вэкэт 2012: 278; Нефёдкин 2016: 166; Омрувье 2016: 72.

³ Цитата: Лебедев, Симченко 1983: 132; общий совет разных групп чукчей в 1741 г.: ААН, ф. 21, оп. 5, № 142, л. 32; Нефёдкин 2016а: 80–81; совет стариков: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 47 (1757 г.); № 539, ч. 2, д. 6, л. 35; Богораз 1900. № 130: 334; Зуев 2009: 236; Асадова 2012: 37; Вэкэт 2012: 230; Нефёдкин 2016а: 85–86, 158; различные мнения: Вдовин 1948: 69; 1987: 105.

сильный воин, который мог своей храбростью показать пример соплеменникам¹.

В. Г. Богораз отмечает наличие в чукотских сказаниях богатыря-предводителя с прозвищем Лявтылывалына («Кивающий головой»), которое он считает обычным названием для военачальника². Однако это — реконструкция самого исследователя, тогда как сами чукчи объясняли данное прозвище привычкой героя кивать головой во время езды на оленях. Скорее всего, это такой же герой сказаний, как и Аттымлу («Костяное лицо»), а не какой-то особый титул военачальника, то есть он был просто определенным военным предводителем. Тем более что и сам В. Г. Богораз отмечает: «Кивающий Головой все же описан не начальником, а сильным воином», а некоторые чукчи в конце XIX в. считали его своим предком. Вместе с тем у него был помощник — «птичка, находящаяся под мышками». Однако и это — не какой-то специальный адъютант, а воин, вызвавшийся помогать предводителю³. Функция его, по чукотскому фольклору, неясна, но, возможно, он исполнял обязанности оруженосца, подносившего, в частности, стрелы при осаде, а возможно, и прикрывавшего своего вождя.

Внешняя опасность со стороны нового врага оказывает большое влияние на социум, заставляя его сплотиться, забыть старые обиды и даже наладить взаимоотношения со своими противниками, которые были хорошо известны и было ясно, чего от них можно ожидать. Чукчи здесь не были исключением. С начала XVIII в. российские власти стали направлять на них большие, по восточносибирским масштабам, экспедиционные отряды, и им приходилось объединяться для отпора врагу. Для войны требовалось единоначалие, в противном случае последовало бы поражение. Поскольку плотность населения Чукотки была невелика, то сложилось несколько взаимодействовавших между собой территориальных объединений, которые возглавлялись «главными тойонами», как они именуются в русских документах. По российским документам нам, в частности, известны (на 1731 г.) «главный тойон Северо-Восточного моря» Наихйю — постоянный военачальник.

¹ Военачальник — хозяин стойбища: Врангель 1948: 180; Дьячков 1893: 53; Бабошина 1958. № 103: 248–251; Зуев 2009: 266; Нефёдкин 2016: 139–143; повесть: Кеккетын 2010: 199; мнение: Майдель 1894: 466.

² Богораз 1919: 56; 1934: XVIII–XIX; 168; pro: Гурвич 1966: 53; Диков 1993: 174; ср.: Ивтагина 2008: 295.

³ Аттымлу: Богораз 1900. № 130: 334; 1934: 169; Меновщиков 1974. № 88: 310–312; Кивающий Головой: Богораз 1899: 350; 1934: XIX; «птичка»: Богораз 1901. № 132: 337.

чальник чукчей в войнах этой эпохи; тойон «Чукотского носа» Кею, «Восточного моря» Хыпаю. В августе 1741 г. на Анадырь для переговоров с русскими прибыло 12 тойонов¹. Капитан Я. М. Пересыпкин нашел в документах, рассказывающих о деятельности Д. И. Павлуцкого, 11 имен тойонов². Они были главами территориальных объединений чукчей и эскимосов и в то же время предводителями своих семейных общин. Так, в 1741 г. для промысла оленей к урочищу Чекаево тойон Елтувье прибыл на 10 байдарах, а тойон Апавко с родственниками — на 20; в 1749 г. тот же Кею пошел в поход под Анадырск всего с тремя байдарами и несколькими «ветошниками»³. Власть этих тойонов становилась наследственной, известны случаи передачи власти от дяди к племяннику, а не сыну. Вследствие распыленности населения создание единого племенного союза заняло бы много времени, однако прекращение крупных войн в последней четверти XVIII в., появление крупнотабунного оленеводства, требующего больших по площади пастбищ, и последовавшее дальнейшее рассредоточение этноса способствовали закату системы тойоната, которая, в общем, номинально оставалась у западных колымских чукчей до 1930 г.⁴

4. СБОР ВОЙСК

Молва о предстоящем походе быстро распространялась по тундре, особенно когда война объявлялась заранее. Костяк собиравшегося отряда составлял *чин-йырын* — «группа участников кровной мести», в которую входили близкие родственники, обычно живущие в одном стойбище, а инициатором похода мог быть просто более энергичный родич, чем-то обиженный⁵. Согласно чукотскому этосу, родичи

¹ Вдовин 1948: 68; 1950: 91; Зуев 2009: 104–105; Нефёдкин 2016а: 81; 2016б: 179.

² Вдовин 1948: 68; 1950: 91, 96; 1965: 86; 1970: 22; Нефёдкин 2016а: 200.

³ Вдовин 1948: 68; 1950: 91; 1965: 85; Нефёдкин 2016б: 204.

⁴ Передача власти племяннику: Крузенштерн 1950: 173; Любовь... 1811: 22; Вдовин 1965: 86; тойонат: Олсуфьев 1896: 109; Поляков 1983: 58–68; ср.: Гондатти 1897: 169.

⁵ Богораз 1899б: 34; 1900. № 134: 341; 1934: 94; Архинчеев 1957: 72; Степанов 1957: 335; Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 6–7; ср.: Георги 1777: 82; Воскобойников, Меновщиков 1959: 436–437; Симченко 1970: 318; Меновщиков 1974. № 83: 293; № 150: 475; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 97, § 55 (оседлые коряки).

обязаны были помогать друг другу во всем — типичная психология первобытного родственного коллектива, борющегося за свое выживание. Так, основа небольшого отряда (из восьми воинов) южночукотского героя Кунлелю состояла из семи его родных и двоюродных братьев¹.

Приходили к стойбищу, собирающемуся вести войну, родственники, друзья, просто добровольцы и даже беженцы². Так мог образоваться отряд из нескольких десятков человек. Предводитель направлял посланников в соседние стойбища и сговаривался с ними о месте встречи и совместных действиях. Естественно, приходили воины из ближайших населенных пунктов поддержать своих соседей. По пути следования к ним присоединялись добровольцы. Очевидно, что в набеге в первую очередь шла молодежь, стремившаяся отличиться и завоевать авторитет³. Обычно это были родственные «товарищеские» стойбища, отпочковавшиеся от одной семейной общины. Так образовывался отряд из нескольких сотен человек. Внутри отряда, составленного по родоплеменному принципу, система командования копировала социальную структуру. Так, в 1775 г. отрядом чукчей из 150 воинов руководило восемь предводителей, т. е. в среднем один предводитель возглавлял 19 воинов⁴, — вероятно, в основном сородичей.

О социальном составе промыслово-военных отрядов ясно свидетельствует сдача ясака на Анадыре в 1763 г.: из 300 прибывших чукчей дань принесла лишь треть, по словам чукчей: «лутчие люди», т. е. хозяева яранг, а остальные 2/3 прибывших оказались пастухами и слугами. С этой точки зрения становится понятным, почему основ-

¹ Отряд Кунлелю: Костенецкая 1973: 172–185; Нефёдкин 2016: 132; ср.: ААН, ф. 250, оп. 1, № 118, л. 17 («Дневник» В. Г. Богораза); Беликов 1982: 183–197; Нефёдкин 2016: 108–124, 126–132.

² Меновщиков 1974. № 87: 308; 1985. № 127: 307. В чукотском сказании упоминается, что богатый корякский богатырь принуждал идти в поход бедных воинов (Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Беликов 1965: 166).

³ Переговоры с соседями: Мерк 1978: 120; Антропова 1957: 160; чаплинское предание, рассказанное Л. И. Айнаной (1934 г. р.) в Анадыре в октябре 2013 г.: Нефёдкин 2016: 227; ср.: Богораз 1900. № 132: 336; Меновщиков 1985. № 127: 309; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 37; 87. § 65 (оседлые коряки); воины из ближайших стойбищ: Богораз 1934: 175; Бабошина 1958. № 103: 250; Нефёдкин 2016: 142; добровольцы: Богораз 1900. № 110: 286; молодежь: Лебедев, Симченко 1983: 129; Нефёдкин 2016: 149–154.

⁴ Копия социальной структуры: Burch 1974: 6; 1775 г.: Зуев 2009: 217.

ная масса тысячного чукотского войска летом 1731 г. была вооружена арканами-чаутами, поскольку были простыми пастухами¹.

Женщины обычно не принимали участия в боевых действиях, покорно ожидая своей участи в яранге или убежище и часто заканчивая свою жизнь суицидом при приближении врагов. Однако иногда, хотя и не очень часто, представительницы слабого пола все же могли сражаться, например, в случае гибели мужей от рук врагов. Женщины, участвовавшие в походе вместе со своими мужьями, естественно, могли помогать им в бою. В одной сказке упоминается, что жена оседлого чукчи вместе с ним рубила врагов топором. Да и во время неожиданных вражеских нападений на стойбище, которыми так богата чукотская история, женщины могли втягиваться в бой. Так, женщина в отсутствие мужа могла вступить в поединок с неожиданно пришедшим к яранге вражеским воином. Одно русское колымское предание упоминает, что старуха-чукчанка во время нападения на русскую деревню стреляла во врага из лука, сидя на нартах².

Межплеменные конфликты, опасная охота уносили жизни мужчин, и семьи часто оставались без кормильцев. Поэтому и в чукотском фольклоре мотив сиротства постоянен³. В этих ситуациях все заботы о содержании семьи брали на себя женщины. Они в первую очередь пасли стада и ходили на охоту⁴. В таких неполных семьях девочки не только учились женским обязанностям, но и тренировались вместе с мальчиками⁵. Они самостоятельно охотились, стреляли из лука, бегали на длинные дистанции и даже фехтовали копьем. Если, например, в

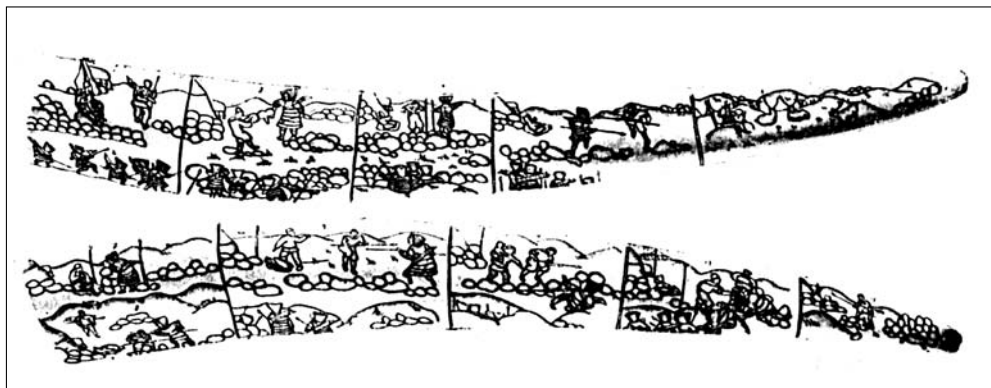
¹ 1731 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 65 об.; Нефёдкин 2016а: 112; 1763 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 29; № 539, ч. 2, д. 6, 86 об.; Нефёдкин 2016а: 140, 240–241.

² Женская участь: Нефёдкин 2016а: 175–176, примеч. 9; женщина с топором: Богораз 1900. № 110: 287; ср.: Рубцова 1954. № 17: 250. § 233 (с большим женским ножом); женщина-поединщик: Антропова 1953: табл. IX; 1957: 235. Рис. 35; Венстен 2012: 140; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 27–29 (оседлые коряки); старуха на нартах: Богораз 1902: 161.

³ Меновщиков 1974а: 34; Беликов 1987: 254.

⁴ Пастьба оленей: Богораз 1900. № 140: 375; № 156: 399; Тан-Богораз 1930: 68; Рубцова 1954. № 1: 27, § 50, 56–57; Ятгыргын 1963: 14; Вахтин 2000: 240; Нефёдкин 2016: 173–175; охота: Тынеру 2011: 13.

⁵ Bogoras 1910. № 7: 97–99; Бабошина 1958. № 90: 217; Меновщиков 1964а. № 18: 101; 1969: 195; 1974. № 86: 306–307; № 95: 323–324; № 121: 381; Беликов 1987: 253; Меновщиков 1988. № 45: 100; Богораз 1991: 26; Нефёдкин 2016: 170–171; ср.: Жукова 1980. № 10: 155–156 (паланские коряки); Вахтин 2000: 52.

Гравировка на бивне, представляющая древнее сказание. МАЭ, № 6010-43. Воспроизведено по: Антропова 1953: 42, табл. IX, 2

На одной стороне (вверху) показано начало предания: муж уходит на охоту, а жена остается с маленьким ребенком; приближаются враги; предводитель налетчиков требует от матери ребенка решить дело поединком женщины и мужчины, противник в доспехах ждет, женщина, одетая в комбинезон, готовится к битве, ребенок сидит на шкуре; четверо врагов наблюдают за происходящим, поединок — фехтование на копьях; муж пасет оленей. Изображение на обороте бивня (снизу): женщина кормит ребенка; возвращается муж, поединок женщины с противником продолжается даже по возвращении мужа; женщина повергает врага, около жены стоит муж, держа ребенка на руках; побежденного врага добивают; муж теперь может обнять супругу; могила противника из камней

семье не было сыновей, то одну из дочерей (например, старшую) могли воспитывать как мальчика¹. Именно такие натренированные девушки могли участвовать в набегах, производимых их родственниками, и даже сражаться в поединке с мужчиной. В сказании «Орлиное сердце» две девушки-подруги вообще отказались выходить замуж, поскольку мужчины не могли их победить². В целом же сражаться с женщиной и ранить ее было постыдно³. Сами девушки-воительницы

¹ Науканцы: Леонова 2008: 159; 2014: 35; приморские жители: Вэкэт 2012: 126, 164, 166, 294; кочевые чукчи: информация Ф. Чайвут (Анадырь, октябрь 2013 г.).

² Участие в набегах девушек: Бабошина 1958. № 90: 217–218; Меновщиков 1988. № 121: 281; 1988б № 10: 58; Нефёдкин 2016: 170–171; поединок с женщиной: Bogoras 1910. № 17: 97; Богораз 1934: XXVIII; Антропова 1953: 42, табл. IX, 2; Воскобойников, Меновщиков 1951: 546; Козлов 1956: 71; Меновщиков 1974. № 86: 306–307; № 95: 323; см.: Антропова 1953: Табл. IX, 2а-б: «Орлиное сердце»: Асадова 2010: 54–55.

³ Schiefner 1874: 358; Богораз 1899: 352–353; 1900. № 134: 341; Bogoras 1910. № 17: 98–99; Козлов 1956: 71; Бабошина 1958. № 95: 217; Меновщиков 1974. № 86: 306; № 95: 324; Нутекеу 2005: 7, 47; Нефёдкин 2016: 170–171, 292.

не были правилом в чукотском обществе, хотя, с другой стороны, редкостью они тоже не были. Можно также заметить, что у эскимосов молодые женщины использовались как рабочая сила — гребцы на байдарках¹.

Очевидно, в боевых действиях не участвовали мужчины-транссексуалы, полностью превратившиеся в женщину и считавшие себя таковыми, ведущие соответствующий образ жизни и даже говорящие женским произношением². Такое участие могло быть лишь в экстренных случаях³. Однако женщины-транссексуалы, исполнявшие все обязанности мужчин, скорее всего, принимали участие в войнах, хотя таких женщин было меньше, чем мужчин, поменявших свой пол⁴.

5. ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК

Для догосударственной эпохи вообще не характерны генеральные фронтальные сражения, поскольку не существовало больших армий, а ополчение племен, насчитывавшее несколько десятков или сотен воинов. Лишь для проведения крупных и значимых военных операций собиралось ополчение, насчитывающее несколько тысяч человек. Все это касается и чукчей.

Все мужчины в чукотском социуме были воинами. Еще в середине XIX в. геолог К. фон Дитмар (1822–1892) отмечал: «Каждый из чукчей считает особым предметом уважения искусство владеть оружием и всегда вооружен, а следовательно, всегда готов к сражению»⁵. В одном стойбище могло быть в среднем 15–50 боеспособных мужчин. О численности отрядов можно привести следующие данные: на осво-

¹ Онацевич 1877. № 7: 67; Крупник 2000: 438; Венстен 2012: 137; ср.: Крашенинников 1949: 710 (камчадалы); 738 (айны); Тан-Богораз 1936: 241 (канадские эскимосы); Степанов 1959: 200 (дауры).

² Калинин 1912: 109; Максимов 1912: 3–8; Богораз 1939: 131–133; Тан-Богораз 1979а: 230; Swenson 1951: 32; Верещака 2013: 324–331.

³ Богораз 1939: 132; Меновщиков 1974. № 95: 323; ср.: Нутекеу 2005: 7, 47.

⁴ Богораз 1939: 134. Как отметил В. Г. Богораз, среди 3000 прикомльских чукчей он встретил пятерых мужчин, поменявших свой пол (Богораз 1899б: 31; Среди чукчей. 1899. № 39: 2; Максимов 1912: 6). В 1730-х гг. Г. Миллер (2009: 150) от местных информатов знал лишь о существовании гомосексуалов у камчадалов, лучше известных русским.

⁵ Дитмар 1856: 37.

бождение сестры у таннитов вместе с героем Ейвэлкэем отправилось 10 воинов на оленьих нартах. А. Е. Дьячков упоминает, что на месть отправились 15 мужчин. Известно, что 20 чукчей сидели в засаде, чтобы неожиданно напасть на русских. Чукотские же предания упоминают отряды из 20 воинов. В 1731 г. отряд Д. И. Павлуцкого встретил 30 оленных чукчей, которые, вероятно, были представителями одного или нескольких стойбищ¹. Отряд чукчи-толмача Афанасия, состоявший из его родственников и напавший на юкагиров в 1671 г., насчитывал 70 человек².

В набеги обычно отправлялись мужчины не из одного стойбища. В 1741 г. на Анадырь приплыли тойон Юлтувье в 10 байдарках и Апавко с 20 байдарками, т. е. они прибыли со своими родами. В 1752 г. около 100 чукчей пришли на Чукочью реку. В 1775 г. в набег на оленных коряков за добычей пошли 130–150 чукчей. Родовой отряд тойона Амулята, напавший в марте 1777 г. на коряков, насчитывал 180 человек. В 1656 г. Нижнеколымское зимовье осадили более 200 чукчей. Столько же бойцов отправились в поход на юкагиров, живших вблизи Анадырска в 1756 г. Примерно такое же количество воинов напали на коряков в 1748 и в 1759 гг. В 1769 г. 300 чукчей атаковали коряков около Гижигинской крепости³. Около 400 чукчей появились южнее Анадыря в 1742 г. Отряд из 400 чукотских воинов, напавший на большое стойбище эвенов, является, вероятно, фольклорным преувеличением ламутского предания. В 1747 г. отряд из 400–500 воинов разбил авангард Д. И. Павлуцкого, убив самого майора. Казак Б. Кузнецкий указывает на нападение на него в 1754 г. 500 чукчей, причем он не отмечает наличие семей в этом набеге. Капитан Т. И. Шмалев считал обычным отряд чукчей, шедший в на-

¹ 1731 г.: КПЦ. № 59: 159; 10 воинов: Куттэгина 2003: 47; 15 воинов: Дьячков 1893: 41; 1992: 188; 20 воинов в засаде: Богораз 1934: 48; ср.: Меновщиков 1974. № 92: 318; отряд в 20 воинов: Тынэтэгын 1940: 101; Меновщиков 1974. № 92: 318; ср.: Mason 1998: 296 (численность среднего эскимосского отряда — 25–75 воинов).

² Вдовин 1944: 257; 1965: 72; Нефёдкин 2016б: 74–75; ср.: Богораз 1899: 370 (нападение на стойбище 60 оленных коряков); Богораз 1900. № 134: 352 (40 таньгов).

³ 1656 г.: АИИ, ф. 160, № 383, сст. 76; Белов 1952: 258; Вдовин 1965: 104; 1741 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 69–69 об.; Нефёдкин 2016а: 117; 1752 г.: Зуев 2009: 144; 1756 г.: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; Нефёдкин 2016а: 99; 1759 г.: Сгибнев 1869а. № 5: 84; 1769 г.: Вдовин 1965: 135; 1775 г.: Алексеев 1961: 61; Зуев 2009: 217; 1777 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 5 об., 8 об.

бег на коряков, численностью в 300–500 человек (1777 г.)¹. Однако отряды бывали и более многочисленными. В феврале 1733 г. оленье стадо около Анадырска угнал отряд в 600 чукчей. На апукских коряков в декабре 1768 г. напало 700 чукчей. В 1731 г. против капитана Д. И. Павлуцкого чукчи собрали до 700 воинов, а затем, в последующих сражениях, до 1000 и до 500 бойцов². Причем в это число вошло не только кочевое, но и значительное количество оседлого населения, как чукчи, так и эскимосы — и сибирские и островные³.

В 1702 г. в бой против 130 анадырцев и их союзников юкагиrow и коряков вступили сначала 300, а на следующий день более 3000 оленных и оседлых «чукчей»⁴. Поскольку поход казаков длился несколько месяцев, то очевидно, что чукчи успели стянуть свои силы. Тем более что в это время чукчи еще не перешли к крупнотабунному оленеводству и, соответственно, жили более компактно, чем позднее. В 1755 г. на коряков, по словам казака Б. Кузнецкого, собирались пойти 1500–2000 воинов. Историк П. А. Словцов (1767–1843), согласно архивным материалам, отметил, что в 1738 г. на олюторских коряков напали 2000 чукчей. Впрочем, В. Г. Богораз предполагал, что данное количество чукотских воинов преувеличено. Капитан Г. А. Сарычев считал, что последняя цифра отражает самое большое количество войск, выставленных чукчами против русских. А. С. Зуев также полагает, что 2000 — это оптимальное число воинов, которые способны были выставить чукчи. В. В. Антропова не без оснований полагает, что данная цифра учитывает и некомбатантов, поскольку существовал обычай

¹ Ламутское предание: Schiefner 1874. № 53: 353; Буркин 2007. № 53: 380; Нефёдкин 2016. № 53: 291; 1742 г.: Вдовин 1965: 92; 1747 г.: КПЦ. № 65: 170–171; 1754 г.: КПЦ. № 70: 181; чукчи в таком же числе в 500 человек напали в чуванском сказании на стойбище героя (Bogoras 1918. № 23: 96; Нефёдкин 2016: 314); Антропова 1957: 159; Т. И. Шмалев: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 53, примеч.; Нефёдкин 2016а: 181, примеч. 27.

² 1733 г.: Зуев 2009: 86; 1768 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 39; Нефёдкин 2016а: 93; 1731 г.: КПЦ. № 59: 158; Зуев 2001: 24, 26–27. В «сказке» отставных казаков, данной через 40 лет, в 1772 г., численность чукчей во втором бою возросла уже до 3000 (Зуев 2001: 26; Нефёдкин 2016а: 195; 2016б: 163). По предположению И. В. Шкловского, в это число входили и женщины, участвовавшие в походе (Дионео 1895: 116, примеч. 2). Согласно В. Н. Берху (1819: 15), численность чукчей в последнем бою действительно была 3000 воинов, что вряд ли соответствует действительности (Зуев 2001: 27, примеч. 71).

³ Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 96.

⁴ ПСИ. Кн. 2, № 122: 525–526.

отправляться в поход с семьей¹. Действительно, в военных документах количество войск и потерь противника обычно преувеличивается, а свои потери приуменьшаются. Однако еще в 1792 г. Г. А. Сарычев отмечал, что, по словам чукчей, их численность сократилась, ведь в 1642 г. колымские чукчи говорили о своей численности, что «их много, сколько волос на голове»², т. е. и численность войск должна быть большей.

Таким образом, число общечукотского ополчения в 3000 хотя и кажется преувеличенным, но отражает реальный порядок цифр. Так, согласно показаниям якутских служилых (1711 г.), на Чукотском полуострове насчитывается не более 2000 боеспособных мужчин-лучников и более 50 жили на Анадыре, с чем был согласен Б. Кузнецкий (1763 г.)³, а по свидетельству носовых чукчей (1718 г.), во всем их народе насчитывалось более 3500 человек⁴. Сенаторская справка (после 1748 г.) насчитывает немирных чукчей до 2000 человек, а с подростками 4000–5000, в 1778 г. Т. И. Шмалев оценивал численность кочевых и оседлых чукчей в 3000 мужчин; общее же число чукчей оценивалось в 10 000 человек (1756 г.)⁵. В 1789 г. Ф. Лангенс, член специальной комиссии по сбору информации о народах Сибири, определял количество чукотских мужчин в 7000 — число, которое этнограф И. С. Гурвич считал завышенным⁶. Хотя численность населения и, тем

¹ 1755 г.: Зуев 2009: 160; 1738 г.: Словцов 1886. Кн. 1: 250; Богораз 1934: 44; Сарычев 1952: 265; Зуев 1999а: 134; ср.: 9 (сомнения на этот счет см.: Михайлова 1996: 178); Антропова 1957: 159.

² Сарычев 1952: 265; об этом же: Мерк 1978: 99; цитату см.: Белов 1952. № 9: 57–58.

³ 1711 г.: ПСИ. Кн. 1, № 108: 459; показания Б. Кузнецкого: КПЦ. № 57: 158; ср.: № 70: 184; РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 34; Зуев 2009: 175; Нефёдкин 2016а: 83, 231; 2017: 380; ср.: Gerland 1883: 219.

⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 134 об.; Ефимов 1948: 224; Нефёдкин 2016а: 9; ср.: Баккаревич 1810: 188, 354 (4000–5000 воинов); Семивский 1817: 78 (5000 мужчин).

⁵ КПЦ. № 60: 160; № 69: 179; Нечто о Сибири 1806. № 8: 96; Дитмар 1856: 33; Олсуфьев 1896: 93; Сарычев 1952: 265; Нефёдкин 2016а: 231; сведения 1778 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 16–16 об., 18 об.; Нефёдкин 2016а: 317–318.

⁶ Гурвич 1971: 11. Такое количество, в общем, не противоречит другим свидетельствам. В своем донесении 1751 г. капитан В. Шатилов, комендант Анадырска, просто указывает, что ему неизвестно количество чукчей (Шашков 1864: 67). Экспедиция И. Биллингса оценивала общее число чукчей менее 10 000, хотя ранее было больше; М. Соур определяет число мужчин оседлых чукчей около 3000 (Сарычев 1952: 165; Sauer 1802: 105). В первой половине XIX в. чи-

более, войск — вопрос всегда дискуссионный, но, очевидно, природный ландшафт Чукотки был способен прокормить определенное количество населения, максимум которого должен быть более или менее постоянным.

Таким образом, в столкновениях с русскими, которые угрожали свободе и даже самому существованию чукчей, последние могли собрать войско от нескольких сот до двух-трех тысяч человек — огромные в процентном отношении к количеству населения воинства, ведь боеспособные мужчины обычно составляют четвертую или пятую часть населения, тогда как в грабительских набегах участвовали от нескольких десятков до нескольких сот человек¹.

6. ВОСПИТАНИЕ И ТРЕНИРОВКА

Чукотский социум был обществом, где выше всего ценились богатство и физическая сила. Идеалом чукотского мужчины был богатырь с развитой мускулатурой. Для оленевода и охотника физическая

сленность чукчей оценивалась в 10 000 человек (Шаховской 1822: 291; Геденштром 1830: 99; Дитмар 1856: 33). А. И. Аргентов (1857а: 16; 1886: 13; 1887: 56) полагал, что чукчей всего 15 000, тогда как для начала XIX в. их число определяли около 20 000 (Кибер 1824: 93; Новейшие известия о чукчах 1852: 348; Сементовский 1852: 143). По предположению Г. Майделя (1894: 215), всего чукчей в 1860–1870-х гг. было не более 5000 (Пежемский 1850: 158). В 1909 г. Г. Я. Седов (1917: 305), опираясь на мнение аборигенов, полагал, что чукчей было 10 000, в 1911 г. насчитывали 9000–10 000 кочевых и 3000 оседлых чукчей, не считая эскимосов (Поддубный 1914: 95; ср.: Винокуров 1890: 76; Русская миссия. 1890: 97: 13 000 чукчей; De Windt 1898: 200: 10 000; Niedieck 1909: 89: 12 000 чукчей и 1000 эскимосов). Впрочем, среди исследователей существуют и другие мнения. Так, И. С. Гурвич (1966: 117) полагает, что в XVIII в. оленных и оседлых чукчей было примерно поровну, по 4000 человек. Б. О. Долгих (1960: 549–554, 576; 1967: 13), на основании показаний К. Мерка и переписи населения 1897 г., насчитывал в конце XVII в. эскимосов 4000, а чукчей 2000 (про: Сыроечковский 1986: 62). Для сравнения отметим, что по переписи населения 1897 г. чукчей насчитывалось 11 795, из них 8869 были кочевыми, а 2841 оседлыми, причем лишь 783 числились христианами; эскимосов по этой переписи было 1099 человек (Серебренников 1914: 156, 166; ср.: Богораз 1921: 89). Согласно переписи 1926/ 7 г., чукчей было 12 364 человека, из них 70 % — оленные, а 30 % — оседлые (Антропова, Кузнецова 1956: 897).

¹ По И. С. Вдовину (1950: 95; 1965: 92): 150–500 или 300–500. При непосредственной угрозе в 1852 г. жители поселка Нувук на м. Барроу (Аляска) выставили от примерно 300 человек населения 80 воинов — 27 % населения (Burch 1998: 89).

сила и выносливость были важнейшими качествами: нужно было тащить тяжелые грузы, гоняться за оленями и зверьями на охоте, уметь быстро реагировать на различные жизненные ситуации. Именно физически сильные люди пользовались уважением, подчас они же были и предводителями в делах, их так и называли *эрмэчъыт* «силачи»¹.

Поручик А. В. Олсуфьев, посланный с инспекцией генерал-губернатором Приамурья в 1892–1893 гг., со слов колымского исправника отмечал: «До сих пор на Чукотском носу есть, говорят, эрем, выбранный также за физическую силу. Однако нередко бывали примеры, что новый претендент на это звание, не дожидаясь выборов, побеждает старого, убив которого, овладевал этим почетным положением». В 1860 г. главой носовых чукчей считался Хотто, а в 1878 г. — оленевод Василий Мэнка, получивший свои полномочия от российских властей на Колыме².

Итак, наибольшим уважением пользовался лидер по борьбе. В чукотском сказании герой заявляет: «Силач с Севера... говорит, что такие слабые люди заняли слишком много места, хорошей земли»³. По праву сильного силач мог забирать понравившиеся ему вещи, вызывая на единоборство хозяина, который в случае проигрыша и должен был отдать требуемый предмет. Причем безразлично, происходило ли состязание с соплеменником или чужаком. Чукотская сказка так описывает подобную ситуацию: «Идет парень со своим стадом мимо стойбища. Увидали жители стойбища красивого парня и большое стадо. Один силач и большой глупец вышел и сказал:

— Это стадо наше!

— Кто первый прибежит сюда вон от тех гор, пусть забирает стадо, — сказал молодец». Если борец не мог выиграть другой вид состязаний, то он мог и лишиться своего имущества и несколько подорвать свою репутацию. Так, уже упоминавшийся силач потерял своих упряжных оленей, не догнав юношу. Дядя последнего говорит силачу об оленях: «Он взял их, а ты не мог отобрать их обратно... Сильнее тот, кому нельзя отомстить». И еще: «Если сильный человек отрежет часть табуна, то хозяин старается укрепить свои силы и вступить с ним по-

¹ Лебедев, Симченко 1983: 27–31; Вдовин 1987: 104.

² Олсуфьев 1896: 109; ср.: Русская миссия. 1890: 96; Костюрин 1893. № 24: 2. Хотто: Суворов 1867б: 6; староста В. Мэнка: Нордквист 1880: 105; Krause 1881: 118–119; История Чукотки. 1989: 129–130

³ Лебедев, Симченко 1983: 28.

том в борьбу, за него вступается родник, кто посильнее, и начинается драка»¹.

Ставка подобных состязаний-боев могла быть очень высока, например даже уничтожение поселка. Три брата — герои повести «Спящие на нерпичьих шкурах» — спасают от гибели жителей поселка, выиграв у пришельцев с юга соревнования по бегу, борьбе и стрельбе из лука². Естественно, сильных людей боялись. Даже в первой половине XX в. у приморских жителей борьба осталась «единственной формой общественного суда, доказательством своей правоты». Если обидчик отказывался выйти на поединок, то он тем самым признавал свою слабость и вызывал этим общественное презрение³.

Воспитание воина, по существу, начиналось с рождения ребенка, когда неполноценное или физически слабое дитя мать должна была убить в первый же день его жизни, поскольку уже в материнской утробе им завладел злой дух⁴. Согласно же разъяснениям оседлых чукчей по этому вопросу, данным в 1927 г., отец убивал ребенка, у которого умерла мать, но только если не было родственницы, способной его вскормить, а сам малыш был настолько мал, что не имел зубов, чтобы есть твердую пищу⁵. Чтобы проверить здоровье младенца, кочевые чукчи выносили его в *чоттагин* — холодную часть яранги, где оставляли на некоторое время, а оседлые обтирали новорожденного снегом⁶.

¹ Первая цитата: Бабошина 1958. № 62: 151–152; вторая цитата: Лебедев, Симченко 1983: 31; третья цитата: ААН, ф. 250, оп. 1, № 124 / 10, л. 6 об. (фольклор, записанный В. Г. Богоразом); о переходе имущества к победителю: Е. М. 1892: 233.

² «Спящие на нерпичьих шкурах»: Вэкэт 2012: 302–318; ср.: сказка «Железный человек»: Нефёдкин 2016: 93–95 (спасение в поединке поселка от порабощения).

³ Боязнь сильных людей: Стебаков 1958: 99–100; Меновщиков 1988. № 126: 297; цитата: Ушаков 1972: 154.

⁴ Врангель 1846: 94; 1948: 182; Александров 1872: 86; М-в 1877. № 47: 386; А. 1878: 293; Народы России. 1880: 12; Ивановский 1890: 2; Иохельсон 1895: 159; Niedieck 1909: 92 (нежелательного ребенка убивали или бросали собакам).

⁵ Кавелин 1931: 100; ср.: Врангель 1948: 182; Александров 1872: 86; Галкин 1929: 143; Крупник 2000: 335; Баум 2016: 22. Убийство детей (инфантицид) считается этнографами эскимосским, а не чукотским обычаем (Крупник 1989: 46, 95, ср.: 1988: 76–82, Афанасьева 1999: 178).

⁶ Чоттагин: информация В. Д. Тымнэраскова (Анадырь, сентябрь 2013 г.); обтирание: Рытхэу 2004: 161.

Тренинг ребенка был рассчитан как на охотничью, так и на военную подготовку. Закалка мальчика начиналась с 5–6 лет, когда он начинал помогать отцу в уходе за стадом. Уже в 9–12 лет подросток обладал навыками пастьбы оленей, метал аркан, ездил на оленьих нартах. Мальчика приучали переносить голод, мало спать, развивали его мускулатуру¹. Он должен был рано (подчас перед рассветом) вставать, не полностью одетым пробегать вокруг яранги, чтобы узнать погоду, бегать на «лапках»-снегоступах с прикрепленными к ним камнями, упражняться с копьем, а став юношей, — бегать рядом с упряжкой оленей, прыгать с камнями на плечах. Об упражнениях известно, что мальчик должен был попасть копьем в небольшую деревянную чурку, раскачиваемую на ремне². У эскимосов внимание в первую очередь уделялось ношению тяжестей (например, большой камень или даже мешок камней), развивающему силу; также учились бегать, что позволяло быстро перемещаться и спастись от нападения; тренировались в прыжках, позволяющих на охоте перепрыгивать через льдины³. Существовали и специальные виды тренинга: кочевники учились кидать аркан, а оседлые — метать камни из пращи на дальность и в цель⁴.

В качестве тренинга использовались игры. Например, пастухи играли в игру «А ну-ка вдень!», во время которой мужчины становились в две шеренги напротив друг друга на расстоянии 5–15 м. Когда одна команда кидала арканы-чааты вперед, соперники должны были попасть своими арканами в петли уже летящих чаатов⁵.

Какой-либо коллективной тренировки детей не существовало, всё происходило индивидуально. Мальчика тренировал отец, дед или про-

¹ Поляков 1983: 92; Беличенко 2008: 59; Мой народ... 2012: 47, 58–59; Вуквакай, Коломиец 2012: 45–46. Мальчик помогает отцу при стаде с 6–7 лет (Августиневич 1880: 732); мальчик при стаде с 10 лет (Никольский 1900: 29); с 8 лет уэленец управлял собачьей упряжкой (Рытхэу 2004: 175).

² Bogoras 1910: 183; Стебаков 1958: 115–116; 1964: 9–10; Симченко, Лебедев 1983: 25–27; Куттэгина 2003: 47; Мой народ... 2012: 54; Леонова 2014: 80–81; 2016: 79.

³ Рубцова 1954. № 17: 255, § 7–11; Стебаков 1958: 115–116; Меновщиков 1959: 104–106; Леонова 2008: 160 2014: 19, 81–82, 183 (у науканцев мальчик должен был спать с вытянутыми, а не с согнутыми ногами, утром пробегать босым вокруг яранги для определения погоды, а также ходить с камнем на плечах по тундре); Мой народ... 2012: 60; ср.: Вэкэт 2012: 172, 202; мешок камней: Рытхэу 2004: 71.

⁴ Сергеева 1968: 13, 22–23; Леонтьев 1969: 131–132; Леонтьев, Тураев 1987: 211; Вуквакай, Коломиец 2012: 43–44; Леонова 2014: 116.

⁵ Церковникова 2009: 182.

сто воспитатель, обычно родственник, показывая ему определенный прием, которым затем обучаемый должен был овладеть. У оседлых жителей практиковались и ежедневные упражнения детей в течение нескольких лет в горах около поселка. Дети кочевых чукчей также для проделывания упражнений уходили в тундру, где им никто не мешал. Упражнения производились утром и вечером. Чукотское сказание так описывает тренировку мальчика, который хочет стать богатырем: «Он целый день бегал по тундре, носил тяжести, приходил домой поздно ночью и спал стоя — опершись о полог». Мальчики бегали по горам с камнями, привязанными к ногам. Подчас тренинг носил жестокий, непосильный характер, возрастные особенности ребенка не учитывались. В общем, мальчик стремился избавиться от двух негативных с чукотской точки зрения качеств: сонливости и потливости. При тренинге соблюдались и некоторые диетические установки. Так, тренируемый не должен был много пить, поскольку от воды, по представлениям чукчей, человек тяжелеет¹.

Чукчи воспитывали мальчика в определенном духе. Мальчику прививали умение вести себя спокойно, сильно не радоваться при удаче, и особо не переживать в сложные моменты жизни, и вообще не ругаться. Они поощряли способность ребенка защитить себя, не бросать родственника в трудную минуту, воспитывали стойкость в борьбе, неприязнь к подлым приемам боя. Такое воспитание велось, в частности, через рассказывание сказок, герои которых должны были служить примерами для подражания. При этом дети должны были быть послушными, на них не ругались и физически не наказывались².

Спортивные соревнования, естественно, были хорошим тренингом. В XVIII в. самыми распространенными видами спортивных соревнований были бег и борьба, которые устраивались ежедневно, среди боевых видов спорта выделялись стрельба из лука и фехтование на копьях. В следующем столетии излюбленными видами спорта следует признать бег и фехтование: если первый вид являлся обще-

¹ Тренинг оседлых в горах: Меновщиков 1974. № 35: 153; ср.: Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; тренировки в тундре: Воскобойников, Меновщиков 1959: 427–428, 433, 435; цитата: Бабошина 1958. № 87: 213; камни, привязанные к ноге: Вахтин 2000: 127–128; много не пить: Леонтьев 1960: 128; 1969: 129; Мой народ... 2012: 59; Вуквукай, Коломиец 2012: 45; ср.: Fienup-Riordan 1990: 155; 1994: 328; сонливость: Мой народ... 2012: 59; Головнёв, Перевалова, Абрамов и др. 2015: 78.

² Лебедев, Симченко 1983: 104–106; Мой народ... 2012: 10; Вуквукай, Коломиец 2012: 43–46.

физическим упражнением, то второй был чисто военным. Еще в начале XX в. старики-оленоводы говаривали: «У чаучу самое главное — ноги. Если чаучу бегают дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бегают быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает»¹. Действительно, бег был особенно важен для кочевников, которые не имели верховых животных, но благодаря своей способности к небыстрому, но длительному бегу могли догнать убегающего оленя или преследовать зверя на охоте. Если мужчина мог бегать так быстро, что догонял диких оленей, это считалось высшей степенью мастерства, о чем нам рассказывает фольклор². На соревнованиях чукчи бегали 8,5 км за 28 минут. Этот бег велся с посохом, опора на который увеличивала длину шага. Пастух, чтобы не терять зря времени, мог тренироваться, бегая вокруг стада, упражняясь при этом с копьем. У оленных чукчей бегали вдаль как мужчины, так и женщины, тогда как оседлые — по кругу на выносливость. У береговых чукчей был распространен и бег с тяжестями — переноска тяжестей важна как тренинг для того, чтобы охотник, убивший зверя, мог его доставить домой. Величина же каменной глыбы или валуна, внесенного на крутую сопку, служила показателем силы богатыря³.

Чукчи были хорошими борцами. Еще В. Г. Богораз отмечал: «Борьба — обычный способ разрешения ссор среди чукоч». Обычно обиженный вызывал обидчика на поединок. Борьба состояла в том, что поочередно один нападал, а другой оборонялся. К. Мерк так описывал характерные приемы борьбы: «Они хватают друг друга со шлепками по рукам и плечам, прижимаясь друг к другу головами, а ударяя ногами, стремятся подставить друг другу ножку или свалить на землю, прыгают с криком друг на друга, садятся на землю, чтобы перекинуть

¹ Спорт XVIII в.: КПЦ. № 70: 181; спорт в XIX в.: Меновщиков 1974. № 82: 289; 1988. № 123: 288; цитата: Лебедев, Симченко 1983: 25; ср.: Кавелин 1931: 107.

² Богораз 1949: 242; Козлов 1956: 19; ср.: Стебницкий 1938. № 3: 140 (коряк); Жукова 1988. № 12: 48. § 104–105; Стебаков 1958: 116; Сергеева 1962: 98–99 (эскимос на бегу ловит руками песцов и зайцев); Леонтьев 1972: 86; Меновщиков 1974. № 148: 470 (коряк); Стебницкий 1994: 65 (коряк); Вахтин 2000: 128 (бежит быстрее волка и зайца).

³ Скорость бега в 8,5 км: Нейман 1871. Т. I: 15; тренировка пастуха вокруг стада: Богораз 1899: 355; 1900. № 134: 343; валун на сопке: сообщение В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); Мой народ... 2012: 60; бег в длину: Церковникова 2009: 178. У оленных коряков, например, воинская доблесть и сила ценились выше быстроты ног (Тан-Богораз 1979: 72).

через себя противника»¹. Противника старались поднять и бросить на землю и удержать какое-то время на лопатках. Во время боевого спарринга применялись удары ребром ладони по шее или ребром обеих рук по подмышкам соперника². В современной чукотской борьбе тэйкэв также применяются удары ладонями и ногами³. У эскимосов также практиковались мощные удары ногой⁴. Как особо опасная расценивалась борьба на натертой жиром скользкой моржовой шкуре, края которой были утыканы остриями из кости. Было и смертельное единоборство на шкуре — противников, вооруженных копьями, то есть это был своеобразный синтез фехтования и борьбы. Выигравший мог забрать имущество побежденного⁵.

К историческим боевым видам тренинга относилось умение владеть копьем, стрелять из лука и носить панцирь. Систему боевых упражнений описывает рапорт сержанта Кошкарова (1756 г.): «Чукчи все мужественны на копьях и из луков стрелять проворны... обычай имеют: став поутру рано, уйдут все в оленный табун, а обратно пришед, между собой здруг з другом штурмуют копьями и, надевши кукьяки, бегают вкруг, например, часа по три и более, а потом стреляют друг в друга из луков стрелами. Оне ж ходят, когда приспееет кочевать, то за табуном всегда пешком в кукьяках идут». Записка от 1769 г. сообщает похожую информацию: «...а для легости и разминажу пинают мячи и копейному сражению обучаются, також и друг друга из луков стреляют до ран»⁶.

Итак, в комплексе соревнований сражались на копьях. Как позднее отметил штабс-капитан А. А. Ресин (1857–1933), «у них бывают примерные поединки, которые продолжаются до тех пор, пока один не

¹ Цитата: Богораз 1991: 199; цитата: Мерк 1978: 136; ср.: Дионео 1895: 162; Леонтьев 1965: 83; Богораз 1991: 198–199.

² Нейман 1871: 12; Богораз 1899: 358; 1949: 242; Авилов 1915: 58–60; Тан-Богораз 1930: 73; 1979а: 253; Бабошина 1958. № 103: 249; Леонтьев 1960: 130; 1969: 139; Богораз 1991: 198; Нефёдкин 2016: 141–143; удар: Богораз 1899: 364; удар по подмышкам: информация В. Н. Нувано (Анадырь, октябрь 2013 г.).

³ Яттиргин 2005: 2–3, 12–13.

⁴ Богораз 1899: 357–358; Тан-Богораз 1930: 74; Меновщиков 1974. № 94: 321; ср.: Богораз 1901. № 127: 332.

⁵ Борьба на натертой моржовой шкуре: Богораз 1899: 363; 1991: 199; забирание имущества побежденного: Богораз 1899: 358; 1991: 199; соревнование на шкуре: Козлов 1956: 60.

⁶ Кошкаров: Вдовин 1987: 105; Зуев 2009: 263, примеч. 8; записка 1769 г.: Бриль 1792: 373; Окладников 1948: 36.

сломает или не вышибет копы из рук другого», что и означало проигрыш в игре и в бою. Проигрыш в поединке также мог быть засчитан, если копы чиркнуло по одежде оппонента¹.

Приемы фехтования копьем не были забыты чаучу даже в последней трети XX в.: в 1974 г. бригадир четвертой бригады совхоза «Путь к коммунизму» в Ваегах, мужчина средних лет Эчетку, наевшись мухоморов, показывал «Танец с копьем», распевая и представляя приемы фехтования и даже перерубив при этом ствол кедрача-стланика². С. П. Тнаныкват (1958 г. р.), бригадир-оленеvod из Конергино, вспоминал в сентябре 2013 г., что ранее на кочевках он постоянно тренировал кисть руки, вертя в ней копы, удерживаемое у низа древка. А отчим Павла Ивановича Рольтыргина (1962 г. р.) из Снежного во время тренировки бежал впереди инструктируемого им маленького пасынка, держа нижний конец наклоненного копы то в одной, то в двух руках, перебрасывая оружие из одной руки в другую³.

Потом следовала перестрелка из луков. Из рапорта Кошкарова неясно, были ли воины в доспехах или нет. Более вероятен второй вариант. Особо отмечается, что перестреливались до получения ранений⁴. А нанести рану опытному бойцу было непросто, ведь уже мальчиков учили увертываться от стрел: «Идет юноша, вдруг крик — и в него летит тупая стрела — успеи увернуться»⁵. Воины, согласно преданиям, могли достичь даже такого мастерства в бою, что ловили стрелы и посылали их обратно во врага. Стрелы также могли отбивать копьем⁶.

Сержант Кошкаров заметил у чукчей наличие состязания в беге по кругу на выносливость. Еще К. Мерк указывал, что оседлые жители, когда погода позволяла, каждый день вечером бегали по кругу на спе-

¹ Ресин 1888: 172.

² О проигрыше в единоборстве и о Эчетку: информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г. и март 2017 г.).

³ Рассказ П. И. Рольтыргина в августе 2015 г., переданный К. К. Уяганским (НИЦ «Чукотка», Анадырь).

⁴ У коряков-олюторцев мальчик сначала стрелял стрелами с деревянным наконечником, а только затем с острием из оленьего рога (Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 91, § 3).

⁵ Богораз 1900. № 133: 338; № 135: 361; Бабошина 1958. № 87: 213; Митлянский, Карахан 1987: 131; Вахтин 2000: 231; ср.: Козлов 1956: 133. Цитировано по: Бабошина 1958. № 95: 231; Нефёдкин 2016: 166. Подобное увертывание от стрел было типичной тактикой сибирских народов (Воскобойников, Меновщиков 1951: 179 (эвенки); Козлова 1956: 252 (юкагиры); 297 (эвены).

⁶ Ловля стрел: Козлов 1956: 20; 62; Леонтьев 1969: 130; 1979: 3; отбивание стрел копьем: Богораз 1900. № 93: 255.

циальной площадке. Еще в XX в. в каждом береговом селении существовала спортивная площадка в форме круга диаметром более 30 м, по периметру которого шли три дорожки, а по краям находились камни для поднимания (в Уэлене — Выёткорлян). Во внутреннем круге бежали дети, в среднем — пожилые, а во внешнем — молодые мужчины, состязавшиеся в выносливости на продолжительность пробега. Бежали по несколько часов каждый вечер. При этом старики могли подгонять отстающую молодежь рукавицей, наполненной камнями. Зимой сельчане также тренировались — в Наукане в пещере, где было ровное место¹.

В XVIII в., во время постоянных военных столкновений, бежали, как следует из показаний Кошкарова, в доспехах. Поскольку доспех был неудобен, то для сражения в нем была необходима определенная сноровка, которая и вырабатывалась путем тренинга. Кроме того, доспех надевали при перекочевке — с теми же целями. К. Мерк отмечал: «Молодые мужчины нередко упражняются в ношении панцирей, надевая их на целые дни, следуя за обозом нарт по боковым горным дорогам. Нередко им при этом приходится еще тащить на себе кое-какой груз»².

Упомянутая в записке от 1769 г. игра в мяч была просто спортивным соревнованием, напоминавшим регби, в котором можно бить мяч ногами. Мяч делался из оленьей шерсти, покрытой нерпичьей шкурой; иногда внутрь мяча зашивали бубенчик. Играли в него две команды (иногда юношей и девушек), борющиеся за обладание мячом, который нужно было донести до положенного места³.

Казак Б. Кузнецкий описывает упражнения оленных чукчей несколько по-иному (1756 г.): «Надев куяки и взяв луки со стрелами, и делают друг против друга один только пример, натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копья, такой же делают пример, как в сражении быть надобно, потому ж до устатку»⁴. Этот тренинг,

¹ De Windt 1898: 246; Леонтьев 1960: 132–133; 1969: 139; 1972: 89; Вэкэт 2012: 256; Леонова 2016: 78; каждый вечер тренинг: Мерк 1978: 135, 140; рукавица с камнями: Мой народ... 2012: 54; Уэлен: Леонтьев 1972: 89; площадка и пещера в Наукане: Леонова 2014: 19, 81–82, 115.

² Мерк 1978: 117; ср.: Богораз 1900. № 93: 254; Вдовин 1987: 106.

³ Леонтьев 1960: 133–134; 1969: 141; Богораз 1991: 202, 205; Мой народ... 2012: 52–53; Леонова 2014: 191–192. Относительно игры в мяч Н. Н. Беретти (1929: 28) упоминает, что у коряков и чукчей был своеобразный «хоккей с мячом», когда две команды гоняли палками травяной мяч, обмотанный шнуром. В предании «Гытычын» герой играет с соперником в камень-мяч — явно опасное состязание (Нутекеу 2005: 24).

⁴ КПЦ. № 70: 181.

с одной стороны, более условный, а с другой — более приближенный к боевым условиям. Основная разница со сражением заключается в том, что из лука не стреляли, а копьем не кололи. В данном случае отрабатывалась реакция воина на действие противника. Последовательность же упражнений чисто боевая. Воин в доспехе сначала действует луком, а затем, взяв копье, им сражается. Заметим, что панцирь при этом не снимается; копье, по-видимому, во время стрельбы воин не держал в руках — все это походило на боевую практику.

Непосредственно перед походом воины особенно интенсивно тренировались на спортивной площадке поселка. Как рассказывается в чаплинском предании о предводителе Виютку: «Каждый день, как велел Виютку, бегуны состязались в беге, борцы — в борьбе, в поднятии тяжестей, а копьеносцы — в метании копий». Действительно, существовали состязания и в метании дротиков¹.

Весь образ жизни чукчей с постоянными тренировками был нацелен на суровую борьбу за существование, готовность к перенесению голода и холода, к охоте на зверя, борьбе с врагами. Тренировка мальчиков велась индивидуально, поэтому они были превосходными воинами-индивидами в ущерб групповым действиям в бою. Традиции спортивной подготовки сохранялись еще и в первой половине XX в. Штабс-капитан Н. Ф. Каллиников восхищенно заметил об общей физической подготовке: «Чукчи, особенно оленные, замечательные ходоки. Это прямо какие-то стальные люди в преодолении усталости, голода, бессонницы... особенно в молодые годы»².

7. ВОЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

В соответствии со своей подготовкой воины могли специализироваться на том или ином способе боя. Это, естественно, не исключает того, что при необходимости воин мог сражаться и не по своей специализации, ведь еще не было ни различных родов войск, ни отдельных отрядов, специализировавшихся на каких-то военных занятиях. Согласно своим физическим данным, юноши по тренингу могли быть борцами или бегунами, реже и теми и другими. Первые и были, собственно, воинами в панцирях, способными разбить врага в рукопаш-

¹ Цитата: Меновщиков 1985: 307–310; Нефёдкин 2003: 301–307; 2016: 227; соревнования в метании дротиков: Богораз 1991: 199; ср.: Вэкэт 2012: 202.

² Каллиников 1912: 168; ср.: Головнёв, Перевалова, Абрамов и др. 2015: 74–78.

ной схватке. Впрочем, молодежь в конце XVIII в. кичливо считала, что сражаться в доспехе недостойно. По-видимому, это был определенный юношеский максимализм, ведь сражались все же в панцирях. Бегуны предназначались для преследования спасающегося бегством врага уже на финальном этапе боя. В частности, в эскимосском сказании о Виютку выделяются три основные специализации, в соответствии с которыми было поделено ополчение приморских жителей: борцы, бегуны и копьеметатели¹. Если первая категория бойцов, вооруженная луками, копьями и пращами, участвовала только в самой битве, то бегуны и, в меньшей степени, копьеметатели должны были преследовать разбитого врага. В небольшом мобильном отряде Кунлелю, передвигавшемся на оленьих нартах, была своя специализация: различались шаман, разведчик, умелый наездник, метатель копий и лучник. Существовали и более оригинальные «специализации» — упоминается и мастер по захвату языка².

При налете на стойбище врага воины также различались по своим задачам: одни были арканщиками, опрокидывавшими ярангу, другие — копейщиками, прокалывающими покрытие яранги, третьи — угоняющими стада³.

В самой битве воины в легком вооружении были подвижны в бою, а некоторая часть, очевидно, в панцирях, сражалась в группах или даже парах. Ведь в доспехе, особенно металлическом, напоминавшем узкое платье с разрезом справа, подвижность воина была ограничена⁴.

Естественно, каждый воин мог предпочитать то или иное оружие и в соответствии с этим сражаться. В. Г. Богораз, базируясь на своих наблюдениях, полагал, что воины южных телькепских чукчей в доспехах были вооружены фехтовальными копьями, тогда как легковооруженные воины были палиценосцами, пращниками, дротикометателями или имели в качестве главного оружия «каменные кистени на

¹ Специализация юношей: Меновщиков 1985. № 127: 307; презрение к доспеху: Сарычев 1952: 267; бегуны: Бабошина 1958. № 100: 242; Нефёдкин 2016: 147; сказание о Виютку: Меновщиков 1985. № 127: 307–310; Нефёдкин 2016: 216–223; ср.: Рубцова 1954. № 17: 250–251, § 272 (бегуны и силачи); Меновщиков 1958: 135; Костенецкая 1973: 183; Леонова 2014: 114 (бегун и стрелок); Нефёдкин 2016: 132.

² Отряд Кунлелю: Бабошина 1958: 238; Костенецкая 1973: 183; Беликов 1982: 191; Нефёдкин 2016: 114, 124, 132; поимщик языка: Бабошина 1958. № 98: 238–239; Нефёдкин 2016: 125.

³ Специализация воинов при набеге: Мерк 1978: 120.

⁴ Панцирники в группах: Козлов 1954: 143.

крепком ремне»¹. Судя по сохранившейся информации, у чукчей воины в доспехах сражались и луком, и копьем, у эскимосов же латники предпочитали лук и стрелы. Пращников и дротикометателей можно рассматривать как бойцов без доспехов. Воины с различным оружием, как уже отмечалось, не составляли отдельных отрядов, они располагались в строю в соответствии с их тактическими задачами.

В июле 1756 г. для переговоров с русскими на р. Красной на байдарках прибыли чукотские тойоны и 300 мужчин, «в луках и копьях исправные, дельные и лехкие люди, которые по их звания объявляли бойцами и к военному действию исправными». Русское донесение ясно передает статус этих трехсот человек, которые у чукчей считались «бойцами». Это выглядит достаточно странно, если учитывать, что все боеспособные чукотские мужчины проходили военную подготовку и были потенциальными воинами. Объяснение данному статусу можно найти в чукотском фольклоре. В предании «Хромой, да сильный» указывается, что в стойбище стоял сторожевой отряд воинов. Приводя свое фамильное канчаланское предание, С. Р. Якунина (в девичестве — Асадова) более подробно пишет о таком отряде: «Предки деда Тнэтегина не пасли оленей. Они занимались чисто военным делом. ...Предки деда Тнэтегина охраняли территорию Ейчгынэгти, а стойбища Гальмыргина и Авээна снабжали их одеждой, ездовыми оленями и оленьим мясом»². Таким образом, в период перманентной военной конфронтации на пограничных территориях устанавливались сторожевые отряды, воины в которых не должны были заниматься хозяйственными делами, а только упражнялись во владении оружием. Снабжение данных отрядов брали на себя те стойбища, территорию которых эти воины охраняли. Очевидно, данные отряды устанавливались в тех населенных пунктах, которые находились в пределах досягаемости противника (в данном случае — коряков) и которые были достаточно зажиточны, чтобы нести бремя содержания воинов.

Кроме того, согласно чукотским преданиям, среди чукчей существовал «класс» профессиональных воинов *яврзалъыт* (букв.: «одиночки»). Такой мужчина по внутреннему зову души уходил из стойбищ в горы, где тренировался годами, оттачивая свое боевое мастерство

¹ Тан-Богораз 1979: 53–54. О кистенях см. далее во второй главе, часть 3.9; Нефёдкин 2017: 153–154.

² Документ: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 27 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 36, 83; Зуев 2009: 166; Нефёдкин 2016а: 87, 136, 237; данные фольклора: Беликов 1982: 198; Асадова 2012: 5; Нефёдкин 2016: 89.

до тех пор, пока он не узнавал, что где-то живет другой такой же воин-отшельник, которого он, придя, вызывал на смертельный поединок¹.

В эпоху постоянных войн второй половины XVII–XVIII в. стали складываться определенные военные структуры, которые, впрочем, не получили дальнейшего повсеместного развития из-за прекращения крупномасштабных столкновений. Однако традиция воспитания воинов осталась, хотя теперь она стала групповой. У олойских чукчей на границе с коряками, по воспоминаниям В. П. Кевкея (сентябрь 2013 г.), еще в 1930-е гг. существовали специальные лагеря, где юноши из соседних стойбищ с 14–16 лет обучались владению оружием и навыкам рукопашного боя. Молодые люди занимались лишь военной подготовкой, а продовольствие им, по предположению рассказчика, доставляли их стойбища. Всего в лагере было 10–15 учеников, среди которых в лагере у р. Маракваам был и отец В. П. Кевкея — Петр Семенович Кевкей (1918–1980). Согласно конергинским преданиям, в подобных подростковых лагерях детей обучал силач².

¹ Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.). По мнению И. С. Гурвича (1975: 89–95), мифические чучуны в Якутии представляли собой выходцев с Чукотки. В таком случае не связаны ли они неким образом с воинами-отшельниками?

² Информация В. Д. Тымнэраскова (1969 г. р.) (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

Глава II

ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ, СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Чукчи не имели ремесленников, производивших военное снаряжение. В конце XIX в. «кузнецы» оседлых чукчей и эскимосов умели изготавливать лишь простые изделия из полос железа методом холоднойковки¹. Согласно М. Соуру, в его время оседлые жители производили луки, стрелы и копья². Оленные чукчи сами не производили вооружение, исключение составляли лишь стрелы — наиболее расходуемое оружие, довольно простое в производстве. Так, к примеру, в коллекции Н. П. Сокольского в РЭМ есть стрела с наконечником, сделанным из напильника или из старого лезвия ножа. Очевидно, собственно чукотскими изделиями являются и стрелы, имеющие наконечники из котельной жести или листового железа. Возможно, именно нуждами подобного производства и объясняются российские подарки — пластины доспеха — восточносибирским народам («полицы куяшные»). Панцири обычно чукчи не производили сами. Хотя, с другой стороны, уже в конце XVIII в. чукчи просили у русских медные листы именно для производства панцирей. Оружие обычно обменивалось или захватывалось в ходе набегов. В XVIII в., когда шли войны, одним из основных источников получения оружия была военная добыча; после же этого периода остался один источник — торговля³. От юкагиров чукчи по-

¹ Богораз 1991: 76; Тан-Богораз 1934: 11.

² Sauer 1802: 105–106, 110; Воскобойников, Меновщиков 1951: 579; Козлов 1956: 186.

³ Наконечники из напильника и ножа: Ухтомский 1913: 115. Рис. 6g и 4g; чукотские жестяные наконечники: Ухтомский 1913: 111; полицы куяшные: Орлова 1951. № 140: 364; Белов 1952. № 12: 60; № 19: 77; № 58: 172; № 66: 194; № 67: 196; медные листы: Вдовин 1965: 34, 39; ср.: Богораз 1899: 365; Сарычев 1952: 239.

лучали копья, пальмы, китайские ножи; от аляскинских эскимосов — луки и стрелы; от коряков же и американских эскимосов — панцири; от русских с 1788 г. регулярно — табак, котлы, ножи и другие железные изделия. Кроме того, доспех из Музея культур в Хельсинки, полученный от анадырских чукчей, считается добытым от ительменов¹.

1. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

1.1. Доспехи

Чукчи использовали два основных типа доспеха: кожаный ленточный-ламинарный и костяной или роговой (позднее железный) пластинчатый-ламеллярный². Кожаные и железные доспехи представляли собой латы, закрывающие воина с головы до колен или даже до середины голени, тогда как костяной ламеллярный панцирь был полукирасой или кирасой, защищавшей корпус воина. Как отметил И. С. Вдовин, наиболее распространенным был доспех из моржовой кожи, поскольку он был более дешевым. Ламеллярный доспех ценился дороже. Пластины такого доспеха делались из ребер оленя, моржового клыка, китового уса, в XVIII в. их изготовляли из железа, сохранив при этом сам тип панциря. Основным материалом для таких доспехов были клыки моржа, реже кость, по Г. Миллеру же, панцирь делался из попеременно скрепленных пластин из моржовой кости и китового уса. Судя по всему, доспех был самым обычным видом оборонительного оружия у чукчей в XVIII в. Поскольку царское правительство запрещало продавать чукчам железо, то такие приобретенные латы считались наиболее ценными³. Во второй четверти XVIII в. железные доспехи стали постепенно теснить костяные. Так, в 1731 г. у чукчей были «куяки железные и лахташные». Информанты о походах Д. И. Павлуцкого обобщали: чукчи имели «куяки железные,

¹ Торг оружием: Словцов 1856: 21; Врангель 1835: 604–608; юкагиры: Линденау 1983: 163; Андреев 1940: 156; аляскинские эскимосы: Мерк 1978: 116; Меновщиков 1959: 27; коряки и американские эскимосы: Мерк 1978: 116; русские: Лессепс 1801. Ч. II: 115; ительменский доспех: Päläsi 1983: 104.

² О типологизации конструкции доспехов. Худяков, Соловьев 1987. 138.

³ Доспех из кожи моржа: Вдовин 1965: 36; материал панцирей: Вдовин 1965: 36; Кашеваров 1846. № 228: 911–912; мнение: Миллер 2009: 346; ср.: Laufer 1914: 263, п. 3; запрет продажи железа: Мерк 1978: 116–117; Sauer 1802a: XXVI, п.; Григорьев 1876: 572; Вдовин 1965: 36.

костяные, выделанные так же, как и железные»; у них «куяки железные, костяные, выделанные так же, как и железные, и лахташные, то есть лысовых и моржовых кож». В 1739 г. участники того же похода 1731 г. рассказывали про вооружение чукчей: «вместо лат ис китовых усов и рыбьей кости, лосиною кожею обшитые, на грудях и на спине, и на руках имели». Капрал Г. Г. Шейкин отмечал, что «чукчи ж место панцыря во время баталии надевают куюки однобоки, сделаны из железа и из китовых усов» (1750-е гг.). Записка от 1769 г. упоминает у чукчей «куюки железныя, костяныя, тож и панцыри». В 1775 г. коряки, преследовавшие чукчей после поражения последних под Гижигой, захватили у противника лишь железные куюки¹.

Наиболее дешевым был ламинарный доспех из кожи лахтака — крупного тюленя, называемого морским зайцем (*Phoca barbata*). К. Г. Мерк со свойственной ему немецкой скрупулезностью так описал данный доспех: «Их панцирь — Murgau — состоит из заднего щита, который представляет собой деревянную доску четырехугольной формы в один дюйм толщины [2,5 см], в полтора фута длины [45 см] и в один фут и три дюйма ширины [37,5 см], которая снаружи и изнутри обтянута окрашенной в белый цвет тюленьей кожей и закрывает затылок и голову. Сверху, частично по краям, а также по середине щит окрашен в красный цвет, и с него свешиваются окрашенные кисти. К заднему щиту прикреплен с левой стороны передний щит, свободный и гибкий, состоящий из четырех тонких также обтянутых внутри и снаружи тюленьей кожей дощечек в четыре дюйма ширины [10 см], которые заканчиваются спереди куском из двойной кожи лахтака в шесть с половиной дюймов ширины [16 см]. Эти дощечки соединены друг с другом узкими ремнями, а передние дощечки скошены наверху вдоль. Для удлинения панциря служат загнутые вокруг тела человека восемь ременных лент из кожи лахтака в два слоя. Первая лента шириной в пять дюймов [12,5 см], остальные — в четыре дюйма [10 см]². Задний щит прикреплен ремешками

¹ Сведения 1731 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 10; № 539, ч. 2, д. 6, л. 66 об.; Вдовин 1965: 37; походы Д. И. Павлуцкого: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 11 об.; Вдовин 1965: 35; Нефёдкин 2016а: 114, 194; описание 1739 г.: Охотина-Линд, Мёллер 2015: 369; данные Г. Шейкина: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Вдовин 1965: 37; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 103; записка 1769 г.: Окладников 1948: 36; 1775 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 14; Зуев 2009: 221; Нефёдкин 2016а: 313.

² В переводе З. Д. Титовой 10 дюймов — 25 см. Цифра, приводимая И. С. Вдовиным (4 дюйма), представляется, исходя из длины самого доспеха, более реальной.

к самой верхней ленте, последующие ленты соединены друг с другом таким же образом. Снаружи недалеко от верхнего края прикреплены ровдужные ремешки, которыми нижняя часть панциря подвязывается к поясу, и это обеспечивает передвижение в нем. Спереди к самой верхней ременной ленте прикреплена нагрудная часть из кожи лахтака, взятой вдвойне, шириной десять дюймов [25 см] и длиной в семь дюймов [17,5 см], имеющая у шеи закругленный вырез, по бокам которого прикреплены закрепки из кости или китового уса, которые служат для притягивания панциря. Такие же кости просунуты в прорези ремня, пропущенного сзади внутри верхней ленты, как и через задний щит, лежащий на плечах. Через петлю переднего щита просовывают чукчи левую руку (а иногда и правую, если передний щит имеется у них и с правой стороны, что бывает реже), благодаря чему они могут отгибать щит вперед и назад. С правого бока нижняя часть панциря соединяется только наверху на груди при помощи петли, в которую входит крючок, а внизу она открыта». Именно такой тип доспеха приводит на своем рисунке художник экспедиции И. Биллигса Лука Воронин¹.

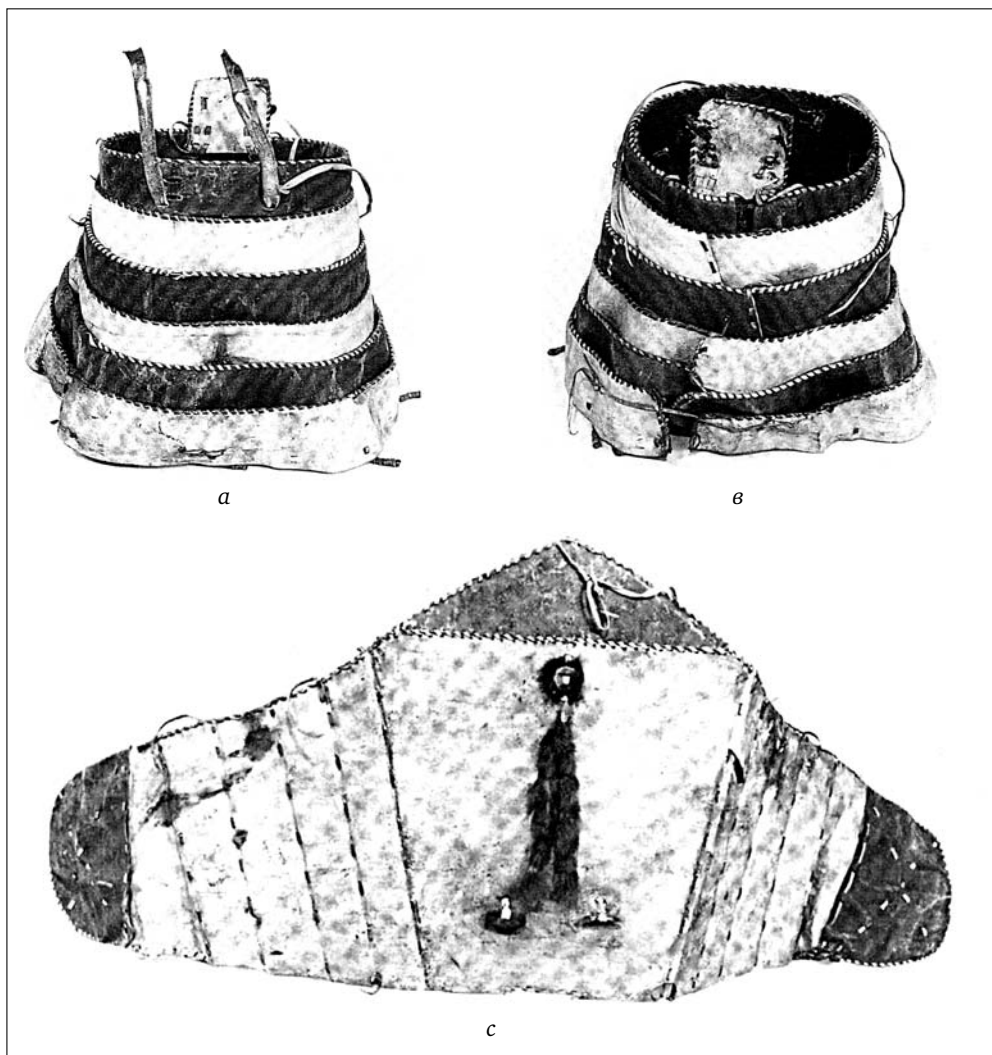
Итак, основным элементом данных лат являлись кожаные ленты, которые защищали низ корпуса воина до колен. Таких лент могло быть различное количество: судя по четырем экземплярам с Чукотки, хранящимся в американских и российских музеях, 7–11, в зависимости от роста воина и ширины самих лент. Причем сами ленты могли быть не только двух-, но и четырехслойными: две ленты из тюленьей кожи обкладывались по бокам двумя моржовыми, что увеличивало толщину и, как следствие, непроницаемость доспеха. В основе верхнего обруча был китовый ус, который и обтягивался кожей лахтака. Грудь воина защищал прямоугольный нагрудник из двойной или даже тройной кожи. Ламинарный подол держался на воине посредством двух ремешков, идущих поверх плеч сзади от верхней ленты вперед к двум запонкам сверху нагрудника, где они и скреплялись; других два ремня, выходящих сзади из этой же ленты, крепились на паре «пуговиц» назатыльника, связывая таким образом верхнюю и нижнюю части доспеха. На крыле ближе к краю располагались два ремня, один большой, идущий от верхнего угла крыла до нижнего, и на самом конце — небольшая петля для кисти. Отпустив последнюю, можно было свободно действовать рукой, тогда как панцирь держался на лямке около подмышки. Если же не браться за крайнюю

¹ Цитата: Мерк 1978: 116; ср.: Вдовин 1965: 36; рисунок Л. Воронина см.: Самойлов 1945: 112; Антропова 1957: 205. Рис. 22; Нефёдкин 2003: 61; 2017: 84.

Чукча в ламинарном доспехе с левым крылом. Гравюра по рисунку Луки Воронина (1729–1786), рисовальщика в экспедиции И. Билингса (1785–1792 гг.). Единственное известное изображение чукотского воина в доспехе XVIII в. Воспроизведено по: Антропова 1957: 205, рис. 22

ручку, то можно было свободно действовать кистью в рамках вертикальной лямки. Особенностью данного панциря являлось то, что он не закрывал полностью правый бок бойца. Вероятно, это связано с тем, что воин большую часть боя стрелял из лука, повернувшись к противнику защищенным левым боком. Именно для прикрытия от стрел противника, главным образом, и предназначался такой пан-

Эскимосский ламинарный доспех из тюленьей кожи с мыса Дежнева, который, как и поножи из мамонтовой кости, был приобретен Полевым музеем естественной истории в 1905 г. Подол доспеха состоит из шести частично выбеленных лент, к верхней из которых, усиленной китовым усом, прикреплен двойной кожаный нагрудник с двумя запонками для крепления наплечных ремней. Спереди нижняя лента не сплошная, а соединена ремешком. Наспинник (по центру высотой 58,5 см) состоит из прямоугольного куска дерева, обтянутого кожей. С обеих сторон наспинника идут крылья, каждое из которых состоит из четырех кусков дерева, обтянутых кожей, и двойного кожаного клапана на конце. На внутренней стороне крыльев закреплены две пары петель: одна для крепления у плеч, а вторая, снизу у краев, — для кистей. Снизу по центру наспинника две запонки удерживают ремень для крепления крыльев ремешками к подолу из лент. С внешней стороны наспинника — кожаный круглый амулет, окаймленный красным мехом, к которому привешены два хвоста. а-в) вид доспеха сзади и спереди, с) вид крыльев изнутри и снаружи. Полевой музей естественной истории в Чикаго, № 34150–34151. Воспроизведено по: VanStone 1983: figs. 3–5.

цирь¹. Воин в таком доспехе был малоподвижен в бою, но панцирь защищал его от метательного оружия врага. Специалист по единоборствам Г. М. Панченко даже считал, что металлические доспехи менее сковывали движение, чем подобные кожаные, и ловко увертывался от стрел лишь чукотский воин, не имевший доспеха².

В. Г. Богораз упоминает технологию изготовления кожного корякского панциря, говоря, что его вываривали в кипятке и прошивали шнурками из жил с оленьих ног. Согласно экспериментам Дж. Коулза, после того, как он на 30 секунд погрузил реплику кожного щита в горячую воду (+80 °C), кожа затвердела и стала водонепроницаемой, но вместе с тем она легко изгибалась. Таким образом, кожу вываривали для того, чтобы она отталкивала воду и не портилась, сохраняя при этом эластичность. Естественно, кожа сушилась на солнце³.

Следующий вид панциря — ламеллярный (а по общему виду — ламинарный) доспех оленных чукчей — описал в 1792 г. другой участник экспедиции И. И. Биллингса — капитан Г. А. Сарычев: «Некоторые из чукчей, и то редкие, употребляют латы, надевая их на себя при нападении на неприятеля. Ими закрывает себе чукча голову и все тело по колено, кроме правой руки, в которой имеет копье, левою же рукою держит у лат откидное крыло, которым закрывает свое лицо от неприятельских стрел. Латы сии состоят из нескольких поперечных полос, одна над другой, составленных из тонких коротких деревянных дощечек, обшитых оленьей выделанной кожей. Полосы сии окружают поперек человека и привязаны одна к другой ремешками так, что можно их удобно поднимать кверху, дабы при случае ухода от неприятеля свободно было бежать. Чукчи признавались, что сии латы при нападении на неприятеля неудобны и мешают свободно действовать и только полезны могут быть убегающему от неприятельских стрел.

¹ Доспехи см.: Национальный музей естественной истории в Вашингтоне, № 2436–2437 (Hough 1895: 633, Pl. 4); Полевой музей естественной истории, № 34150–34151 (1850-е гг.; VanStone 1983: 6); МАЭ, № 424-9 (9 лент); РЭМ, № 4859-18 (11 лент); 4859-46 (7 лент); Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева (Прокопец 2012: 106–109: 8 лент, с Камчатки); ср.: Hughes 1984: 245. Fig. b; Сарычев 1952: 261; Нооер 1853: 162. Экземпляр ленточного доспеха с о. Св. Лаврентия: МАЭ, № 593-74; Антропова 1957: 204, рис. 21; Нефёдкин 2003: 113.

² Панченко 1997: 242–243; увертывание от стрел: Богораз 1900. № 132: 337; № 133: 338; Бабошина 1958. № 87: 213–214; № 90: 217; Нефёдкин 2016: 171.

³ Выварка панциря: Тан-Богораз 1979: 98; эксперимент Дж. Коулза: Малинова, Малина 1988: 79; просушка кожи на солнце: Нооер 1853: 162.

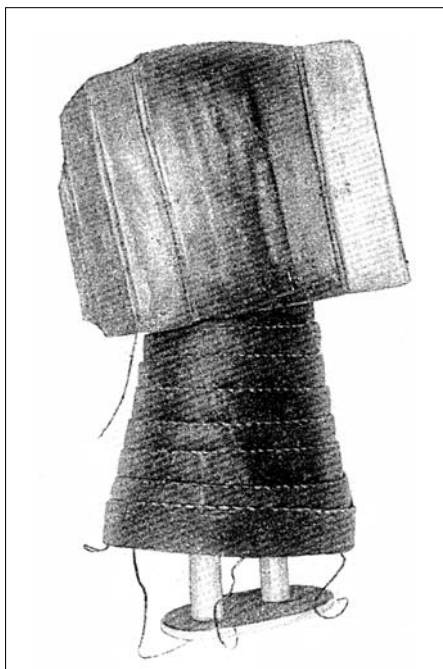
Кожаные доспех и шлем из коллекции, собранной Н. П. Сокольниковым в Анадырском районе в 1904–1907 гг. Доспех состоит из 11 двойных лент из нерпичьей кожи, соединенных в шести местах тройными рыжими нерпичьими ремешками. К верхней ленте прикреплен кожаный толстый нагрудник размером 28 × 19 см. Шлем с наушниками из двойной моржовой кожи. РЭМ, № 4859-18–19. Воспроизведено по: Нефёдкин 2017: 71.

А потому все храбрые чукчи почитают за стыд их иметь, как явный признак трусости». Другой участник экспедиции М. Соур, приводя изображение чукотского воина, выполненное по эскизу художника экспедиции Л. Воронина, дает несколько иное описание: «Доспех сделан из тонкой кости либо из деревянных планок (lathwood), либо, если могли их достать, предпочитают железные обручи (hoops); они скреплены вместе тюленьими жилами так, чтобы изогнуться в обе стороны, и покрываются сверху кожей, которая укреплена кусочками китового уса, что придает ему вид столь многочисленных колец. Они снабжены петлями и пуговицами, на которые они вешают свои луки, стрелы и т. д.; верхняя часть иногда спадает вниз»¹. В 1867 г. Г. Майдель отмечал

¹ Сарычев 1952: 267; Sauer 1802a: 247, p. XXVI; p. 321, pl. XIV.

подобный доспех из лахтачьей кожи как характерный для оленных чукчей Чукотского полуострова: «Только там еще найдутся старые чукотские латы, сделанные из лафтока с деревянными обручами»¹.

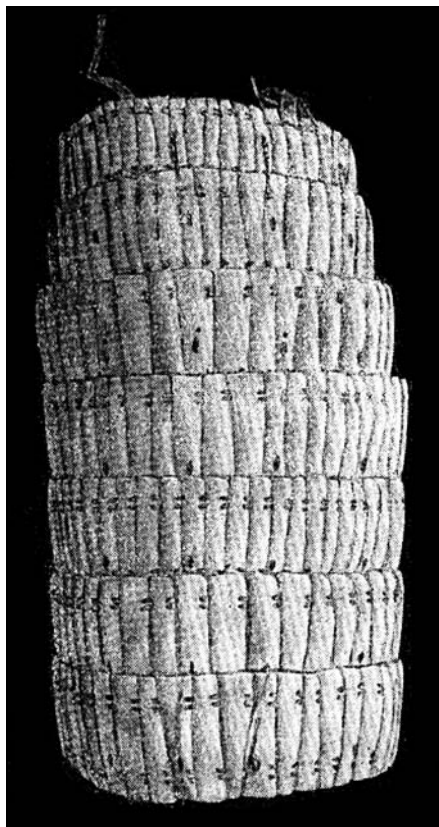
Таким образом, перед нами тот же, что и предыдущий, тип панциря, только ленты данного доспеха сделаны не из кожи, а из деревянных пластин, обтянутых кожей и связанных между собой. По достаточно сумбурному описанию М. Соура можно подумать, что дерево вставлялось в панцирь для усиления броневых качеств по образцу конструкции крыльев. Кожа же, в свою очередь, предохраняла дерево от сырости. Причем в кожу зашивались не только дерево, но, судя по описанию М. Соура, и костяные пластинки. Вероятно, данный доспех появился позднее, по образцу кожаного панциря, в подражание конструкции которого он и производился. Возможно, использование дерева для этого доспеха было восточным американским влиянием. Ведь индейцы Северо-Запада широко применяли панцири из дощечек и стволов, он существовал у алеутов, аляскинских эскимосов, тлинкитов; айны Кунашира в XVIII в. также использовали ламеллярный доспех из деревянных пластинок. Однако вид доспеха тут был иной. Иеромонах Гедеон так описывал панцирь эскимосов о. Кадьяк (1804 г.): дощечки толщиной 2 см, шириной 4,4 см связывают между собой жильными нитками, длиной они 62 см сзади и 35 см спереди; сверху грудь защищал еще плотно связанный ряд дощечек длиной 17 см². В общем, перед нами деревянная кираса, похожая на эскимосские панцири из кости или моржовых клыков. Доспехи сами чукчи в основ-

Кожаный ламинарный панцирь с правым крылом с Чукотки. Вид сзади. МАЭ, № 434-9. Воспроизведено по: Антропова 1957: 202, рис. 20

¹ Майдель 1925: 30; ср.: Нейман 1871. Т. I: 18; Богораз 1900. № 127: 331.

² Деревянные доспехи: Чулков 1785. Кн. 2: 462, 464; Ratzel 1887: 185–192, 200; Burch 1988: 230. Fig. 306 (right); Шнирельман 1994: 118; тлинкиты: Зорин 2016: 104–107; айны: Берг 1949: 142; доспех с Кадьяка: Гедеон 1994: 61.

Панцирь с Чукотки из семи рядов пластин из рога оленя. РЭМ, № 4859-14. Панцирь происходит из Анадырского района и принадлежит к коллекции, собранной Н. П. Сокольниковым в 1904–1907 гг. Воспроизведено по: Антропова 1957: 206, рис. 23

ном не производили, а получали их у коряков или американских эскимосов¹. Собственно чукотско-эскимосской инновацией было покрытие пластин кожей в подражание уже существовавшей конструкции кожного панциря. Хотя предпочтение все же отдавали железному панцирю, как заметил М. Соур.

Один из видов ламеллярного неметаллического доспеха был переходным от кожного ламинарного к кирасе. Так, чукотские латы из РЭМ (№ 4859-14) представляют собой длинный, до бедер (74,5 см), нагрудник из семи полос узких тонких вертикальных пластин (12×3 см) из оленьего рога, нижние из которых перекрывали верхние. Пластины связаны между собой ремешками из кожи нерпы. Нагрудник был достаточно глубокий и защищал бока воина вплоть до лопаток, где стороны сходились. Этот панцирь, согласно приобретенному комплекту, носился вместе с двойным кожаным левосторонним крылом высотой 59 см и длиной 1,35 м (РЭМ, № 4859-17)². Возможно, самого подола не было, и панцирь прикрывал верхнюю часть

корпуса воина. Сам панцирь держался на плечах с помощью ремней, которые крепились ближе к переду парой костяных запонок.

Другой вид панциря являлся кирасой. Так, мореплаватель А. Э. Норденшельд (1832–1901) в начале 1880-х гг. приобрел у чукчей ламеллярный панцирь из трех рядов пластин из моржового клыка, видимо, в виде длинной кирасы. Пластины имели размер 12×4 см, толщина их была значительной, около 1 см; они соединялись традиционно — через три пары отверстий. Неясно, были ли у этого панциря кожа-

¹ Мерк 1978: 116; ср.: Вдовин 1965: 35.

² Thordeman 1939: 263. Fig. 252; Антропова 1957: 206. Рис. 23; Зуев 2009: рис. 18.

Панцирь с Чукотки из трех рядов пластинок из моржовой кости. Воспроизведено по: Nordenskiöld 1882: 103, Abb. 7.

ные детали — автор об этом ничего не сообщает. Впрочем, ничего невероятного в этом нет. Такой доспех был типичным для эскимосов. Аналогичный чукотский (?) доспех из семи рядов пластин размером $12 \times 1,5$ см, сделанных из трубчатых костей и ребер, происходит из коллекций бывших российско-американских владений (рубеж XVIII–XIX вв.). Подобный же вид имели и доспехи из рядов вертикальных пластин, сделанных из китового уса, прикрывавшие воина до середины бедра; этот эластичный панцирь, естественно, был эскимосского происхождения¹. Такой тип кирасы применялся и аляскинскими эскимосами. Так, с мыса Принца Уэльского происходит панцирь из трех рядов пластин 2,5 см шириной и 15 см длиной, общей высотой

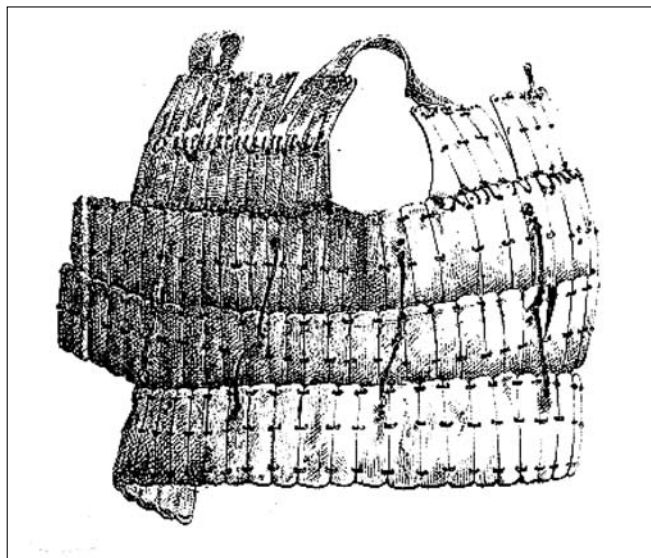
¹ Hough 1895: 634; Антропова 1957: 210; ср.: Кашеваров 1846. № 228: 911–912; Александров 1872: 85; Вдовин 1987: 72; Новикова 1987: 101 (коряки). Комплект из семи роговых (?) пластин размером $11\text{--}14,2 \times 1,7\text{--}2,8$ см с 10 отверстиями в каждой (одна — с тринадцатью) хранится в анадырском музее (ЧОКМ-4068 / 1–7).

Эскимосский нагрудник из трех рядов костяных пластин с о. Св. Лаврентия (начало XIX в.). МАЭ, № 571-99. Воспроизведено по: Антропова 1957: 208, рис. 25

Пластинчатый панцирь с острова Св. Лаврентия, найден в XIX в. Сделан из костей, связанных сыромятными ремнями, наплечники — из кожи. Музей Шелдона-Джексона (Ситка, США). Воспроизведено по: Bandi 1977: 17

Эскимосский панцирь из пластин из моржовой кости с мыса Принца Уэльского (Аляска). Панцирь состоит из трех рядов пластин с шестью отверстиями в каждой размером в среднем $2,5 \times 15$ см. В нижнем ряду — 43 пластины, в среднем — 38, в верхнем — 10 для защиты груди и 8 спины. Панцирь держался на воине посредством ремней. Национальный музей США, № 153491. Воспроизведено по: Hough 1895: 632, fig. 1

1,1 м, хранящийся в Национальном музее в Вашингтоне (№ 153491). Пластины крепились в ряд ремешками через шесть отверстий, по три с каждой стороны¹.

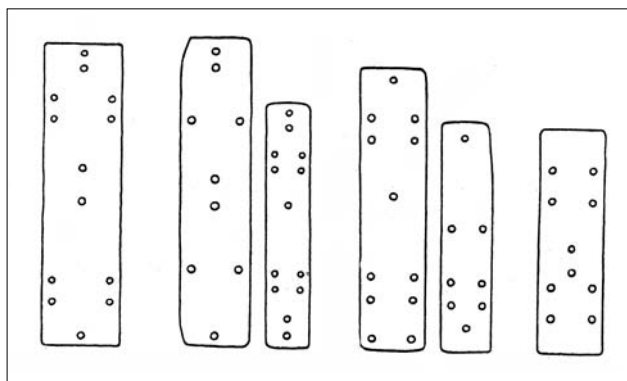
Причем, судя по упоминанию у уназикского эскимоса Айвангу (1926–1963), панцирь из моржовых пластин носился под кухлянкой. Эта же традиция ношения панциря под одеждой была характерна для эскимосов Западной Аляски².

Эскимосские доспехи из пластин из клыков моржа имели одну систему перфорации: по три с каждой продольной стороны пластины. Иногда отверстия двойные, подчас добавлено третье отверстие в центре или сверху, или снизу³. Подобная система креплений из трех пар отверстий является довольно древней на Чукотке. Такие пластины найдены в Пегтымельской пещере и датируются периодом древнеберин-

¹ Hough 1895: 632. Pl. 2; Laufer 1914: 256. Pl. XXIX; ср.: Волков, Руденко 1910: 190. Рис. 23; Thornton 1931: Pl. between p. 24–25.

² Айвангу 1985: 53; об аляскинских эскимосах см.: Nelson 1899: 330; Burch 1974: 5; 1998: 72, 110, 117; Malaurie 1974: 143.

³ Laufer 1914: 264, n. 1.

Формы перфорации на пластинах от ламеллярных панцирей с Чукотки.

Воспроизведено по: Thordeman 1939: 247, figs. 232, 45–50

Назатыльный панцирь из восьми пластин из моржовых костей общим размером 45 × 50 см. Эскимосы Аляски. Музей этнографии в Невшателе (Швейцария), Don Alfred et Antoine Borel, 1882-VI 193. Открытка музея, где предмет назван нагрудником.

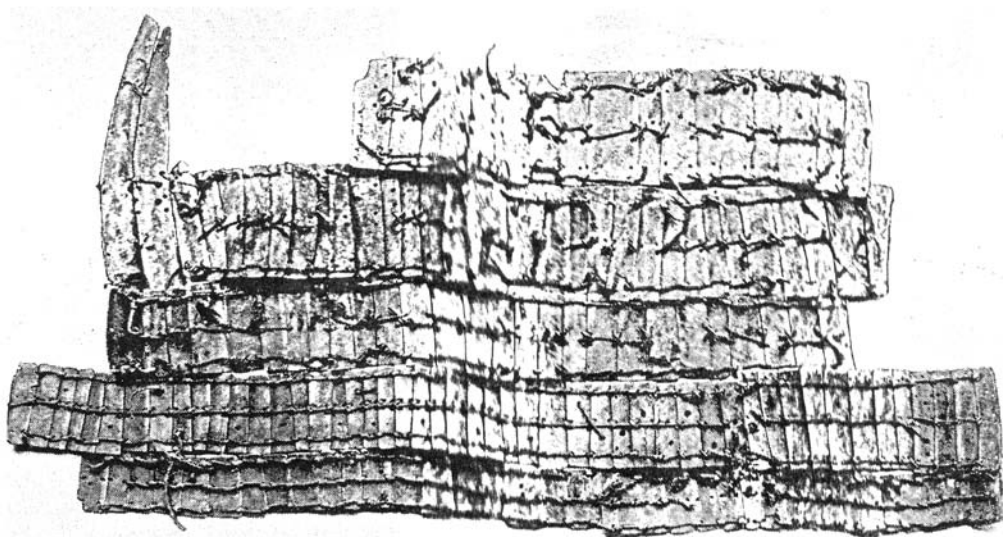
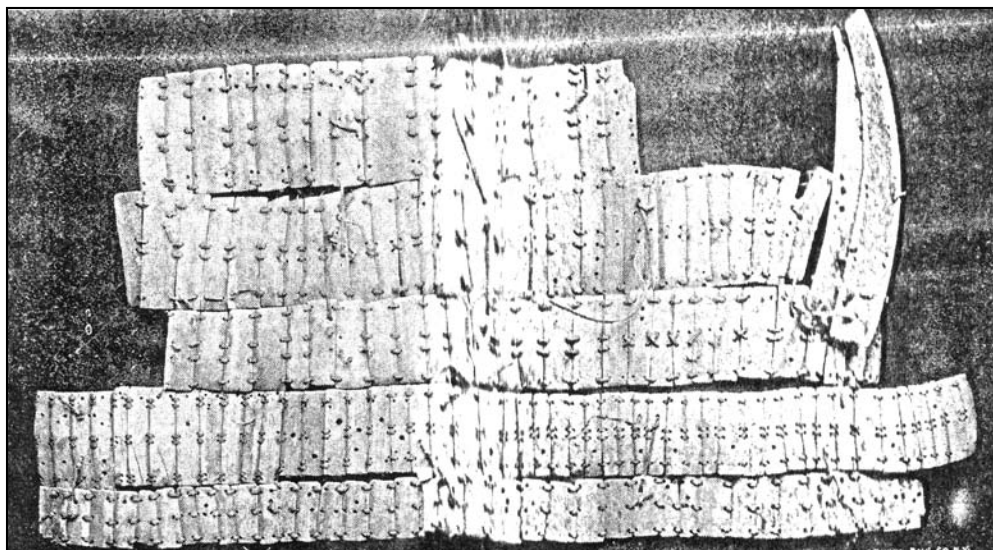
гоморской культуры — V–VI вв. Известный шведский оружейвед Бенгт Тордеман (1893–1990) также отмечал следующие особенности конструкции ламеллярного доспеха Северо-Восточной Сибири: пластины не перекрывают друг друга, ремешки креплений идут горизонтально; в целом же система перфорации напоминает тибетский доспех. Эта система отверстий затем была перенесена на металлический доспех¹.

В начале 1849 г. британский лейтенант Уильям Х. Хупер (1827–1854) так описывает еще один вид кирасы прибрежных жителей, принесенный ему для показа его знакомым Амолином (Ahmoleen) из Янраная: «Он [доспех] состоял из наспинника и нагрудника из моржовой кожи, по крайней мере, четверть дюйма толщиной, в некоторых местах удвоенной, настоящей доски для прочности, постепенно высушенной на солнце. На них были закреплены перекрывающие друг друга плоские тонкие железные пластинки. Они, очевидно, приносили очень мало пользы для усиления кожи, через которую, похоже, стрела не могла пройти; поэтому *они* были лишь дополнительной обузой для *и так* уже очень неуклюжего предмета, который был, в самом деле, как Амолин пояснил, слишком тяжелым, чтобы носить *его* в сражениях, где требуется активность»². Хотя описание англичанина достаточно общее, но ясно, что речь идет о пластинчатом панцире из металлических пластин, прикрепленных на кожаную основу, состоявшую лишь из нагрудника и наспинника, а также некой деревянной части — вероятно, назатыльника. Приводится толщина кожаных частей — 0,6 см, в опасных местах — 1,2 см. Сам Амолин полагал, что данный доспех излишне тяжел для битвы, для ведения которой требуется подвижность.

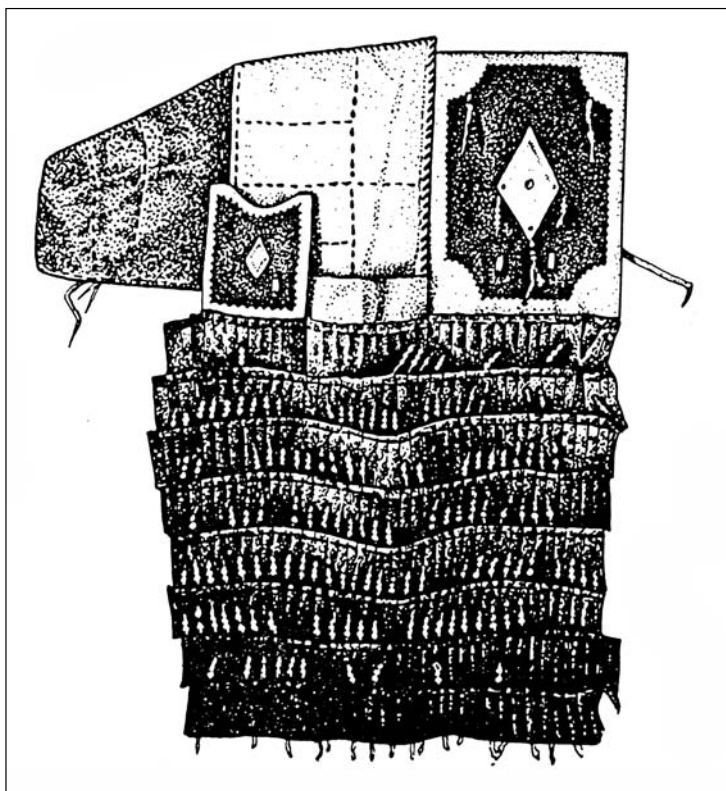
Ламеллярный железный доспех повторял конструкцию костяного и деревянного. К. Мерк об этом доспехе замечает: «Также есть у чукчей железные панцири, сделанные из соединенных ремнями друг с другом продолговатых четырехугольных кусков железа, которые они особенно ценят». Если взять чукотские латы из МАЭ (№ 434-10а), то увидим, что они представляют собой подол из семи железных лент из пластинок, который прикреплен к наспиннику с одним правым крылом, спереди имеется кожаный нагрудник. Подобные железные пластины имели длину 6–12 см, а ширину — 2–3 см. Крылья и нагрудник для прочности обиты железом, на них прикреплены металлические декоративные бляхи из того же материала. В качестве украшения к каждой пластинке доспеха могли прикреплять нитку с несколькими

¹ Древнеберингоморская культура: Диков 1971: 43; мнение: Thordeman 1939: 255–256; Laufer 1914: Pl. XXIX.

² Hooper 1853: 162.

Эскимосский панцирь из пластин из моржовой кости с острова Крузенштерна. Внешняя и внутренняя сторона. Панцирь состоит из пяти рядов пластин с 6–13 отверстиями в каждой. В нижнем ряду — 40 пластин (размером 3,1 × 7,6 см), во втором — 49 пластин (размером 2,5 × 7,5 см), в третьем — 28 пластин (4 × 8,9 см), в четвертом — 31 (3,8 × 15,4 см), в верхнем — 16 пластин (3,2 × 15,4 см); две отдельные пластины, сделанные из клыка, закреплены на боку в качестве застежки. Национальный музей США, № 64290. Воспроизведено по: Nelson 1899: Pl. XCII; описание: Hough 1895: 633; pl. 3

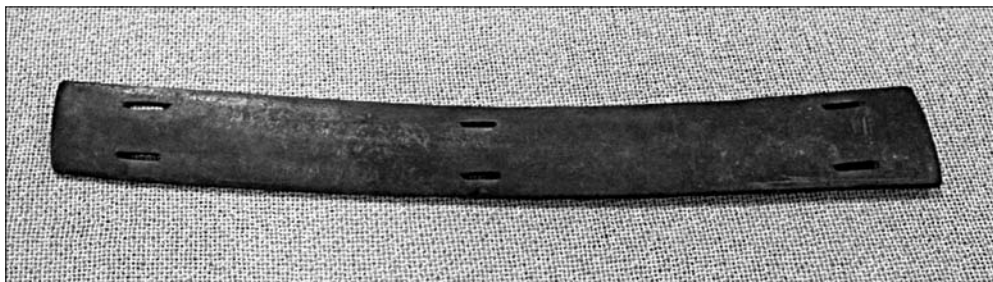
Доспехи с Чукотки из этнографической коллекции бывших российско-американских владений (РЭМ). Воспроизведено по: Деревянко 1987: 113. рис. 23

Латы, видимо, можно датировать XVIII в. Верхняя часть доспехов состоит из трех досок, две из которых предназначены для действия левой рукой, а третья является наспинником. Последний (размером 37×53 см) обтянут желтой кожей, обит по краю железом и украшен посередине жестяным ромбом. Прямоугольный с полукруглым вырезом сверху нагрудник из обтянутого кожей дерева укреплен по краям жестью и прикреплен к подолу доспеха, состоящему из восьми рядов железных пластин размером 2×11 см. Доспех украшен многочисленными подвесками из синих, голубых и белых бус, закрепленных на каждой пластине панциря. Общая длина панциря 1,23 м, ширина внизу — 86 см (Волков, Руденко 1910: 190)

бусинками, как на доспехе из российско-американской этнографической коллекции, к каждой пластинке которого была прикреплена веревочка с тремя крупными синими бусинками¹.

Железный доспех имел систему отверстий, отличную от брони из клыков. Тут базовыми были две пары отверстий с каждой стороны, че-

¹ Цитата: Мерк 1978: 116–117; МАЭ: Антропова 1957: 211–213. Рис. 27; Thordeman 1939: 262. Fig. 251; Богораз 1991: 101; бусинки: Волков, Руденко 1910: 191. Табл. VIII d.

Панцирная пластина из оленьего рога длиной 21,6 см из Инчоуна (Чукотский район); поступила в музей в 1973 г. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1647; Э-333)

рез них пластины крепились в ряд. Отверстия сверху и снизу служили для закрепления ремня, соединяющего горизонтальный ряд, а через одно-два отверстия посередине пластины внешним косым ремешком соединяли сами ряды¹.

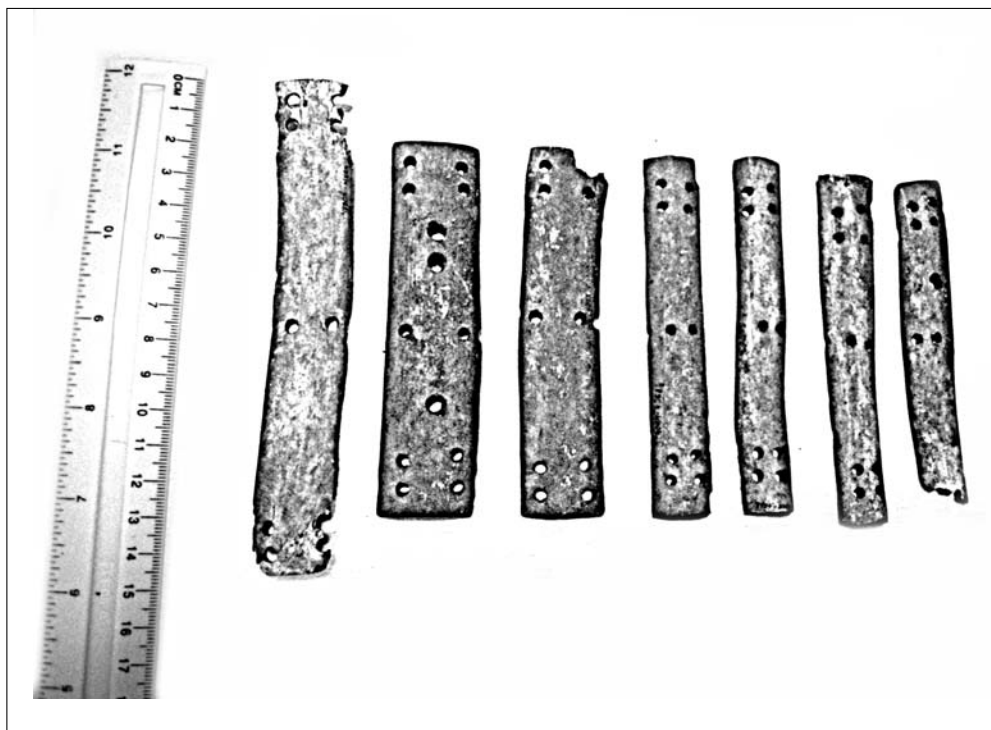
Типичный пластинчатый железный доспех хранится в Музейном центре «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1625; Э-314). Мне представилась возможность его исследовать в сентябре 2013 г. Согласно музейной описи, в Чукотский областной краеведческий музей в Анадыре доспех передал бригадир-оленеvod Семен Михайлович Рыноватау (1941 г. р.) из села Мейныпильгыно в 1973 г.² Опись, ссылаясь на семейное предание, рассказывает, что доспех был захвачен беринговскими чукчами у коряков, а позднее хранился как реликвия в семье потомков Кунлелю, представителем седьмого поколения которых и был С. М. Рыноватау.

Основой данного доспеха является прямоугольный деревянный наза-тыльник высотой 60 см, шириной 39,5 см и толщиной 1,3 см, весом 2,16 кг. Еще до четверти веса можно добавить на усыхание дерева. На-пример, у березы и лиственницы — это 22 % от общего веса. Наза-тыльник обтянут извне кожей, с внешней стороны которой красным нарисован стандартный узор: вставленное в рамку перекрестие, в се-редине которого изображен круг — символ солнца; сам крест встав-лен в рамку, украшенную треугольниками.

К низу наза-тыльника крепится подол из восьми рядов прямоуголь-ных пластин: в верхнем ряду их 38, во втором — 36, третьем — 38, чет-вертом и пятом — по 40, шестом — 39, седьмом — 47, а в нижнем — 43. Пластины имеют примерно один размер 9–10 см в длину и 1,5–2,8 см

¹ См.: Богораз 1901: Табл. XII, 4; 1991: Рис. 86b; Волков, Руденко 1910: 191. Табл. VIIIId; ср.: Thordeman 1939: 256. Figs. 45–49.

² О самом С. М. Рыноватау см.: Омрувье 2011.

Комплект роговых панцирных пластин. Музейный центр «Наследие Чукотки» (слева направо: ЧОКМ-4068 / 1–7). Левая пластина размером 14,2 × 2,7 см толщиной 3 мм. Остальные пластины длиной 11,0–11,4 × 1,7–2,0 см с 10–13 отверстиями. Если парные отверстия служили для закрепления соседних пластин в ряду, то центральные — для связывания рядов между собой

в ширину. Они расположены в рядах с небольшим смещением сверху и снизу. Нижние пластины заходят примерно на 0,5 см на верхние, а левые на правые — примерно на 0,2–0,3 см. Перфорация каждой пластины состоит из 12 отверстий: по две пары отверстий располагались на самом верху, справа и слева (как вверху, так и внизу), одно отверстие — в середине, а другое — в центре нижнего края. Через верхнюю пару отверстий пластина соединялась с верхней пластиной посредством внешнего ремешка, выходящего из одиночного центрального отверстия. Ремешок на внешней стороне пластины образовывал петлю, затем шел к соседней с боку пластине, опять образовывал петлю на внешней стороне пластины и далее шел к центральному отверстию следующей верхней пластины. В результате этого на внутренней стороне панциря горизонтальные крепления между парой верхних и центральным отверстиями располагаются в шахматном порядке. Через внешнюю же петлю между двумя верхними отверстиями проходил и

внешний ремешок, скреплявший извне верх пластин и служащий одновременно завязкой панциря с правого бока. Четыре пары боковых отверстий служили для скрепления соседних боковых пластин друг к другу с помощью горизонтального ремешка. Через единичное нижнее отверстие проходило крепление оплетки, связывающей нижние части пластин.

Грудь воина прикрывал прямоугольный с округлым вырезом сверху нагрудник высотой 23 см, шириной с боков 23 см, в центре — 21 см, он выполнен из двойного слоя кожи общей толщиной около 5 мм. Он оплетен по бокам ремнем и снизу прикреплен к железному подолу. Слева между назатыльником и нагрудником в качестве защиты верха левого бока пришита кожаная прямоугольная полоска длиной 23 и высотой около 7 см. Держался доспех на войне с помощью плечевых ремней. Два ремня, прикрепленных на конце в прорези двух длинных запонок, от нагрудника застегивались в продольных прорезях двух ремней, идущих от назатыльника. Согласно измерениям сотрудником музея, доспех весит всего 6,7 кг. Подол завязывался справа на ремешки.

Металлический доспех распространился у чукчей в XVIII в., когда они вплотную столкнулись с русскими и когда стало широко распространяться железо. Такие латы особенно ценились, ведь царское правительство запрещало продавать чукчам железное оружие. Впрочем, чукчи покупали его у ясачных, состоящих в русском подданстве, народностей (коряков, эвенов, юкагиров). Как уже говорилось, не только наконечники для стрел, но и доспехи чукчи делали из русской железной и медной посуды. Так, обычная прямоугольная пластина от доспеха, найденная в ваежской тундре в 2009 г., при лабораторном анализе, произведенном в 2013 г. петербургским металлографом С. А. Соловьевым (1936–2015), оказалась изготовленной из нелегированной низкоуглеродистой нецементированной и, соответственно, незакаленной стали, аналога котельного (сырого) железа. В общем, панцири производились кустарным способом. Именно железные ламелярные панцири, как наиболее поздние и распространенные в регионе, вошли во многие коллекции музеев¹. Позднее, на рубеже

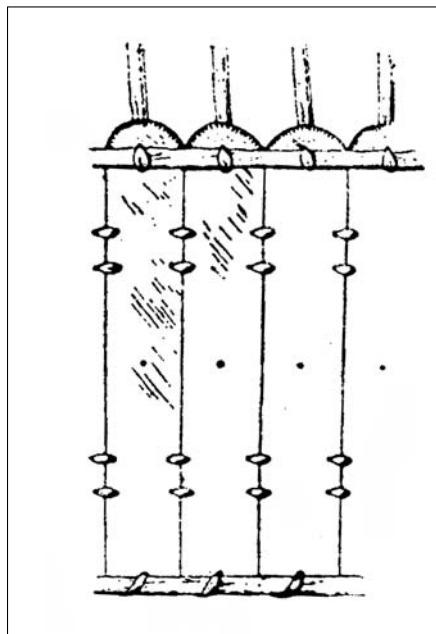
¹ Анализ С. А. Соловьева см.: Нефёдкин 2018. Железные пластинчатые панцири с северо-востока Сибири в музеях: Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1625; Э-314); МАЭ, № 434-10а; РЭМ, № 4859-24 (семь рядов пластин), 36 (восемь рядов пластинок), 66 (четыре ряда пластин); 6932-47 / 1–2; ительменский доспех в Музее культур в Хельсинки (Pälsi 1983: 105, kuva 59); два чукотских и три корякских панциря доставлены Джузеповской экспедицией в Му-

XIX–XX вв., чукчи считали, что железные доспехи ковали именно их предки¹.

Доспехи могли быть и из медных или бронзовых пластинок. Пять комплектов бронзовых и латунных пластин размером 6–12,1 × 3,1–6,6 см, толщиной около 0,9–1,36 мм с 5–6 отверстиями и весом 20–65 гр (всего 137 штук) были обнаружены на о. Св. Лаврентия; они сделаны из листов промышленного производства и датируются не ранее середины XIX в. (сейчас они хранятся в Музее Севера Университета Аляски). Медный доспех из Восточной Сибири хранится в Британском музее (№ 1904, 10-28, 1). Еще в 1791 г. старшина оленных чукчей Имлерат выпросил у капитана И. Биллингса листовую медь для производства куяка².

Стоит отметить, что доспехи, в первую очередь металлические, хранились в специальных прямоугольных чехлах из оленьих или нерпичьих шкур мехом наружу. Разрез мешка стягивался шнуром, а для закрепления чехол мог иметь три петли (РЭМ, 4859-26–30, 47).

Характерной особенностью чукотских доспехов было наличие обтянутых кожей деревянных наспинников и крыльев. Обычно у доспеха было одно левое крыло. Левши имели правое крыло. Реже встречались доспехи с двумя крыльями. Существовало два типа крыльев: цельное деревянное и составное, сделанное из нескольких (обычно шести) кусков дерева, обтянутых кожей и представляющих собой единое целое.

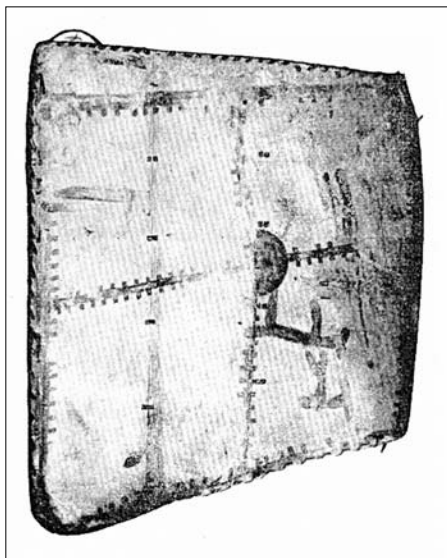

Крепление чукотского ламелярного доспеха (с внешней стороны).
Воспроизведено по: Богораз 1991: 98, рис. 86b

зей естественной истории в Нью-Йорке (Антропова 1957: 214); части двух, как считается корякских, доспехов со шлемами — в Мемориальном музее Томаса Бёрка в Вашингтоне последней трети XVIII в. (Bandi 1995: 172).

¹ Богораз 1901: 30.

² Thordeman 1939: 445, п. 197; Hough 1895: 633; комплекты доспехов с о. Св. Лаврентия: Brandi 1974/5: 83–89; 1995: 173; Cooper, Gabriel 2013: 4–8; Имлерат: Сарычев 1952: 239.

Правое крыло от чукотского панциря со схематичными узорами.
МАЭ, № 434-10а. Воспроизведено по:
Антропова 1957: 214, рис. 31

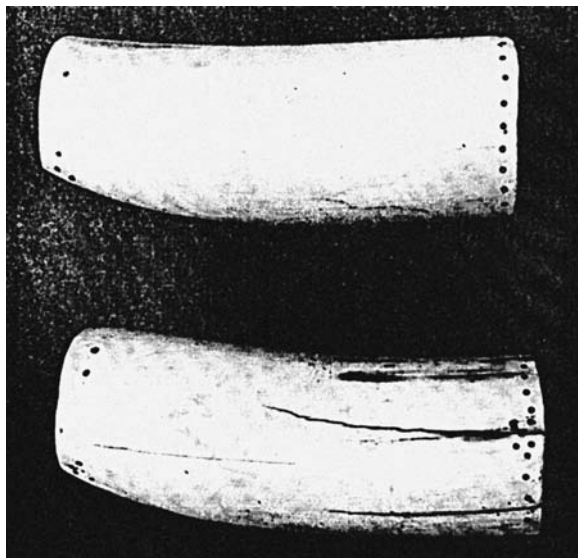
Первый тип крыльев ясно видим на доспехе из МАЭ (№ 434-10а). Переходный вариант показывает панцирь из этнографической коллекции Русской Америки, переданный в РЭМ. Он имеет три доски, обтянутые кожей: квадратный назатыльник (37 × 55 см), защиту левого плеча и прикрытие руки в форме неправильного, скошенного сверху четырехугольника. Составной тип крыльев хорошо показывает данная часть панциря, хранящаяся в Полевом музее естественной истории в Чикаго, которая была получена от азиатских эскимосов. Разворот крыльев имел длину 1,55 м, а высоту — 57 см¹. Кроме того, для усиления защитных свойств назатыльник мог обшиваться по краям жостью или усиливаться медными бляхами —

экземпляр из РЭМ (№ 4859-37) имел четыре таких бляхи.

Крылья часто окрашивались в белый цвет и разрисовывались узорами, носившими определенную смысловую нагрузку. Нередко эти щиты орнаментировались линейным и/или геометрическим орнаментом с помощью красной (из охры) и черной (из сажи) краски. Характерным узором прямоугольной пластины были линии у края и перекрещивающиеся в центре, в месте их пересечения мог быть изображен круг, или солнце, или даже прикреплен круглый амулет с двумя хвостиками². Вероятно, данный узор наряду с чисто эстетической функцией имел определенный солярный характер. Существовали и более сложные композиции. Так, на щите доспеха, хранящегося в МАЭ (№ 434-10а), показаны геометрические фигуры, которые, по мнению В. В. Антроповой, изображают убитого врага. Действи-

¹ Доспех МАЭ: Антропова 1957: 214. Рис. 31; РЭМ: Волков, Руденко 1910: 191. Табл. VIIIд; доспех из Чикаго: Laufer 1914: 183–184; Pl. XII.

² Белый цвет крыльев: Мерк 1978: 116; Pälsi 1983: 104; узоры доспехов: Мерк 1978: 116; Тан-Богораз 1979: 57–58; Богораз 1991: 87а, b; Антропова 1957: Рис. 27, 30, 31; VanStone 1983: Fig. 5; ср.: Прокопец 2012: 108–109 (ительменский или корякский доспех); Malaurie 1974: 144: звезда у эскимосов острова Св. Лаврентия.

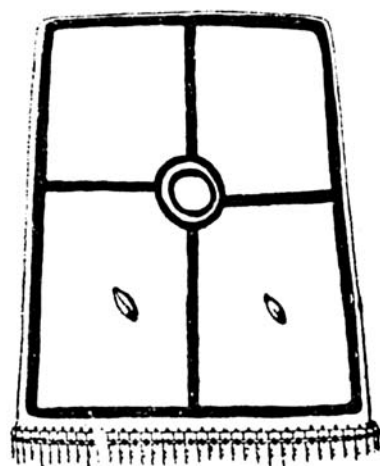

Поножи из мамонтовых бивней высотой — 25,6 см с мыса Дежнева (середина XIX в.). Полевой музей естественной истории (Чикаго), № 34152-34153. Воспроизведено по: VanStone 1983: fig. 6.

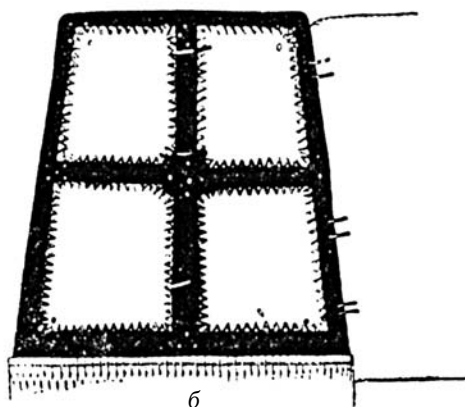
Внешние узоры на назатыльниках от доспехов: а, б — корякские, в — чукотский. Воспроизведено по: Богораз 1991. 98, рис. 87

тельно, чукча, убивший человека, татуировал на плече изображение души убитого, чтобы сделать ее своим помощником или даже частью своей души¹. Возможно, данное изображение напоминает об этом.

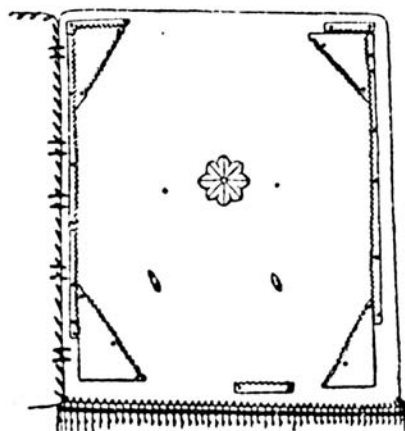
В. Г. Богораз в своем романе «Восемь племен» упоминает изображенный красной охрой на белом крыле доспеха поединок двух воинов, одного в панцире, а другого — без. Броня из Музея культур в Хельсинки имеет еще более сложную картину на крыле, хотя информаторы фин-

а

б

в

¹ Антропова 1957: 214–215; ср.: Богораз 1939: 50; Иванов 1954: 505.

Железный ламеллярный доспех с крылом и назатыльником, украшенными сложными композиционными изображениями. Музей культур в Хельсинки. Возможно, корякская работа, хотя С. Пялси считает его работой ительменов. Воспроизведено по: Pälси 1983: 105, kuva 59

ского этнографа Сакари Пялси (1882–1965) утверждали, что доспех сделан не самими чукчами, а ительменами, от которых первые его получили. Впрочем, несмотря на данное сообщение, этот доспех более похож на броню корякской работы, нежели ительменской. Ведь С. П. Крашенинников указывал, что у ительменов был ламинарный доспех с нагрудником и наспинным щитом из кожи, крыло при этом автор не упоминает. Итак, наспинный щит из музея разделен на пять регистров: в верхнем показана борьба панцирных воинов между собой с помощью лука и копий, затем три ряда животных с длинными ногами и хвостами и, наконец, в самом широком, пятом, регистре

представлены панцирные воины, осаждающие острожки. На крыле слева изображены опять же воины в доспехах, лодки и линейный орнамент. Атрибутировать сюжеты не представляет большой сложности: воины в доспехах, сражающиеся друг с другом, как думает С. Пялси, — это коряки или ительмены, воюющие с чукчами. Когда в поединке представлены воин с мечом и латник — это казак и туземец. То же можно сказать и об осаде острожков. Животных, показанных в трех регистрах, сложно атрибутировать, но, возможно, это лошади или даже собаки. В целом сюжет изображения следует рассматривать как войну местных племен с казаками. Прав С. Пялси, полагая, что тут изображен целый рассказ, который надо читать как комиксы¹.

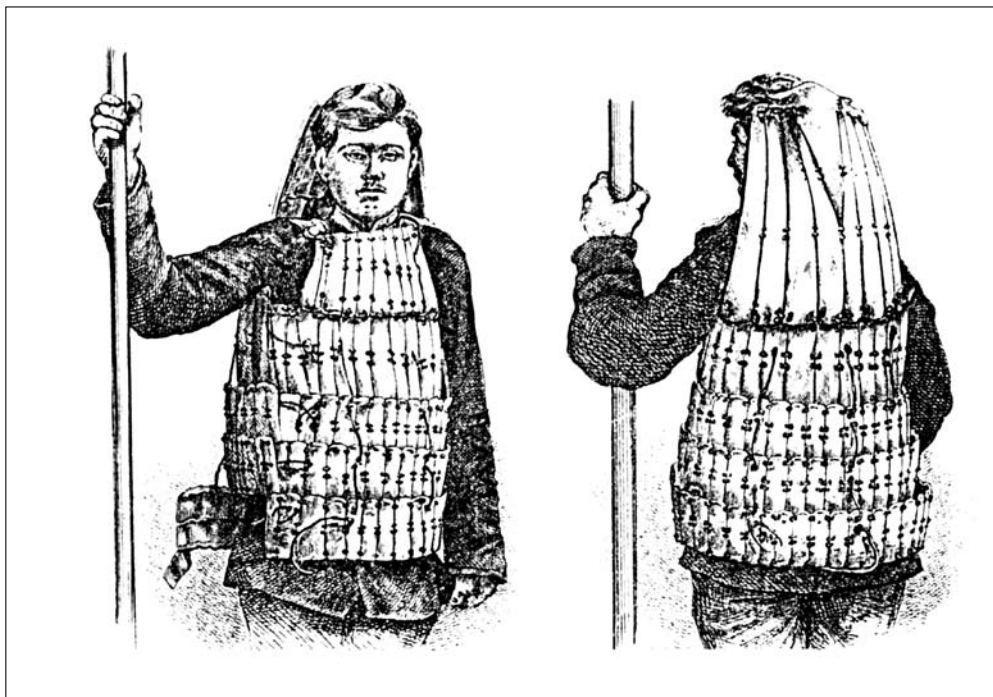
Судя по всему, у азиатских эскимосов чаще применялся панцирь со вторым видом крыльев, то есть с шестью дощечками, которые были обшиты кожей со складками между пластинами, чтобы крылья могли двигаться вперед-назад. Вероятно, у эскимосского панциря чаще было два таких крыла. Наспинная же часть этих крыльев в форме острого угла располагалась так высоко, что прикрывала сзади голову. А поскольку спереди лицо можно было прикрыть руками с панцирным крылом, то шлемы среди эскимосов не получили такого широкого распространения, как у чукчей². Для такого панциря был характерен колоколообразный подол из кожаных лент, который защищал бока. Итак, видимо, такой тип доспеха более свойствен азиатским эскимосам. Ведь именно этого типа панцири с азиатского побережья хранятся в МАЭ (№ 434-9), Национальном музее в Вашингтоне и Полевом музее естественной истории в Чикаго³. Подобный же панцирь мы видим на статуэтках из моржового клыка XIX в.; его же имеют три воина, изображенных на тюленьей шкуре, которая была приобретена американскими китобоями у оседлых чукчей в 1860–1870-х гг. и на экспонате Полевого музея в Чикаго (№ 34150), приводимом Б. Лауфером, мы видим его же⁴. Такой панцирь применяли эскимосы о. Св. Лаврентия. Последние же считаются выходцами с Азиатского побережья, по-

¹ Роман: Тан-Богораз 1979: 58; ительмены: Крашенинников 1949: 404, 705; изображение на доспехе: Pälси 1983: 104–106; мнения: Pälси 1983: 104.

² Ср.: Меновщиков 1950: 17 (упоминается только панцирь).

³ См.: Богораз 1901: Табл. XII, 1; Антропова 1957: Рис. 20; Национальный музей в Вашингтоне: Богораз 1991: Рис. 88; Полевой музей естественной истории в Чикаго: VanStone 1983: Figs. 2–5.

⁴ Статуэтки: Иванов 1954: 451. Рис. 29; Антропова 1957: Рис. 33; Bandi 1977: 61; тюленья шкура: Иванов 1954: 451. Рис. 28, фиг. 63; Полевой музей естественной истории в Чикаго: Laufer 1914: Fig. XII.

Эскимосский (с американских островов) панцирь из костяных пластинок, скрепленных ремнями, со своеобразным воротом сзади. Панцирь надет на европейца. Хранился в Историко-этнографическом музее в Хельсинки. Воспроизведено по: Ratzel 1887: Taf. II, Fig. 5–6

этому неудивительно, что и данный доспех типологически относится к азиатским эскимосам¹. К. Мерк так описывал доспех эскимосов Берингова пролива: «Островитяне пролива носят панцири, которые защищают и затылок. Эти панцири похожи на камзол, имеют рукава до половины задней части рук из пластинок в шесть дюймов длины [15 см] и два дюйма [5 см] ширины, сделанных из клыков моржей или рогов диких оленей, соединенных друг с другом ремешками из ровдуги». Очевидно, имеется в виду панцирь с высоким стоячим позади воротом из костяных пластин, как у бывшего Историко-этнографического музея в Хельсинки, полученный как раз от островных эскимосов². Поскольку панцирь был похож на камзол, то, очевидно, это была

¹ О. Св. Лаврентия: Антропова 1957: 208. Рис. 21; статуэтки с о. Св. Лаврентия: Bandi 1977: 61; доспех азиатских эскимосов: Богораз 1909: 179; Антропова 1957: 203.

² Мерк 1978: 117; доспех из музея в Хельсинки см.: Ratzel 1887: 199. Taf. II. Fig. 5–6.

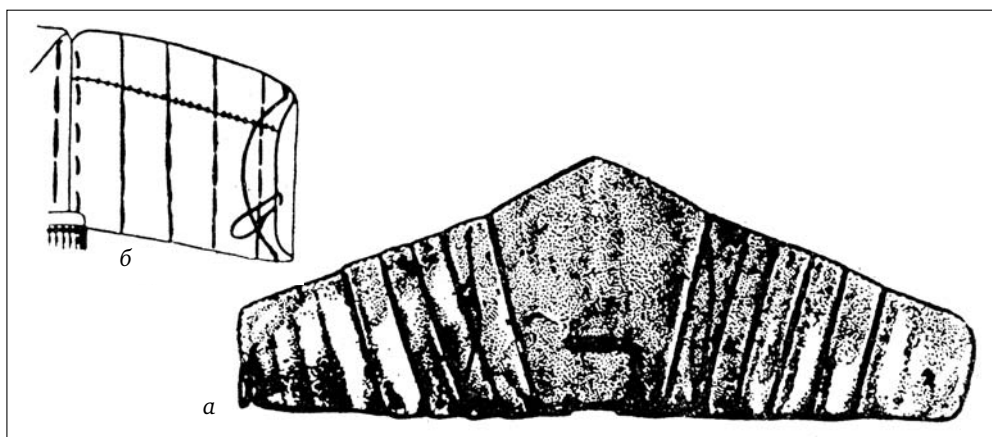

Статуэтка эскимосского лучника в ламинарном доспехе с двумя крыльями. Моржовый клык. Гамбелл, о. Св. Лаврентия. Воспроизведено по: Bandi 1977: 61

просто длинная кираса. Сложнее атрибутировать «крылышки», сделанные из прямоугольных пластин, которые прикрывали верх рук.

У аляскинских эскимосов наспинный щит на панцире отсутствовал вовсе — был лишь ворот. Доспехи с крыльями должны, таким образом, представлять сибирскую традицию, которую эскимосы приспособили к своим нуждам. Однако похоже, что похожий элемент защиты спины как часть полного доспеха существовал у ирокезов в первой четверти XVII в., что, с другой стороны, может свидетельствовать об американской традиции подобного вооружения. Главным оружием эскимосов тогда был лук, и следовательно, данный панцирь должен был защищать в первую очередь от стрел¹, для рукопашной он был малоудобен. В связи с этим и были развиты крылья, по-

¹ По маловероятному предположению Дж. Стоуна, от пращных камней (Stone 1961: 56; Стоун 2008: 175).

Крылья эскимосских доспехов:

а — общий вид; б — левое крыло с лямкой для продевания руки и петель для захвата кистью руки. Национальный музей США, Вашингтон. Воспроизведено по: Богораз 1991: 99: рис. 88

скольку щитов не применяли. Существование именно двух крыльев объясняется, по-видимому, тем, что наиболее выгодная для стрельбы позиция могла располагаться как справа, так и слева от врага. Поэтому и лук брали то в левую, то в правую руку. Вспомним замечание К. Мерка о том, что чукчам «почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой»¹. А уже в зависимости от стойки — левой или правой — и защитную функцию выполняло, соответственно, левое или правое крыло.

Как видим, у чукчей панцирь с двумя крыльями был редок, обычно было одно левое крыло. В. Г. Богораз, основываясь на своих наблюдениях, рассказывал, что в отряде южных чукчей из Телькепской тундры доспехи имела большая часть воинов, но только у некоторых из них были крылья для правой руки². В целом панцири чукчей должны были следовать образцам доспехов соседних народов. Однако могли быть и некие синтетические образцы. Так, они использовали доспехи корякского типа (не защищающие один бок воина), с более длинным, по образцу эскимосского, крылом.

Для коряков был традиционен костяной ламеллярный панцирь, который носили состоятельные воины. Вспомним, что С. П. Крашенинников отличает корякские костяные и кожаные доспехи от за-

¹ Мерк 1978: 114.

² Редкость панциря с двумя крыльями: Мерк 1978: 116; ср.: Сарычев 1952: 267; телькепцы: Тан-Богораз 1979: 53.

щитного вооружения из циновки у ительменов. У бедных коряков доспехи были из нерпичьих кож¹. Костяные же доспехи богатых коряков в первой половине XVIII в. постепенно вытеснялись железными. Это были ламеллярные латы из нескольких рядов железных пластин, к которым крепился деревянный щит чаще с одним крылом из нескольких дощечек. Крыло, видимо, было короче эскимосского. Этнограф В. И. Иохельсон (1855–1937) на том основании, что корякские панцири были то с правым крылом, то с левым, полагал, что в подобных экземплярах одно крыло просто отсутствовало и, соответственно, все корякские доспехи имели по два крыла. Причем сами коряки в конце XIX в. расходились в объяснениях данного феномена: некоторые считали, что доспехи принадлежали левшам, другие же утверждали, что все доспехи имели два крыла. Вероятно, существовали различные типы доспешных щитов.

Впрочем, нельзя исключать и то, что доспехи с двумя крыльями могли быть более распространены у коряков, чем у чукчей. Исходя из иллюстраций, приведенных В.И. Иохельсоном, можно думать, что корякские доспехи не имели широкого разреза с левого бока, однако в сказании упоминается именно костяной доспех, оставлявший воина открытым с одной стороны. Следовательно, это тот же тип пан-

Ирокезский воин в полном вооружении с луком и томагавком (начало XVII в.). Впервые опубликовано без подробного описания в книге французского исследователя территории Канады С. де Шамплена (*Champlain S., de. Voyages de la Nouvelle France. Paris, 1627. P. 87 verso, fig. E*). Воспроизведено по: Krickeberg 1914: 693, Abb. 7

¹ Линденау 1983: 126; Крашенинников 1949: 383; 404; 705; 729; ср.: Бриль 1792: 390.

циря, что и кожаный ламинарный, известный у ительменов¹. Что касается конструкции костяных лат коряков, то неясно, были ли они кирасой, как у эскимосов, или напоминали по покрою железные ламеллярные доспехи; возможно существование обоих вариантов.

Ясно, что крылья развились из высокого стоячего воротника, закрывающего затылок. Прототип ламинарного доспеха из лахтачьей кожи, еще не имеющего крыльев, но уже обладающего назатыльным щитом, описывает С. П. Крашенинников в вооружении ительменов первой трети XVIII в. Поскольку обычный щит не был распространен в регионе, но в бою, естественно, существовала необходимость защищаться от стрел противника, то и возникла такая гибридная форма щита, как подвижное крыло, соединенное с назатыльником, которым можно было пользоваться в бою как щитом. Возможно, до совершенной формы доспех с крыльями довели коряки, которые снабжали своими изделиями чукчей, ведь у ительменов подобные панцири имели только стоячий ворот, но не крылья. У эвенков же, как указывал Г. Ф. Миллер, крыло было достаточно коротким, защищавшим лишь плечо, что указывает на распространение панциря со щитом в регионе².

Основным назначением доспеха была защита воина от стрел и вражеских снарядов. Крыло же прикрывало лицо во время стрельбы из лука. Как отмечал в середине XVIII в. капрал Г. Г. Шейкин, «на голову от куюку открылок, доска деревянная, побита кожей морской, лаптаком называется, из-за которой доски, выглядывая, стреляет из деревянного лука стрелою»³.

Весьма сложная проблема связана с генезисом сибирских доспехов. Сложнее всего определить происхождение кожаных доспехов, которые археологически не засвидетельствованы. И. С. Вдовин считает, что кожаный панцирь имеет эскимосское происхождение, а В. В. Антропова связывает появление его на северо-востоке Сибири с предками коряков и чукчей⁴. Совершенно очевидно, что доспех из такого

¹ Корякский доспех: Иохельсон 1997: 101–102. Рис. 53–54; сказание см.: Лебедев, Симченко 1983: 131; ительмены: Крашенинников 1949: 404.

² Доспех ительменов: Крашенинников 1949: 404; ср.: 705; см.: P lsi 1983: kuva 59; Прокопец 2012: 106–109; Нефёдкин 2003: 63; эвенки: Миллер 2009: 347; Титова 1978: 70; Nefedkin 2013: 124–125; Нефёдкин 2014: 109; ср.: Антропова 1957: 219.

³ Г. Шейкин: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 103; ср.: Вдовин 1965: 37; Сарычев 1952: 267.

⁴ Вдовин 1965: 36; Антропова 1957: 218.

подручного материала, как кожа, был достаточно древним, но из-за отсутствия данных нельзя с уверенностью говорить о его генезисе.

Крыло, прикрепленное к доспеху сзади, являлось характерной чертой восточносибирских доспехов (у тунгусов, коряков, чукчей, азиатских и островных эскимосов)¹. Исходя из того, что занятия ремеслами более свойственны оседлым, чем кочевникам, следы происхождения панциря следует, видимо, искать у оседлых этносов. Ведь, как говорилось, еще в XVIII в. чукчи получали свои доспехи у аляскинских эскимосов и коряков². Доспех с подобным крылом неудобен для рукопашного боя, особенно для фехтования копьем (при фехтовании чукчи держали копье в обеих руках). Особенно это касается панцирей с двумя крыльями, которые весьма удобны для оборонительного малоподвижного боя: они лучше защищают воина. Очевидно, чукчи не были изобретателями этого типа доспехов.

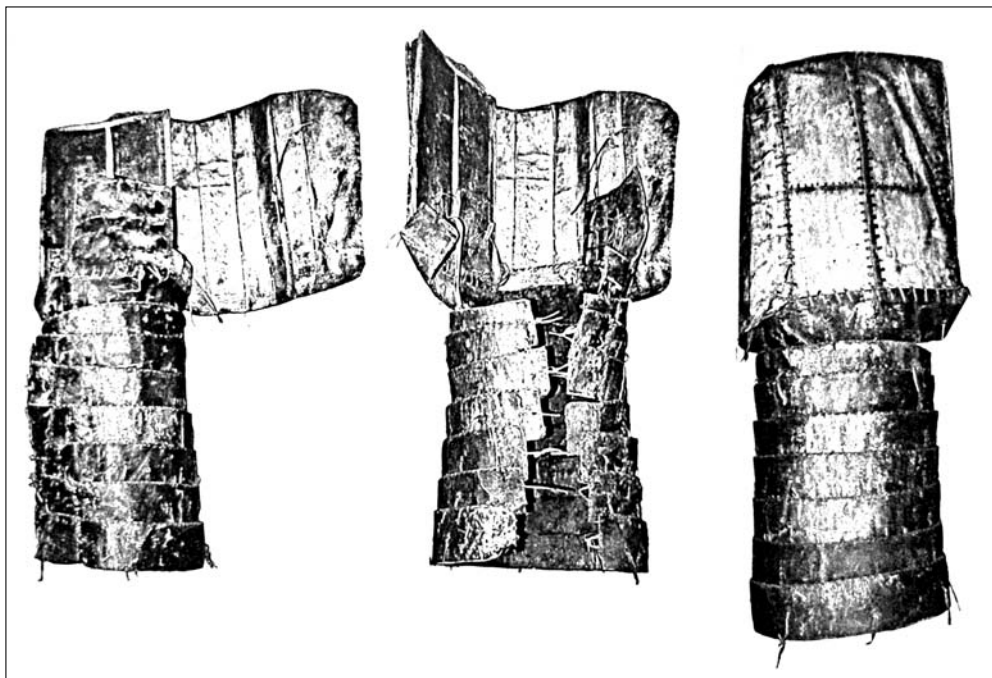
Сами крылья, прикрепленные сзади к доспеху, находят некоторые аналогии в чешуйчатом панцире всадника-скифа, изображенного на гребне из кургана Солоха (начало IV в. до н. э.). Этот воин носит овальный щит, горизонтально закрепленный за плечами в качестве наспинника. Такой же чешуйчатый щит, по-видимому, имеется и в погребении скифа у села Красный Подол (первая половина IV в. до н. э.). Однако, исходя из современных данных, было бы очень смело проводить какую-то генетическую связь между северо-востоком Сибири и причерноморскими скифами. Впрочем, ираноязычные скифы пришли в Европу из Азии, предки же чукчей пришли на Чукотку, как считается, из Южной Сибири через Енисей³. Была ли какая-либо связь в генезисе конструкции панциря двух регионов, остается только гадать. Вместе с тем стоит отметить, что наличие наспинного щита, в отличие от стоячего ворота, — деталь, не распространенная в конструкции доспехов.

Кожаный ламинарный панцирь эскимосов имел другую конструкцию подола, расширяющегося книзу, как показывает экспонат из МАЭ (№ 593-74). Панцири из органических материалов с высоким стоячим воротником и подолом, состоящим из нескольких горизонталь-

¹ Ф. Ратцель отмечает, что панцирь тлинкитов также прикрывал левую руку, оставляя правую свободной (Ratzel 1887: 198). Впрочем, по-видимому, речь идет о защите верхней части руки.

² Ремесленники оседлые ср.: Иванов 1954: 406; импорт чукчами доспехов: Мерк 1978: 116.

³ Солоха: Горелик 1993. Табл. LII, 2; Красный Подол: Горелик 1984: 119–121; 1993. Табл. LVII, 25, 256; этногенез чукчей: Диков 1979: 159.

Панцирь из Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева (Владивосток), как считается, ительменский. Виды спереди, справа и сзади. Подол панциря состоит из восьми двухслойных кожаных (лахтачьих) колец шириной 12 см и толщиной 7 мм. Нагрудник — кожаный двойной размером 23,5 × 30 см; назатыльник — деревянная доска толщиной 1,3 см размером 37 × 60 см, обклеенный с внешней стороны оленьей кожей с нарисованным красным крестом; слева к назатыльнику прикреплено кожаное крыло, в которое вставлено пять дощечек толщиной 1 см. Воспроизведено по: Прокопец 2012: 108–109, рис. 3

ных лент, известны в Средней Азии еще в V–II вв. до н. э. Позднее, во II–I вв. до н. э., подобные панцири с небольшим стоячим воротником бытовали и у дяньцев в Южном Китае (Юньнань). Применялись панцирные ламинарные кафтаны и в Центральной Азии в VI–VIII вв. Таким образом, если посчитать, что ламинарный панцирь был не автохтонного происхождения на Чукотке, то он мог иметь только юго-западные корни¹.

¹ МАЭ: Антропова 1957: рис. 21; Юньнань: Горелик 1982. Табл. Зв, г; 1987: 114–120. Рис. 2, 2; 3, 6; 1993. Табл. LIII, 18; LVI, 21; дяньцы: Горелик 1987: Рис. 3, 9; фреска из Шикшина, см.: Дьяконова 1995: Табл. XXIV; из Кучи: Grunwedel 1920: Taf. XLVI–XLVII; изображение на щите с горы Муг: Robinson 1967: Fig. 13; терракотовый всадник эпохи Северной Вэй: Robinson 1967: Fig. 65A; юго-западные корни доспеха ср.: Азбелев 1992: 212, 214.

Ф. Ратцель связывал происхождение чукотских ламеллярных доспехов со шнурованными японскими латами¹. Действительно, связь данного региона с Японией проходила через Курильские острова и Камчатку. Купцы Страны восходящего солнца, видимо, еще в XVI в. прибывали на Камчатку и выменивали у ительменов меха за железные и медные изделия. Ительмены использовали наконечники стрел японской работы. С другой стороны, японские власти, придерживаясь политики самоизоляции, явно не благоприютствовали развитию торговых связей, хотя сами японцы весьма смутно представляли себе даже Камчатку. Впрочем, японские суда могли забрасываться в эти области бурями, и, соответственно, доспехи могли попасть таким путем к туземцам. Так, от чукчей в тундре Окмылина получен японский доспех со шлемом².

Впрочем, судя по всему, самурайский доспех не был непосредственным предком пластинчатых лат народов северо-востока Сибири. Этнолог Б. Лауфер предполагал, что сушени (древние обитатели Маньчжурии) были первыми, кто использовал костяной ламеллярный доспех, и следовательно, на северо-восток Сибири пластинчатый доспех пришел не из Японии, а из Китая. Оружиеведы Б. Тордеман и вслед за ним Р. Робинсон более абстрактно считают, что из Центральной Азии через Монголию ламеллярный доспех распространился среди коряков и чукчей, у которых конструкция железных лат напоминала тибетские. Немецкий историк П. Паульзен также полагал, что ламеллярный неметаллический доспех возник в Центральной Азии, откуда он через Тибет, Китай и Японию достиг арктических народов. Действительно, связи с южными регионами прослеживаются на северо-востоке Сибири достаточно отчетливо. Как, например, отмечается в акте о служивых в Якутске (1676 г.), коряки и тунгусы торгуют с даурами и гиляками, позднее же тунгусы разделили территории коряков и нивхов. Согласно этнографу Л. фон Шренку, сами гиляки (нивхи) узнали же-

¹ Ratzel 1887: 213–214; pro: Pisi 1983: 106; Thornton 1931: Pl. between p. 24 and 25; Malaurie 1974: 144; Панченко 1997: 243.

² Связь с Японией: Шренк 1899. Т. 2: 257; ср.: Чулков 1785. Кн. 2: 579; Тан-Богораз 1979: 27; Диков 1979: 266; торг японцев: Миллер 1728: 6; Стеллер 1927: 22; 35–36; Крашенинников 1949: 514, примеч.; ср.: Георги 1777: 66; японские наконечники стрел: Стеллер 1929: 22; японские суда: Крашенинников 1949: 491–492; японский доспех из тундры: Богораз 1991: Рис. 85; Иохельсон 1997: 132, примеч. 8; Антропова 1957: 214. Б. Лауфер, однако, считал, что происхождение этого доспеха требует дальнейшего исследования, но оно не японское (Laufer 1914: 270, п. 4). Географические представления японцев: Иванов 1989: 24; ср.: Laufer 1914: 271.

Западносибирский воин (I в.). Реконструкция А. Зыкова по археологическим материалам городища Усть-Полуй (устье реки Обь). Воспроизведено по: Зыков, Кокшаров 2000: 42

лезо из Японии, а доспехи из того же металла — из Маньчжурии; уже в первой четверти XVIII в. они превосходно обрабатывали железо¹.

Можно отметить, что ламеллярный, видимо, кожаный доспех айнов хотя и был таким же длинным, как сибирский, до щиколоток, но, видимо, не имел крыльев и надежно защищал оба бока воина. Следовательно, в целом он был типологически ближе к японскому, отличаясь от него деталями, нежели к корякскому. Кроме того, сами айны

¹ Laufer 1914: 260–273; Thordeman 1939: 259–260, 270; Robinson 1967: 10; Paulsen 1967: 132, 138; торг с даурами и гиляками: ДАИ. 1857. Т. VI, № 136: 404; ср.: Линденау 1983: 86; тунгусы разделили коряков и нивхов: Вдовин 1973: 236; металлургия гиляков: Шпенк 1899. Т. 2: 257, 259; Strahlemborg 1730: 386.

использовали трофейные японские доспехи, мечи и копья¹. Таким образом, влияние японских доспехов тут налицо.

Костяные доспехи имеют очень древнюю археологическую историю. Так, в могильнике у села Ростовка близ Омска (сейминско-турбинская культура, первая четверть II тыс. до н. э.), в могилах 3, 6 и 33 найдены многочисленные обломки доспеха из длинных костяных пластин. Подобные же панцирные пластины найдены в Каменном амбаре-5 у села Варшавка (Челябинская область). Костяные же панцири из длинных узких пластин найдены в Усть-Илге на Лене, рубеж III–I тыс. до н. э. Доспехи из прямоугольных костяных пластин были и в неолитическом Китае (провинции Ганьсу, Шаньдун, Хунань, III — первая половина II тыс. до н. э.). В середине I тыс. до н. э. вытянутые прямоугольные пластины использовались в Китае, Корее и в Приамурье. На самой Чукотке длинные пластины от ламеллярного доспеха из оленьего рога с 2–3 парами отверстий для крепления, найденные в Пегтымельской пещере, датируются периодом древнеберингоморской культуры (V–VI вв.). Два комплекта из девяти длинных пластин из оленьего рога найдены в поселении и могильнике Эквена у Уэлена (V–VIII вв.): в жилище № 18 обнаружен комплект из пластин длиной 30,5–38,7 см и шириной 2,0–3,5 см, с четырьмя отверстиями и выемками для крепления у концов, а на кладбище среди подъемного материала обнаружены пластины размером 31,5–37,5 × 2,0–2,7 см и толщиной 1 см. Более сложную систему отверстий для крепления мы находим на прямоугольных пластинах из моржового клыка пунукского времени (IX–XV вв.). Таким образом, уже предки эскимосов, которые жили на побережье Чукотки, использовали данный вид панциря. Да и позднее, в XVIII–XIX вв., костяной панцирь был характерен именно для эскимосов².

¹ Доспех айнов: Васильевский 1981: 155. Рис. 45; ср.: Laufer 1914: 260, п. 2; айнские трофеи: Laufer 1914: 260, п. 2.

² Ростовка: Матющенко, Синицына 1988: 8–9, 88–89; Каменный амбар-5: Костюков, Епимахов, Нелин 1995: 158, 199. Рис. 23, 11–12; Усть-Илга: Горелик 1993. Табл. XLVIII, 17; неолитический Китай: Горелик 1993. Табл. XLVIII, 18; LVI, 13–14; Корея, Приамурье, Китай: Горелик 1993: 128. Табл. LVI, 24, 25; Пегтымель: Диков 1971: 43; Нефёдкин 2016б: 25–26; Эквен: ГМИНВ, КП 53404 / 121–128, 379; КП 53185 / 1728–1735 (датировка: Днепровский 2007: 19); Нефёдкин 2016б: 31; пунукские пластины: Collins 1937: 326; Руденко 1947: 96. Табл. 6. Рис. 17; табл. 15. Рис. 19; табл. 18. Рис. 22; Диков 1979: 187, 222. Рис. 90; Нефёдкин 2016б: 33–35; эскимосский панцирь: Антропова 1957: 218; о XVIII–XIX вв.: ЭМ: 53; Ratzel 1887: 199; Taf. II. Fig. 5–7.

Итак, мы видим, что в течение XVIII в., в период наиболее интенсивных военных столкновений, железные латы лишь потеснили, но отнюдь не вытеснили кожаные и костяные доспехи — сказывались сила традиции и нехватка железа. Очевидно, железные и костяные доспехи ценились дороже и были более редкими, чем кожаные. Так, С. П. Крашенинников, говоря о коряках, отмечает: «Лучшие мужики имеют у себя костяные куяки и железные, а скудные из нерпичьих кож шитые». У нивхов Сахалина латы из железа надевали вожди. В общем, наиболее обычным был именно кожаный доспех. И в чукотских сказаниях герой в лахтачьем доспехе противопоставляется русскому в железе. Примечательно, что, согласно юкагирскому преданию, чукчи преследовали алайского героя Эдельвея, стремясь забрать у него именно ценный железный доспех. Доспех был именно боевым, на охоте он не использовался, хотя позднее его могли применять в религиозных церемониях, как это делали коряки, исходя из того, что этот предмет длительное время пролежал в яранге у очага и стал реликвией¹.

Железные доспехи появились или, по крайней мере, распространились у чукчей во второй половине XVII в. и особенно в первой половине XVIII в., когда регион стали осваивать русские, которые и ввели железо в широкое использование. До этого железный доспех считался большой редкостью, и чукчи, согласно юкагирскому фольклору, даже преследовали алайского героя Эдилвея, чтобы захватить у него железные латы. Еще во второй половине XVII в. в Сибири пластины от куяков служили в качестве даров или же выплачивали ими ясак. Само же железо известно в Берингоморье уже в начале I тыс. н. э. Защитное вооружение из железа у восточносибирских народов было известно уже в ту эпоху. В начале новой эры дуньху (предки тунгусов) использовали железные пластинчатые доспехи. В. И. Иохельсон даже полагал, что железные латы коряки заимствовали от тунгусов².

Появился ли (или распространился) металлический доспех у чукчей как ответ на использование их противниками огнестрельного

¹ Цитата: Крашенинников 1949: 729; нивхи: Шренк 1899. Т. 2: 258; чукотский фольклор: Богораз 1900. № 127: 331; Антропова 1957: 220; религиозные церемонии в доспехах: Иохельсон 1997: 102.

² Эдилвей: Окладников 1975: 226–230; Курилов 2005: 171–179; Нефёдкин 2016: 294–300; ясак и подарки пластинками: Белов 1952. № 12: 60; 19: 77; № 58: 172; № 66: 194; появление железа в Арктике: Арутюнов, Глинский, Сергеев 1977: 101–102; дуньху: Thordeman 1939: 256–257; предположение о заимствовании: Иохельсон 1997: 102; о доспехах тунгусов см.: Nefëdkin 2013: 124–125; Нефёдкин 2014: 109–110.

оружия? Ведь сами чукчи считали, что их панцири (очевидно, железные) защищают от пуль, тогда как коряки полагали, что доспех из толстых моржовых кож защищал лишь от стрел¹. Мнение же их противников о защитных свойствах традиционных чукотских доспехов из китового уса или моржового клыка было невысоким — капрал Г. Шейкин пишет: «Русская галанка или солдатская фузея преимущественно пробивает все их куяки и панцири усовы; и рыбы кости не помогают». Естественно, в разных случаях бывало по-разному: все зависело от мощности ружья, угла выстрела и траектории полета пули. Так, в 1763 г. пули россиян, пущенные из «мелкого ружья», не пробивали щитов эскимосов о. Кадыак, сделанных из дерева и китового уса. Впрочем, нельзя забывать и психологический фактор: одетый в доспех воин был преисполнен уверенности в своей неуязвимости и поэтому, не боясь опасности, храбро шел на врага². По-видимому, распространение железных доспехов у чукчей обусловлено рядом причин: 1) распространение железа в регионе; 2) возможность приобретения этого материала у соседних этносов; 3) вероятно, большая простота железных доспехов в изготовлении и ремонте; 4) более высокие защитные свойства доспеха из железа.

В целом костяной панцирь лучше защищает от стрел (стрела увязнет в пластине из трубчатой кости и отскочет пластины из клыка), нежели кожаный, но последний из-за своей вязкости более пригоден для отражения рубящих ударов³. Впрочем, стрела — основное наступательное оружие региона даже в XVIII в., — вся сила которой сходится в маленьком острие, будучи выпущена из сильного лука, не должна была увязнуть в коже. Ламеллярный же панцирь при попадании в него стрелы распределяет силу удара наконечника по всей пластине, поэтому для его пробития требовалось больше энергии. Это подтверждают чукотские сказания, где стрелы действительно отскакивают от корякских костяных панцирей. Тем более что толщина пластин была значительной: 0,6–1 см. И. И. Биллингс также отмечал, что у эскимосов о. Кадыак панцирь из пластин, изготовленных из оленьих рогов, «довольно крепости имеет, чтобы не пропустить в него [в тело]

¹ Мнение чукчей: Аргентов 1857: 93; Народы России. 1874. № 3: 42; коряки: Стебницкий 1938. № 4: 142.

² Цитата Г. Шейкина: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 104; о. Кадыак: Паллас 1781: 84; уверенность в себе ср.: Нолан 1871: 59, примеч. 1. В XIX в. русские на Колыме однозначно считали, что ружье пробивает любой куяк (ААН, ф. 250, оп. 1, № 112а, л. 64).

³ Ср.: Панченко 1997: 242–243; Рожков 2008: 8.

стрелу». Если же человек не был защищен панцирем, то стрела могла пробить его насквозь¹.

Для действий в бою доспехи, по словам самих чукчей, были неудобны, хотя, естественно, сама конструкция панциря подгонялась под владельца. Это неудобство могло в первую очередь объясняться тяжестью доспеха. В. Г. Богораз упоминает пудовые (16 кг) кожаные панцири, тогда как Ж. Малори заявляет, что «эскимосский или чукотский доспех, которые все носили, весил несколько десятков килограммов». Однако панцирь из Музейного центра «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1625; Э-314), согласно взвешиванию, произведенному сотрудниками музея, весил всего лишь 6,7 кг. Согласно наблюдениям реконструкторов исторического клуба «Истоки» из поселка Провидения, в меру своих сил и знаний сделавших доспехи и сражавшихся в них (вторая половина 2000-х гг.), их костяные панцири были достаточно удобны и легки².

Для того же, чтобы сражаться в панцире, как мы видели, чукчи проходили специальный тренинг. Вместе с тем самонадеянная молодежь предпочитала идти в бой без доспеха, полагаясь на свою боевую сноровку: в перестрелке от стрел можно увернуться, а в бою, в котором воин полагался уже на свое мастерство, он просто не давал врагу возможности поразить себя. О распространении доспеха в регионе свидетельствует тот факт, что в 1755 г. в стойбище оленного коряка Яллаха, состоявшего из 88 человек, были найдены 5 железных, 4 костяных и 1 лахтаций доспех, то есть латы были примерно у половины воинов. В марте 1775 г. во время преследования коряками чукчей, разбитых под Гижигой, было убито 20 чукчей и захвачено 18 куяков. Естественно, главным образом, доспехи были сняты с убитых. В таком случае куяки были почти у всех или у большинства чукотских воинов, учитывая, что отставали при бегстве в первую очередь именно воины в доспехах³.

¹ Отскакивание стрел от доспеха из кости: Лебедев, Симченко 1983: 129–130; Рожков 2008: 8; Нефёдкин 2016: 150; толщина пластин: Норденшельд 1936: 321; Ratzel 1887: 196, 198; сообщение И. Биллингса: ЭМ: 53; пробивание человека насквозь: Лебедев, Симченко 1983: 130; Нефёдкин 2016: 150.

² Неудобность панциря: Сарычев 1952: 267; Ноорер 1853: 162; Ботяков 2003; ср.: Иохельсон 1997: 102. Вес панциря: Тан-Богораз 1958: 91; Malaurie 1974: 141; реконструкторы из Провидения: Рожков 2008: 8.

³ Коряки: Вдовин 1973: 228; 1775 г.: Зуев 2009: 221. Другую статистическую информацию мы можем почерпнуть из росписи трофеев, взятых казаками у сотни тунгусов-ламуты, разбитых у зимовья на р. Мотыхлее (1649 г.): «40 луков, 4 рогатины, 24 откаса [пальмы — Элерт 1999: 200], 10 куяков костяных,

Нужно было и время, можно было специальными шнурками стянуть подол вверх, чтобы он не мешал бегать, или даже, расстегнув две пуговицы на плечах, при нужде сбросить доспех. В XIX в. мы наблюдаем употребление своеобразного вида облегченного доспеха, который, по-видимому, стал альтернативой тяжелым латам. По информации Ж. Малори, эскимосы островов Диомида, не желая носить тяжелые доспехи и чтобы быть подвижными в сражении, носили кухлянку из моржовой кожи, на которую клеим из тюленьего жира прикрепляли песок и мелкие камешки. Чукчи для защиты от копий и стрел также носили широкую одежду из оленьей кожи, усиленную песком¹. К. Кеккетын упоминает в качестве вооружения чукотского предводителя кухлянку, обшитую железными пластинами, что может быть просто неверным восприятием ламеллярного панциря².

Следует указать, что чукчам, очевидно, не был известен доспех из растительных материалов. Доспехи из циновок в первой трети XVIII в. встречались у ительменов. Оседлые коряки также были мастерами по плетению циновок, вероятно, и они применяли подобный панцирь: во всяком случае, В. Г. Богораз в своем романе «Восемь племен» упоминает панцирь из прочных травяных циновок у паланцев. Нивхи также использовали панцирь в виде распашной безрукавки из веревок, сделанных из крапивной пряжи, с опушкой из собачьего меха, застегивающийся на пуговицу; его носили поверх «шубы». Тут мы видим явное китайское влияние, однако исполнен панцирь из подручных материалов³. У чукчей подобного панциря не было, поскольку не было подручного материала и навыков плетения.

17 шишаков костяных». Следовательно, доспехи были более чем у 10 % воинов, а шлемы — более чем у 17 % бойцов. Поскольку луков было захвачено 40, а ими должна была быть вооружена вся масса воинов и именно их должны были бросить в первую очередь, то и процентное соотношение воинов в доспехах нужно увеличить (ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324; см.: Nefödkin 2013: 126; Нефёдкин 2014: 110).

¹ Эскимосы: Malaurie 1974: 144; чукчи: Bush 1872: 428; ср.: кожаный доспех, усиленный песком, известен в древнем Китае (Вернер 2009: 90). В 1827 г. эскимосы западной Аляски для защиты от стрел противника надевали поверх меховой кухлянки одежду из кожи гаги и дополнительно обматывались оленьими шкурами (Beechey 1832: 465).

² Кеккетын 2010: 199.

³ Доспехи ительменов: Крашенинников 1949: 404; ср.: Антропова 1957: 210; циновки оседлых коряков: Григорьев 1876: 563; Иохельсон 1997: 140–144; Антропова 1971: 45; роман: Тан-Богораз 1979: 32, 43; нивхи: Шренк 1899. Т. 2: 260. Табл. XLIV, фиг. 1; южное происхождение доспеха из волокон: Ratzel 1887: 202.

1.2. Кольчуга

В качестве трофеев, взятых от русских или союзных им народностей, чукчи могли использовать кольчуги. В 1754 г. чукчи захватили кольчуги у юкагиров. О знакомстве чукчей с кольчугой свидетельствует находка последней в тундре — теперь доспех является экспонатом краеведческого музея села Мейныпильгыно. Записка иркутского губернатора А. И. Бриля (1719–1786) от 1770 г. прямо упоминает у чукчей и коряков «куяки железные, костяные, також и панцыри». Получается, что чукчи и коряки носили пластинчатые и кольчатые доспехи. Однако, возможно, это лишь простое обобщение обычаев обоих народов и кольчатый доспех являлся преимущественно корякским вооружением, поставляемым русскими. Во всяком случае, в 1763 г. подполковник Ф.Х. Плениснер отмечает наличие огнестрельного оружия и кольчуг как особенность вооружения ясачных коряков, что отличает их от чукчей¹.

Кольчуга, снятая с Д. И. Павлуцкого, по-видимому, не использовалась для военных целей, а служила в качестве почетного трофея. Подобные трофеи хранились вместе со священными предметами семьи внутри яранги, и чукчи особо гордились ими. Доспех, напоминавший о некоем славном подвиге, мог служить своеобразным памятником обладавшему им².

1.3. Шлемы

Обычно ношение шлемов сочеталось с защитой доспехом. Иногда воины в латах не имели шлема, обходясь защитным крылом³. Чукотские шлемы были предназначены в первую очередь не для противо-

В примечании к «Сказанию об Эленди и его сыновьях» В. Г. Богораз (1899: 366, примеч. 7) мимоходом упоминает чукотско-корякский панцирь из древесной коры, никак не поясняя свою информацию.

¹ События 1754 г.: Гурвич 1966: 71; цитата: Бриль 1792: 372; ср.: Окладников 1948: 36; отчет Ф. Плениснера: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 49, 152; кольчуга из Мейныпильгыно: Тынеру 2005: 84.

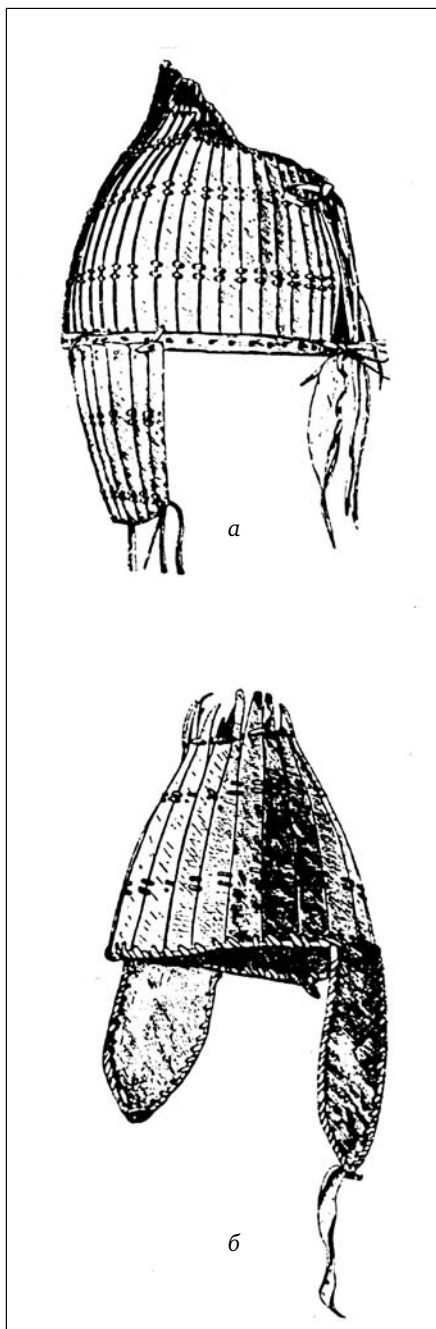
² Кольчуга Д. И. Павлуцкого: Нейман 1871. Т. 1: 18; Олыксандрович 1884. № 11: 295; Майдель 1894: 264; доспех — память о подвиге: Богораз 1900. № 5: 93; трофеи: Гурвич 1979: 99.

³ Сочетание шлема с доспехом, см.: Богораз 1991: Рис. 84а; Антропова 1957: Рис. 27; ср.: Иохельсон 1997: Рис. 53–54; без шлема в доспехе с крылом, см.: Антропова 1957: 22; Богораз 1991: Табл. IX, 2.

действия рубящему или дробящему удару, но для защиты головы от стрел и копий.

Самым обычным типом боевого оголовья был сужающийся кверху ламеллярный шлем. Он состоял из длинных узких железных пластин, скрепленных в трех-четырех местах ремешками. Вверху пластины плотно не сходились. К шлему снизу прикреплялись железные ламеллярные или кожаные наушники, к которым снизу крепились завязки подбородочного ремня. Нижний край металлических шлема и наушников обматывался ремешками, проходившими через отверстия в пластинах. У одного экземпляра пластинчатого шлема в затылочную часть вставлен кусок моржовой кожи, поскольку затылок прикрывался деревянным назатыльником, и тут прикрытие из железа не было необходимым (РЭМ, № 4859-38)¹.

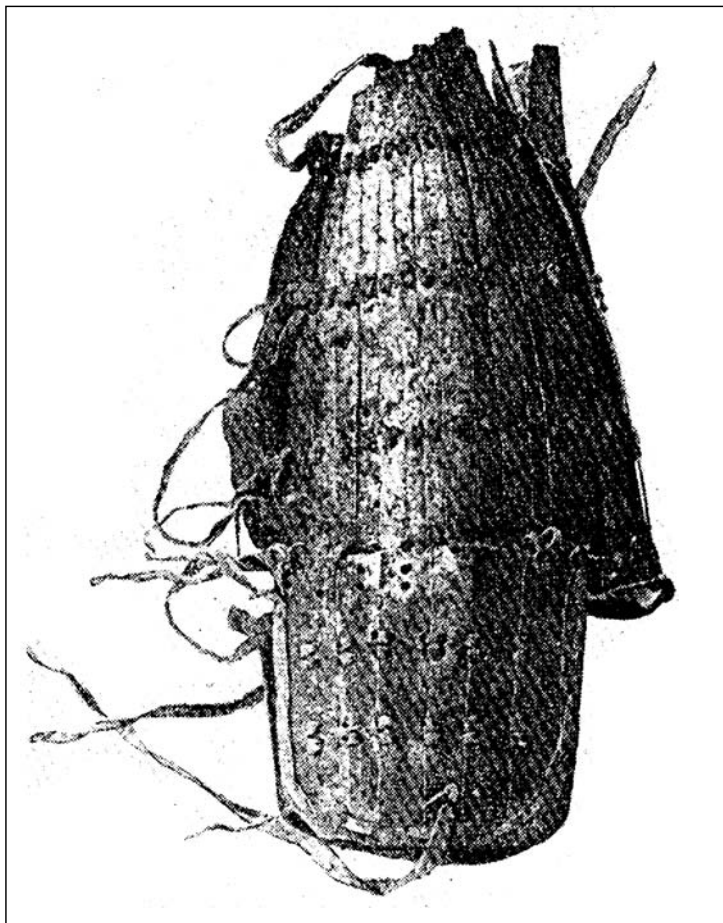
В своем описании К. Мерк лишь упоминает о конструктивных особенностях защиты головы чукчей, говоря, что это был «шлем с опускающимися на лоб и уши частями»². На сохранившихся экземплярах шлемов есть наушники, но нет никакого налобника. Поэтому неясно, что имел в виду К. Мерк, говоря о части шлема, защищающей лоб, — может быть, подразумевается, что шлем надевался глубоко на голову, прикрывая лоб. Во всяком случае,

Пластинчатые шлемы: а — корякский с пластинчатыми наушниками; б — чукотский с кожаными наушниками. Воспроизведено по: Богораз 1991: 99, рис. 89 а, с

¹ См.: Богораз 1991: Табл. XII, 2; Рис. 89, 90b; Антропова 1957: 213. Рис. 28.

² Мерк 1978: 117.

Чукотский пластинчатый шлем с ламеллярными наушниками. Сзади шлема пластины отсутствуют, поскольку воин имел панцирь с назатыльником. МАЭ, № 434-10с. Воспроизведено по: Антропова 1957: 212, рис. 28

экземпляр металлического ламеллярного шлема из РЭМ (№ 4859-22), согласно музейной описи, имел на лбу кусок лахтачьей кожи, — может быть, это часть подкладки.

Можно остановиться на описании шлема, входящего в один комплект с доспехом, хранящимся в Музейном центре «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1627; Э-316). Хотя шлем со временем развалился, но он реконструируется достаточно надежно. Он был сделан из клиновидных железных пластин, суживающихся кверху. К тулье прикреплена пара наушников. Купол шлема состоял из 19 сгибающихся вовнутрь пластин длиной 21 см, шириной у основания 3,5–3,8 см, а на вершине — 1,2 см. Перфорация каждой пластины состояла из двух

пар отверстий на каждой стороне на расстоянии 7 см и еще из пары отверстий наверху; по одному отверстию располагалось снизу у основания пластины. Система крепления пластин была однотипна той, что имел панцирь: пластины были соединены друг с другом через двойные отверстия горизонтально идущими ремешками из замши-дымлены. Сохранившийся треугольный кусок кожи лахтака у трех пластин, вероятно, являлся частью кожаной подкладки шлема. Каждый наушник состоял из пяти слабо изогнутых вовнутрь пластин длиной 18 см и шириной 3,8 см вверху и 1,5 внизу. Система перфорации последних такая же, исключая пару отверстий снизу — вместо них одно отверстие. Пять пластин скреплялись ремешками между собой в виде треугольника, оплетались с боков ремешком и за верхние отверстия прикреплялись к тулье. От низа передней пластины отходил узкий подбородочный ремень. Причем на правом нащечнике крепление пластин между собою ремешками проще, без петель (может быть, следы ремонта). В общем, данный ламеллярный шлем был типичным чукотским, суживающимся кверху и имевшим пару треугольных нащечников.

Достаточно сложно определить генезис пластинчатого шлема. Наборные шлемы из длинных узких пластин известны в сиро-палестинском регионе уже в середине II тыс. до н. э. Значительно позже, в I–III вв. н. э., ламеллярные шлемы встречаются в Евразии. Еще позднее они известны в раннем Средневековье аламанам. В XVII–XIX вв. их употребляли японцы и айны¹. В принципе, наборные шлемы могли иметь то же происхождение, что и ламеллярные панцири, — технология изготовления обоих видов доспеха аналогична. Вероятно, как и доспехи, металлические шлемы произошли от костяных прототипов, где железо просто сменило кость. Вспомним, что 17 костяных шлемов и 10 панцирей из того же материала казаки взяли у эвенов в 1651 г., когда еще железо не было у них распространено. Шлемы из кости имелись и у юкагиров в XVII в. А в Приморском государственном объединенном музее им. В. К. Арсеньева даже сохранился ительменский или корякский ламеллярный шлем (с Камчатки), сделанный из 11 роговых пластинок с роговыми же наушниками, усиленными кожаными вставками. Он принадлежит к тому же типу, что и железные оголовья². Очевидно, могли использоваться и традици-

¹ Левант: Горелик 1993: 159; Евразия: Горелик 1982: 103; аламаны: Paulsen 1967: 133; японцы: Paulsen 1967: 135; айны: Берг 1949: 142.

² Ламутские трофеи: ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324; № 92: 833; Антропова 1957: 219; Степанов 1959: 211, 221; юкагиры: Гурвич 1966: 15; экспонат из Владивостока: Прокопец 2012: 106–107.

онные корякские шлемы с округлой тульей из отдельных скрепленных пластин¹.

Другой тип шлема, используемый чукчами, был железный, также округлой формы. Этот тип шлема имел два вида: скованный из пластин или цельный. Из юго-восточного поселка Алькатваам происходит шлем, скованный из железных пластин, причем более длинные три пластины составляют наушник. Общий вес шлема — 2,2 кг (ЧОКМ-1711; Э-379). Другой железный шлем, также хранящийся в Анадырском музее, происходит из Мейныпильгыно (ЧОКМ-2864; Э-488). Этот шлем состоит из трех частей: кованого железного купола, приклепанного к нему заклепками околыша (шириной в 6 см) и медного декоративного обода шириной 1,4 см. На верху тульи имеется отверстие — вероятно, для вставки декоративного элемента, а по периметру тульи — нарезное украшение. Остатки дымленины, приклепанные заклепками, возможно, являлись частью подкладки. Общий вес этого шлема — 400 г. Вероятно, данные оба вида шлема были сделаны коряками (XVIII в.), а потом захвачены чукчами².

Третий тип шлема чукчей был кожаным. Так, в коллекции Н. П. Сокольникова есть шлем с округлой тульей из двойной моржовой кожи, сшитой ремешками. К тулье пришиты кожаные наушники с двумя ремешками для завязывания под подбородком (РЭМ, № 4859-19).

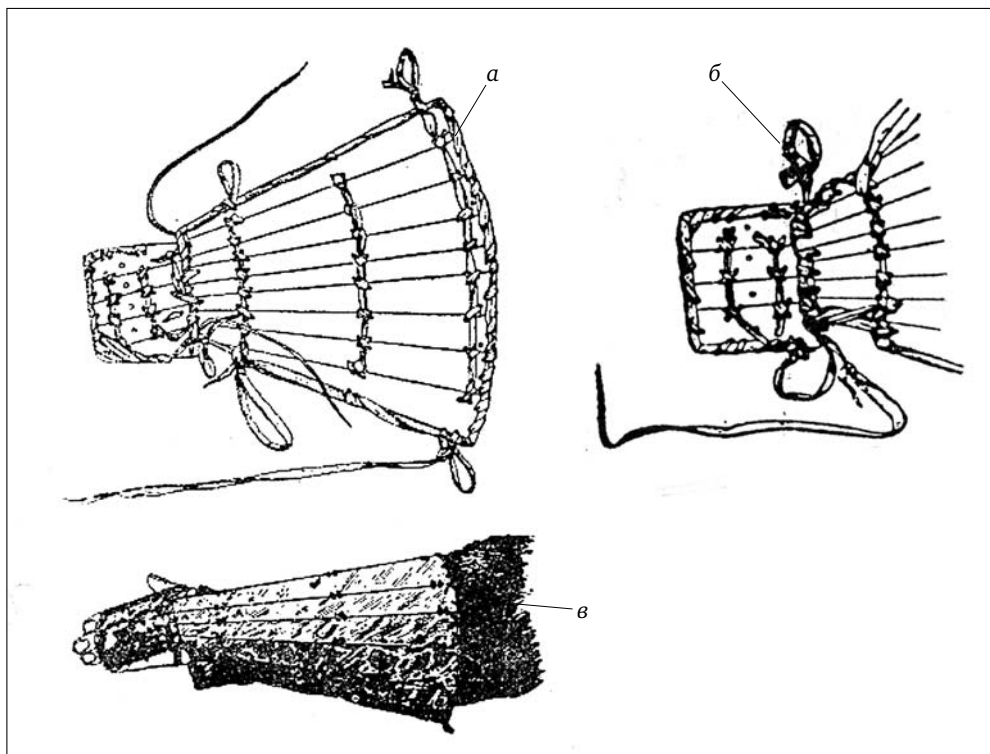
1.4. Наручи

Наручи чукчей были ламеллярными, костяными и металлическими (железными или медными). В. Г. Богораз сравнил поножи и наручи чукчей с японскими аналогами. Действительно, железный пластинчатый наруч, приводимый В. Г. Богоразом, имеет определенное сходство с японским³. Он состоит из девяти пластин, соединенных через парные отверстия в трех местах — сверху, снизу и по центру. Снизу прикреплено покрытие кисти руки, состоящее из пяти небольших пластин. К руке доспех крепился с помощью петель и шнурков. Наруч прикрывал руку по периметру от локтя до кончиков пальцев.

¹ Корякские шлемы см.: Богораз 1991: рис. 89 b; Иохельсон 1997: 101, рис. 53; Антропова 1957: 213; Burch 1988: 231, fig. 307.

² Шлем ЧОКМ-1711 см.: Бронштейн, Днепровский, Отке, Широков 1997: 39, рис. 20.

³ Богораз 1991: 101; см.: Богораз 1991: 91 а, b, с.

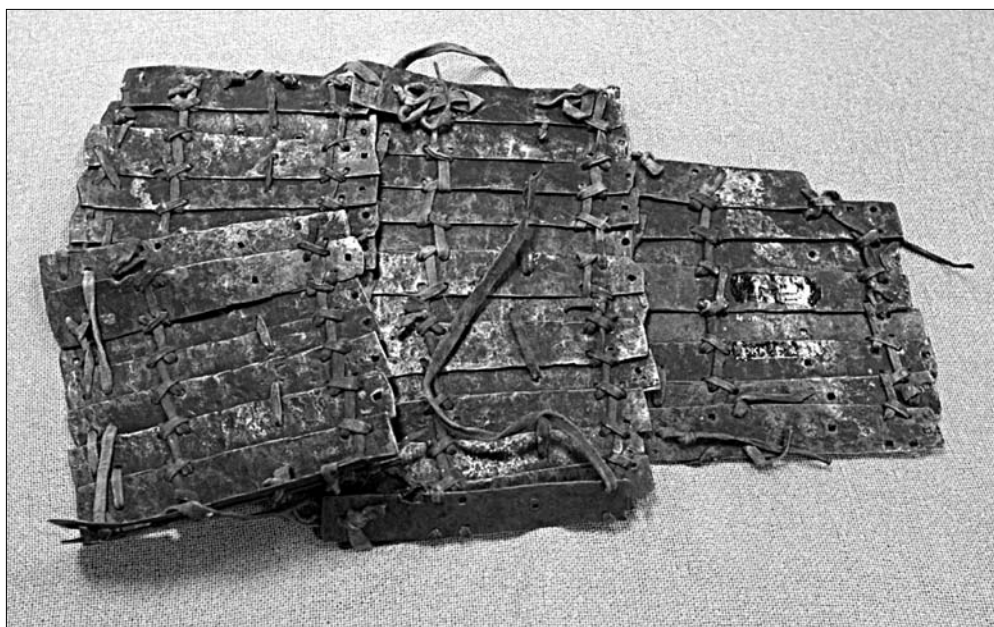

Железный наруч с лопастью для защиты верха кисти руки: а — вид изнутри; б — подробный вид крепления лопасти к наручу изнутри; в — наруч, надетый на руку воина. Воспроизведено по: Богораз 1991: 100, рис. 91а, б, с

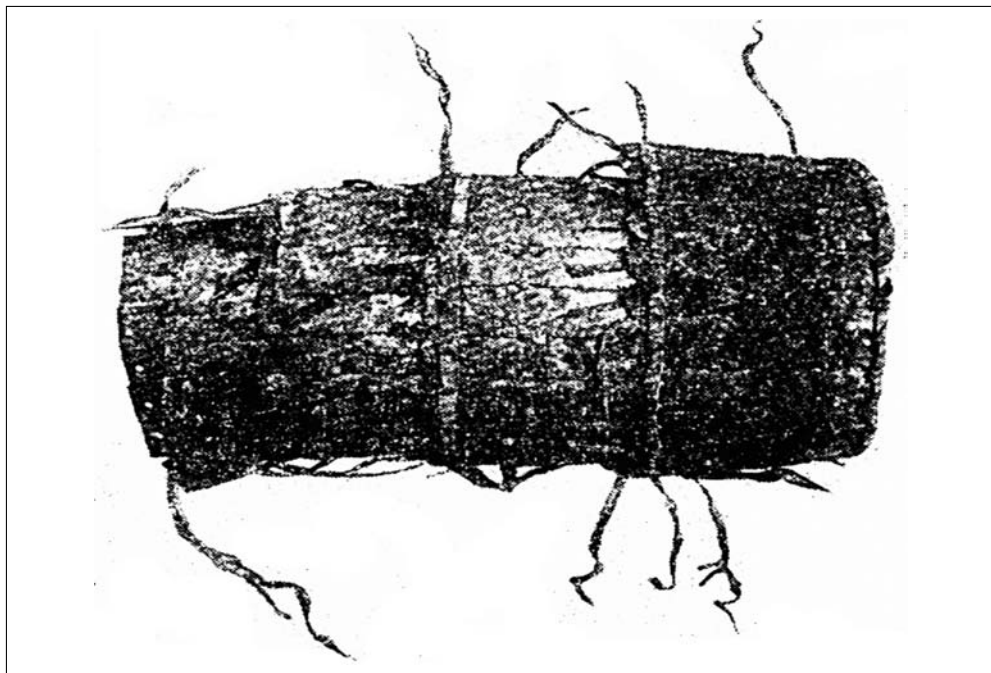
Другой вид пластинчатого наруча, хранящегося в МАЭ (№ 434-10b), состоит из четырех рядов железных пластинок, скрепленных через отверстия ремешками. По краям наруч, как и предыдущий экземпляр, обшит тесьмой, проходящей через отверстия. Он не имел защиты для кисти и прикрывал только нижнюю часть предплечья¹. Третий вид наручей этого типа из РЭМ (№ 4859-40) состоял из трех рядов пластин с клапаном из нерпичьей кожи внизу, общей длиной 34 см.

Второй тип наручей изготовлен из шести длинных (36,5 см) пластин из оленьей кости, связанных нерпичьими ремешками через три ряда двойных отверстий — сверху, снизу и в центре пластины. Сверху и снизу прикреплены клапаны для защиты локтя и верха кисти. Защита крепилась к руке через две пары петель. Наручем была прикрыта

¹ Богораз 1901: 30. Табл. XII, 3; Антропова 1957: 212. Рис. 29.

Наруч из меди общим размером 35 × 27 см весом 500 г. Состоит из трех рядов пластин (15, 13 и 8 штук), скрепленных ремешками из дымленины. Пластины размером 13 × 2–2,5 см с внешней стороны украшены узором из геометрических линий и фигур. В 1960-х гг. оленевод Ю. П. Эвныто передал предметы вооружения (включая панцирь, колчан, два шлема) в школьный музейный уголок начальной школы с. Мейныпилыгино; потом хранились в сельсовете, а в 1977 г. переданы в Анадырский музей. Музейный центр «Наследие Чукотки», ЧОКМ-2865. Э-489

Железный пластинчатый наруч. МАЭ, № 434-10b. Воспроизведено по: Антропова 1957: 212, рис. 29

только нижняя часть предплечья (РЭМ, № 4859-15). Этот наруч входил в доспешный комплект, в котором имелись еще панцирь и поножа (РЭМ, № 4859-14-17)¹.

Вероятно, не случайно обычно наруч входил в один комплект с доспехами, он использовался именно с полным доспехом с целью обеспечить воину максимальную защиту во время перестрелки. Воины же без доспехов вряд ли использовали защиту для рук. Правши надевали наруч на левую руку в том случае, если она была недостаточно прикрыта крылом панциря, поскольку именно эта рука выполняла роль щита, или же на правую, не прикрытую щитом.

Естественно, наручи использовали и другие народы северо-восточной части Сибири, в частности, их использовали оленные эвены. Так, в 1678 г. под Охотский острог подошли 1000 тунгусов «и в куяках, и в шишаках, и в наручах, с щитами». Таким образом, и эвены использовали защиту рук вместе с полным доспехом. Входили наручи и в паноплию юкагиров. Так, в 1650 г. они принесли ясак — «десять куяков якутских да четверы нарушны, шапку железную», 287 пла-

¹ Антропова 1957: 206–207. Рис. 246; ср.: Thordeman 1939: Fig. 252.

стин для куяков, две большие пальмы¹. Таким образом, защита предплечья была самым обычным видом доспеха в Восточной Сибири в XVII–XVIII вв.

1.5. Поножи

Обычным типом понож также были ламеллярными. Так, поножа входит в один комплекс с уже упоминавшимся костяным панцирем и наручем (РЭМ, № 4859-14-15). Эта поножа состоит из шести пластин из оленьей кости (№ 4859-16), связанных между собой нерпичьими ремешками, проходящими через парные отверстия сверху, в центре и снизу каждой пластины. Кроме того, сверху к основной части крепился кожаный наколенник, а снизу наstopник, состоящий из четырех пластин. Система крепления была та же, что и у наручей: справа четыре петли, слева — ремни, которые завязывались через петлю. Носили такую поножу на одной левой голени², поскольку стойка бойца в бою была левосторонней (т. е. воин был обращен левым боком к врагу) с выставленной вперед левой же ногой. Вспомним, что разрез панциря находился справа, а щит-крыло, наоборот, слева.

Известен и другой тип ламеллярного наголенника, железный, сделанный из трех пластин и имеющий по три петли и завязки. Эта поножа шириной около 20 и высотой около 17 см прикрывала часть голени спереди и с боков. Возможно, ее также носили на левой голени, ближе к колену³.

Ламеллярных железных поножей у воина могла быть и пара, как это показывают комплекты из РЭМ (№ 4859-41-42, 23 / 1-2). Первые поножи (высотой 31 см) сделаны из трех железных пластин, соединенных нерпичьими ремешками, к которым для защиты ступни крепится кожаная лопасть. Вторая пара железных поножей (общей высотой 28,5 см) состоит из 11 железных пластин, к низу которых прикреплены кожаные двусоставные наstopники. Поножи крепятся с помощью ремня и пяти петель⁴.

¹ Цитата 1678 г.: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 158; Якутия... 1953: 311; цитата 1650 г.: Белов 1952. № 66: 194.

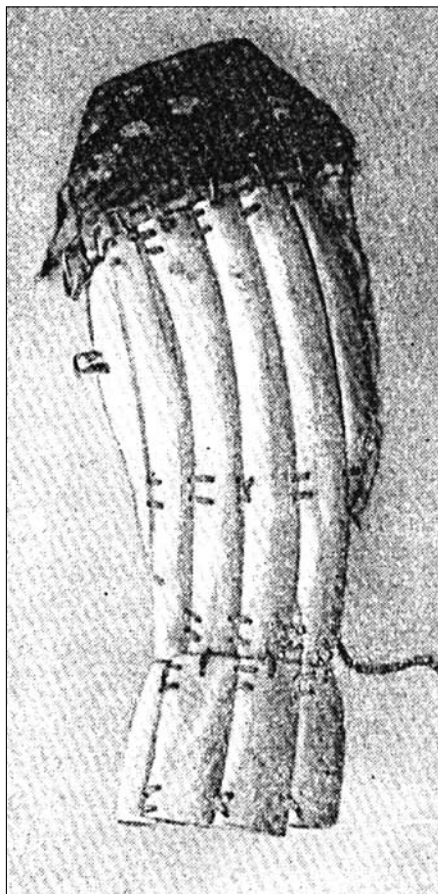
² Поножу см.: Антропова 1957: 207. Рис. 24а; Зуев 2009: рис. 18; на левой ноге: Богораз 1991: 101; Антропова 1957: 207.

³ Поножа из трех пластин: Богораз 1991: 100. Рис. 91d.

⁴ РЭМ: Антропова 1957: 213; крепление пластин: Laufer 1914: 264, n. 1.

У азиатских эскимосов зафиксировано использование пары поножей другого типа, цельного. Они представлены пластинами длиной 16,5 см из бивней мамонта (*mastodon ivory*). Другая пара эскимосских поножей с мыса Дежнева была сделана из одинарных пластин мамонтового бивня высотой 25,6 см¹. Применение пары поножей, видимо, обусловлено тем, что эскимосы с их двукрылым панцирем менее мобильны в бою и при переменной право- или левосторонней стойке им требовалась лучшая защита ног.

Технология изготовления поножей и наручей одинакова с панцирной, таким образом, они имеют одно происхождение. Вероятно, данные детали защитного снаряжения были рассчитаны, прежде всего, на защиту от стрел при метательном дистанционном бое, поскольку во время рукопашной воин скорее должен был полагаться на свое индивидуальное умение.

Чукотская поножа для левой ноги из коллекции Н. П. Сокольникова, собранной в Анадырском районе в 1904–1907 гг. Состоит из пластин из оленьей кости, скрепленных ремнями и усиленных кожаным наколенником. Общая высота — 37 см, ширина — 19 см. Основные части поножи — защита голени и верха стопы. РЭМ, № 4859-16. Воспроизведено по: Зуев 2009: Рис. 18

¹ Поножи из кости мамонта: VanStone 1983: 12. Fig. 6; Hughes 1984: 245. Fig. с.

1.6. Щит

Судя по всему, щит не использовался чукчами и эскимосами — его заменяли либо крылья панциря, либо, при их отсутствии, ловкость самого воина, увертывавшегося от стрел. Впрочем, в одном предании, рассказывающем о поединке корякского богатыря с чукчей, у обоих противников упоминается щит¹. Поскольку данный материал записывался со слов переводчика и В. Г. Богораз не мог контролировать качество перевода, тут могла вкрасься неточность. Впрочем, В. Г. Богораз упоминает наличие у оленных чукчей кожаных и деревянных щитов (*катат* — «заслон»), однако в другом месте он заявляет, что «ни одно племя в этой стране не знало употребления щитов». Вероятно, последняя сентенция ближе к истине, а упоминаемые щиты, скорее всего, относятся к деталям панциря². Также некорректным, излишне обобщенным следует признать и мнение Ж. Малори о том, что «тут и там эскимосы и чукчи использовали щит». Вспомним, что и эскимосы побережья Западной Аляски обычно не использовали индивидуальные щиты, хотя, по воспоминаниям эскимосов Уэйлса (третья четверть XX в.), у них существовали тяжелые, около 10 кг, круглые щиты из китовой кости, а приморские эскимосы юпик Юго-Западной Аляски использовали кожаные щиты для боя с каяка³.

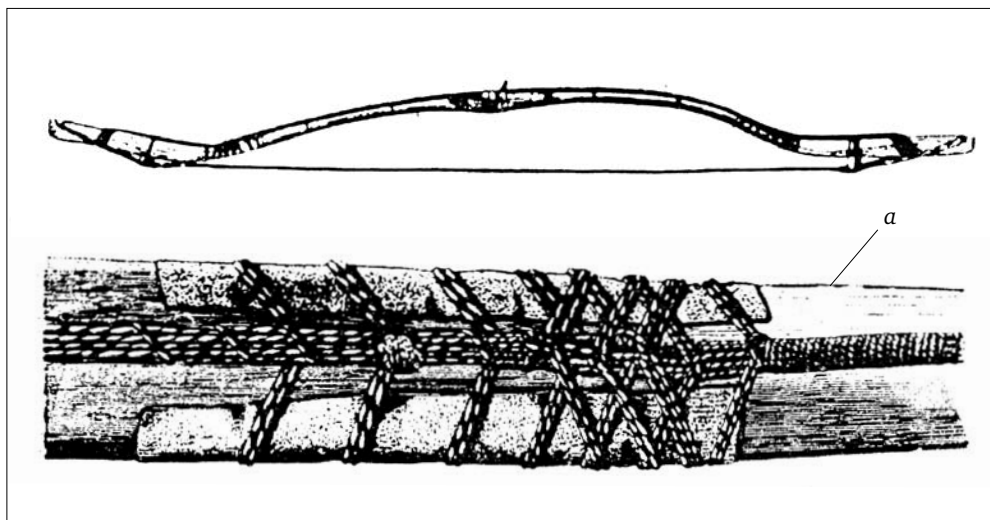
2. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

В качестве материала для наступательного оружия использовались камень и кость. В качестве костного материала применялись китовые ребра и челюсти, оленьи ребра, а также китовый ус, моржовые клыки, олений рог. Из камней же использовались обсидиан, кремь, песчаник, шифер. С XVII в. камень был потеснен костью, которую не смогло вытеснить даже железо, распространившееся у чукчей в XVIII в. Железо попадало на Чукотку, по крайней мере, с начала I тыс. н. э., но распространилось оно лишь с приходом русских. Например, в 1778 г.

¹ У коряка — круглый деревянный, обшитый кожей лахтака: Богораз 1900. № 150: 393; Меновщиков 1959: 63.

² Нельзя было контролировать перевод: Богораз 1900: 388, примеч. 1; цитата о катате: Богораз 1901: 30; Богораз 1939: 50; ср.: Богораз 1949. № 4: 139.

³ Цитата: Malaurie 1974: 144; не использование щитов: Hough 1895: 631, 635; Nelson 1899: 328; Уэйлс: Malaurie 1974: 144; для боя на каяке: Fienup-Riordan 1994: 329.

Чукотский сложносоставной лук. Длина — 1,6 м. а — деталь внутренней оплетки сухожилиями. Воспроизведено по: Богораз 1991: 89, рис. 69; 92, рис. 70а

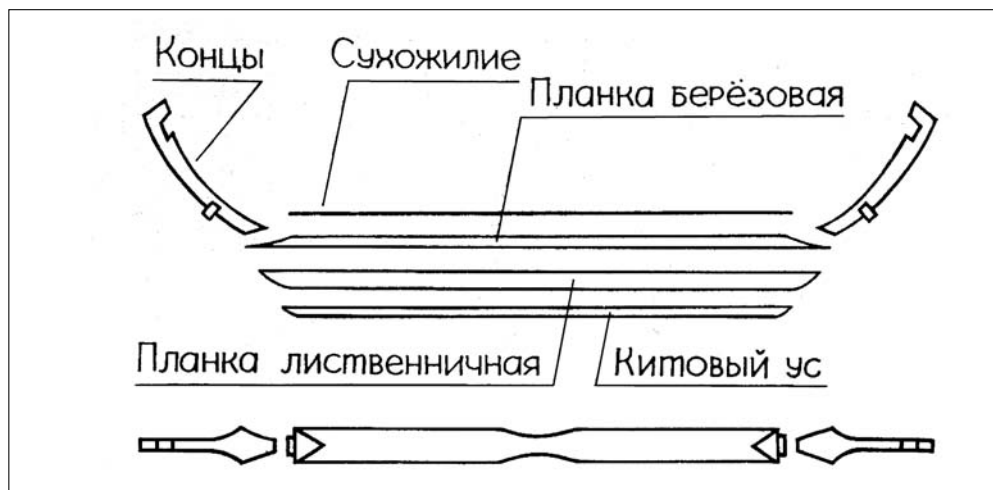
в заливе Лаврентия у оседлых «чукчей» копыя уже были железные, российской работы с инкрустацией, тогда как наконечники стрел — наиболее расходное оружие — каменными и костяными. Железное оружие поступало к чукчам от русских, юкагиров или коряков, которые, в свою очередь, приобретали железные заготовки на казенных заводах. Даже на рубеже XIX–XX вв. работы с железом не получили у чукчей достаточного развития. Все они в основном сводились к починке приобретенных железных предметов. Этим обычно занимались приморские жители¹.

2.1.1. Луки

Главным оружием для дальнего боя был лук, который воин, по словам К. Мерка, всегда имел при себе². Боевыми луками были сложносоставной, сделанный из нескольких кусков дерева с накладками,

¹ 1778 г.: Кук 1971: 361; ср.: Орехов 1987: 125; железо с начала I тыс. н.э.: Вдовин, Кочешков 1985: 95; Бронштейн 2007: 29; материал для оружия: Вдовин 1965: 34; 1987: 71; покупка железа у русских: Слюнин 1900: 657; ср.: Известие из Гижиги. 1865: 59; приморские кузнецы: Богораз 1991: 149. У В. Г. Богораза в романе «Восемь племен» встречается упоминание о наконечнике стрелы телькепских чукчей, сделанном из раковины (Тан-Богораз 1979: 53).

² Мерк 1978: 114; Вдовин 1965: 35.

Детали восточносибирского (корякского) лука с мыса Тайгонос. Воспроизведено по: Глинский 1987: Рис. 3

и сложный, состоящий из нескольких деревянных частей. Оба типа были близки по форме¹. Сложносоставной лук имел слабоизогнутую кибить, состоящую из основы из лиственничного (а в XVIII в. — елового) креня — наружного слоя древесины с винтообразными слоями, — к которому сверху рыбьим клеем (сваренным из рыбьей кости с добавлением корней и коры) приклеивалась тонкая березовая планка. Далее лук оклеивался одним-двумя слоями сухожилий оленя, оплетался шнурком из этого же материала, заливался клеем, а сверху часто обматывался берестой, очевидно для того, чтобы кибить не отсырела и не утратила гибкость². Снаружи на лук накладывался китовый ус. Часто рога лука делались из отдельных кусков дерева. В разрезе такой лук был треугольным. Этот тип был слабоизогнутым, с отогнутыми вперед краями рогов. Общая длина лука составляла 1,5–1,7 м. Тетива была сделана из плетеных сухожилий (у эскимосов —

¹ Американский этнолог Джон Мердоch предложил разделить луки эскимосов на три типа, базируясь на географическом принципе («Южный», «Западный», «Арктический»), и в меньшей степени — по конструкции, что не представляется удачным (Murdoch 1884). Е. Ф. Рожов (2007) просто разделил чукотские луки по длине: большие (2 м), средние (1,2–1,7 м), малые (до 1 м).

² Линденау 1983: 114–115; Миддендорф. Отд. 5. 1869: 598; Шренк 1899: 245; Симченко 1976: 133; Глинский 1986: 9; 1987: 126; Рожков 2007; Нефёдкин 2016а: 198; МАЭ, № 704-1; РЭМ, № 2085-131-138. Лук, сделанный из ели, — вероятно, импортированное из Аляски изделие (КПЦ, № 71: 186; Мерк 1978: 116; Нефёдкин 2016а: 198; ср.: Parry 1824: 510).

оленных или китовых) либо моржового или нерпичьего ремня. Она была съёмной и крепилась за петли к засечкам на концах рогов лука. Петли тетивы делались отдельно, что повышало устойчивость тетивы к перетиранию¹.

Сложный тип лука имел три вида. Первый, наиболее распространенный, вид лука был представлен кибитью, оплетенной сухожилиями и оклеенной берестой или оплетенной ремешками. Этот вид лука делался из подручного материала: обычно из лиственницы, иногда из березы или сосны. По форме и размерам он был аналогичен сложносоставному типу. Этот вид советский оружейвед Е. А. Глинский рассматривал как аляскинско-эскимосское оружие, импортированное на Чукотку. Второй вид сложного лука отличался по форме — он не имел отогнутых концов. В конце XIX в. этот лук встречался у оленных колымских чукчей².

В сказаниях и документах говорится, что лук, как и стрелы, делался из китового уса, однако до этнографической современности он не сохранился. Он известен лишь как детская игрушка, состоявшая из нескольких частей китового уса. Этот вид лука использовался в XVIII в. народами северо-востока Сибири. Впрочем, возможно, лук не был изготовлен целиком из этого материала, он лишь укреплялся накладками из китового уса, как это было у старинного лука из алькатваамской тундры, подаренного Е. Ф. Рожкову в 1965 г., у которого на березовую рейку были наклеены пластины китового уса³. Это третий вид сложного лука.

Этнограф Ю. Б. Симченко предполагал, что чукотские луки развивались от простого к сложному, однако, возможно, прав Б. Адлер, считавший, что данный упрощенный вид лука не являлся более древним, чем сложносоставной, а наоборот, представлял собой поздний тип, производимый для охоты. Действительно, сложный (вероятно, слож-

¹ Обкладки из уса: Глинский 1987: 125; Рожков 2007; ср.: Симченко 1976: 120; конструкцию лука ср.: Адлер 1903: 183, 192; отдельные петли: Богораз 1991: 89; Меновщиков 1959: 61; Глинский 1986: 11; ср.: у оседлых коряков — из тюленьего ремня (Линденау 1983: 115). Сложносоставные луки: РЭМ, № 2085-131-137.

² Первый вид сложного лука: Тан-Богораз 1979: 53; Богораз 1991: 88-89; МАЭ, № 611: 103-104; 752-10, 21; мнение: Глинский 1986: 8; второй вид сложного лука: Богораз 1991: 89.

³ Лук из китового уса в фольклоре: Богораз 1900. № 116: 301; № 127: 332; 1991: 89-90; Антропова 1957: 191; игрушка: Collins 1937: 323; Богораз 1991: 89-90. Рис. 72; ср.: Богораз 1900. № 116: 301; распространение в северо-восточной Сибири: Богораз 1991: 88; накладки из китового уса ср.: Ollivier 1877: 591; Шренк 1899: 245. Табл. XLIV, 4-5; описание лука 1965 г.: Рожков 2007а.

носоставной) лук, имеющий вставные наворачия, встречается уже в древнеберингоморской культуре в начале I тыс. н. э.¹

Сам же лук не был специфически боевым оружием, он в историческое время применялся и в индивидуальной охоте на оленей, лосей и птиц². Еще в XX в. старинные луки и стрелы использовались в некоторых обрядах оленными чукчами, в частности, из луков стреляли в сторону стада, когда олени пригонялись к ярангам при осеннем убое³. Очевидно, сложносоставной лук обычно применялся в бою. В. Г. Богораз считал, что именно этот тип лука был распространен у народов северо-востока Сибири (якутов, эвенов, юкагиров, коряков), сами же чукчи приобретали его у соседей⁴.

2.1.2. Налучье

Налучье для хранения лука делалось из ровдуги, дымлены или кожи тюленя. Налучье из МАЭ (№ 752-9) представляло собой ровдужный чехол длиной 1,74 м и максимальной шириной 20 см, украшенный снизу ровдужной бахромой. Сбоку был разрез для вложения лука, завязываемый тремя парами завязок. На экземплярах налучий из РЭМ (№ 4859-31-33) широкий верх чехлов завязывался парой шнурков. Другое ровдужное налучье длиной 1,59 м сужается книзу; оно украшена сверху бахромой, а снизу — кисточкой. Для ношения налучье имело петлю, а для сохранности луков — три пары завязок (РЭМ, № 4859-45). Тетиву же снимали с лука и хранили в отдельном мешке. Судя по всему, во время боевых действий лук носили в руках или клали на нарту⁵.

2.1.3. Стрелы

К. Мерк относит изготовление стрел к обычным занятиям чукотских мужчин. Действительно, стрелы были наиболее расходным оружием, запас которого надо было постоянно пополнять. Стрелы чукчей имели длину около 60–85 см. Документы времени Д. И. Павлуцкого

¹ Мнения: Симченко 1976: 133; Адлер 1903: 188; ср.: Норденшельд 1936: 321; древнеберингоморская культура: Глинский 1986: 7; 1987: 125.

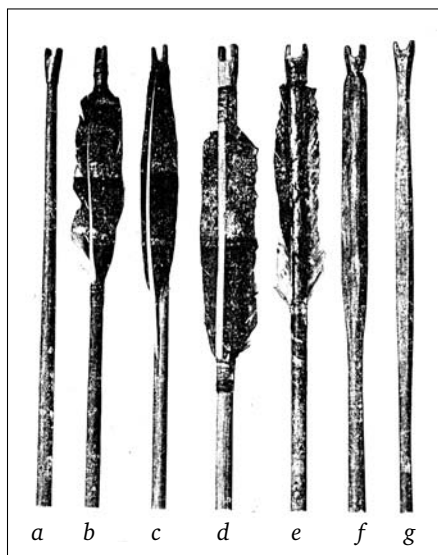
² Вдовин, Кочешков 1985: 97.

³ Кузнецова 1957: 275, 324.

⁴ Богораз 1991: 88; о покупке лука у соседей чукчей: Симченко 1976: 107–135.

⁵ Налучье: Мерк 1978: 129; ЭМ: 165; Богораз 1991: 90; МАЭ: Богораз 1899: 369.

свидетельствовали об аналогичном размере древков стрел (в 1 аршин = 71 см), изготавливаемых из разных пород дерева. Сами древки делались из плавуна или покупались. Стрелы чукчей, как видим, имели среднюю длину. Длина же стрелы, как известно, зависит от мощности натяжения лука: она должна покрывать расстояние от кибиты до центра натянутой тетивы. Как отметил Д. Э. Ухтомский, большинство чукотских стрел обладали равновесием древка и наконечника. На пятке древка обязательно был вырез для тетивы. Иногда эта пятка была костяной или просто обматывалась сухожилиями для предохранения от расщепления¹.

Виды оперения стрел. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 117, рис. 7а, b, c, d, e, f, g

Оперение стрел состояло из двух целых примотанных перьев или двух-трех приклеенных половинок пера. Перья могли крепиться и комбинированным способом: верхняя часть вставлялась в паз на древке, а нижняя приматывалась у пятки сухожилиями — капрал Г. Г. Шейкин, служивший в 1750-х гг. в Анадырске, прямо указывал на то, что перья не приклеиваются, а привязываются к древку жилами около концов. Приморские чукчи могли крепить в прорезях и верх и низ основания пера, а затем все закреплять обмоткой из сухожилий (МАЭ, № 611–114). Два пера крепились, соответственно, с двух сторон древка, а три половинки — с трех сторон. Стрелы с одним пером, вследствие баллистических свойств, можно, вероятно, признать сохранившимися неполностью, хотя их сохранилось большое количество. Оперение делалось из маховых перьев гусей, ворон, чаек и сов. Некоторые стрелы вместо оперения имели четырехгранное утолщение и предназначались, по мнению Д. Э. Ухтомского, для стрельбы по ближним

¹ Мнение: Мерк 1978: 116; сведения времени Д. И. Павлуцкого: Вдовин 1965: 35; Нефёдкин 2016а: 198; у чукчей — из ивы диаметром 1 см (Руденко 1947: 82); у коряков — из березы (Линденау 1983: 115); мнение: Ухтомский 1913: 117; пятка стрелы: Богораз 1991: 90; Вдовин 1965: 35; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 3, § 3 (у коряков — из оленьих рогов). Чукотские стрелы, собранные в 1904–1907 гг., см.: РЭМ, № 2085-1–130.

целям. Возможно, стрелы без перьев были преимущественно охотничьими¹.

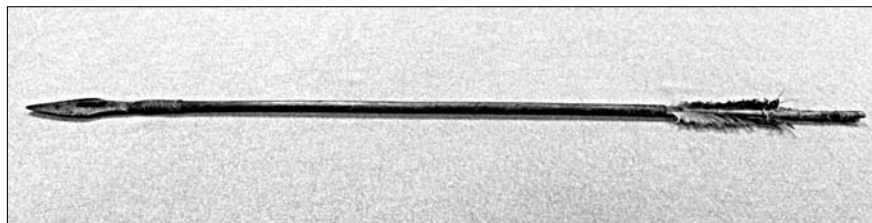
До XVIII в. основным материалом для наконечника служили моржовые клыки, кость, камень, а с этого столетия — также и железо. Согласно чукотской сказке, стрелы с железными наконечниками появились у чукчей от русских во время столкновения с антигероем Митреем. Однако еще в XVIII в. наконечники из моржовой кости и клыков были наиболее распространенными, ведь стрелы производили оседлые жители. Даже у коряков, тесно связанных с русскими, в середине XVIII в. железных стрел было в два раза меньше, чем костяных, как следует из описи имущества оленного коряка Яллаха. В чукотском фольклоре упоминаются стрелы с наконечником из рога, известные также археологически. Описывая материал наконечников в 1865 г., французский врач А. Оливье упоминает кость, кремнь, стекло, железо и медь. В чукотском сказании «Тэмээрэчэкай» также на вооружении героя имеется стрела с медным наконечником, а эскимосское предание острова Св. Лаврентия упоминает небольшую стрелу с наконечником из китовой кости. В течение XIX в. железные наконечники полностью вытеснили каменные, но не острия из моржовых клыков и кости. При этом, как справедливо отметил Е. А. Глинский, железные наконечники не дали в классификацию каких-нибудь новых форм².

Было два основных способа крепления наконечника на древке: черенок наконечника вставлялся в щель древка и приклеивался и иногда для прочности оплетался ремешком (МАЭ, № 752-21–25); был и вильчатый насад острия на древко, который затем укреплялся бандажем. Эти системы крепления наконечника были известны в регионе еще в I тыс. и не зависели от его вида³.

¹ Оперение: Ухтомский 1913: 118–120; ср.: Адлер 1903: 187; закрепление оперения: Богораз 1991: 90; Г. Шейкин: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 18; 2016а: 104; ср.: Вдовин 1965: 37; перья птиц: Вдовин 1965: 35, примеч. 83; ср.: орлиные перья (Линденау 1983: 115); вороньи (Рытхэу 2004: 98); бесперьевые стрелы: Ухтомский 1913: 118, 120. Рис. 7f, g; охотничьи бесперьевые стрелы: Норденшельд 1936: 322. Одно перо: РЭМ, № 6779, 1–5.

² Оседлые делали стрелы из клыков: Мерк 1978: 114, 116; Яллах: Вдовин 1973: 228; наконечник из рога: Богораз 1900. № 146: 390; археология: Руденко 1947: 82; Митрей: Богораз 1900. № 146: 389; Нефёдкин 2016: 23; мнение: Глинский 1986: 12; 1989: 10; мнение: Ollivier 1877: 593; «Тэмээрэчэкай»: Богораз 1900. № 137: 366; Нефёдкин 2016: 349–350; эскимосское сказание: Bogoras 1913. № 16: 435.

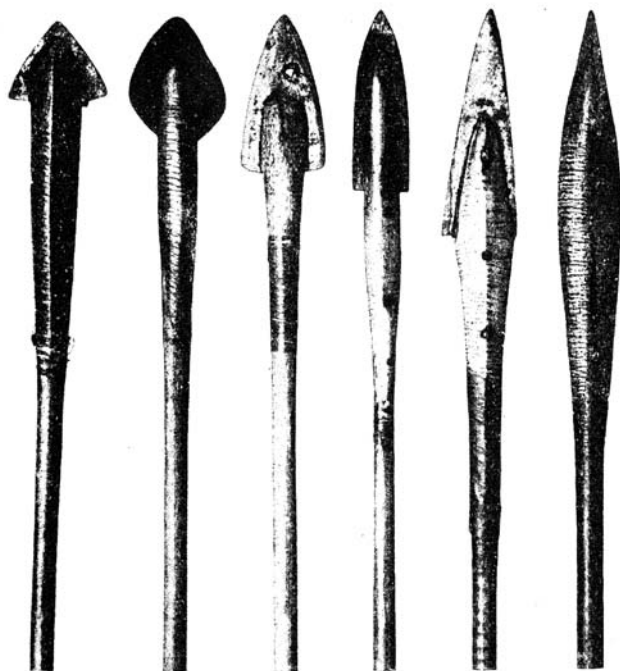
³ Приклеивание наконечника: Мерк 1978: 116; археология: Арутюнов, Сергеев 1969: 128.

Чукотская стрела длиной 75 см с железным наконечником 14 см длиной и 3 см шириной. Нижняя часть наконечника украшена насечками и скреплена оленьими нитками. Оперение представлено тремя перьями длиной 15 см, наклеенными на древко. Как и колчан, стрела принадлежала оленеводу Ю. П. Эвныто из Мейныпильгыно. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-2862; Э-476).

Каким образом крепилось каменное острие к стреле, показывают более поздние аналоги, где камень просто был вытеснен железом. На древке крепились две склепанные костяные пластины длиной 9,5–17 см, а в них, в свою очередь, вставлялся плоский треугольный наконечник из листового или котельного железа длиной 4–10 см. Так, стрела из анадырского музея имела треугольное железное острие шириной 6,2 см и высотой 6 см, закрепленное одной заклепкой в муфте, имеющей длину 12,5 см (ЧОКМ-1489). У корякских стрел железное острие удерживала в роговой муфте заклепка. В более раннее время вместо железа употреблялся камень. Кремневый наконечник мог вставляться и непосредственно в разрез древка, как мы это видим у стрелы с лавровидным острием длиной 8,5 см из МАЭ (№ 752-52). Такой тип наконечника с черенковым насадом преобладал на побережье Восточной Чукотки еще в I тыс.¹ Этот каменный наконечник имел при стрельбе меньшую пробивную силу и был рассчитан на расслоение своего материала «из темного, в горах находящегося

¹ Костяные муфты: Богораз 1901: Табл. IX, 3; 8; Ухтомский 1913: 110–111. Рис. 3; коряки: Вдовин 1971: 290; археология — черенковый насад: Арутюнов, Сергеев 1969: 130; ср.: Руденко 1947: 82–83; Орехов 1977.

Чукотские стрелы с железными наконечниками из листового железа, вставленные в костяные муфты, закрепленные на древках. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 110, рис. 3а, b, c, d, e, f

хрусталию», что приводило к заражению крови¹. А для усиления этого действия в середине XVIII в. острия смазывали ядом из сока корня травы лютика, от которого «человек, получа стрелою язву, в скором времени опухнет и умрет»; это свидетельство казака Б. Кузнецкого (1756 г.) почти дословно повторяется в сообщении чукчи Хехгитита (1763 г.)². Сок аконита как яд использовали с аналогичной целью

¹ Цитата: КПЦ. № 70: 183; ср.: Соколов 1852: 103 (о. Уналашка). У аляскинских эскимосов залива Нортон также имелись наконечники копий из хрусталя (Pallas 1781: 248; Nelson 1899: 149; Берг 1949: 112).

² КПЦ. № 70: 183; № 71: 186; ср.: Сергеева 1962: 85; Malaurie 1974: 143 (эскимосы). В. Г. Богораз отмечает, что стрела, смазанная ядовитым соком лютика, убивает даже крупную дичь за несколько минут (Тан-Богораз 1979: 53). Нельзя исключить, что устный информатор исследователя несколько преувеличил срок действия яда, ведь в конце XIX в. подобные стрелы не употреблялись. Согласно информации Н. Дауркина, переданной Ф. Х. Плениснером, яд действовал в течение суток (Pallas 1781a: 248).

Две чукотские стрелы из музейного центра «Наследие Чукотки». Одна стрела с наконечником из железа, муфтой-переходником и древком диаметром ок. 1 см, общей длиной 68 см (ЧОКМ-1489). Вторая стрела с граненым костяным наконечником максимальной шириной 2 см и длиной 4,1 см, с древком с оперением и вырезом на пятке (ЧОКМ-1488/1)

ительмены, а также алеуты и айны¹. Хотя, как заметил А. С. Зуев, из россиян никто не умер от отравленной чукотской стрелы, но русские источники просто не фиксировали причину смерти убитых, просто называя общее число потерь².

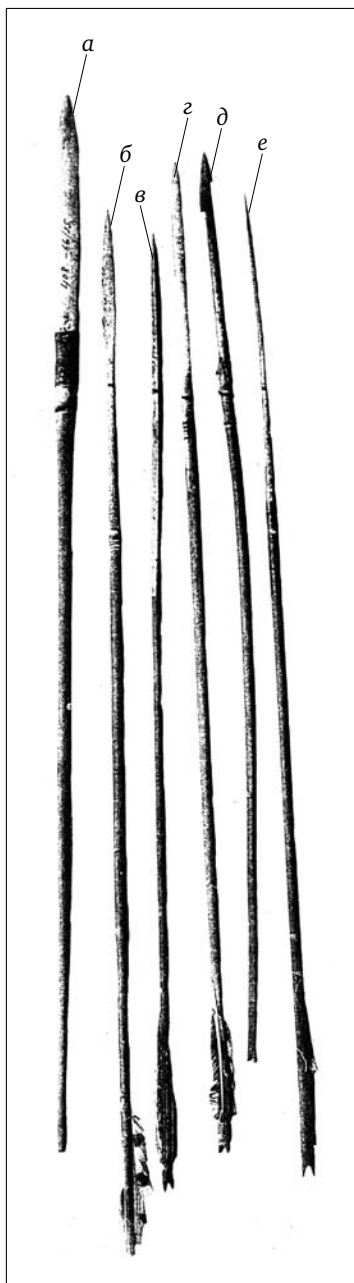
Костяные наконечники стрел чукчи, судя по всему, изготавливали сами, ведь производство стрел — наиболее расходного вида оружия — было одной из обязанностей мужчин. Это же касается комбинированных железо-костяных наконечников, которые чукчи делали из котельного металла. Подобные наконечники, по разъяснению чукчей в 1970-х гг., служили для расшивания панцирей, для разрезания оленьих жил и ремешков, скреплявших пластины панциря. Железные наконечники хорошего качества, иногда, как указывает В. Г. Богораз, с насечками из меди и латуни на втулке в виде растительного орнамента, приобретали у русских на Колыме или Анадыре, а также у коряков³. Они высоко ценились: на них часто надевали меховые колпачки (шкурой внутрь) для защиты от сырости и ржавчины. Эти чехлы часто делались из снятой с ног телянки оленя шкуры⁴.

¹ Pallas 1781a: 248; Крашенинников 1949: 404; Стеллер 1927: 22; Миддендорф 1869. Отд. 5: 601.

² Зуев 2009: 304.

³ Мужчины делают наконечники: Мерк 1978: 116; ср.: Вахтин 2000: 229; котельное железо: Ухтомский 1913: 116; Богораз-Тан 1934: 13–14; наконечники для разрезания панциря: Леонтьев 1976: 198–199; русские наконечники: Богораз 1991: 91; Леонтьев 1976: 198.

⁴ Богораз 1991: 144. Рис. 74к, 1; Леонтьев 1976: 196. В регионе для защиты наконечников использовали также чехлы из бересты или деревянные коробочки (Nelson 1899: 162–163. Pl. LXII; Волков, Руденко 1910: 178).

Чукотские стрелы с костяными наконечниками: а — кинжало-видный; б — листовидный; в, г, е — игольчатые; д — наконечник с асимметричными шипами. Воспроизведено по: Богораз 1901: Табл. VIII, 2–7

В документе о походе Д. И. Павлуцкого отмечается, что типичными стрелами у чукчей являются снабженные двух- или трехгранными наконечниками из моржовых клыков¹. Количество граней могло достигать пяти (МАЭ, № 752-77). Очевидно, эти наконечники были как боевыми, так и охотничьими, предназначенными для охоты на крупную дичь. Данный тип наконечника характерен для эскимосов. Он был длиной около 20 см и насаживался на древко 50–69 см. Подобные костяные наконечники известны еще в пунукское время (VI–XVI вв.) на западном побережье Чукотки и имеют, очевидно, эскимосское происхождение².

Многие наконечники мы не можем точно определить, являются ли они охотничьими или боевыми. Наконечники, которые могли применяться на войне, различались по форме и материалу, из которого их производили³.

Отметим и другие типы костяных наконечников, хранившиеся в собраниях РЭМ:

¹ РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 11 об.; Вдовин 1965: 35; Нефёдкин 2016а: 198. См.: РЭМ, № 6779-1-5 (трехгранные костяные наконечники); Dall 1870: 379 (трехгранные наконечники характерны для азиатских эскимосов); Jochelson 1905: 559 (у коряков наконечники — из бивня мамонта).

² На крупную дичь: Jochelson 1905: 559; Ухтомский 1913: 111; Волков, Руденко 1910: 178; эскимосы: Ухтомский 1913: 106–107. Рис. 1; ср.: Nelson 1899: Pl. LXIa, 1; Пунук: Диков 1979: Рис. 89, 14; Нефёдкин 2016б: 31–33; также ср.: Орехов 1977: 112. Рис. 18-4; 18-8.

³ Ср. с классификацией корякских стрел: Вдовин 1971: 283–291; Jochelson 1905: 559, fig. 96.

Листовидный наконечник длиной 15 см с вильчатой пяткой¹.

Четырехгранный наконечник асимметрично-ромбической формы длиной 12 см при общей длине стрелы 71 см. Он вставлялся черенком в древко и для прочности обматывался лентой².

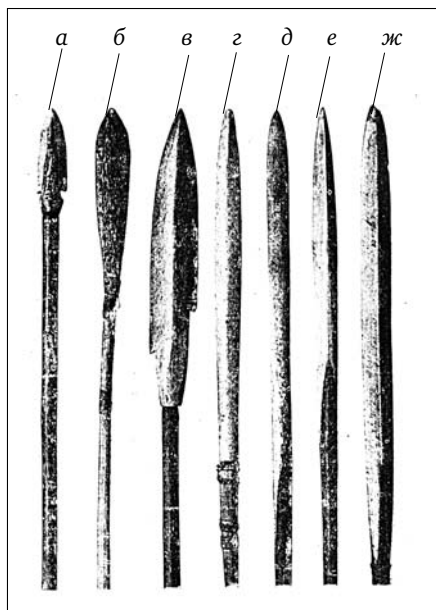
Тяжелые двухлопастные наконечники с шипами, иногда асимметричными. Такое острие было сравнительно небольшое (у экспоната МАЭ — длина 7 см), оно наносило большую рану, приводящую к обильной потере крови. Как отмечал капрал Г. Г. Шейкин, подобные небольшие наконечники прикрепляли к древку непрочно, вероятно, клеем, чтобы они оставались в теле, когда стрелу будут вынимать. Вероятно, стрелы с таким наконечником были наиболее распространенными. Отметим, что, судя по эскимосским параллелям, стрелы с подобными, но более крупными наконечниками предназначались для охоты на крупного зверя и, очевидно, для войны³.

Другим классом чукотских наконечников, известных по этнографическим коллекциям, являются железные:

— четырехгранные наконечники, которые Д. Э. Ухтомский считает, вследствие тщательности обработки, приобретенными у русских или коряков;

— игольчатые наконечники;

— наконечники на длинной шейке;

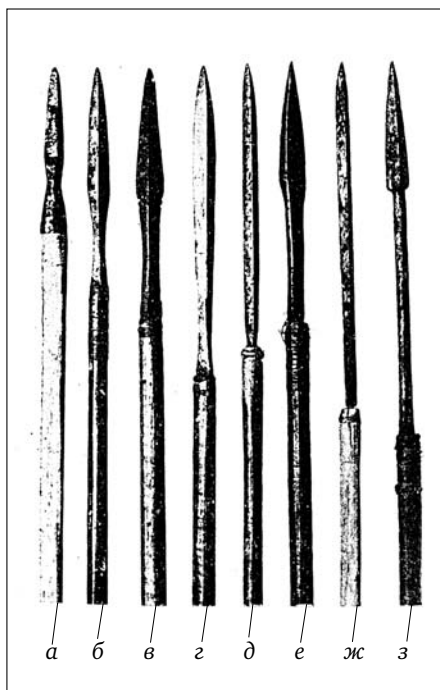

Чукотские костяные наконечники стрел: а, в — с асимметричными шипами, б — асимметрично-ромбический; г — ж — игольчатые. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 106, рис. 1а, б, с, d, e, f, g

¹ Ухтомский 1913: 108.

² Ухтомский 1913: 108. Рис. 1 б.

³ Шипастные двухлопастные наконечники: Ухтомский 1913: 108–109. Рис. 1с; Г. Шейкин: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 103–104; ср.: Вдовин 1965: 37; Мерк 1978: 116; эскимосы ср.: Jacobsen 1884: 8–9; Burch 1998: 69–70.

Чукотские стрелы с железными четырехгранными наконечниками: а, б, в — удлиненно-треугольные; г, д — игольчатые; е — удлиненно-ромбический; ж — игольчатый, сделанный из отшлифованного напильника; з — удлиненно-треугольный на длинной шейке. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 114, рис. 6а, б, в, с, д, е, ф, г, h

мары), были охотничьими, предназначенными для сшибания и оглушения дичи³.

— боеголовковые наконечники с расширяющимся сверху утолщением-острием;

— обоюдоострые наконечники длиной 12–24 см, копировавшие форму игольчатых костяных, прикрепленные к древку длиной 75–81 см. Подобные наконечники применялись эскимосами для охоты на морского зверя¹;

— плоские вильчатые наконечники длиной 7–5 см (при длине стрелы 66–84 см) применялись для охоты на водяную птицу и мелкую дичь. На войне могли использоваться в экстренных случаях;

— листовидные или ромбовидные наконечники длиной 9–15 см, общая длина стрел была 67–85 см;

— небольшие наконечники с симметричными или асимметричными шипами и длинной шейкой;

— стрела, сделанная из старого ножа. Подобная стрела должна была наносить большие кровоточащие раны².

Наконечники еще одного класса, с тупым деревянным острием (то-

¹ Четырехгранные наконечники: Ухтомский 1913: 114–115. Рис. 6а — д; игольчатые: Ухтомский 1913: 111. Рис. 6д, е, г; железные на длинной шейке: Ухтомский 1913: 111. Рис. 6ф, h; боеголовковые: Богораз 1901: Табл. IX, 6; Ухтомский 1913: 111. Рис. 4е, ф; обоюдоострые: Ухтомский 1913: 114–115. Рис. 4а — д; эскимосы см.: Jacobsen 1884: Fig. 21.

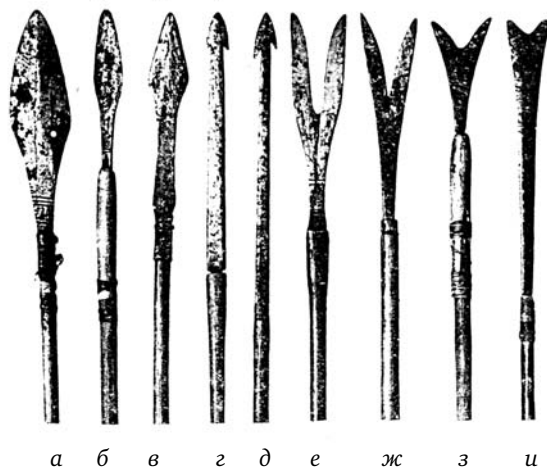
² Плоские вильчатые наконечники: Ухтомский 1913: 113–114. Рис. 5а–д; листовидные или ромбовидные: Богораз 1901: Табл. IX, 11–12; Ухтомский 1913: 111. Рис. 5г, h, i; ср.: МАЭ, № 611–114; небольшие наконечники с симметричными или асимметричными шипами: Ухтомский 1913: 113. Рис. 5е, ф; стрела-нож: Ухтомский 1913: 115. Рис. 4г.

³ Томары: Богораз 1901: Табл. VIII, 10–11; IX, 10; Леонтьев 1976: 198.

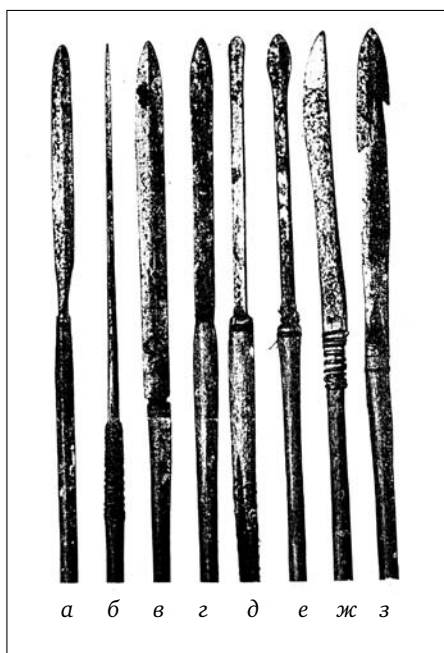
Стрелы с железными вильчатыми наконечниками из частной коллекции А. В. Эттувье (Анадырь). Описание составлено З. Ф. Тагритвааль. Слева направо: а) стрела длиной 76 см и весом 95 г с наконечником длиной 16,5 см и расстоянием между зубцами 5,5 см; на древке — насечки; б) стрела длиной 80,1 см и весом 95 г с наконечником длиной 17 см и расстоянием между зубцами 4,4 см; в) стрела длиной 74 см и весом 95 г с наконечником длиной 15,5 см и расстоянием между зубцами 4 см, который крепится в муфте-кольце из оленьего рога; чехол для наконечника из замши; г) стрела длиной 73,5 см и весом 65 г с наконечником длиной 13 см, закрепленным в муфте из оленьего рога длиной 5 см и диаметром 0,9 мм; 15 насечек на древке; д) стрела длиной 63,5 см и весом 65 г с наконечником длиной 16 см и расстоянием между зубцами 2,6 см; древко обломано.

Все эти классы и типы стрел существовали в XIX в. В целом наконечники чукчей большие и предназначены, очевидно, для нанесения глубокой раны противнику, который должен пострадать от обильной потери крови. Длинные граненые наконечники могли предназначаться для пробивания панциря и вхождения в тело противника.

Стрелы с железными наконечниками: а, в — ромбовидные; б — листовидный; г, д — шипастые с длинной шейкой; е-и — вильчатые. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 113, рис. 5а, b, c, d, e, f, g, h, i

Стрелы с железными наконечниками: а, в, г — обоюдоострые лезвийные наконечники; б — вид сбоку; д, е — боеголовковые; ж — стрела-нож: наконечник сделан из старого ножа; з — с асимметричными шипами. Воспроизведено по: Ухтомский 1913: 112, рис. 4а, б, с, д, е, ф, г, h

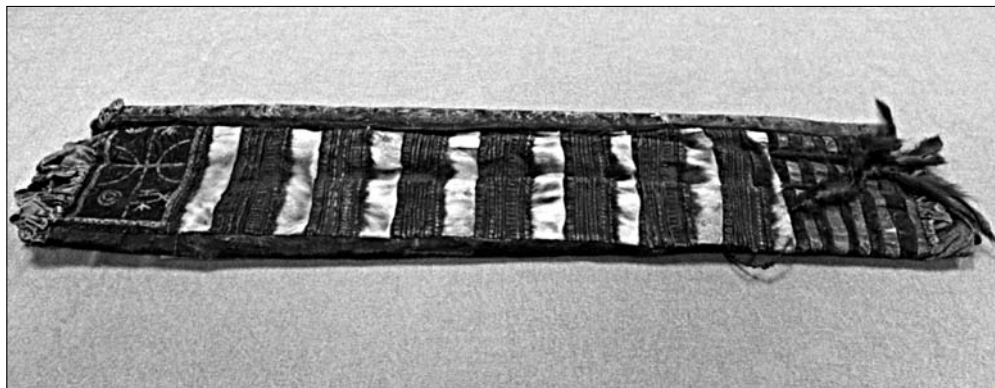
Большие железные острия достаточно тяжелы, что уменьшает дальность полета. Впрочем, как уже отмечалось, часто достаточно трудно различить стрелы боевые и охотничьи для крупного зверя.

2.1.4. Колчан

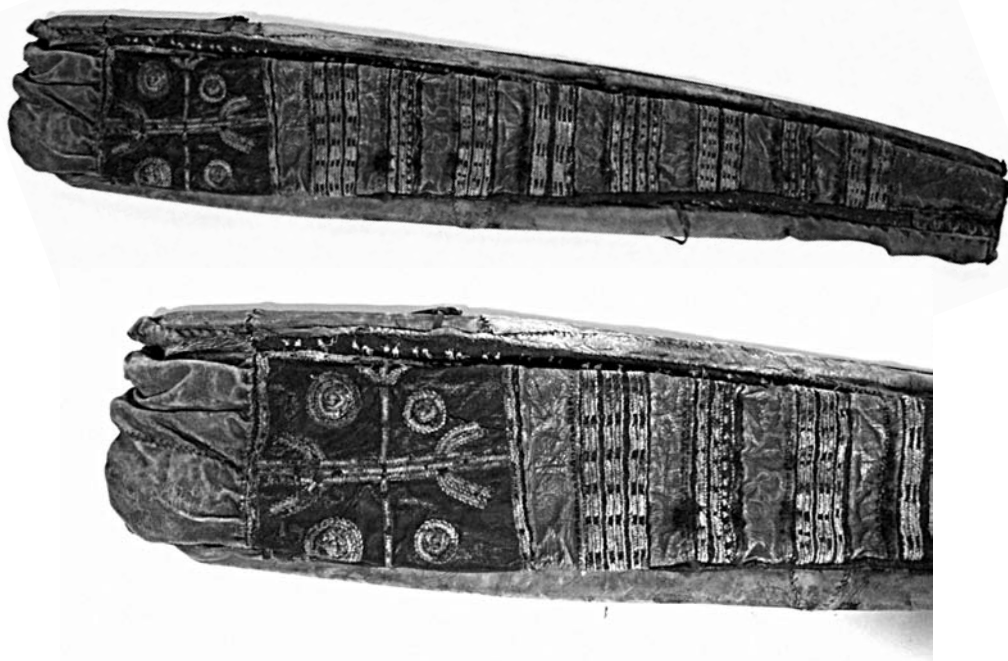
Стрелы носили в колчане, представляющем собой суживавшийся книзу кожаный мешок длиной 76–87 см и шириной несколько более 20 см, в края которого для придания ему формы были вшиты два прута. Типичный колчан шился из ровдуги, на тыльной стороне его был разрез для стрел (иногда с парой завязок), а на лицевой стороне — узор из 8–9 чередующихся коричневых и белых ровдужных полос. Лицевая сторона, кроме того, украшалась геометрической вышивкой, сделанной цветными жильными нитками и белым оле-

ным волосом. Часто в верхней части колчана располагался солнцеобразный узор, в центре которого была закреплена кисть. Низ колчана также мог быть украшен несколькими (например, четырьмя) кисточками из окрашенной в оранжево-красный цвет нерпичьей шкуры. Уже в конце XIX в. чукчи не могли объяснить значение узоров на колчане, однако, вероятно, эти узоры имели космогонический характер. Стрелы выступали из колчана на 1–3 см и прикрывались сверху отворотом. Е. А. Глинский предлагает различать эскимосский колчан, в который стрелы вставлялись через разрез и утопали в нем полностью, и чукотский, стрелы из которого торчали кверху¹.

¹ Колчаны с Чукотки: МАЭ, № 752-1-7, 11-18; РЭМ, № 2085-139-153; узоры колчана: Богораз 1991: 162; мнение: Глинский 1986: 14.

Чукотский колчан, принадлежавший Ю. П. Эвныто (из Мейныпильгыно), который передал колчан, два шлема и доспех в школьный музей села (ок. 1965 г.). Колчан длиной 81 см и шириной 19 см шит из дымленины с двумя деревянными вставками-прутьями. На внутренней стороне — два продолговатых разреза для вкладывания стрел. Внешняя сторона сделана из полос крашеной мандарки (кожи нерпы) и белого камуса. Сверху — кусок черной мандарки (15 × 9 см), вышитый оленьим волосом. Снизу колчана — бахрома из мандарки и дымленины, а также кисти. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-2862; Э-476)

Чукотский колчан из нерпичьей мандарки и дымленины длиной 76 см и шириной 17 см. Лицевая сторона — из крашеной мандарки с узорчатыми полосами, вышитыми оленьим ворсом трех цветов; обратная сторона — коричневая одноцветная мандарка. Колчан приобретен в 1978 г. у оленевода Анкавье (60 лет) из Канчалана. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-3355; Э-550)

Для ношения колчана к деревянным планкам были прикреплены справа две двойные лямки с костяным крючком и одна — слева. Колчан носился за спиной, он висел наискосок, выступая за правым плечом, при таком положении из него было удобно доставать стрелы. Для защиты от дождя колчан вкладывали в чехол, также украшенный вышивкой. Несколько колчанов хранились в чехле из кожи, которая защищала их от сырости¹. Подобный чехол для колчанов из нерпичьей кожи длиной 91 см и шириной 25,5 см имел на лицевой стороне нашитые круглые медальоны с изображением двух человеческих фигур или двух оленей; чехол стягивался двумя ремешками (РЭМ, № 4859-21; ср.: 4859-55). Колчан из коллекции А. В. Эттувье хранится в чехле из камусов, завязываемом веревкой.

По предположению Е. А. Глинского, в колчане у чукчи было в среднем 15 стрел, тогда как в колчане эскимоса с побережья Аляски было 30 стрел — стандартное число для лучника. Отравленных стрел могло быть и меньше — в эскимосском сказании упоминается девять стрел. А для прицельной высокоточной стрельбы достаточно было и пяти стрел². О количестве стрел в одном колчане можно привести следующие данные. Чукча Коровье с верховьев реки Хатырка подарил школе поселка Хатырка свою семейную реликвию — богато вышитый старинный колчан, датированный XIX в. По данному колчану можно судить о комплексе — 20 стрел, носимых в одном колчане. Два наконечника стрелы были тупыми, сделанными из оленьего рога, три — с костяными наконечниками с железными остриями, а остальные 15 — разнотипными железными (четырёхгранными, листовидными)³. В колчанном наборе А. В. Эттувье, доставшемся ему от предков из Тавайваамской тундры, содержатся 5 железных вильчатых наконечников, 3 костяных (два шипастых и один шиловидный), 2 железных и 1 составной с костяной муфтой — всего 11 стрел. В общем, получается, что в XIX в. в колчане носились стрелы для разных целей, как боевые, так и охотничьи.

¹ Колчан за спиной на лямках: Ухтомский 1913: 121–122. Рис. 8с; Богораз 1900. № 4: 22; 1991: Табл. XXII; чехол для колчана: Богораз 1991: 90; мешки для колчанов: Ухтомский 1913: 122. Рис. 8а, б.

² Глинский 1986: 14; 30 стрел: Кашеваров 1845. № 193: 873; ср.: Burch 1998: 68 (около 20); девять отравленных стрел: Сергеева 1968: 80; пять стрел: Богораз 1900. № 93: 254.

³ Леонтьев 1976: 196, 198.

2.1.5. Стрельба из лука

Лук был упругим и мощным, так, что некоторые воины вообще не могли натянуть лук героя. Тетиву надевали на лук с помощью зубчатки — деревянного прибора с пятью зубцами (РЭМ, № 4859-56). Зачастую лук героя фольклора не могли натянуть другие мужчины. В. Г. Богораз отмечал, что натянуть тетиву чукотского лука можно было лишь с помощью ноги, уперев его в землю. Подобный способ натягивания тетивы он приписывает кочевым корякам¹. По информации В. Н. Нувано (сентябрь 2013 г.), чукчи в далекую цель могли стрелять, легши на спину и оттягивая лук двумя согнутыми в коленях упирающимися в лук ногами и двумя руками, тянущими тетиву.

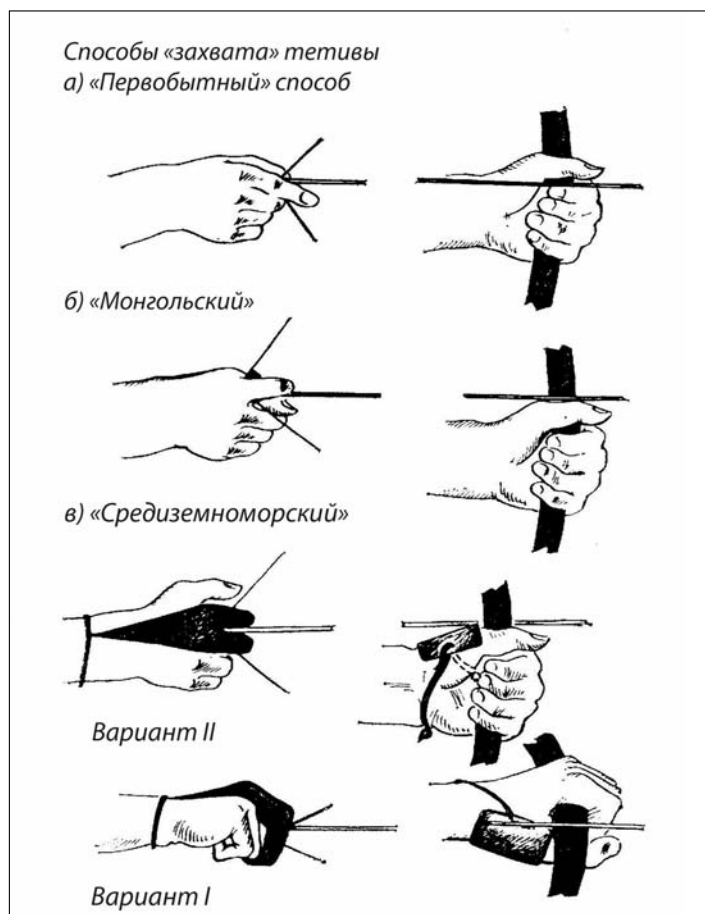
Чукчи натягивали тетиву указательным и средним пальцами, между которыми держали стрелу. Согласно классификации, принятой этнографом Д. Н. Анучиным (1843–1923), натягивание тетивы указательным и средним пальцами при помощи безымянного — это «присредиземный» способ; стрела при этом находилась слева от лука, удерживаемого в вертикальном положении. Тетиву лука чукчи натягивали до плеча, для большей точности попадания вставая на колено. Обычно стреляли «прямой наводкой» на недалекое расстояние, направляя лук вертикально, но иногда и даже горизонтально прямо на цель².

Чукотские колчан и стрелы различных типов из РЭМ. Воспроизведено по: Зуев 2009: рис. 15

¹ Ненатягиваемый лук героя: Вахтин 2000: 125; Вэкэт 2012: 312–318; мнение: Богораз 1991: 89; ср.: Ollivier 1877: 593; Богораз 1899: 367; коряки: Тан-Богораз 1979: 98.

² Положение пальцев: Krause 1881: 32; Богораз 1991: 89; ср.: Богораз 1899: 368; Панченко 1997: 239; см.: Широков 1968: Рис. 7, 9; присредиземный способ стрельбы: Анучин 1887: 370; натяжение тетивы: Богораз 1899: 368; стрельба прямой наводкой: Глинский 1986: 17.

Способы натягивания тетивы. Воспроизведено: Глинский 1987а: 103, рис. 1.

При стрельбе чукчи и эскимосы, как и многие другие народы, прикрывали запястье левой руки от ударов тетивы. К. Мерк указывает: «Для лучшего натяжения тетивы носят чукчи, подобно американцам, на правом или левом предплечье по пластине из моржовой кости... так как им почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой». Как видим, автор сопоставляет данную защиту руки с существовавшей у американских эскимосов, которую он описывает как «выпуклую костяную пластину», привязанную ремнем к внутренней стороне правого предплечья¹. Подобная овальная пластина из моржового клыка, украшенная геометрическим узором, шириной 4 см и длиной около

¹ Первая цитата: Мерк 1978: 114; Вдовин 1965: 38–39; ср.: Nelson 1899: Pl. LXIb, № 4; 19; вторая цитата К. Мерка: ЭМ: 90; Кашеваров 1846. № 228: 912.

12 см, привязываемая к руке двумя ремешками, была приобретена у чаплинских эскимосов.

В целом щитки были подпрямоугольной формы с четырьмя типами перфорации и закреплялись на руке двумя ремешками: на одном коротком была закреплена бусинка-пуговица, которая вставлялась в одно из двух отверстий на длинном ремешке. Ремешок закреплялся вокруг кисти руки. Другой тип щитка — кожаный щиток прямоугольной формы хранится в МАЭ (№ 434-11a). Кожаные овальные предохранители известны у эвенов. Другой тип представлял костяной щиток, напоминавший древнегреческий дипилонский щит, который имел размер $10 \times 3,7$ см. С. П. Крашенинников упоминает подобную защиту руки и у коряков: «... на левой руке наручи для того, чтоб, когда лук натянут, тетивой по руке не било». Для сравнения можно отметить, что русские землепроходцы в XVII в. также применяли медные щитки с той же целью. В частности, предохранитель с о. Фаддея имел овальную форму размером $11,2 \times 5,3$ см, толщиной 1 мм; с внутренней стороны он был подбит сукном¹.

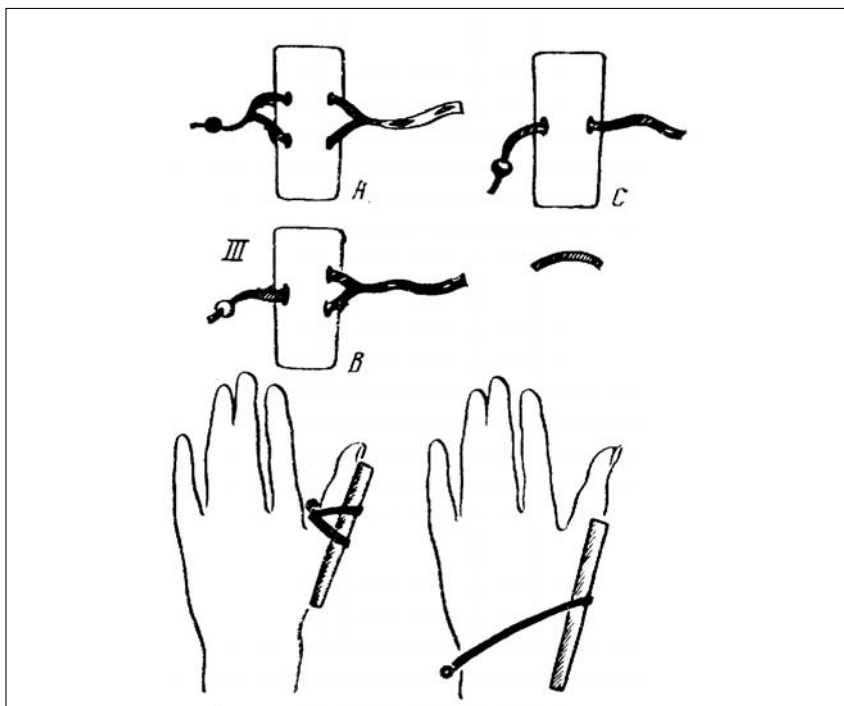
¹ Чаплинские эскимосы: Богораз 1991: Рис. 73a; цитата: Крашенинников 1949: 729; см.: Антропова 1957: 191. Рис. 86; чукотские щитки: Глинский 1986: 19–20; 1987a: 106–107; см.: Глинский 1987a: 106, рис. 5 (РЭМ, № 4859-51); Weissenberg 1895: 55. Fig. 96; Зуев 2009: Рис. 14. МАЭ 434-11a: Антропова 1957: 191. Рис. 8a ; о. Фаддея: Руденко, Станкевич 1951: 102; эвены: Богораз 1991: Рис. 73b.

Чукотский костяной щиток с ремешками для крепления на запястье; размером $10,5 \times 4,1$ см (РЭМ, № 4859-51, XIX в.). Воспроизведено по: Глинский 1987a: 106

Костяные щитки для запястья из РЭМ. Воспроизведено по: Зуев 2009: рис. 14

Щитки для защиты запястья от тетивы и два варианта их крепления, предложенные этнографом Е. А. Глинским. Воспроизведено по: Глинский 1987а: 107, рис. 6, III

Таким образом, данная защита, распространенная на северо-востоке Сибири и у эскимосов Аляски с древнейших времен, делалась из моржового клыка, кости, китового уса, а у эскимосов с о. Св. Лаврентия — из кожи лапы белого медведя¹. Она была предназначена для защиты кисти и большого пальца от ударов тетивой.

Капитан Г. С. Шишмарев (1781–1835) упоминает другой вид приспособления для стрельбы, говоря, что «тетивы натягивают особыми пластинками, костяными или железными». Можно было бы посчитать, что капитан просто спутал функции предохранительного щитка с кольцом, которым натягивают тетиву, это означало бы, что у чукчей существовал еще один способ стрельбы, «монгольский», когда тетиву натягивали большим пальцем. Однако географ А. Ф. Миддендорф (1815–1894) указывал, что в Сибири действительно существовали

¹ Руденко, Станкевич 1951: 102 (в Арктике с первой половины I тыс. до н. э.); ср.: Мачинский 1941: 85. Рис. 12, 3; 88; Руденко 1947: 82 (на Чукотке с пунукского времени); Wardwell 1986: 105. Figs. 132–134; 107. Fig. 138; Krupnik, Krutak 2002: 233.

Чукотские ровдужные перчатки для лучника: правая с пятью, а левая — с тремя и четырьмя пальцами. РЭМ, 4859-42 / 1-2, 43 / 1-2. Воспроизведено по: Глинский 1987а: 105, рис 3

оба прибора: предохранитель «около пульса» и костяной наперсток для большого пальца. Пластинку из моржового клыка шириной около 2,8 см, длиной около 5 см приводит и В. Г. Богораз. Она крепилась на большом пальце с помощью ремешка, продетого через две прорези в пластинке, и была предназначена для предохранения от удара, а не для натяжения тетивы. Д. Э. Ухтомский на основании способа стрельбы из лука полагал, что это были пластины из кости или кожи, защищающие лишь нижнюю фалангу большого пальца правой руки от порезов оперением стрелы¹. Возможно, первый вид пластины-защиты пульса был более распространен у чукчей, чем второй.

¹ Цитата: Шишмарев 1852: 183; Лазарев 1950: 303; монгольский способ: Анучин 1887: 371; мнение: Миддендорф 1869. Ч. 5: 599; пластина: Богораз 1991:

Е. А. Глинский отмечает, что для натягивания тетивы до конца XIX в. чукчи использовали перчатку с тремя пальцами — для большого, указательного и трех остальных пальцев правой руки. Однако такая перчатка была неудобна для стрельбы. По крайней мере, у двух пар перчаток из оленьей шкуры или ровдуги из РЭМ левые перчатки имеют три или четыре пальца, а правые — пять¹. Следовательно, лучник-правша натягивал бы тетиву правой рукой в обычной перчатке с пятью пальцами. Чтобы перчатка не спадала, к тыльной стороне у экспонатов РЭМ пришта зашита завязка, а сама же перчатка оторачивалась опушкой и расшивалась белым оленьим волосом (РЭМ, 4859-42 / 1-2, 43 / 1-2).

К. Мерк замечает о чукчах, что «им почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой»². Поскольку чукчи носили предохранители, защищающие от ударов тетивы, то на правой, то на левой руке, можно предположить, что многие чукчи были левшами и стреляли с левой руки или же что чукчи, как и другие народы с традиционной культурой, могли одинаково ловко действовать оружием и правой, и левой рукой.

Есть ряд свидетельств о силе местных сложносоставных луков. Стрела отскакивала от панциря из моржовых пластин, но она могла пробить человека насквозь. Оседлые эвены в своем описании боя на р. Егаче (1730 г.) прямо указывают, что у них не было потерь от чукотских стрел, поскольку они сражались в шишаках и куяках, очевидно, железных, противопоставляемых костяным чукотским. Э. У. Нельсон, со слов старика эскимоса-икогмиута, рассказывал, что один знаменитый лучник однажды выстрелил так, что приколол врага стрелой к стене дома. Меткий стрелок-коряк мог из своего лука пробить при прицельной стрельбе с недалекого расстояния, если верить преданию, человека насквозь или проколоть ему икры обеих ног. Опытный стрелок-эскимос с Аляски хвастался, что он мог с 10–20 шагов прострелить оленя насквозь. В отписке сына боярского Курбата Иванова якутскому воеводе (1661 г.) говорится о том, что стрелы чукчей пробивали деревянные щиты. Впрочем, естественно, все зависело от дальности цели и мощности лука. Эскимосы Аляски вели стрельбу на поражение

Рис. 71b; мнение: Ухтомский 1913: 120; ср.: Арутюнов, Сергеев 1969: 131 (для большого пальца левой руки).

¹ Мнение: Глинский 1986: 18; 1987а: 104–105; ср.: Шишмарев 1852: 185; Богораз 1991: 175.

² Мерк 1978: 114.

с 300–400 шагов¹. По свидетельству морского поручика А. Ф. Кашеварова, 12 лет жившего в Русской Америке (1831–1843 гг.), эскимосы на расстоянии 20 шагов поражали оленя, а сама стрела пролетала лишь 80 сажен (168 м)².

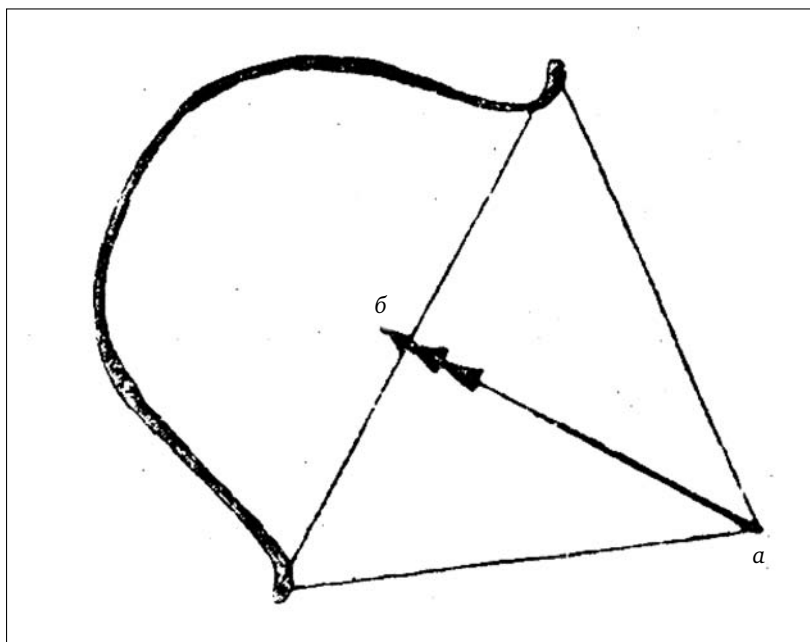
В источниках по поводу меткости стрельбы существует противоречие: часть авторов считают, что чукчи плохо стреляли из лука, тогда как другие тексты говорят обратное. Отсюда возникает ряд вопросов, связанных с верификацией источников: с чем проводят сравнение? Существовало ли различие в употреблении этого оружия в разные периоды? Различалось ли применение лука у оседлых и кочевников?

Посмотрим на свидетельства источников. К. Мерк отмечает: «Что касается стрел и лука, то они у чукчей всегда при себе, но ловкостью попадания они не обладают, так как почти не упражняются в этом, а довольствуются тем, как выйдет». Вероятно, К. Мерк сделал подобный вывод, наблюдая за облавной охотой чукчей на стадо диких оленей, когда 120 чукчей застрелили из лука лишь одно животное (28 января 1792 г.)³. В общем, получается, что чукчи всегда носили при себе лук, но, с другой стороны, соревнования по стрельбе, по-видимому, устраивались реже, нежели по другим видам спорта. Ф. П. Врангель также писал: «Чукчи вооружаются луком и стрелами, но не очень ловко ими владеют. Обыкновенные оружия их — копья и особенно батас [пальма. — А. Н.]». Это свидетельство вставлено в рассказ об оседлых чукчах. А. Э. Норденшельд говорит о чукчах,

¹ Отскакивание стрелы от панциря: Нефёдкин 2016: 150; стрела пробивает человека насквозь: Лебедев, Симченко 1983: 130; Нефёдкин 2016: 150; ср.: Тан-Богораз 1979: 109; прибивание стрелой к дому: Nelson 1899: 329; ср.: Меновщиков 1988. № 256: 463 (гренландские эскимосы); через икры двух ног: Меновщиков 1974. № 155: 490; дистанция стрельбы аляскинцев: Malaurie 1974: 141; олень, пробитый насквозь: Кашеваров 1845. № 193: 873; доклад К. Иванова: Белов 1952. № 102: 269; сообщение эвенов: ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 256; Нефёдкин 2016а: 27.

² Кашеваров 1846. № 228: 911; ср.: эскимосская стрела с наконечником из яшмы, вставленным в костяную втулку, нанесла серьезную рану в бедро англичанину на расстоянии порядка 90 м (Beechey 1832: 467); 30 канадских эскимосов с Мелвилла попадали на расстоянии 18 м в цель, состоящую из двух вертикально воткнутой копий, отстоящих одно от другого на 9 см (Parry 1824: 511).

³ Цитата: Мерк 1978: 114; ср.: Кибер 1824: 97; КПЦ. № 60: 162; Сарычев 1952: 259; Нейман 1871. Т. I: 15; Иохельсон 1895: 153; Меновщиков 1974. № 155: 489; облавная охота: ЭМ: 157.

Эскимосский двойной лук, использовавшийся, судя по фольклору, только при обороне: а — место наложения стрелы на тетиву; б — место наложения стрелы на ремень. Известен только у науканцев. Воспроизведено по: Меновщиков 1959: 61, рис. 13-II

видимо, также об оседлых: «Надо заметить, что большинство чукчей весьма посредственные стрелки», хотя «некоторые туземцы еще и теперь [1879 г. — А. Н.] стреляют из лука с поразительной меткостью»¹.

В некоторых документах XVIII в., наоборот, сказано, что чукчи «из луков стрелять проворны». К. фон Дитмар также отмечал, что чукчи «стреляют отлично как из лука, так и из ружья». И действительно, герои чукотских сказок попадают стрелой врагу в глаз. А на соревнованиях, согласно преданиям, нужно было расщепить стрелой прутик, воткнутый в землю. У оленных чукчей и тренировки с луком проводились не так редко².

В общем, можно полагать, что оленные чукчи действовали луком несколько лучше, нежели их оседлые соплеменники. И, соответст-

¹ Врангель 1948: 313; Норденшельд 1936: 257, 321; ср.: Хан 1863: 259.

² Цитата: Вдовин 1987: 105; мнение: Дитмар 1856: 37; ср.: Народы России. 1874. № 2: 27; Миллер 1895: 292; попадание в глаз: Богораз 1900. № 146: 390; стрельба в прутик: Богораз 1901: 28; Антропова 1957: 241; тренинг с луком: КПЦ. № 70: 181.

венно, основной блок информации о хорошем владении луком можно отнести к кочевникам, а о плохом — к оседлым. Хотя и среди последних встречались замечательные стрелки, лук которых оленеводы не могли даже натянуть¹.

2.1.6. Лук с двойной натяжкой (нуйок)

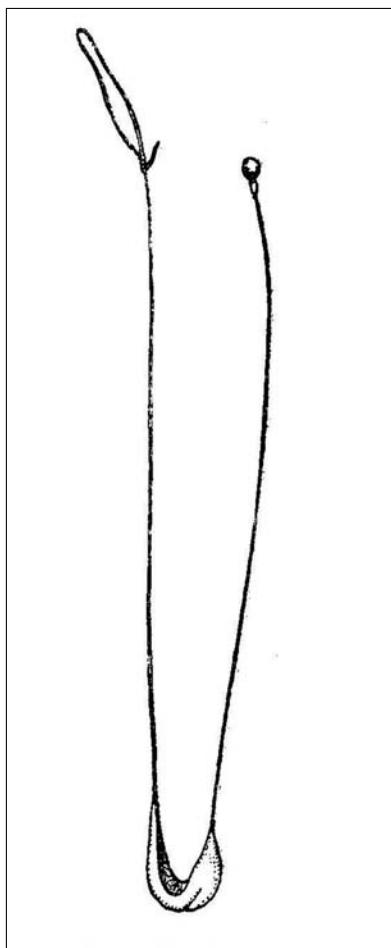
В 1948 г. науканский эскимос-сказитель Ытаин описал этнографу Г. А. Меновщикову конструкцию двойного лука. Лук наряду с тетивой имел еще и ремень, натянутый между его концами. Оружие при стрельбе, очевидно, держали горизонтально, левая рука сжимала лук за ложе, а правая удерживала стрелу на ремне. Лук приводили в боевое положение, отводя кибить левой рукой, тогда как правая держала накопчик стрелы и ремень, а тетиву зажимали в зубах. Чтобы выпустить стрелу, нужно было нажать на ремень указательным пальцем правой руки и выпустить тетиву из зубов. Подобный лук известен лишь науканцам (в предании его применял эскимос с о. Диомида) и применялся при обороне для стрельбы сверху вниз, поскольку в полевых условиях стрельба из него слишком медленна².

2.2. Праща

Как замечал еще в 1675 г. дипломат Н. Г. Спафарий (1636–1708), северо-восток был единственным регионом Сибири, где в военном деле использовали пращу. У нас есть обширный блок данных о том, что чукчи применяли на войне это оружие (чук. *лъюк*). На карте, представленной в Санкт-Петербурге А. Ф. Шестаковым (ок. 1724 г.), было написано: «В Носу [*на Чукотском полуострове*] чукчи немирные бой имеют камнем из шибалок». В документе 1727 г. читаем: «В Анадырском носу народ чукчи, кои подход к Анадырскому острогу войною и бьются из луков, а больше камнем из пращей». В 1741 г. рекруты из Анадырска рассказывали о вооружении чукчей: «Луки костяные

¹ Богораз 1899: 367; ср.: Bogoras 1918. № 23: 96; Нефёдкин 2016: 313 (чукчи не могли натянуть лук чуванского героя).

² Описание Ытаина: Меновщикову 1959: 62; рис. 13-II; предание: Меновщиков 1987: 168. Можно отметить, что более распространенным (в Сиаме, древней Японии, Африке) был лук с двумя тетивами, между которыми посередине было прикреплено ложе для камня (Анучин 1887: 357–358).

Праща азиатских эскимосов (вторая четверть XX в.). Воспроизведено по: Рубцова 1954: 536, рис. 34

и копы, и камни мечут из ремней, и то у них наилутчей бой копьями и камнями (а из луков хотя и стреляют, токмо не весьма искусно, да и стрелы плохи)»¹.

Получается, что в первой половине XVIII в. чукчи умело использовали пращу, как уже говорилось, но не очень хорошо стреляли из лука. Вспомним, что набеги производили как оленные, так и оседлые чукчи. Как представляется, лучше стреляли из лука кочевники, для которых это оружие было традиционно, тогда как пращой умело владели их оседлые соплеменники². Так, в сказке о прашнике герой из оседлых чукчей камнем из пращи пробил покрытие корякского жилища. Говоря, вероятно, о кочевниках, акт от 1675 г. противопоставляет чукчей с луком и коряков с пращой: «...а у чюхоч лучной бой, а у коряк из ремня камнем бросают». Вспомним, что мальчики приморских чукчей учились владеть пращой и болой, тогда как дети оленных чукчей — арканом³. Соревнование по дальности и точности стрельбы из пращи устраивали жители приморских поселков, где (как

¹ Сообщение: Спафарий 1882: 134; ср.: Витсен 2010. Т. 1: 140; Т. 2: 818, 836, 840 (праща у коряков, алюторцев и чукчей); карта А. Ф. Шестакова: Миллер 1758: 195; Нефёдкин 2016б: 145; документ 1741 г.: КПЦ. № 60: 162; 1727 г.: Вдовин 1965: 37–38.

² Праща у оседлых ср.: Баккаревич 1810: 187; Кашеваров 1846. № 228: 911; Dall 1870: 379.

³ Сказка о прашнике: Богораз 1900. № 110: 287; Нефёдкин 2016: 27; цитата 1675 г.: ДАИ. Т. VII, № 136: 407; игры детей приморских и оленных чукчей: Леонтьев 1969: 131–132, 138; 1979: 23; Леонтьев, Тураев 1987: 211; ср.: Бриль 1792: 387, 395 (праща у оседлых, а не кочевых коряков). Вместе с тем у нау-канских детей одной из наиболее любимых игр было набрасывание аркана на протаскиваемую челюсть моржа (Леонова 2014: 29, 48, 116, 177, 188).

у науканцев) даже девочки умели ее использовать. Вместе с тем оленеводы еще в последней трети XX в. использовали пращу в невоенных целях: для управления стадом, отгона хищников и стрельбы по птицам¹.

Обратимся теперь к конструкции пращи. Обычная праща представляла собой два узких ремня-подтяга из нерпичьей кожи общей длиной около 170 см, имеющих прикрепленную посередине лахтачью закладку. Утолщение в середине пращи было разрезано для удобства вложения камня. На конце одного подтяга находилась петля для среднего пальца правой руки, а на другом — кисточка из нерпичьей шкуры для удобства держания. Как справедливо отметил этнограф-сибиревед В. В. Леонтьев (1928–1988): «Длина пращи — от вытянутой левой руки до согнутой в локте правой и определялась ростом и сложением человека»². Эскимосская праща из лахтачьей кожи, принадлежавшая Амаму и сделанная в 1958–1959 гг., имела ромбообразную закладку длиной 22 см, максимальной шириной 3,2 см и с разрезом 10 см длиной, один подтяг, с меховой кисточкой, был длиной 65 см, а другой, с петлей, — 71 см (ЧОКМ-3765, инв. № Э-578). Конструкция пращи оленных чукчей была проще. Праща, сделанная пастухом совхоза «Анадырский» Н. Омрылкотом в 1970 г., была скроена из одного куска лахтачьей кожи с удлиненной закладкой размером 15 × 4 см с разрезом в 7 см, с подтягами длиной 71 и 79 см (ЧОКМ-1466, инв. № Э-124).

Как указывается в чукотской сказке о пращнике, метательными снарядами служили специально подобранные на побережье круглые черные камни³. Камни специально не обрабатывались. По воспоминаниям В. П. Кевкея (сентябрь 2013 г.), он в юности на пастбище стрелял из пращи кругловидными камешками, подобранными тут же в руслах

¹ Соревнования из пращи у приморцев: Леонтьев 1960: 131; 1969: 138; Сергеева 1968: 14, 22–23; науканцы: Леонова 2014: 189; отгон хищников: информация В. П. Кевкея и В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Леонтьев 1969: 137; описания также см.: Антропова 1957: 197; Леонтьев 1969: 137; Меновщиков 1959: 66; Леонова 2014: 188–189, 205; пращи из Анадырского района начала XX в.: РЭМ, № 4859-59 (праща из нерпичьей кожи общей длиной 1,46 м), 60 (длиной 1,11 м). Кисточка для удержания у Ю. Рытхэу (1980: 311) именуется «листочком».

³ Богораз 1900. № 110: 287; Нефёдкин 2016: 35; ср.: Кашеваров 1846. № 228: 911; Леонтьев 1960: 131; 1969: 138; 1979: 23 (галька размером с куриное яйцо, отшлифованная волнами); Такакава 1974: 40; Рытхэу 1980: 311 (круглая галька); Krupnik, Krutak 2002: 133.

речек, тогда как удлиненные камни метались тогда, когда нужно было произвести гудящий звук, пугавший животное.

Неясно, существовала ли некая специальная сумка для хранения камней. В. Г. Богораз в своем романе замечает, что мелкие круглые камешки для пращи носили в сумке, висящей на плечевом ремне¹. В упомянутой сказке говорится, что камни носили за пазухой (но так могли переносить лишь незначительное количество камней), а также в напуске кухлянки у пояса, служившем карманом для всякой мелочи. Перед этим использованием же камни следовало сбросить на землю, ведь было бы трудно вытаскивать каждый раз камень из нераспашной кухлянки, имеющей лишь вырез для головы.

Саму пращу носили на поясе. Олойские оленеводы носили пращу справа на поясе, тогда как ваежские пастухи сзади на поясе имели специальную петельку для крепления пращи. У науканских детей праща носилась, как плечевая портупея, через плечо, тогда как ее концы заправлялись за пояс².

Технику метания хорошо описал по собственным наблюдениям В. В. Леонтьев: «В закладку из лахтачьей кожи вкладывается камень размером с куриное яйцо и прижимается большим пальцем левой руки. Остальные два конца находятся в правой руке — кольцо на среднем пальце, а кисточка зажата в ладони.левой рукой камень наводится на цель и резким взмахом правой руки над головой метается в цель. Раздается сильный хлопок, и камень с невидимой быстротой летит в нужном направлении». Следовательно, метание производилось с одного взмаха правой руки над головой, то есть способом 2а согласно классификации петербургского историка-экспериментатора Д. А. Скобелева, когда метатель поднимал и растягивал пращу над головой и затем, выпустив тягу пращи с кисточкой, посылал снаряд силой всей руки³. Дальность полета подобного снаряда, согласно В. В. Леонтьеву, — 200–300 м. О прицельной дальности упоминает Ф. П. Литке, рассказы-

¹ Тан-Богораз 1979: 54. Роман «Восемь племен» построен на обширном этнографическом материале, собранном автором (Муравьев 1979: 14–15).

² Информация В. П. Кевкея и В. Н. Нувано (сентябрь 2013 г.); праща у пояса: Ноорер 1884: 62; Леонтьев 1969: 138; 1979: 23; ср.: Тан-Богораз 1979: 53–54; науканцы: Леонова 2014: 116.

³ Цитата: Леонтьев 1969: 138; способ метания: Скобелев 2000: 55–56. Подобный способ метания с одного взмаха подтверждается и воспоминаниями В. П. Кевкея о своем детстве (сентябрь 2013 г.). Вместо среднего пальца правой руки петля пращи могла надеваться на указательный палец (Воскобойников, Меновщиков 1959: 615).

вая, что эскимосы метко бросают камни из пращи шагов на сто (примерно 70 м). По-видимому, в первом случае, у В. В. Леонтьева, речь идет о максимальной дальности полета, а во втором, у Ф. П. Литке, — об обычном прицельном бросании. Если верить отписке анадырского приказчика Курбата Иванова якутскому воеводе (1661 г.), то стрелы и камни, выпущенные из пращи «чукчами», пробивали даже дощатые щиты¹.

Г. Ф. Миллер, на основании сообщений казаков, указывает: «Чукчи бьют камнем из шибалок, и в том весьма искусны, однако на войне употребляют по большей части луки да стрелы». Из этого свидетельства можно сделать вывод, что праща была в первую очередь охотничьим оружием, которое, впрочем, могли активно использовать и на войне. Так, в эскимосской сказке «Умилгу Нунаг'ым» рассказывается, что, когда на эскимоса, занимавшегося обычной работой, неожиданно напали враги, он применил против них пращу, которая была при нем, а в качестве снарядов использовал камни. Однако когда этот же герой приготовился к встрече врагов, он вел бой луком².

Пращу применяли для стрельбы по осажденным, которые, в свою очередь, отстреливались ею же, о чем напоминают эскимосские, корякские и ительменские параллели. В эскимосском сказании «Виютку-предводитель» говорится и об использовании пращников для подготовки атаки на противника, для чего, вероятно, пращники, как и на соревнованиях, строились в разрешенную шеренгу. При нападении на корякское жилище пращник держится позади воинов, вооруженных другим оружием³.

Вероятно, в середине XVIII — первой половине XIX в. лук, а позднее и огнестрельное оружие под влиянием оленных чукчей вытеснили пращу из военной области в охотничью. Кроме того, следует учитывать и то, что и сами войны прекратились. Сначала с пращой

¹ Мнение: Леонтьев 1969: 138; 1979: 23; упоминание: Литке 1948: 224; ср.: Идес, Бранд 1967: 293; Лазарев 1950: 207; 1661 г.: Белов 1952. № 102: 269; Никитин 1987: 55. По наблюдениям Ю. С. Рытхэу (1980: 311), из пращи можно было поразить тюленя средней величины.

² Цитата: Миллер 1758: 199; умилгу: Козлов 1956: 181–182; Нефёдкин 2016: 212; ср.: Вахтин 2000: 120–126.

³ Стрельба при осадах: Богораз 1900. № 110: 287; ср.: Меновщиков 1985. № 132: 322; Виютку: Меновщиков 1950: 22; 1985. № 127: 310; Нефёдкин 2016: 222; ср.: Леонтьев 1969: 138; пращник позади: Богораз 1900. № 110: 285, 287; Нефёдкин 2016: 37.

охотились на зверей, вплоть до тюленей, но уже в конце XIX в. ее применяли в основном для охоты на птиц. В 1876 г. береговые чукчи ловко били пращей чаек на лету. Даже в 1937–1940 гг., как отмечает В. В. Леонтьев, каждый оседлый чукча носил на поясе пращу, используемую для охоты на птицу, а также на мелкого зверя¹. Конечно же, такому положению вещей могло способствовать ограничение на употребление огнестрельного оружия при советской власти.

2.3. Копья

Наконечник копья, украшенный насечкой; общая длина копья — 2,5 м, а — предохранитель острия копья из бараньего рога. Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 82

Доктор А. Кибер отмечал: «Главное же их [чукчей] оружие есть копье, которое бывает различных видов и величин». О значимости копья у оленных чукчей свидетельствует капитан Г. А. Сарычев: «В мирное время при путешествии чукчей они не имеют при себе полного военного вооружения, а каждый держит только в правой руке копье, которым, идучи пешком, подпирается. Луки же и колчаны со стрелами держат в санях и при случае только охоты или идучи на войну берут оные с собою». Действительно, основным оружием ближнего боя было копье, которым оленные чукчи часто действовали лучше, чем луком².

Копья, как следует из сообщения А. Кибера, были различных типов. К сожалению, нет разработанной типологии наконечников чукотских копий.

В I тыс. наконечники копья делались из кремнистых пород камня, позднее — в основном из кости, а также из камня (обсидиан, кремнь, песчаник), а с XVIII в. распространилось железо. В эскимосских сказаниях противопоставляются наконечники копий из камня или моржового

¹ Чайка на лету: Онацевич 1877. № 7: 66; ср.: Калачов 1871: 45 (оседлые коряки); Такава 1974: 40; праща на поясе: Меновщиков 1959: 66; Леонтьев 1960: 131; охота: Ушаков 1972: 148.

² Кибер 1824: 97–98; ср.: Такава 1974: 104; Сарычев 1952: 267.

бивня с железными наконечниками у врагов¹. В XIX в. русские мастера в Сибири (в частности, в Гижиге) и коряки (паренцы) производили специально для чукчей железные наконечники копий с медными, латунными или серебряными насечками в виде растительного орнамента на втулке, а иногда и с надписями; кроме того, наконечники приобретались у эвенов².

По форме железные наконечники из коллекции МАЭ были удлиненно-ромбическими втульчатými; один из них имел длину 29 см, из которых на острие приходилось 20 см. Железные наконечники, хранящиеся в анадырском музее, также удлиненно-ромбические втульчатые с четко представленным ребром жесткости, один из них общей длиной 32 см (из них 12 см — втулка), другой — 33,5 см (12,2 см втулка), третий — 38,8 см (15,5 см втулка), четвертый — 41,5 см (11 см втулка)³. По воспоминаниям В. Н. Нувано (сентябрь 2013 г.), наконечник его копья был удлиненно-шестиугольным с двумя обращенными друг к другу извивающимися змейками, выгравированными на втулке.

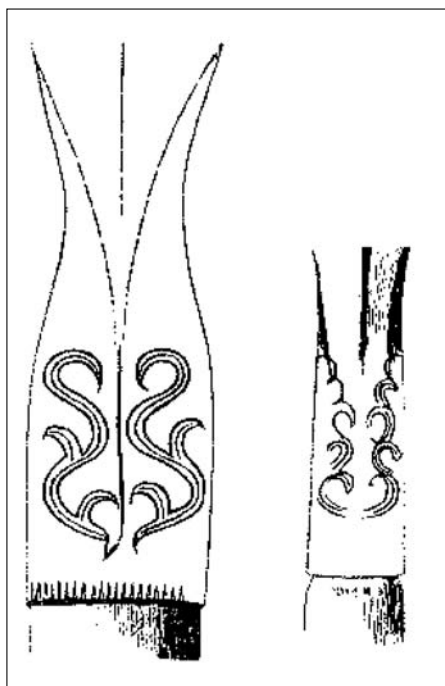
Острие наконечника у копья натачивалось: им можно было перерезать постромок упряжи. Возможно, именно таким острием чукотские герои в сказаниях отрубали голову противнику⁴, ведь все же пальма не была характерным оружием для кочевых чукчей. Железные наконечники смазывали жиром и носили в специальных кожаных футлярах для предохранения их от ржавчины и притупления. У эскимосов чехол для копья мог быть из камуса. Чехлы для наконечников чукотских копий из крашенной ольхой ровдуги сохранились в музеях Анадыря и Марково. Они в виде мешочка покрывали весь наконечник и завязывались снизу тесемками. Сверху чехол украшался бахромой и несколькими длинными кистями с бисером. Кроме того, в качестве предохранителя от возможных травм на перо могли надевать колечко

¹ Материал наконечника: Вдовин 1965: 34; ср.: Руденко 1947: 80–81; Арутюнов, Сергеев 1969: 132; эскимосские сказания: Крупник 2000: 348.

² Шаховской 1823: 40; Замечания о чукчах. 1835: 360; Дитмар 1855: 59; Из Тигиля... 1866. № 14: 4; Ноорер 1884: 31, 61 (из Гижиги); Н-ъ 1897: 12 (нижнеколымцы производят наконечники копий); Маргаритов 1899: 108; Богораз 1991: 91; Нувано 2003: 52 (от паренцев — копья и тесаки).

³ МАЭ: Богораз 1901: Табл. IX, 14; Анадырский музей соответственно: ЧОКМ-1581; ЧОКМ-1615; ЧОКМ-1687; МЦНЧ-8593 / 13; см.: ГМИР, А-333/1,27.

⁴ Перерезание постромков: Лебедев, Симченко 1983: 29; срезание голов: Бабошина 1958. № 102: 246.

Втулка наконечника копья якутского типа, украшенная насечкой. Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 81

из рога¹. В сказании об Эленди упоминается, что около низа копья могли прикрепляться кольца, которые звенели при движении, а эскимосское копьё у рукоятки мог украшать колокольчик².

Чукотские предания рисуют у копий большой наконечник длиной в локоть (около 40 см). Вероятно, в эту длину входило не только острие, но и втулка. Сам наконечник был широким и большим, неслучайно же он сопоставлялся с эспантоном — обер-офицерским копьем длиной 2,1 м, существовавшим в русской армии с перерывами с 1731 до 1807 г.³

Чукотское копьё из МАЭ (№ 668-20) длиной 2,16 м имело ланцетовидный наконечник с максимальной шириной 5,3 и длиной 36,5 см. Втулка, инкрустированная медью,

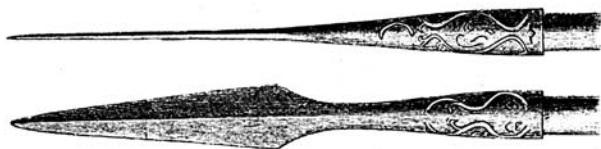

Копье из анадырской тундры, найденное в 1969 г. Копье длиной 2,19 м и весом 2 кг имеет удлинённо-ромбический железный наконечник длиной 37 см и шириной 4,8 см со втулкой, украшенной растительным орнаментом. К верху древка привязан окрашенный ольхой чехол для наконечника длиной 79 см с двумя подвесками. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1575, инв. № Э-265)

¹ Чехол из музея Анадыря: ЧОКМ-1575, № Э-265; МКМ 39/9, Э-278; футляры: Замечания о чукчах. 1835: 360; Литке 1948: 221; Богораз 1901: 30; 1991: 91; ср.: Меновщиков 1974. № 14: 81; чехол из камуса у эскимосов: Меновщиков 1974. № 14: 81; Рубцова 1954. № 17: 245, § 27; кольцо из рога: Богораз 1991: 96. Рис. 82а; чукотский чехол с бахромой: Омруев 2013: 43.

² Чукчи: Богораз 1899: 362; 1900. № 134: 350; эскимосы: Рубцова 1954. № 17: 245. § 28.

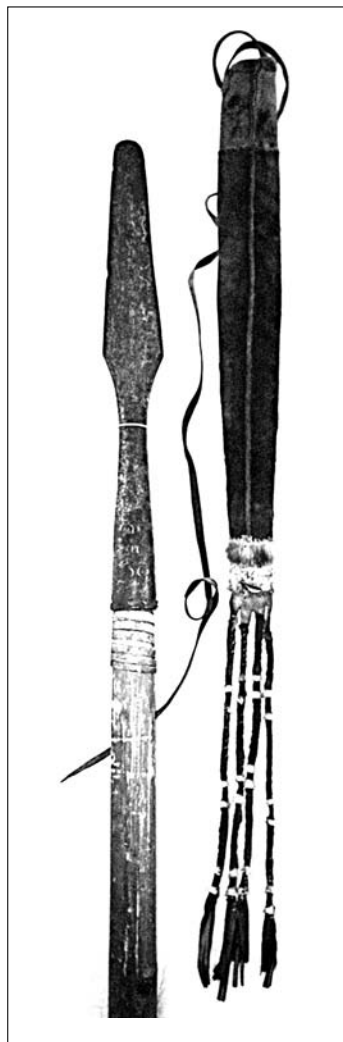
³ Длинные наконечники: Богораз 1900. № 127: 331; Bogoras 1910: 183; форма наконечника: Кук 1971: 361; Замечание о чукчах. 1835: 484; Чукчи. 1835: 2337; Lowe 1843: 452.

Наконечник копья с насечкой на втулке из чукотского погребения. Воспроизведено по: Nördenskiöld 1882: 103, Abb. 2.

изображающей волнистые линии и завитки, была вставлена в костяной переходник, заостренный конец которого входил в паз древка и закреплялся шипами. Места соединения оплетены ремешком, обматывающим затем все древко диаметром около 3 см. Другое копье, найденное в июне 2010 г. у чукотского села Тавайваам, имеет общую длину 1,92 м, из которых 46 см приходится на наконечник (из них 15 см на втулку), и весит 1,9–2 кг. Оно имело железный ланцевидный наконечник, втулка которого, украшенная растительным орнаментом, крепилась на древке диаметром около 3 см, округлый кованый вток имел высоту 6 см. Копье может датироваться второй половиной XIX — первой половиной XX в. (МЦНЧ-9458)¹.

Древко копья из березы особо ценилось; в безлесных местах оно еще в середине XIX в. покупалось у русских купцов. Березовое древко сначала несколько лет сушилось под подстилкой полога в яранге, а при транспортировке — под грузовыми нартами. Копье должно было быть гибким

Копье общей длиной 1,83 м и весом 1,2 кг имеет затупленный удлинненно-ромбический наконечник длиной 35,7 см со втулкой, украшенной чеканкой с инкрустацией из меди и латуни; верх древка обмотан кожаным ремешком. Чехол наконечника длиной 61,6 см имеет два ремня для фиксации на древке и четыре кисточки с шестью бусинками на каждой. Марковский музейный филиал Музейного центра «Наследие Чукотки» (МКМ-39/9, Э-278)

¹ Богораз 1991: 96. Рис. 82 (копье длиной 2,5 м); ср.: копья эскимосов Аляски (2,1–2,4 м): Сарычев 1952: 180; Sauer 1802: 87; корякское копье (более толстое и короткое): Тан-Богораз 1979: 58.

для удобства фехтования; гибкость же древка хатырские чукчи проверяли, запрыгивая на древко, установленное горизонтально. Если последнее не ломалось, то оно считалось пригодным. Для удобства держания древко обматывали кожаным ремешком¹.

Каменные (в частности, кремневые) острия копий крепились, как и у стрел, посредством костяного предохранителя. Согласно В. Г. Богоразу, роговой наконечник копья, вываренный в тюленьем жиру, вставлялся в гнездо, вырезанное в древке, и поверх обматывался оленьими сухожилиями².

Железные наконечники из анадырского музея крепились к древку через сделанную кустарным образом пару противоположных пропилов внизу втулки. Через эти отверстия в копье МЦНЧ-9458 был вставлен железный штифт. По воспоминаниям С. П. Тнаныквата (сентябрь 2013 г.), наконечник крепился к древку деревянным или костяным колышком или ремешком, проходящим через отверстия во втулке. По В. Г. Богоразу, наконечники копий крепились к древку железной проволокой, которой иногда обматывалось и древко для прочности.

Оружие жителей залива Лаврентия капитан Г. С. Шишмарев описал таким образом (1821 г.): «...пики более деревянные, с насаженными на обоих концах костями — один конец для зверей, другой для человека, — но имеют и железные, получаемые с Колымы»³. Итак, копьё имело наконечник и вток, назначение которых чукчи, по-видимому, объяснили капитану. Действительно, чукотские копья имели костяные втки. Так, экспонат из РЭМ представляет собой коническую втулку длиной 8,7 см, в которой имеется углубление в 5 см для древка диаметром 2,5 см (РЭМ, № 4859-64; ср.: 4859-60). Если капитан правильно понял объяснения, то первый наконечник служил для боя, а второй для охоты. Однако на какого зверя? Вряд ли с этим копьём охотились на моржей, где нужно было особое, мощное и длинное, копьё. Не предназначалось оно и для охоты на оленей с байдары, поскольку там использовалось длинное копьё с небольшим

¹ Покупка древка у русских: Нейман 1871. Т. I: 15; 1872. № 1: 37; гибкость копья: Богораз 1899: 369; 1900. № 134: 357; обмотка ремешками: Ноорер 1884: 61; Дионео 1895: 153; Богораз 1991: 96. Рис. 82; испытание и хранение древков: информация С. П. Тнаныквата и В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Железная проволока: Богораз 1991: 91; крепление каменных наконечников; Гильсен 1849. № 12: 229; Чукотская земля... 1873: 63; роговой наконечник: Тан-Богораз 1979: 59 (оленные коряки); ср.: Антропова 1971: 45.

³ Шишмарев 1852: 183; ср.: Лазарев 1950: 302.

наконечником (*поколюг*). Копье применяли и для охоты на крупную дичь, в частности на белого медведя¹, но вряд ли при этом использовали вток. Вероятно, речь у Г. С. Шишмарева шла о добывании животного.

Мужчина всегда носил с собой копье — он в любой момент готов был дать отпор противнику. Копья в XVIII в., по крайней мере, некоторые, имели петлю и могли забрасываться за плечо, когда воин действовал луком и стрелами. При поездках на нартах копье прикреплялось справа, для чего около втока копья была предусмотрена ременная петля, а на нартах справа имелось костяное кольцо для крепления².

Даже в XX в. копье продолжало быть символом оленного чаучу. Выходя на пастбище, оленевод брал его с собой. Так, бригадир С. П. Тнаныкват последним в селе Конергино пас оленей,нося копье, вплоть до 1992 г. Отец Владислава Нувано бригадир Николай Иванович (1937–2007) из Ваег также ходил с копьем до 1996 г. и еще упрекал сына в том, что тот не носит это оружие. А героя рассказа чукотского писателя И. В. Омрувье хатырского пастуха Маралькота, который потерял копье в тундре, даже насмешливо-осуждающе прозвали Апойгыкэ — «Не имеющим копья». Поскольку копье было для героя большой ценностью, то на

Михаил Еттегин, держащий копье, с сыном Владимиром (сзади) и Борисом Еттегиными. Праздник «День молодого оленя» в конце августа 1977 г., верховье реки Алькатваам, бригада № 6 совхоза «Коммунист». Фото В. В. Радивиловой.

¹ Богораз 1991: 91; информация С. П. Тнаныквата (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Копье всегда при мужчине: КПЦ. № 70: 181; Богораз 1901: 30; Рожков 2007а; петля: Кук 1971: 361; Бриль 1792: 372; Окладников 1948: 36; на нартах: Богораз 1991: 91. Копье с кожаным ремешком длиной 54 см для привязывания к нартам: РЭМ, № 4859-48.

древке у наконечника Маралькот вырезал свой знак. Это копье было наследственным, и за его потерю герой принес духам предков специальную жертву¹.

2.4. Пальма́

Пальма́ — нож длиной около 50 см, шириной примерно 9 см, насаженный на древко длиной 1,4–2,1 м. Это оружие использовалось якутами, эвенками, эвенами и русскими и как орудие труда вместо топора, и как охотничья рогатина, и как боевое копье. В записке А. Бриля пальмы даже отнесены к типично чукотскому оружию (1770 г.)². Юкагиры применяли пальмы уже в середине XVII в., использовали их и оленные коряки, но, вероятно, коряки сами заимствовали это оружие от своих соседей. Чукчи приобретали пальмы у соседних народов путем обмена и посредством войн. Юкагиры в этом торговом процессе служили посредниками между чукчами и русскими³. К примеру, в 1754 г. чукчи на реке Налуче захватили у юкагиров-чуванцев наряду с прочим добром пальмы. От приморских чукчей и эскимосов пальмы поступали жителям Аляски. Одна из таких пальм имела древко длиной 1,25 м, обмотанное берестой, с лезвием длиной 40 см⁴. Стальной кованый наконечник пальмы из Эгвекинотского краеведческого музея (КП-567) имел длину 45 см, из которых 34,3 см приходилось на клинок, на втулке же было отверстие для крепления гвоздем к древку.

2.5. Ножи

Как заметил миссионер А. И. Аргентов, «даже в мирное время нож не покидает чукча». В XIX в. обычно каждый чукча носил один-два ножа разного типа. Можно выделить несколько типов ножей, кото-

¹ Информация С. П. Тнаныквата (Анадырь, сентябрь 2013 г.), К. К. Уяганского (август 2015 г.), В. Н. Нувано (май 2016 г.); Омрувье 2013: 43–48; 2014: 38–43.

² Пальма: Пальма. 1897: 649; ср.: Орлова 1951. № 140: 364; записка: Бриль 1792: 372; ср.: Хан 1863: 259

³ Юкагиры: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44–23: 181; Белов 1952. № 66: 194; коряки: Крашенинников 1949: 735; ср.: Жуков 1974: 62; юкагирское посредничество: Андреев 1940: 156; Линденау 1983: 163; Вдовин 1987: 50.

⁴ 1754 г.: Гурвич 1957: 250–262; 1966: 71; пальма в Аляске: ЭМ: 164; Заго-скин 1956: 125, 253; пальму см.: Волков, Руденко 1910: 163. Рис. 22а.

рые могли употребляться и на войне: 1) большой (*рзычкын* — «ножной нож»), включая заспинный (*қаптэрвал*); 2) поясной (*лыгэвал* — «настоящий нож»); 3) вспомогательный (*қайвал* — «малый нож»); 4) потайной; 5) женский нож (*кэрвал* — от названия женского комбинезона *кэркэр*)¹.

В XVIII–XIX вв. лезвия ножей делались из железа, ранее же — длинные ножи производились из кости, а короткие — из кремня и китового уса². Сами железные ножи чукчи покупали у якутов, юкагиров, русских и коряков. Еще в XX в. южные чукчи получали железные ножи от оседлых коряков (паланцев и каменцев), переделывая деревянную рукоятку на более прочную роговую, закрепляя ее железным штырем. В целом же рукоятки ножей были из дерева, часто обмотанного сухожилиями, или из оленьего рога, а ножны — из кожи, прошитой нитками и иногда вышитой³. В конце XIX в. ножны длиной 15 см также делались из двух деревянных пластин с вогнутыми краями, которые соединялись полосками железа. Ножны крепились к поясу через сквозное отверстие в его верхней части (МАЭ, № 422-5).

Основным рубяще-режущим длиннолезвийным оружием был «большой» нож длиной около 60 см, висевший в кожаных ножнах у пояса или на плечевой портупее-веревке слева. Тесак из Эгвекинотского краеведческого музея (КП-566), найденный в 1991 г. на урочище Мымнын, имел длину 63,5 см и ширину 4,5 см, его рукоятка была двухсоставной деревянной, а небольшое прямоугольное перекрестье — латунным. Такое оружие, в отличие от коряковского, неполностью входило в ножны, которые были сделаны из кожи и украшены каймой и опушкой⁴. Ножны тесака туманских чукчей из коллекции Н. Л. Гондатти имели длину 45 см и максимальную ширину 9,5 см и были сделаны из дерева, оклеенного снаружи кожей (МАЭ, № 422-21; 1898 г.). Ножны этого ножа привязывались к бедру, чтобы при резких

¹ Цитата: Аргентов 1857: 93. См. классификацию ножей у коряков: Иохельсон 1997: 135–136; Антропова 1971: 45.

² Тан 1898. № 118: 2; Богораз 1900. № 146: 389; ср.: Иохельсон 1997: 135; Вдовин 1971: 291.

³ Покупка ножей: Дитмар 1855: 59; Из Тигиля 1866: 4; Богораз 1991: 148; переделка ножей: Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); рукоятка и ножны: Шишмарев 1852: 183; МАЭ, № 422-104.

⁴ Коцебу 1948: 99; Литке 1948: 221; Богораз 1901: 31; 1991: 91; ср.: Мерк 1978: 111; Коцебу 1948: 84, 96; о ножнах: Мерк 1978: 111; Богораз 1991: 91.

Тесак в кожаных ножнах.
Воспроизведено по: Богораз
1991: 96, рис. 83b

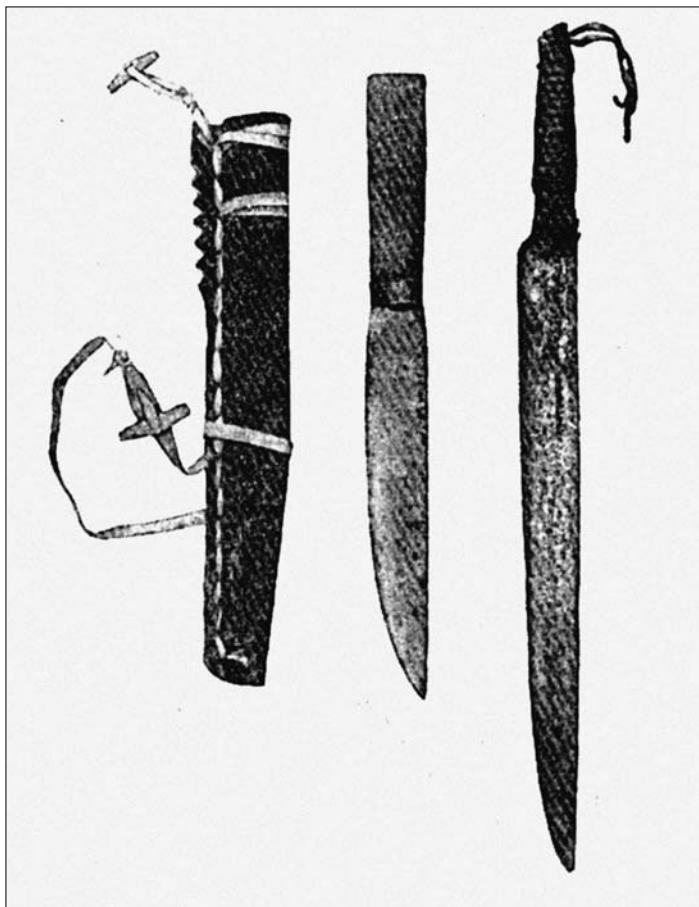
движениях оружие не выпало из них¹. Еще Ф. П. Врангель отметил, что такой нож применяют «и против медведей, и против неприятелей». Очевидно, именно таким тесаком рубили противника, в частности по голове, им же кололи, а также добивали раненых. Этим же ножом, как солдаты своей полусаблей, рубили ветки, мороженое мясо и т. д. К. Г. Мерк указывал, что в его время (1791 г.) подобные железные тесаки были характерны для оседлых жителей, тогда как оленные носили более короткие ножи. В 1816 г. лейтенант О. Е. Коцебу (1787–1846) также отмечал длинные ножи в качестве характерного оружия оседлых «чукчей»; однако в августе 1881 г. капитан К. Хупер наблюдал большие ножи уже у северных оленных чукчей².

К этому же типу тесаков принадлежал за-спинный нож (*қаптарвал*). Этот вид ножа в XIX в. оседлые жители носили поверх верхней куклянки рукояткой вверх, на дюйм выступавшей сзади над левым плечом, чтобы удобно было вынимать нож. По сообщению О. Е. Коцебу, этот нож был немного короче тесака, длина которого равнялась примерно аршину (70 см)³. Заспинный нож из МАЭ (№ 4859-54 а–b) имел общую длину 57 см и входил в нерпичьи ножны длиной

¹ Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); ср.: Кисель 2000: 92; Thornton 1931: 39 (эскимосы Уэйлса).

² Цитата: Врангель 1948: 313; рубка противника: Меновщиков 1974. № 85: 305; № 90: 314; рубка по голове: Богораз 1900. № 110: 287; добивание раненого: Меновщиков 1987. № 18: 144; рубка веток и мяса: Иохельсон 1997: 136; Антропова 1971: 45; парафразы: Мерк 1978: 111; Коцебу 1948: 96; ср.: 84; Ноорер 1884: 64.

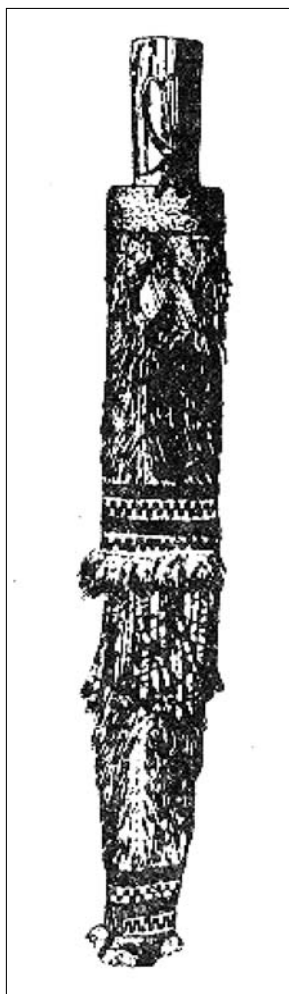
³ Коцебу 1948: 99; Лазарев 1950: 206, 298; Замечание о чукчах. 1835: 484; Чукчи. 1835: 2337; Гильсен 1849. № 12: 229; Чукотская земля... 1873: 63; Августинovich 1878: 54; 1880: 725; Колымский округ. 1879. № 6: 46; Вдовин 1950: 97; но ср.: Литке 1948: 221; Lowe 1843: 451; заспинный нож у чаучу: Асадова 2012: 6–7 (при патрулировании).

Поясной нож с ножнами. МАЭ, № 444-8/ 1 2. Воспроизведено по: Антропова 1957: 196, рис. 14 б, в. Тесак. МАЭ, № 434-12 Воспроизведено по: Антропова 1957: 196, рис. 14 г.

Однолезвийный тесак длиной 84,5 см из кованого железа. Рукоятка полая внутри с круговым орнаментом, длиной 11,2 м. Общий вес тесака — 802 г. На лезвии около рукоятки шесть двойных насечек — обычные памятки о пораженных врагах. По форме тесак — якутский кылыс. Марковский филиал Музейного центра «Наследие Чукотки» (МКМ-59; Э-314)

Поясной нож в меховых ножнах. Воспроизведено по: Богораз 1991: 96, рис. 83а

44 см, обладая плечевой нерпичьей портупеей. Рукоятка же этого ножа была деревянная, перевитая жилами. У чаучу данный нож мог быть даже длиннее обычного (ок. 1 м). Он носился пастухами на шнурке за спиной поверх кухлянки в ножнах из моржовой кожи с рукояткой у левого плеча для удобства вынимания¹.

К. Мерк, упоминая о ноже оленных чукчей, висящем спереди у правого бедра, имел в виду поясной нож — оружие второго типа. Его носили на поясе справа спереди, иногда одновременно с «большим» ножом, висевшим на бедре или без последнего. Данный тип можно было использовать в различных ситуациях, в частности для свежевания туш. Этот нож являлся самым обычным орудием и использовался, например, для еды, бритья, потрошения рыбы и т. д. Вероятно, подобным ножом, но из китового уса, упоминаемым в преданиях, добивали врагов. Ножны могли быть сделаны не только из кожи, но и из бересты². Рядом с этим ножом на тех же ножнах носили и более короткий вспомогательный нож — третий тип.

Потайной нож длиной примерно 15 см, предназначенный для повседневных нужд, носился в рукаве или в кармане. В 1820 г. чукчи залива Лаврентия, подплывая на байдаре к кораблю, имели по два-три ножа в рукавах и сбоку штанов и еще большой — за спиной; в третьей четверти XIX в. чукча, идя на месть, в каждый рукав прятал по одному небольшому ножу рукояткой к кисти³.

¹ Информация В. Н. Нувано и С. П. Тнаныквата (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Нож: Богораз 1900. № 135: 361; 1901: 31; Антропова 1957: 197; ср.: Богораз 1900. № 127: 332; № 146: 389; Нефёдкин 2016: 24 (костяной ножик); ножны: Богораз 1900. № 156: 400; Аргентов 1857: 93; Олсуфьев 1896: 103. Возможно, именно бедренный нож носили за поясом приморские жители, увиденные в 1876 г. М. Онацевичем (1877. № 7: 61).

³ Потайной нож: Шишмарев 1852: 183; Колымский округ. 1879. № 6: 46 (два ножа в рукавах); ср.: Коцебу 1948: 99; 1820 г.: Лазарев 1950: 206, 298, 303; ножи в рукавах: Августинович 1878: 54; 1880: 725.

При случае эти ножи могли применять и в военных целях. Так, согласно ваежскому преданию, один воин, объевшись, заснул в тундре. Когда враги проходили мимо, они забрали у спящего все его оружие. Проснувшись, воин не обнаружил своего вооружения. Он пошел по следу и перебил шедших цепочкой врагов ножом, который был спрятан на внутренней стороне штанов и не был обнаружен врагами¹.

Женщины носили на внутренней стороне керкера нож (*кэрвал*), который мог быть использован для отпора врагу или для суицида.

В. Г. Богораз, в общем, отметил, что чукчи имели «огромные ножи, которыми северные жители владеют так же легко и непринужденно, как волки зубами: ковыряют ими мозг из маленьких косточек и брюхо распорют медведю». Более того, К. фон Дитмар, со слов нижнеколымского купца В. И. Трифонова, торговавшего с чукчами с 1828 г., заметил о чукчах: «Их сражение на ножах и копьях представляет совершенно особенное зрелище, и трудно превзойти их в храбрости, ловкости и искусстве в этом деле»². Таким образом, возникает впечатление, что существовали определенные приемы владения ножом как оружием. Действительно, в чукотской сказке «Кэйнывилю–Медвежье Ухо» описывается поединок на ножах, по-видимому, на длинных тесаках. От взмахов ножей противники сначала просто увертывались, а затем один из поединщиков подставил под удар свой нож и тем самым сломал оружие противника. Два героя Ю. Рытхэу бились в поединке за женщину на ножах. Воины героя Ейвэлкея состязались с коряками-таннитами в метании ножей друг в друга и выиграли, перебив большую часть противников. Ножи явно были вторичным боевым оружием по отношению к копьям. Однако до сих пор одним из видов традиционной чукотской борьбы тэйкэв является бой с макетами ножей средней величины (15–20 см длиной), которыми пытаются нанести сопернику наибольшее количество уколов, действуя либо в спаринге, либо в группе³.

¹ Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); предание было рассказано отцом В. Н. Нувано примерно в 1975 г.

² Цитаты: Тан-Богораз 1958: 91; Дитмар 1856: 37; ср.: Александров 1872: 85; Завадский-Краснопольский 1873: 34; Семенов 1875: 735; Миллер 1895: 292.

³ «Кэйнывилю–Медвежье Ухо»: Козлов 1956: 55; Ейвэлкэй: Куттэгина 2003: 47–48; Рытхэу 2004: 379–380; тэйкэв: Ятгиргин 2005: 13–15. Г. С. Шишмарев (1852: 183), считающий нож «главнейшим оружием» (= орудием), очевидно, не имеет в виду боевые действия, которые в его время уже активно не велись.

3. НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИЛИ СЛУЧАЙНОЕ ОРУЖИЕ

3.1. Аркан

Из небоевого оружия наиболее часто чукчи в ходе военных действий использовали аркан, который пастух всегда носил при себе, и не только на пастбище. У каждого оленевода был аркан длиной 15–20 м, сплетенный из четырех ремешков, сделанных из моржовой или, за неимением последней, оленьей кожи. Петля аркана затягивалась кольцом из рога оленя или барана, а позднее — медным американским кольцом.

На бросаемом конце аркана на расстоянии примерно трех метров длины крепился ряд утяжелителей-дробинок. На другом конце аркана была петля для кисти руки, чтобы его удобно было держать. Аркан пастухи носили с собой в свернутом виде, повесив на шею или перебросив через плечо.

Главное назначение аркана было поймать оленя в табуне. Поскольку тренироваться в бросании аркана начинали с 5–6 лет, то меткость броска у пастухов была очень высокая. Так, опытный оленевод мог поймать в табуне оленя за правую заднюю ногу. Применялся аркан и на охоте, когда нужно было поймать животное, например барана, взобравшегося на возвышенность. По воспоминаниям В. Н. Нувано, в 1970-е гг. в Ваегах жил старик-олeneвод Вальгиргин, который слыл хорошим арканщиком. Он мог с помощью аркана поднять с земли щепку и даже горошину оленьего помета. Боясь сглазу, он никогда не говорил о своем умении. Лишь когда ослеп, тогда похвастал, что раньше мог поймать арканом даже зайца¹.

С охотничьей функцией тесно связано и применение аркана на войне. Сопротивляющегося врага могли заарканить и повалить на землю. Языка также ловили арканом. Аркан был символом оленеводов, именно на него указывали чукчи, угрожая переловить немного-

¹ Информация о конструкции аркана — описания С. П. Тнаныквата и В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); Лебедев, Симченко 1983: 38. В. Г. Богораз упоминает и аркан, сделанный из жил (Тан-Богораз 1979: 55). П. Н. Орловский (1928: 66) указывает, что длина аркана была 6–10 м. Поимка оленя за ногу: Леонтьев 1969: 131; Лебедев, Симченко 1983: 120; заарканивание барана: Богораз 1901: 33; 1991: 23.

численный отряд Д. И. Павлуцкого, не использовав для боя даже луки (1731 г.), то есть это — своеобразное «шапкозакидательство», но арканами¹.

3.2. Копьеметалка

Деревянная копьеметалка в форме тупого угла длиной около 50 см с отверстием справа для указательного пальца применялась чукчами на Колыме и на Анадыре для охоты на водоплавающих птиц.

Дротик для копьеметалки был длиной около 2,1–2,4 м, он утолщался к переднему концу, а утончался — к заднему. Это смещение центра тяжести диктовалось необходимостью придания устойчивости в полете. У дротика наряду с центральным наконечником чуть ниже были примотаны еще три зазубренных острия. Подобный дротик заставляет вспомнить непонятное оружие ительменов, описанное С. П. Крашенинниковым: «...их так называемые костяные троерогие чекуши, которые насаживают они на долгие ратовища и в военное время употребляют». Впрочем, естествоиспытатель Г. В. Стеллер (1709–1746) не упоминает это оружие у камчадалов². Вероятно, оно у последних было редким.

Исследовавшая это оружие Н. А. Мальцева определяет дальность полета дротика с дощечки в 20–30 м. Вероятно, это не максимальная длина полета копья. Так, согласно сообщению штурмана П. К. Зайкова, алеуты метали свои отравленные стрелы с помощью копьеметалки саженей на 20, то есть около 40 м (1775 г.).

Данное древнее оружие было известно в первой половине I тыс. Еще в XIX в. оно широко применялось для охоты на птиц и морских

¹ Ловля языка: Майдель 1925: 24; Антропова 1957: 199 (ср. заарканивание для взятия в плен: Бабошина 1958. № 98: 239; Нефёдкин 2016: 125); угрозы Д. И. Павлуцкому: Зуев 2001: 23–24; Нефёдкин 2016а: 193; 2016б: 161; ср.: Куликов 1957: 46.

² Копьеметалка: Богораз 1901: 31; 1991: 80–83; Гиршфельд 1953: 110–113, 112, 117; Мальцева 1968: 72–82; ср.: Гондатти 1897а: 142; Иохельсон 1997: 99; мнение: Мальцева 1968: 80; штурман Зайков: Собрание сочинений... 160; Бриль 1792: 393; ср.: Паллас 1781: 127 (35 м); Чулков 1785. Кн. 2: 538 (35 м); дротик: Богораз 1901: 31; 1991: 80. Рис. 58; мнения: Крашенинников 1949: 382; Стеллер 1927: 22. В другом пассаже С. П. Крашенинников (1949: 404) говорит о четырех наконечниках: «чекуши по их уакарель называются, у них костяные рогульки о четырех рожках». В. Даль (1994. Т. 4: 1297, s. v.) так объясняет значение слова: «чекал [= чекуша] — большая деревянная колотушка или долбня».

Копьёметалка с отверстием для указательного пальца (конец XIX в.). Воспроизведено по: Богораз 1901: Табл. X, 9

животных у русских на Колыме, юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков, нивхов Сахалина и алеутов. Однако употребление копьёметалки в боевых целях зафиксировано лишь у алеутов, которые метали стрелы, имеющие каменные и костяные наконечники, смазанные ядом. Именно последнее обстоятельство делало возможным применять эти охотничьи стрелы в боевых целях. В. Г. Богораз в своем художественно-этнографическом произведении «Восемь племен» упоминает, что южные чукчи применяли копьёметалку в боевых целях, при этом нося связку дротиков на плече¹. Действительно, подобное применение нельзя исключить, особенно в каких-то экстраординарных боевых ситуациях.

3.3. Дротики

Дротики не были распространенным оружием. Чукчи чаунской тундры охотились на уток и гусей, бросая легкие дротики рукой². С подобным оружием охотились именно на птиц, поскольку для охоты на крупных животных, а тем более для действия против людей они были слишком легки. В некоторых боевых ситуациях в роли метательного оружия могло выступать копье, которое в принципе не предназначалось для броска: в эскимосских сказаниях упоминается, что копья метаются. В поединке это делал и чукотский воин, как и при преследовании противника и в агональном бою-соревновании. Воины сторожевого отряда в канчаланской тундре наряду с физическими упраж-

¹ Археология копьёметалки: Мачинский 1941: 87 (костяная); Диков 1979: 190; алеуты: Сарычев 1952: 213; Соколов 1852: 103; Паллас 1781: 42, 44; Мальцева 1968: 80; роман: Тан-Богораз 1979: 54.

² Богораз 1901: 31; 1991: 82; ср.: Волков, Руденко 1910: 165.

нениями, стрельбой из лука, фехтованием упражнялись в метании копья¹.

Вероятно, копьеметалки и дротики были главным образом оружием оседлого населения². И соответственно, оно было скорее эскимосского происхождения. Дротики же, как представляется, активнее использовали западные чукчи.

3.4. Гарпун

В качестве случайного оружия при боевой необходимости оседлые жители использовали обычный гарпун, предназначенный для морской охоты³.

3.5. Бола

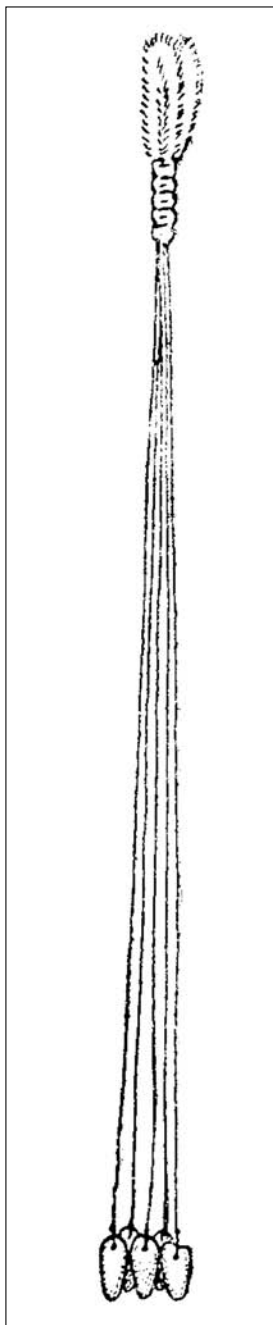
У оседлых чукчей и азиатских эскимосов бола (эск. *авлык'ых'тат*) состояла из 7–12 веревочек, сплетенных из оленьих, белужьих или китовых жил длиной 70–90 см, нижние концы которых были связаны, на них крепились перья чаек, а к верхним концам веревочек были прикреплены костяные (из оленьего рога или моржового клыка) грузила величиной с грецкий орех⁴. Такая бола применялась для охоты на летящих птиц: ее бросали в летящую стаю, и веревки обвивались вокруг шеи и крыльев птицы, после чего она падала на землю. При искусном метании в плотно летящую стаю уэленцы могли запутать сразу

¹ Эскимосский фольклор: Меновщиков 1974: № 63: 180; 1975: 370. § 109–117: 1985. № 127: 307; 1988. № 104: 246; чукотский: Богораз 1900. № 150: 393; Бабошина 1958. № 56: 142; № 86: 212; Канчалан: Асадова 2012: 4–6; эвенский: Schiefner 1874. 343, 358; Нефёдкин 2016: 291, 292. Ж. Малори, впрочем, утверждал, что копье эскимосы не метают (Malaurie 1974: 141).

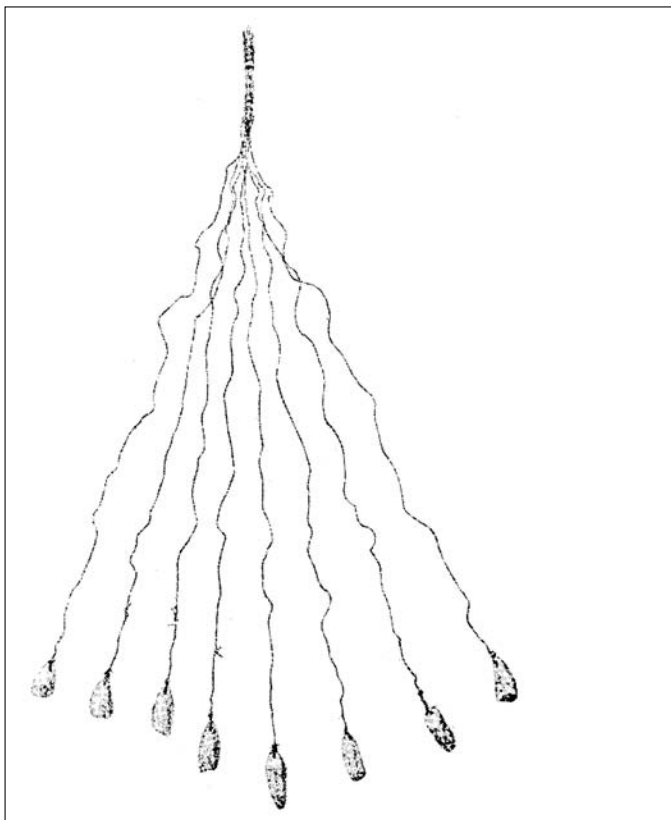
² Тан-Богораз 1979: 67.

³ Dall: 1870: 381; Меновщиков 1987. № 18: 142–145; о гарпунах см.: Волков, Руденко 1910: 167–172.

⁴ Описание болы см.: Кибер 1824: 98; Кашеваров 1846. № 228: 911 (аляскинские эскимосы); Аргентов 1861: 9, примеч. 2; Ноорер 1884: 61; Норденшельд 1936: 323; Гондатти 1898: VI (5–6 хвостов); Богораз 1901: 31; Акифьев 1904: 64 (5 хвостов); Рубцова 1954: 36, примеч. 6; Антропова 1957: 198; Меновщиков 1959: 66; Ушаков 1972: 148; Вэкэт 2012: 204 (нерпичьи ремни); болы в музеях см.: МАЭ, № 611–132–136; 668–10 (5–8 хвостов); РЭМ, № 4859–1–6, 10–13; ЧОКМ–2236.

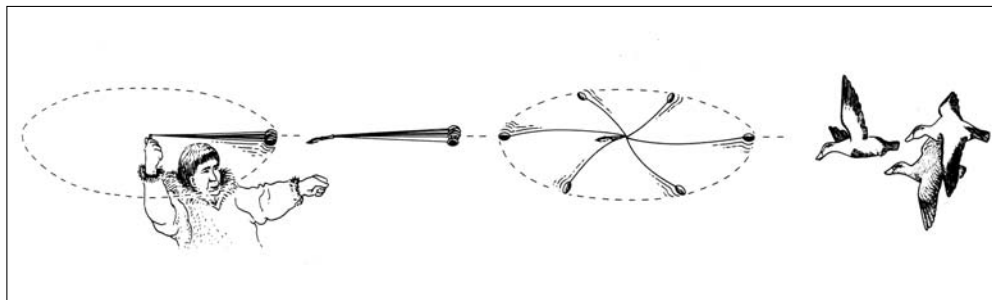

Бола азиатских эскимосов для охоты на птиц (вторая четверть XX в.). Воспроизведено по: Рубцова 1954: 536, рис. 35

Чукотская бола (начало XIX в.). Воспроизведено по: Антропова 1957: 198, рис. 16

2–3 птицы. Технику метания болы описывает В. В. Леонтьев: «Запускается бола также просто. Перед броском по шнуркам, как расческой, проводят пальцами, чтобы они не были спутаны. Затем косточки зажимают в левой ладони, шнурки натягивают, левой рукой бола наводится на цель и резким взмахом над головой бросается в летящую утку. Как только бола выпускается из рук, костяшки в воздухе расходятся и весь снаряд становится похожим на парашют без полотна». Высота полета болы достигала 80–100 м. В историческое время бола использовалась исключительно как оружие для охоты на птиц. Однако одно из чукотских сказаний, записанное В. Г. Богоразом, упоминает

Способ использования болы при охоте на птиц. Воспроизведено по: Hughes 1984b: 272, fig. 15

и боевое применение этого оружия кэле, которые тут ассоциируются с эскимосами. У последних вместо шариков к ремням были прикреплены костяные крючки. Данное оружие бросали в противника, и крючки впивались в тело¹.

Очевидно, бола была оружием эскимосов и оседлых чукчей, а не кочевых, которые для подобной охоты использовали лук². Как отмечает А. Э. Норденшельд, все мужское население приморского поселка носило при себе болы, обмотав их вокруг головы, чтобы при случае тут же воспользоваться этим оружием. Еще в 1930–1940-е гг. В. В. Леонтьев наблюдал его в Уэлене, где все мужское население, кроме немощных стариков и младенцев, носило на лбу своеобразное «украшение» — 4–5 шариков из моржовой кости величиной с куриное яйцо — это была бола, обвязанная вокруг головы, чтобы при случае тут же метнуть это оружие в низколетящую стаю птиц. Очевидно, бола — оружие эскимосского происхождения, употреблявшееся еще в первой половине I тыс.; она известна и на Северо-Западной Аляске, да и само чукотское название болы заимствовано из эскимосского языка³.

¹ Уэленцы: Гондатти 1898: VI; цитата: Леонтьев 1969: 136–137; сказание об эскимосах: Богораз 1934: 173; крючки: Богораз 1900. № 167: 416; 1901: 31.

² Ср.: Онацевич 1877. № 7: 66; Леонтьев 1969: 131–132; Леонтьев, Тураев 1987: 211. В эскимосской сказке «Пять мужчин» девушка оленних чукчей отправилась на поиски своих пропавших братьев и отца, вооружившись отцовским ножом и болой, что, впрочем, объясняется самим сюжетом сказки: борьбой с гигантским орлом с помощью болы (Рубцова 1954. № 1: 28–31, § 92–182, 223–224).

³ Описание: Норденшельд 1936: 323; наблюдения: Леонтьев 1969: 136; 1979: 20; Гондатти 1898: VI; археология: Диков 1979: 190; Аляска: Jacobsen 1884: 251. Fig. 17; заимствование названия болы: Тан-Богораз 1935: 356; Вдовин 1961: 44.

3.6. Топор

В одной чукотской сказке наряду с костяными ножами в качестве типичного оружия чукчей упоминаются «топорики из оленьего рога». Речь идет о войне с Якуниным, то есть о событиях первой половины XVIII в. Не совсем ясно, что понимал переводчик В. Г. Богораза под данным видом оружия. По крайней мере, боевым считается костяной двулезвийный топорик (*рынныалыгаттэ*) из Эгвекинотского краеведческого музея (КП-405/Э110), найденный в бассейне реки Куйвывеем. Двустороннее топориче имело в длину 20,1 см и в ширину 3,8 см, в середине него было прямоугольное отверстие для древка. Впрочем, возможно, в сказке просто имелось в виду хозяйственное оружие, ведь на рубеже XIX–XX вв. даже сделанный из железа топор был орудием, которым оленные чукчи владели плохо. В XVIII в. и позднее чукчи использовали в хозяйстве каменный топор *гаттэ*¹. В другой чукотской сказке жена приморского жителя, участвующая в походе, била врага топором по голове, ворвавшись в жилище коряков. Но это скорее исключение, нежели правило — топор не чукотское оружие в XVII–XIX вв., ведь в другой чукотской сказке, описывавшей гибель Якунина, прямо говорится о том, что чукчи не имеют топоров в качестве оружия².

Эвены также из-за недостатка железа применяли хозяйственные топоры из камня и кости (1646 г.). Такие же топоры использовали оседлые коряки для рубки леса, а ительмены имели топоры из оленьих и китовых костей³. Вместе с тем топоры употреблялись и в военном деле народов региона. Как оружие топор, дубина и камни фигурируют в сказке эскимосов. Оседлые коряки сражались костяным топором, которым действовали после того, как копье было использовано. В документе от 1646 г. упоминаются боевые «топорки» дауров. На вооружении юкагиров в XVII в. также имелись каменные топоры⁴.

¹ Сказания: Богораз 1900. № 146: 389; Нефёдкин 2016: 24; железный топор: Богораз 1991: 76; гаттэ: Вдовин 1987: 71; ср.: у коряков — это тесло с поперечным лезвием: Линденау 1983: 110.

² Жена героя сказания: Богораз 1900. № 110: 287; сказание о Якунине: Богораз 1900. № 128: 333.

³ Эвены: Белов 1952. № 7: 52; оседлые коряки: Бриль 1792: 387; ительмены: Крашенинников 1949: 380; ср.: Георги 1777: 66.

⁴ Эскимосы: Рубцова 1954. № 45: 481. § 63; Меновщиков 1988. № 159: 367; оседлые коряки: Меновщиков 1974. № 148: 468–469; Нефёдкин 2016: 272; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 18: 79. § 11; дауры: Белов 1952. № 7: 51; Степанов 1959: 200; юкагиры: Гурвич 1966: 15.

3.7. Палица

Согласно информации сына коменданта Гижиги (видимо, Я. М. Пересыпкина), видевшего бой чукчей с коряками в 1775 г. под стенами крепости, противники в рукопашной сражались «палицами и копьями». В. Г. Богораз также полагает, что южные чукчи использовали в бою палицы. Дубина была охотничьим оружием оседлых этносов, предназначенным для добывания и оглушения зверя. Ительмены использовали деревянную или костяную дубинку, была она и у оседлых коряков. Естественно, палицу спорадически могли применять и в ходе боевых действий, нанося при случае, как по дичи, удар по голове, но для оленных чукчей это орудие не характерно. Палица могла использоваться оседлыми жителями при отсутствии под руками другого оружия¹.

3.8. Молоток

Женщины в качестве случайного оружия использовали каменный молоток на короткой деревянной рукоятке, основное предназначение которого состояло в дроблении костей. Такой молоток был характерен для оленных чукчей. Эскимосы использовали для оглушения зверя специальный молот весом 2–3 кг (*тукишугун*)².

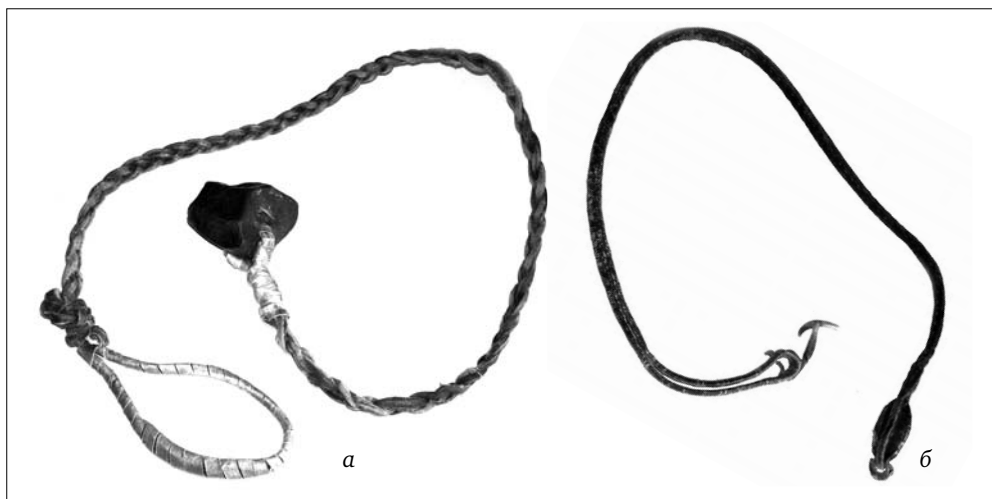
3.9. Кистень

В.Г. Богораз отметил, что у южных чукчей были воины, главным оружием которых были «каменные кистени на крепком ремне»³. Очевидно, имеется в виду чукотское оружие под названием *кэйи'йткунэн* («орудие для битья бурых медведей») — ремень дли-

¹ Бой под Гижигой: Мамышев 1809: 24; мнение: Тан-Богораз 1979: 53; ительмены: Стеллер 1927: 22; Георги 1777: 64; ср.: Тюшов 1906: 272; оседлые коряки: Георги 1777: 78; Jochelson 1905. № 6: 139; Bogoras 1917. № 2: 29; Тан-Богораз 1979: 53. Палица употреблялась в бою: Богораз 1900. № 140: 371.

² Каменный молоток: Норденшельд 1936: 328–329; Богораз 1991: 119. Рис. 105b; эскимосский тукишугун: Бабошина 1958. № 68: 168; Меновщиков 1959: 64; 1974. № 17: 99; № 30: 135.

³ Тан-Богораз 1979: 53–54. В эвенкийском фольклоре упоминается подобное оружие, называемое «молотами на цепочке» (Василевич 1966: 254, 351, примеч. 8; 1972: 150).

Кэйн'ыткунэн' из личной коллекции охотника-промысловика В. В. Радивилова (Алькатваам). Фото З. Ф. Тагрытвааль (2016 г.). а — *Кэйн'ыткунэн'* из лахтачьей кожи длиной 1,27 м и весом камня 517 г. Оружие было найдено в 2000-х гг. на стоянке Глубокая (бывший Беринговский (теперь Анадырский) район). б — *Кэйн'ыткунэн'* из лахтачьей кожи длиной 1,24 м; вместо камня — зашитый свинцовый груз весом 233 г. Для удобства ношения через плечо к петле для руки приделана запонка из моржовой кости, а на грузе — петля. Подарок охотника-промысловика Г. Ятынто (1930–1990-е гг.) с реки Туманской, который достался ему, в свою очередь, от отца.

ной более 1,2 м, на одном конце которого была петля для кисти руки, а на другом — крепился через отверстие камень весом примерно полкилограмма. Это было охотничье ударное оружие, предназначенное для обороны от бурого медведя, который как раз и водился в южной части Чукотки. В небоевой обстановке оружие носили через плечо, продевая камень в петлю. Более поздний вариант этого оружия представлен в частной коллекции В. В. Радивилова (из Алькатваама): тут камень заменен зашитым в кожу свинцовым грузом.

3.10. Камни

В сказке «Эрмэчын» упоминаются в качестве оружия камни, которые герой бросает во врагов, людей-песцов, бегущих по льду¹. Очевидно, камень как оружие мог применяться спорадически, когда нужно было сражаться, а под рукой не было оружия дальнего боя. Хотя

¹ Козлов 1956: 24.

оружие ближнего боя (нож, копье) чукчи обычно носили при себе, но при неожиданном нападении врага, когда нужно было отбиться от превосходящих сил противника, камни также могли идти в ход. Вместе с тем применение в сказке камней именно против врагов-оборотней могло носить и определенный ритуальный характер.

3.11. Посох

Нельзя исключить и того, что пастухи-оленоводы использовали в качестве случайного оружия бумерангообразный посох (*танвычгын*) длиной 82–83 см, с помощью которого останавливали выбившегося из стада оленя и который иногда метали в птицу на расстояние 20–30 м. Кроме того, отечественный этнограф И. С. Гурвич предполагал, что существовали и бумерангообразные метательные палицы, воспоминание о которых сохранилось в искривленных дощечках, метаемых при обряде приближения оленей во время ритуала забоя животных¹.

3.12. Прут

Сидя на нартах, оленями управляли длинным прутом с костяным наконечником. Этот прут мог использоваться как оружие: при необходимости им могли нанести резкий удар по лицу противника, что явно должно было привести к нейтрализации врага на какое-то время. Согласно одному из преданий, оленевод из Амгуэмской тундры перебил таким прутком окруживших его врагов².

4. ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Огнестрельное оружие появилось в регионе с приходом русских в середине XVII в. Последние, естественно, не продавали и не дарили это оружие своим врагам или потенциальным противникам. Старики-коряки так описывали первое знакомство чукчей с огнестрельным ору-

¹ Гурвич 1953: 47–48; 1979: 97–98; Венстен 2012: 133; ср.: Аргентов 1857: 101; метательные палицы: Гурвич 1979: 98.

² О пруте: информация В. Д. Тымнэраскова (1969 г. р., из Конергино; Анадырь, сентябрь 2013 г.); об амгуэмском оленевode: информация Ф. Чайвут (1965 г. р.; Анадырь, октябрь 2013 г.).

жием: «Главной причиной их поражения была паника, наведенная на них огнестрельным оружием. ...Чукчи приняли выстрелы из ружей за гром небесный и раны от пуль за ранения от молнии». При первом столкновении страх внушал и сам вид противника: казаки в блестящем железном вооружении. Однако подобный эффект имел воздействие лишь при первых столкновениях, позднее противники «привыкают» к воздействию огнестрельного оружия, и оно уже не оказывает такого эффекта. А, например, аляскинские эскимосы вообще не боялись ружей, поскольку за них в бою было удобно хвататься, а затем поразить фактически обезоруженного противника¹. Сначала ружья появились у местных союзников русских: в XVIII в. были распространены у коряков². К чукчам же огнестрельное оружие попадало обычно в качестве трофея или уже путем обмена с соседями. Естественно, обычно речь шла о ружьях, пистолеты — нечастое оружие даже у казаков — не использовали, как и захваченные пушки, поскольку не умели из них стрелять³.

Еще в 1689 г. чукчи, захватив русские ружья, стреляли из них. Однако это было исключение из общего правила, ведь еще в 1741 г. сенатская справка отмечала, что у чукчей нет огнестрельного оружия. Захватив фузеи и винтовки в качестве добычи у отряда А. Ф. Шестакова в 1730 г., чукчи часть оружия просто разломали, видимо для дальнейшего использования отдельных металлических частей. В августе 1744 г. казак нашел в чукотской байдаре на Анадыре трофейную русскую винтовку, которую чукчи не взяли с собой, очевидно, не умея ей пользоваться. В августе 1752 г. чукчи используют выстрелы из ружей для передачи сигнала тревоги, возможно, позаимствовав этот обычай от казаков; да и сами выстрелы должны были свидетельствовать о нахождении тут россиян⁴. В 1754 г. чукчи прежде, чем на-

¹ Корякское предание: Беретти 1929: 7; pro: Аргентов 1886: 11; contra: Дионео 1895: 146; блеск железного вооружения: Богораз 1900. № 130: 334; ср.: Bush 1872: 428; аляскинские эскимосы: Загоскин 1956: 117.

² Комически-трагическое предание, записанное Хэчгатом Нутьеиным из Апуки в 1934 г., рассказывает о первом знакомстве оленных коряков с ружьем: муж поставил жену мишенью и предложили ей поймать подолом «железную стрелу» (пулю), чтобы не потерять добро (!), что, естественно, привело к гибели женщины (Стебницкий 1938а: 133–134).

³ В 1778 г. семилетний сын корякского князца носил при парадном приеме пистолет (Нефёдкин 2016а: 300).

⁴ 1689 г.: Вдовин 1965: 111; Зуев 2002б: 225; ср.: Михайлова 1996: 190–191; 1730 г.: Зуев 2003: 135; 1741 г.: КПЦ. № 60: 162; № 68: 176; 1744 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 73 об.; Нефёдкин 2016а: 123; 1752 г.: КПЦ. № 68: 176; ср.: Баум 2016: 23; сигнал у казаков: Никитин 1996: 77; ср. события 1751 г.:

пасть на юкагиров, выясняли, нет ли у последних огнестрельного оружия, которого сами чукчи тогда еще боялись. В 1764 г. подполковник Ф. Х. Плениснер однозначно утверждал: у чукчей никакого огнестрельного оружия нет. Однако уже в это время чукчи умели его использовать, ведь весной 1768 г. в районе р. Оклан чукчи специально забрали в аренду ружья у четырех человек во главе с сотником Степаном Беляевым, которые везли документы. Эти ружья были нужны чукчам для похода на коряков, и летом этого же года они вернули это оружие россиянам на Анадыре. В 1773 г. использование ружей каменскими оседлыми коряками, оказавшимися в гостях у оленного князя Эйгеля Лехтелева, спасло стойбище последнего от разграбления чукчами — сказалась эффективность огнестрельного оружия. В обозе чукчей после разгрома их под Гижигой в 1775 г. нашли ружья, которые, видимо, были захвачены у ясачного населения. Французский посланник Ж.-Б. Б. де Лессепс (1766–1834) отмечал, что чукчи покупали в Гижиге среди прочего и ружья, которыми, впрочем, тогда еще не умели пользоваться (1788 г.). В августе 1791 г. капитан И. Биллингс подарил ружье с боеприпасами своему проводнику, чукотскому старшине Имлерату. В 1763 г. общий запрет на продажу огнестрельного оружия для ясачных народов был снят, но еще в первой четверти XIX в. запрет на продажу огнестрельного оружия чукчам продолжал действовать¹, однако его строго не соблюдали. Кроме того, уже в начале 1820-х гг. американцы стали продавать чукчам ружья. В апреле 1821 г. старейшина чукотского селения просил у участников экспедиции Ф. П. Врангеля ружье для охоты, поскольку он умел метко стрелять. В 1823 г. А. Шаховской заметил, что чукчи «ружей не употребляют, хотя и имеют их в достаточном количестве». В 1828 г. прибрежные жители еще пугались выстрелов — явное свидетельство о нераспространении огнестрельного оружия. В 1837 г., согласно договору русского комиссара и чукотского эрема Ятгыргына, чукчи получили разрешение на покупку ру-

РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 24; № 539, ч. 2, д. 6, л. 77; Нефёдкин 2016а: 128, 229.

¹ 1754 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 24 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 78 об.; Нефёдкин 2016а: 130, 231; 1768 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 39, 48, примеч.; Вдовин 1965: 68; Зуев 2009: 204; ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 8 об., 82 (доклад Ф. Плениснера); Нефёдкин 2016а: 93–94, 176, примеч. 11; 1773 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 49, примеч.; Нефёдкин 2016а: 176, примеч. 14; 1775 г.: Зуев 2009: 292; упоминание: Лессепс 1801. Ч. II: 115; подарок И. Биллингса: Сарычев 1952: 238; 1763 г.: Алексеев 1996: 62; запрет на продажу оружия чукчам: Миллер 1756: 53, 155; 1999: 122; Шишмарев 1852: 183–184; Литке 1948: 221; Миддендорф 1869. Отд. 5: 597, примеч. 2.

жей и свинца, тогда как порохом их должны были снабжать казенные заводы. В 1844 г., по замечанию А. И. Аргентова, чукчам на Анюйской ярмарке продавали ружья¹. Именно во второй половине XIX в. у чукчей распространяется огнестрельное оружие. Впрочем, ружье использовали нечасто, предпочитали охотиться с традиционным оружием, поскольку порох и свинец стоили дорого, а достать их не всегда было возможно. Кроме того, и при государственной монополии на производство вооружения государственные магазины отпускали порох и свинец по норме².

Особенно долго луки использовались на севере полуострова, куда импортное оружие доходило плохо³. В начале XX в. у каждого жителя западного побережья было от одного до трех ружей, главным образом, винчестеров, полученных от американцев, которые продавали их дешевле, чем в русских магазинах. Восточные чукчи использовали старые кремневые ружья на сошках. Само ружье хранили в чехле, у оседлых жителей — из белой мандарки — нерпичьей кожи⁴. Патроны хранились в квадратной сумочке (сторона длиной 7,5–10 см) из оленьей или нерпичьей шкуры, застегивавшейся на пуговицу или завязывавшейся ремешком. Она украшалась по краям кожаной крашеной каймой или расшивалась геометрическим орнаментом. Этот патронташ привязывался к поясу двумя ремешками или носился на плечевой портупее (РЭМ, № 4859-33–34). Порох хранился в пороховнице из оленьего рога с обрезанными ответвлениями: экспонат имел длину 13,5 см (РЭМ, № 4859-49).

Можно отметить, что колымские чукчи иногда устраивали соревнования по стрельбе, как и эскимосы. Приморские чукчи в начале XX в., по мнению русских, были отличными стрелками: они с берега попа-

¹ 1820-е гг.: Врангель 1948: 306; Гильсен 1849. № 12: 229; Шишмарев 1852: 183–184; Берх 1823а: 17; ср.: Коцебу 1948: 102; 1828 г.: Литке 1948: 210, 221; Замечания о чукчах. 1835: 484, 488; Чукчи. 1835: 2337–2338; 1837 г.: Окунь 1935а: 114–115; Вдовин 1965: 143; цитата: Шаховской 1823: 40; 1844 г.: Аргентов 1886: 24.

² Дитмар 1856: 25, 35; Норденшельд 1936: 322.

³ Можно отметить, что в 1969 г. рабочий Ленэнерго В. А. Пашков видел обмотанный кожаным ремнем лук длиной около 1 м в яранге у оленных чукчей в тундре между поселками Черским и Певеком.

⁴ Луки: Народы России. 1874. № 2: 27 (эскимосы: Сергеева 1968: 22–23); винчестеры: Акифьев 1904: 64; Толмачев 1911: 98, 103; ср.: Гранстрем 1886: 136; Плавание... 1890. № 43: 3; Онацевич 1877: 61; Свердруп 1930: 255; ружье на сошках: Богораз 1901: 29; 1991: 91. Рис. 79; чехол: Лебедев, Симченко 1983: 3; Сергеева 1968: 9; Рытхэу 2010: 257.

дали в голову тюленя с нескольких десятков сажений¹, хотя даже в начале XX в. часто охотились с помощью лука вследствие его дешевизны и бесшумности.

5. КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ

Фольклорные материалы несут определенную информацию о комплексе вооружения воина. Так, «Сказание об Эленди и сыновьях» представляет полное вооружение чукотского богатыря Талё, который имеет панцирь, копье, лук, колчан и большой нож. Как описывает сотник Иван Кобелев, при погребении с оленным чукчей клали большой бедренный и малый нож, к нартам пристегивали копье, лук со стрелами и налучье, — в общем, данное оружие составляло комплект вооружения. В сказании, записанном В. Г. Богоразом, на вооружении приморского жителя оказывается лишь праща и нож. Анадырский командир Ф. Плениснер утверждал в 1764 г., что даже не у всех чукчей есть обычные луки, стрелы и копья. Действительно, по воспоминаниям казаков в 1772 г., во время первой битвы отряда Д. И. Павлуцкого с чукчами 7 июня 1731 г. последние по большей части были вооружены арканами-чаутами. За пять дней до этого чукчи грозились перевязать россиян без использования другого оружия! Вероятно, действительно, в собранном тойоном северо-восточного моря Наихью войске (с востока Чукотского полуострова) значительную часть составляли небогатые пастухи, которые не имели даже луков и стрел².

Естественно, сам комплекс вооружения менялся с течением времени, но из-за недостатка сведений данный сюжет известен нам плохо. Судить о комплексе тяжелого вооружения воинов мы можем по комплектам оружия, хранящимся в музеях, и по изобразительному материалу. Так, в один комплект из коллекции, собранной в Анадырском районе Н. П. Сокольниковым в 1904–1907 гг., входят роговой панцирь с крыльями, костяные наруч и поножа (РЭМ, № 4859-14–17). Поножа надевалась на левую голень, а наруч, по-видимому, на левое

¹ Соревнования: Дионео 1895: 26; стрельба в тюленя: Акифьев 1904: 64; ср.: Горовский 1914: 8.

² Вооружение Талё: Богораз 1900 № 135: 362–363; описание И. Кобелева: ЭМ: 165; вооружение пращника: Богораз 1900 № 110: 286–287. Сообщение Ф. Плениснера: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 8 об., 82; вооружение арканами: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 65 об. — 66; Зуев 2009: 76; Нефёдкин 2016а: 113; 2016б: 161.

Чукотский воин, одетый в ламеллярный панцирь с крыльями, наруч и поножу. Манекен МАЭ. Воспроизведено по: Thordeman 1939: 263, fig. 252

предплечье. Все предметы вооружения сделаны в одном стиле, создается впечатление, что они произведены в одной мастерской для одного воина. Вероятно, этот боец не имел шлема и сражался с открытой головой, как мы видим это на некоторых изображениях¹. Возможно, это была не просто традиция или молодецкая бравада, но воин, главным оружием которого был лук, имел возможность лучше прицелиться, когда он был без шлема. Это, очевидно, была эскимосская традиция — сражаться без прикрытия головы, ведь жители Западной Аляски также не использовали шлемы². Подобный доспех, по-видимому, предназначался не столько для рукопашной, сколько для прикрытия во время перестрелки.

В другой комплект коллекции РЭМ (№4859-36-41) входит железный ламеллярный панцирь из восьми рядов пластин, наспинник из дерева, обшитый нерпичьей кожей, с левым крылом; железный пластинчатый шлем с наушниками; подшлемник из дымлены также с

прикрытием ушей; железный пластинчатый наруч с защитой кисти из толстой нерпичьей кожи и пара железных поножей. Вероятно, этот комплекс и представляет собой наиболее полный комплект защитного вооружения чукчей в XVIII в.³

В другой комплект вооружения, хранящийся в МАЭ (№ 434-10а, b, c), также входит доспех, шлем и наруч. Доспех состоит из ламеллярного подола из семи рядов железных пластин, прикрывающих воина до се-

¹ См.: Hough 1895: 635; Антропова 1957: Рис. 22; 33; Богораз 1991: Табл. IX. Рис. 2.

² Hough 1895: 635; Burch 1998: 73; ср.: Fienup-Riordan 1994: 329 (деревянное защитное кольцо).

³ Антропова 1957: 213.

Комплект, состоящий из железного ламеллярного доспеха с нагрудником, назатыльника с правым крылом (левое добавлено музейными работниками) и железного шлема. МАЭ, № 434-10 а, б, с. Воспроизведено по: Антропова 1957: 211, рис. 27

редины голени, трехчастного кожаного нагрудника и наспинника и правого крыла. Поскольку доспех запахивается налево, то очевидно, что он принадлежал левше, именно поэтому у него одно правое крыло¹. Ведь левша стоял в бою правым боком к врагу. Именно так коряки объясняли В. И. Иохельсону наличие у доспеха правого крыла. В подобном доспехе воин мог быть как лучником, так и копейщиком².

¹ МАЭ см.: Богораз 1901: Табл. XII, 2–4. Посему музейная реконструкция этого доспеха, согласно которой ему прикрепили второе, левое, крыло, неверна (Антропова 1957: 213. Рис. 27).

² Иохельсон 1997: 101; ср.: Антропова 1957: Рис. 34–35; Широков 1968: Рис. 7; Иохельсон 1997: Рис. 53–54.

Эскимос с острова Св. Лаврентия в ламинарном панцире с кожаным прямоугольным нагрудником и с двумя крыльями (начало XIX в.; приобретен в 1840 г.). Манекен из МАЭ (№ 593-74). Воспроизведено по: Антропова 1957: 204, рис. 21

Характерным для азиатских эскимосов следует признать ламинарный доспех с парой крыльев, типичные экземпляры которого мы встречаем в коллекциях МАЭ в Санкт-Петербурге (№ 593-74) и Полевого музея естественной истории в Чикаго (№ 34150-34153). Такие латы состояли из ламинарного подола, нижние ленты которого для удобства движения не скреплялись спереди. Впереди к подолу стационарно крепился нагрудник, а сзади — соединение крыльев создавало острый угол поверх головы — характерная особенность этого типа доспехов. Кроме того, комплект из Чикаго имеет еще и пару поножей из бивня мамонта. Шлем при этом отсутствует¹. Видимо, таково было типичное защитное снаряжение тяжеловооруженного лучника азиат-

¹ Антропова 1957: 204. Рис. 21; VanStone 1983: 6–16.

ских эскимосов, главное назначение которого состояло в прикрытии от метательного оружия противника.

Гравировальные рисунки на моржовых клыках, созданные в основном в 1930–1940-х гг., могут добавить некоторые детали к пониманию комплекса вооружения. Доспехи тут представлены достаточно схематично в виде длинной одежды в клеточку или короткой, до колен, в полоску, наспинный щит показан без крыльев. Воины вооружены или луком, или копьем. Причем у копьеносца за правым плечом почти горизонтально висит колчан с луком и стрелами. Очевидно, колчан, как указывает М. Соур, крепился к пуговицам и петлям на доспехе. Эти воины действуют в одиночку, а не в массе, представляя героев сказаний¹.

Существовало и определенное различие в вооружении и, видимо, в способах боя между чукчами, проживавшими в различных регионах. Так, записка якутских служилых 1769 г., описывающая народы Якутского ведомства, рассказывает о вооружении чукчей: «Ружья [= оружие] у них костяные из китовых усов и костей, також и деревянные луки со стрелами, палмы, и во время неприятелей носят при себе на темляках копья, а на себе куяки железные, костяные, також и панцыри». Вероятно, речь идет о западных чукчах, которые подверглись влиянию соседей. Типично чукотским являлся материал для изготовления оружия (кость и китовый ус), а также костяные и железные ламеллярные доспехи, однако пальма — это якутско-тунгусский элемент вооружения. К чисто русской части панοπлии относится «панцырь» — кольчатая броня, которая могла различными способами поступать к чукчам. Кроме того, эти же чукчи ездили верхом. В общем, можно говорить, что описываемые в записке чукчи подверглись сильному влиянию соседей. Аналогичное влияние мы наблюдаем в последней четверти XIX в. на перешедших Колыму чукчей, которые заимствовали верховую езду на оленях от ламутов².

Естественно, в процессе исторического развития изменялось и вооружение чукчей, становясь из боевого охотничьим. В XVIII в. чукотский воин был бронированным копьеносцем, использовавшим для дальнего боя лук и стрелы. Уже в конце этого столетия, когда боевые действия на северо-востоке Сибири закончились, молодежь с презрением относилась к ношению доспехов, хотя их продолжали надевать

¹ Sauer 1802a: XXIV; изображения см.: Антропова 1953: 41–43. Табл. IX, 1–2а, б; 1957: Рис. 34–35; Широков 1968: Рис. 7.

² Цитата документа 1769 г.: Окладников 1948: 36; ср.: Бриль 1792: 372; верховая езда у колымских чукчей: Иохельсон 1900а: 190.

во время столкновений в Берингоморье. В 1870-х гг., идя на «кровавое дело», чукча брал копьё и три ножа (большой за спиной и два маленьких в оба рукава)¹. Даже в первой половине XX в. чукотский мужчина продолжал носить копьё и ножи, но луки были значительно потеснены ружьями, хотя лук продолжали использовать из-за дешевизны его эксплуатации и бесшумности стрельбы.

6. ОДЕЯНИЕ

6.1. Одежда для боевых действий

На наличие неких специальных типов боевой одежды источники прямо не указывают. Очевидно, у чукчей еще не было четкого разделения между гражданской и военной одеждой. Вообще же, на взгляд европейца, чукчи одевались легко для их сурового климата. Обычно мужчины ходили без головного убора, в кухлянке и штанах. Зимняя одежда фактически состояла из двух комплектов: нижние кухлянку и штаны носили мехом внутрь, а верхние — мехом наружу. Летом носили поношенную зимнюю одежду, поэтому выглядели весьма неряшливо. В качестве обуви носили торбаса с завязками, зимой — из меха, летом — из дымлины (продымленной кожи) или вообще босиком².

Когда выходили на бой, естественно, надевали легкую даже по чукотским понятиям одежду³. Ведь для боя, в котором нужно было демонстрировать свою силу и ловкость, нужна была именно легкая одежда, очевидно, это была летняя одежда, обычно — кухлянка⁴. Согласно К. Кеккетыну, во время летнего набега молодой чукотский воин был одет в штаны, торбаса и расшитую бисером шапку с меховыми кисточками, а также, очевидно, в летнюю кухлянку,

¹ Августинович 1878: 54; 1880: 725.

² Подробные описания одежды чукчей можно найти в большом количестве работ, например, см.: Мерк 1978: 109–112, 125–129; Кибер 1824: 104–109; Аргентов 1857: 91; Заметки о чукчах. 1877: 4; Норденшельд 1936: 312–315; Дмитриев 1892. № 47: 8; Олсуфьев 1896: 101–105; Богораз 1901: 9–16; Калинин 1912: 67–70; Прыткова 1961: 232; 1976: 7–30; Вдовин 1987: 80–84; Коротаева 2008: 4–10 (с практической точки зрения).

³ Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; Меновщиков 1950: 17; 1985. № 127: 307; ср.: Козлов 1956: 147 (эскимосы).

⁴ Кибер 1824: 108; Леонтьев 1960: 134; Меновщиков 1985. № 127: 307; кухлянка: Лебедев, Симченко 1983: 130; ср.: Бабошина 1958. № 101: 245.

Чукчи в летней одежде перед ярангой, около которой вертикально стоят нарты. Английская гравюра, 1778 г. Воспроизведено по: Антропова 1957: 193, рис. 10

не упомянутую автором. Поскольку требовалась легкость в движении, то надевали и удобную обувь. Так, лихой ездок на упряжке Тъэюнкээв надел спортивные торбаса. Герой повести В. К. Вэкэт «Спящие на нерпичьих шкурах» для смертельного состязания надел легкую кухлянку и легкие беговые короткие торбаса из нерпичьей шкуры (плекты)¹. В XIX в., идя на опасное предприятие, чукчи надевали новую одежду, верхнюю и нижнюю кухлянки, отороченные мехом волка². Для похода на лыжах чаучу Эльвач — герой рассказа И. В. Омрувье, написанного по материалам чукотских преданий, рассказанных жителем Хатырки А. П. Аля, — надел штаны, кухлянку, рукавицы, шапку, торбаса, пояс с ножом, взял аркан, короткое копье и сумку с провизией³. Надевали и одежду, которая вся — кухлянка, штаны, торбаса, рукавицы — была сделана из волчьего меха, ведь

¹ Кеккетын 2010: 187; гонщик Тъэюнкээв: Ятгыргын 1963: 7–8; Нефёдкин 2016: 68; плекты: Лебедев, Симченко 1983: 26; Вэкэт 2012: 280, 300.

² Августинович 1878: 54, 55; 1880: 725, 727; Колымский округ. 1879. № 6: 46; № 7: 53.

³ Омрувье 2013: 56, 61.

мех волка особо ценился чукчами¹. Дорогая же одежда из белого оленьего меха служила дополнительным маскировочным одеянием зимой². Чукотская сказка «Сирота» так описывает приготовление к схватке: «Перевязал ремнями рукава у кистей и штаны ниже колен, будто собирался бегать или драться»³. Таким образом, чтобы одежда не мешала, рукава перевязывали у кисти, а штаны, вероятно, также для прочности, подвязывали под коленями.

У эскимосов в бой также надевали нижнюю кухлянку, торбаса, рукавицы и, естественно, штаны. Во время похода на байдаре они носили кухлянки из шкур чайки-маевки или нерпы⁴. Одежда из птичьих шкурок — это древнее типично эскимосское, а не чукотское одеяние.

6.2. Головные уборы

Шапки чукотские мужчины обычно не носили, исключая сильные морозы⁵. Сначала стоит заметить, что обычной прической чукотских мужчин была выбритая макушка с венчиком волос вокруг, тогда как ваежские и хатырские чукчи носили лишь заплетенный локон — символ косатки, к которому у телькепских добавлялся венчик волос спереди. Чукча мог носить и длинные волосы, связанные сзади в косичку; в конце XIX в. молодой модник щеголял двумя косичками. Эскимосы также носили венчик волос, иногда с пучком волос на макушке⁶.

¹ Козлов 1956: 61; Омруев 2013: 59; о ценности волчьего меха: Кибер 1824: 106; 1827: 198.

² Беликов 1982: 193; Баум 2016: 22; Нефёдкин 2016: 119; ср.: Яттыргын 1963: 51; Меновщиков 1974. № 14: 81; № 71: 265–266; Асадова 2012: 6–7. Сюпся-чукчи в таймырских преданиях также облачены в белую одежду (Симченко 1976: 62–63).

³ Воскобойников, Меновщиков 1959: 422; ср.: Bogoras 1910. № 17: 98.

⁴ Одежда эскимосов: Богораз 1949. № 12: 174; Рубцова 1954. № 17: 245. § 25, 27; походная кухлянка: Меновщиков 1988. № 99: 233. Как заметил У. Далл, у эскимосов бухты Провидения не было оторочки одежды волчьим мехом (Dall 1870: 379).

⁵ Мерк 1978: 110; Норденшельд 1936: 314; De Windt 1898: 203; Прыткова 1976: 25.

⁶ Об убранстве головы у мужчин, например, см.: Krause 1881: 5; De Windt 1898: 203; Калинин 1912: 73; Свердруп 1930: 277; Леонова 2014: 102; о прическах южных чукчей: Тан-Богораз 1979: 101; Лебедев, Симченко 1983: 32–33; информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); о двух косах: Слюнин 1892: 1; Дмитриев 1892. № 45: 8; Лебедев, Симченко 1983: 32–33 (на темени две пряди, заплетенные в косички, у знаменитых людей); Венстен 2012: 136; об одной косе: Кеккетын 2010: 187; эскимосы: Орлова 1941: 205–207; Меновщиков 1959: 113.

Наиболее приметным и для своих воинов, и для противника был, естественно, головной убор. Именно поэтому на голову прежде всего надевали «знаки различия». Именитый оседлый житель в 1820-х гг. имел походный костюм с шапкой, украшенной бисером, пряжками, сверху которой была прикреплена голова ворона, по объяснению чукчей, приносящая удачу в пути, поскольку, по представлениям чукчей, голова ворона была связана с потусторонним миром, с предками, ведь когда человек умирает, его жизненная сила превращается в ворона и улетает. Посему ворона нельзя было убивать, а в случае нечаянной гибели птицы от руки человека ее голову привешивали к амулетам¹.

Существовали специальные головные уборы, которые надевались во время военных действий. Так, А. И. Аргентов заметил: «Из волчьей головы шьют особого покроя шапки, надеваемые во время войны». Об этом же сообщают и другие авторы². Подобная шкура — фактически скальп волка — имела пустые глазницы, стоячие уши и могла украшаться ленточками и бусами. Ведь ленточки из красной материи чукчи считали помощниками в делах. Для защиты от ветра к шапке сзади пришивали полосу оленьего меха³. Ношение такого головного

¹ Врангель 1948: 306; религиозные представления о вороне: Богораз 1900: IX; Гурвич 1979: 105; ср.: Богораз 1939: 59–60; Кузнецова 1957: 271 (голова ворона — семейная реликвия); Вдовин 1977: 145–146; Мелетинский 1979: 21–32; 1981: 184; голова ворона — амулет: Вдовин 1977: 148. Уже в богатом эквенском погребении № 204 древнеберингоморской культуры найден череп крупного ворона с зубом медведя вместо языка (Арутюнов, Сергеев 1983: 209). У эскимосов северо-запада Аляски перед боем в головную повязку вставляли два пера (КПЦ. № 72: 187; Burch 1974: 6; 1998: 68; Malaurie 1974: 141).

² Аргентов 1857: 91 (ср.: Вальская 1961: 178–179); Мушкин 1853. № 82: 843; Александров 1872: 77; Народы России. 1874. № 2: 27; Августинович 1878: 55; 1880: 725; Колымский округ. 1879. № 6: 46; № 7: 53; А. К. 1894: 3; Нутекеу 2005: 24.

³ Красная ленточка — помощник: Богораз 1939: 54; клапан — защита от ветра: Мерк 1978: 110; Кибер 1824: 106–107; Прыткова 1976: 27. А. Ф. Кибер (1824: 106) отмечает, что подобный головной убор из скальпа волка или рыси, опушенный бобровым мехом, носили богатые чукчи (ср.: Поддубный 1914: 98). Такой же головной убор из волчьего скальпа, с ушами, украшенными корольками, носили и оленные коряки (Тан-Богораз 1979: 48). Летний башлык из шкуры с головы волка носили эскимосы на побережье северо-запада Аляски (Nelson 1899: 34. Fig. 5; ср.: Загоскин 1956: 218). В ГМИР хранится скальп волка, к которому были прикреплены две шкурки горностая, скрепленные плетенкой с бусинками на концах жил. Этот экспонат принадлежит к коллекции, собранной И. П. Лавровым в 1939–1940 гг., в данном случае, в Наукане (№ А-353-1). Хотя данный убор считается танцевальным, но можно предположить, что этот скальп имел и сакральное военное значение.

Чепец оленных чукчей с вырезом на макушке (рубеж XIX–XX в.). Воспроизведено по: Богораз 1991: 184, рис. 183а

убора имело определенный ритуальный смысл. Волк ведь, по представлению чукчей, был кэле — злым духом, могущим, к примеру, вызвать метель¹. Поэтому волка старались не убивать, особенно оружием, опасаясь его мести. Можно полагать, что чукча, надевая такой головной убор, как бы приобретал качества волка — злого духа, идя на рискованное дело. Ведь чукчи не отделяли себя в качестве вида от животного мира, который, в свою очередь, наделяли человеческими качествами. Так, герой Ейвэлкэй, набросив шкуру убитого им волка, становился последним и отгонял часть стада у таннита². Соответственно, поскольку дух убитого

неприятеля мог быть опасным мстителем, эта месть должна была перейти на волка, а не на человека, совершившего убийство. Ведь именно для того, чтобы скрыться от мести духа, чукчи использовали переодевание³.

В качестве обычного подшлемника надевали кожаный чепец без верха, который имел наушники из выкрашенной в красный цвет тюленьей или бело-желтой собачьей шкуры. Сверху для украшения чепец мог обшиваться кружочками и звездочками из оленьего меха. Известный этнограф Н. Ф. Прыткова (1904–1966) отметила, что у приморских чукчей это был спортивный головной убор⁴.

¹ Тан-Богораз 1933: 235; Богораз 1934: 27; Беликов 1982: 188; Меновщиков 1988. № 91: 206; Рожков 2008: 8; Нефёдкин 2016: 114.

² Богораз-Тан 1936: 34–36; Богораз 1939: 184; Меновщиков 1988. № 92: 208; № 99: 233; ср.: Bogoras 1913. № 8: 429–430; Тан-Богораз 1979: 129; Меновщиков 1988а: 17; Нефёдкин 2016: 114; Ейвэлкэй: Куттэгина 2003: 48.

³ Богораз 1939: 142; Вдовин 1987: 96; ср.: Антропова 1957: 215; Hughes 1984а: 256.

⁴ Подшлемник: РЭМ, № 4859-39; Антропова 1957: 213; чепец: Мерк 1978: 110; Олсуфьев 1896: 105; Вдовин 1987: 82; см.: Прыткова 1976: 30; рис. 25, 1, 2. Коряки носили в качестве подшлемника меховую повязку, защищавшую лоб воина (Иохельсон 1997: 102).

А. Э. Норденшельд отмечает, что мужчины береговых чукчей носили на голове повязку с «жемчужинами» (так в переводе), количество которых указывало на число убитых врагов. И хотя сам автор считал такое объяснение пустым бахвальством, поскольку в его время (1879 г.) войны уже не велись, возможно, данное объяснение все же соответствовало истине, по крайней мере, для более раннего времени, и тут «жемчужина» играла ту же роль, что и татуировка с изображением убитого врага, о чем речь пойдет чуть ниже¹. Для чукчей, как и для многих народов с традиционной культурой, было немаловажным показать свою военную доблесть и тем самым получить определенный статус в обществе. В конце XIX в. головная повязка, на которую пришивались бусы или пуговицы (*чеугызэчев*), рассматривалась как амулет, отпугивающий злых духов с помощью дополнительных глаз-пуговиц или бус. Вероятно, и бусы, вставленные как серьги в отверстия в ушах, служили теми же амулетами².

7. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ НА ВОЙНЕ

7.1. Нарты

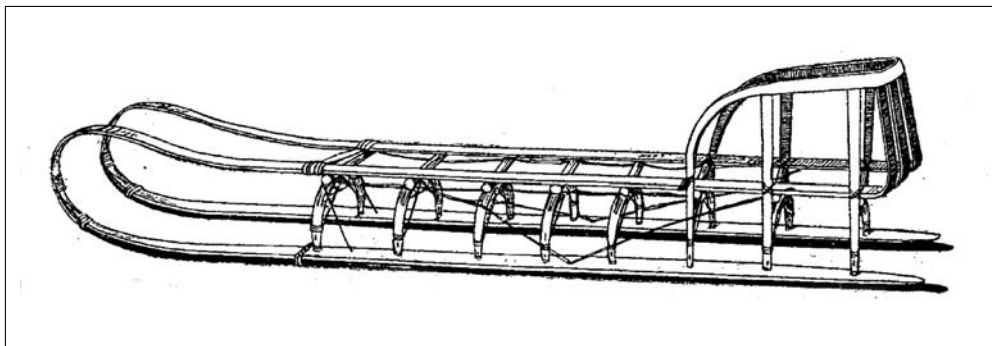
Окончательно не ясно, использовались ли в походах XVII–XVIII вв. какие-то специальные боевые нарты. Однако поскольку нарты не предназначались для непосредственного использования в бою, то, вероятно, специальных боевых нарт у чукчей всё же не было, а если даже они и существовали, то не слишком отличались от обычных ездовых нарт, которые использовались в походе³. Существовало несколько типов нарт (мужские, женские нарты-кибитки, различные виды грузовых), наиболее легкими из них были спортивные беговые.

Мужская ездовая оленья нарта была рассчитана на одного человека. Она имела загнутые вверх полозья, 6–7 копыльев — полуовальных стоек, на которых крепилось сиденье из дерева с невысокой задней стенкой. Рейки были достаточно тонкими, не толще большого пальца человека. Вся конструкция скреплялась без гвоздей, с

¹ Норденшельд 1936: 314. А. В. Олсуфьев (1896: 105, примеч. 1) рассматривал подобный головной ремешок с несколькими красными бусинками как знак принадлежности к тойонскому роду.

² Головная повязка: Богораз 1901: 16; Шундик 1950: 102; Вдовин 1977: 137; ср.: Кузнецова 1957: 275, 298; бусы: Кук 1971: 362; Шишмарев 1852: 184.

³ Антропова 1957: 200.

Ездовые оленные восьмикопыльные нарты. Воспроизведено по: Левин 1946: 93, рис. 17

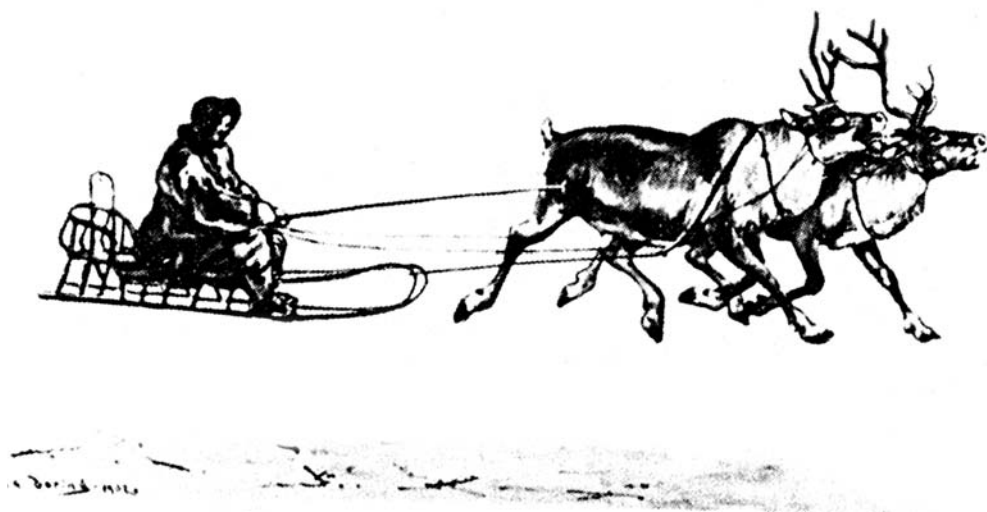
помощью ремней, что придавало ей определенную эластичность¹. Как отметил К. Мерк, нарты делались из березы, копылья — из рогов диких оленей, а ремешки-связки — из замши². Судя по сообщению капитана И. И. Биллингса, размеры нарты были следующие: длина 1,5–1,8 м, ширина — 45 см, высота 30 см³. Такие сани были достаточно легки: мужчина мог поднять их одной рукой и нести за спиной. Ездок сидел на шкуре оленя, у оседлых особо ценной была подстилка из шкуры белого медведя, которая не индевела на холоде. Чукча сидел на нарте верхом ближе к переду, ногами опираясь в полозья, чтобы амортизировать неровности почвы. На уровне второго-третьего копыла на правом полозе был прикреплен тормоз из оленьего рога, на который при необходимости нажимали ногой. Особым щегольством считалось прикрепление к спинке медного колокольчика⁴.

¹ Рейки: Лебедев, Симченко 1983: 49; скрепление ремнями: Богораз 1901: 38; Василевич, Левин 1951: 65–70.

² Мерк 1978: 115; ср.: Вдовин 1965: 40; Обручев 1974: 105 (ездовые нарты из ивы или березы).

³ Сарычев 1952: 265. В. Г. Богораз (1991: 29) так определяет размеры ездовой нарты конца XIX в.: длина 1,8–2 м, ширина между полозьями 30–35 см, высота 24 см. В общем, справедливо заметил И. С. Вдовин (1965: 40), нарты чукчей не претерпели изменений с конца XVIII в.

⁴ Посадка ездока: Сарычев 1952: 266; Богораз 1901: 38; 1991: 29; тормоз: Богораз 1991: 29–30; ср.: Беретти 1929: 71; Гурвич 1983: 107; колокольчик: Богораз 1899: 366, примеч. 5; 1900. № 156: 400; Меновщиков 1988. № 123: 293. Богораз 1899: 366, примеч. 5; 1900. № 156: 400; Меновщиков 1988. № 123: 293; шкура медведя: Вэкэт 2012: 246; Рытхэу 2004: 102; сани несутся одной рукой: Богораз 1991: 29.

Чукча, едущий на оленьей упряжке на ездовых нартах (рубеж XIX–XX вв.). Воспроизведено по: Богораз 1991: Табл. V

Для уменьшения трения полозья подбивали костями из челюсти кита и смазывали китовым жиром. Копье, когда не было непосредственной угрозы со стороны врагов, специальными ремешками горизонтально крепили к нарте или же держали в правой руке. Во время езды лук и колчан клали в нарту за спину ездока, туда же клали аркан и добычу. В целом, на ездовых оленьих нартах не возили тяжелого груза¹.

Гоночные олени нарты представляли собой максимально облегченный тип саней. Г. Майдель описывает эти нарты как сани высотой и шириной в 25 см, в месте сиденья ширина была 45 см, длина, не считая выступов полозьев впереди, — 1,2 м. Весили такие сани всего 3–4 кг². Этот тип нарты делали из березы, с изящной спинкой, с копыльями из оленьих рогов и полозьями, подбитыми китовым усом. Всю конструкцию связывали белыми ремешками.

¹ Нарты: Майдель 1871: 61; смазка китовым жиром: Кибер 1824: 97; копье на нартах: Богораз 1901: 30; копье в правой руке: Сарычев 1952: 266; лук и колчан: Сарычев 1952: 267; аркан и добыча: Богораз 1900. № 135: 362; № 156: 400.

² Майдель 1894: 145–146; по К. К. Нейману (1871. Т. I: 15), вес — до 15 фунтов (6 кг); ср.: Тюшов 1906: 358 (корякские гоночные нарты — 4–6 кг).

В соответствии с нуждами использовали и оленей. Ездили обычно на быках-кастрах¹. Более сильных животных запрягали в нарты весной и осенью, когда снежный покров еще не устоялся и нужна была сила для тяги саней; зимой запрягали других оленей, а третьих использовали для гонок². При хорошем снеге в марте оленья упряжка может проходить 400 км за 10 дней. Однако при глубоком снеге скорость оленей с грузом падала до 10 верст (10,5 км) в день³.

Самыми быстрыми считались потомки дикого оленя в третьем поколении. Чукотский тундровый олень был меньше и слабее эвенского, лесогорного, его окрас был темнее, чем у последнего, но светлее, чем у корякского. Продолжительность жизни оленя — примерно 15 лет. Для того чтобы животные не бодались, им удаляли рога⁴.

Естественно, оленей для езды специально тренировали. У коряков, например, такое обучение продолжалось 1–1,5 года. Они могли быть так приучены, что для запряжки их можно было подзывать простым свистом⁵.

В ездовую нарту запрягали пару оленей. Казак Б. Кузнецкий наряду с такими «стандартными» санями упоминает еще и нарты, запряженные тремя оленями. В грузовую нарту впрягали одного оленя; на нартах же, запряженных одним оленем, ездили бедняки⁶. В упряжке

¹ Быки-кастры: Мерк 1978: 113. Оленей кастрировали бескровным способом путем раздавливания канальцев яичек зубами (Василевич, Левин 1951: 75; Гурвич 1983: 101; ср.: Мерк 1978: 113). П. Н. Орловский (1928: 66) указывает и на иной способ холощения оленей: одно яичко просто отгрызалось и тут же сырым отдавалось на съедение какому-нибудь уважаемому старику или почетному гостю. Как заметил В. Г. Богораз, «операция холощение оленей проста, быстра и почти безболезненна. Занимала она не более полуминуты. После нее олень как ни в чем не бывало бежал на паству» (ААН, ф. 250, оп. 1, № 112, л. 119 об.).

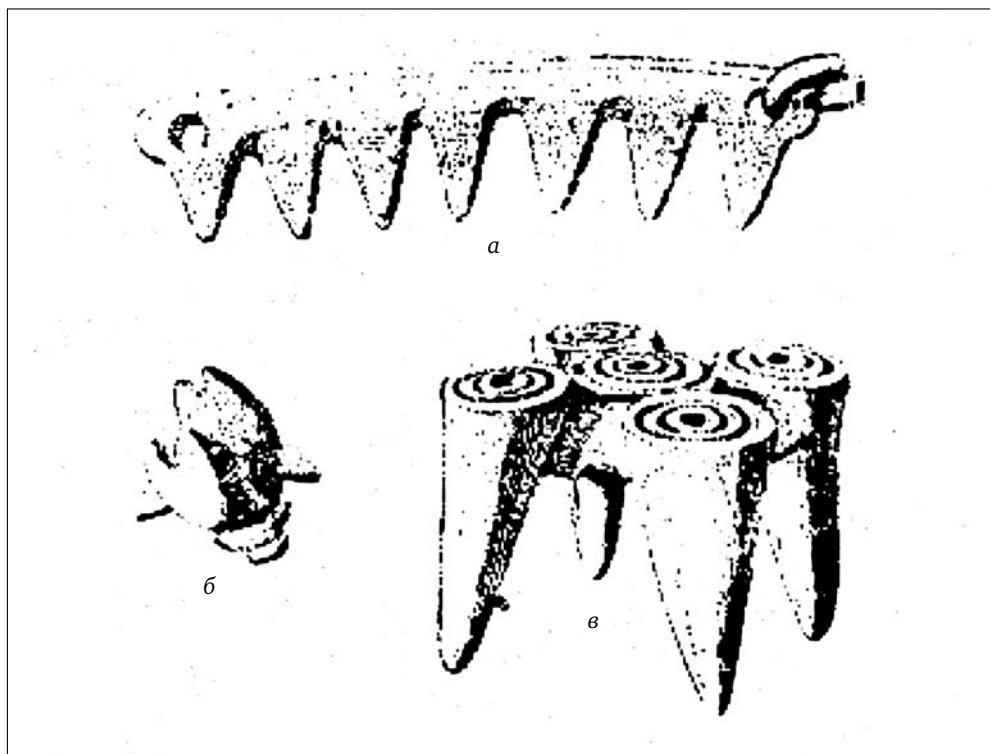
² Сезонность езды: Беретти 1929: 72. У камчатских коряков в беговые сани запрягали быка и важенку (Орлова 1929: 104).

³ Скорость упряжки при хорошем снеге: Орловский 1928: 65; ср.: Сарычев 1952: 266; Кибер 1824а: 23 (20–30 верст в день); при глубоком снеге: Свербеев 1857: 15.

⁴ Третье поколение дикого оленя: Богораз 1902а: 82; экстерьер оленя: Несчастливцев 1930: 78–79, 81; Сыроечковский 1986: 7–8; продолжительность жизни оленей: Каллиников 1912: 169; тунгусский олень: Богораз-Тан 1933: 224; Тан-Богораз 1979: 28; Полтораднев 1932: 14.

⁵ Тренинг оленей у коряков: Орлова 1929: 104; свист: Меновщиков 1958: 143; 1974. № 42: 186; 1988. № 123: 293.

⁶ Три оленя: КПП. № 70: 181 (1756 г.); Вахтин 2000: 234 (три оленя запряжены в нарту, чтобы в пути не голодать); ср.: Дмитриев 1892. № 51: 8; один олень: Сарычев 1952: 260; Тан-Богораз 1979: 29.

Костяные «расчески» для управления оленьей упряжкой: а — длина 13 см; б — высота 5 см. Воспроизведено по: Богораз 1991: 25, рис. 14а, с

правое животное, привязанное постромком к центру нарт, бежало на голову впереди и было ведущим. Система тяги была представлена лямкой — нагрудным ремнем, к которому справа крепился на пуговице подтяг (постромок), непосредственно тянущий сани. Система контроля состояла из недоуздка с двумя вожжами, из которых одна была связана с недоуздкой соседнего оленя, а другую, правую, с петлей на конце, держал в руках ездок, для прочности обмотав ее вокруг кисти. В качестве стимула использовали пару своеобразных гребенок, расположенных на лбу и под нижней челюстью, при натяжении вожжей они давили на животное и тем самым заставляли его двигаться в нужном направлении. Оленей погоняли длинным ивовым прутком-хореем с поперечным костяным наконечником. В поход брали несколько запасных прутков, которые привязывали вдоль саней¹.

¹ Пруты: Богораз 1901: 39; 1991: 27–28; Васильев, Кирюшина, Меньшиков 1935: 151; Василевич, Левин 1951: 65–70; запасные пруты: Лессепс 1801. Ч. II: 196; Поляков 1983: 70.

Нарты были не только обычным ездовым транспортом, но они широко применялись на охоте, когда нужно было догнать быстрого зверя, например: оленя, барана или росомуху¹. С этой функцией связано и использование их на войне. Для быстрых набегов использовали гоночные нарты, которые развивали скорость на гонках 35 км/ч². В 1731 г. чукчи дважды неожиданно нападали, едучи на нартах, на походную колонну Д. И. Павлуцкого. Цель такого нападения, вероятно, состояла в том, чтобы сначала обстрелять врага с нарт на ходу, а затем уже спешиться для боя. При этом сани оставляли у себя в тылу, чтобы при необходимости тут же можно было ретироваться. Согласно марковскому преданию, бойцы Д. И. Павлуцкого собрались на Майорской сопке, а чукчи, подъезжая на нартах, обстреливали противника издали и так всех перебили. В общем, нарты могли использоваться как мобильная платформа для стрельбы из лука. Ездовые сани могли использовать и для захвата языка: воин, неожиданно подъезжая, бросал аркан и, подхватив врага, сажал его на свои сани. На ездовых же нартах отгоняли стада противника, врезаясь в гущу оленей и гоня тем самым животных в нужном направлении, что корякское предание рассматривает как типичное. С нарт же могли стрелять из лука и бросать копье³.

Записка от 1769 г. о народах Якутского ведомства рассказывает, что чукчи и коряки «скотоводствуют оленьми и на оных ездят зимою на санках, а в летные времена верхом на седелках об одной подпруге без стремян». Верховая езда на оленях для чукчей необычна, и совершенно ясно, что такой способ передвижения мог быть заимствован юго-западными чукчами от эвенов. Насколько часто применялась езда верхом на оленях, не ясно, ведь сами оленные чукчи и коряки считали ее «грехом». Тем не менее иногда верховая езда использовалась чукчами: в июле 1731 г. тойон Кею с несколькими сопровождавшими прибыл на переговоры с капитаном Д. И. Павлуцким верхом на оленях. Можно говорить, что обобщенно описываемые в вышеприведенной записке коряки и чукчи подверглись влиянию соседей-

¹ Нарты на охоте: Мерк 1978: 114, 119; ЭМ: 156–157.

² Тан-Богораз 1979: 98; Рубцова 1954. № 1: 29–30, § 132, 159, 211; Сергеева 1968: 86; скорость на гонках: Нейман 1871. Т. I: 15; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 121–123 (40 км за 80–95 мин. на сложной местности).

³ 1731 г.: КПЦ. № 59: 159; спешивание: Бабошина 1958. № 103: 251; обстрел русских на сопке: информация В. П. Кевкея (Анадырь, сентябрь 2013 г.); захват языка: Бабошина 1958. № 98: 239; Беликов 1982: 193; Нефёдкин 2016: 119; коряки: Богораз 1900. № 140: 371; Жукова 1988: 16–17; стрельба с нарт: Bogoras 1918. № 2: 29; Бабошина 1958. № 101: 245; Меновщиков 1974. № 42: 182.

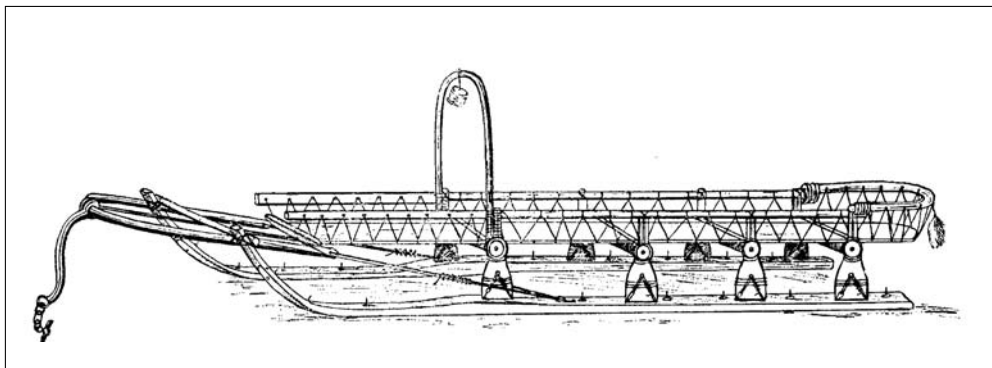
эвенов, ведь аналогичное влияние мы наблюдаем в конце XIX в. чукчей, живших на запад от Колымы, которые заимствовали верховую езду на оленях от тех же эвенов¹.

Оседлые чукчи и эскимосы использовали для передвижения нарты, запряженные собаками, — обычно кастрированными кобелями. Достаточно полное описание этих саней мы находим у К. Мерка: длина нарты составляла 5,5 футов (1,8 м), ширина — более 1 фута 4 дюймов (43 см), высота — 8–10 дюймов (21–27 см); сиденье в виде четырехугольной рамы с поперечными планками и бортиком сзади размещалось на 7–8 копыльях; 3–7 собак впрягали по фронту с отдельным потягом у каждой². К концу XIX в. этот способ запряжки вышел из употребления — запрягать собак стали цугом. В последней четверти XIX в. применяли более крупные нарты длиной с полозьями 3–3,5 м и общей высотой 1 м с 3–4 копыльями с каждой стороны. Эти нарты делались из березы и скреплялись ремнями. Ездок-каюр сидел на шкуре белого медведя или оленя посередине нарты и держался левой рукой за специальную дугу, предназначенную для балансировки, собаками он управлял правой рукой с помощью палки-остола, имевшей на верхнем конце металлические кольца, позвякивая которыми, он направлял собак в нужную сторону. Остол служил и тормозом: им упирался в землю, а при недовольстве ездока собаками эту палку даже запускали в нерадивое животное. Для уменьшения трения полозья поливали водой, которую носили в специальной кожаной фляге, отчего на полозьях образовывался ледяной покров. 10–12 собак впрягали в такую нарту цугом попарно. Собачья упряжь состояла из горизонтальной петли-лямки с наспинным и подбрюшным ремнями. Постромки пристегивались к центральному ремню-подтягу. Никакой узды не было. Для предохранения на лапы животных могли надевать специальные кожаные обувки³.

¹ Записка: Окладников 1948: 34; езда верхом — грех: Беретти 1929: 72; бытие Кею: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 10 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 67 об.; Нефёдкин 2016а: 115, 195–196; ср.: Кибер 1824: 97; 1827: 197; Гурвич 1983: 101; езда верхом у заколымских чукчей: Иохельсон 1900а: 190.

² Мерк 1978: 119–120. По замечанию А. Ф. Кибера (1824: 125), собаки запрягались в 4–6 рядов (ср.: Сарычев 1952: 185). В середине XIX в. количество собак в нартах приморских жителей колебалось от двух до десяти (Ноорер 1853: 42; ср.: Норденшельд 1936: 185: 4–12 собак), а в 1920 г. в грузовой нарте было более 15 собак с несколькими жожаками (Амундсен 1929: 263).

³ Норденшельд 1936: 308–309; Богораз 1991: 46–47; Каллиников 1912: 163–165; Левин 1946: 90–91; Меновщиков 1959: 55–57; Рытхэу 2004: 100, 102; Леонова 2014: 103.

Нарта для собачьей упряжки (рубеж XIX–XX вв.). На четырех парах копыльев лежат поперечные планки, на которых устроен настил из двух досок; борта созданы перевитым ремнем. Посередине нарты имеется дуга для управления, за нее же можно держаться, около дуги находится палка-остол. Нарта обычно изготавливалась из березы и скреплялась ремнями. Длина полозьев — 3,5 м, высота стоящей дуги — 1,2 м. Воспроизведено по: Богораз 1991: 43, рис. 21а.

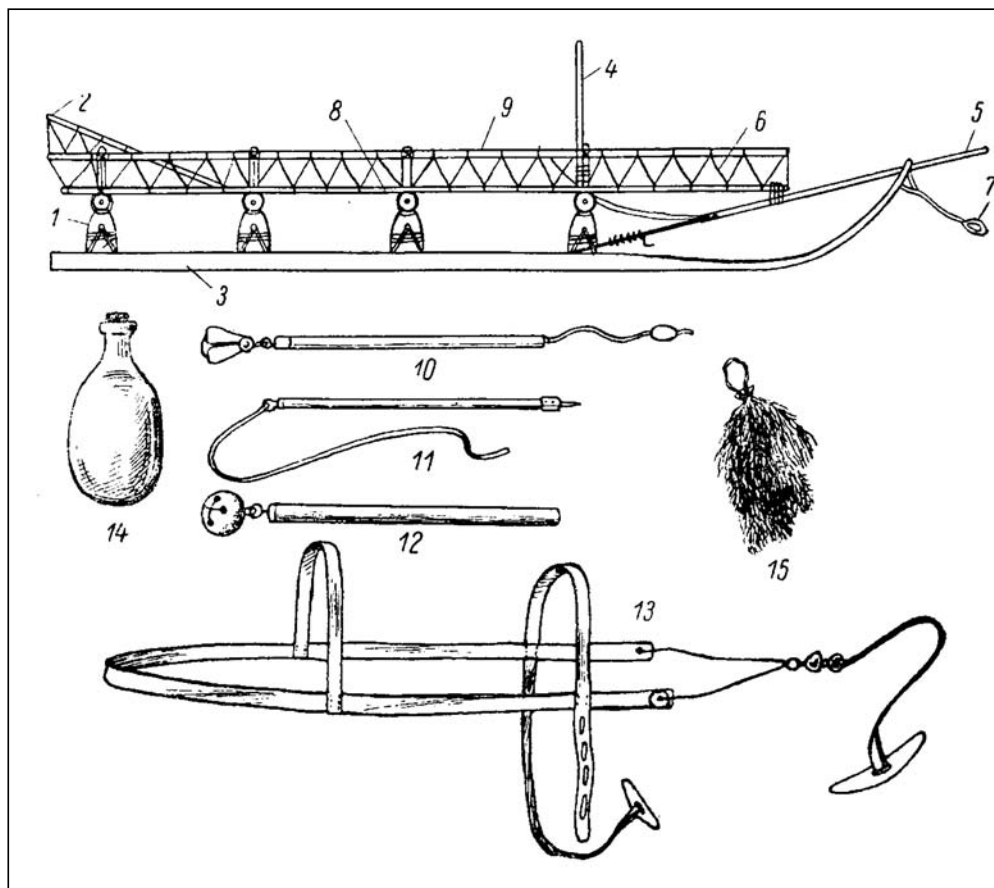
Если сопоставить собачьи и оленьи нарты, то увидим, что на коротких дистанциях собачьи упряжки медленнее оленьих, но на длинных — быстрее вследствие большей выносливости собак. Причем даже три собаки могли спокойно везти на нартах двух человек. Однако при глубоком рыхлом снеге езда была трудна для собак — для создания пути впереди шел лыжник. В среднем собачья упряжка проходила 4–5 км/ч, а за день — более 30–40 км, при легком грузе и хороших собаках в сутки можно было проехать 100–200 км¹.

По археологии известен костяной блок от собачьих нартов, найденный на юго-востоке Чукотки в материалах пунукской культуры (VI–XVI вв.). Соответственно, собачьи нарты считаются более древними, чем оленьи. У самих же чукчей собачьи нарты появились позднее оленьих, поскольку сами термины, относящиеся к собачьим нартам, считаются заимствованными от оленьих².

Летом чукчи на санях не ездили — нарты были достаточно хрупкими, а олени не такими крупными и выносливыми, как у эвенов.

¹ Преимущества собачьей упряжки ср.: Орлова 1929: 105; три собаки: Хаугаард 1880: 88; скорость: Кенан 1871: 107; Майдель 1894: 477 (60–70 верст в день); Олсуфьев 1896: 147–148; Слюнин 1900: 507; Беретти 1929: 62–65; Норденшельд 1936: 105, 308–309; Богораз 1991: 43–52.

² Археология: Диков 1979: 222; ср.: Орехов 1987: 156 (упряжные собаки с первой половины I тыс. н. э.); собачьи нарты древнее: Василевич, Левин 1951: 78; Гурвич 1983: 108; термины для нартов: Вдовин 1950: 81; 1976: 240; ср.: Тан-Богораз 1933: 241, 247.

Детали эскимосской нарты, запрягаемой собаками (втор. четв. XX в.): 1 — копылье; 2 — задняя дуга; 3 — полоз; 4 — средняя дуга для держания; 5 — передняя дуга; 6 — ременная обвязка; 7 — петля для прикрепления тягового ремня; 8 — доска-сиденье; 9 — «нахлестка»; 10 — кнут с погремушками; 11 — остол; 12 — погремушка; 13 — упряжь, надеваемая на собаку; 14 — фляга для воды, чтобы смачивать полозья; 15 — кусок шкуры белого медведя, которым смачивают полозья. Воспроизведено по: Рубцова 1954: 540, рис. 39

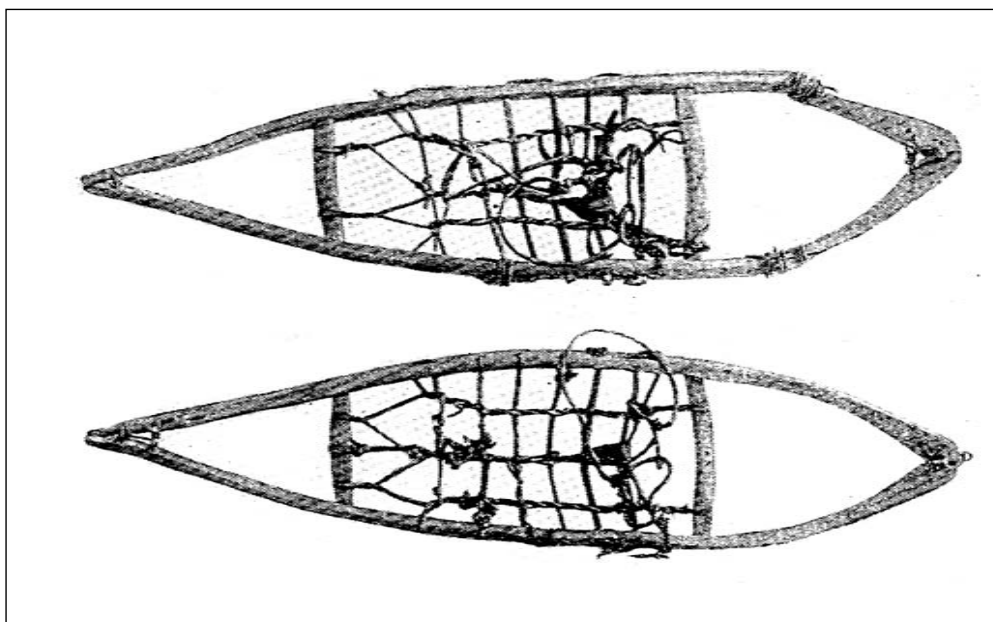
Сани, как отмечает К. Мерк, весной разбирали и укрывали от дождя моржовыми шкурами, поскольку перекочевки в летнее время не производились. Даже пастухи шли на выпас оленей, таща все снаряжение на себе¹. Поэтому и налеты на коряков в этот период в основном прекращались.

¹ Описание: Мерк 1978: 115; ср.: Вдовин 1965: 40; исключение о езде летом см.: Нутекеу 2005: 17–21; пастухи несут на себе багаж: Богораз 1991: 21.

7.2. Снегоступы, лыжи, подковы

К зимним средствам передвижения относились и средства индивидуального снаряжения: снегоступы, лыжи, подковы с шипами. Для хождения по снежному покрову употреблялись снегоступы (*вэлвэгыт* — «вороньи лапки»). Они представляли собой деревянную раму размером 60–70 см × 16–20 см, на которую была натянута ременная сетка. Судя по названию, сами снегоступы были заимствованы чукчами от эскимосов¹.

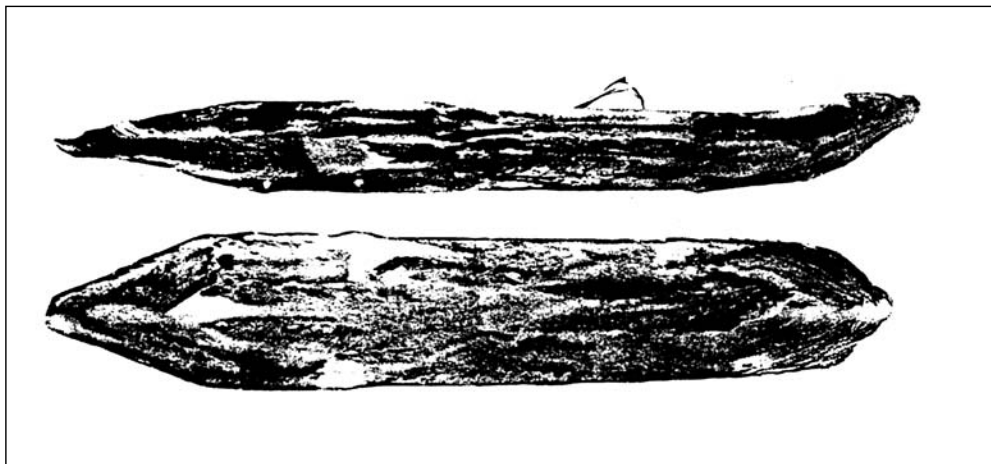
Применялись и собственно лыжи из березовых досок, обтянутых камусами и имеющих небольшой загиб спереди, длина таких лыж была несколько более 1 м. Причем и на лыжах не скользили (по крайней мере, до конца XIX в.), а ходили, опираясь на копье или на палку с обручем из китового уса или ремней, не дающих палке проваливаться в снег².

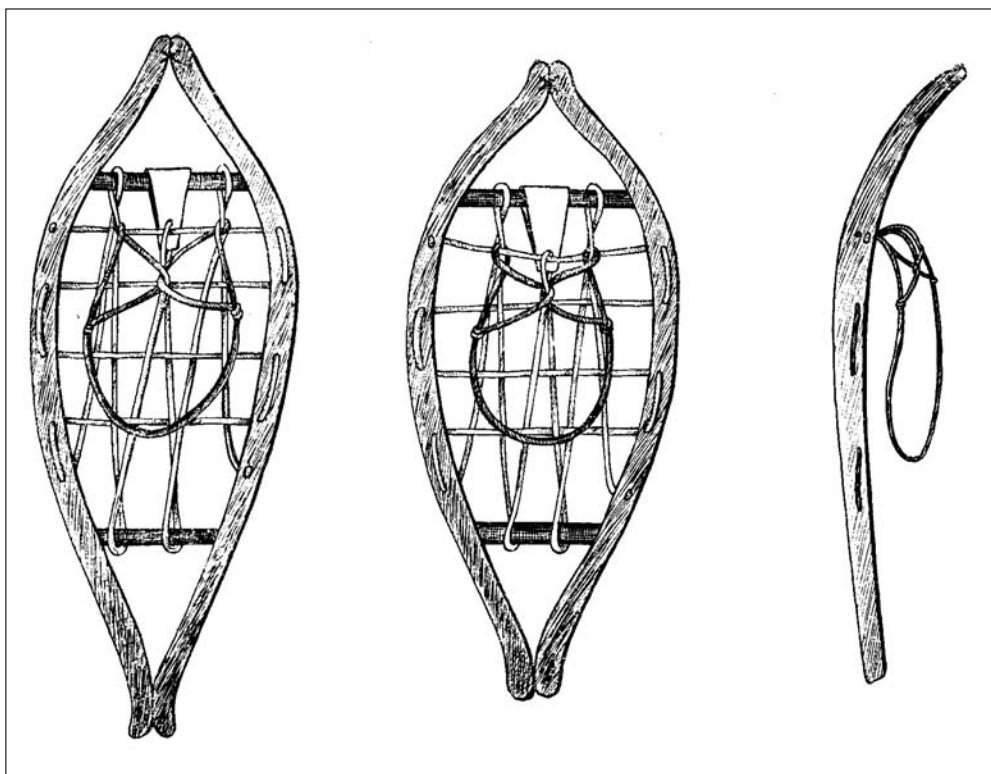
Чукотские снегоступы (конец XIX в.). МАЭ, № 407-44а, б. Воспроизведено по: Антропова 1957: 201, рис. 18

¹ Снегоступы: Богораз 1991: 194; Антропова 1961а: 81; Гурвич 1983: 108; заимствованы от эскимосов: Вдовин 1961: 44.

² Беретти 1929: 72; Гурвич 1983: 108.

Лыжи (конец XIX в.). Воспроизведено по: Богораз 1901: Табл. XI, 4, 5

Снегоступы азиатских эскимосов (вторая четверть XX в.). Воспроизведено по: Рубцова 1954: 539, рис. 37

Для спуска зимой с горы чукчи не использовали лыжи или нарты, для этого вообще не требовалось никакого снаряжения: подогнув одну ногу и вытянув другую, чукча съезжал с горки; особенно хорошо скользил нерпичий мех, когда из него были сделаны штаны¹.

Для хождения по льду чукчи подвязывали к подошве обуви специальные подковы с шипами, сделанные из моржового клыка; археологически они известны уже в позднеленинградскую эпоху (первая половина II тыс.). Подобное приспособление было распространено и у соседних этносов: коряков и аляскинских эскимосов².

7.3. Преодоление водных препятствий

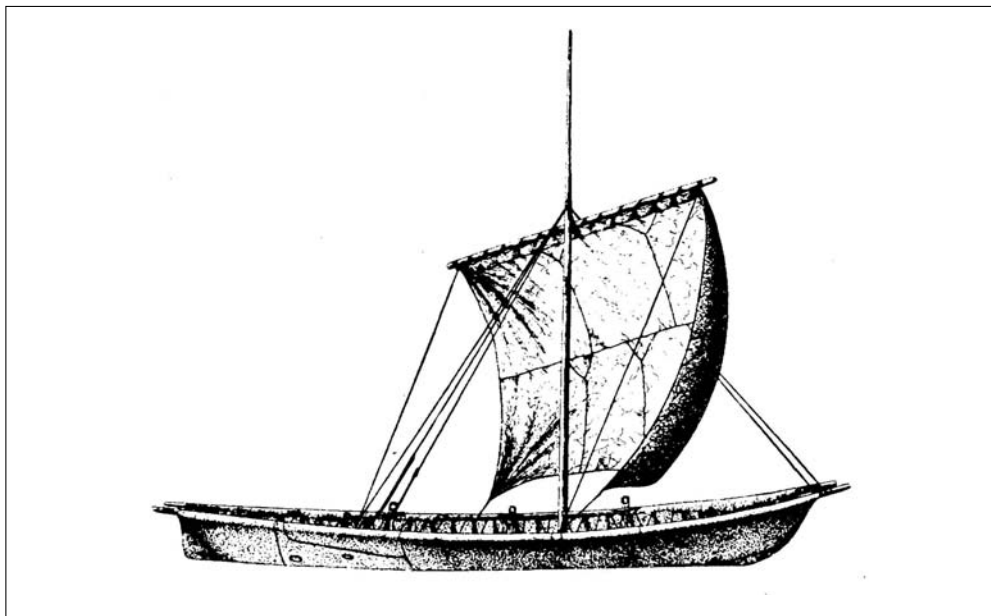
Естественно, водный транспорт активно использовали приморские жители, тогда как оленеводы или вообще не обладали им, или владели нехитрыми средствами: долбленками или плотами, предназначенными для форсирования рек. Через реки оленеводы, жившие во внутренних областях, переплывались на плотках или на связанных вместе нартах, под которыми натягивали покрывку яранги, то есть на сооружении в виде своеобразного плота, которое предназначалось в первую очередь для перевозки груза. Сам же плот мог состоять из нескольких надутых и связанных вместе нерпичьих поплавков, на которых устанавливали одну–две нарты, скрепленные между собой. Оленеводы же, кочевавшие вблизи побережья, имели байдары, которые на зиму оставляли у оседлых сородичей или, разобрав, забирали с собой на зимовье³.

Набеги и перемещение по морю производились на байдарках — лодках из нескольких моржовых кож, натянутых на деревянный (еловый или сосновый) каркас. Длина обычной охотничьей байдары (эск. *ан'япик*), в которой обычно размещалось восемь человек, была 6–10 м, ширина — 2–3 м. Покрывку, состоящую из двух–трех шкур, меняли каждый год, а при бережном использовании — через 2–3 года, поскольку она становилась хрупкой. Ее делали из шкур молодых мор-

¹ Галкин 1929: 174; Леонтьев 1976: 209.

² Археология: Руденко 1947: 95; Козлов 1956: 24; подковы: Ноорет 1853: 185; Богораз 1991: 196. Рис. 195; Бабошина 1958. № 77: 159.

³ Грузовой плот: Нейман 1871. Т. I: 22; Вдовин 1965: 41; Богораз 1900. № 131: 336; 1991: 70; плот из нерпичьих поплавков: Кузнецова 1957: 324; Гурвич 1983: 108–109; Элерт 1999: 199; байдары у прибрежных оленеводов: Дмитриев 1892. № 51: 8.

Байдара с парусом и недавно появившимися уключинами для весел (конец XIX в.). Длина 11,85 м. Воспроизведено по: Богораз 1991: 65, рис. 44а

жих, которые не леденеют на морозе. Вообще же байдару было легко разобрать и даже уменьшить при необходимости в размере. Вес такой байдары был 130–160 кг, что позволяло при необходимости ее переносить на руках. Уже в конце XVIII в. байдара имела замшевый квадратный парус, однако основной ее ход был весельный. Если ходили под парусом или везли добычу, то для устойчивости с боков корпуса привязывали надутые пузыри. Видимо, такие байдары были типичны для XVIII — начала XX в. Энмеленцы на своих байдарках даже не ставили парус. Функции восьми человек в экипаже байдары были следующими: впереди сидел человек, отталкивающий багром льдины, позади — рулевой — владелец байдары, руководитель, в центре размещались на скамьях по 2–3 гребца с короткими однолопастными веслами, крепящимися в кожаных петлях. Как отметил Н. Н. Беретти, дисциплина в байдаре была строгая: гребли синхронно, отдыхая 5–10 минут в течение часа. Байдары данного типа предназначались в первую очередь для охоты на крупного морского зверя¹.

¹ Рубцова 1954: 395, примеч. 3; Богораз 2008: 162–165. Конструкция байдары: Анкалин, Богословский 1985: 40–43; Богословский 2004: 50–56; Айнана, Татыга, Тыпыхкак, Загребин 2003: 11–45; функции экипажа: Мерк

Для дальних морских поездок и походов у эскимосских родов существовали специальные большие байдары (экс. *аюк'лѣих'так*). Такая лодка имела в длину примерно 15–20 м. В конце XIX в. байдары этого типа также имели прямоугольный парус из ровдуги. Скорость такой большой байдары была до 10 км/ч, а грузоподъемность — 4 т. Подобные байдары могли принять на борт 20–40 человек. Байдара, кроме экипажа, могла вмещать и воинов, которые сидели на дне и помогали грести, дергая за веревку на конце весла. Также мужья могли брать с собой в плавание своих жен¹.

Для путешествия чукчи, жившие по берегу Ледовитого океана, в байдару брали жирник или просто разводили огонь в ящике с песком или с дерном. Для того чтобы оружие было сухим, к верху киля байдары жители о. Св. Лаврентия привязывали особый клапан, куда

1978: 119; Беретти 1929: 57–59; Вдовин 1965: 40–41; см. также: Федорова 1984: 84; Наврот 1971: 174; КПЦ. № 63: 165; Дивин 1979: 145, 149 (свидетельство В. Беринга). По словам А. И. Аргентова (1860: 187; 1887. № 3: 45), гребцы в байдаре чаунцев стояли, — речь идет о походной байдаре с парусом длиной 12 и шириной 3 аршина (8,5 × 2 м). 8–10 человек на охотничьей китобойной байдаре: Миллер 1757: 474; Чулков 1785. Ч. 2: 625, 650; Beeshey 1832: 209; 11 человек: Черненко 1957: 132; Sauer 1802: 247; Коцебу 1948: 78, 81, 82, 88, 91; 8 человек экипажа: Шамиссо 1986: 98, ср.: 91; Шишмарев 1852: 178; Толмачев 1911: 110; Самарин 1935: 92; Леонтьев 1969: 140; Меновщиков 1988. № 99: 232; 512. Скорость байдар: Беретти 1929: 59; Свердруп 1930: 250; жены в байдаре: Богораз 1900 № 138: 370–371; парус: Сарычев 1952: 185–186; Мерк 1978: 119; Литке 1948: 222; поплавки: Литке 1948: 213; энмеленские байдары: Венстен 2012: 137; эскимосские байдары для охоты: Меновщиков 1959: 53. Для сравнения отметим, что большие байдары у североаляскинских эскимосов имели парус уже в 1838 г. (Кашеваров 1840: 138).

¹ Эскимосское название байдары: Меновщиков 1959: 54; Анкалин, Богословский 1985: 40; скорость: Норденшельд 1936: 307; ср.: большие байдары эскимосов Запада Аляски в конце XIX в. развивали скорость 6–8 узлов в час (10,8–14,4 км/ч) (Maurie 1974: 140). 40 человек в байдаре: Вдовин 1948: 64; 1987: 100; Коротаева, Харитонов 2008: 30; 30 человек: Чулков 1785. Кн. 2: 608; Белов 1952. № 102: 20–25 человек: Вдовин 1959: 42; 20–30 человек: Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 96, Ефимов 1948: 240; Стеллер 1927: 40; 20 человек: Гольденберг 1984: 128; 1985: 67, Коцебу 1948: 98; De Windt 1898: 177 (из 20 человек — треть женщины и дети); Дивин 1971: 81; до 20 человек: Вдовин 1965: 41; 15–20 человек: Андреев 1940: 157; Линденау 1983: 163; ср.: Паллас 1781: 124 (30–40 алеутов); Гондатти 1898: XI, примеч. (30–40 аляскинских эскимосов); Лессепс 1801. Т. II: 88 (25–30 коряков); Федорова 1984: 168; Геден 1994: 63 (кадьяковцы).

клали лук и колчан со стрелами. Против течения байдару могли тянуть собаки или олени¹.

Судя по русским документам, для передвижения по рекам с военными целями чукчи наряду с байдарками использовали одноместные однодеревки. Это была типично охотничья лодка длиной 3,7–5,8 м, шириной 53–70 см, высотой 53–62 см, предназначенная для передвижения по мелководным рекам и озерам. Гребля велась двухлопастным веслом или просто шестом. Такая лодка была неустойчива, когда поднимались волны, ее могло залить водой, и следовательно, она была опасна для охотника, обычно не умевшего плавать. Данные лодки в источниках именуются батами².

В русских источниках XVIII в. встречается также термин «ветка», обозначающий некий вид лодки. В Сибири веткой называлась легкая обшитая двумя слоями бересты и обмазанная смолой речная лодка, которую использовали якуты и эвенки³. Был ли у чукчей этот же вид лодки, или же это был более легкий, чем бат, вид долбленки (стружок), известный у оседлых коряков? Чукчи действительно приобретали у якутов и юкагиров небольшие деревянные лодочки для плавания по озерам и речкам. Поскольку термин «ветка» встречается наряду с байдарками, то, судя по всему, это были однодеревки или лодки из трех скрепленных между собой досок.

О первом типе лодок, используемых анадырскими промышленниками, прямо свидетельствует командир Анадырска Ф. Плениснер: «Лехкие и тонкие из одного тополевого дерева зделанные, называемые по здешнему месту ветками, по русскому названию струшки».

Г. Ф. Миллер также именовал веткой однодеревку. Такая лодка на Анадыре была длиной 4,5 м и лишь 30 см шириной и предназначалась для охоты на оленей. Геолог И. П. Толмачев (1872–1950) заметил: «Если в других районах Сибири веткой именовалась одноде-

¹ Жирник: Рытхэу 2004: 151; огонь в байдаре: Богораз 1939: 164; клапан: Веечеу 1832: 243; собаки: Литке 1948: 222; замечание о чукчах. 1835: 485; чукчи. 1835: 2338; Bush 1872: 429; Ресин 1888: 186; Гедионов 1896: 83; олени: Дитмар 1856: 34.

² Однодеревки: КПЦ. № 63: 165; № 67: 174. С. П. Крашенинников (1949: 710) отметил, что на ительменских однодеревках-батах находилось два человека (ср.: Тюшов 1906: 7), а на батах эвенов, по замечанию Я. И. Линденау (1983: 61), 3–4 человека. Неустойчивость лодки: Беретти 1929: 61; баты: Бриль 1792: 372; Антропова 1961: 107.

³ Линденау 1983: 61; Шукин 1844: 103–104; Собичевский 1892: 134; Даль 1994. Т. I: 460; см.: Давыдов 1810. Ч. I: 52.

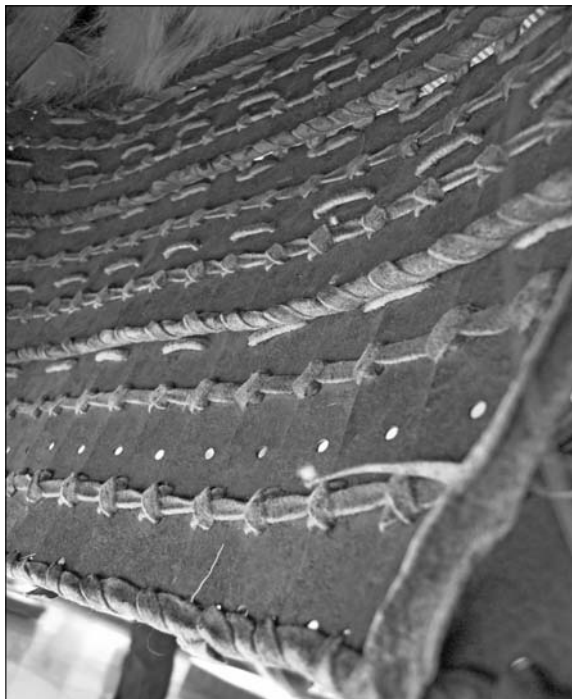
ревка, то на Колыме это была лодка из трех досок»¹. По мнению же И. С. Вдовина, ветка была однолучной байдарой, на что указывается в описании боевых действий на Анадыре в 1751 г., где упомянуты «ветки кожаные с решетками деревянными»². Подобное словоупотребление, очевидно, свидетельствует о расплывчивости терминологии.

Приморские жители использовали во время военных действий и каяки — однолучные байдарки для одного человека. Их длина была 1,8 м, ширина 70 см, высота до центрального обруча — 20 см. Эта типично охотничья лодка могла лишь по случаю применяться в военное время. Поскольку в ней гребец держал двухлопастное весло обеими руками, то с нее было неудобно сражаться и для боя воин должен был спешиться³.

¹ Приобретение лодок у якутов и юкагиров: Богораз 1991: 70; Антропова 1961: 110; цитата Ф. Плениснера: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 139; конструкция ветки: Whymper 1869: 145–146; Шкловский 1892: 44; Толмачев 1911: 38; Антропова 1961: 107; мнение: Миллер 2009: 245, 248; байдары и ветки в источниках: КПЦ. № 63: 165; № 67: 175; РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 40 об.; Нефёдкин 2016а: 270. Согласно наблюдениям А. Ф. Кибера (1823: 131–132), на Нижней Колыме ветка была одноместной лодкой, сделанной из трех досок, одна из которых служила дном, а две — боками (ср.: Гедионов 1896: 76; Спиридонов 1933: 55). Рассказывая о той же нижнеколымской ветке в 1929–1930 гг., А. А. Поляков (1983: 24) отмечает, что она выдалбливалась из ствола осины, выдерживала двух рыбаков и легко переносилась одним человеком. А. П. Сильницкий (1897: 26, примеч.) также называет «веткой» лодку, сделанную из досок, в которой помещался один человек. Об анадырской деревянной лодке см.: Bush 1872: 384.

² Стружок коряков: Антропова 1971: 83; о байдарках: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 77 об.; Вдовин 1965: 124; Нефёдкин 2016а: 129.

³ Каяки: Беретти 1929: 60; Анкалин, Богословский 1985: 40; Леонова 2014: 25–26 (байдарка *пылыкык*); высадка: Меновщиков 1985. № 56: 127.

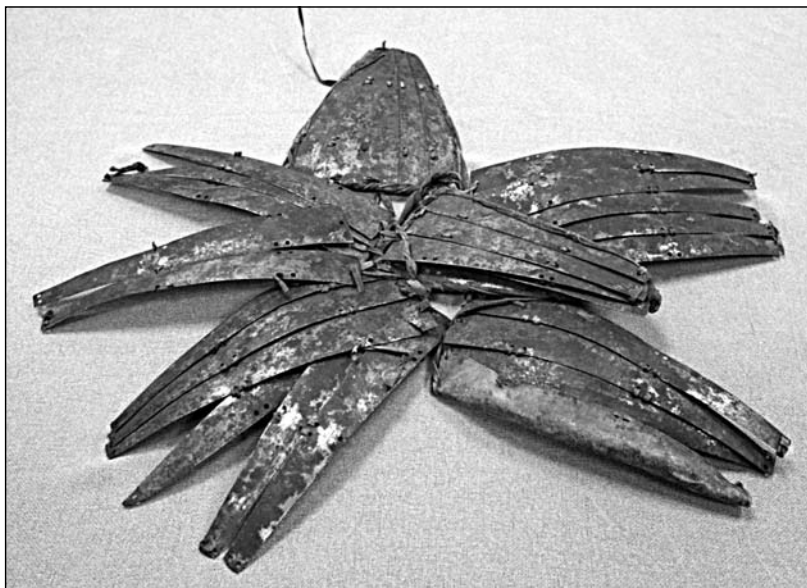
Корякский доспех, который использовался южными чукчами в середине — второй половине XVIII в. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1625, Э-314). Слева — внутренняя сторона подола; внизу — наспинник. Фото автора в сентябре 2013 г.

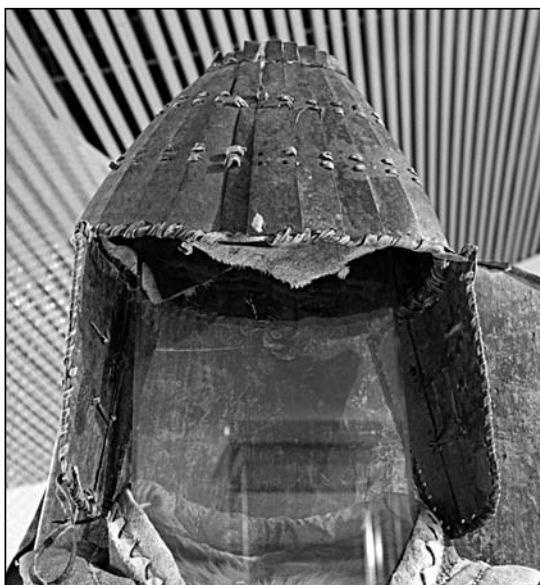

Корякский доспех, который использовался южными чукчами в середине — второй половине XVIII в. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1625, Э-314). Наряду с панцирем, шлемом и колчаном, переданными в музей еще в 1973 г. (ЧОКМ-1625–1627, Э-314 316), в этот комплект, видимо, входит и тесак, еще не переданный в музей (Тынеру 2005а: 50). Шлем в экспозиции заменен на лучшем сохранившийся аналог (ЧОКМ-2863, Э-477). а–б) общий вид комплекта спереди и сзади на музейной экспозиции; в) нагрудник; г) пластинчатый подол. Фото автора в сентябре 2013 г.

Развалившийся шлем, входивший в комплект с доспехом, хранящимся в Музейном центре «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1627, Э-316). Шлем был захвачен Кунлелю у коряков в середине — второй половине XVIII в. и передан потомком героя С. М. Рыватау в музей в 1973 г.

Пластинчатый шлем из предметов, принадлежавших оленеводу Ю. П. Эвныто из Мейныпильгино и переданных музеем в 1977 г. Шлем состоит из 24 пластин длиной 19,5 см и шириной 3 см, соединенных ремешками из дымлены. Наушники длиной 14,5 см образованы тремя пластинами. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-2863, Э-477)

Железный шлем с медным ободом. Согласно музейной описи, шлем принадлежал оленеводу Ю. П. Эвныто (1917–1967), бывшему в 1950-х годах председателем сельского совета. В 1960-х годах он передал два шлема, доспех и колчан в школьный музей, в 1977 г. предметы были приобретены анадырским музеем. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-2864, Э-488)

Шлем, скованный из железных пластин общим весом 2,2 кг. Приобретен в 2009 г. в Алькоатвааме, поселке на юго-востоке Чукотки, у М. В. Торынто. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1711, Э-379)

Стрелы разных типов из частной коллекции А. Эттувье (Анадырь). Колчанный набор достался А. Эттувье от отца, пастуха Ульвэвтэгина (1925–1977), жившего на реке Энчеквэ-эм в Тавайваамской тундре, а тому — от его предков. Описание составлено З. Ф. Тагрыт-вааль. Сверху-вниз — стрела длиной 80,5 см и весом 105 г с составным наконечником: железное острие (22 см) вставлено в муфту из моржовой кости (17 см) и закреплено гвоздиком; оперенье — одно перо; стрела длиной 83,3 см и весом 65 г с шипастым наконечником из кости (?) длиной 24 см; стрела длиной 74,8 см и весом 60 г с двухшипным наконечником из кости (?) длиной 18,5 и шириной 2,5 см; стрела длиной 73,4 см и весом 50 г с трехгранным шиловидным наконечником длиной 17 см; стрела длиной 74 см и весом 45 г с четырехгранным железным наконечником длиной 9 см; стрела длиной 83 см и весом 70 г с длинным железным наконечником длиной 23 см

Стрелы с железными вильчатыми наконечниками из частной коллекции А. Эттувье (Анадырь). Описание составлено З. Ф. Тагрытввааль. Сверху-вниз: стрела длиной 63,5 см и весом 65 г с наконечником длиной 16 см и расстоянием между зубцами 2,6 см; древко обломано; стрела длиной 73,5 см и весом 65 г с наконечником длиной 13 см, закрепленным в муфте из оленьего рога длиной 5 см и диаметром 0,9 мм; 15 насечек на древке; стрела длиной 74 см и весом 95 г с наконечником длиной 15,5 см и расстоянием между зубцами 4 см крепится в муфте-кольце из оленьего рога; чехол для наконечника из замши; стрела длиной 80,1 см и весом 95 г с наконечником длиной 17 см и расстоянием между зубцами 4,4 см; стрела длиной 76 см и весом 95 г с наконечником длиной 16,5 см и расстоянием между зубцами 5,5 см; на древке насечки

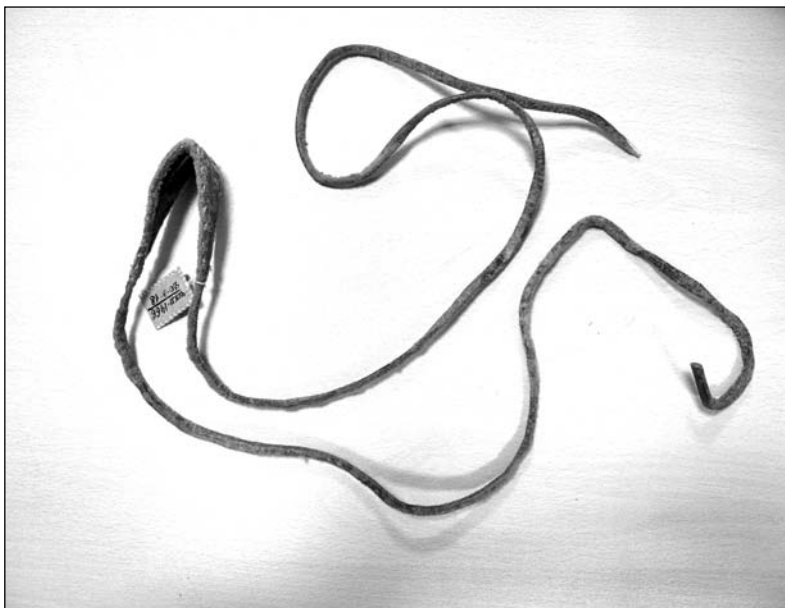
Колчан размером 81,5 × 22 см из частной коллекции А. Эттувье (Анадырь). Сбоку вставлен китовый ус как держатель формы

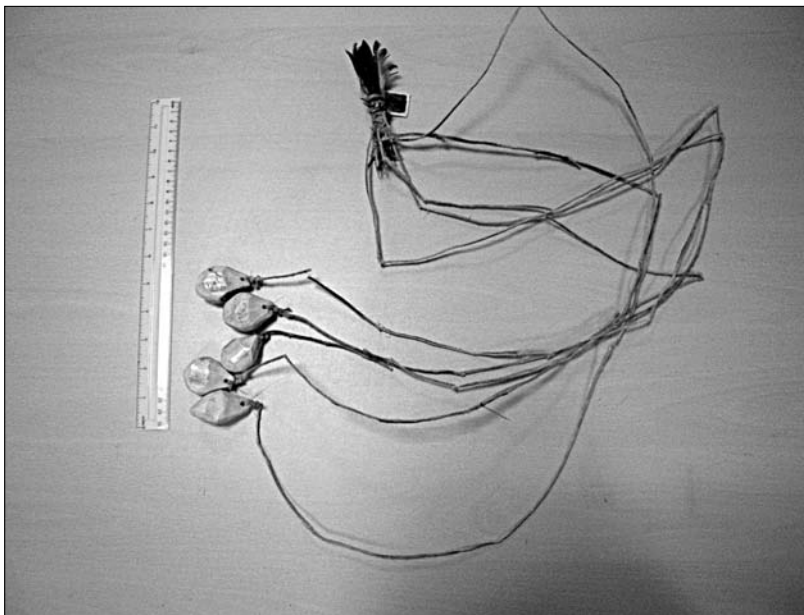
Щиток для защиты запястья, из моржового клыка, шириной 2,7 см, длиной 12,5 см, с двумя отверстиями для крепления ремешка. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-4067)

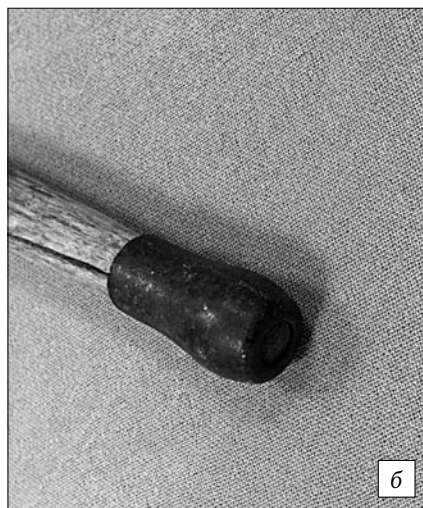
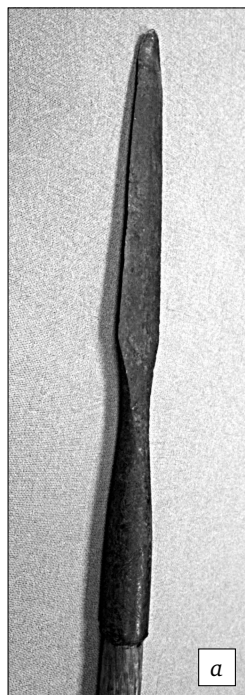
Праща, сделанная из лахтачъей кожи эскимосом Амаму (1914 г. р.) в Новом Чаплино в 1958–1959 гг., имеет ромбообразную закладку длиной 22 см и максимальной шириной 3,2 см, с разрезом 10 см длиной, подтяг с меховой кисточкой длиной 65 см, а с петлей — 71 см. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-3765, Э-578)

Праща, сделанная пастухом совхоза «Анадырский» (с. Снежное) Николаем Омрылкотом в 1970 г., скроена из одного куска лахтачьей кожи с удлиненной закладкой размером 15×4 см с разрезом в 7 см, с подтягами длиной 71 и 79 см. Музейный центр «Наследие Чукотки» (ЧОКМ-1466, Э-124)

Пятихвостовая бола. Музейный центр «Наследие Чукотки» (МЦНЧ-2236)

Копье с железным наконечником и втоком, хранящееся в Музейном центре «Наследие Чукотки» (МЦНЧ-9458; вторая половина XIX — первая половина XX в.). а) наконечник копья, б) вток

Глава III

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

1. ВОЙНА И МИР

1.1. Причины войны

Причины войны чукчей с различными этносами были разными, но более ранними причинами столкновений были социальные: споры, похищение женщин, ссоры с летальным исходом и следовавшая за этим кровная месть. Также в раннюю эпоху военные действия могли начаться и из-за споров об охотничьих угодьях, что особенно часто встречалось у приморских жителей во время их промысла на байдарках. Также байдара в сложных климатических условиях могла заплывать на чужую территорию, и тут ее захватывали, подчас экипаж убивали, из-за чего приморские жители враждовали между собой¹. Поводом для начала враждебных действий служило и грубое нарушение установленных обычаев норм поведения, таких как, например, убийство посланника. Все эти и подобные конфликты выливались затем в кровную месть, которая и была обычной причиной для последующей вражды².

¹ Бабошина 1958. № 67: 164–167; Сергеева 1962: 82–85; 103–104; Меновщиков 1985. № 56: 125–127; 1987. № 1: 25–27; Нефёдкин 2016: 187, 226–228; ср.: Крупник 2000: 437.

² Убийство посла: Бабошина 1958. № 100: 242; Нефёдкин 2016: 146; кровная месть — причина вражды: Воскобойников, Меновщиков 1959: 437; 1974. № 19: 106–107; № 30: 135–136; № 83: 293; 1988. № 99; 100; 130.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. чукчи вели войны против нижнеколымских и анадырских казаков, упорно пытавшихся наложить на них ясак и взять аманатов, призывая в российское подданство, то есть война приобрела политический характер. Взаимоотношения русских и чукчей в последней трети XVII в. ясно обрисованы в челобитной юкагиров пятидесятнику М. Колесову из Нижнеколымского острога (1680 г.): «А к нижнему ясачному зимовью немирные люди чюхчи прикочевали и живут от зимовья во днище, а караулят русских людей и ясачных, и как кого схватают, и тех людей всякими разными муками мучат, а в достале смертью позорную кончают». Чукчи были не лучшего мнения о служилых — вот как в чукотской сказке описывается их поведение во время сбора ясака: «Плохое время это было. На берегу лимана стойбище большое стояло. Часто приходили туда таньги со страшными лицами. Громко кричали они. Требовали, чтобы люди стойбища на них работали и всю добычу от охоты им отдавали»¹.

В XVIII в. причины войны изменяются — появляются еще корыстные (экономические) мотивы. Так, согласно истории о чукче Кеньюлине, последний разбогател, торгуя захваченными у россиян железными изделиями. Оленный чукча Рэмкилен в 1896 г. так рассказывал об этом герое прошлого: «Не было в старину у наших железа, а русские не хотели торговать с ними и продавать им железо. И нападали наши на русских людей и на русские жилища. Из-за железа убивали людей. А котлы и ножи брали себе. Был на Анадырской стороне чукча Кеньюлин, великий воин, сильный человек. Он залег дорогой у самого селения русских и сторожил проезжих людей. Кто проезжал мимо, того Кеньюлин убивал стрелой из засады, ... а котел и нож, копье и топор уносил с собой. И торговал Кеньюлин железом среди чукчей и стал богат». Действительно, с 1675 г. на продажу оружия потенциальным врагам Российской империи существовал запрет, что и вызывало у чукчей дефицит железных орудий и оружия. Даже в конце XVIII в. ситуация не изменилась. 27 октября 1791 г. вновь присоединившиеся к сухопутной экспедиции И. Биллингса молодые чукчи, «прельстясь большими сумами с табаком, бисером и разными железными вещами, усмотренными ими у капитана Биллингса, вознамерились убить как его, так и прочих россиян, чтоб завладеть всеми оными вещами, почитаемыми у них за сокровища», но старейшины отговорили молодежь от злого умысла, указывая на то, что гижигинские и колымские команды нападут на них, корабли разгромят прибрежные селения, а

¹ Документ 1680 г.: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 3–4: 9; Нефёдкин 2016б: 77–78; цитата из сказки: Козлов 1956: 27.

поступление табака и железных изделий прекратится. В конце 1796 г. ссыльный польский бригадир Юзеф (Иосиф) Копец, едучи из Камчатки в Гижигу, отмечал: «Приходилось ехать вблизи земли чукчей, которые постоянно нападают и грабят москалей и сибиряков»¹.

В XVIII в. шла перманентная война с кочевыми коряками из-за оленьих стад. Как доказывает И. С. Вдовин, вплоть до начала этого столетия чукчи соприкасались с коряками только в устье Анадыря (по течению самой реки их разделяли обитавшие тут юкагиры), лишь активное участие коряков в русских экспедициях начиная с 1702 г. привело к началу коряко-чукотских войн. Однако тут же следует оговориться, что редкое юкагирское население на данной реке вряд ли могло служить каким-то барьером для походов чукчей на коряков, ведь в сказаниях последних еще в конце XVIII — начале XIX в. имела информация об истреблении чукчами коряков, за исключением нескольких семей, еще до прихода в край русских, во время первой войны. Еще в середине XVIII в. купец Н. П. Шалауров конкретно возлагал ответственность за набеги на коряков на корыстных предводителей анадырских чукчей. Эти набеги велись на кочевых коряков, тогда как с оседлыми ко взаимной выгоде чаще торговали. И. С. Вдовин полагал, что первый набег чукчей на оленных коряков произошел в 1720 г. Впрочем, согласно показаниям оленного коряка Белоглаза от 5 апреля 1717 г., чукчи напали на пахачинских коряков и перебили у них оленей². Поскольку оленные коряки были к этому времени ясачными, то за них, как за своих подданных, вступилось российское государство, пославшее ряд экспедиций с целью приведения к покорности чукчей. Вот как охарактеризовал положение капитан Т. И. Шмалев в своей записке (1778 г.): «Чукчи с верноподданными Ее Императорского Величества коряками с давних пор имели несогласия: друг на друга ходили походами и чинили смертные убийства и грабежи, чем российским воинским людям, обязанным защищать коряков, навели беспокойство». Однако анадырская команда не могла успешно противостоять набегам чукчей из-за больших расстояний и площа-

¹ События 1791 г.: Сарычев 1952: 236, 254; Sauer 1802: 246–247; о чукче Кеньюлине: Богораз 1900. № 149: 392; Нефёдкин 2016: 50; цитата Ю. Копца: Копец 1896: 1004; запрет на продажу оружия: Иванов 1979: 202; Багрин 2013: 206.

² Мнение: Вдовин 1944: 261. Б. О. Долгих (1960: 554) насчитывает юкагиров на территории от Лены до устья Анадыря менее 5000 человек. Корякские предания: Мамышев 1809: 22; Нефёдкин 2016б: 232–238; ср.: Беретти 1929: 5–6; Шалауров: Белов 1954: 179; показания Белоглаза: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 26; Нефёдкин 2016а: 48; 1720 г.: Вдовин 1950: 83; см.: Nul... 1866. № 17: 4; Нефёдкин 2016а: 48; contra: Гурвич 1982: 202; см.: Зуев 2002б: 248.

дей, которые служилые должны были контролировать. Обычно они несли караул, препятствовали переходу чукчей через Анадырь или, наоборот, догоняли налетчиков. Вражда чукчей и коряков зашла так глубоко, что проецировалась и на загробный мир: гижигинские коряки в марте 1777 г. объяснили Т. И. Шмалеву красные пятна на небе во время северного сияния тем, что это кровь их предков, которые на небе сражаются на копьях с чукчами¹.

Так продолжалось до 1771 г., когда анадырский острог был окончательно упразднен, и чукчи в поисках новых пастбищ стали беспрепятственно переходить Анадырь и селиться на южных территориях, где жили коряки. Хотя сами чукчи подчас утверждали, что они ходили в походы на коряков ради добычи оленей, но они делали это и для захвата пастбищ. Вот как описывалась ситуация в записке из канцелярии Второй камчатской экспедиции генерал-майору Х. Киндерману (1750 г.): «И всегда они, чукчи, ищут того, чтоб коряк всех искоренить; и от начала житья их всегда ссоры за то, что во всей их Чюкоцкой земле для оленей их дворовых кормов скудно и лесу никакого роду нет, и в том им крайняя обстоит нужда. ... А у ясашных коряк земля привольная к житью и к содержанию оленей, и лесами, и кормом; и для того те чукчи ищут, чтоб местами их, коряцкими, завладеть»². В результате отхода оленных коряков на юг чукчи занимали пастбища к югу от Анадыря.

После 1771 г. северо-восточная часть кочевых коряков осталась один на один с врагом, тогда как другие на зиму (самое опасное время) прикочевывали к Гижигинской крепости, полагаясь на то, что в случае нападения чукчей русские придут им на помощь. В 1770-х годах отряды служилых рассылались из острога для охраны стойбищ коряков от чукчей. Лишь в 1781 г. гижигинские власти договорились с «носовыми» чукчами о прекращении нападений на коряков, а последние отважились откочевать от Гижигинской крепости к Анадырю и

¹ Защита русскими коряков ср.: Из Иркутска... 1814: 3; цитата Т. И. Шмалева: Шаховской 1822: 307; караул анадырцев: Шашков 1864: 77; ср.: Линденау 1983: 103; Белов 1954: 180–181; объяснение 1777 г.: Алексеев 1958: 56; Нефёдкин 2016а: 361–362. В 1960-х гг. чукчи-оленоводы объясняли северное сияние тем, что кэле разжигают большой костер на радостях от того, что кто-то из чачу ушел к верхним людям (Костенецкая 1973: 215).

² События 1771 г.: Вдовин 1962: 154–155; Нефёдкин 2016б: 218–224; цитата: Дивин 1979: 58; ср.: 257; РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 30 об. (о намерениях чукчей в 1764–1767 гг.); № 539, ч. 2, д. 6, л. 89 (1768 г.); Вдовин 1965: 67; 1970: 22–23 (песнь Наихйю); Иохельсон 1997: 223; Зуев 2009: 366–367; Нефёдкин 2016а: 143–144, 244; 2017: 374.

на Камчатку лишь в 1800 г.¹ Однако если крупные набеги прекратились, то вражда не забылась. В 1808 г. камчатский комендант генерал-майор И. Г. Петровский утверждал, что чукчи «беспреданно почти дерутся со своими соседями, оленными коряками, по древней, какой-то непримиримой вражде». Позднее, в 1867 г., Г. Майдель отмечал: «Кровавые стычки давно уже не случаются, но всякого рода грабежи и воровство в ходу в таких местах, в которых лагеря чукотские расположены вблизи корякских стойбищ, и поэтому они стараются жить подальше друг от друга»². Таким образом, еще в середине XIX в. в приграничной территории случались небольшие грабительские налеты на соседних коряков, поэтому оба народа предпочитали иметь между собой нейтральную полосу земли.

Согласно юкагирским преданиям, в более древние времена (до середины XVII в.) лишь алаи воевали с чукчами, а омоки и колымцы не сталкивались с ними. Однако нижнеколымские предания сообщают, что чукчи по крайней мере один раз совершили морской набег, проплыв из Колымы в Омолон³. Чукчи нападали на юкагиров с целью грабежа, увода в плен женщин и детей, угона оленей. Согласно чуванской легенде о Лале, на последнего чукчи нападали, позарившись на запас его пушнины. Реестр награбленного в ходе набега на чуванцев и ходынцев имущества ясно показывает, что чукчи уносили во время налета (1754 г.): оружие, инструменты, котлы, табак, одежду, головные уборы, обувь, покрытия чумов, лыжи, нарты, оленей. В том же предании о Лале чукчи, убив его отца и братьев, увели мать, заставив ее нести жерди от своего чума-урасы — дерево высоко ценилось в безлесой тундре⁴.

Вот как описывает войну с чукчами чуванская традиция: «Чукчи, зная удалство чуванцев, все приноравливались, как бы убить их хитростью, напав врасплох, или в ночное время, или когда замечали их

¹ Защита служилыми коряков: Гурвич 1966: 110; 1800 г.: Шаховской 1822: 288.

² Мнение И. Г. Петровского: Семивский 1817: 77, примеч. (вторая пагинация); ср.: Лессепс 1801. Ч. II: 155; мнение: Майдель 1925: 25.

³ Алаи: Иохельсон 1900а: 186; 1900. № 96: 210–211; Гурвич 1966: 53; Курилов 2005. № 1–5: 127–191; набег чукчей на Омолон: Богораз 1902. № 5–6: 163–164; Нефёдкин 2016: 300–301.

⁴ Реестр 1754 г.: Гурвич 1957: 249–262; также о добыче см.: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583–583 об.; Мерк 1978: 120; Дьячков 1893: 37–38, 133; Bogoras 1918. № 23: 95–97; Нефёдкин 2016: 312–315; 2016а: 99–100; легенда о Лале: Bogoras 1918. № 22: 90; Нефёдкин 2016: 309.

в небольших партиях...» Напав и вырезав всех, чукчи скрывались еще до прихода на помощь русских. Война с юкагирами приводила к постепенному их истреблению, и в 1763 г. подполковник Ф. Х. Плениснер отметил, что юкагиры по Анадырю и Яблоновой реке все перебиты чукчами, а их жены уведены в плен. По свидетельству капрала Г. Г. Шейкина, 80 последних юкагиров, живших в 15 верстах (16 км) от Анадырска, были уничтожены чукчами в 1756 г., а оставшиеся 10 женщин были переселены в острог¹.

С эвенками чукчи сталкивались примерно с 1820-х гг., когда чаучу продвинулись к востоку и югу от Чауна для выпаса своих разросшихся в числе стад. В эвенском сказании эти столкновения описаны так: «Чукчи и эвены враждовали, охотились друг за другом, стреляли друг в друга и беспощадно рубились мечами». Естественно, это — эпическое воспоминание о прошлом, тогда как в других сказаниях речь идет о стычках в глубине тундры и в тайге². Эти столкновения приводили к взаимной неприязни двух этносов. Противоречия происходили и из-за охоты эвенов на оленей, ведь они подчас охотились на домашних оленей чукчей как на дичь, хотя уже во второй половине XIX в. чукчи смотрели на эту «охоту» сквозь пальцы, поскольку понимали, что их стада вытесняют с пастбищ диких оленей — основную добычу эвенов. С другой стороны, сами чукчи могли силой забирать более породистых оленей эвенов для селекции своих стад³.

С обитателями побережья Аляски и островов Берингова пролива вражда была перманентной. Причиной войны становились споры из-за охотничьих угодий, а аляскинцы подозревали, что пришельцы зарятся на их охотничьи территории. Жители Чукотки, как правило, вели наступательные войны, а аляскинцы — оборонительные, впрочем, нападения со стороны последних также случались. В конце

¹ Чуванская традиция: Дьячков 1893: 37; сведения Ф. Плениснера: Вдовин 1965: 76; данные Г. Шейкина: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; Нефёдкин 2015: 185; 2016а: 97–98; ср.: Дьячков 1893: 66.

² Цитата: Новикова 1987: 107; о столкновениях см.: Schiefner 1874: 341–343, 353–354 (№ 31–32, 35, 53–54); Майдель 1894: 67–68; Bogoras 1918. № 2: 28–29; Антропова 1957: 182–183; Антропова 1957: 182–183; Новикова 1987: 107–108; Роббек 2005: 270–282; Бурькин 2007: 376–377 (№ 31, 32, 35), 380 (№ 53); Терлецкая 2006: 9–10; Нефёдкин 2016: 284–292; 2016б: 310–316.

³ Понимание чукчами причин ламутской охоты на домашних оленей: Богораз 1931: 48; Тан-Богораз 1933: 242–243; селекция оленей: Нейман 1971. Т. 1: 16; Роббек 2005: 270–271, 282; Нефёдкин 2016: 349 (№ 58).

Нападение на приморское поселение. Изображение на моржовом клыке из Аляски. Музей антропологии Фиби Херст (Беркли, Калифорния), негатив 2-146. Воспроизведено по: Burch 1998: Pl. II

XVIII в. азиаты практически ежегодно совершали свои набеги¹. Эти постоянные враждебные отношения прерывались периодами торговли. В 1840 г. был произведен набег на эскимосов острова, вероятно, Св. Лаврентия, в Беринговом проливе. Это, по существу, был один из последних значимых по местным традициям набегов².

Поскольку чукчи нуждались в товарах американцев, особенно в мехах и деревянных изделиях, то с последними велась торговля. Приморские чукчи и эскимосы плавали для торговли на острова Берингова пролива и на Аляску. Эта торговля в XVIII в. еще не выделилась в отдельную отрасль, а была своеобразным торгом-набегом, причем чаще набегом, чем торгом, ведь последний мог тут же перерасти в столкновение как из-за ссор, так и из-за желания одной из сторон пограбить, воспользовавшись благоприятным моментом. Поэтому, не доверяя другой стороне, азиаты отправлялись на торг в большом числе и с оружием³. И. Кобелев описывает, как эскимосы

¹ Споры за охотничьи угодья: Sauer 1802: 103; Галкин 1929: 72; Богораз 1934: 174–175; Rasmussen 1952: 145; Меновщиков 1980а: 215. § 107–141; 1985. № 133: 324–327; территории: Hickey 1979: 419; азиаты-агрессоры: Rasmussen 1952: 145; Швайцер, Головкин 2001: 31; Sheppard 2009: 48; ежегодные набеги азиатов: Словцов 1856: 20; в общем см.: Нефёдкин 2016б: 279–285; Nefëdkin 2017: 113–120.

² Арентов 1857а: 37; 1886: 30–31; 1887. № 2: 21; Антропова 1957: 178; Нефёдкин 2016б: 300–301; Nefëdkin 2017: 131–132. Согласно мнению уэленских чукчей (1924 г.), войны в Берингоморье между азиатами и американцами закончились 100 лет назад (Галкин 1929: 72). И. С. Вдовин (1987: 43) утверждал, что тут мир установился к началу XIX в. Американские исследователи более осторожно датируют последний набег азиатов на аляскинцев первой половиной XIX в. (Sheppard 2009: 49, 59, п. 3; ср.: Fienup-Riordan 1990: 155; 1994: 328; Нефёдкин 2016б: 294–298; Nefëdkin 2017: 129–135).

³ Записка... 1858: 103; Врангель 1948: 180. Нападение ради наживы на американскую шхуну, произведенное азиатскими эскимосами в середине XIX в.,

встречали байдары сибирян на о. Кинг (Укивок) в Беринговом проливе (1791 г.): «Те укипанцы, усмотрев нас еще в море, что наши байдары остановились, оделись в кюаки, в руках копыя, луки и стрелы на тетивах... у тех укипанцев всегда обращение таковое...» К. Мерк подобным же образом описывал эту торговлю: «Жители о. Окипен встречаются, по своему обычаю, чукчей в доспехах, с луком, стрелами и ножами, так же провожают они их при отъезде». У азиатских эскимосов и приморских чукчей была застарелая вражда с жителями островов и Аляски. Еще в 1816 г. один из приморских жителей, увидев изображение эскимоса с лабретками в нижней губе, воскликнул: «Где бы я ни встретил такого человека с двумя костями, то я пронзил бы его!»¹

И. С. Вдовин указывает на мирные отношения оленных чукчей с азиатскими эскимосами в XVII–XVIII вв., поскольку он не нашел данных об их вражде. Однако в более раннее время войны, естественно, велись, о чем сохранилась информация в фольклоре². Вот как, к примеру, эскимосская сказка описывает торговлю западных оленных чукчей с восточными оленеводами и оседлыми жителями: «Встретились с людьми западной стороны, радушно их приветствовали. Друг с другом едой обменивались, разные вещи дарили, новости рассказывали. Отдохнули, открыли обмен.

Береговые и тундровые люди северной стороны привезли для обмена шкуры зверей, ремни, подошвы и топлёный жир.

Люди западной стороны привезли для обмена железо, ножи, котлы, табак, чай, оленью рухлядь. Перед обменом, по обычаю противников, двух оленей друг против друга поставили, затем приготовились колоть. Чей олень головой в сторону противников упадет, тот первым должен начать войну в случае ссоры. Вот двое людей вонзили копыя в оленей. Олень нашей стороны упал на месте, повернув голову в сторону. Олень противников упал головой в сторону наших людей.

нельзя считать достаточно типичным явлением (Dall 1870: 381; ср.: Нефёдкин 2016: 186–187; 2016б: 321–324).

¹ Цитата И. Кобелева: ЭМ: 163; цитата: Мерк 1978: 122; ср.: Майдель 1925: 27; Богораз 1934: 79; восклицание приморца: Коцебу 1948: 103; ср.: Aldrich 1889: 71; Nelson 1899: 330.

² Вдовин 1965: 54–55, 63; фольклорные данные см.: Тан-Богораз 1930: 69; Богораз 1934: 174, XXIII (около XII–XIII вв.); Золотарев 1938: 78–80; Гурвич 1982: 200; Reuse 1994: 296 (XII–XVI вв.); Нефёдкин 2016б: 39–43; ср.: Кавелин 1931: 99.

После этого начали друг с другом обмениваться. Вот во время обмена завязался спор из-за малой цены. ...Так и не пришли к согласию в споре.

По обычаю, утром должны начать войну. За ночь должны к бою подготовиться, а женщин и детей и стариков отослать домой с оленями стадами. Если противники, на которых должны напасть, не желают принимать бой, то, по обычаю, до рассвета они могут уехать со своими караванами. Но другая сторона может догонять»¹. Следовательно, на Чукотке сложился целый ритуал обмена. При этом западные чукчи привезли на торг русские товары, а также оленьи шкуры, тогда как восточные кочевники, к которым присоединились оседлые, имели приморские товары. Едущие торговать, как и в военные экспедиции, брали с собой женщин, детей и стада². Сначала обе стороны встречались и запросто общались друг с другом. Торговля — кульминационный момент, цель всей поездки. Она обставлена особым ритуалом, который открывается жертвоприношением-гаданием, показывающим, кто первым начнет боевые действия в случае ссоры. Следовательно, ссоры, перераставшие в конфликт, были самым обычным делом при подобном обмене. Гадали традиционно, по падению жертвенного оленя. Далее ход событий шел уже по военному руслу, по «цивилизованному» способу ведения войны: нападение производилось только на следующий день, противники имели целую ночь для подготовки к бою, каждая из сторон вольна была принять бой или бежать, если не чувствовала в себе силы противостоять нападающему.

Внутренние войны между чукчами отражены в источниках слабо, во-первых, из-за недостатка у русских информации об этом, а во-вторых, из-за того, что этническое самосознание чукчей в историческое время препятствовало разгоранию междоусобных конфликтов. Согласно К. Мерку, междоусобицы были у чукчей в древние времена, то есть намного ранее конца XVIII в., об этом же упоминает чукотский фольклор³. Современное конергинское предание рассказывает, что у горы Сердце-Камень была битва береговых и тундровых чукчей, и еще не так давно

¹ Меновщиков 1985. № 128: 310–311; Нефёдкин 2016: 200–201.

² Русские и местные товары ср.: Меновщиков 1974. № 42: 180–182; 1988б. № 6: 39–42; Крупник 2000: 224–230; женщины и дети едут также ср.: Лессепс 1801. Ч. II: 109–110; Щукин 1852: 14.

³ Мерк 1978: 99; см.: Богораз 1900. № 145: 388–389; 1934: 175; Козлов 1956: 19–22; Бабошина 1958. № 56: 142; Меновщиков 1974. № 87: 308.

тут находили древки и наконечники копий¹. Военные действия до прихода в регион русских велись и между оленеводами района Чаунской губы. Часть чукчей вынуждена была уйти в Колымско-алазейскую тундру, из которой они были вытеснены на запад «каменными» (т. е. колымскими) чукчами в 1716–1719 гг. В 1741 г. о разбойничьих набегах упоминает лейтенант Д. Я. Лаптев: «Лучшее их [чукчей] содержание и пропитание в разбое между собой или что достанут у коряков». Та же самая информация содержится и в «Известии, сочиненном при делах Камчатской экспедиции» (1750 г.): «Собственных своих чукчей за малую притчину поссорясь, собравшись род на род, грабят и убивают же, а которых возьмут в полон, тех продают». Очевидно, в первую очередь имеется в виду угон друг у друга оленей, что было у чукчей своеобразным видом экстремального спорта. Оленный чукча Айнанват рассказывал в 1896–1897 гг. В. Г. Богоразу: «Воровство оленей очень распространено на тундре. Если кто украдет, отрежет часть табуна и угонит, то противник должен стараться отбить у него часть. На тундре делается просто. Начальник приказывает, и они повинуются — у вора отнимают больше оленей, чем у него было, даже если у него только тягловые»².

Еще в начале XX в. случались, хотя и не так часто, внутренние столкновения из-за различных социальных и экономических причин. Так, В. Г. Богораз за три года своих наблюдений в самом конце XIX в. насчитал у колымских чукчей примерно 10 убийств, в том числе одно убийство отца и два — братьев, причем эти убийства чаще встречались у приморских и зачаунских чукчей, чем у колымских и оленных³. У самих чукчей в это время еще не было административной власти и писаных законов, которые могли бы воспрепятствовать стычкам и призвать преступника к ответственности, существовало лишь традиционное право, согласно которому за преступление, главным образом, убийство, следовала кровная месть, служившая определенным барьером к совершению проступка. Как видим, с прекращением внешних войн причины столкновений, да и способы их проведения вернулись к своему первоначальному состоянию, впрочем, их нельзя уже считать собственно войнами — это были именно конфликты.

¹ Конергинское предание: информация В. Д. Тымнэраскова (Анадырь, сентябрь 2013 г.); ср.: Гондатти 1897б: 177; легенду о происхождении названия горы Камень-Сердце см.: Леонтьев, Новикова 1989: 234.

² Уход чукчей на запад: Элерт 1991: 27–30; Зуев 2009: 27; Нефёдкин 2013: 80–84; 2016б: 83–88; Д. Я. Лаптев: Вдовин 1950: 93; «Известие»: Зуев 2009: 32; Айнанват: ААН, ф. 250, оп. 1, № 124 / 10, л. 6.

³ Богораз 1899б: 18–19; 1902а: 84.

1.2. Начало войны

Обычно войну объявляли заранее. Это была норма «международных отношений в регионе». Так, в июле 1745 г. чукотский тойон Тегрувье на переговорах с сотником С. Кривогорницыным у устья Анадыря образно заявил: «Когда [= некогда] де российское войско ходило в их Чукоцкую землю, а они де, чукчи, к руским людям пойдут в гости», подразумевая экспедицию Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1744 г. и планируемый чукчами ответный поход против русских. В одном предводитель танитов говорит чукотскому герою Кунлелю: «Я приду к тебе, как только выпадет первый снег, и убью тебя». Если враг не подготовился к бою, то ему могли дать на подготовку три дня. Открытый вызов на бой и предоставление противнику времени для подготовки к сражению имели свою рациональную основу: решить в «генеральном сражении» судьбу конфликта и не затягивать его до полного истощения ресурсов. Если одна сторона потерпела поражение, то ответный набег мог происходить не только на следующий год, но и через несколько лет, например через четыре года¹.

Согласно долганскому преданию, чукчи в качестве известия об объявлении войны посылали оленя, к отросткам рогов которого были привязаны стрелы. В качестве предупреждения противнику чукчи могли оставить на земле свою стельку, изготовленную из травы, или же воткнуть в землю стрелу с тупым наконечником, предупреждая, чтобы другой не пас тут оленей. Другим сигналом врагу о том, что его появление обнаружено и готовится сопротивление, был выстрел в сторону врагов тремя стрелами подряд².

Поскольку в чукотском и эскимосском обществе, как говорилось, доминировал культ физической силы, то, демонстрируя свое умение и желание сражаться, можно было заставить врага отступить без боя, как мы видим это в эскимосской сказке «Разгадан-

¹ 1745 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л.16 об. — 17; КПЦ: 165–166; Нефёдкин 2016а: 211; объявление войны: Меновщиков 1985. № 127: 309; сказание о Кунлелю: Бабошина 1959. № 103: 250; Нефёдкин 2016: 142; ср.: Сенатский архив. 1889: 35, 36, 535; Богораз 1949. № 4: 139; Стебницкий 1994а: 104, 167; подготовка к бою три дня: Богораз 1901. № 132: 337; ср.: Jochelson 1905. № 6: 138; ответный набег через несколько лет: Богораз 1935: 175.

² Олень: Попов 1934: 121; Нефёдкин 2016: 328; стелька: Богораз 1902. № 5: 162; Нефёдкин 2016: 319; стрела с тупым наконечником: Богораз 1900. № 93: 235; 1934: 176; выстрелы тремя стрелами: Лебедев, Симченко 1983: 129; ср.: Рытхэу 2004: 23 (предупредительная стрельба науканцев).

ная тайна», где герой из Сиреник, убив собаку во вражеском стане и пригрозив перебить вражеских вождей, заставил последних увести войска¹.

1.3. Мир

Мир заключался, когда стороны, понеся значительные людские потери, понимали бесперспективность дальнейшей борьбы, грозившей полным истощением². Инициатива сбора совета для заключения мира могла принадлежать умилыку селения, который и вносил свое предложение о мире на собрании всех мужчин. Ратифицировал же мирный договор совет стариков. Если войско состояло из ополчений нескольких поселений, то в военный совет входили предводители отрядов поселков³.

В качестве парламентаров к противнику могли отправить пленных, включая женщин или стариков, подходивших к стану врага и предлагавших замириться; как посол к корякам мог выступить с детства живший у чукчей коряк, вероятно, бывший пленный ребенок⁴. У приморских жителей стороной-посредником могли выступать жители соседнего поселка, соблюдавшие в конфликте нейтралитет. Нормализация отношений между соседями происходила путем переговоров между представителями двух противоборствующих партий. Чукотское предание «Мырвычвынай» красочно описывает, как для пере-

¹ Сергеева 1962: 85.

² ААН, ф. 250, оп. 1, № 115, л. 22 об. (дневник В. Г. Богораза; см.: Нефёдкин 2016: 45–46); Богораз 1900. № 167: 415; Воскобойников, Меновщиков 1951: 450; Бабошина 1958. № 98: 239; Меновщиков 1974: 1974: 307–310, 311–312; 1988. № 129: 308; Асадова 2010: 49; Нефёдкин 2016: 124–125; ср.: Garber 1940: 58; Нефёдкин 2016: 249.

³ Совет стариков: Богораз 1934: 175; нельзя перебивать старейших: Сергеева 1968: 14; инициатива умилыка: Меновщиков 1985. № 127: 308; 1988. № 129: 308; Рытхэу 2010: 100; ратификация договора советом старейшин: Меновщиков 1988. № 129: 309; ААН, ф. 250, оп. 1, № 124 / 5, л. 12 (ламутское предание; см.: Нефёдкин 2016: 286–287); ср.: Загоскин 1956: 84 (аляскинские эскимосы); Галкин 1929: 72; Богораз 1934: 175, тут же обсуждался план действий Меновщиков 1974. № 19: 107; 1985. № 56: 127; военный совет из глав поселков: Сергеева 1962: 84–85; 1968: 78.

⁴ Кавелин 1931: 99; Зуев 2009: 235; ААН, ф. 250, № 124 / 5, л. 12 об.; Нефёдкин 2016: 286–287; коряка-посол: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 79 об.; Нефёдкин 2016а: 131.

говоров выбрали место на нейтральной территории, в назначенное время туда прибыли сами предводители противоборствующих сторон, которые уселись на земле по кругу, положив руки без оружия на колени, и стали вести переговоры¹.

Обычно для заключения мира старшины приходили со значительным эскортом, поскольку, с одной стороны, они не совсем доверяли своим недавним врагам, а с другой — потенциальная угроза применения силы удерживала их от нападения и делала более сговорчивыми. Так, в 1741 г. на переговоры с русскими на Анадырь явилось 12 тойонов в сопровождении примерно 300 воинов, в 1756 г. для этой же цели прибыло более 300 оседлых чукчей-воинов, а в 1763 г. на переговоры с командиром Анадырска Ф. Х. Плениснером приплыло 60 байдар по 20–25 человек в каждой (всего 1200–1500 человек). Даже в начале XIX в. «верховный глава всего чукоцкого народа» Чечро-Тума приехал на переговоры с губернатором в сопровождении 12 тойонов и множества чукчей².

Мир мог заключаться не только между этническими группами, но и между отдельными стойбищами коряков и чукчей, тогда как между другими поселениями вражда продолжалась. Во время переговоров, демонстрируя мирные намерения, оружие клали на землю перед собой, но так, чтобы было удобно взять при необходимости. При замирении обменивались подарками. Предводители для закрепления мира могли обмениваться верхней одеждой, которую тут же надевали. В качестве жеста доброй воли сторона, призывавшая к миру, первой дарила подарки: от русских чукчи получали в первую очередь табак, ножи и топоры³.

¹ Посредники: Бабошина 1958. № 67: 167; переговоры сторон: Богораз 1934: 178; «Мырвычвынай»: Асадова 2010: 49.

² 1741 г.: Вдовин 1948: 68; Зуев 2009: 104; Нефёдкин 2016а: 81, 216 (300 воинов); 1756 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 83; Вдовин 1950: 96; Алексеев 1961: 19; Нефёдкин 2016а: 136; 1763 г.: Алексеев 1958: 25; Вдовин 1959: 42; Чечро-Тума: Любовь... 1811: 18.

³ Мир между отдельными стойбищами: Бабошина 1958. № 101: 243; Нефёдкин 2016: 146; оружие на земле: Кук 1971: 361; Beechey 1832: 209; ср.: Рытхэу 2004: 23; взаимное брачевание: Козлов 1956: 22; Стебницкий 1994: 57–58; Кеккетын 2010: 199–200; ср.: Вдовин 1962: 154; обмен подарками: Богораз 1934: 175; Кеккетын 2010: 199–200; обмен одеждами: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 8, 10; Мерк 1978: 132; Сарычев 1952: 238; Sauer 1802: 231; Нефёдкин 2016а: 299, 303; русские подарки: ААН, ф. 250, оп. 1, № 115, л. 22 об. (дневник В. Г. Богораза; см.: Нефёдкин 2016: 46).

Во время переговоров в качестве «культурной программы» производились соревнования между двумя сторонами, прибывшей и местной. Причем победившая сторона приобретала значимый дополнительный вес в процессе переговоров. Так, в науканском предании «Экётамын» повествуется о переговорах о мире науканцев и уэленцев с кыгмитцами на Аляске, где происходили соревнования в беге, поднятии тяжестей, борьбе, прыжкам в высоту у мачты и на натянутой шкуре. При решении замирииться после битвы воины могли тут же перейти к торговле, причем победившая в соревнованиях сторона имела явные преимущества и при обмене¹.

В знак соблюдения мира чукотский старейшина даже носил нож с обломанным концом. У науканцев знаком прекращения вражды служило переломление стрелы. Если заключался мир, то затем его нарушение расценивалось как негативное явление. В корякских сказаниях мир с чукчами часто заключается посредством женитьбы сына старейшины чукчей на дочери коряка-оленевода. Примирившиеся стороны затем брачались между собой. В 1768 г. во время переговоров с анадырским командиром Я. М. Пересыпкиным чукчи, отказываясь выдавать аманатов, предлагали в доказательство своей верности выдать за россиян своих женщин, чем воспользовался лишь один казак, остальные отказались из-за будущего переселения в Гижигу².

1.4. Союзы

В XVIII в. — веке великих по местным масштабам войн — мы наблюдаем и определенные элементы внешней политики, направленные на создание благоприятных условий для ведения войн. Так, приморские жители специально не связывали россиян с обитателями Аляски, боясь их союза, который мог быть направлен против обитателей Чукотки³. В историческое время постоянными союзниками чукчей были

¹ «Экётамын»: Меновщиков 1958: 168–169; 1969: 226–227; 1985. № 129: 315–316; 1987. № 31: 214–215; Нефёдкин 2003: 313–314; торг: Garber 1940: 58; Нефёдкин 2016: 248.

² Науканцы: Рытхэу 2004: 23; нож с обломанным концом: Крузенштерн 1950: 173; Любовь... 1811: 22–23; негативное отношение к нарушителям мира: Бабошина 1958. № 101: 243; Нефёдкин 2016: 106; ср.: Стебницкий 1994: 79; Кеккетын 2010: 200 (коряки верят в соблюдение мира чукчами и спокойно спят); 1768 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 89; Зуев 2007: 158; 2009: 378; Нефёдкин 2016а: 143–144.

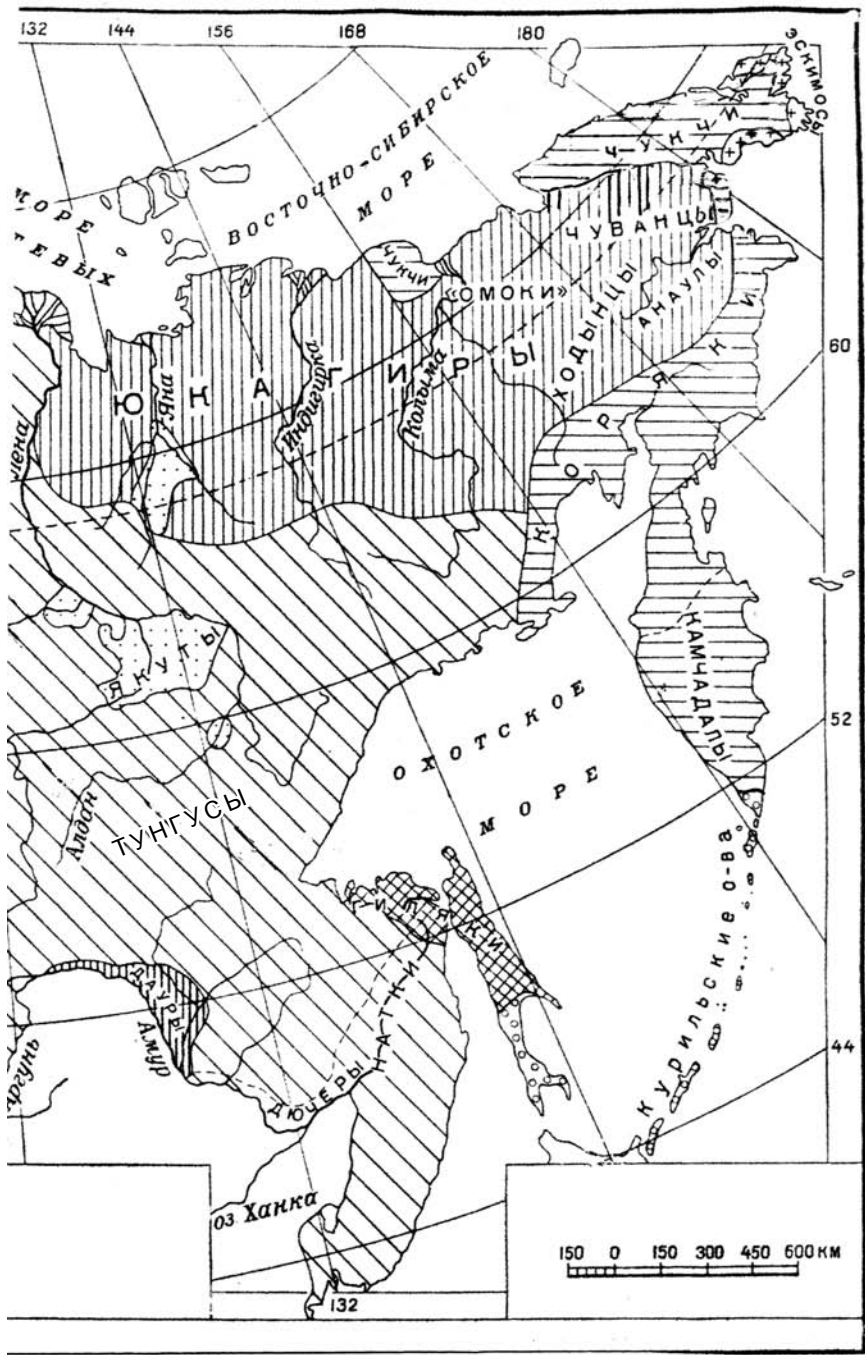
³ Белов 1954: 182; ср.: Ефимов 1948: 230; 1971: 196; Греков 1960: 54.

азиатские эскимосы, с которыми кочевников связывали крепкие торговые и дружеские связи. А в случае большой опасности, которую для чукчей представляли походы россиян, приморские жители могли принимать помощь даже своих давних недругов — жителей островов, которые были известны лучше и не угрожали независимости чукчей. Так, во время первого похода Д. И. Павлуцкого (1731 г.) чукчам помогали эскимосы с островов Берингова пролива, о чем островитяне сами заявили геодезисту М. С. Гвоздеву в следующем году. А среди убитых врагов после третьего сражения служилые обнаружили одного или двух эскимосов, которые были узнаны по лабреткам в губе. О реальном взаимодействии говорит и союз жителей островов Диомида (Гвоздева) с азиатскими эскимосами, воевавшими с обитателями о. Кинг (Укивок), которым помогали их американские сородичи с полуострова Сьюард¹. Ведь и сами жители Малого острова Диомида (Крузенштерна) были какое-то время во враждебных отношениях с обитателями Большого острова (Ратманова) и в союзе с эскимосами мыса Принца Уэльского, но были побеждены; сам же союз островитян с эскимосами из Уэйлса и Порт-Кларенса сохранялся и в первой половине XIX в. По предположению же русских властей, чукчам против капитана Д. И. Павлуцкого помогали эскимосы не только островов Берингова пролива, но и Аляски².

В 1715 г. восставшие юкагиры звали чукчей на помощь против Анадырска, но помощи не получили, поскольку в это время не было активной борьбы чукчей с русскими. Чукчи не желали соединиться со своими давними врагами-коряками против русских даже во время корякского восстания (1755 г.), надеясь на мирные переговоры с россиянами, своими постоянными набегами на коряков они, по существу, помогали русским, хотя, по предположению восставших ительменов, чукчи, замирившись с коряками, должны были прийти на помощь камчадалам (1746 г.). В 1756 г. чукчи по призыву коряков перешли Анадырь и стали кочевать вместе, однако вскоре

¹ Заявление М. С. Гвоздеву: Полонский 1850: 399, 400; Соколов 1851: 94, 96; Ефимов 1948: 240–241; Гольденберг 1984: 129; Крашенинников 1949: 178; Нefëdkin 2015a: 106; 2016b: 171; трупы лабреточников: Ефимов 1948: 225; Зуев 2001: 28; союз диомидцев с азиатами: Nelson 1899: 330; Швайццер, Головкин 2001: 31, 35, примеч. 9; Nefëdkin 2017: 122–123; ср.: Вдовин 1965: 56 (1763 г.).

² Вражда между жителями островов Диомида: Nelson 1899: 330; Hickey 1979: 419; Sheppard 2009: 47; Nefëdkin 2017: 122–123; ср.: КПЦ. № 71: 186 (1763 г.); предположение русских о чукотских союзниках-эскимосах: Белов 1956: 324, 330.

Расселение народов Восточной Сибири в конце XVII в. Воспроизведено по: ИЭАС: 7 (составитель Б. О. Долгих); с уточнениями по изданиям: Вдовин 1972; Леонтьев, Новикова 1989: 22

пришельцы были убиты, и вражда между двумя этносами вспыхнула вновь¹.

В общем, в историческое время, зафиксированное в источниках, постоянными союзниками оленных чукчей выступают оседлые эскимосы. Последние были, так сказать, естественными союзниками, с которыми не заключались особые договора, а сами дружественные отношения складывались естественным путем посредством товарообмена и своеобразной проксении. Такие же принципы взаимоотношений действовали и среди соседних поселений. С эскимосами островов заключали соглашения, включавшие и оказание при необходимости военной помощи. Договоры с кочевыми коряками были чисто примирительными, не рассчитанными на взаимопомощь. Также чукчи не поставляли контингенты в русские экспедиции: россияне все же опасались чукчей.

2. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

2.1. Стратегия

Поскольку у чукчей не было постоянных специальных военных дружин (исключая разве охранные приграничные отряды), которые кормились войной, то их ополчения, собираемые от случая к случаю, не могли вести перманентных боевых действий. Широкомасштабной войне препятствовало и отсутствие материальной базы, запасов продовольствия, распыленность кочевий и т. д. Как и у других кочевых этносов, стратегия оленных чукчей была мобильной и наступательной. Оборонительную же стратегию они применяли против карательных экспедиций российского государства, которым трудно было противостоять: чукчи просто отступали в безопасное место, лишь при необходимости сражаясь, или же сплачивали свои силы для генерального сражения, чтобы битвой решить судьбу кампании, как они сделали это против отряда Д. И. Павлуцкого в 1731 г. Стратегия чукчей лучше прослеживается как раз по материалам данной экспедиции. Д. И. Павлуцкий, как профессиональный военный, хорошо подметил эту стратегию противника. В «Ведомости, учиненной от Анадырской партии» (1738 г.) он пишет: «Но оные немирные чукчи не токмо ясак платить

¹ 1755 г.: КПЦ. № 70: 183; Алексеев 1961: 19; 1746 г.: КПЦ. № 36: 97; но ср.: № 38: 102–103, 108–109; 1715 г.: ПСИ. Кн. 2, № 29: 88–89, 93; 1756 г.: Нефёдкин 2016а: 156–158; 2016б: 247–249.

и аманатов дать, не допуская нас до острогов своих, вышли против нас оружейной рукою и имели с нами три боя»¹. Следовательно, чукчи, чтобы избежать разгрома врагом своих стойбищ, собравшись, дали три генеральных сражения (7 и 30 июня, 14 июля 1731 г.). Вероятно, речь шла о стратегии не только оседлых жителей из поселков востока Чукотки (полуострова Дауркина), куда служилые не дошли, повернув на юг, но и оленных чукчей, летом выходивших на это побережье. Во время следующего похода Д. И. Павлуцкого на Чукотку, в 1744 г., когда у майора насчитывалось почти 650 бойцов, чукотское войско вообще предпочло боя не принимать, а отходить в глубь территории и изматывать российское войско длительным походом, нехваткой провизии и неожиданными набегами на стада и пастухов — типичная скифская стратегия². Стратегия же эскимосов и оседлых чукчей и была в основном оборонительной: они были менее воинственны, чем кочевники, и предпочитали отсиживаться от набегов в своих укреплениях или просто прятаться.

Сама война была сезонной. Основным временем ведения сухопутных войн следует признать зиму. Стратегия оленных чукчей базировалась на неожиданных налетах. Это объяснялось тем, что именно зимой чукчи могли быстро передвигаться на своем единственном скоростном сухопутном транспорте — на оленьих упряжках, которые летом обычно не использовались³. Вместе с тем в зимний период мужское население было менее занято на пастбище, поскольку стада оленей были спокойны и их могла пасти даже пара подростков⁴.

В течение большей части XVIII в. в зимний период чукчи производили нападения на коряков с целью захвата оленей. В остальное время года коряки не опасались чукотских набегов. Задача такого набега состояла в том, чтобы неожиданно появиться, захватить добычу и быс-

¹ Зуев 2003: 137; ср.: 135.

² РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 14–14 об., 17 об.; Нефёдкин 2016а: 205–206, 212–213.

³ Если было необходимо перекочевывать в летний период, как это было в конце августа — сентябре (по старому стилю) 1791 г. с экспедицией И. Биллингса, то упряжки оленей вели женщины, а мужчины, неся на себе багаж весом в 2–3 пуда (ок. 30–50 кг), шли пешком. Такой обоз продвигался в сутки лишь на 2–5 км (Сарычев 1952: 243–246).

⁴ Богораз 1991: 72; ср.: Орловский 1928: 69–70; Беретти, 929–16; Друри 1936: 110, 117; Меновщиков 1974. № 100: 330; однако ср.: Караев 1926. № 4: 140; в. А. 1935: 62.

тро отступить. С. П. Крашенинников писал о таких зимних набегах: «Оные [чукчи] по всякую зиму партиями на них [коряков] нападают и попрежнему их разоряют, а с чюкчами поневоле, ибо те находя на их урочища великие им чинили разорения, полоня их и убивая, и табуны оленные отгоняя, в чем состоит все богатство их. Но хотя в такой нужде они против чюкочь на бой выходить и отваживались, но однакож всегда разбиты и бегством спасать себя принуждены были». Нападать могли как по первому снегу осенью, так и уже весной. Причем одни и те же воины могли совершать набег и в марте, и в ноябре. Но все же наиболее благоприятным для набегов был конец зимнего сезона, с середины февраля по середину мая, когда сила ветров спадала, а морозы не были столь сильными¹.

В зимнее же время обитатели Чукотки (именно они были нападающей стороной) иногда нападали на эскимосов побережья Аляски. Оленные чукчи на упряжках переправлялись по льду Берингова пролива, как это рассказывается в сказании об Эленди. Последний направился в поход, взяв с собой одну из жен и грузовые сани с провизией и фуражом, — всего трое нарт². Естественно, приморские жители Чукотки проделывали этот путь на собачьих упряжках, отправляясь, к примеру, из наиболее удобного для этого места — Уэлена, от которого до Америки 89 км. В качестве пункта для отдыха использовали о. Ратманова, откуда до Аляски добирались за день пути. До самого же острова могли дойти по льду и пешком, если было много торосов и ехать было неудобно³.

Основным же периодом войн в Берингоморье было лето. Именно в летний период приморские жители, чукчи и эскимосы, отправлялись походом на острова Берингоморья и на Аляску. Американские эскимосы, если с наблюдательных холмов узнавали о нападении заранее,

¹ Сезонность набегов: КПЦ. № 65: 170; цитата: Крашенинников 1949: 734; ср.: Мерк 1978: 120; набег по первому снегу: Бабошина 1959. № 103: 250; Лебедев, Симченко 1983: 129; Нефёдкин 2016: 142; весной: Сенатский архив. 1889: 35, 36, 535; нападение в марте и в ноябре: Шаховской 1822: 306; конец зимнего сезона: Майдель 1894: 569; Иохельсон 1997: 214; нападение в феврале — мае: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 53 об.; Нефёдкин 2016а: 171 (мнение Т. И. Шмалева: 1 февраля — 1 мая по старому стилю).

² Богораз 1899: 356–358 (с. 356: три нарты); Тан-Богораз 1930: 71–77; Вдовин 1987: 42; ср.: Врангель 1835: 607–608; Ск-ий 1888. № 26: 2.

³ Переправа на собачьих упряжках: Вдовин 1944: 262; 1965: 57; Гондатти 1898: 17, IX; пешком: ПСИ. Кн. 1. № 108: 458; Мерк 1978: 121; Гондатти 1898: 17, XI; Медушевская 1954: 118.

предпочитали в бой не вступать, но прятались от азиатов в пещеры, где хранились провизия, одежда и оружие¹.

В летний же период на Анадыре и других пограничных реках казаки, которые не могли существовать на жалованье, а землю не могли обрабатывать из-за климатических условий, ловили рыбу и охотились на оленей, переправлявшихся в среднем течении Анадыря в одних и тех же местах: в конце XVIII в. — в 160 верстах (170 км) от устья, в мае–июне они двигались на север, на летние пастбища, а в августе–сентябре на юг, на зимовку². Чукчи, приплывающие на байдарках на Анадырь для промысла оленей, сталкивались тут с охотящимися русскими и юкагирами. В этот период казачьи партии особенно часто подвергались неожиданным нападениям, ведь олени переправлялись на летние пастбища далеко от острога³. По-военному кратко и ясно описывает эти нападения комендант Анадырска капитан В. Шатилов (1751 г.): «Русских людей изождав в какой-либо малой неосторожности по рыбным промыслам, и паки побивают же смертно, берут себе в плен жен и детей, медные и железные котлы, топоры, ножи и прочее, понеже оно в их земли не имеется». Поскольку в первой половине XVIII в. сами чукчи не доверяли русским и одновременно боялись их, то они, по сообщению переводчика Я. И. Линденау, приходили на промыслы в большом числе, по 150 байдар с экипажем в 15–20 человек в каждой, то есть примерно по 2250–3000 человек, естественно, включая семьи. Еще в начале XIX в., в 1806 г., чукчи напали на русских промышленников-рыболовов на реке Майн — южном притоке Анадыря⁴.

Летом во второй половине XVII — начале XVIII в. чукчи периодически нападали на немногочисленные группы русских и юкагиров, ловивших рыбу на Колыме и в окрестностях⁵. Некоторые русские селения на Колыме чукчи просто разгромили, в частности, Погромное (заимка рыболовов в трех верстах ниже Нижнеколымска) и Дуван-

¹ Garber 1940: 170; Черненко 1957: 132; Швайццер, Головки 2001: 26, 30; Sheppard, 2009: 54; Нефёдкин 2016: 250.

² Соколов 1852а: 165; Мерк 1978: 144; Сильницкий 1897: 25.

³ Вдовин 1944: 254, 259; 1965: 115; Алексеев 1961: 11; ср.: Линденау 1983: 163.

⁴ В. Шатилов: Шашков 1864: 67; 150 байдар: Линденау 1983: 163; ср.: Вдовин 1950: 83; события 1806 г.: Дьячков 1893: 41, 56; Нефёдкин 2016б: 317–318.

⁵ ДАИ. 1862. Т. VIII. № 3–4: 9; КПМГЯ. № 25: 64 (1659); № 30: 69 (1662); № 192: 241 (1679); Вдовин 1965: 104 (1659); Белов 1954: 181 (середина XVIII в.); Чулков 1785. Кн. 1: 485–486; Кн. 2: 389–390, примеч. 2; Геденштром 1830: 99. Подробнее см.: Нефёдкин 2016б: 61–83.

ное¹. Сосланный на Колыму И. В. Шкловский (1864–1935) писал, что о столкновениях с чукчами свидетельствовали как названия рек (Кровавая, Разбойничья, Убиенная), так и поселений (Дуванное, Погромное, Томилино). В первой половине XVIII в. чукчи уже не представляли серьезной угрозы русскому и юкагирскому населению нижней Колымы, как во второй половине предыдущего столетия. Однако чукотские набеги и в XVIII в. случались, когда приходили чукчи с района Чауна. Так, в 1752 г. шесть человек, отправленных из Нижнеколымска для рыбной ловли на «Чукоцкую реку», были убиты чукчами².

Летом же происходили и налеты в тундре небольших пеших шаек. Вообще же кочевые чукчи, владевшие многочисленными стадами оленей, редко ходили пешком, поэтому и длительные набеги по суше летом ими не велись, так как были для них малодобны и непривычны.

2.2. Разведка

Естественно, для удачного проведения кампании очень важно было добыть сведения о враге, учитывая сложные природные условия и незначительные, по нашим меркам, силы, которые противник, подготовившись к бою, мог разбить. Существовала разведка, которую условно можно назвать стратегической и тактической. К первой принадлежали различные виды добывания информации: лазутчика высылали

¹ А. 1878: 281; Олыкшандрович 1884. № 11: 296; Шкловский 1892: 97, 99; Дионео 1895: 116; Богораз 1902. № 5–6: 161–164; 1902а: 71; 1934: 47–48; ср.: Полунин 1773: 448–449; Чулков 1785. Кн. 1: 486; Кн. 2: 389–390, примеч. 2; Богораз 1902. № 5: 161–162 (нападение на Чукочью деревню на одноименной реке при впадении ее в Колыму в 50 верстах (53 км) от океана). Даты этих нападений неясны. По информации Олыкшандровича (1884. № 11: 295), это было до походов Д. И. Павлуцкого, тогда как В. Г. Богораз, наоборот, полагает, что разгром произошел после этих походов (Богораз-Тан 1934: 6–7), нападение же на Чукочью деревню он датирует первыми десятилетиями XVIII в. (Богораз 1934: 47). Нападение же на рыбаков на Чукочьей реке уже к 1770-х гг. расценивалось как давнишнее событие (Полунин 1773: 448–449). Согласно сведениям И. В. Шкловского, чукчи разгромили Погромное сто лет назад, то есть в 1790-х гг. (Дионео 1895: 116), а по воспоминаниям 92-летней старухи (1891 г.), чукчи напали на Нижнеколымск в последний раз 85 лет назад, то есть в 1806 г. (Шкловский 1892: 99). Впрочем, согласно данным А. И. Аргентова (1861: 16), названия урочищ Погромное и Дуванное были получены вследствие разгрома чукчами омоков. Подробнее см.: Нефёдкин 2016б: 111–123.

² Мнение: Шкловский 1892: 97; события 1752 г.: Вдовин 1944: 254; Гурвич 1966: 49; Нефёдкин 2016б: 118–120.

далеко вперед, даже за полмесяца пути до подхода основного каравана. Разведчик путем расспросов и осмотра добывал нужную информацию. Он мог под видом гостя прибыть в поселение будущего неприятеля, стараясь выведать имена союзников, количество воинов, дату предстоящего похода. Такой информацией у эскимосов владел глава поселка, не посвящая в эту тайну других, и разведчик стремился выведать у него эти данные. Сведения можно было получить и от беглого раба, вернувшегося домой, от пленного, выдавшего добровольно или принудительно необходимую информацию. Сведения о враге предоставляли и беженцы из разрушенных поселений или зоны потенциальной опасности¹.

К стратегическому типу разведки можно отнести и долговременное выслеживание врага в ожидании удобного случая для нападения на него. Согласно эвенскому сказанию, чукча выслеживал эвена целый год².

Существовала и тактическая разведка: лазутчики разведывали местность непосредственно перед прибытием основной массы войска. Прямо из походного стана также посылали разведчика посмотреть, что впереди. Например, утром 7 мая 1744 г. к лагерю Д. И. Павлуцкого на Чукотке подъехали на нартах шесть чукчей, которые высматривали количество войск у майора. Лазутчиков посылали прямо во вражеский лагерь с целью вызнать, что враги намереваются делать, сколько у них войск и кто ими руководит³. Это было несложно, поскольку обычно охрану лагеря не выставляли.

Для добывания информации разведчики могли использовать различные хитрости. Например, в зимний период можно было проползти к неприятельской стоянке под снегом, чтобы подслушать разговоры

¹ Разведчика высылали вперед: Олыкшандрович 1884. № 11: 296; Богораз 1902: 161; Нефёдкин 2016: 323; добыча информации: Меновщиков 1985. № 127: 308; разведчик у старшины: Сергеева 1962: 103–104; 1968: 95; сведения от беглого раба: Богораз 1934: 174–175; Malaurie 1974: 140, 154; Меновщиков 1985. № 133: 324–327; от пленного: Костенецкая 1973: 179, 183; Меновщиков 1974. № 85: 303–304; Беликов 1982: 193–194; Нутекеу 2005: 13–14; Нефёдкин 2016: 119–120, 132; от беженцев: Козлов 1956: 30; Меновщиков 1985. № 127: 307–308; № 132: 321.

² Новикова 1987: 108.

³ Разведчик впереди: Воскобойников, Меновщиков 1959: 435; Меновщиков 1974. № 85: 301; 1985. № 132: 323–324; Беликов 1982: 179; разведчик из лагеря: Меновщиков 1974. № 91: 317; 1985. № 127: 309; ср.: Богораз 1899: 353; лазутчик в лагере: Воскобойников, Меновщиков 1959: 437; Сергеева 1962: 84; 1744 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 14 об.; Нефёдкин 2016а: 206.

врагов. А ночью могли подойти к яранге, взобраться на нее и посмотреть через дымовое отверстие, что делается внутри. Зная о такой возможности, обитатели напротив дымохода ставили своеобразное зеркало — емкость с водой¹.

С другой стороны, ожидая подхода врагов, дозорного, обычно хорошего бегуна, высылали далеко вперед, навстречу врагу, на удобную возвышенность, однако он не находился тут постоянно и к заходу солнца возвращался. В июле 1745 г. двое чукчей наблюдали за служилыми на Анадыре, но были замечены, а при бегстве один из них был убит. Подозревая разведывательные цели у потенциального противника, чукчи стремились помешать сбору данных. Так, в августе 1791 г. чукчи отказывались дать байдару штурману Антону Батакову, который промерял глубину бухты Мечигмен².

2.3. Поход

Отправляясь в поход, чукчи определяли его цель, задачи и маршрут. Чукотский тойон Наихью в 1740 г. описывал предстоящий поход и его цель следующим образом: сначала он соберет войска и с ними по суше дойдет до реки Анадырь, затем пересядет на байдары, войдет в Анадырск, переломает русским головы и шеи, дома сожжет и будет тут пастись свои табуны оленей³.

Когда было известно, что силы противника были по местным меркам значительными, чукчи договаривались встретиться в определенном месте. Так, например, осенью 1745 г. чукотские отряды собирались встретиться на Копейкиной корге в устье Анадыря, чтобы потом совместно идти походом на Анадырск или против коряков. Действовал такой отряд обычно как единое войско. В то же время в поход могли выходить одновременно и более одного отряда, действовавшие как несвязанные друг с другом подразделения. Известно, что в 1775 г.

¹ Под снегом: информация В. П. Кевкея (Анадырь, сентябрь 2013 г.); заглядывание в дымоход: Ятгыргын 1963: 5–6; Нефёдкин 2016: 92; информация И. Г. Гыргольнаут и Ф. Чайвут (Анадырь, октябрь 2013 г.).

² Дозорный: Меновщиков 1985. № 127: 307; ср.: Вахтин 2000: 124; 1745 г.: КПЦ. № 63: 165; РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 16 об.; Нефёдкин 2016а: 211; А. Батаков: Сарычев 1952: 239.

³ РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 69–69об.; Вдовин 1970: 22–23; Нефёдкин 2016а: 117–118; ср.: корякский предводитель (он же старейшина) сам составлял план сражения и отдавал приказы (Стебницкий 1994: 85; Кеккетын 2010: 183–184).

один отряд чукчей прибыл под Гижигу, где был разбит русскими, а другой направился для торгов к керекам. В случае необходимости отдельные отряды могли соединяться для проведения крупных операций¹.

Передвигались по естественным природным дорогам — вдоль русел рек. В XVIII в. существовали определенные маршруты набегов: через Анадырь проходили либо ниже по течению от острога, либо на 300 верст (318 км) выше. Можно отметить, что Анадырь весной вскрывалась ото льда в конце апреля — начале мая (по старому стилю), в зимний же период ее просто переходили по льду. В 1742 г. Я. Линденау отметил два основных маршрута набегов чукчей на коряков. Один: от устья Анадыря спускались к верховьям Онемена (р. Великая) и Красной реки (вероятно, р. Березовая) и далее через горы к Опуке и Олюторе. Следуя вторым маршрутом, чукчи переходили Анадырь ниже впадения в него р. Белая, далее следовали через Парампольский дол и Баранины хребты (видимо, Южно-Майнский хребет) к той же части корякской территории. Известен, в частности, маршрут возвращения чукчей из Гижигинской крепости в марте 1778 г.: караван переправлялся через Пенжину выше устья реки, потом шел до вершины Кузьминой реки, впадавшей в Пенжину, после чего через вершину реки Майн и Майнское плоскогорье вышел на верховья реки, двигаясь вниз по течению которой достиг Анадыря. Последнюю реку перешли по льду и шли до ее устья, откуда у берега моря двигались на север до Чукотки. Весь этот переход на оленях занял около 70 дней².

Капитан Т. И. Шмалев составил описание маршрута одного из последних набегов чукчей на коряков в марте 1777 г., который является характерным примером предприятий подобного рода: «Главный чукотский тоён Амулян Хергынтов и брат его Петутин Хергынтов во 180 человеках в марте-месяце приходили для поиска коряк к рекам Апухе и Пахаче. У коряка Нутеллы 28 оленей отогнали; хатырского Елланского острожку одного корякского подростка поймали и на выкуп отдали. 19-го марта приходили они к Апукскому пеших коряк острожку и, обойдясь с апукскими коряками дружелюбно, притом производили торг, напоследок из крепости из ружья убили чукок одного наимено-

¹ 1745 г.: КПЦ. № 63: 166; 1775 г.: Зуев 2009: 217–218; маршруты по рекам: Тумма 2008: 50; Нефёдкин 2016: 183; соединение отрядов: Сгибнев 2005: 81

² Переход через Анадырь: Белов 1954: 180; таяние льда Анадыря: Дьячков 1893: 5; ср.: Соколов 1852а: 165; маршруты в 1742 г.: Линденау 1983: 163; 1778 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 48 об.; Нефёдкин 2016а: 334; ср.: Нефёдкин 2016а: 300 (маршрут возвращения из Гижиги в марте 1777 г.).

ванием Йатыргина. Потом прибили к Пахачинскому острожку, но тут, кроме разговору, ничего не происходило. И пошел вверх по реке Пахаче, нашед пеших коряков юрту, экипаж разграбили и взяли в плен две девки. 25 марта ближе Пахаче оленного кочующего коряку Алаल्या Ахыиткалова одною юртою всего в восьми человеках убили, в плен взято женок 4; тож оленных, как Алалыков, так и другого коряки Тынапия, всего два табуна отогнав, получили в добычу и возвратились в свою землю»¹.

Как видим, перед нами краткий отчет о набеге, длившемся меньше месяца и проведенном в конце зимнего сезона. Он был чисто грабительским, направленным на области, которые не защищались непосредственно Гижигинской крепостью. Силы нападавших были не особенно велики и, очевидно, не были рассчитаны на столкновения с русскими. У оленных коряков угнали табуны, мужчин убили, а женщин увели в плен, однако мальчика-пастуха отпустили за выкуп. Острожки оседлых коряков не штурмовали, предпочитая торговать, хотя и здесь возникали ссоры, приведшие к гибели одного чукчи. Впрочем, найдя одиночную полуземлянку оседлых, разграбили и ее, а женщин увели в плен. Захватив два крупных табуна, чукчи вернулись домой. Данный набег, неожиданный для врага, без больших битв и многих потерь, но с хорошей добычей — типичный пример идеально проведенного налета.

Сам набег мог происходить на большое расстояние. При том, что плотность населения Чукотки тогда была очень незначительной. Вспомним, что в 1763 г. подполковник Ф. Плениснер утверждал, что из Анадырска надо два месяца ехать до первых чукотских жилищ. В одной чукотской сказке упоминается, что воины возвращались из похода с добытыми оленями и грузовыми нартами домой в течение десяти дней (то есть они проехали порядка 150–200 км), в другой сказке до стойбища ехали 18 дней².

При необходимости на сборы в поход отводилось краткое время: в одном эскимосском сказании говорится о выступлении на следующий день. Пришедшие в поселение воины жили в это время в ярангах поселка как гости. Отправляясь в поход, чукчи брали с собой стадо запасных оленей как для провизии, так и на случай, если ездовые

¹ РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 5 об., 16; Шаховской 1822: 306–307; Гурвич 1966: 115; Зуев 2009: 233–234; Нефёдкин 2016а: 294, 317.

² Ф. Плениснер: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 48, 82, 150; Вдовин 1959: 42; сказка: Меновщиков 1974. № 86: 307, № 91: 315; ср.: Тан-Богораз 1958: 82; 18 дней: Беликов 1965: 158.

животные погибли от переутомления или голода. Так, в 1754 г. в караване из 500 чукчей насчитывалось 2000 оленей. Поскольку в нарту обычно запрягали двух оленей, то почти каждая нарта имела одного животного запасным. Богатые же могли вести и пару заводных ездовых оленей, призвав их сзади к нарте. Остальные должны были идти на убой. В экспедицию брали и запасные нарты, на которые пересаживались, когда первые сани ломались. Возможно, на них же, как и на трофейных санях, при возвращении везли добычу, на них сидели пленные женщины и дети. Оседлые чукчи, соблазнившиеся добычей и участвовавшие в зимнем походе кочевников, ехали на санях, запряженных оленями своих кочевых соплеменников, а не на собаках, которые могли бросаться на оленей, однако отношение к ним со стороны кочевых оставалось пренебрежительным¹.

В поход, естественно, мужчина брал свой повседневный ровдужный мешочек с табаком, моржовой или оловянной трубкой, огнивом, кремнем, оселком для заточки ножей, полую костью из ноги птицы для всасывания воды, небольшим ножичком. С собой же брали теплую одежду на случай непогоды и мешок с провизией. Видимо, в поход, как и на охоту, оседлые брали запасные пары обуви, наполненные провизией. После употребления пищи новую обувь надевали вместо изношенной. Приморские жители могли нести провизию просто за пазухой или в рюкзаке. Также для удобства тюк могли нести на конце копья. Стандартной едой в походе было замороженное оленьё мясо с жиром белухи. Герой рассказа чукотского писателя И. В. Омрувы, чаучу Эльвач, собираясь в погоню за вором, положил в дорожную сумку вареное мясо и вяленую рыбу. Оседлые жители в поход обычно брали сушеное мясо, вяленую рыбу (*юкола*), китовую кожу, срезанную вместе с жиром (*мантак*), а также *прару* — мороженые колобки из смеси протертого оленьего мяса с топленным жиром, моржовый рулет (*кымгыт*). Оленные брали с собой замороженную прокисшую кровь оленя с примешанными в нее мелко нарубленными печенью и легкими того же животного. Водой не запасались — вместо нее жевали снег или лизали лед².

¹ Выступление на следующий день: Меновщиков 1985. № 127: 308; прибывшие в местных ярангах: Нефёдкин 2016: 227; события 1754 г.: КПЦ. № 70: 181; пленные: Иохельсон 1900. № 53: 130; оседлые на нартах оленных: Богораз 1900. № 110: 286–287; заводные олени: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 60; Нефёдкин 2016а: 363 (о коряках).

² Мешочек с необходимым: Мерк 1978: 111; мешок с провизией: Богораз 1991: 30; Рубцова 1954. № 1: 28, § 93; Вахтин 2000: 247 (олений жир); павшие

Кроме того, если обратный путь экспедиции лежал недалеко, то запасы просто зарывали в снег, заливали по возможности водой для образования льда, поверх чего выставлялся некий знак. Дополнительное продовольствие добывалось в ходе экспедиции охотой; ели также павших оленей. В обычных поездках едой не запасались, надеясь на традиционное северное гостеприимство. Также и в походе, если проходили дружественные поселения, то идущие в поход останавливались как гости, и их кормили, а местные добровольцы присоединялись к отряду¹.

Ехали цепочкой, один за другим, по наезженной колее, чтобы олени меньше уставали. При езде на гору с нарт сходили с той же целью. В буран, если продолжали двигаться, нарты связывались, чтобы не потеряться; оленей также привязывали за рога. Когда небольшая группа воинов отправлялась в поход пешком, то, скорее всего, как и на охоте, они также шли в ряд².

Казак Б. Кузнецкий так описывает бивуак возвращающихся из похода чукчей в 1754 г.: «...а как едут, так и становятся не все вдруг, но порознь, кто куда едет, или где ночевать место изберет, только друг друга в виду, и вместо юрт становятся шитые из оленьих теплых кож полога, в коих спят по десяти человек и более». Следовательно, расположение лагеря было достаточно свободное, возможно, ориентировались на место в караване. Естественно, родичи старались держаться вместе, как, например, это было в лагере чукчей на ярмарке в Островном.

олени: КПиЦ. № 70: 181; продовольствие в походе у оленных чукчей: Сарычев 1952: 250; Эльвач: Омрувье 2013: 56; у оседлых жителей: Меновщиков 1988: 497; Вахтин 2000: 380–381 (в байдаре); Леонова 2014: 179, 195; ср.: Теин 1992: 3–17; прара: Мерк 1978: 126 (Preraem); Рубцова 1954: 65, примеч. 14; 228; Глухих 2008: 62; Омрувье 2009: 173; Леонова 2014: 79 (прэрэм); кымгит: Рыхтэу 2010: 221–222; оленья кровь: Мерк 1978: 126; одежда и обувь в походе: Богораз 1900. № 99: 266–267; Беликов 1982: 91, примеч. 2; с. 204; Меновщиков 1989: 74; ср.: Рубцова 1954. № 3: 60, § 389; Меновщиков 1985. № 127: 308; Асадова 2010: 47; за пазухой: Сергеева 1968: 90; поедание снега: Митчель 1865: 325; Врангель 1948: 314; Богораз 1991: 133; Омрувье 2013: 60; лед: Мушкин 1853: 854; тюк на копы: Белов 1956: 434.

¹ Зарывание припасов в землю: Мерк 1978: 150; Сарычев 1952: 258; Алексеев 1961: 81; ср.: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 129; охота: Сарычев 1952: 259; гостеприимство: Богораз 1900. № 110: 286–287; 1991: 30; Нефёдкин 2016: 36–38.

² Езда цепочкой: Богораз 1899: 370; Костенецкая 1973: 180–181; езда на гору: Обручев 1974: 133; привязывание нарт: Рубцова 1954. № 27: 325. § 14–17; привязывание оленей за рога: Меновщиков 1988б. № 28: 130; пешие идут в ряд: Меновщиков 1988. № 99: 235; ср.: № 156: 364; Нувано 2004: 60; ср.: Fieup-Riordan 1994: 330; Bruch 1998: 89 (аляскинские эскимосы).

Ж.-Б. Б. де Лессепс отмечает другое расположение пологов в стане приехавших торговать чукчей: по образцу расположения яранг ставили их пологи в ряд. Как видим, в экспедицию брали с собой лишь пологи, в которых могли разместиться более десяти человек. Известно, что двухслойные палатки-пологи семей чукотских старшин на Анюйской ярмарке в марте 1821 г. имели длину 2,4 м, ширину — 1,5 м и высоту 0,9 м, на пол набрасывалась оленья шкура, а спящие покрывались одеялами из шкурок песцов. Обычно грунт под пологом покрывался оленьей шкурой, наброшенной на хворост. Сам полог закрепляли по сторонам четырьмя колышками или же его просто привязывали между нартами¹. На ночь перед входом в полог втыкали копыя и связки стрел. Ж.-Б. Б. де Лессепс объясняет, что это делалось против коряков, однако совершенно ясно, что подобное заграждение не уберезет от нападения врага, — его делали против злых духов кэле². В непродолжительные походы пологи не брали. Если полога не было, то спали прямо на саях. При благоприятных погодных условиях чукчи могли спать в лесу. Если вокруг была тундра, то могли спать и на снегу, бросив на него шкуру оленя, или даже без нее — просто в снегу, втянув руки и голову в кушлянку и заткнув вырез для головы шапкой — двойная чукотская одежда достаточно согревала и не позволяла замерзнуть³.

¹ Цитата Б. Кузнецкого: КПЦ. № 70: 181; Нефёдкин 2017: 375–376; родичи в лагере вместе: Врангель 1948: 175; ср.: Кибер 1827: 195; Тан-Богораз 1979: 28 (оленные коряки); мнение: Лессепс 1801. Ч. II: 109; о поlogах ср.: Вдовин 1965: 50; пологи в 1821 г.: Cochrane 1824: 191; закрепление полога: Лессепс 1801. Ч. II: 109; между нартами: Галкин 1929: 170.

² Лессепс 1801. Ч. II: 110; против кэле: Меновщиков 1974. № 68: 255–256; 1988. № 96: 221; ср.: Загоскин 1956: 88 (аляскинские эскимосы); см.: Зеленин 1931: 725–731. Против кэле могли втыкать в землю костяной нож, который как бы пригвоздил их к земле (Беликов 1982: 151). Подобное культовое втыкание стрел характерно и для коряков: Jochelson 1905: 43 (стрелы, воткнутые около очага, пожертвованы после убийства волка); Вдовин 1976: 259–260 (жертвоприношение собаки с воткнутыми в землю стрелами). Отметим, что у чукчей копыя могли втыкаться в землю перед дверью яранги (Вдовин 1976: 236). На рисунке И. Булычева (1856а: [Рис. 6]), изображающем стойбище оленных коряков, перед входом в ярангу видим копыя, воткнутые вверх наконечниками: три слева и два коротких справа. Известно, что копыя оставляли таким образом гости, пришедшие в ярангу эскимосов (Рубцова 1954. № 17: 247, § 95).

³ Без полога; Богораз 1900: 28, примеч. 14; спят в нартах: Галкин 1929: 178; Рубцова 1954. № 1: 29–30. § 132, 159, 211; Айвангу 1985: 59; ср.: Колтун 1904: 28; в лесу: Кеккетын 2010: 187; в тундре: Галкин 1929: 162; ср.: Колтун 1904: 28; спят в снегу: Галкин 1929: 162 (на шкуре оленя); Коротаева 2008: 8; Омруевы 2013: 60; ср.: Тумма 2008: 57.

Во время набегов бивуак могли устанавливать на возвышенности, очевидно, в целях безопасности, как это было, например, 13–14 марта 1747 г. у устья реки Орловой. С этой же целью лагерь разбивали на льду озера¹. Привалы делали на местах, где был мох — корм для оленей. Во время коротких остановок и перед битвой вожжи оленей привязывали к нартам или же отпускали пастись, привязав длинными ремнями. Оленей также посылали пастись с одним-двумя пастухами, основной задачей которых было защитить стадо от волков. Ездовых животных в пути на ночь привязывали к камням или кольям, а то и просто их не распрягали. Когда предполагали, что по пути не будет достаточно корма для оленей, то его везли с собой, используя в качестве мешков для него, к примеру, одежды².

Костры, в отличие от коряков, на привале могли не разжигать — зачастую не было топлива. Обычно ели при этом холодное. Это выглядит довольно неожиданно, поскольку костер считался охранителем от злых духов, которые господствовали в темное время суток. Вероятно, данное поведение объясняется отсутствием топлива в тундре. Ведь корякская сказка повествует, что чукчи в лагере сидели в «палатках» с кострами, да и при описании набега чукчей на коряков в 1730 г. упоминаются многочисленные дым от костров лагеря. Ведь топливо для костров иногда брали с собой или отъезжали за ним от основного маршрута экспедиции³.

Обычно караул на бивуаке не ставили, никаких укреплений не возводили. Лишь заметив чужака, спрашивали, кто он. Однако, когда угроза нападения на стан существовала, часовых все же ставили, как это

¹ Возвышенность: Кеккетын 2010: 187; 1747: КПЦ. № 66: 172; на льду озера: Bogoras 1918. № 22: 91; Нефёдкин 2016: 310.

² Вожжи к нартам: Богораз 1899: 370, примеч. 3; Вдовин 1965: 97; длинные ремни: Асадова 2012а: 52; пастухи: Беретти 1929: 48; ср.: Костенецкая 1973: 182 (коряки, со сменой караула); привязывание ездовых оленей: Гурвич 1983: 101; оленей не распрягают: Богораз 1991: 33; запасы кормов: М-в 1877. № 47: 386; Богораз 1900. № 145: 388; мешки: Богораз 1899: 356.

³ Без костров: Богораз 1991: 108; костер — охрана от кэле ночью: Вдовин 1977: 133; Нутекеу 2005: 83; ср.: Асадова 2010: 14, 22; отсутствием топлива в тундре: Сарычев 1952: 252–253; Тан-Богораз 1958: 82; берут топливо с собой: Сарычев 1952: 253; отъезд от маршрута за топливом: Сарычев 1952: 248; едят холодное: Врангель 1948: 314; Лазарев 1950: 303; Сарычев 1952: 250, 252; дым от костров в 1730 г.: ААН, ф. 21, оп. 4, № 110, л. 255; Нефёдкин 2016а: 25; в «палатках» с кострами: Jochelson 1905. № 6: 137; ср.: Стебницкий 1994: 24; Кеккетын 2010: 182; женщины на страже: Меновщиков 1974. № 87: 308.

было на урочище Красной реки в августе 1756 г. Даже женщины могли нести караул, когда мужчины спали¹.

Когда ожидалось нападение врагов, по словам чукчей, они даже спали одетыми с оружием. В 1756 г. чукчи прямо заявили анадырскому командиру И. С. Шмалеву, что «в зимнее время за опасением от русских мало и сну имеют, да и то обутые и одетые и при луках и при копьях». Луки, как пишет К. Кеккетын, чукчи клали под голову, как и коряки (впрочем, может быть, это простая интерполяция коряжского обычая на их противников). Проснувшийся воин мог тут же воспользоваться луком. Копья же ставили в одну вертикальную пирамиду².

2.4. Набег со стойбищем

Основным видом зимнего набега было постепенное подкочевывание со всем стойбищем в сторону противника. О ходе такого набега К. Мерк замечает: «Когда они приближаются к чужой земле, то оставляют позади женщин и юрты». Может создаться впечатление, что яранги с женщинами остаются где-то далеко в тылу, на границе территории противника, однако это не так. Чукотские сказания, повествующие о набеге, рассказывают, что враги ставили свой стан в непосредственной близости от стойбища противника. Нападающие располагались лагерем без всяких укреплений и дозоров и совершенно спокойно занимались обыденными делами. Бойцы, облачившись в доспехи, шли в бой, оставив нарты на стойбище, где оставались женщины без всякой защиты. Если на данной территории был лес или еще какие-то труднодоступные территории, естественные убежища, то семьи оставались там. Воины могли подъезжать и непосредственно к месту боя на нартах, оставляя их за строем, что, в свою очередь, создавало препятствия возможности заходу в тыл отряду³. Далее действие

¹ Без караула и укреплений: Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; Беликов 1982: 182; Нутекеу 2005: 29, 31; Кеккетын 2010: 187; опрос чужака: Bogoras 1918. № 23: 95; Нефёдкин 2016: 313; 1756 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 36 об. — 37, 84; Нефёдкин 2016а: 88–90, 137–138.

² Спят одетыми: Вдовин 1965: 129; цитата 1756 г.: Вдовин 1965: 129; Зуев 2009: 375; луки под головой: Стебницкий 1994: 50–51; Кеккетын 2010: 180, 187, 189; ср.: Воскобойников, Меновщиков 1959: 432.

³ Цитата: Мерк 1978: 120; неупорядоченный лагерь: Меновщиков 1974. № 87: 309; № 91: 316; Лебедев, Симченко 1983: 131; в лагере оставались женщины: Лебедев, Симченко 1983: 131; женщины в убежище: Мамышев 1809: 25, примеч.; нарты за строем: Сгибнев 1869: 16.

шло по сценарию, подобному тому, как действовали при нападении на вражеское стойбище.

Н. Н. Беретти, рассказывая о коряках и чукчах, отмечал: «Кочующие туземцы при дальних и продолжительных поездках берут часто с собою своих жен». 2 ноября 1791 г. чукчи, собираясь в поход с капитаном И. Биллингсом, оставили родственников, стада и разную кладь, а взяли с собой жену, сына или дочь, а также некоторое количество оленей для езды и продовольствия. О набегах оленных и оседлых вместе с женщинами упоминает и фольклор.

Подобный обычай был характерным не только для одних чукчей, он существовал и у других народов региона, например ительменов¹. Еще в 1860-х гг. участие женщин в походе объясняли тем, что мужчины не желали (да и не умели) делать в экспедиции женскую работу².

Действительно, в чуванском сказании упоминается, что женщины во время набега ставили «палатки» — типично женская работа, чуждая мужчинам³. В общем, такой поход фактически представлял собой определенный вид перекочевки.

2.5. Набег одних мужчин

В зимний набег могли отправляться и одни мужчины на нартах. Подобный набег мог быть дальним и неожиданным для противника, ведь чукчи были мобильными, не обремененными большим обозом. Набеги могли быть дальними. Так, Б. Кузнецкий отмечал, что он ехал от окрестностей Анадырска, где его захватили в плен, до стойбища чукчей шесть недель (1756 г.). Если принять, что в среднем за сутки караван при неспешном передвижении проходил 10–12 км, то данное расстояние могло быть, по крайней мере, 420–500 км.

¹ Цитата: Беретти 1929: 13. Чукчи: Богораз 1900. № 110: 286–287; № 130: 335; 1901. № 130: 335; Bogoras 1918. № 22: 91–92; № 23: 95–96; Меновщиков 1974. № 91: 316–318; Вахтин 2000: 46, 201; об экспедиции 1791 г.: Сарычев 1952: 252; ср.: Неверов 1874: 47; Народы России. 1880: 12; коряки: Лебедев, Симченко 1983: 131; камчадалы: Стеллер 1927: 47.

² Нейман 1871. Т. I: 19; Беретти 1929: 16; Кавелин 1931: 86–87; ср.: Беликов 1982: 191–192.

³ Bogoras 1918. № 23: 95; Нефёдкин 2016: 313; презрение мужчин к женской работе: Обручев 1974: 86.

Если набег был чисто грабительским, направленным на захват оленей, то пленных предпочитали не брать, убивали всех. Родное же стойбище при этом оставалось незащищенным и на которое также могли нападать¹.

2.6. Грабительские налеты

Очевидно, в основном в летнее время в тундру в поисках добычи отправлялись небольшие пешие партии мужчин, происходящие из бедных стойбищ. Они нападали как на представителей других этносов, так и на своих — более зажиточное стойбище сородичей. Южные чукчи для поддержания своей боевой подготовки нападали на дальние стойбища, придерживаясь мирных отношений с соседями². Такие партии не были многочисленными: чукотский и корякский фольклор упоминает группу нападающих из двадцати, десяти, пяти-шести, пяти, трех и даже двух воинов³. Причем если предыдущие нападения не увенчались успехом, то в следующий рейд могло идти большее количество воинов. Естественно, будучи немногочисленными, шайки старались неожиданно напасть на небольшие стойбища оседлых или оленеводов. Нападать предпочитали ночью, зачастую передвигаясь вперед ползком⁴. В корякских преданиях ночное нападение чукчей на стадо рассматривалось как типичное⁵. Конечно же, речь могла идти не о собственно ночных часах, а о темном времени суток, если действие происходило в зимний период. При этом использовались различ-

¹ Б. Кузнецкий: КПЦ. № 70: 181; Нефёдкин 2017: 375; женщины остались одни в стойбище: Ятгыргын 1963: 5; Беликов 1982: 198; Лебедев, Симченко 1983: 129; Нефёдкин 2016: 89, 92, 148, 183–184; о расстоянии ср.: Аргентов 1879: 439 (один пробег на оленях — 7 верст); Вдовин 1987: 73; всех убивали: Бабошина 1958. № 101: 243; Нефёдкин 2016: 106.

² Сообщение В. Н. Нувано (Анадырь, март 2017 г.).

³ 20 воинов: Меновщиков 1974. № 92: 318; 10 воинов: (Bogoras 1910: 185; Беликов 1965: 157; 5 бойцов: Богораз 1899: 354; 5–6 воинов: Богораз 1900. № 167: 415; 3 воина: Бабошина 1958. № 90: 217; Меновщиков 1974. № 155: 488–490; 2 бойца: Меновщиков 1974. № 86: 307.

⁴ Большее количество воинов в последующем набеге: Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; нападение ночью: Беликов 1965: 166; Роббек 2005: 270–272; 281–282.

⁵ Богораз 1899: 354; Иохельсон 1900. № 96: 210–211; Jochelson 1905: 138–139; Стебницкий 1938. № 1: 140 Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; Жукова 1988: 16–17; Стебницкий 1994: 28, 30, 39, 47; Нутекеу 2005: 7, 29.

ные приемы. Например, спрятавшись, старались неожиданно напасть на пастухов или на жилище, убить жителей, стреляя издали из луков, угнать стада.

Если яранга стояла одна, то немногочисленные враги могли ее окружить и даже, взобравшись на нее, наблюдать через дымовое отверстие, что происходит внутри, выжидая удобное время для нападения. Такого разведчика могли уничтожить, неожиданно бросив из полога копье или незаметно взобравшись на ярангу¹.

Если нападали на подобную одиноко стоящую ярангу и враги чувствовали при этом свое численное превосходство, то действие, судя по чукотским сказаниям, часто шло по «цивилизованному» сценарию. Если не знали, кто обитал в жилище, то в коротком диалоге с хозяином выясняли это. Вожак нападавших вызывал хозяина яранги на поединок, поскольку предводитель обычно был лучшим воином в своем отряде и должен был периодически доказывать свое умение вести бой. Нападать на безоружных было все же негероично. Пришедшие даже могли ожидать отсутствующего хозяина яранги, не начиная до его прихода грабить его жилище и убивать обитателей. В том случае, если мужчина, выйдя на поединок, погибал, то его семья и имущество становились добычей победителя².

2.7. Нападение на поселение врагов

Г. Ф. Миллер так характеризовал нападения чукчей и алюторских коряков: «... они не выступают против своих врагов в организованном порядке, как и не дают ему времени подготовиться к правильной обороне. Они постоянно ведут войны, как с русскими, так и с находящимися в повиновении русским прочими коряками. Но их нападения всегда совершенно неожиданны, а совершаемые ими убийства или захваты в плен, поджоги жилищ после того, как имущество разграблено, — всё это они делают самым поспешным образом и затем опять

¹ Ятгыргын 1963: 5–6; Асадова 2010: 55; Нефёдкин 2016: 92–93; уничтожение разведчика: информация И. Г. Гыргольнаут и Ф. Чайвут (Анадырь, октябрь 2013 г.).

² Поведение у яранги: Jochelson 1905: 138–139; Бабошина 1958. № 103: 251; Воскобойников, Меновщиков 1959: 427–429; Такакава 1974: 45; Жукова 1988. № 7: 16–17. § 50–57; диалог с хозяином: Тынэтэгын 1940: 101; ожидания хозяина яранги: Такакава 1974: 45; семья-добыча: Бабошина 1958. № 95: 233; Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; Антропова 1953: 41–42; Беликов 1965: 162.

возвращаются»¹. Такой способ нападения использовался, естественно, при втором стереотипе ведения войны — против чужих и враждебных племен. Дабы не понести лишних потерь, чукчи нападали на поселения врагов неожиданно, на рассвете, чтобы не дать противнику подготовиться к обороне и просто перебить спящих или мечущихся спроне².

Поджог жилищ скорее более характерен для коряков, которые могли легко достать горючий материал. Ведь при поражении и нежелании сдаваться коряки поджигали свои жилища. Однако, судя по фольклору, поджог жилищ использовали и чукчи. Если обычная покрывка яранги горела плохо (она просто тлела), то этого нельзя сказать о деревянных домах. Сжечь могли русские избы: по нижнеколымским преданиям, так была сожжена заимка Погромное, в 1741 г. тойон Наихйю похвалялся сжечь Анадырский острог. Кроме того, согласно преданиям кереков, чукчи во время зимних набегов нападали на деревянно-земляные жилища кереков — валькары таким способом: атаковавшие баррикадировали вход, а через дымовое отверстие бросали зажженную паклю, пропитанную жиром. В результате жилище загоралось, а жители либо сгорали заживо, либо выскакивали и вступали в бой с чукчами. Подобный способ взятия жилищ с помощью заваливания входа и поджога был достаточно типичен в регионе. А. Ф. Шестаков в начале 1730 г. по совету коряка-переводчика тем же способом оседлых коряков заставлял подчиняться русским³.

Для координации действий, чтобы враг не услышал их приближения, чукчи могли перекликаться по-вороньи. Отсюда, возможно, в

¹ Миллер 2009: 346; Антропова 1957: 226–227.

² Богораз 1902. № 5: 163; Bogoras 1918. № 2: 28; Бабошина 1958. № 101: 245; Кеккетын 2010: 198; Нефёдкин 2016: 108; ср.: Стебницкий 1994: 43 (коряки); Ятгыргын 1963: 5–6; Нефёдкин 2016: 92–93.

³ Коряки: Стрелов 1916. № 41: 126; Лессепс. Ч. 2. 1801: 156; Дьячков 1893: 64; Окунь 1935а: 51; Вдовин 1970: 20; Элерт 1998: 127; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 18: 77. § 1–6; Стебницкий 2000: 177. Фольклор оседлых чукчей: Меновщиков 1974. № 57: 221; Такакава 1974: 45–46; фольклор оленных чукчей: Богораз 1900. № 156: 402; Вдовин 1970: 22; эскимосы: Вахтин 2000: 135; поджог русских селений, Погромное: Олыкшандрович 1884. № 11: 295–296; Богораз 1934: 48; фольклор кереков: Леонтьев 1983: 96; Тынеру 2005б: 88; покрывка яранги тлеет: Рожков 2003; действия А. Ф. Шестакова: ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 250–250 об., 251 об.; Сгибнев 1869: 13; Нефёдкин 2016а: 18; Наихйю: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 18 об.; Нефёдкин 2016а: 215–216.

чуванских преданиях чукчи ассоциируются с вóронами и воро́нами¹. Чтобы дать знать своим, находящимся во вражеской яранге, и не вызвать у противника подозрения, кричали, находясь у озера, как гагара: «Йоо-ок! Йоо-к!»²

Предание о неожиданном нападении чукчей рассказали В. Г. Богоразу русские жители Походской деревни на Колыме: «Когда ночи стали дольше, чукчи напали на деревню, захватили сонными и всех перебили. Как выбежит какой из дому, тотчас его и убьют». Цель подобного набега была проста: она состояла в неожиданном появлении, истреблении врага, при случае захвате добычи и быстром отступлении. Причем провизию чукчи тут же съедали и портили то, что не могли увезти, с целью вызвать голод у оставшихся в живых противников: юколу топтали, жир выливали из больших фляг, а пустые емкости выбрасывали³.

В набеге на оленных коряков главными были и молниеносность, внезапность, ошеломление противника, чтобы не дать ему возможности не только откочевать, но и спастись бегством. К. Мерк написал об этом следующее: «Нападения на яранги противника начинают всегда на рассвете. Одни бросаются с арканами на яранги и стараются их разрушить, выдергивая стойки, другие в это время колют копьями покрышки яранги, а третьи, подъехав быстро на своих легких нартах к оленьему стаду, делят его на части и угоняют. Иногда удается корякам убить некоторых из нападающих, стреляя из ружей из яранги, или ранить, и тогда чукчам приходится ни с чем убраться восвояси. Однако так как чукчи большей частью очень быстро разрушают ярангу, то корякам реже удается стрелять во второй раз и больше. В то время как чукчи закалывают всех боеспособных мужчин... женщин и детей они уводят с собой»⁴.

Итак, как видим, временем для нападения избиралась рассветная пора, когда сон у спящих наиболее крепок и проснувшийся от криков и шума человек не может сразу сообразить, в чем дело, и гибнет под ударами нападающих. Обычно при этом ярангу коряков окружали,

¹ Карканье: Богораз 1902. № 6: 164; Вальская 1961: 183; ср.: Мушкин 1853. № 83: 853 (призыв людей в снежной пустыне); чуванские предания: Bogoras 1918. № 23: 95; Нефёдкин 2016: 312.

² Богораз 1899: 353; Другой, более поздний вариант сказки, где муж превратился в гагару, см.: Такакава 1974: 45; ср.: Нефёдкин 2016: 158–165.

³ Походск: Богораз 1934: 48; ср.: Меновщиков 1988. № 125: 296; провизия: Богораз 1902. № 6: 164; Тан-Богораз 1979а: 215; ср.: Тан 1898. № 118: 3.

⁴ Мерк 1978: 120.

чтобы никто из жителей не мог убежать и позвать на помощь. Группа нападавших при этом должна была насчитывать, по крайней мере, около десятка человек. Спереди нападали на яранги, вероятно, когда по какой-то причине не могли окружить ее полностью¹. Воины в нападавшем отряде имели четкую специализацию в зависимости от хозяйственных и бытовых навыков каждого. Оленеводы, умевшие ловко накидывать аркан на оленя, использовали этот навык для заваливания яранг, чтобы оттуда выбежали жители, поскольку в сами жилища чукчи не стремились врываться. Вероятно, это было связано с религиозными представлениями: опасением мести со стороны духов-защитников очага, на которых, в свою очередь, надеялись оборонявшиеся. Ведь В. Г. Богораз поясняет: «Считается недопустимым врываться в чье бы то ни было жилище, будь то даже нора лисицы, так как предполагается, что каждое жилище имеет бубен и духов-охранителей, мечь которых может последовать немедленно», и в другом месте: «Чукчи очень подозрительно относятся к чужому жилищу, опасаясь нападения духов, и стараются оградить себя заговорами и заклинаниями»². Хотя, похоже, бывали и исключения: в сказке о приморском пращнике упоминается, что, разломав жилище коряков, воин вломился в него и перебил оставшихся в живых. Однако такой способ действия мог, исходя из сюжета, диктоваться тем, что герой стремился заполучить уважение у остальных воинов — соратников по набегу, тем более что жилище было частично разрушено. Также в записанном позднее сказании «Юргъэю» в ярангу героя вошли враги, но были там перебиты Юргъэю, что вполне может быть поздним переложением предания³.

Сам прием накидывания аркана на верх яранги был достаточно типичен. Эскимосская сказка так описывает нападение врагов на стойбище: «Скоро увидели, что черной вся сопка стала. Это враги к стойбищу ползли... Копья у них были и ремни длинные с петлей на конце. Кинут они петлю на верхнюю часть яранги. За конец шеста зацепят и тянут. Падает яранга». Подобным же образом описывает это действие и корякское сказание: «Подошел к юрте, набросил аркан на сплетение

¹ Окружение яранги: Меновщиков 1974. № 87: 309; Стебницкий 1994: 29; Кеккетын 2010: 198; ср.: Богораз 1902: 369; Иохельсон 1900. № 52: 127; нападение на ярангу спереди: Bogoras 1918. № 2: 28; Беликов 1982: 199–200; Нефёдкин 2016: 89–92.

² Первая цитата: Богораз 1991: 75; вторая цитата: ААН, ф. 250, оп. 1, № 124 / 12, л. 8 об.; ср.: Богораз 1902: 151; Меновщиков 1977: 81–82.

³ О пращнике: Богораз 1900. № 110: 287; о Юргъэю: Асадова 2010: 47.

верхних концов жердей, которые осто́в юрты держат, потянул сильно и опрокинул юрту набок»¹.

В то же время другие воины, копейщики, поджидали выбегающих врагов у входного проема, закалывая пытавшихся убежать копьями². Копейщики же использовали при нападении на жилища еще один характерный прием: прокалывание стенок яранги и полога, находящегося внутри, копьем. Видимо, копье при таком ударе держали в обеих руках (правой ближе к концу), используя характерный прием при забивании домашних оленей. Отметим, что подобным же образом, через полог, убивали и стариков, решивших уйти к «верхним людям»³. Следовательно, и тут воин-оленовод использовал типичный бытовой навык.

Наконец, третья, очевидно, самая незначительная, группа нападавших угоняла оленье стадо. Для быстроты это делали, не слезая с нарт. Табун, насчитывающий сотни, а то и тысячи оленей, делился на части, за которыми следили часть угонявших: они ехали сзади на ездовых нартах, как и при перекочевке. Если успевали, оленей, которых не могли угнать, забивали. Судя по фольклору, корякский пастух против подобного налета на стадо мог использовать следующую хитрость: он натягивал крупному оленю-быку на рога кухлянку, после чего испуганное животное металось по стаду, распуская его, а разбегающиеся олени сметали самих чукчей на нартах⁴.

Судя по сообщению К. Мерка, чукчи, получив отпор от обитателей яранги и неся даже некоторые незначительные потери, предпочитали не сражаться, а ретировались. Обороняющиеся коряки, очевидно, стреляли через стены или даже через специально проткнутые бойницы, используя огнестрельное оружие, которое чукчи практически не применяли в XVIII в. Например, известно, что в 1773 г. 16 оседлых

¹ Цитата из эскимосской сказки: Козлов 1956: 182; из корякского сказания: Меновщиков 1974. № 150: 476; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 97, § 66; ср.: Крейнович 1979: 190; Новикова 1987: 101.

² Иохельсон 1900: 210–211 = Курилов 2005: 564–565; Меновщиков 1974. № 148: 469–470; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 21: 111–115. § 74–85, 106–108.

³ Прокалывания покрывки: Богораз 1934: 175; ср.: Стебницкий 1994: 53 (оленные коряки); забивание оленей: Богораз 1991: Табл. VI. Рис. 1; Закалывание стариков: Зеленин 1937: 62; ср.: Ч-о 1889. № 7: 106.

⁴ Захват и угон табуна: Олсуфьев 1896: 148; Тан-Богораз 1979: 106–107; ср.: ААН, ф. 250, оп. 1, № 124 / 5, л. 12 (ламутское предание: чукчи окружают стадо; Нефёдкин 2016: 284–285); убой оленей: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 13 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 26; Нефёдкин 2016а: 48, 203; испуг стада корякским пастухом: Из Тигиля 1866: 4; Жукова 1988. № 4: 16–17. § 16–49.

коряков, гостивших у оленного князца Эйгеля и имевших ружья, смогли отбить неожиданное нападение на стойбище чукчей, убив одного из них. Если же чукчи в считанные минуты заваливали ярангу, то коряки просто не успевали перезарядить ружье вновь. Ведь во второй половине XVIII в. скорострельность огнестрельного оружия, заряжаемого с дула, была невелика: несколько выстрелов в минуту, и коряки не успевали выстрелить второй раз. Стоит заметить, что подобный прием применялся чукчами и в полевом сражении против русских, которым просто не давали выстрелить во второй раз, ведь чукчи, будучи опытными воинами-индивидуалами, тут же переходили к рукопашной схватке. Если жилище коряков было неким образом укреплено и из нее не выходили воины, то чукчи могли просто ретироваться¹.

Гижигинский переводчик Ефрем Пургин так описал (ок. 1767 г.) поведение коряков во время чукотского нападения: «... аленные и пешие коряки во время на них чукотских неприятельских набегов и нападений, в намерении том будучи, естли по малолюдству их и с теми чюкчами отпору дать не могут, не хотя им, чюкчам, отдатся по неминуемости в плен, или убегая смертного себе убивства, склоняют себя на своих собственных, или чьи пригодятца, оленях и санки к убежищам и укрывательствам; при котором опасном случае из сожаления, под тою мнимостию, чтоб в неприятельские руки, а паче в холопство и в плен попасть, и у оных будучи, всякаго мучения или какого огорчения претерпеть не могли, детей своих малолетных в самое сердце закалывают ножами, чтоб оные без всякаго от той раны мучения как наискоряя возможно помереть могли, а затем оставшим шкарбом по их убежищу отступаютца»². В общем, если коряки не рассчитывали на свои силы, они просто спасались бегством на первых попавших под руку нартах в известные им убежища, закалывая в первую очередь своих маленьких детей, которые бы обременяли бегущих.

Чукчи, совершая набег на коряков и узнав, что мужчины якобы на пастбище (а на самом деле — в засаде), могли принять приглашение корячек войти в ярангу, поесть и разделить с ними ложе. Поскольку с женщинами обычно не воевали, то такое приглашение рассматривалось как приглашение в гости. Судя по корякским преданиям, нападавшие при этом вели себя беспечно, оставляя оружие на нартах,

¹ Стрельба через бойницы ср.: Козлов 1956: 182; Беликов 1982: 200; Нефёдкин 2016: 91; укрепленное корякское жилище: Богораз 1900 № 110: 287; 1773 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 31, 45; ч. 2, д. 3, л. 37 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 90; Нефёдкин 2016а: 145.

² Косвен 1962: 279–280.

не подозревая о возможном нападении корякских мужчин, которые по сигналу женщин неожиданно для чукчей появлялись из засады и уничтожали ошеломленных врагов, выбегающих из яранги¹.

В общем, еще раз отметим, что чукчи искусно использовали свои бытовые оленеводческие навыки в военном деле. Это, собственно говоря, не особенность их, а скорее характерная черта «первобытного» военного дела, еще не отделившегося полностью от охотничьего промысла и скотоводческого хозяйства.

2.8. Столкновения из-за кровной мести или прочих причин

Данный вид столкновения, с одной стороны, был наиболее древним, а с другой — наиболее живучим, сохранявшимся еще в первой половине XX века. Еще К. фон Дитмар, говоря о чукчах, заметил: «Врага же преследуют неумолимо и кровавую месть считают священной обязанностью». Причиной кровной мести было убийство. Само же столкновение могло происходить по различным причинам, часто бытовым, ссора постепенно перерастала в драку, а затем приводила к фатальному исходу. В 1890-х гг. Айнанват рассказывал В. Г. Богоразу о возможных причинах конфликта: «Бывает, что крадут женщин силой, завязанных, совокупляются с ними, силою разрывая на них платье, но из-за этого больших ссор не выходит, потому что родители не очень обращают внимание». Например, известно, что два друга угрожали в случае отказа отдать одному из них в жены приглянувшуюся девушку перебить всё ее стойбище².

У чукчей, как уже отмечалось, существовала «группа участников кровной мести», которая и была ответственна за этот акт в целом³. Обычно же на месть отправлялся ближайший родственник убитого: муж, брат, сын. Друг также должен был отомстить за своего товарища. В эскимосской сказке «Девушка, отказывающаяся выйти замуж» бра-

¹ Яттыргын 1963: 5–6; Беликов 1982: 198–200; Жукова 1988. № 4: 17; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 17: 75–77; Кеккетын 2010: 198–199; Нефёдкин 2016: 89–93.

² Цитата: Дитмар 1856: 38; цитата В. Г. Богораз: ААН, ф. 250, оп. 1, № 154 / 10, л. 4 об.; угрозы: Такава 1974: 93.

³ Ср. с представлениями нивхов: всякий, кто не исполнил кровную месть, «неизбежно искупает такое упущение несчастьем и даже смертью», поскольку дух убитого будет ему мстить (Шренк 1903. Т. 3: 24).

тя даже мстят невестке из другого рода, которая случайно убила одного из братьев, бросая ее в яму с червями; а в сиренекской сказке к невесте, убивавшей на соревнованиях своих женихов, явились мстить родственники последних¹. Мститель часто шел на обидчика один, нередко сразу, как только обнаруживал убийство, и если недругов было много, то он старался незаметно пробраться к ним и отомстить. Мсть в первую очередь была направлена на обидчика, которого стремились убить тем же способом, каким и он произвел убийство, то есть существовал принцип возмездия «око за око». Так, в одной эскимосской сказке упоминаются мстители, которые за гибель своего односельчанина просверлили убийце макушку, то есть наказали его тем же способом, каким и он убил. После убийства виновного мщение прекращалось, ведь убивать дальше считалось грехом.

Причины ссор, как уже говорилось, были самыми разными. У чукчей еще в конце XIX в. существовал своеобразный экстремальный вид спорта — кража оленей, тогда как в прочих отношениях чукчи обычно были честными людьми. Так, В. Г. Богораз отмечал: «Среди оленных чукоч воровство между стойбищами и стадами, можно сказать, вошло в обычай». Это также было одной из причин, приводивших к ссоре, борьбе, а затем к мести. Причем если отец не успел получить сатисфакцию, то мсть переходила к сыну².

В качестве мести могли убить не обидчика, а его близкого, стремясь доставить максимальное страдание обидчику. В легенде даже за убитого кита, рожденного женщиной из Нунака, нунагмитцы отомстили своим соседям-мамрохпагмитцам, убив силача последних³.

Механизм возникновения ссоры и последовавшей за ней кровной мести приводит житель села Марково А. Е. Дьячков (1840–1907): «Что

¹ Братья и отец мстят: Lebo 2013: 56–57; мсть невестке братьев: Рубцова 1954. № 13: 184–187, § 66–213; Вахтин 2000: 188–192, 298–308, 308–319; Кытгаут-Тынетегина 2016: 74–75; мсть невесте: Вахтин 2000: 135.

² Кража оленей: Богораз 1899б: 19; Беретти 1929: 20; цитата: Богораз 1934: 28; ср.: Богораз 1902а: 84; Меновщиков 1974. № 100: 330–331; переход мести к сыну: Августинович 1878: 54; 1880: 725; Сильницкий 1897: 52.

³ Один мститель: Бабошина 1958. № 101: 245; Нефёдкин 2016: 108; мсть обидчику: О кровной мести. 1958: 71; Меновщиков 1974. № 97: 327; ср.: Стеллер 1927: 48, 70; Толмачев 1911: 99; просверливание макушки: Богораз 1934: 174; Меновщиков 1974. № 83: 293–294; ср.: Галкин 1929: 110; грех убивать далее: Врангель 1948: 311; Богораз 1900: 29, примеч. 27; 1934: 183; О кровной мести. 1958: 71–72; мсть близкому родственнику: Богораз 1934: 183; ААН, ф. 250, оп. 1, № 250 / 10, л. 6 об.; нунагмитский кит: Меновщиков 1985. № 56: 125–127; Нефёдкин 2003: 300–301 (с дальнейшими ссылками); 2016: 236–241.

у чукчей в обычае кровавая месть, видно из следующего случая. В феврале настоящего 1891 года из Нижнеколымска несколько человек отправились по берегу Ледовитого моря, к востоку от устья Колымы. Приехавши на первый чукотский постоянный (оседлый) острожек, имевший около 4 юрт, они не застали ни одного живого человека: все, как мужчины, так и молодые девушки, лежали мертвыми, облитые кровью». Потом стало известно, что тут произошло. «Один чукча купил у другого березовый полоз под нарту, потом продавец начал просить обратно свой проданный полоз, а покупатель воспротивился уничтожению сделки; по этому поводу завязалась между ними драка, сначала кулачная, а потом и кровавая. Драка произошла в юрте покупателя, продавец убил хозяина, его жену и детей. У убитого чукчи был сын, который был в отлучке. Когда он приехал домой и нашел убитыми отца, мать, братьев и сестер, свою жену и детей, то он вздумал разделаться с убийцей таким же кровавым образом. Забравшись в юрту убийцы, он убил все семейство без остатка, затем напал и на посторонних чукчей с укором, зачем они допустили до кровавой драки, убил их всех, даже младенцев, и, наконец, сам умер от полученных ран. Во время последнего убийства три мальчика со страху убежали в другой чукотский острожек, они-то и рассказывают, как произошло убийство»¹.

В 1895 г. колымский исправник и «очевидцы» поведали В. Г. Богоразу такую версию произошедшего. На Шелагском мысу жил старик Макамченок с детьми, вместе с ними в отдельной яранге проживал бедняк по имени Камень. Весной носовой чукча Яя приехал сюда для торгова. Повздорив, Яя убил старика и бывших тут же домочадцев. Забрав попавшие под руку вещи, Яя уехал. Спасаясь от резни, дочь Макамченка бежала к мужу и брату, которые охотились на тюленей на льду. Вечером возвратившись с охоты, они стали упрекать Камня за то, что он не вступился за родичей старика, и за это убили самого Камня и его семью. Затем сын Макамченка отправился один в погоню за Яя, а его дочь и муж уехали к оленным. Лишь через несколько дней сюда прибыли представители православной чукотской миссии. По слухам, Яя добрался до самой восточной части Чукотского носа, но подробности о дальнейшем развитии событий на Колыме не знали².

Это убийство на Шелагском мысу получило большой общественный резонанс и активно обсуждалось в российской прессе, что показывает необычность данного происшествия, которое стало известно

¹ Дьячков 1893: 57–58.

² ААН, ф. 250, оп. 1, № 112, л. 4. об. –5 («Дневник» В. Г. Богораз).

российской общественности. История данного происшествия, по газетным данным, иногда отличающимся от описаний А. Е. Дьячкова и В. Г. Богораза, получается следующей¹. За несколько лет до событий «из-за родовых несогласий» носовые чукчи переселились на Шелагский мыс для промысла нерпы. Во главе рода, состоящего примерно из 25 человек, живших в четырех ярангах, был старейшина Амакамченка, крестившийся в 1887 г. в Нижнеколымске как Николай Макамченоч. В 1890 г. он договорился с нижнеколымским священником отцом Виктором о том, что он проведет священника на о. Колючин для проповеди христианства. 9 марта 1891 г. экспедиция из восьми человек, включая иеромонаха Виктора и дьякона М. Петелина, двинулась в путь из Нижнеколымска на собачьих упряжках. Прибыв 19 марта в стойбище Амакамченка, экспедиция обнаружила в первой яранге, с прорезанным покрытием, внутри полога трех детей и двух женщин, зарезанных в шею или в голову; в другой яранге, находившейся в полутора верстах от первой, в пологе также обнаружили убитую сидящую женщину (далее осмотр не проводился); на снегу около первой яранги лежали лицом вниз четверо мужчин, рядом с которыми были разбросаны копья, ножи, американский топор и связки ремней; далее в снегу лежали еще два мужских трупа в сопровождении такого же ассортимента предметов — по предположению о. Виктора, это было именно погребение. Насчитали 13 трупов, которые уже были частично обглоданы оставшимися без присмотра восемью собаками. Бывший в это время в ссылке на Колыме И. В. Шкловский писал, что был вырезан род из 18 человек². Из имущества пропали лишь нарты с собаками и часть продовольствия. Оружие было поломано: копья погнуты, у двух винчестеров согнуты стволы и сломаны замки. Спаслось лишь два человека (как сообщает со слов носового чукчи Чепатки автор, скрывшийся под инициалами Е. М.), которые и приехали на Чаун.

Если попытаться совместить все три версии (А. Е. Дьячкова, В. Г. Богораза и газетную), которые получены по рассказам из вторых-третьих рук, то получаем такую картину. Стычка произошла в яранге чукчи-охотника, к которому приехал для торговли оседлый носовой соплеменник. Спор начался из-за торгового конфликта, и продавец, пришедший в ярость, убил покупателя и его семью. Ведь при

¹ Драма на Шалахском мысе. 1891: 2–3; Драма на берегу Ледовитого океана 1892: 6; Е. М. 1892: 231–235; Иохельсон 1892: 12–14; Петелин 1892: 212–214, 229–231; 1895: 353; Костюрин 1893. № 24: 2.

² Дионео 1895: 151.

кровной мести обычно уничтожали и детей убитого, боясь, что они будут мстить, когда подрастут¹, хотя в данной ситуации семья могла просто быть перебита, попав «под горячую руку». По возвращении сын убитого зарезал семью соседа, который не вступился за его домохозяев. Трупы четырех мужчин с оружием могли относиться к первому конфликту с покупателем или к борьбе с соседом (Камнем). На Чаун же прибыли дочь старика и ее муж. Погиб ли сын хозяина в борьбе или поехал мстить, неясно. Все эти события — характерный пример возникновения, хода и окончания кровной мести.

Поскольку одной из особенностей национального характера чукчей была легкая возбудимость², то ссора могла вспыхнуть из-за пустяка, простого оскорбления. Так, К. Мерк отмечал, что «у чукчей дело редко доходит до ссор, но тем легче кончает последнее убийством, чему недавно были примеры... Отец сделал при выезде сыну упрек, что он недостаточно быстрый и потому мало пригоден к походу против коряков. Это так взорвало сына, что он на месте заколол отца»³. То есть сын, которого отец лишь упрекнул в недостаточной физической подготовке для войны, в гневе убил своего родителя; но такое событие скорее исключение, чем правило.

В 1823 г. доктор А. Кибер описал другой случай: на Чауне племянник убил своего дядю из-за того, что шаман указал на последнего как на причину гибели двоих сыновей племянника путем волшебства. Сыновья убитого собрались мстить, но их двоюродный брат попросил отсрочить наказание на год, а сам скочевал и скрылся за это время. Таким образом, даже среди родственников могла возникнуть кровная месть, но, как видим, в несколько смягченном варианте⁴.

Однако, как правило же, споры среди родственников улаживались мирным путем. Кровная месть была направлена вовне рода, на представителей других родов или вообще иноплеменников. Г. Майдель заметил: «Удивительно, что при таком роде жизни у них кровавые стычки встречаются сравнительно редко. Случаются споры и таковые разрешаются копейным поединком или грабежом, если один из обиженных может собрать несколько товарищей, которые ему помогут

¹ Приезд оседлого ср.: Меновщиков 1974. № 42: 180–181; уничтожение семьи убитого: Меновщиков 1974. № 150: 476; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 99, 101. § 81–83.

² Богораз 1899б: 18; 1902а: 84; 1934: 26; Никольский 1900: 25; Колтун 1904: 24; Воскобойников, Меновщиков 1959: 430.

³ Мерк 1978: 140–141; Сарычев 1952: 188.

⁴ Кибер 1824: 118–119.

поколотить противника и угнать часть его оленей. Но все же такого рода расправы должны быть довольно редки...». Таким образом, обиженный, чувствуя в себе силы, мог вызвать обидчика на копейный поединок, который мог закончиться смертью одного из единоборцев. Так, сержант геодезии А. Гилев из экспедиции И. Биллингса описал событие, которое он наблюдал 15 сентября 1791 г.: «Сего числа побрались между собой двое чукчей, выскочили из байдары, схватили копья, из оных один другого заколол до смерти, пришедшего из жительства Уэлен, а прочие чукчи, смотря на то, смеялись»¹. Вероятно, тут поссорились два жителя из разных поселков, которые решили завершить спор в поединке, приведшем к летальному исходу, — другие чукчи даже не вмешивались.

Кроме простых поединков на копьях происходили и бои-состязания. Так, чукотское сказание рассказывает о состязании с похитителем сестры: сначала поединщики, обегая вокруг озера, по очереди преследовали соперника и метали друг в друга копья. Даже в первой половине 1930-х гг. брат невесты вызвал на поединок жениха, уведшего сестру: борьба без оружия перетекла в вооруженный поединок — копье против тесака².

Обида удовлетворялась не только мстью, но еще и «материальной компенсацией», состоявшей в отнятии у обидчика стада или иного имущества. Пострадавший часто забирая у обидчика половину стада. В качестве выкупа могли быть выданы наиболее ходовые товары: чай, табак, шкуры, ремни³.

Переводчик Айнанват в 1890-х гг. рассказывал В. Г. Богоразу следующее: «При убийстве в старину брали иногда в замену убитого голову: если женщину, ее обращали в жену; если мужчину, то в работника, который, однако, не имел права уйти, даже сын его не имел право уйти», причем чаще брали женщин, от которых можно было по-

¹ Мирное разрешение спора родственниками: Щекатов, Максимович 1809: 171; Богораз 1899б: 41; 1900. № 132: 336–337; Шнирельман 1994: 103–104; цитата: Майдель 1925: 30; ср.: Богораз 1934: 179–180; Меновщиков 1974. № 30: 135 (эскимосы); сообщение Гилева: ЭМ: 156.

² Состязания с похитителем сестры: Бабошина 1958. № 86: 212; ср.: Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 6–8; поединок в 1930-е гг.: Асадова 2012: 6–7.

³ Бабошина 1958. № 62: 151; Меновщиков 1958: 145; 1988. № 123: 294; 1974. № 97: 327; 1988 б. № 29: 130–131; Козлов 1956: 59 (стадо и нарты); о поведении в подобной ситуации коряков см.: Меновщиков 1974. № 150: 476; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 101, 103. § 85–93 (еще уведена и половина работников); выкуп — товары: Меновщиков 1974. № 94: 323.

лучить потомство¹. Действительно, бывали случаи, что убийца в качестве своеобразной виры поработался семьей, потерявшей своего члена, и выполнял его обязанности. Впрочем, в качестве своеобразного выкупа чаще передавали женщину — члена семьи убийцы. Взаимная женитьба на сестрах между бывшими недругами — также стандартный вариант замирения сторон. У эскимосов человека, убившего кормильца, могли не убивать, а заставить его платить своеобразные алименты: обеспечивать семью убитого².

Если обидчик не желал отвечать за убийство, он должен был спастись бегством. В предании, записанном педагогом Е. И. Нутекеу, эскимос, убивший чукчу, бежал на остров, где из-за опасения быть найденным убивал всех приплывавших. Согласно преданию, старшина оседлых Крехай, убив чукотского эрема, бежал от мести чукчей сначала на мыс Шмидта, а потом — на остров³.

А. А. Ресин также отмечал столкновения между оленеводами: «Чукчи отличаются от коряк воинственностью, судя по вооруженным столкновениям, нередко случающимся между ними. Поводом к таким столкновениям служит обыкновенно ссора между членами двух родов из-за какого-нибудь вздора, украденного оленя и т. п. Ссора, особенно под влиянием водки, переходит в драку и нередко кончается убийством. Родственники убитого считают своим священным долгом мстить за него и, таким образом, один род подымается и выступает против другого, дело доходит до вооруженного столкновения; дерутся на копьях, но иногда в дело идут и винчестеры, хотя вообще замечено, что там, где есть эти ружья (особенно у сидячих чукчей), войны стали реже. Часто столкновение кончается мировой: род наступающий, обиженный требует удовлетворения, контрибуции и, если состоится соглашение, противная сторона платит каждому из пришедших оленя, двух»⁴.

Естественно, употребление горячительных напитков, в частности водки, особенно распространившейся в XIX в., несмотря на существовавший государственный запрет торговать ею, способствовало возникновению ссор. По наблюдениям торгового агента Н. А. Галкина, «чукча хмелеет быстро и становится совершенно невменя-

¹ ААН, ф. 250, оп. 1, № 124 / 10, л. 4 об.; 6 об. (женщины).

² Порабощение члена семьи убийцы — Богораз 1934: 177; выкуп — женщина: Богораз 1899б: 41; Никольский 1900: 29; женитьба на сестрах: Асадова 2012: 7; «алименты»: Арутюнов, Сергеев 1975: 113.

³ Нутекеу 2005: 25–27; Крехай: Врангель 1948: 311; Нефёдкин 2016б: 47–56.

⁴ Ресин 1888: 171–172.

емым». В общем, кровная месть могла быть улажена и посредством выкупа, то есть в конце XIX в. намечалось постепенное отмирание кровной мести и переход к более гуманным способам решения споров. И. П. Толмачев также заметил, что месть часто заменяют выкупом. Хотя в самом конце XIX в. не проходило и года, чтобы не убили кого-нибудь у оседлых или кочевников, но до 1890-х гг. убийств, по заявлению приморских чукчей, было меньше, так как боялись кровной мести, которую, впрочем, в это время стали соблюдать менее неукоснительно¹.

Еще в начале XX в. случались набеги, вызванные какими-либо бытовыми обидами, кражей оленей или кровной мстью. Старик-чукча так обрисовывал стереотипы поведения своих предков в середине XIX в.: «Пусть люди и мирно живут, друг друга не обижают, а все равно думают: «Вдруг воевать придется...» Так поживут-поживут, а потом подерутся и расходятся...»² Однако такие столкновения, возникавшие на почве кровной мести, были уже достаточно редки. Причем очевидцы рассказывали, что стычки чаще происходили на Чукотском полуострове, у оседлых, у которых сильнее развились товарные отношения, тогда как оленные чукчи, сохраняя патриархальный быт, решали свои споры более мирными путями. Например, в 1895 г. у колымских чукчей за попытку в пьяном виде изнасиловать чужую жену потерпевший (муж) забил из стада насильника 12 оленей³.

3. БИТВА

3.1. Засады

На ранней стадии развития военного искусства засады были одним из основных военных приемов. Смысл засады предельно прост — произвести неожиданное нападение на неспособного быстро организовать отпор противника и, следовательно, быстро его разбить, а самим избежать лишних потерь. Академик Г. Ф. Миллер из сибирских

¹ Цитата: Галкин 1929: 161; ср.: Суворов 1867а: 171; Krause 1881: 17; выкуп: Толмачев 1911: 99; Богораз 1934: 184–189; ср.: Меновщиков 1974. № 94: 321–323; мнение приморских чукчей: Гондатти 1898: 5, 18.

² Лебедев, Симченко 1983: 134; ср.: Тан-Богораз 1979а: 219–220.

³ Майдель 1925: 31; Дьячков 1893: 53; С. в. 1897: 23–26 (попытка изнасилования); ср.: Суворов 1867: 23; Олсуфьев 1896: 107.

народов особыми мастерами внезапных нападений считал чукчей и ненцев-юраков¹. Чукчи использовали их, обладая как небольшим количеством воинов, так и крупными силами. В бою засада, по-видимому, не считалась военной доблестью, и поэтому ее применяли главным образом против тех этносов, с которыми вели тотальную войну.

Самым элементарным видом засады было простое подкарауливание неприятелей. Даже один чукча мог напасть на врагов, тянущих судно вверх по течению. В этом случае неожиданность компенсировала недостаток в численности. Одиночный воин, спрятавшись, мог легко расправиться с более многочисленными врагами, и, наоборот, группа обычных воинов могла убить силача без особых потерь². Из засады могли просто стрелять во врага, находясь в безопасности. Кунлелю устроил засаду на горе Акатчан в 70 км от современного села Мейныпильгыно. Когда корякский аргиш появился внизу, на него скатились нагруженные камнями нарты, к которым были прикреплены шести.

Если верить русскому преданию, записанному В. Г. Богоразом в 1896 г., то перешедшие Колыму чукчи, подстерегая русских, прятались в ямах, покрытых сверху мхом от кочек, откуда они неожиданно стреляли из лука³.

Простым видом засады было укрытие всего отряда и неожиданное нападение на идущего походным маршем противника или же на его лагерь. Прятаться для нападения могли в пещерах, как это сделали чукчи, по информации М. Соура, спрятавшись в расщелинах Сердце-Камня от отряда Д. И. Павлуцкого во время похода 1731 г. На идущую русскую колонну в подходящем месте нападали, можно сказать, классически, на голову и хвост, внося панику и не давая противнику возможности ни бежать, ни прийти на помощь авангарду или арьергарду. Капрал Г.Г. Шейкин, рассказывая о войнах середины XVIII в., так обрисовывал характерный образ действия чукчей против русских: «...а русских людей тогда убивают, когда где небольшое число людей и в уз-

¹ Элерт 1999: 97, 193.

² Один воин: Меновщиков 1958: 166; 1974. № 147: 467; 1988. № 100: 235; убийство силача группой: Богораз 1900. № 140: 373–374.

³ Нападение на идущих бичевой: Bogoras 1910: 182; Меновщиков 1985. № 127: 308–309; Нефёдкин 2003: 264–265; 2016: 43; обстрел врага из засады: Кеккетын 2010: 175; нижнеколымское предание: Богораз 1902. № 5: 162; Нефёдкин 2016: 319–320; ср.: Олыкшандрович 1884. № 11: 295; Дьячков 1893: 56; Крейнович 1979: 189 (коряки).

ком проходе между гор захватят». Нападение на стоянку противника могло происходить ночью¹.

Засада могла устраиваться и на противника, сопровождающего оленье стадо. Не ожидая врага, сопровождающие в основной своей массе шли позади оленей (особенно в узких местах), поэтому появление впереди врагов, которые пугали стадо, приводило к тому, что олени, разбегаясь в панике, просто сметали незадачливых воинов-пастухов².

Классический пример засады мы находим в военном плане имени того чукчи Пурехома Меняхтина, который коряки пересказали россиянам (1776 г.). Он так предполагал напасть на служилых, которые выйдут из Гижигинской крепости для защиты коряцкого стойбища: «И по прибытии к здешней крепости, вопервых, оставя болшую половину своего чукоцкого войска не в дальном от крепости разстоянии в прикрытом месте, а достальным малым числом для обману появиться близ крепости у стойбища коряцкого. А егда де про оное их чукотское прибытие российская команда, известесь и для оборонительного защищения их, коряк, яко верноподданных российской держвы народов, противо их, чукоц, выступит из крепости в поход, то де они, чукчи, в тогдашнее время наперво с оною российскою командою имеют учинить сражение, и не долго оное имея, и обратитца к побегу. А а когда та российская команда иметь будет такову ж погоню (какова в прошлом 775м году 9го числа марта от бывшего сражения за ними, чукчами российскою командою и коряками к постижени их, чукоц, учинена), то они, чукчи, тем оставшим в прикрытом месте своим чукоцким войском лехко на оную российскую команду со стороны напасть, и по нападени смертно побить»³.

В общем, согласно данному плану, бо́льшая часть чукотского войска должна была расположиться в засаде, ожидая удобного времени для нападения на служилых во время ложного отступления чукчей. Это действие было рассчитано на скоротечный бой: нападавший от-

¹ Нападение на идущего маршем врага: Богораз 1900. № 129: 333; Меновщиков 1985. № 127: 308–309; ср.: Тан-Богораз 1979: 106–107; Bogoras 1910: 182; Жукова 1988. № 7: 16. § 7 (коряки); 1731 г.: Sauer 1802: 104, п. 2; нападение на караван: Тан-Богораз 1979: 78; цитата Г. Шейкина: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 104; нападение ночью: Богораз 1900. № 129: 333; Нутекеу 2005: 31–32.

² Богораз 1899: 365.

³ РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 23–23 об.; ср.: Антропова 1957: 230; Вдовин 1987: 106; Зуев 2009: 292; Нефёдкин 2016б: 257.

ряд, завязав, вероятно, перестрелку, спешно должен был отступить, заманивая находящихся в победном угаре служилых в засаду. Неожиданный удар, ошелобив врагов, должен был решить дело. Сам план был составлен по правилам военной науки: в засаду выделялась просто большая часть войск, а не какой-то отборный отряд (ведь чукотские мужчины все были хорошими воинами), завязка боя и вовлечение противника в сражение; ложное отступление, имитирующее бегство¹.

По-иному устроенная засада части войска использовалась против служилых в других столкновениях. Во время боя на реке Егаче с отрядом А. Ф. Шестакова в 1730 г., согласно описанию А. С. Сгибнева, чукчи устроили засаду, и после начала атаки по фронту, когда левый фланг противника, состоявший из коряков, побежал, воины из засады напали на последних, а затем зашли в тыл центральному отряду, состоящему из казаков и якутов, тем самым окружив его. Также и в бою на реке Орловой с отрядом майора Д. И. Павлуцкого (1747 г.) чукчи разделили свой отряд, состоявший примерно из полутысячи воинов, на две части под руководством двух тойонов: основная масса атаковала русских с фронта, а другая часть, обойдя сопку, зашла неприятелю в тыл, стремясь захватить служилых в кольцо и отрезать их от обоза. Суть подобной засады состояла в том, чтобы отвлечь часть войска врага, сковать его силы и внимание, тогда как другая часть должна была неожиданно напасть с тыла и заставить противника сражаться на два фронта, окружая его. Подобная засада часто устраивалась против многочисленного противника. Впрочем, иногда засада располагалась и по фронту противника и нападала на него после ввязывания в бой его сил, о чем информирует сказание о борьбе чукотского героя Кунлелю с коряками². Однако в последнем случае речь, естественно, идет о немногочисленном отряде.

В общем, у чукчей существовало несколько видов засад. Во-первых, немногочисленный отряд или даже отдельный воин мог просто неожиданно напасть на врага. Во-вторых, чукчи могли, используя ложное бегство, привести противника к засаде и, в-третьих, завязав бой с фронта и тем самым не давая возможности противнику перебросить воинов на другие участки фронта, напасть на его тыл с целью окружения. Таким образом, засады входили в сферу военного искусства чук-

¹ Ср.: Мамышев 1809: 23–25.

² 1730 г.: Сгибнев 1869: 16; ср.: Нефёдкин 2016а: 26–27; 2016б: 150–153; 1747 г.: Словцов 1886. Кн. 1: 253–254; Зуев 2001: 26; Нефёдкин 2016б: 198–201; Кунлелю: Меновщиков 1974. № 85: 300–301; Нефёдкин 2016: 99.

чей. Хотя засада в целом является элементом войны тотального типа, она была обычным явлением в первобытном военном деле, позволявшим избежать излишних потерь обычно немногочисленным армиям племенного общества.

3.2. Военные хитрости

Естественно, периодически чукчи применяли на войне и различного рода хитрости. Так, в «Сказании об Эленди и его сыновьях» упоминается, что при нападении коряков герой притворился мертвым и голым распростерся на холодной земле. Затем, когда коряки уже не обращали на него внимания, он пополз на четвереньках на врагов. Коряки, приняв героя за духа, в панике бежали и в это время были перебиты. Для борьбы с противником могли использовать и простой фактор страха: представившись в виде злого духа-кэле¹.

Если враги намеревались напасть на пастуха со стадом, то последний, заметив это, для того чтобы враги подумали, будто при стаде присутствует несколько человек, мог изготовить чучела людей, набив одежды ветками. Это могли делать и с целью отвлечь внимание неприятелей, чтобы неожиданно напасть на них. При этом старались незаметно унести оружие у беспечных врагов. Подобное употребление чучел, прикрытых сверху обычной одеждой, было характерно для региона. Согласно преданию, науканцы отразили нападение врагов, испугавшихся массы чучел, выставленных эскимосами².

В одной сказке, записанной в 1971 г., упоминается и хитрость при приеме непрошенных гостей: враги пришли в ярангу и стали ждать хозяина, якобы не вернувшегося еще с охоты. Сытно поевшие и отдохавшие пришельцы были просто сожжены в яранге ее хозяевами или перебиты вернувшимися мужчинами³.

¹ Сказание об Эленди: Богораз 1899: 370; 1900. № 134: 359; в виде кэле: Козлов 1956: 30. В героическом сказании «Как Пэтывытычгын получил свое имя», рассказанном зоотехником Николаем Коравье (1966 г. р.) из Ваег (март 2017 г., Анадырь), брат Кунлелю Пэтывытычгын прикинулся мертвым и, пропустив корякский караван, перестрелял коряков из лука.

² Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; Меновщиков 1974. № 90: 314; Нутекеу 2005: 29, 31; ср.: Тюшов 1906: 274 (камчадалы); Стебницкий 1994: 24, 26 (коряки); науканцы: Леонова 2014: 152.

³ Такава 1974: 46; ср.: Жукова 1988. № 4: 16–17. § 50–67; Стебницкий 1994: 58; Кеккетын 2010: 198–199.

Иногда чукчи нападали на русских, приходя под видом торговцев. Так, в начале XIX в. трое чукчей, подойдя к рыболовам на реке Майн якобы для обмена, неожиданно бросились на россиян и, заколов одного, обратили остальных в бегство. Русских могли также сначала радушно принять, но затем, усыпив их бдительность, убить, как случилось на той же реке. Возможно, именно из-за таких случаев среди русских было распространено мнение о том, что в старину чукчи, приходя под видом торговцев, коварно убивали и грабили россиян. По замечанию К. фон Дитмара, для русских «торговля с чукчами была весьма опасна, потому что торговали с обеих сторон с оружием в руках и часто бывало более грабежа, схваток и убийств, чем размена товаров»¹. Данное мнение обосновано и тем, что в первой трети XIX в. взаимное недоверие и подозрение сторон было еще велико.

Согласно одному из преданий, чукчи перебили русских на Майорской сопке, которая была окружена заледеневшей водой. Поскольку лед был тонким, то русские не выставили караулы, а чукчи, подложив под себя ветки, лежа подползли по льду к противнику и перебили врагов².

В качестве определенной уловки азиатские эскимосы могли использовать свое знание чукотского языка. Так, чтобы отличить своих от чужих в поселке на о. Св. Лаврентия, чаплинцы и союзные им оседлые чукчи, подойдя к ярангам, спрашивали по-чукотски о том, кто тут живет. Если им отвечали по-чукотски, они знали, что тут живут свои же материковые эскимосы, а если им так не отвечали, то это значило, что тут живут сивукакские местные жители, мужчин которых убивали из-за кровной мести³.

3.3. Тактика

Когда противник располагался далеко, то чукчи подъезжали к месту боя на нартах. Можно для сравнения привести описание в чукотском сказании приближения многочисленного войска оленных коря-

¹ На р. Майн: Дьячков 1893: 41, 56; чукчи под видом торговцев: Народы России. 1874. № 2: 26; цитата: Дитмар 1856: 34; ср.: Мушкин 1853: 1422; Нейман 1877. № 3–4: 87; Александров 1872: 73; Завадский-Краснопольский 1873: 34; Антропова 1957: 171.

² Информация В.Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.), со ссылкой на рассказ Сергея Владимировича Кутына (1942–2008), бригадира оленеводческой бригады № 9 совхоза «Путь к коммунизму» в селе Ваеги.

³ Чаплинское предание, рассказанное Л. И. Айнаной, см.: Нефёдкин 2016: 227–228.

ков: «Утром далеко в тундре поднялась снеговая пыль и послышался гул, словно от морского прибоя. И множество танитов подступило к сопке...»¹

Как воины готовились к бою, описывает Н. Дауркин, рассказывая о встрече на р. Осиновая в марте 1775 г. отряда сержанта А. Маклакова с чукчами, идущими в поход на коряков: «Чукчи со своих санок стали и, связав к санкам оленей, надев на себя куяки, предприняв в руки копья, луки и тулы [колчаны] со стрелами, стали по крылам расходиться»². Впрочем, подъехавшие бойцы могли уже быть облаченными в доспехи, тогда как лук и стрелы лежали на нартах сзади, а копье было приторочено сбоку³.

Как же строились чукчи для сражения? Боевое построение возникает на достаточно ранней фазе общественного развития, до образования государства. Это было построение не по рядам и шеренгам, как в регулярной армии, это, иногда аморфное, построение базировалось на половозрастном делении общества и на роли лидеров. Еще В. В. Антропова заметила: «Сведения о построении военных отрядов у племен северо-восточной Сибири совершенно отсутствуют, о них можно судить лишь по косвенным данным». Действительно, подробных описаний строев мы не находим в источниках, но все же некоторая прямая или косвенная информация имеется. Сохранилось просто сообщение, информирующее о наличии некоего строя у чукчей. Еще Г. Ф. Миллер заметил, что чукчи и олюторские коряки «не выступают против своих врагов в организованном порядке», мысленно сравнивая их с регулярной армией. Для сравнения обратимся к олюторцам, о которых известно, что они сражались в отрядах, состоящих из родовых групп, которые, в зависимости от необходимости, могли действовать как отдельными отрядами, так и в общей массе войска⁴. Поскольку построения по родоплеменному принципу были наиболее обычным видом тактических соединений древности, а сами чукчи также собирались на войну по принципу родства, то мы вправе полагать, что и у них

¹ Стан далеко: Меновщиков 1985. № 127: 309; цитата: Бабошина 1958. № 103: 250; Нефёдкин 2016: 142; ср.: Меновщиков 1988. № 93: 212.

² Цитата: Вдовин 1965: 97; ср.: Две записки... 1873: 365; Зуев 2009: 217, 291; Нефёдкин 2016: 224.

³ Воины уже в доспехах: Богораз 1900. № 137: 366; № 156: 400; 1934: 170; Тан-Богораз 1979: 98

⁴ Цитата: Антропова 1957: 229; строй у чукчей: Богораз 1900. № 130: 334; отряды олюторцев: Вдовин 1970: 18; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 26–27.

были подобные отряды, состоящие из родичей и — шире — жителей одной географической области.

Если воинов в отряде было немного, то они становились для боя в одну шеренгу. Внутри этой шеренги также был определенный порядок: наиболее сильный, обычно предводитель, был в центре, а наиболее слабые стояли на флангах для окружения противника¹. В общем, центр был ударным, отсюда предводитель был лучше виден воинам, он направлял удар при атаке, а за ним следовали остальные воины.

Если же воинов было много, то они должны были строиться перед боем не в одну шеренгу. Наиболее смелые бойцы становились впереди, а остальные шли за ними. И. С. Вдовин даже выделяет передовых воинов — *йин'ычъыт*, которых он считает предводителями. Естественно, смелыми могли быть более опытные и старшие по возрасту воины². Лучники, очевидно, предпочитали вести бой неплотным рассыпным строем для удобства стрельбы: видимость была лучше, и в то же время можно было увертываться от снарядов противника³. Известно, что, например, эскимосы с мыса Барроу (Аляска) для удобства стрельбы развертывались в три линии (1852 г.). Пращники в бою взаимодействовали с лучниками. По предположению американского оружейведа Дж. К. Стоуна (1859–1935), в первой линии стояли панцирные воины, а за ними располагались метатели⁴.

Естественно, в самом бою всякое подобие строя пропадало, и сражение воинов — индивидуальных бойцов — становилось более беспорядочным, как это изображено на моржовом клыке, сделанном в 1939/40 гг., где представлен поход Д. И. Павлуцкого⁵.

Перед боем врагу могли предъявлять требование (например, вернуть угнанных оленей), исполнение которого привело бы к мирному исходу дела⁶. Если чукчи не хотели давать бой и их намерения были

¹ Одна шеренга: Врангель 1948: 308; ср.: Меновщиков 1988. № 88: 196; Burch 1998: 106; построение: Bogoras 1910. № 2: 185; ср.: Bogoras 1910. № 17: 98–99; для окружения: Богораз 1900. № 132: 337.

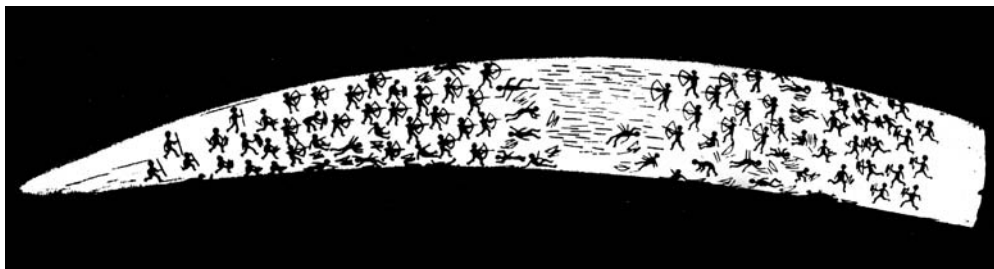
² Мнение: Вдовин 1950: 93–95; 1965: 92–93; 1987: 104. О построении воинов ср.: Богораз 1900. № 130: 334 (сын находится в строю позади отца).

³ Воскобойников, Меновщиков 1951: 579; Меновщиков 1988. № 88: 196; см.: Широков 1968: Рис. 7; Burch 1974: 10; Malaurie 1974: 139, 141; Burch 1998: 106.

⁴ 1852 г.: Burch 1998: 89; взаимодействие с лучниками: Белов 1952. № 102: 269; предположение: Stone 1961: 56; Стоун 2008: 175.

⁵ Широков 1968: Рис. 9; ср.: Хабарова 1978: [25, илл.].

⁶ Меновщиков 1974. № 149: 472–473; Лебедев, Симченко 1983: 128–129; Нефёдкин 2003: 290–291; 2016: 265–266.

Сцена боя лучников, изображенная на моржовом клыке из Аляски (Hall Collection, Phoebe Hearst Museum of Anthropology, neg. 2-144). По подсчетам Э. С. Бёрча, в бою участвуют 88 воинов, 45 — слева и 43 — справа. Потери сторон почти равные: у левой стороны — 6 раненых и 7 убитых, у правых — 5 раненых и 6 убитых (Burch 1998: 93, 97). К обеим сторонам подходит подкрепление, но воины справа уже бегут. Воспроизведено по: Burch 1998: 96, pl. IV

искренними, то они, показывая свое нежелание биться, махали руками, кланялись и даже ложились на землю, как это было под Гижигой в 1768 и 1775 г., когда русские, вступившись за коряков, неожиданно открыли огонь¹. В этих жестах, в частности в поклонах, можно видеть подражание поведению русских, тогда как размахивание руками без оружия — местный жест, показывающий мирные намерения: при переговорах оружие клали на землю или втыкали в снег, отходя от него. Эскимосы, плывущие на байдаре, с целью демонстрации своих мирных намерений поднимали на копье пузырь или шкуру, — видимо, это были знаки желания торговать².

Однако если обе стороны чувствовали свою силу, то обычно происходило сражение. Естественно, перед столкновением противники обменивались насмешками, особенно если сражались чукчи с коряками, которые понимали язык друг друга³.

Свою готовность к бою чукчи демонстрировали стуча копьем по доспеху и старались запугать врага грозным боевым кличем. В качестве представления своей боевой ярости чукчи кусали рукава своих одежд. В. Г. Богораз заметил в своем дневнике: «Чукча сердится,

¹ Две записки... 1873: 366; Алексеев 1961: 61–62; Зуев 2009: 216–221; Нефёдкин 2016б: 225–226, 253–254; ср.: Врангель 1948: 306 (поклоны).

² Размахивание руками без оружия: Врангель 1948: 294; Ray 1957: 88; Burch 1988: 234; 1998: 133–134; при переговорах оружие на земле или воткнуто в снег: Две записки... 1873: 365; пузырь на копье: Sauer 1802: 87; Сарычев 1952: 180; знаки торговли: Ray 1975: 88; аляскинские эскимосы поднимали в знак мирных намерений парку на шесте: Ноорег 1853: 245.

³ Лебедев, Симченко 1983: 128–129; Дьячков 1893: 101.

он... закусывает в виде угрозы что подвернется под руку: рукав кулашки, ручку бича, косточку чаута и т. п. Этот жест с выниманием ножа служит даже символическим выражением гнева в шутку или серьезно»¹.

Приморские жители, которые нападали на эскимосов о. Св. Лаврентия, были по-волчьи, чтобы обратить на себя внимание врагов и чтобы другая часть воинов, услышав этот клич, неожиданно напала с тыла; при этом враги — эскимосы острова — ревели, как моржи². Очевидно, издавая боевой клич, враги сообщали о принятии вызова. Подобная боевая сигнализация в виде звукоподражания животным была широко распространена. В самом волчьем кличе можно усмотреть культовый подтекст, ведь это животное, наряду с косатками, считалось покровителем и защитником людей³. Имитация же моржового рева могла использоваться и для заманивания в засаду врага, охотящегося на байдаре, то есть в данном случае культовый контекст отсутствовал⁴.

В знак начала боевых действий предводитель эскимосов поднимал вверх, видимо, по направлению к солнцу, два лука. Издавая боевой клич, предводитель тем самым подавал сигнал к атаке⁵. Боевым кличем эскимосов, согласно фольклору, было «Ира!», а у чукчей — обычно «Ав-ач!» (также упоминается «Ыгыыч!») — междометие, обозначающее призыв к действию, к атаке. В сказании «Вэвченлю» враги даже комбинируют свой боевой клич с вопросом герою: «Ав-вач! Кто ты?!»

¹ Стук копьем по доспеху: Богораз 1901. № 130: 336; ср.: Меновщиков 1974. № 90: 314; № 91: 318; клич: Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Меновщиков 1950: 20; 1985. № 127: 308–309; закусывание рукавов: Зуев 2009: 228; Богораз 1934: 26; цитата В. Г. Богораза: ААН, ф. 250, оп. 1, № 112а, л. 325; Богораз 1899б: 18.

² Богораз 1934: 175; Garber 1940: 57, 171, 191 (аляскинцы); Меновщиков 1985. № 133: 326–327; Нефёдкин 2016: 247; ср.: Malaurie 1974: 141; Жукова 1988. № 32: 123–125; Вахтин 2000: 171.

³ Принятие вызова: Козлов 1956: 181; ср.: Рабинович 1947: 77; культовый подтекст волчьего клича: Меновщиков 1959: 90. Согласно чукотским представлениям, косатка — это своего рода оборотень, который зимой обращается в волка. Однако этот оборотень был добрым и помогал людям на охоте (Леонтьев 1976: 148; Теин 1981: 219; Тынеру 2011: 15).

⁴ Меновщиков 1985. № 56: 127; Мерк 1978: 118. Отметим, что аляскинские эскимосы применяли для передачи сигналов резкий свист (Кашеваров 1845. № 193: 873).

⁵ Два лука: Меновщиков 1985. № 127: 309; сигнал к атаке: Меновщиков 1950: 20; 1985. № 127: 309.

Согласно же рассказу анадырского ветерана капрала Г. Шейкина, в середине XVIII в. чукчи в виде призыва к бою использовали побудительное междометие «Ток-ток!» (т. е. «Тоок-Тоок!»), что можно перевести как «Ну-ну!» или по смыслу: «Давай, давай!» Действительно, согласно фольклору, у канчаланских чукчей призывом к бою служило слово «Отток» — вариант предыдущего междометия. Видимо, некоторые особо выдающиеся воины могли иметь и свой персональный боевой клич, так, например, чукотский герой Юргъэю кричал в бою, как гагара. У сиренинских эскимосов клич «Кур-ус» был сигналом вызова на бой, а у чаплинцев — «Алымн'ильас»¹.

По возможности для фронтального боя чукчи выбирали выгодную позицию, когда было время и знание местности позволяло это сделать. Так, 7 июня 1731 г. чукчи встречали служилых Д. И. Павлуцкого, стоя, вероятно, на более высоком берегу реки, впадающей в море; а 14 марта 1747 г. отряд чукчей поджидал майора, располагаясь на сопке². С подобной позиции не только удобнее было вести стрельбу, но и — главное — при переходе в ближний бой сила натиска бегом была сильнее.

Нападение на противника чукчи осуществляли на рассвете. Это, по-видимому, объяснялось не только тем, что сон человека наиболее крепок в это время, но тут действовал и культовый фактор, согласно которому ночью в тундре господствовали злые духи. Солнце же являлось добрым символом, вспомним хотя бы самую страшную клятву чукчей и коряков — солнцем. Вместе с тем чукчи, ведя «тотальную» войну с русскими или коряками, могли нападать и ночью на спящих, как это было с отрядом В. Ф. Кузнецова в 1688 г.³

¹ «Ира!»: Меновщиков 1974. № 18: 103; 1988. № 5: 102; Вахтин 2000: 233; «Ыгыгыч!»: Меновщиков 1974. № 88: 311; «Ав-ач!»: Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; 431–432; Ятгыргын 1963: 13–14 («Вэвченльу»); Беликов 1965: 163; 1982: 199; Такакава 1974: 44; Беликов 1982: 175, 199; Нутекеу 2005: 7–8, 29, 47–48; Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 9; Нефёдкин 2016: 88–89; ср.: Бабошина 1958. № 95: 232; Нефёдкин 2016: 167 («Эвеч»); Отток: Асадова 2012а: 54; клич Юргъэю: Асадова 2010: 47; Г. Шейкин: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 584 об., 585; Молл, Инэнликей 2005: 143; Нефёдкин 2015: 187, 188, примеч. 26; 2016а: 102; сиренинские эскимосы: Вахтин 2000: 125–126; чаплинские: Козлов 1956: 180–182.

² Нефёдкин 2003: 245–246; 2016а: 193–194, 218; 2016б: 161–162, 198; Зуев 2009: 76, 290–291.

³ Клятва солнцем: Георги 1777: 83; Богораз 1900. № 132: 337; Нефёдкин 2016а: 9; нападение ночью: Богораз 1902. № 5: 161; Полевой 1976: 132; Жукова 1988: 16–17; 1688 г.: Нефёдкин 2016б: 132–135.

Чукотский пластинчатый шлем, колчан и стрелы (XVIII–XIX вв.). Выставка ГМИНВ. Воспроизведено по: Бронштейн, Днепровский, Отке, Широков 1997: 39, рис. 20

Если перед сражением предводитель и ставил перед воинами задачу, то сам ход боя не был управляем, поскольку сам вождь сражался и, следовательно, не мог отдавать приказы и тем самым координировать действия отрядов. Также не существовало военной музыки и знамен, которые могли бы направлять в бою действия воинов и подразделений. В. Г. Богораз упоминает лишь, что предводитель группы телькепских чукчей созывал на собрание своих соплеменников висевшим на шее свистком, сделанным из продырявленного оленьего позвонка. В качестве сигналов могли также использовать некие виды знаков. Известно, что у эскимосов Западной Аляски размахивание поднятой на палке меховой паркой обозначало желание одной из сторон заключить перемирие¹.

В бою существовала определенная координация между отрядами, предводители которых, очевидно, договаривались заранее о взаимодействии, как это было в 1731 г. во время второго сражения чукчей с Д. И. Павлуцким, чей отряд был атакован с фронта и тыла. В полевом столкновении, до непосредственного соприкосновения с врагом, чукчи предпринимали обход противника с флангов, вынуждая его отступить. Очевидно, окружение практиковалось в

¹ Задача перед походом: Богораз 1900. № 132: 337; свисток: Тан-Богораз 1979: 81; сигналы эскимосов Аляски: Nelson 1899: 329; Malaurie 1974: 152.

особенности тогда, когда нападающие имели численный перевес и могли со всех сторон нападать на противника, эффективно реализуя тем самым свое превосходство. Причем даже при неожиданном нападении врага эскимосы стремились его окружить и расстрелять из луков¹.

Тактический резерв в собственном смысле этого слова (сила, выделенная для решения внезапно возникающих оперативных задач), судя по всему, не существовал. Чукчи еще не пришли к такой степени развития военного искусства, когда военачальник мог оставить часть своего войска в резерве и бросать его в бой по мере надобности — все решали численность, натиск и мастерство воинов.

3.4. ТЕХНИКА БОЯ

Различные русские документы второй половины XVII–XVIII в. в один голос утверждают: «...а у чюхоч лучной бой...»² Следовательно, противники (а им видней!) считали, что основным видом дальнего сражения у чукчей являлся бой луком, перестрелка. Старики-коряки так рассказывали Н. Н. Беретти о древней чукотско-корякской тактике: «Когда все стрелы были израсходованы и поломаны, противники начали драться копьями; последние тоже изломались». Так же рисует бой чукчей с коряками русский очевидец, видевший это сражение из Гижигинска в 1775 г.: «Сперва меткие стрелы, а потом палицы и копья багрили снег длинными ручьями крови». Об обычности подобного сражения свидетельствует и способ боевой тренировки воинов: сначала действуют луком, а потом копьем. Подобная тактика была, так сказать, естественной. Если стрелы были израсходованы, а исход битвы еще не решен, то оставалась или рукопашная, или простое отступление одной из сторон, которая, к примеру, истратив стрелы раньше, была расстреливаема противником издали. Даже в бою с ламутами западные чукчи также сна-

¹ Битва 1731 г.: КПЦ. № 59: 159; Сгибнев 1869: 29; Зуев 2001: 26; обход с флангов: Богораз 1900. № 132: 337; Антропова 1957: 230; Зуев 2001: 24; окружение: Козлов 1956: 181; 189; Бабошина 1958. № 95: 232; Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; Меновщиков 1958: 166–167; 1974. № 85: 300; 1988. № 100: 237; Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 10; попытка окружения при неожиданном нападении: Меновщиков 1980а: 216. § 131; 1988. № 99: 236.

² ДАИ. Т. 6, № 136: 407 (1676 г.); ср.: ПСИ. Кн. 2, № 122: 524–525, bis (1710 г.); Ефимов 1964. № 54: 38, А-2 (1710–1711 гг.); КПЦ. № 57: 157 (1711 г.); Миллер 1758: 199; также см.: Вдовин 1965: 37–38.

чала перестреливались, затем даже метали копья, причем эвены — более искусные стрелки — избегали ближнего боя, в котором они были слабее¹.

Против российских служилых, обладавших огнестрельным оружием, чукчи выработали тактику стремительной атаки после первых залпов. В бою на реке Егаче (14 марта 1730 г.) чукчи, после того как казаки сделали два выстрела, бросились в атаку с копьями. В третьем сражении с русскими 14 июля 1731 г. во время похода Д. И. Павлуцкого на Чукотку чукчи также бросились в атаку на копьях, но, судя по всему, были отбиты огнем противника². Подобные атаки позволяли чукчам, с одной стороны, избегать потерь от огня противника, а с другой, при атаке они могли эффективно реализовать свое численное превосходство в ближнем бою.

И. С. Вдовин считает, что противники, одетые в панцири, сначала перестреливались, когда же запас стрел выходил, чукчи сбрасывали неудобные панцири и сражались на копьях³. К сожалению, автор не уточнил источник своей информации. Впрочем, в показании чукчи Хехгитита (1763 г.) находим, что в бою аляскинские эскимосы раздевались, чтобы легче было увертываться от стрел противника, однако, судя по контексту, речь идет именно об особенности ведения боя американцами, на что и обратил внимание Хехгитит как на некий иноземный обычай. В показании казака Л. Вершинина (1762 г.) также утверждается, что жители Аляски сражаются голыми⁴. Комментарий к этому мы найдем в рассказе малемиутов залива Коцебу об их сражении с таревмиутами с мыса Хоуп, когда последние подошли к полемому укреплению малемиутов и стали вызывать их на бой (середина XIX в.). «В ответ некий Харларардлак появился из-за палисада. Он был обнажен до пояса. Враги посылали свои стрелы в него, но он прыгал вокруг так ловко, что они были не способны попасть в него; напротив, он смеялся над ними и собирал их стрелы. Затем он снова ускользнул

¹ Цитата: Беретти 1929: 6; 1775 г.: Мамышев 1809: 24; Нефёдкин 2016б: 224–227; тренинг: КПЦ. № 70: 181; тактику ср.: Burch 1998: 227 (эскимосы); Wagner 1789: 154 (эвенки); бой с ламутами: Schiefner 1874: 342, 343, 353–354; Нефёдкин 2016: 290–292.

² ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 255 об.; Сгибнев 1869: 15; Зуев 2001: 3–38; Нефёдкин 2003: 239–247; Нефёдкин 2016а: 26.

³ См.: Богораз 1991: 208, примеч. ф; pro: Горелик 1993: 127; Burch 1998: 117; Зуев 2009: 303–304.

⁴ Показания Хехгитита: КПЦ. № 71: 186; ср.: КПЦ. № 70: 183; показания Л. Вершинина: Белов 1954: 184; ср.: ЭМ: 89; Beechey 1832: 265 (almost naked).

в безопасность»¹. Также известно, что эскимосы, жившие у устья р. Юкон (икогмиут), не использовали щиты, поскольку они просто уклонялись от стрел². Как видим, воин обнажался лишь по пояс с целью не сражаться с противником, а увертываться от его метательного оружия, обычно же эскимосы вели бой в панцире, который надевали под одежду.

Недавно А. С. Зуев, поддерживая в целом мнение И. С. Вдовина, предположил, что доспехи применялись преимущественно для дальнего боя и поединков, а не для маневренного сражения; для ближнего же боя доспехи сбрасывались, как это было сделано чукчами в бою с русскими под Гижигой в 1775 г.³ Данное предположение нельзя признать сколько-нибудь обоснованным. Это следует не только из фольклорного материала, но из общевоенных факторов. Зачем сбрасывать доспехи, если обычно нет длительного дальнего боя, а почти сразу наблюдается переход отряда в рукопашную? Легче их не надевать вообще, как это делали древние кельты, берсеркеры викингов или те же аляскинские эскимосы. Да и если в длительном поединке, где необходимо было ловко производить различные боевые движения, можно было сражаться в доспехе, то и в массовом бою, который вполне мог распадаться на те же поединки, чукчи должны были использовать доспехи. Тем более что в поединке воин видел противника и стремился показать свое искусство как можно лучше (от чего зависела его жизнь!); доспех ему в таких обстоятельствах был менее необходим, чем в массовом бою, где риск случайного поражения был больше. В столкновении же под Гижигой снятие доспехов объясняется тем, что чукчи намеревались не сражаться, а бежать, поэтому они, бросившись на землю, отстегнули свои доспехи и, бросив оружие, ретировались. Снять же чукотский доспех было гораздо легче, чем надеть: достаточно

¹ Rasmussen 1952: 67–68. Этот же случай, но в несколько иной записи, приводит и Э. С. Бёрч: «Через некоторое время невысокий мужчина по имени Алаакатлак вышел. Он крикнул тикигагмиутам (Tikigagmiut): «Стреляйте в меня!» Он был обнажен, исключая только лисий нос на лбу и пояс с белым лисьим хвостом сзади, также он держал маленький бубен. Тикигагмиуты стреляли в него, но промахивались, потому что он кружился очень быстро. Они вообще не попали в него, а он собирал стрелы, которыми они стреляли. Когда стрела падала, он брал ее. Когда он набрал полные руки стрел, Алаакатлак возвратился в укрепление» (Burch 1998: 105).

² Nelson 1899: 328; Fienup-Riordsn 1990: 155; 1994: 328; Burch 1998: 73.

³ Зуев 2008: 37, примеч. 5; 2009: 303–304; pro: Рожков 2008: 8. О бое под Гижигой см.: Зуев 2009: 217–229; Нефёдкин 2016б: 224–227.

было просто расстегнуть две пуговицы на плечах, чтобы освободиться от держащих латы лямок.

И самое главное: фольклорные тексты рассказывают о том, что чукчи, азиатские эскимосы и коряки сражались в доспехах, причем не только в поединках¹. В 1820 г. юкагирка-омочка исполнила мичману Ф. Ф. Матюшкину (1799–1872) предание, в котором среди прочего рассказывалось, что глава чукчей богатырь Кочин просил своего противника Д. И. Павлуцкого: «Дай надену я свой куяк, вооружусь тяжелым копьем, повяжусь большим ножом»². Корякское героическое сказание так повествует о столкновении оседлых коряков Ымки с о. Куут(ук) с чукчами в XVIII в.: «Приблизился тот вражеский отряд. Тотчас ымканцы вышли из своей крепости, в ближайшую тундру пошли, начали биться. ... Кончились стрелы, копьями стали биться. Ымка сильно озлобился, бросил копье, вынул топор и бросился на врагов. Начал рубить вражеские головы костяным топором. Однако неправильно ударил, в открылок панциря засадил топор. Еще больше разъярился. Мотает из стороны в сторону врага, в открылке панциря которого завяз топор. Не может топор высвободить, поэтому вместе с топором и мотает врага. Изловчился враг, ударил Ымку копьем под мышку. Едва вытащил из раны копье. До того как умереть, Ымка еще десять врагов убил»³. Данный пассаж достаточно ясно показывает нам элементарную тактику коряков: сначала перестрелка, потом рукопашная. Причем герой даже метнул свое копье, по-видимому, не предназначавшееся для броска, а затем стал действовать костяным топором, поражая противника в голову, которая, вероятно, часто была не защищена. Однако противник закрылся деревянным обтянутым кожей крылом панциря, где топор и застрял.

Итак, воин оставался в доспехе, сражаясь в рукопашной схватке копьем. Враги же просто не дали бы своим противникам времени сбросить доспехи в бою. Разве что это делалось по взаимному соглашению, но подобных данных нет. Напротив, перед сражением с казачьим головой А. Ф. Шестаковым на р. Егаче (1730 г.) чукчи надели костяные куяки и, после того как казаки сделали два выстрела, бросились в атаку с копьями, то есть ничего не сняв. В 1763 г. после того, как русский

¹ Богораз 1900: 338–339, 354, 366, 392–393; Bogoras 1910: 99, 185; Кеккетын 2010: 191; Меновщиков 1950: 17; Burch 1998: 225.

² Врангель 1948: 385; Шенталинская 2008: 265.

³ Меновщиков 1974. № 148: 468–469. Врагов считает чукчами комментатор текста (Меновщиков 1974: 624, примеч. к № 147–148), однако противниками данного поселка могли быть и оленные коряки.

Чукча, одетый в железный ламеллярный доспех с левым крылом, держит копье. Фотография 1900–1901 гг. Воспроизведено по: Зуев 2009: рис. 20

офицер во время встречи с чукчами ударил тойона палкой, «чукчи зволновались, надев на себя куюки, взяв копья, луки и стрелы, просились к бою»¹. Кроме того, чукотские воины, изображенные на моржовых клыках, фехтуют на копьях в доспехах, видимо, последние им не мешают. Да и на наспинном щите-панцире (по-видимому, XVIII в.) из Музея культур в Хельсинки представлены воины в доспехах, как стреляющие из лука, так и сражающиеся на копьях. О сражении в доспехах говорит и тренировка воинов — упражнения в латах целыми днями².

¹ 1730 г.: ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 255 об.; Сгибнев 1869: 15; Нефёдкин 2016а: 26; 1763 г.: Зуев 2009: 186, 364.

² Изображение на клыках: Антропова 1953: 41–42; Табл. IX, 1, 2а, б; Широков 1968: Рис. 7; ср.: Тан-Богораз 1979: 43 (оседлые коряки); 57–59 (телькепские кочевые чукчи); изображение на панцире: Pälvi 1983: 105, kuva 59; тренинг: Вдовин 1987: 106.

В бою воины в панцирях стояли в левосторонней стойке, то есть обратившись к противнику левым боком (это было вызвано тем, что панцирь имел разрез на правом боку), и эту левую сторону тела необходимо было защищать. Крылом же, находившимся от панциря слева, также удобно было действовать, находясь в этом положении. Левая нога, выставляемая вперед, также была защищена — поножей. Немногочисленные же панцири с двумя — правым и левым — крыльями, вероятно, свидетельствуют о возможности стоять и в правосторонней стойке. В. Г. Богораз отмечает, что воины в панцирях, соединяясь по двое-трое, могли противостоять натиску легковооруженных противников¹. Вероятно, речь идет о том, что при обороне от превосходящих сил врагов пара воинов становилась спиной друг к другу и таким образом отбивалась. Причем эта пара при незначительной численности отряда могла составлять основу строя, тогда как легкие воины бегали по сторонам от них. Тандем из пары воинов применялся и в дистанционном бою, где один воин был главным, а второй помощником, «птичкой, находящейся под мышками»².

Совершенно очевидно, что основным способом боя эскимосов являлась стрельба из лука. Фехтование на копьях им было также знакомо, но менее распространено, чем у кочевников, и появилось, по-видимому, под влиянием последних. Это ясно видно при сопоставлении азиатских эскимосов с аляскинскими, которые даже древко копья использовали для защиты себя и своих лучников от стрел врагов³. Вот как описывает эскимосское предание бой середины XIX в. между аляскинскими эскимосами малемиутами и таревмиутами: «Громкие крики с обеих сторон возвестили начало битвы, но вскоре ничего не было слышно, кроме свиста стрел в воздухе». При натягивании тетивы стрелы держали вместе с луком в левой руке, а копье клали на землю. Свои копья эскимосы метали в противника, последний мог увернуться и поднять копье, чтобы далее использовать его в бою. После того как были истрачены стрелы, а исход боя еще не был решен, эскимосы сражались тесаком⁴.

¹ Тан-Богораз 1979: 53, 57–58; ср. с изображением на назатыльнике доспеха, где воин в латах сражается с бездоспешным противником: Päläi 1983: 104.

² Пара — основа строя: Козлов 1956: 143; Такакава 1974: 97; «птичка»: Богораз 1900. № 132: 337.

³ Nelson 1899: 328; ср.: Rasmussen 1952: 67; Burch 1974: 10; Malaurie 1974: 141; Шнирельман 1994: 105.

⁴ Цитата: Rasmussen 1952: 68; стрельба, копье на земле: Бабошина 1958. № 23: 57; Вахтин 2000: 231; копье на земле: Богораз 1949. № 12: 169; метание копий назад: Меновщиков 1988. № 103: 246; тесак: Меновщиков 1988. № 129: 308.

Естественно, подобное, в основном метательное, сражение могло продолжаться довольно долго и у эскимосов, и у чукчей. Вспомним, что чукчи перестреливались с чуванским героем три часа, пока почти все не погибли. Также корякское сказание, возможно, несколько гиперболизируя, сообщает о бое кочевых и оседлых коряков с чукчами из-за угнанных последними оленей: «Бились два дня, однако чукчей разбили». В отписке приказчика Анадырского острога Курбата Иванова (1661 г.) упоминается, что «чукчи», высадившись на берег из десяти байдар, вели метательный бой с казаками на коче «с полудни до вечера»¹, но это все же другая ситуация: «чукчи» были на берегу, казаки — на судне.

Согласно рассказу анадырского писателя и журналиста Е. Ф. Рожкова, в бою чукчи могли применять забрасывание воинов в тыл врага. Воин вставал на два копыя, древки которых, по свидетельствам марковских старожилов, были сделаны из выращенных специально скрученными стволов; затем стоящего на копьях воина раскачивали и бросали через головы своих и чужих воинов в тыл последним². После этого враги оказывались окруженными. Однако данная стратегема не подтверждается другими источниками и выглядит достаточно экзотическим акробатическим номером.

В общем, как видим, первоначально и чукчи не пренебрегали метательным боем, для которого надевали тяжелые доспехи, неудобные для ближнего боя. Впрочем, более героическим считался рукопашный, а не дальний бой³. Ведь чукчи по своему мировоззрению не боялись смерти, и для них, в отличие от других этносов, не было страшно умереть. Столкновения с русскими и превосходство огнестрельного оружия способствовали увеличению значения ближнего боя, который в складывающемся героическом эпосе вышел на первый план как способ разрешения конфликтов внутри и вне этноса.

¹ Перестрелка с чуванцем: Bogoras 1918. № 23: 96; Нефёдкин 2016: 313–314; корякское сказание: Меновщиков 1974. № 149: 473; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 129; рассказ К. Иванова: Белов 1952. № 102: 269; длительность боя: Burch 1974: 11; 1998: 94, 121 (до двух-трех дней), 225 (весь день).

² Рожков 2007а.

³ Bogoras 1910: 185. Е. А. Глинский (1986: 14–15, 21–22) вообще говорит о нешироком распространении лука и стрел среди чукчей, которые, по его мнению, употребляли их главным образом на войне. Это мнение основано на том, что в могилах наконечников стрел обнаружено мало, не было широкой специализации последних, колчан же был рассчитан на небольшое количество стрел, а сами стрелы были дороги (sic!).

3.5. ПОЕДИНОК

Именно поединок был тем видом схватки, в котором в конечном итоге решалась судьба боя. Ведь после перестрелки, если одна из сторон не ретировалась, воины переходили к рукопашной схватке, а поскольку линейного построения в сражении не было, то бой фактически превращался в серию поединков. Последние были более или менее стандартными — противники фехтовали на копьях. Рассмотрим данные фольклора о проведении поединков как во время массового боя, так и в ходе одиночного единоборства — отличия будут не столь принципиальными.

Поединок происходили и в начале сражения перед стоящими войсками¹. Противник мог поднять над головой оружие, показывая тем самым, каким оружием он будет сражаться, и призывая своего врага взяться за такое же оружие или даже предложить противнику самому выбрать оружие². Перед боем противники могли узнавать имена друг друга и даже называть имена жен. Лаконичный разговор противников перед единоборством считался проявлением высшей доблести³.

Вероятно, у чукчей действительно существовала традиция вызова на одновременный поединок равного числа врагов, но нет достаточных оснований полагать, что в самом бою в атаку чукчи бросали некое равное противнику количество воинов, как это предполагает А. С. Зув. Достаточно вспомнить описание ламутами-очевидцами боя на реке Егаче, когда чукчи правый фланг А. Ф. Шестакова «давом задавили» как раз своей численностью⁴.

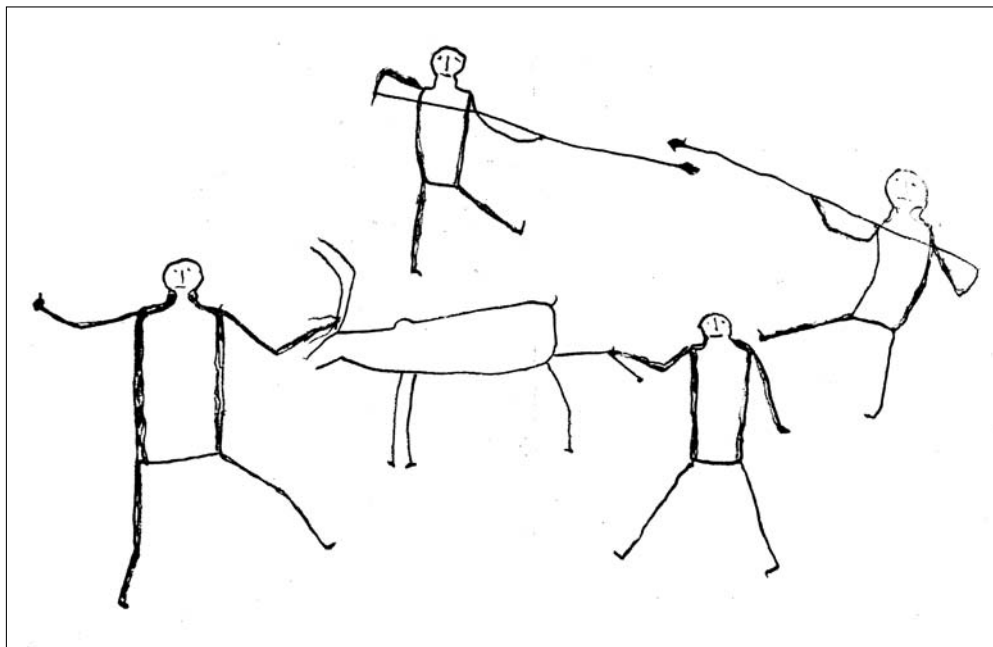
Во время поединка между врагами действовали те же правила, что и в «гражданском» поединке. В общем, нападающая сторона могла даже дать защищавшемуся время для подготовки к поединку и назначить единоборство в известное время. Для честного выявления более доблестного воина подчас даже отказывались напасть на спящего

¹ Богораз 1900. № 130: 334–335.

² Показ оружия: Меновщиков 1974. № 85: 301; предложения выбора: Такава 1974: 104; Поломошнов 1977: 29.

³ Знакомство перед боем: Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Беликов 1982: 180; разговор: Богораз 1899: 366, примеч. 6; Поломошнов 1977: 29.

⁴ О равном количестве выставления воинов для боя: Богораз 1934: 167; Брачун 2009: 8; Брачун, Сахибгоряев 2009: 53; Зув 2008: 38; 2009: 307; бой на р. Егача: ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 256; Нефёдкин 2016а: 26; 2017б: 151.

Поединок на копьях, драка за оленя. Графический рисунок из собрания В. Г. Богораза (1900–1901 гг.). Рисунок хранится: ААН, ф. 250, оп. 1, № 126, л. 61. Воспроизведено по: Нефёдкин 2016: 57

противника¹. Врагу могли дать время поесть, чтобы он отправился к «верхним людям», как положено, сытым. Перед боем оба противника могли покурить².

Сначала нападал один противник, второй оборонялся, затем наоборот. Причем воин мог предложить неприятелю атаковать первым. Если сражались на копьях панцирный воин с легким, то, естественно, нападающей стороной был последний, тогда как воин в броне отбивался, поворачиваясь в сторону врага³.

¹ Время на подготовку: Богораз 1900. № 140: 376; Меновщиков 1958: 156; см.: Антропова 1953: Табл. IX, 2а; ср.: Стебницкий 1994: 53; отказ от нападения на спящих: Богораз 1900. № 127: 331; подготовка заранее: Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 10; курение: Нефёдкин 2016: 162.

² Еда: Дьячков 1893: 41; 1992: 188; Козлов 1956: 19, 65, 189; Меновщиков 1974. № 97: 326; Курилов 2005: 171–173.

³ Нападение по очереди: Меновщиков 1950: 17 (эскимосы); Стебницкий 1994: 54 (коряки); Милянская, Карахан 1987: 134; предложение нападать первым: Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; тяжеловооруженный обороняется: Тан-Богораз 1979: 58.

У эскимосов в поединке большее значение играла перестрелка из луков. В сказке «Меткий стрелок» описывается единоборство между братьями, поспорившими из-за добычи. Тут сражался один брат против двух или нескольких. Для этой борьбы специально надели доспех со щитом. Сам же бой состоял в перестрелке из лука: сначала одна сторона стреляла, другая защищалась — все это в сказке происходило до полудня, — а затем наоборот. Можно отметить, что у аляскинских эскимосов по традиции стрелял первым мститель. В XIX в. при поединках лучников уже не носили панцирь, вместо него просто увертывались от стрел. Герой сказания Навук с острова Диомида два дня мог ускользать от стрел, когда в него прицельно стреляла группа воинов с острова Кинг¹.

В фольклоре мы можем найти и некоторые подробности о технике фехтования копьем. Копье при этом зажимали в обеих руках. Чтобы держать противника на большем расстоянии, древко кистью брали за конец, как это, например, показывает чукотский рисунок из собрания В. Г. Богораз.

Одна чукотская сказка упоминает в качестве причины поражения коряка то, что конец копья застрял в его широком рукаве². Обычными были различные боковые движения копьем. Копьем стремились поразить противника в шею — слабо защищенную часть тела у панцирного воина. Сильным ударом наконечника даже отрубали голову³.

Хотя можно подумать, что действовали пальмой, но так могли действовать копьем с большим остро наточенным наконечником. Отбивая вражеское копье, принимали удар наконечника на древко. Стремались сломать вражеское копье или выбить его из рук. В качестве нестандартного приема сражались обратным утолщенным концом древка копья как дубиной, переламывая древко вражеского копья. Могли и просто срезать своим наконечником острие вражеского

¹ Стрельба по очереди: Меновщиков 1950: 17; аляскинцы: Rasmussen 1952: 67; Burch 1998: 104; увертывание от стрел: Bogoras 1913: 435; мастерство Навука: Garber 1940: 128–130; Нефёдкин 2016: 252–256.

² Фехтование см.: Антропова 1953: Табл. IX, 2а, б; Широков 1968: Рис. 7. Рисунки, собранные В. Г. Богоразом (1900–1901 гг.): ААН, ф. 250, оп. 1, № 126, л. 61; Нефёдкин 2016: 57; коряк: Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Беликов 1965: 164.

³ Боковые движения: Bogoras 1910: 183; поражение в шею: Бабошина 1958. № 102: 246; Меновщиков 1974. № 85: 300; Беликов 1982: 135; отрубание головы копьем: Меновщиков 1974. № 85: 300.

копья¹. Древко копья могли использовать как рычаг, просунув его между ног, и повалить врага или даже поразить его в промежность. Применяли и глубокие уколы копьем, после чего тело противника, насаженное на копье, сбрасывали или даже поднимали и бросали во врагов. Вообще же после укола копьем последнее нужно было тут же вытащить².

При фехтовании широко использовали прыжки в высоту. Так, чукотская сказка рассказывает: «Бьет юноша копьем танитов, прыгает через их головы»³. Цель подобных прыжков — оказаться за спиной противника и поразить его с тыла. Причем уже во время такого прыжка могли поражать противника сверху. При прыжке, очевидно, отталкивались древком. Специалист по единоборствам Г. К. Панченко считает такой прыжок вполне реальным, поскольку его можно было выполнить путем концентрации энергии⁴. По-видимому, в качестве гиперболизации данного приема в сказках, записанных в 1940–1950-е гг., герой просто поднимается на воздух, откуда бьется с врагами копьем⁵. Прыжки использовались и для увертывания от стрел. Прыжок в высоту позволял воину избежать стрелы, летящей снизу, а нагнувшись, он пропускал стрелу сверху⁶. Другие стрелы, вероятно, на излете, воин без панциря мог отбивать древком копья. Естественно, кроме прыжков в единоборстве при-

¹ Принятие на древко ударов наконечника копья: Тан-Богораз 1979: 43 (оседлые коряки); 58; сломать или выбить из рук копье: Меновщиков 1958: 144; 1974. № 97: 327; Жукова 1988. № 7: 16. § 15; концом ратовища переломить древко копья противника: Тан-Богораз 1979: 59; срезание острия наконечником: Меновщиков 1974. № 86: 307.

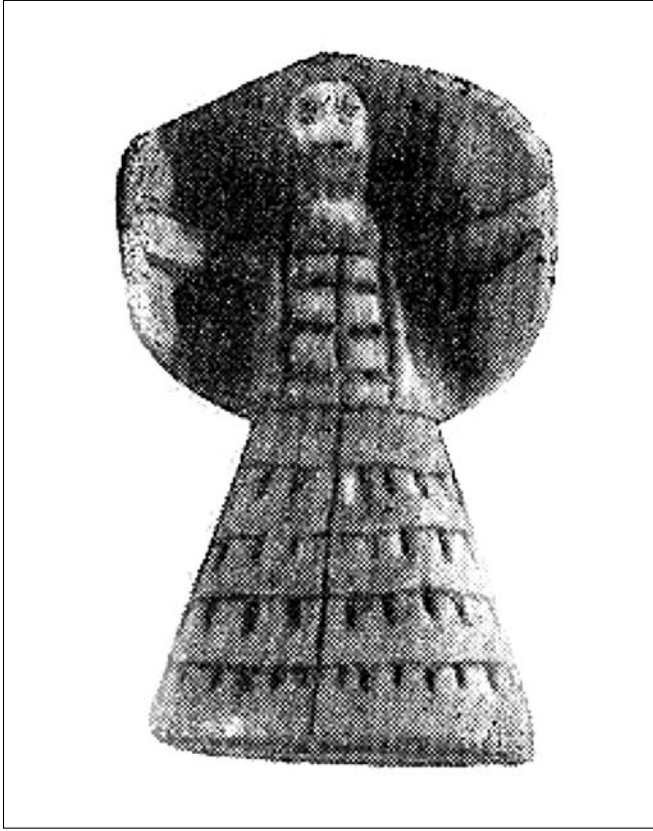
² Копье между ногами: Bogoras 1910: 184; Нутекеу 2005: 7; тело врага сбрасывается с копья: Бабошина 1958. № 99: 241; Такакава 1974: 97; тело бросается во врагов: Меновщиков 1974. № 91: 317; уколы копьем: информация В. Н. Нувано (Анадырь, октябрь 2012 г.).

³ Цитата: Бабошина 1958. № 95: 232–233; Нефёдкин 2016: 168; также см.: Bogoras 1910: 182–184; прыжки в высоту: Богораз 1900. № 128: 333; Меновщиков 1974. № 85: 300; Нутекеу 2005: 7; Кеккетын 2010: 190.

⁴ Прыжок: Тан-Богораз 1979: 58; мнение: Панченко 1997: 235. Отметим, что юкагирские юноши также обучались прыгать через стоящего человека, не задевая его (Иохельсон 1898: 260).

⁵ Козлов 1956: 19–20; Меновщиков 1958: 144; Воскобойников, Меновщиков 1959: 427; 430; 432; Беликов 1965: 160–164; ср.: 1956: 15.

⁶ Козлов 1956: 189; Бабошина 1958. № 90: 217; ср.: Тюшов 1906: 272, 277–278 (ительмены).

Статуэтка с Чукотки из моржового клыка, изображающая воина в доспехе с двумя крыльями (первая половина XIX в.). МАЭ, № 668-8. Воспроизведено по: Антропова 1957: 220, рис. 33

меняли и другие приемы, в частности, мощные удары ногой, характерные для борьбы¹.

Поединок мог длиться долгое время. В преданиях, иногда, вероятно, с некоторым элементом гиперболизации, упоминается единоборство с утра до полудня, длившееся целый день, всю ночь, а то и двое или трое суток. Богатырь Вытрытва сражался на копьях с отрядом врагов даже десять суток². Это может показаться эпическим преувеличением,

¹ Отбивание древком копья стрел: Богораз 1934: 167; Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 10; ср.: Nelson 1899: 328; удары ногой: Bogoras 1910: 184.

² С утра до полудня: Меновщиков 1958: 157; 1974. № 86: 306–307; день: Богораз 1901. № 127: 331; Bogoras 1910. № 2: 184; № 17: 98; Воскобойников, Меновщиков 1959: 436; Меновщиков 1974. № 95: 323; Митлянская, Карахан 1987:

но единоборство не длилось непрерывно, оно прерывалось для отдыха сражающихся. Во время отдыха противники переговаривались друг с другом. Сам же поединок мог быть просто отложен на неопределенный срок. Причем во время этого перерыва они могли просто замориться, признав друг друга равными, и разойтись, обменявшись на память копьями — главным оружием поединка¹.

Если же один из противников еще обладал силами для боя, а другой обессилен, то последний мог быть просто заколот. Упавший враг считался побежденным². Для того чтобы свалить противника с ног, старались подцепить его копьем между ногами, подбросить или даже поднять на копье³. Однако упавший мог и не признать себя побежденным и неожиданно поразить уже расслабившегося противника. Сбитому с ног противнику могли давать возможность подняться. Концом поединка, очевидно, считалась и потеря главного оружия — копья. Если победитель намеревался добить проигравшего, он поднимал копье вверх⁴. Если копье было потеряно, а враг еще мог сопротивляться, то поединок далее не переходил в схватку на ножах или в кулачный бой. Победитель ударом копья опрокидывал побежденного на спину, затем вскакивал на него и убивал ударом в грудь⁵.

Финал поединка был стандартным: побежденный признавал себя проигравшим и просил прикончить его, потому что для воина считалось бесславным уйти с поля боя побежденным. У чукчей существовала стандартная фраза, которую воин, признавший себя побежден-

136; ночь: Меновщиков 1974. № 88: 311; двое суток: Богораз 1900. № 133: 339; Асадова 2012: 4–7; трое суток: Богораз 1901. № 130: 335; Беликов 1982: 135; бой Вытрытвы: Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; Нефёдкин 2016: 65.

¹ Отдых и разговор: Меновщиков 1974. № 88: 311; отложение поединка: Нефёдкин 2016: 87–88; замирение и обмен оружием: Козлов 1956: 61; Меновщиков 1974. № 88: 311–312.

² Закалывание обессиленного противника: Богораз 1949. № 12: 175; Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; 436; упавший побежден: Бабошина 1958. № 90: 218; Сергеева 1962: 134–135; Нефёдкин 2016: 171.

³ Подцепление копьем между ног: Bogoras 1910: 184; Нутекеу 2005: 7; подбрасывание: Меновщиков 1985. № 127: 310; поднятие на копье: Меновщиков 1974. № 91: 317; Кеккетын 2010: 191.

⁴ Побежденный поражает победителя: Bogoras 1910: 185; вставание побежденного: Козлов 1956: 20; потеря копья: Бабошина 1958. № 103: 251; Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; 431; Нефёдкин 2016: 143; поднятие копья вверх: Козлов 1956: 60.

⁵ Меновщиков 1958: 157; 1974. № 42: 186; ср.: Bogoras 1910: 185; Костенецкая 1973: 175; Поломошнов 1977: 30.

ным, произносил, обращаясь к противнику: «Если я стал для тебя дичью..., то убей» — подразумевалось такое продолжение предложения, которое сопоставляло охоту и бой. «Убей, убей меня, говорю! Победенному зачем жить на свете?» — вот также достаточно частое обращение побежденного¹. Победитель, уважая доблесть своего врага, часто предлагал оставить ему жизнь. Однако побежденный настаивал на смерти. Убивали проигравшего копьем — орудием поединка, — приставляя его к сердцу². Это убийство напоминает ритуальное убийство стариков, которых закалывали копьем, направляя его в сердце (или же душили). Пощады побежденный обычно не просил. В качестве последнего желания он мог попросить сделать несколько затяжек табака³.

Естественно, главной причиной желания расстаться с жизнью у побежденного являлся стыд перед общественным мнением, потеря авторитета. Как заметил К. Мерк, чукчи «меньше боятся смерти, чем трусости». Особенно, если в силу обстоятельств победил более слабый противник, например ребенок или женщина⁴. Кроме того, не последнюю роль в решении раненого бойца расстаться с жизнью играло и стремление не быть обузой своей семье, если он станет калекой. Даже раны, при которых не были задеты жизненные органы, например ранение ноги, рассматривались как «несовместимые с жизнью». В. Н. Нувано рассказывал (март 2017 г.), что во время поединка после первого пореза оружием одежды воин признавал свое поражение и просил его убить, так как ему стыдно было бы жить с мыслью об этом поражении. Видимо, это связано и с предрассудком чукчей о том, что, как объясняет К. Мерк, «если кому-либо даже в шутку угрожают ножом или случайно прокалывают одежду, то этот человек должен после этого неми-

¹ Первая цитата: Богораз 1900. № 127: 331; вторая цитата: Богораз 1901. № 130: 335; ср.: Богораз 1900. № 127: 331; Bogoras 1910. № 2: 184; № 17: 98–99; Воскобойников, Меновщиков 1959: 429; 436; Сергеева 1962: 93; Яттыргын 1963: 8–9; Беликов 1965: 160, 164; Новикова 1987: 108; Вахтин 2000: 48; Нефёдкин 2016: 69–70. У аляскинских эскимосов даже существовала особая песня, которую пел раненый, прося, чтобы его доби́ли (Burch 1974: 11; 1998: 108).

² Антропова 1953: 41; Меновщиков 1974. № 86: 307.

³ Bogoras 1910. № 17: 99; Сергеева 1962: 93; 1968: 85; Костенецкая 1973: 174; Вахтин 2000: 47, ср.: Козлов 1956: 189; Kaplan 1988: 239.

⁴ Цитата К. Мерка: Мерк 1978: 141; стыд перед общественным мнением: Bogoras 1910. № 2: 184; № 17: 99; Стебаков 1958: 99; Яттыргын 1963: 8–9; Меновщиков 1974. № 86: 307; № 95: 324; № 112: 352; Такакава 1974: 105; Поломошнов 1977: 30; Нефёдкин 2016: 70; победа ребенка: Поломошнов 1977: 30; победа женщины: Нутекеу 2005: 7, 47; Венстен 2012: 140.

нуемо умереть». В целом же мужчины не боялись смерти, имея детей, которые должны были продолжить род¹. Победенный перед смертью сам передавал победителю свое оружие и упряжку, а то и все свое добро, если жилище находилось тут же, или же часть (обычно половину) стада².

Во время поединка воины противоборствующих сторон стояли и смотрели на единоборство. Враги могли даже сидеть, что особенно удобно при долгой схватке³. При длительном поединке кто-нибудь из смотрящих мог не выдержать и выстрелить в единоборца-противника. Этот выстрел могли даже заранее запланировать и сделать по условному знаку⁴. Уже упавшего воина соратники могли начать оборонять от выигравшего врага. А победитель после одержанной победы мог подвергаться нападению со стороны воинов противника. С другой стороны, и оставшийся в живых побежденный не был огражден от нападения на него воинов из стана победителя⁵.

Само единоборство могло кардинальным образом повлиять на дальнейший ход боя. Увидев победу своего бойца, воодушевленные воины бросались в атаку, а противники, увидев проигрыш своего лидера, могли спастись бегством⁶.

В общем, видим, что существовали некоторые неписанные обычаи проведения поединка. Общую его схему можно представить так: фехтование на копьях длительное время, потеря копья одним из поедин-

¹ Цитата К. Мерка: Мерк 1978: 140; калека: Бабошина 1958. № 98: 240; ср.: Меновщиков 1974. № 89: 312–313; рана ноги: Омрувье 2013: 63–64; Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 9; ср.: Нефёдкин 2016: 338; дети: Меновщиков 1958: 148; 1988. № 126: 299.

² Богораз 1900. № 137: 366; Bogoras 1910. № 17: 99; Антропова 1953: 41; Сергеева 1962: 93; Костенецкая 1973: 173–174; Меновщиков 1974. № 113: 352; Поломошнов 1977: 30; Вахтин 2000: 47–48; Нефёдкин 2016: 42, 127; передача всего имущества: Bogoras 1910: 184; Меновщиков 1958: 145; 1988. № 123: 294; передача стада: Ятгыргын 1963: 8–9; Нефёдкин 2016: 164.

³ Богораз 1900. № 127: 331; Антропова 1953: 42; Табл. IX, 2а; 1957: Рис. 35; сидя смотрят: Богораз 1900. № 130: 334.

⁴ Богораз 1900. № 127: 332; Антропова 1953: 41. Табл. IX, 1; Такакава 1974: 104–105; Поломошнов 1977: 30; по условному знаку выстрел: Богораз 1899: 366; Меновщиков 1958: 157.

⁵ Оборона упавшего: Тан-Богораз 1979: 58; нападение на победителя: Богораз 1949. № 12: 175; Меновщиков 1974. № 85: 300; нападение на оставшегося в живых побежденного: Богораз 1900. № 127: 332.

⁶ Атака победивших: Меновщиков 1985. № 127: 310; бегство побежденных: Такакава 1974: 105; Поломошнов 1977: 30; Нутекеу 2005: 7, 25.

щиков, просьба проигравшего о смерти, убийство побежденного. Сам же поединок воспринимался сражающимися как своеобразная охота, поскольку чукчи не выделяли людей из мира природы, считая человека частью животного мира¹. Поражение подчас не останавливало бой, и даже после проигрыша сторонники побежденного бросались в битву. Поединок был не только данью героическому этосу чукотского общества, но имел и свой внутренний подтекст — избежать лишних потерь, ведь даже потеря нескольких мужчин была существенной для сравнительно небольшой патриархальной семьи, в которой мужчина был кормильцем.

3.6. Финал боя

Обычно побежденные спасались бегством, бросая своих раненых. Победившие же, в свою очередь, могли выделять для преследования лучших бегунов². По бегущим стреляли из лука, а они, чтобы избежать попадания, совершали зигзагообразные прыжки³. Если проигравшие успевали вскочить на нарты, то бежали на них, иногда запутывая свои следы для дезориентации преследующих. Например, езда по кругу, оставляя соответствующие следы⁴. Однако подчас не было времени искать свою нарту, и бегущий вскакивал на первую попавшуюся, как это сделал в 1730 г. А. Ф. Шестаков⁵. В свою очередь, при преследовании убегающего на нартах врага стремились захватить в кольцо, то есть фактически применяли охотничьи приемы, ведь на диких оленей охотились, гонясь за ними на нартах, окружая стадо и набрасывая на них арканы или стреляя из лука. Естественно, погоня, мчась на нартах, обстреливала бегущих из луков. Причем стреляли как в ездока, так и в оленей. Если одно животное было поражено, то ездок, как герой

¹ Беликов 1987: 254; ср.: Богораз 1899а: 267–268.

² Бегство: Козлов 1956: 181; Бабошина 1958. № 95: 231; № 99: 241; Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Поломошнов 1977: 30; Нутекеу 2005: 29; Нефёдкин 2016: 165; брошенные раненые: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 22; № 539, ч. 2, д. 6, л. 77; Нефёдкин 2016а: 128, 224; преследование: Бабошина 1958. № 100: 242; Курилов 2005: 141; Нефёдкин 2016: 147; ср.: Меновщиков 1985. № 133: 325.

³ Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Леонтьев 1960: 135.

⁴ Бабошина 1958. № 101: 244; Костенецкая 1973: 180–181; Лебедев, Симченко 1983: 99; Нефёдкин 2016: 107, 131, 137.

⁵ Бабошина 1958. № 103: 251; Меновщиков 1974. № 42: 186–187; Нефёдкин 2016: 143; А. Ф. Шестаков: Нефёдкин 2016а: 27; 2016б: 152, 154.

древнегреческой «Илиады» Гомера, отрезал постромок и ехал дальше на оставшемся олене. Вблизи же, нагнав противника, поражали воина или его оленя копьем¹. Если бегущий был пешим, то его по возможности также преследовали на нартах, как и верховых эвенов².

Чтобы нагнать пущего страху на бегущих, победители использовали психологические средства: у убитых противников отрубали головы и, насадив их на острия копий, размахивали ими или же просто трясли тело одного из убитых врагов, схватив его за ноги и крича: «Вот и вы так будете!»³

В сказании, записанном во второй четверти XX в., упоминается, что немногочисленные оставшиеся в живых, признавая превосходство врага, бросали оружие и становились на колени, отдавая тем самым себя в полное распоряжение победителя. Подобное же поведение, когда чукчи кланялись противнику, происходило в бою у Гижиги в 1775 г. Однако в общем такое поведение, похоже, имитировало русские обычаи — насколько можно судить, оно не характерно для чукотских воинов, предпочитавших пасть в бою. Храбрость же воина пользовалась уважением даже у врагов. Последние, даже превосходя в числе, могли отдать упряжку врагу и отпустить его с миром⁴.

Взятых в плен воинов, как правило, убивали, Впрочем, иногда могли отпускать к своим. В качестве нестандартного поступка пленных бедняков, к которым испытывали сочувствие, принимали в свое войско. Эскимосы могли, догнав беглецов, не убивать их, а подрезать сухожилия на пятках; а согласно другому эскимосскому преданию, оставшимся в живым «якутам», пришедшим с войной с севера, отрубили одну руку и отпустили⁵.

¹ Охота на оленя: Бабошина 1958. № 101: 244; Мерк 1978: 114; ЭМ: 151, 157; Нефёдкин 2016: 107; постромки: Гомер. Илиада, VIII, 87; XVI, 467; Бабошина 1958. № 101: 244; Нефёдкин 2016: 107; стрельба ср.: Сергеева 1968: 85; поражение врага копьем: Костенецкая 1973: 181; Schiefner 1874: 358; Нефёдкин 2016: 291–292; оленя: Меновщиков 1958: 140; 1988. № 123: 290.

² Schiefner 1874: 358; Богораз 1902: 163; Нефёдкин 2016: 291–292; эвены: Bogoras 1918: 28–29; Нефёдкин 2016: 284–285.

³ Головы на остриях копий: Меновщиков 1974. № 88: 312; потрясание трупом: Богораз 1899: 365.

⁴ Становление на колени: Бабошина 1958. № 56: 143; отпуск с миром на упряжке: Бабошина 1958. № 95: 233; Нефёдкин 2016: 168; Гижига: Нефёдкин 2016: 225.

⁵ Убийство пленных: Бабошина 1958. № 95: 232; Нефёдкин 2016: 167; отпуск к своим: Бабошина 1958. № 56: 143; Нефёдкин 2016: 177; инкорпорирование в свои силы: Воскобойников, Меновщиков 1959: 437; Беликов 1982: 184; Нефёд-

Обычно же оставляли в живых двух человек, которых отпускали домой. Поскольку общественное мнение ценилось чукчами высоко, то эти люди, рассказав о своем поражении и передав угрозы-пожелания победителей, должны были распространить славу о доблести и отваге выигравших¹. Этот обычай был в целом характерен для этносов региона, обычно отпускавших двух врагов, которых сложнее заподозрить во лжи, нежели одного свидетеля².

4. СУДЬБЫ ВРАГОВ

4.1. Убитые

Во время дистанционного боя чукчи убирали тела своих убитых, которые в определенной мере препятствовали ведению боя, как это было в сражении с отрядом А. Ф. Шестакова на р. Егаче в 1730 г. Если же чукчи отступали, то даже своих раненых могли просто бросить, как это было на Анадыре в августе 1750 г.³

Чтобы убитые враги «не могли смотреть на солнце», трупы поворачивали лицом вниз. Убитых в результате кровной мести мужчин просто переворачивали лицом вниз и раскладывали рядом оружие, приводя его в негодность⁴. Этот обычай, вероятно, связан с традицией

кин 2016: 109; подрезание сухожилий: Меновщиков 1950: 125; якуты: сообщение Н. И. Вуквукай (Анадырь, октябрь 2013 г.), об атрибутации этих «якутов» см.: Нефёдкин 2016: 10.

¹ Один отпущенный: Богораз 1900. № 135: 361; Тан-Богораз 1979а: 215; Козлов 1956: 61; Воскобойников, Меновщиков 1959: 428; Ятгыргын 1963: 8; Вахтин 2000: 204; Нефёдкин 2016: 225; двое отпущенных: Богораз 1900. № 129: 333–334; № 140: 376; № 167: 415; Меновщиков 1950: 125; 1988. № 125: 297; Козлов 1956: 21, 182; Ятгыргын 1963: 13; Вахтин 2000: 234; Нутекеу 2005: 31–32; Нефёдкин 2016: 154; два или три: Меновщиков 1950: 22; 1974. № 148: 470; 1985. № 127: 309–310; три человека: Козлов 1956: 21.

² Ительмены отпускают двух человек: Тюшов 1906: 272, 274; эскимосы Аляски отпускают одного или двух человек: Garber 1940: 191; Burch 1974: 8; 1988: 231; 1998: 102; Malaurie 1974: 144, 147; оседлые коряки отпускают одного человека: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 17: 77. § 21.

³ 1730 г.: ААН, ф. 21, оп. 3, № 33, л. 256; Нефёдкин 2016а: 26; 1750 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 77; Нефёдкин 2016а: 128.

⁴ Мерк 1978: 121; Меновщиков 1974. № 85: 301; № 91: 318; погребение на поверхности с оружием: Драма на Шалахском мысе. 1891: 3; Иохельсон 1892: 14; ср.: Богораз 1900. № 129: 333.

оберегания огня очага от взгляда убитой добычи, которую в яранге обычно накрывали чем-нибудь. Да и обычным умершим чукчи одевали белую одежду со специальным капюшоном, закрывающим лицо, очевидно, с теми же культовыми целями из-за боязни духа покойника. Покойник не должен был смотреть на покровительствующего людям доброго духа, который живет на солнце¹.

Раненых врагов, оставшихся на поле боя, добивали, павших же оставляли лежать на поле боя непогребенными, тогда как их оружие и одежду забирали как трофеи. В качестве альтернативы трупы врагов могли просто сбросить в реку. Если же трупы находились около жилищ, их на нартах увозили подальше в тундру².

Павшим врагам, убившим чукчей, прокалывали стрелами правое предплечье. Возможно, это делалось для того, чтобы повредить душу правой руки — основной для схватки. Для сравнения можно заметить, что коряки наиболее ненавистным врагам могли изрубить лицо, показывая тем самым неуважение к убитому. Для памяти об уничтожении врагов на оружии делали насечки. Так, носовой чукча Кулиненок сделал восемь насечек на спинке своего ножа, убив соответствующее количество человек (1895 г.)³.

После поединка «по правилам» проигравшего могли похоронить, что позднее служило памятным знаком былой доблести. Над могилой убитого в качестве знака могли воткнуть его копье острием вверх с шапкой на нем. Убитого в засаде односельчанина оседлые жители просто погребали в снегу. Обычно захоранивали убитого его родственники, естественно, если они имели такую возможность⁴. Своих (иногда и вражеских) павших героев в Чаунской и Канчаланской тун-

¹ Добыча не должна смотреть на огонь: Вдовин 1977: 134; одежда покойника: Богораз 1939: 183; ср.: Антропова 1976: 264; не смотреть на солнце: Вдовин 1981: 125–126; Никольский 1900: 25.

² Добивание раненых: Меновщиков 1974. № 90: 314; непогребенные враги: Богораз 1899: 355; Мерк 1978: 121; Текки Одулок 1933: 36; Козлов 1956: 22; 181; Нефёдкин 2016: 163; ср.: Иохельсон 1900. № 51: 126; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 87. § 55 (коряки); трофеи: Мерк 1978: 121; Козлов 1956: 21; Стебницкий 1994: 31; сброс трупов в воду и увоз в сторону: Нефёдкин 2016: 175–176.

³ Прокалывание предплечья: Мерк 1978: 121; ср.: Богораз 1939: 42–43; Меновщиков 1974. № 82: 293; коряки: Иохельсон 1900. № 51: 126; Кулиненок: ААН, ф. 250, оп. 1, № 112, л. 3 об.

⁴ Погребение противника с копьем-знаком: Меновщиков 1958: 140; 1988. № 123: 290; Поломошнов 1977: 30; погребение в снегу: Богораз 1900. № 140: 371; погребение родственниками: Меновщиков 1958: 167; 1988. № 100: 237. Зи-

дре погребали на холмах, которые позднее носили имена погребенных (например, в Канчаланской тундре: Акеутнэй — в честь Акеута, Мыргынэй — Мыргувье, Илгиръынэй — Юргъэю). На таких холмах-погребениях оставляли оружие и доспехи. Эскимосы могли привязывать убитых врагов к столбу, по-видимому, с культовыми целями, поскольку столб был символом предка, основателя и хранителя данного поселка¹.

4.2. Пленные, рабы

Как уже говорилось, чукчи не ценили человеческую жизнь, что было обусловлено отнюдь не суровой древней эпохой, а их религиозными представлениями о реинкарнации и загробной жизни. Еще в 1775 г. женщины, увидев, что их мужья пали в бою под Гижигой, а оставшиеся в живых воины бежали, убивали над трупами мужей своих детей, а затем друг друга, попав же в плен, замаривали себя голодом. Суицид женщин (путем удушения или закалывания) и убийство детей в подобных случаях были типичны для других этносов региона. Мужья при поражении могли закалывать или душить своих жен и детей и закалываться сами. Мужчины, попав в плен, предпочитали не жить в неволе и, если успевали, убивали себя ножом или замаривали голодом. Пленные чукчи могли разбить себе головы о камни, ведь такая добровольная смерть рассматривалась чукчами как последняя битва². Поскольку в Сибири у русских не хватало женщин, то они крестили пленных чукчанок, а затем делали их наложницами или женились.

мой в походе за невозможностью похоронить умершего его могли закопать в снег (Сарычев 1952: 256; Нувано 2008: 87).

¹ Холмы-погребения Чаунского района (Гытойвын, Кэрупун, Пытлян, Рымъэйнэчъын): Тынеру 2009: 50-51; ср.: Леонтьев, Новикова 1989: 127, 319; канчаланские холмы: Асадова 2012: 5; оружие и доспехи на холмах: информация К. К. Уяганского (Анадырь, октябрь 2013 г.); столб: Меновщиков 1974. № 41: 177; ср.: Меновщиков 1988. № 237: 449 (гренландские эскимосы); символ предка: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 114–115, 119; ср.: Вдовин 1976: 243.

² 1775 г.: Мамышев 1809: 25–26; суицид в регионе: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 47, примеч.; Нефёдкин 2016а: 175–176, примеч. 9 (коряки); Бриль 1792: 373; Окладников 1948: 36; убийство семьи и иногда суицид: КПЦ. № 64: 168; Такакава 1974: 104; Поломошнов 1977: 29; суицид: Ефимов 1964. № 54: 38, А-2; суицид пленных: Тан-Богораз 1958: 74; ср.: Семивский 1817: 77 (вторая пагинация); смерть — последняя битва: Тан-Богораз 1958: 68.

Пленные дети также крестились и обычно становились холопами, а то и казаками, как это было с Н. И. Дaurкиным¹.

Капитан Т. И. Шмалев кратко заметил в 1777 г.: «Женский пол и малолетних чукчи никогда не бьют». Позднее миссионер А. И. Аргентов так сформулировал чукотские традиции: «Военные чукотские правила позволяют брать в плен только женщин и детей; взрослому врагу мужского пола не дают пощады...» Действительно, обычно в плен к чукчам попадали женщины и дети, поскольку все мужское население, включая стариков, обычно убивали или же убивали всех взрослых, а детей брали в качестве добычи, либо убивали мужчин, стариков и детей, а женщин забирали. Например, в апреле 1741 г. на реке Таловка чукчи убили мужчин и часть женщин и детей, а часть взяли в плен. Хотя и взрослые мужчины также могли оказаться в плену. В 1711 г. в стойбище приморского чукчи Макачкина оказалось около десятка пленных аляскинских эскимосов, которых чукчи полонили в ходе набегов на Аляску². Могло быть и по-другому: всех врагов истребляли поголовно, как было, например, при неожиданном нападении на поселение оседлых жителей, когда перебили всех женщин и детей, а идол божества-покровителя поселка забрали в качестве трофея³. Согласно поздним сказаниям, в которых можно усмотреть влияние поздней гуманистической идеологии XX в., чукчи, перебив мужчин, могли отпустить женщин восвояси⁴. Последних при пленении обычно подвергали насилию или, по крайней мере, женщины сами не сопротивлялись этому, ведь чукчанки, взятые в 1731 г. в плен бойцами Д. И. Павлуцкого, были недовольны тем, что русские не вступали с ними

¹ Женитьба на чукчанках: Дьячков 1893: 56; наложницы: Миллер 2009: 151; холопы-дети сибирян: Алексеев 1961: 14.

² Цитата Т. И. Шмалева: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 47, примеч.; Нефёдкин 2016а: 175, примеч. 9; цитата: Аргентов 1860: 602; 1861: 19; убийство мужчин, пленение женщин и детей: КПМГЯ. № 190: 239; ДАИ. 1867. Т. X, № 78-VI: 351; Сенатский архив. 1889: 35, 36, 535; Меновщиков 1950: 18; Рожков 2006; дети-добыча, тогда как взрослые убиты: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 46; Меновщиков 1974. № 83: 294; Нефёдкин 2016а: 331; забирают только женщин, остальных убивают (о южных врагах): Вэкэт 2012: 260, 274; пленные Макачкина: КПЦ. № 57: 157; пленные мужчины и женщины: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 49 об.; Нефёдкин 2016а: 162; 1741 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 26; Нефёдкин 2016а: 49.

³ Бабошина 1958. № 67: 166–167; ср.: Jochelson 1905. № 6: 138–139 (коряки); Bogoras 1910: 185; Богораз 1949. № 4: 139; № 9: 158.

⁴ Лебедев, Симченко 1983: 131; Нефёдкин 2016: 153; ср.: отпуск пленниц после проигрыша в поединках: Вэкэт 2012: 320.

в интимную связь, поскольку капитан запретил делать это¹. Корякские и чукотские пленницы даже отказывались работать, если хозяин отказывался вступить с ними в половую связь. Победитель мог просто жениться на жене побежденного и даже усыновить ее ребенка. На пленных русских женщинах также обычно сразу женились. В сибирской балладе «Теща в плену у зятя», записанной в Анюйске в 1982 г., чукча получил при дележе добычи свою русскую тещу². У приморских жителей обычными пленными были аляскинские эскимосы, тогда как у кочевых чукчей — корячки. В. В. Леонтьев даже полагал, что специфический женский говор у чукчей возник именно из-за полонянок, ведь в языке коряков-кочевников и кереков нет звука «р», отсутствующего в женском говоре; да и сам этот говор существовал преимущественно у пограничных групп³.

Победители распределяли пленных среди своих родичей или между собой, как указывается в одном эскимосском сказании, поровну⁴. Олени стада чукчи во время своих зимних набегов подчас захватывали вместе с пасущими их подростками или мужчинами, которые иногда оставались в плену вместе со своими стадами, поскольку лучше знали норы животных. Также при необходимости пленных мужчин могли заставить пасти захваченные стада во время похода⁵.

В конце XVIII в. у приморских жителей, как уже отмечалось, типичными невольниками были эскимоски с Аляски, захваченные во время морских набегов. Этих пленниц могли брать в жены бедные оседлые жители, их же могли продавать оленным чукчам, к примеру за 12 важенок или за 10 важенок и двух ездовых оленей; дети стоили дешевле. Например, нам известна судьба аляскинской эскимоски Иттени, ко-

¹ Миллер 2009: 151; Богораз 1900. № 133: 339; Рытхэу 2004: 36–37; ср.: Burch 1974: 11; 1998: 108 (у западноаляскинских эскимосов женщин насиловали, мучили и затем убивали).

² Женильба на жене побежденного: Воскобойников, Меновщиков 1959: 426; Меновщиков 1974. № 91: 315; женильба на русских: Миллер 2009: 66, 373; Богораз 1902. № 5: 163–164; усыновление: Козлов 1956: 19–20; 23; отказ работать: Элерт 1999: 155; теща: Смирнов 1991: 207–208.

³ Леонтьев 1976: 181–182; о произношении см.: Кузнецова 1957: 324; Венстен 2012: 133.

⁴ Распределение добычи среди родственников: Меновщиков 1985. № 83: 294; среди воинов: Меновщиков 1985. № 127: 309–310.

⁵ Стада с их пастухами: Тан-Богораз 1930: 65; Богораз 1934: 175; Меновщиков 1947: 176–177; 1974. № 18: 101; 1988. № 145: 100; 1988б. № 48: 222; представление пленных к стаду: Вэкэт 2012: 260; Нефёдкин 2016: 165; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 129; Нефёдкин 2016: 148–149.

торая в десятилетнем возрасте была пленена жителями о. Ратманова (1756 г.), у последних она прожила два года; ратмановцы продали Иттени за железный наконечник копья и две шкуры пыжика старшине оленных чукчей Харгипиту. Прожив год у чукчи, на летней встрече с русскими на урочище Чекаево она была променена на медный котел анадырскому казаку Алексею Шипунову; в 1761 г. Иттени была привезена в Анадырский острог и крещена, получив имя Татьяны¹. Судя по фольклору, мальчик стоил 10 оленей, а девушка — 20–30. Неплохой ценой за мальчика считалось у эскимосов также предложение ножа и собаки или наконечника копья и шкур двух белых пыжиков. Пленного мужчину делали рабом реже, поскольку представитель сильного пола мог представлять реальную угрозу семье, в которой он жил. Пленных могли сделать работниками при недостатке рабочей силы. Если в семье не хватало мужчин, то женщины-победительницы выходили замуж за побежденных ими².

В рабстве обычно были иноплеменники, реже встречались невольники и из самих чукчей. Бывали случаи, когда убийца предоставлял семье убитого своего родственника, который и выполнял обязанности убитого³. У кочевых чукчей встречались в качестве работников коряки и юкагиры, которых могли женить на бедных чукчанках.

В общем же, рабов было мало, поскольку обычным явлением был выкуп пленных. Уже через несколько дней после чукотского набега прибывали родственники пленных и выкупали их⁴. Так, в 1755 г. юкагиры принесли в качестве выкупа за своих пленных табак, котлы, топоры, ножи, копья, луки, стрелы, корольки, то есть предметы русского происхождения, и оружие, которое русские чукчам не продавали.

Нужда в русских товарах обуславливалась тем, что шла война с россиянами и торговые отношения были практически заморожены. Впрочем, подобное прибытие к чукчам могло быть весьма опасным

¹ Цена пленниц: Мерк 1978: 121; судьба Иттени: КПЦ. № 72: 186.

² Олени за мальчика и девушку: Рубцова 1954. № 15: 226, § 18 (30 оленей); Вдовин 1970: 23; ср.: Меновщиков 1958: 121 (20 оленей за девушку); цена мальчика: КПЦ. № 72: 186; Меновщиков 1986: 214; мужчина-раб: Bogoras 1913. № 9: 430; Рубцова 1954. № 16: 236. § 45; Куликов 1957: 55; Нутекеу 2005: 47–48; пленные работники: Рубцова 1954. № 16: 236, § 49; Нефёдкин 2016: 177; замуж за побежденного: Нутекеу 2005: 7, 48; Нефёдкин 2016: 176–177.

³ Богораз 1934: 177.

⁴ Шаховской 1822: 306; Мерк 1978: 120; Зуев 2009: 218, 233; ср.: Геден 1994: 63.

предприятием: в декабре того же 1755 г. девять юкагиров, прибывших для выкупа угнанных у них оленей, были убиты. В XVIII в. россияне выкупали своих пленнх за табак, причем детей, прижитых от пленниц, чукчи оставляли у себя¹.

Пленнх часто могли обменять и через несколько лет. Так, известно, что именитый чукча Мего, взявший в плен казака Б. Кузнецкого в 1754 г., хотел обменять его на своего пленного сына, но по заключении перемирия в 1756 г. отпустил без всяких условий. Летом этого же года во время переговоров у Красной реки чукчи отпустили российских пленнх и просили анадырского командира И. С. Шмалева, чтобы тот отпустил чукотских, на что, впрочем, последний полномочий не имел. В 1774 г. оленный коряк Тыкка направился на Чаун, чтобы обменять пленную чукчанку на свою дочь, положенную чукчами еще в 1768 г. В марте 1778 г. при заключении мира в Гижигинской крепости русские и чукчи договорились об обмене всех пленнх².

В общем же рабство было патриархальным, женским, мужчин обычно убивали, ведь они в плену представляли угрозу для жителей, особенно когда мужская часть стойбища была в отлучке. Так известно, что около 1755 г. пленные юкагиры сбежали из стойбища коряков, перебив оставшихся тут женщин³. Обычно пленные женщины выполняли домашние работы, а подростки пасли стада, хотя смотреть за оленями могли заставить и пленниц⁴.

Как правило, с пленными обращались строго, мало заботясь о них. Женщин в наказание могли бить, впрочем, и своих жен чукчи также наказывали. Именно пленниц оседлые чукчи предлагали путешест-

¹ Выкуп в 1755 г.: КПЦ. № 70: 183; выкуп оленей в 1755 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 38 об.; Нефёдкин 2016а: 92; табак: Богораз 1902. № 5: 163; оставление детей у чукчей: Богораз 1902. № 5: 164.

² Обмен пленными: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 49 об.; Нефёдкин 2016а: 162; Б. Кузнецкий: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 34–34 об., 78 об.; КПЦ. № 70: 183; Нефёдкин 2016а: 83; отпуск пленнх во время переговоров 1756 г.: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583; РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 27–27 об.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 83; Нефёдкин 2016а: 98–100, 136, 237; Тыкка: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 9, л. 49 об.; Нефёдкин 2016а: 162; 1778 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 12, 13 об.; Нефёдкин 2016а: 307, 310.

³ Богораз 1899: 357–362; Лебедев, Симченко 1983: 129; Нефёдкин 2016: 148–149; юкагиры: Нефёдкин 2016а: 155–156.

⁴ Меновщиков 1974. № 112: 351; пленница-пастушка: Меновщиков 1974. № 83: 294; Вахтин 2000: 235.

венникам для интимных утех¹. Раба из пленных могли и убить, хотя дети пленных считались уже свободными. Так, за коварство в общении с господином раб был распят деревянными колышками на земле, (у эскимосов о. Св. Лаврентия) рабу могли просверлить голову сверлом. С прекращением войн рабство ушло в прошлое — в конце XIX в. В. Г. Богораз уже не обнаружил у чукчей рабов².

4.3. пытки

Взятых в плен врагов подвергали пыткам. Может быть, первоначально пытки носили ритуальный характер, однако уже в чукотском фольклоре они объясняются простой жаждой мести, а не добыванием каких-то данных о противнике. Так, антигерою Якунину говорят: «Ты много людей убил, пусть мы тебя хоть немного пожарим на огне!»³ Обычно пыткам подвергался захваченный в плен военачальник, поскольку он был ответствен за потери, понесенные чукчами. Подобный обычай был характерен для народов северо-восточной Сибири и Аляски⁴. В частности, он существовал у ительменов, которые специально старались захватить вражеского начальника. С. П. Крашенинников отмечал: «В этом у них великая честь, что лутчего мужика, полоня, уморить»⁵. Впрочем, если обратиться к свидетельству нижеколымского казачьего пятидесятника М. Колесова (1680 г.), то уви-

¹ Мерк 1978: 121; Рожков 2006; ср.: Тан-Богораз 1936: 241; пленницы для интимных отношений: Sauer 1802a: 252–253.

² Убийство рабов: Богораз 1934: 178; Аргентов 1861a: 602; распятие колышками: Богораз 1899: 361; 1900. № 134: 350; Тан-Богораз 1930: 76; просверливание головы: Богораз-Тан 1934: 174; Меновщиков 1974. № 83: 294–295; дети рабов свободны: Аргентов 1861a: 602; мнение: Богораз 1899b: 40. В 1820-х гг. Ф. П. Врангель (1948: 313) находил у чукчей семьи рабов — потомков военнопленных.

³ пытки: Malaurie 1974: 134–135; обвинения Якунину: Богораз 1901. № 146: 390; Нефёдкин 2016: 24–25; ср.: Тан 1898. № 118: 3; Богораз 1900. № 129: 333–334; Тан-Богораз 1958: 74; О кровной мести. 1958: 72. В одной сказке, записанной в 1955 г., вождя оставили в живых — не типичный случай (Козлов 1956: 24).

⁴ Давыдов 1810. Ч. II: 106, 109. Вспомним, что индейцы также применяли пытки с целью продлить мучения врага (Ратцель 1904: 489). Вероятно, тут мы встречаем аналогичную традицию; ср.: пытки пленных врагов эскимосами северо-западной Аляски (Burch 1998: 108–109).

⁵ Крашенинников 1949: 705; ср.: 692: ительмены мучили пленных, распарывая им животы и мотая кишки.

дим, что чукчи могли пытать «всякими разными муками» и всех захваченных ими врагов¹.

Обычной пыткой была огненная. Пленника привязывали к вертелу и вращали над костром, медленно поджаривая, или просто прикладывали к коже раскаленные ножи. По семейному преданию, переданному Ю. С. Рытхэу, Кунлелю пытал пленного Якунина, завязав ему пенис узлом и вставив пробку в задний проход. Другой вид пытки состоял в том, что обнаженного врага просто загоняли до смерти, заставляя его бегать по кругу, как упряжного оленя на дрессировке. Даже убитого врага, который причинил большие потери, могли «пытать». В частности, упоминается поджаривание на костре тела мертвого врага, привязанного к козлам. Этос, очевидно, требовал, чтобы находящийся под пыткой мужественно переносил мучения. После пыток человека добивали².

5. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАК В ВОЕННЫХ ЦЕЛЯХ

Никаких специальных боевых собак чукчи и азиатские эскимосы не разводили, для военных целей использовали обычных своих собак, сибирских лаек — животных с пушистым хвостом, в основном серого окраса, а также белого, черного и других. Естественно, собак активно использовали оседлые жители — их просто запрягали в нарты. Предназначенных для езды кобелей кастрировали, и они служили до 12 лет, но лучший возраст для запряжки — 3–7 лет. Иногда женщины кормили своей грудью ценного щенка околевшей суки; затем его особо ценили. С другой стороны, щенка, родившегося слабым, убивали³.

¹ ДАИ. 1862. Т. VIII, № 3–4: 9; ср.: ДАИ. 1867. Т. X, № 78-X: 357; Нефёдкин 2016б: 77.

² Поджаривание: Богораз 1900. № 146: 390; раскаленные ножи: Мерк 1978: 121; ср.: Антропова 1957: Рис. 34; бегание по кругу: Богораз 1900. № 129: 334; поджаривание на козлах: Меновщиков 1985. № 132: 323; предание: Рытхэу 2004: 98; этос: Богораз 1900. № 129: 334; 146: 390; ср.: Крашенинников 1949: 402, 697, 705.

³ Выбор собак: Аргентов 1857: 97; Гондатти 1897а: 157–159. Подробнее о северных собаках, их характеристике и использовании см.: Jesse 1866. Т. I: 210–231; Т. II: 245–252; Bogoslovskaya 2014: 112–117; кормление собак грудью: Трифонов 1872: 165, примеч. 2; Дмитриев 1892. № 51: 8; Кавелин 1931: 96; ср.: Тан-Богораз 1979: 25 (оседлые коряки); убийство слабого щенка: Митчель 1859. № 87: 183; 1865: 326.

Собаки, предназначенные для военных целей, использовались как для охраны жилища, так и непосредственно для боя. Так, к полевому укреплению приморских коряков из ездовых санок и рва в снегу привязывали снаружи наиболее чутких собак для обнаружения приближения врага. Естественно, животные чуяли приближение людей и к обычному жилищу¹. Хотя стоит заметить, что эти собаки обычно были. Как отметил Н. Ф. Каллиников, одна-две собаки все время были привязаны около яранги оленных чукчей. Кроме того, собак для охраны могли привязывать и в самом жилище, где оседлые жители держали их зимой. Причем любимую собаку могли даже брать с собой в полог. Для привязи использовали ремень, но поскольку собаки могли его перегрызть, в XIX в. стали использовать для этого цепочку².

Чукотские собаки были достаточно дикими и бросались на домашних оленей, не отличая их от диких. Так, Г. Майдель отметил, что существовала «наклонность собак считать за свою неотъемлемую добычу каждого встреченного оленя». Он же описывает случайное столкновение собачьей и оленьей нарт, при котором 24 упряжные собаки тут же объели двух оленей³. Этот врожденный инстинкт собак прибрежные жители использовали в борьбе с кочевниками, которые передвигались на оленьих упряжках. Так, в эскимосском историческом предании «Виютку-предводитель» воины, разбившись по парам, чтобы быть менее заметными, стояли в засаде и поджидали караван врагов. Каждый удерживал двух собак. Последних при приближении оленьих упряжек неожиданно выпустили. Собаки, бросившись на оленей, создали сумятицу и неразбериху среди едущих воинов, на которых тут же напали эскимосы. А поскольку копья — основное оружие ближнего боя кочевников — были прикреплены к нартам, то из-за внезапности нападения их даже не успели отвязать. Враги были напуганы криком и неожиданностью нападения (вспомним, что «у страха глаза велики») и были все перебиты. Хотя в предании прямо не говорится,

¹ Укрепление коряков: Тан-Богораз 1979: 28; собаки чуют приближающихся: Архинчеев 1957: 45; ср.: Врангель 1948: 306; Митчель 1859. № 87: 183; Богораз 1900. № 167: 415; Тан-Богораз 1936: 244; Бабошина 1958. № 60: 149; Burch 1974: 8; Лебедев, Симченко 1983: 95; Санги 1985: 310.

² Мнение: Каллиников 1912: 76, 168; собаки в яранге: Акифьев 1904: 54; Bogoras 1910: 184; Толмачев 1912: 498; ср.: Рубцова 1954: 100, примеч. 13; Обручев 1974: 113; собака в пологе: Акифьев 1904: 56; привязь-цепь: Богораз 1899: 359, примеч. 4.

³ Цитата: Майдель 1894: 138; об этом же см.: Лессепс 1801. Ч. II: 134; Богораз 1902а: 77–78; Каллиников 1912: 82; Сергеева 1968: 108; собаки объели двух оленей: Майдель 1894: 139.

Гоночная упряжка собак. Фотограф А. Боровик (2006 г.). Воспроизведено: Bogoslovskaya 2014: 117

но из контекста следует, что это были простые ездовые собаки — возможно, две передние, ведущие нарту, — которые понимали приказы ездока. Чукчи также использовали ездовых собак, располагаясь в засадах в трех местах по пути следования каравана коряков. Причем собак в данном случае натравливали на оленей и людей. Собак могли использовать и для преследования убегающих врагов¹.

Одна чукотская сказка упоминает, что злые духи кэле бродили небольшими группами, с громадными боевыми собаками, набрасывающимися на людей и рвущими их. Судя по контексту, тут имеются в виду эскимосы².

В общем, специальных боевых собак эскимосы и приморские чукчи не разводили, однако при необходимости для военных нужд использовали тех же ездовых собак, которые могли выполнять несколько основных функций. Это, во-первых, охрана жилища — самая обычная задача собаки. Во-вторых, борьба с людьми при атаке или преследовании. И наконец, в-третьих, собак, опираясь на их природный инстинкт хищника, натравливали на оленей противника, тем самым лишая кочевников обычного транспорта. Видимо, и оседлые коряки также использовали своих собак в войнах с оленеводами, что говорит о традиционности данного явления³.

¹ Виютку: Меновщиков 1985. № 127: 308–309; Нефёдкин 2003: 304; 2016: 219–220; чукчи в засаде с собаками: Воскобойников, Меновщиков 1959: 437; Беликов 1982: 182; преследование: Баранников 1974: 86 (коряки).

² Богораз 1900. № 167: 415.

³ Тан-Богораз 1979: 25.

Глава IV

ОСАДА И ОБОРОНА

1. ОБОРОНА И ОСАДА У ОЛЕННЫХ ЧУКЧЕЙ

Искусство осады и обороны укреплений у основной массы чукчей, кочевых оленеводов, как и у номадов вообще, не было развито, хотя и существовало. У них не было каких-то специальных опорных пунктов для обороны — они рассчитывали на свою мобильную тактику и быструю перекочевку от или на врага. Действия в поле при этом имели решающее значение. Впрочем, передвижение больших отрядов и стойбищ могло производиться на нартах лишь при наличии снежного покрова, который отсутствовал с конца апреля — начала мая до конца сентября — начала октября, летом же чукчи не перекочевывали и активных массовых наступательных боевых действий на суше не вели.

Жители Чукотки использовали как естественные, так и искусственные укрепления. Очевидно, первый вид был более распространен, тогда как второй встречался реже. По своему характеру эти укрепления делились на стационарные и полевые. Причем даже постоянные укрепления не были перманентными, а строились лишь при непосредственной угрозе нападения. Подобное положение с современной точки зрения выглядит нелогичным, поскольку у чукчей в XVII–XVIII вв. шли непрекращающиеся военные действия. Однако чукотское общество еще не достигло той фазы развития, когда появилась насущная необходимость в строительстве укреплений. Это, с одной стороны, объясняется тем, что отдельные семейные общины из-за своей малочисленности не могли возводить фортификационные со-

оружения, надолго не отрываясь от производственного процесса, а с другой стороны, не было подходящего деревянного материала для строительства — имелись лишь камни, из которых оленные чукчи не умели выкладывать прочные стены.

При перекочевке первая задача состояла в том, чтобы удачно выбрать место для стойбища. При угрозе нападения превосходящих сил врага предпочитали отходить в более безопасное место. А от Якунина, согласно чукотским преданиям, даже собирались бежать в Америку. Сами же чукчи со своими стадами скрылись от капитана Д. И. Павлуцкого на острове, вероятно, на Аракамчечене¹.

В зимнее время стойбище часто располагалось в долине — тут ветер был не так силен, да и противнику из-за возвышенностей не было видно жилищ, о которых, впрочем, можно было догадываться по дыму. К. фон Дитмар, со слов нижеколымского купца В. И. Трифонова, так описал зимнюю стоянку чукчей: «Юрты свои чукчи разбивают обыкновенно в долине и на всех окрестных высотах ставят часовых, которые при малейшем подозрении и опасности с быстротой стрелы на маленьких санях спускаются в долину и призывают мужчин к оружию». Некоторые подробности об охране стойбища можно почерпнуть в чукотском сказании, повествующем о войнах XVIII в.: «Старший брат стоял в карауле на самой высокой сопке, отсюда видна была вся северная тундра, — с этой стороны делали набеги таниты. Средний брат охранял южную часть тундры. Младший брат [малоопытный юноша. — А. Н.] охранял восточную тундру и берег моря, самую спокойную часть». Таким образом, судя по данному сообщению, система охраны стойбища была достаточно развита — с разных сторон долины располагались караульные. У последних в качестве транспортного средства были скоростные гоночные нарты. Видимо, подобная охрана была организована таким способом при непосредственной угрозе нападения со стороны противника. Естественно, караулы располагались в удобных, хорошо защищенных от неприятельских глаз местах. При перманентной угрозе нападения стойбище охранял специальный отряд, находившийся на содержании жителей. Воины из этого отряда патрулировали территорию².

¹ Отход в безопасное место: Богораз 1900. № 131: 336; Бабошина 1958. № 103: 248; Malaurie 1974: 140; Леонтьев 1983: 129; Нефёдкин 2016: 140, 142; бегство в Америку: Богораз 1902а: 71, 84; убежище на острове: Сарычев 1952: 244.

² Стойбище в долине: Тан-Богораз 1979а: 221; цитата: Дитмар 1856: 37; цитата из сказания: Бабошина 1958. № 95: 230; Нефёдкин 2016: 165; ср.: Воскобойников, Меновщиков 1959: 432; 435; 437; Ятгыргын 1963: 7–8; Беликов

Сопка Ягнатымльон около Колючинской губы, где есть укрепления со рвами. Фотография А. М. Зеленского, 2017 г.

Согласно сказанию о гонщике на оленях Тъэюнкээве, последний во время войны каждый день взбирался на сопку для наблюдения за врагами, чтобы их приход не был неожиданным. Подобные наблюдательные пункты могли приобретать постоянный характер и даже укрепляться с целью обороны. В ваежской тундре находят укрепления, называемые *вуйвун* (вероятно, от *выквык* — «камень») или *атчинвыт* (от *атчик* — «прятаться»). В тундре Чукотского района, по воспоминаниям зоотехника Ивана Васильевича Вуквуна, в районе реки Игэльвеем (Чукотский район) находят «окопы», которые по периметру были обложены обросшими не приметными издали камнями. На одной сопке сохранились три круглых «окопа» глубиной около метра (в 1960-х гг.), посередине ямы находился большой камень. Такие сооружения местные жители считают укреплениями. По дороге от села Илирней (Билибинский район) на юг, к Большому Анюю, на высокой сопке находится круглый (диаметром около трех метров) «редут», стены которого высотой примерно 1,3 м сложены из необработанных камней; проем-вход в укрепление находится со стороны пологого склона сопки. Данное укрепление также рассматривается как наблюдатель-

1982: 179, 181; Стебницкий 1994: 33; Нефёдкин 2016: 68–69; караулы в удобных местах: Воскобойников, Меновщиков 1959: 435; специальный отряд: Беликов 1982: 198; Асадова 2012: 3–4; Нефёдкин 2016: 89.

ный пункт¹. На сопке Янранай на левом берегу р. Автоваам (правый приток р. Куйбивеем, впадающий в р. Майн в 110–120 км южнее Ваег) находится круглое каменное укрепление, вмещающее двух человек, как рассказывает оленевод Николай Николаевич Нувано (1969 г. р.). Это также явный наблюдательный пункт на пограничной с коряками территории, с которого хорошо видно вдаль.

В мирный период или когда, по крайней мере, не было точно известно время прихода врагов, чукчи вели себя более беспечно: специально караулов не выставляли, а надеялись, скорее, на случайные сообщения. Да и в военное время стража, надеясь на ненастье, могла халатно нести службу. Вероятно, данная «беспечность» объяснялась простой нехваткой мужчин, которые должны были заниматься выпасом оленей и охотой, а может быть, и простым презрением к врагу. Кроме того, и собаки волновались, чуя приближение чужих².

Летом, когда не было возможности перекочевывать, мужчины для выпаса стад уходили далеко от стойбищ, подчас на расстояние нескольких дней пути. В этот период яранги располагали на сопках, откуда можно было обозревать окрестности. Ведь в стойбище практически не оставалось боеспособных мужчин, поскольку в данный период обычно не ожидалось нападения. Тем не менее, чтобы затруднить подход к яранге, вход в нее могли располагать в сторону более крутого подъема. Если хотели сопротивляться, то могли собраться в последней яранге, до которой враг добирался в последнюю очередь; откуда и оборонялись³.

При приближении врагов к стойбищу обычно все небоеспособное население вместе со стадами отсылалось в безопасное место, где, по

¹ О Тъэюнкээве: Ятгыргын 1963: 7–8; Нефёдкин 2016: 68–69; о Чукотском районе и Ваегах: информация В. Н. Нувано и И. В. Вуквуна (1942 г. р., из Лаврентия) (Анадырь, сентябрь 2013 г.); о сопке у Илирнея: рассказ Григория Ивановича Ранаврольтына (1942 г. р.) (Санкт-Петербург, январь 2014 г.).

² Мирный период: Бабошина 1958. № 90: 217; № 98: 239; Меновщиков 1974. № 87: 308–310; № 88: 310–312; Лебедев, Симченко 1983: 129; Нефёдкин 2016: 170–171, 265–266; ср. эскимосы: Вахтин 2000: 124; халатное несение караула: Бабошина 1958. № 101: 245; Нефёдкин 2016: 108; нехватка мужчин: Воскобойников, Меновщиков 1959: 427–428; Беликов 1965: 164; Меновщиков 1974. № 88: 310–312; собаки: Архинчев 1957: 45.

³ Летний период на стойбище: Воскобойников, Меновщиков 1951: 461; Бабошина 1958. № 90: 217; Лебедев, Симченко 1983: 129; АИИ, ф.36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; Нефёдкин 2016: 148–149, 170; 2016а: 100–101 (при охоте на оленей на Анадыре); вход у крутого подъема: Калинин 1912: 76; оборона в последней яранге: Беликов 1982: 198–200; Нефёдкин 2016: 89–92.

мнению защитников, нападающие не могли их обнаружить. В стойбище оставались мужчины, которые и принимали бой. Однако не всегда жители успевали укрыться, тогда женщины искали укромные места внутри самой стоянки, например в крайней яранге. Так, чукотская сказка прямо рассказывает, что при появлении врагов «женщины и дети попрятались, а мужчины ринулись в бой». Если врагов замечали заранее и не считали возможным сопротивляться, то спешно собирали вещи и убегали на нартах¹.

В случае опасности оленье стадо могли держать и около жилья (обычно на ночь). Это было вызвано как тем, что табун не успевали угнать в безопасное место, так и тем, что для этого перегона не хватало мужчин. Олень — животное достаточно пугливое, и при приближении чужих людей или хищников он волнуется и хоркает², подавая сигнал об опасности. Поскольку сил у обороняющейся стороны могло быть недостаточно, иногда применяли следующий прием: когда враг подходил вплотную к стойбищу, пугали стадо, и оно бросалось в сторону неприятеля и просто сметало его. Так, например, пастухи могли надеть на оленя высохший дождевик из кишок, шум от которого пугал все стадо. Следовательно, само стадо (обычно из нескольких сотен оленей) в этом случае выступало в качестве оружия. Подобный прием характерен и для оленных коряков³.

Если на стойбище оставались одни женщины, то они не особо боялись нападавших, поскольку существовало правило, что с женщинами не воюют. При угрозе нападения для поддержания друг друга женщины собирались в одной яранге, чаще последней в ряду. В нее же после своего обнаружения они приглашали подошедших врагов поесть и лечь с ними спать, ожидая прибытия своих мужчин, которые, в корякском фольклоре, подходили и убивали неожиданно разбуженных врагов. В сказании «Три сестры и враги», ожидая прибытия врагов, старшая из сестер голая легла на шкуру и, когда предводитель врагов

¹ Эвакуация населения: Лазарев 1950: 190–191; Козлов 1956: 30; Бабошина 1958. № 103: 250; Ятгыргын 1963: 5–6; Нефёдкин 2016: 142–143, 183–185; ср.: Черненко 1957: 132; цитата: Бабошина 1958. № 90: 217; Нефёдкин 2016: 171; ср.: Белов 1952. № 102: 270; Тан-Богораз 1979: 55; бегство: Козлов 1956: 30; Такакава 1974: 103–104; Беликов 1982: 199; Нефёдкин 2016: 91.

² Орловский 1928: 66.

³ Богораз 1900. № 134: 353; № 140: 376; Меновщиков 1964. № 6: 131; 1974. № 18: 103; № 90: 313–314; № 91: 318; 1988. № 45: 102; Кымытваль 1987: 84–86; Вахтин 2000: 246, 248; ср.: Меновщиков 1974. № 87: 309; дождевик: Ятгыргын 1963: 12; Нефёдкин 2016: 154; оленные коряки: Жукова 1988: 17; Стебницкий 1994: 59.

овладел ей, убила его заранее припрятанными ножами, тем самым обезглавив и деморализовав неприятельский отряд¹.

Наиболее простым видом фортификационных сооружений было укрепление собственной яранги. Действовал общечеловеческий принцип: мой дом — моя крепость. Если доверять фольклору, то обычную покрышку яранги из оленьих шкур в холодное время года могли заливать водой, создавая этим ледяной панцирь. Практиковалось, если верить сказанию, и обкладывание стен яранги камнями². Вероятно, это традиция оседлых жителей. С современной точки зрения подобные укрепления отнюдь не являлись надежной защитой — их можно было легко разрушить. Однако надо учитывать, что одним из приемов нападения на людей, находящихся в яранге, было прокалывание копьем покрышки вместе с находящимся внутри, у ее стены, пологом³. Для поджога жилища зимой, в основной сезон набегов, в тундренной местности не было много материала. Обитатели же надеялись на то, что противник, боясь духа-защитника, не вломится в ярангу и просто уйдет. Таким образом, данная пассивная оборона не выглядела столь абсурдной. Оборону, если врагов было много, вели пассивно: сидели в яранге и ждали, что будут делать осаждающие. В таком случае все могло закончиться тем, что последние, вырубив пешнями из моржовых клыков ступени на обледелых стенах яранги, вскарабкивались наверх и через дымовое окно прыгивали внутрь, убивая хозяев. Однако враги могли и не идти на «штурм», намереваясь вести «осаду», и просто заявить осажденному: «Умрешь... от жажды, тебе за водой ходить надо». Ожидая выхода противника из яранги, чукчи стояли с копьями у входа. Естественно, такая «блокада» не могла быть долговременной⁴.

Оборона могла вестись и активно — осажденные стреляли по врагам через специально сделанные в стенах яранги бойницы. В таком случае, нанося врагу потери, можно было отразить нападение пре-

¹ Предание о трех сестрах: Нефёдкин 2016: 176–177; ср.: Беликов 1982: 199–200; Нефёдкин 2016: 89–92; коряки: Жукова 1988. № 4: 17; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 17: 75–77; Кеккетын 2010: 198–199.

² Заливание покрышки водой: Бабошина 1958. № 56: 142–143; обкладывание камнем: Лебедев, Симченко 1983: 98; Нефёдкин 2016: 136; ср.: Дьячков 1893: 133; Богораз 1900. № 146: 389; Бурыкин 1993: 29–30 (шаман превратил юрту в каменную).

³ Меновщиков 1958: 143; Нутекеу 2005: 26–27.

⁴ Цитата: Лебедев, Симченко 1983: 98; Нефёдкин 2016: 136; ср.: Костенецкая 1973: 177; Леонтьев 1983: 129; ожидание у входа: Иохельсон 1900: 210–211; Курилов 2005: 173; «блокада»: Жукова 1988. № 6: 21. § 16–29.

восходящего по силам, но плохо защищенного от стрел неприятеля. Причем женщины, находящиеся в это время в яранге, также помогали обороне, изготавливая стрелы¹.

Был и другой способ обороны, с использованием рельефа местности. Когда непосредственно ожидалось нападение, население спасалось бегством в горы². Для обороны могли выбирать и возвышенность, часто неприступную с трех сторон. Ее склоны и особенно дорожку наверх поливали водой, которая, замерзнув, создавала ледяной покров. Естественно, так можно было обороняться зимой. Напротив уязвимых в обороне мест привязывали на ремнях груженные мешками камней грузовые нарты, к последним прикрепляли копыя, остро обточенные олени рога или даже жерди яранг, закрепленные на саних поперек. Нарты при этом могли связываться друг с другом для усиления эффекта³. Сани ставились за неукрепленной частью стены, к которой заманивали врага. Эту часть мгновенно разбирали и запускали вооруженные нарты на врагов. В каких-то других ситуациях данные аппараты не применялись. Враги обычно пытались брать такую возвышенность штурмом, ведь при осаде отнюдь не было ясно, у кого — у запасшихся едой осажденных или только что пришедших осаждающих — будет раньше исчерпан провиант.

Например, согласно локальному преданию, на перевале Эк'эльыннылк'ын (букв. «Плохая седловина»), к югу от Ваег, отец с дочерьми поставили ярангу, устроив стоянку. Оба склона для безопасности были залиты водой и превратились в лед. И когда враги попытались влезть на сопку, на последних были спущены грузовые нарты с поперек привязанными жердями от яранги⁴.

¹ Сюжеты см.: Козлов 1956: 181; Бабошина 1958. № 56: 142–143; Беликов 1982: 200; Лебедев, Симченко 1983: 98; Нефёдкин 2016: 90–91; ср.: Меновщиков 1988. № 125: 296.

² Берх 1823: 46, 59; Полонский 1850: 398; Соколов 1851: 91, 92, 94; Яттыргын 1963: 5–6; Нефёдкин 2016: 93.

³ Антропова 1957: Рис. 34; Бабошина 1958. № 100: 242; № 103: 247–251; Костенецкая 1973: 183; Леонтьев 1976: 91; Беликов 1982: 195; Лебедев, Симченко 1983: 131; Шенталинская 2003: 61; 2008: 266; Нутекеу 2005: 13; Нефёдкин 2016: 110, 121, 132, 143, 152, 175; ср.: эскимосы: Меновщиков 1985. № 132: 322; коряки: КПЦ. № 42: 116; Окунь 1935а: 58; Иохельсон 1997: 216; интервью А. П. Аля в августе 2013 г. в Хатырке: Нефёдкин 2016: 145; о связывании нарт: информация Г. И. Ранаврольтына (1942 г. р., Анадырь) со ссылкой на рассказы мейныпильгинских стариков; ср.: в 1751 г. нарты, груженные камнями, у оленых коряков: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 22 об.; Нефёдкин 2016а: 225–226.

⁴ Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

Штурмующие, в свою очередь, вели нападение по ледяной дорожке наверх. Чтобы ноги не скользили, осаждающие вырубали во льду ступени «кирками» из моржовых клыков или, за неимением последних, ножами¹. Именно тут на наступающих в подходящий момент скатывали вооруженные нарт. Вместо нарт для этой цели использовали и более простые приспособления: обычные снежные шары, облитые водой. Тотчас же после того, как «ряды» осаждавших разбивались санными, из укрепления выскакивали воины и довершали разгром врага². Это один из вариантов хода событий, исход же всего штурма было сложно предугадать. Коряков, осаждавших укрепление, чукчи часто отбивали, тогда как русские с их военно-техническим превосходством обычно брали такую возвышенность.

На возвышенности, опять же при непосредственной угрозе нападения, могли возводить и укрепление, делая забор из связанных ремнями жердей от яранг и обкладывая его дерном и камнями. Также иногда натягивали в виде стены шкуры, в которых делали отверстия-бойницы для обстрела врага из лука. Подобное ограждение не только позволяло защитить себя, но и было удобно для стрельбы по врагам. Штурмовали же такое укрепление или со всех сторон сразу, используя свое численное превосходство и не давая осажденным сосредоточиться на какой-то определенной стороне обороны, или же, нападая на наименее укрепленную часть, пытались по возможности запрыгнуть на изгородь (если она была невысока), а затем и внутрь укрепления³.

В чукотском предании рассказывается о том, что оленные чукчи, бежав из глубины страны на побережье от Якунина, сделали некое укрепление в ущелье между скалами, которое враги разрушили, скатывая сверху каменные глыбы; после чего уцелевшими было возведено второе укрепление под навесной горой на территории поселка Нетэн (у залива Креста), которое уже Якунин не смог разрушить⁴. Сам вид укрепления в рассказе не описан, однако ясно, что чаучу не могли оценить стратегическое положение возводимого укрепления, поставив его на уязвимом месте. В новой местности, когда необходимо было выбрать место для укрепления, оленеводы делали это не всегда

¹ Кирки: Бабошина 1958. № 103: 250; Нефёдкин 2016: 143; ножи: интервью А. П. Аля в августе 2013 г.: Нефёдкин 2016: 145; ср.: Народы России. 1880: 6.

² Снежные комья: Козлов 1956: 64.

³ Сюжеты см.: Бабошина 1958. № 98: 239–240; № 103: 248–250; Лебедев, Симченко 1983: 99–100; 130–131; Нефёдкин 2016: 125–126, 142–143, 150–153.

⁴ Богораз 1900. № 128: 332–333; 1934: 169–170.

удачно — сказывалось незнание территории и отсутствие опыта в подобном предприятии. Поэтому и оборона не была удачной. Сами события, вероятно, относятся к походу Д. И. Павлуцкого в 1744 г.¹

При отсутствии навыков осадного искусства чукчам было сложно взять укрепление. В 1763 г. подполковник Ф. Плениснер в своем рапорте информировал сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, говоря об Анадырском остроге: «... а для такого народа чюкоцкого крепости быть не надлежит, ибо они не имеют никакого огнестрельного орудия, кроме луков, стрел да копей, и то не у всех, и для того не отважатся никогда не только к крепости, но и где живущие избы русские есть, подходить, как то до сего времени и не бывало». Более того, Ф. Плениснер полагал, что, если весной коряки будут стоять не отдельными ярангами, а крупными стойбищами по 20–30 яранг, то чукчи не осмелятся на них напасть².

Обычно чукчи не могли взять укрепленные, подчас с валом и каменными стенами, острожки коряков, а иногда и их отдельные дома, в которых те активно оборонялись, стреляя из луков и ружей³. Понимая, что штурм может занять некоторое время, чукчи делили штурмующих на несколько очередей, тем самым ведя бой непрерывно и изматывая противника. Начинался бой за поселение перестрелкой издали. Стрельбой старались сбить врагов с укреплений, сплачиваясь для увеличения ее эффективности. Иногда при наличии подручного материала чукчи изготовляли для защиты от стрел и пуль деревянные осадные щиты, которые упоминаются в документе об осаде Нижнеколымска в 1656 г. Подобное защитное сооружение было распространено у народов Сибири. А в феврале 1733 г. чукчи стали атаковать «саненбург» отряда Р. Якимова под прикрытием щитов, установленных на нартах, что придавало им особую мобильность⁴.

¹ РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 72–72 об.; Нефёдкин 2016а: 121–122.

² Цитата: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 8 об, 82; мнение Ф. Плениснера: Там же, л. 62 об. — 63=169.

³ Лессепс 1801. Ч. II: 87; Богораз 1900. № 110: 287; № 132: 337–338; ср.: Мерк 1978: 120.

⁴ Сплачивание при штурме: Богораз 1900. № 132: 337–338; события 1656 г.: АИИ, ф. 160, № 383, сст. 76; Белов 1952: 258; Вдовин 1965: 104; 1733 г.: Зуев 2007а: 288; 2009: 87, 294; Нефёдкин 2016б: 71; семь осадных щитов у двухсот юкагиров (1681 г.): ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44–23: 180; у эвенков: Воскобойников, Меновщиков 1959: 182; у эвенов: ДАИ. Т. VII. 1859. № 61: 279; Nefëdtkin 2013: 125; Нефёдкин 2014: 110; у эскимосов-чугачей на Юго-Востоке Аляски были щиты, прикрывающие сразу до 20–30 человек: Malaurie 1974: 144; Шнирельман 1994: 107, ср.: Давыдов 1810. Ч. II: 149; у эскимосов-кадьяковцев за каждым щи-

Для защиты от вражеских стрел осаждающие активно использовали приемы увертывания. Постепенно чукчи подходили ближе и вели огонь еще интенсивнее, стремясь поразить стрелков противника и / или заставить его прекратить огонь. Если обороняющиеся заседали в яранге, то меткий лучник стремился попасть стрелами в крепези жердей, желая этим самым разрушить все жилище¹.

Самым же обычным способом проникновения врагов в ярангу был ее снос. Чукчи-оленоводы, которые с детства умели искусно кидать аркан, просто набрасывали его на верхушки стоек-жердей, являвшихся основой строения, обхватывали их и, потянув, опрокидывали всю ярангу, сея суматоху и испуг среди ее обитателей. Выбегающих из жилища врагов убивали².

На крутой холм чукчи могли взобраться, просто втыкая нож в склон. Существовал и весьма своеобразный способ взбирания на крутую гору, где находилось жилище противника. К рогам выпряженного из нарт оленя привязывали аркан (обычно 15–20 м длиной) и гнали животное вверх. Затем по этому аркану взбирался сначала один, а потом и остальные воины. При этом, чтобы ноги не скользили, на них надевали специальные подковы с шипами. Естественно, такой способ штурма был эффективен, когда жители по каким-либо причинам активно не оборонялись³.

Чукчи обычно не штурмовали не только русские деревянные остроги, но даже и полевые «санебурги» из нарт. Иногда они, имея

том скрывались по 30–40 человек: Паллас 1781: 84; у русских служилых: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 11; Нефёдкин 2016а: 197 (осада Д. И. Павлуцким Паренского острога в 1732 г.); № 539, ч. 2, д. 6, л. 27 (осада острожка оседлых коряков в 1752 г.); КПЦ. № 2: 32; Сгибнев 1869: 31; 1869а. № 4: 87; Майдель 1894: 546; Степанов 1937: 223; Белов 1952. № 102: 269; Никитин 1996: 78; Элерт 1996: 255–256; Леонтьева 1997: 95; Зуев 2002: 70; Багрин 2013: 40, 42, 52, 57.

¹ Богораз 1900. № 132: 338; ср.: Лебедев, Симченко 1983: 131; Нефёдкин 2016: 153–154. Типичным и для корякского фольклора сюжетом было попадание богатырем, стрелявшим из лука, в ремень, стягивавший три основных шеста яранги над дымовым отверстием (Стебницкий 1994: 57).

² Снос яранги арканом: Мерк 1978: 120; Козлов 1956: 182; Меновщиков 1974. № 150: 476; Беликов 1982: 184, 199–200; Нефёдкин 2016: 110, 184–185; выбегание из яранги: Стебницкий 1994: 57; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 20: 97. § 66 (коряки).

³ Взбирание с ножом: Галкин 1929: 174; Нефёдкин 2016: 132; с оленем: Бабошина 1958. № 98: 239–240; Костенецкая 1973: 184; Меновщиков 1974. № 85: 304–305; Беликов 1982: 196; Лебедев, Симченко 1983: 100; Нутекеу 2005: 14; Нефёдкин 2016: 121, 125–126, 132, 138.

численное превосходство, располагались лагерем вблизи и пытались нанести врагу наибольший урон стрельбой из луков. Причем большие надежды чукчи возлагали на саму внезапность нападения, а не на осаду¹. Подобный способ действия был вызван, с одной стороны, превосходством русского огнестрельного оружия, а с другой — обычным недостатком продовольствия, который начинал сказываться весьма скоро. Цель же такого нападения предельно ясно сформулирована в документе, рассказывающем о нападении чукчей на Нижнеколымское зимовье в 1685 г.: казаков победить, аманатов распустить, а казну разграбить².

Если поблизости не было укрепленных самой природой мест, то чукчи при необходимости использовали полевые укрепления. Такое случалось нечасто, главным образом тогда, когда нельзя было откопывать по снежному покрову или когда, наоборот, они шли походом. Для этого укрепления выбирали место лучше защищенное, возвышенное. При угрозе нападения чукчи обносили стойбище забором из связанных между собою нарт, обсыпая их землей и покрывая шкурами. Вот как описывают сотники анадырской команды такое укрепление (июнь 1731 г.), рассказывая, что казаки дошли до «острожка, который был построен из их езжалых аргышных [грузовых. — А. Н.] санок и моржовой кожи и обсыпан камнем, кочками и песком, кругом увязан ремнями, и в том острожке было юрт до осьми». К сожалению, документ не сообщает о штурме казаками этого укрепления, кратко говоря, «кои [яранги. — А. Н.] разорили и сожгли». Таким образом, перед нами своеобразный «санебург», сделанный из подручных средств — стоящих, по-видимому, вертикально и связанных между собой нарт, которые для прочности присыпали камнями и дерном. Хотя может показаться, что для возведения подобного укрепления потребовалось бы слишком много нарт, примерно несколько сот (по моим подсчетам, примерно 500, ведь диаметр одной яранги был порядка 10 м), однако вспомним, что у каждой семьи было множество нарт различного вида. Так, капитан И. Биллингс упоминает (1791 г.), что при перекочевке кладь от двух яранг заняла у чукчей 126 нарт. Возможно, подобное укрепление произошло от составления простого загона для оленей в форме полукруга, который делался из поставленных

¹ Словцов 1886. Кн. 2: 79. Отметим, что коряки были более искусными в осадах русских острогов. Так, например, в 1745 г. они сначала попытались атаковать Акланский острог, но, потерпев неудачу, осаждали его пять месяцев (Окунь 1935а: 51).

² ДАИ. 1867. Т. X, № 78-X: 357.

вертикально ездовых нарт с грузом и был предназначен для отлова из стада упряжных и жертвенных оленей. Менее вероятно, что такое укрепление появилось из обычая обставлять ярангу связанными друг с другом нартами для придания ей устойчивости на ветру. Естественно, при снятии угрозы нападения на стойбище такой забор разбирался. Следовательно, это укрепление нужно расценивать как временное полевое. Оно было присуще не только чукчам, его применяли и оленные коряки¹.

Если чукчи неожиданно встречали в пути более сильного противника, то они могли просто составить из нескольких нарт своеобразную стенку, из-за которой оборонялись, стреляя из лука². Это уже чисто полевое укрепление.

Итак, мы видим, что у оленных чукчей, как и у кочевников вообще, фортификационные навыки не были развиты. Военные действия были маневренными, рассчитанными на внезапность, даже несмотря на традицию объявления войны. Применялись только временные убежища, как природные, так и искусственные, ведь военные действия не были рассчитаны на долгосрочную осаду или оборону — сами суровые природные условия, нехватка продовольствия препятствовали этому. Убежища строились только в случае непосредственной угрозы со стороны врагов. Для их возведения использовался не какой-то специальный материал, а подручные средства: нарты, шкуры, камни, дерн. Само же стойбище вместе со стадами старались увести в это время в безопасное место. Из убежища предпочитали обороняться, когда у врагов было подавляющее численное превосходство, в противном случае этос требовал встретить врага в поле. Оборону вели с помощью стрельбы из лука из-за укрепления, старались нанести большой урон противнику и заставить его отступить. После ухода противника укрепление демонтировалось. Главным способом овладения укреплением был штурм, который или велся по всему периметру укрепления, или направлялся на наиболее уязвимый участок обороны. Никаких специальных осадных орудий или оружия не существовало. Их недостаток компенсировался обилием различных хитростей во время осад.

¹ Использование полевого укрепления: Сгибнев 1869: 15; укрепление на возвышенности: Меновщиков 1985. № 127: 310; события 1731 г.: КПЦ. 1935. № 59: 159; И. Биллингс: ЭМ: 55; загон для оленей: Орловский 1928: 65–66; Антропова 1947: 65; 1957: 224–225; Архинчеев 1957: 61; Кузнецова 1957: 294; нарты стоят у яранги: Богораз 1991: 103, 110; полевые укрепления: Богораз 1934: 171; Тан-Богораз 1979: 28.

² Богораз 1900. № 15: 92.

Встреча с русскими, обладавшими огнестрельным оружием, наложила на осадное дело чукчей определенный отпечаток. В частности, стали использовать осадные щиты. Однако в целом осада и оборона у чукчей была схожа со способами, применяемыми соседними народами (эскимосы, коряки, юкагиры, ительмены), даже каких-то особых черт, присущих одним только оленным чукчам, нельзя выделить — разница была лишь в их комбинациях и распространении. Естественно, в наибольшей степени схожесть осадного дела наблюдалась у соседей-врагов, оленных коряков и чукчей.

2. ОСАДА И ОБОРОНА У ОСЕДЛЫХ ЧУКЧЕЙ И АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Поскольку приморские чукчи заимствовали практически всю свою материальную культуру от эскимосов, то целесообразно и фортификацию обоих этносов рассматривать вместе. Искусство фортификации не было особо развито у приморских жителей, хотя и стояло на более высоком уровне, чем у кочевников, — оседлые жители подчас создавали стационарные укрепления. Общая же стратегия ведения боевых действий не была рассчитана на долговременную осаду. Нападения можно было ожидать как с суши, откуда, в основном зимой, приходили отряды чукчей, коряков или русских, так и с моря, где летом появлялись либо казаки на своих кочах, либо на байдарках враждебные дальние или ближние соседи. Нападающие же рассчитывали на неожиданность своего появления и молниеносность атаки, поэтому высадившиеся на берег и нападали на селения обычно на рассвете, в утреннем тумане. Для нападения могли специально выбирать время, когда основная часть мужчин была на охоте и, соответственно, в поселках защитников не было¹.

С целью обороны само поселение строилось на пригодном месте: на возвышенности, на выступающем в океан мысу, с которого легче было защищаться, обнаружив подход врага, и, с другой стороны, удобнее разглядеть добычу в море. Тут компактно и размещались жилища².

¹ Нападение: Меновщиков 1985 №: 133: 326; мужчины на охоте: Бабошина 1958. № 67: 166.

² Богораз 1934а: 105; Коцебу 1948: 98; Бабошина 1958. № 67: 166; Теин 1977: 25 (Наукан был расположен на трех возвышенностях); Мерк 1978: 106; Крупник 1989: 173; Bandi 1995: 176; Mason 1998: 301–302; Членов, Крупник 2016: 44; ср.: Нордквист 1880: 97–103; Богораз 1909: 178; Меновщиков 1985. № 133: 326.

Даже для отдельных полуземлянок по возможности выбиралось укрепленное природой место. Так, в мае 1731 г. отряд Д. И. Павлуцкого обнаружил землянку оседлых жителей на «отпрядыше» (отдельно стоящей скале) в (Чукотском) море недалеко от земли, где было убито 6 или 20 человек. Если человек опасался своих односельчан, он устанавливал свое жилище на отдельной возвышенности. Ради безопасности могли даже переместить все поселение на более удобное место¹.

Как заметил А. Э. Норденшельд, яранги часто располагались «на узких перешейках, отделяющих прибрежные лагуны от моря». По наблюдениям И. И. Крупника, эскимосское селение обычно располагалось на удобном для морской охоты месте — галечной косе, отделявшей море от лагуны, рядом со скалистым мысом. Летние же яранги в начале XX в. находились у самого моря². Подобное расположение поселений в XIX–XX вв. (когда не было уже масштабных военных действий) объяснялось удобством наблюдения за морской дичью. Военный фактор (угроза с суши или земли) не играл уже существенной роли.

Для защиты от нападения со стороны моря байдары ставили на берегу в линию, а за ними клали оружие, возводя таким образом некий вид укрепления. При непосредственной угрозе часовых ставили у готовых к спуску на воду байдар и у яранг, наблюдая за действиями прибывших в селение иноземцев. При возможности нападения некомбатанты эвакуировались из селения, воины с копьями становились против чужаков, а лучники, изготовляясь к бою, занимали удобную позицию для поддержки своих, как это было в августе 1778 г. при высадке экипажа Дж. Кука на берег залива Лаврентия³.

С целью затруднить подходы к жилью на дороге, по которой, как предполагали, пойдут враги, могли устанавливать колышки, ранившие их ноги. Вероятно, это было эскимосское приспособление, активно применявшееся на Аляске, где группы колышков из костей карибу и китового уса втыкались в подходящих для заманивания врага

¹ Полуземлянки на укрепленном природой месте: Меновщиков 1959: 25; Мерк 1978: 106; Орлова 1941: 210; на отпрядыше: КПЦ № 59: 159; опасность от односельчан: Теин 1983: 6; Айвангу 1985: 58; перемещение поселения: Вахтин 2000: 124.

² Норденшельд 1936: 305 (ср.: Словцов 1869: 28); Крупник 1989: 35–40. Расположение летних палаток см.: Богданович 1901: Табл. III; XIV.

³ Линия байдар: Коцебу 1948: 100; часовые у байдар: Лазарев 1950: 203; 1778 г.: Кук 1971: 360.

местах¹. Также целям обороны служили замаскированные ямы с воткнутыми на дне ножами, как и поставленные валуны и ямы вокруг поселения Севеокок (Seveokok) на северо-западе о. Св. Лаврентия².

При непосредственной угрозе нападения эскимосы сооружали и / или ремонтировали крепости, делали ямы для хранения мяса; а на возвышенностях с той стороны, откуда ожидалось нападение, расставляли часовых³. Обычно на близлежащей возвышенности возводили крепость, где при нападении врага могло укрыться все население поселка. Наиболее простой и, соответственно, быстро сооружаемый вид укрепления состоял из стен, сделанных из натянутых моржовых шкур, в которых копьем прокалывали небольшие бойницы. В показаниях «чукотской девки Иттени» (на самом деле — американской эскимоски) от 1763 г. об устройстве подобного укрепления отмечается: «...а как узнают о неприятеле, то защиту делают противу жила из нерпечьих кож», хотя речь идет о жителях Аляски, но тип укрепления тот же⁴.

Летом 1749 г. есаул Н. Куркин обнаружил у урочища Красный Яр на Анадыре пустой чукотский острог, сделанный из наносного леса. Это был летний лагерь чукчей, приплывавших на нижний Анадырь для охоты на оленей. Однако само слово «острог» в этом случае можно понимать просто как поселение, жилища в котором сделаны из дерева (что вполне могли произвести приморские жители), а не как некое специальное укрепление, хотя нельзя исключить и каких-то элементов фортификации. Можно отметить, что аляскинские эскимосы, у которых в отличие от обитателей Чукотки был лес, строили полевой лагерь из сваленных деревьев⁵.

¹ Колышки: Козлов 1956: 62; Меновщиков 1988. № 96: 221; Митлянская, Карахан 1987: 109; ср.: Шнирельман 1994: 107 (эскимосы); на Аляске: Burch 1974: 8; 1998: 93. Похожее приспособление чукчи употребляли на медвежьей охоте, где оно представляло собой деревянную пластину с четырьмя шипами (Богораз 1991: 80. Рис. 51b).

² Рубцова 1954. № 5: 92, § 276–277; с. 277, примеч. 12; о. Св. Лаврентия: Bandi 1995: 178–179; Mason 1998: 270; ср.: коряки на подходах замаскировали в снегу свои охотничьи капканы и ловушки (1751 г.): РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 22 об.; Нефёдкин 2016а: 226.

³ Меновщиков 1985. № 132: 321–322; Нефёдкин 2016: 224; часовые: Меновщиков 1985. № 127: 307; № 132: 322–323.

⁴ Стены из кож с бойницами: Меновщиков 1985. № 132: 323; показания Иттени: КПЦ. № 72: 187; Burch 1974: 8; 1998: 104, 228; Malaurie 1974: 145; Sheppard 2009: 54.

⁵ Сенатский архив. 1897. Ч. VIII: 301; Зуев 2009: 140, 262; Нефёдкин 2016б: 204; аляскинцы: Rasmussen 1952: 67.

Наукан. Фотография А.С. Форштейна (1927–1929 гг.). МАЭ, И 115-32. Воспроизведено по: URL: www.togdazine.ru/article/1130.jpg (дата доступа: 05.06.2017)

Существовали и более капитальные стационарные укрепления, и даже каменные крепости (эск. *умкы*), которые служили временными убежищами для жителей поселка¹. В Нунлигране на скале, круто обрывающейся к морю, сохранились остатки земляного укрепления. Трапециевидное укрепление размером порядка 10×7 м обнесено с трех сторон (кроме стороны, обращенной к обрыву) земляной стеной толщиной около 70 см, достигавшей еще в середине XX в. более метра в высоту².

Крепость эскимосов Наукана на сопке над поселком под названием Уйайг'вик была сложена из камней высотой чуть более роста человека. В стене имелись два вида бойниц: узкие щели для стрельбы из лука и большие для сброса камней. Вход закрывался загородкой и каменной плитой³.

¹ Богораз 1900. № 146: 389; ср.: № 128: 332–333.

² Сообщение А. Н. Кергинтваль (1945 г. р.) из Анадыря (31 января 2014 г.).

³ Укрепления Наукана: Меновщиков 1987: 171, примеч. 3; Членов, Крупник 2016: 47.

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ

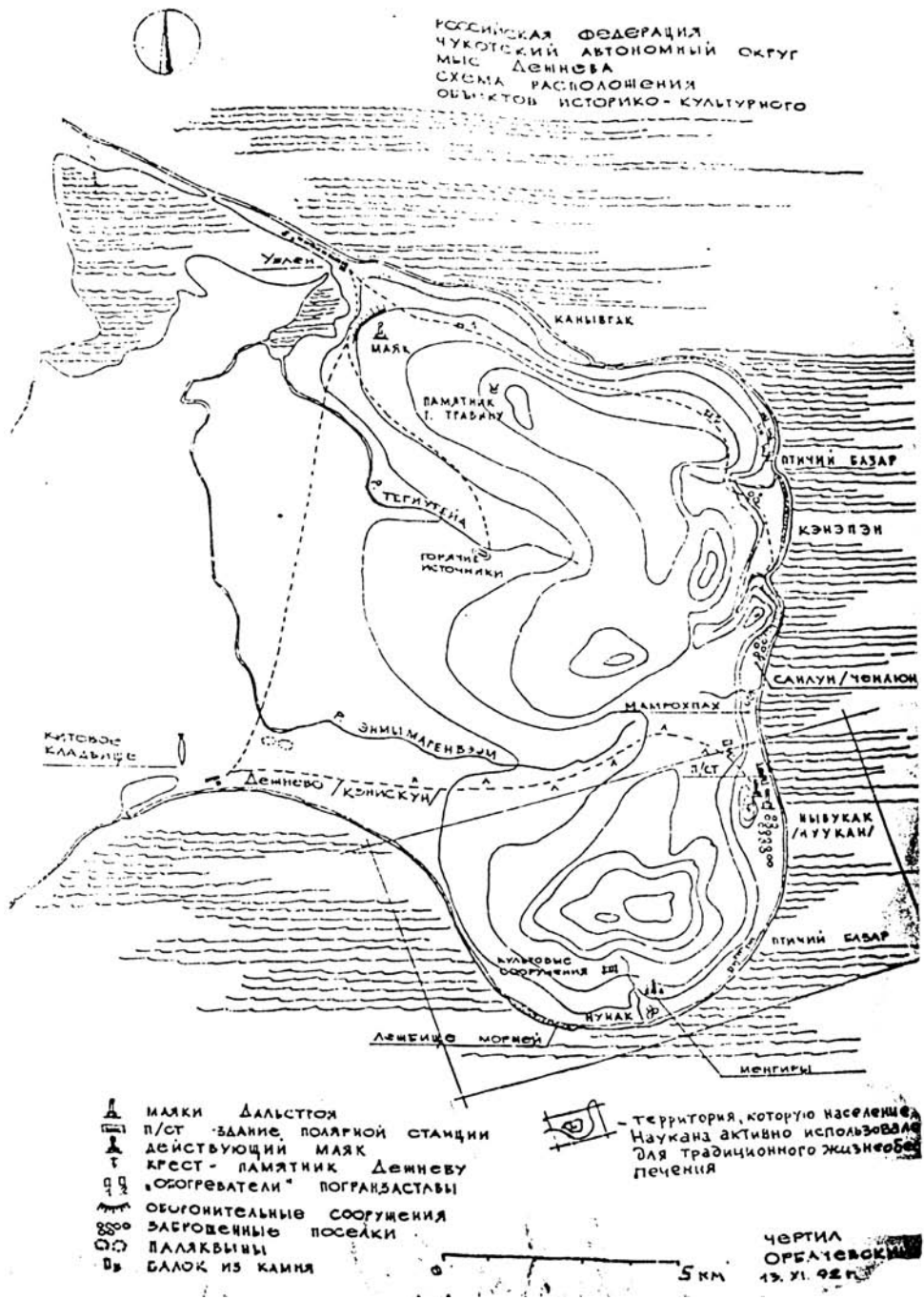

Схема расположения историко-культурных объектов на востоке Чукотки. Чертил Орбачевский в ноябре 1992 г.

На горе Санлук между Науканом и Уэленом, на высоте более 50 м, на седловине расположена площадка 55–60 на 105–110 шагов, она обнесена с двух не защищенных обрывами сторон сложенными из местных камней без раствора стенами, шириной 1,5–2 м и высотой в современной сохранности около 1 м. На этой площадке располагались семь полуземлянок и несколько круглых жилищ. Похожие сооружения в форме разомкнутого круга из сложенных камней мы видим и на гравировке клыков, выполненных жителями Чукотки. Эскимосы Наукана активно использовали камень как строительный материал, они строили круглые жилища диаметром 7 м, складывая стены из двух рядов камней с земляной забутовкой между ними¹.

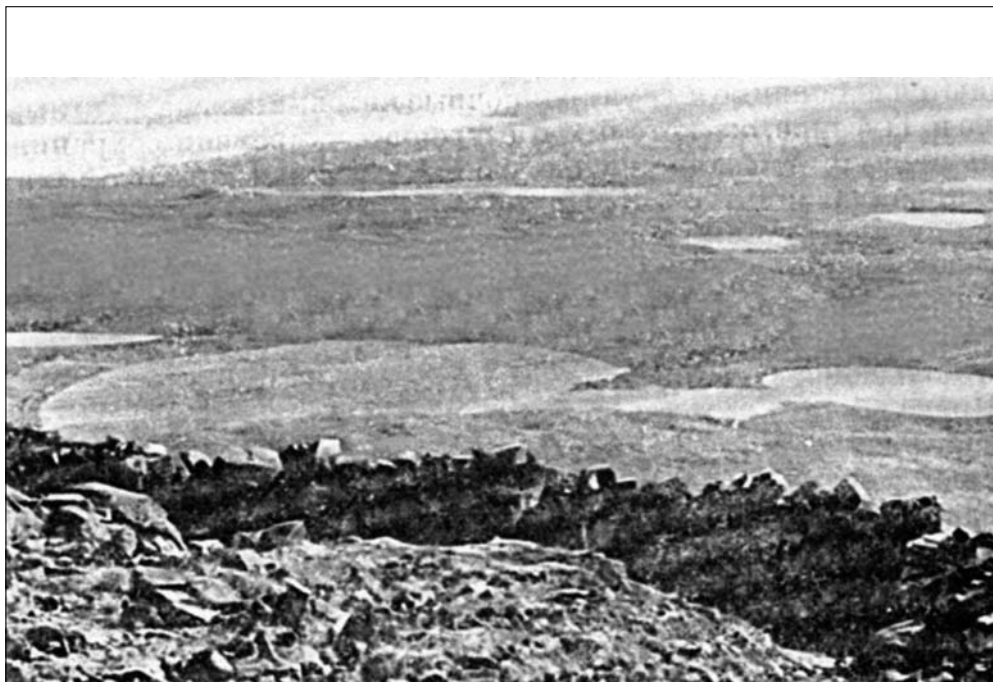
Во внутренней части мыса Чаплина в трех километрах от остатков эскимосского селения Униырамкыт на высокой сопке Гуйгунгу также сохранилось укрепление, примерно датируемое XVIII в. Оно представляет собой плоскую площадку овальной формы шириной 20–50 м и длиной 70 м, обложенную сплошной стеной высотой 1–1,5 м из необработанных камней со входом с западной стороны. В центре укрепления на небольшой естественной возвышенности имелся «донжон» — невысокая круглая башня².

Другой вид укреплений сохранился на том же мысе Чаплина на вершине невысокой сопки Рыгнахпак. В настоящее время укрепление не представляет собой единого целого, оно состоит из серии отдельных уголков-ячеек, выложенных из необработанного камня, и переходит на юго-западе в окоп. Неясно, соединялись ли эти уголки стенами из шкуры или это была сплошная крепость. Посередине сооружения, на вершине гребня скалы, находилась невысокая круглая башня из камней. Из данного укрепления хорошо просматривались окрестности, как предполагается, оно служило для наблюдений³. Однако для того чтобы отслеживать врага, строить укрепления не обязательно. Более вероятно, что оно служило местом обороны, ведь даже если не было сплошных стен, то из-за уголков можно было вести перекрестный

¹ Санлук: Диков 1958: 41; 1977: 173; дома Наукана: Орлова 1941: 210; Теин 1977: 28; Членов 1988: 72; Рытхэу 2004: 278; Членов, Крупник 2016: 43; Леонова 2016: 77; ср.: Обручев 1933: 162; Митлянская, Карахан 1987: 56–57; изображения на клыках: Антропова 1957: Рис. 34; Широков 1968: Рис. 7. Оседлые коряки обкладывали камнем свои летние жилища, по словам Я. И. Линденау (1983: 108), для защиты от зверей.

² Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 72–74. Рис. 61.

³ Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 72.

Стена эскимосского укрепления на высокой сопке Гуйгунгу (мыс Чаплина на юго-востоке Чукотского полуострова). Воспроизведено по: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 73, рис. 61

огонь по врагу и тем самым не допустить его к укреплению. Башня же была последним оплотом обороняющихся.

Укрепления на мысе Чаплина располагались около долин рек и таким образом служили препятствием для входа и выхода с побережья в центральные части полуострова¹. По уназикским преданиям, рассказанным Л. И. Айнаной в октябре 2013 г., укрепления эти возводились против оленных чукчей.

Согласно свидетельству Я. Линденау, в начале июля 1731 г. во время похода Д. И. Павлуцкого по Чукотке последний намеревался идти к Чукотскому носу, чтобы разорить «Чукоцкой каменной острог», но за неимением по пути оленьего корма двинулся в южном направлении. На карте Я. Линденау показан этот «Каменной острог» в горах центра Чукотского носа (= полуостров). Если наложить его на современную карту, то примерно получится расположение острога на хребте Гэнканай полуострова Дауркина. В таком случае получается, что это убежище оленных чукчей, которые, однако, каменных укреплений не

¹ Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 74.

строили. Может быть, речь шла о каменном укреплении приморских жителей, укрепление которых находилось ближе к побережью в горах, о котором до служилых доходили лишь слухи. Во всяком случае, в 1744 г. служилые Д. И. Павлуцкого взяли «острог» из камней «пеших чукок» у моря¹.

Свои укрепления чукчи и эскимосы в отличие от оседлых коряков и ительменов не обносили рвом. Это, по-видимому, объяснялось тем, что слой грунта, поддающийся выемке наверх, составлял 60 см, а дальше шла мерзлота. Чукчам же с их простыми орудиями было слишком трудно вырыть глубокий ров, от неглубокого не было пользы².

Обратимся теперь к способам захвата и обороны поселений. Нападающие перед подходом к поселку высылали одного-двух разведчиков — узнать ситуацию в поселке. Если они видели, что в поселке возведена крепость, а жители готовы к обороне, то нападающие могли вообще обойти данное поселение стороной. Нападать стремились неожиданно, хотя, естественно, это не всегда удавалось. Если же предполагалось соревнование не на жизнь, а на смерть, то вперед высылали вестовых для оповещения о приходе нападающих и для приготовления условий для приема³.

Когда защитники обладали значительными силами, они могли выйти из укрепления и принять открытый бой. В основном же предпочитали обороняться метательным оружием (луками и пращами), стремясь нанести бóльший урон нападающим и заставить их отказаться от штурма. Огонь старались вести прицельно, экономя снаряды⁴. Наступающие же, в свою очередь, стремились захватить укрепления именно штурмом — для осады не было специальных орудий. Чуть ли не единственным осадным орудием служил костяной, а позднее железный крюк, закрепленный на длинном ремне, для взлезания наверх⁵.

¹ Каменный острог: Линденау 1983: 164; карту см.: Ефимов 1964: № 122; 1744 г.: Зуев 2009: 262; Нефёдкин 2016б: 185, 189–190.

² Овсянников 1930: 56; Богораз 1991: 112; ср.: 85.

³ Разведчики: Сергеева 1968: 75; Меновщиков 1985. № 132: 322–323; уход нападающих от готового сопротивляться поселка: Меновщиков 1985. № 132: 323–324; вестовые: Вэкэт 2012: 286.

⁴ Выход на открытый бой: Меновщиков 1974. № 148: 467; 1985. № 132: 322; Вахтин 2000: 46, 201; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000: 103–115; Зуев 2004а: 214; 2009: 121; прицельная стрельба: Меновщиков 1985. № 132: 322, 324.

⁵ Штурм: Меновщиков 1985. № 132: 321–324; крюк: Козлов 1956: 132; ср.: Санги 1985: 314, 360; также ср.: у эвенов железные и костяные крюки служили для «разволачивания» зимовья (ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324).

Стрелковая ячейка из необработанных камней укрепления на вершине невысокой сопки Рыгнахпак (мыс Чаплина). Воспроизведено по: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 73, рис. 60

Штурмовали каменное укрепление преимущественно в том месте, где был вход: во-первых, потому что тут был подход, а во-вторых, потому что вход был наиболее слабым местом крепости. Эскимосы привязывали к наиболее уязвимым местам обороны, куда, скорее всего, должны были наступать враги, сани, снабженные острыми кольями и утяжеленные для скорости и натиска камнями. Если крепость была взята, то защитники и их семьи, выскочив из крепости, пытались спастись бегством от преследующих их врагов¹.

Если жители заранее знали о приближении противника, но были не в состоянии противостоять ему, то одним из способов спасения было бегство в море на байдарках. Так, согласно легенде, Крехай бежал с горы Кожевникова на мысе Шмидта, спустившись в байдару на веревке. Сохранились и исторические свидетельства. В августе 1745 г. чукчи, на которых напали служилые, собрали свои яранги, сложили имущество в 30 байдар и ушли в море. Естественно, для этого потребовалось время: к примеру, ярангу складывали за пару часов. Следовательно, для чукчей нападение не было неожиданным, о нем знали

¹ Штурм против входа: Меновщиков 1987. № 26: 168–170; нарты: Меновщиков 1985. № 132: 322; бегство: Меновщиков 1985. № 132: 322–323.

заранее. Вместе с тем речь шла об оленных чукчах, пришедших на олений промысел на Анадырь, и у них было ограниченное количество имущества. Другим способом избежать встречи с воинственным врагом было бегство в различные убежища. Так, жители приморского поселка, боясь надвигающихся врагов, уплыли на байдарках в безопасное место, остались лишь несколько жителей, не боящихся смерти¹.

Если эскимосы были наступающей стороной, то вражеский лагерь они могли брать штурмом, сначала произведя ураганный обстрел его из пращей и луков, а затем мгновенно врываясь туда с оружием ближнего боя, — обычная тактика полевого боя².

Как пишет В. Г. Богораз, азиатские эскимосы в качестве полевого укрепления строили крепостцу из снежных глыб, залитых для прочности водой; а жители Наукана, согласно аляскинской сказке, бежав из поселка, построили себе снежные жилища, однако стационарные, обложенные снегом жилища в регионе строили только кереки³.

Для обороны использовали разного рода хитрости. На о. Ыттыгран в проливе Сенявина обнаружено более сотни стоящих каменных стел высотой 0,8–1,3 м, которые, согласно устной традиции, должны были показаться приближающимся врагам войском, готовым к обороне. Подобное объяснение назначения стел можно было бы посчитать поздним восприятием этих артефактов, если бы не параллели с Аляски, где эскимосы выставляли на видных местах кучи камней в рост человека, одетые в парки, которые нападающим должны были показаться часовыми. Впочем, возможно, все же речь шла об обычных священных камнях-менгирах, которые устанавливались после смерти человека, чтобы его душа ушла в иной мир, а потом через них вернулась⁴.

В целом можно сказать, что оседлые чукчи и эскимосы, имеющие определенные навыки по строительству стационарных жилищ, при-

¹ Бегство: Белов 1952. № 102: 270 (четыре пустые «юрты»); Дивин 1971: 82; 1745 г.: КПЦ. № 63: 165; бегство в убежище: Словцов 1856: 20; Крехай: Врангель 1948: 311; Теин 1983: 6; Нефёдкин 2016: 341–342; частичная эвакуация населения поселка: Вэкэт 2012: 266, 268, 270.

² Штурм эскимосами лагеря: Меновщиков 1985. № 127: 310.

³ Снежная крепость: Тан-Богораз 1979: 28; Наукан: Garber 1940: 165; Нефёдкин 2016: 256–257; кереки: Богораз 1991: 117. Корякские дети также в качестве забавы могли строить ледяное жилище, поливая снег водой (Кеккетын, Стебницкий 1935: 21).

⁴ Ыттыгран: Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 57. Рис. 52; Аляска: Burch 1998: 119; Sheppard 2009: 51, 56; менгиры: Леонтьев 1972: 92; Богословская, Крупник, Вдовин 2008: 214–216; Богословский 2009: 155.

Вид на утес Кожевникова (справа), соединенный с материковой землей мыса Шмидта длинной песчаной косой. На этом удобном для обороны утесе было жилище Крехая. С обрывистых берегов скалы к воде вела так называемая «тропа Крехая», по которой он бежал по морю от преследователей. Воспроизведено по: Вечерняя Москва. 16 июля 2015 г.

меняли свое умение и для возведения постоянных фортификационных сооружений. Последние, как и у оленных чукчей, возводились и ремонтировались обычно в случае непосредственной опасности. Укрепления располагались на возвышенностях, господствующих над окружающей местностью, в чем, к примеру, было отличие от ительменов, которые устанавливали свои поселения в низине. Само укрепление было простым убежищем, где жители старались переждать набег, поскольку последний был, как правило, кратковременным. В отличие от коряков и ительменов, жители Чукотского побережья в историческое время не практиковали прокладывание рвов и возведение частоколов, что объясняется нехваткой строительного материала и мировоззрением, рассматривающим прокапывание почвы как грех¹, да и население было немногочисленным, что не позволяло возводить величественные монументальные постройки.

¹ Нехватка строительного материала: Богораз 1991: 117; копанье земли грех: информация Т. А. Терлецкой, преподавателя из Кепервеема (июль 2015 г.)

Глава V

ВОЙНА НА МОРЕ

Обычай требовал, чтобы зимой передвигались на нартах, а летом на байдарках. В летний период, когда лед, сковывавший Берингов пролив, таял, приморские оседлые жители то торговали, то воевали с эскимосами островов Берингова пролива и Аляски. Доктор К. Г. Мерк конкретно называет цель походов: «Ради... грабежа переезжают оседлые чукчи на своих байдарках в Америку, нападают на стойбища...» Ранее якутский служилый человек П. Попов рассказывает (1711 г.): «...и из давних де лет и по ныне у них, носовых чюкоч, с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкоч такой же». Даже если непогода заносила азиатов на остров Св. Лаврентия, они сражались с местными жителями как враги¹.

В конце XVIII в., когда война с коряками уже закончилась, набеги на Аляску происходили почти ежегодно. Американские эскимосы в 1791 г. жаловались русским, что чукчи, «почти ежегодно на байдарках приходя на их землю, истребляют их убийством, имение их грабят, а жен и детей берут в плен»². В этих набегах участвовали не только оседлые чукчи и азиатские эскимосы, обладавшие средствами для пере-

¹ Обычай сезонного передвижения: Богораз 1939: 164; цитата: Мерк 1978: 121; сообщение П. Попова: КПЦ, № 57: 157; Нефёдкин 2017: 368; приплывшие азиаты-враги: Krupnik, Krutak 2002: 220–221; Нефёдкин 2016б: 298–301.

² Словцов 1856: 20; Нефёдкин 2016б: 284–285; Nefëdkin 2017: 119; ср.: Burch 1998: 225; Швайтцер, Головки 2001: 30; Sheppard 2009: 57.

движения по воде, но и их кочевые сородичи, которые не были заправскими мореплавателями. Такую кооперацию мы наблюдаем в июле 1756 г. в устье Анадыря: оленные чукчи прибыли в устье к 12 числу, где ожидали до конца месяца приморских жителей, на байдарках которых все вместе поплыли вверх по реке¹.

В XVIII в. так обрисовывали сотрудничество кочевников и оседлых: «Оленные чукчи к сидячим чукчам на оленях приезжают и в зимние походы на коряк поднимают тех сидячих на своих оленях, а, напротив того, сидячие чукчи оленных носовых и в дальних от моря местах в тундреных живущих летом возят их на своих байдарках по морю и по реке и дают им во взаимное дружество свои байдары, а от них оленных вместо байдар своих берут на платье себе разного звания кожи оленей». Причем, если оседлые не желали идти в поход вместе с кочевыми, их, по свидетельству Я. И. Линденау (1740-е гг.), могли принуждать силой. Обычай гостеприимства был достаточно развит в отношениях между оседлыми и кочевыми соплеменниками. Это в первую очередь диктовалось необходимостью обмена между данными группами населения. Каждый оседлый имел одного или нескольких друзей у кочевников. Они могли быть «товарищами по жене»; ездили друг к другу в гости и одаривали друг друга предметами своих промыслов².

Флотилия часто состояла из незначительного количества лодок. Так, в 1791 г. для торговли, могущей в любой момент перерасти в столкновение, оседлые чукчи снарядили десять байдар. С девятью байдарками было совершено нападение на казаков около устья Анадыря в 1660 г. Эскимосы с острова Азиак (Sledge Island, к юго-западу от полуострова Сьюард) еще в первой трети XIX в. отправлялись для торговли к устью р. Кускоквим на Аляску в полном вооружении на десяти байдарках (около сотни человек). А. И. Аргентов упоминает, что в морскую экспедицию отправилось 70 человек, то есть примерно семь байдар. Пять байдар нунлигранцев отправились мстить чаунцам за убийство их односельчан. По аляскинским преданиям, поселок Синьюгамиут атаковали воины из Сибири на двух больших байдарках (около 40 человек), а на Туксрук напали три байдары (около 60 человек)³. В общем, получа-

¹ РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 35 об. — 36; Нефёдкин 2016а: 86–88; 2016б: 214.

² Цитата: Вдовин 1965: 41; ср.: Богораз 1900. № 138: 370; мнение: Линденау 1983: 162; Андреев 1940: 156; гости: Беретти 1929: 16–17; Крупник 2000: 224.

³ Десять байдар в 1791 г.: ЭМ: 162; ср.: Мерк 1978: 121; в 1660 г.: Белов 1952. № 102: 269; сведения: Аргентов 1857а: 37; 1886: 30–31; Нефёдкин 2016б: 300; с острова Азиак: Врангель 1835: 610; Нунлигран: Нефёдкин 2016: 187; три бай-

ется, что типичной в XVIII–XIX вв. была флотилия из десяти байдар, на которых находилось около 200 человек (считая байдары походными), этого, по-видимому, было достаточно для ведения боевых действий и обычного внезапного нападения.

Если предполагалось, что враг будет оказывать сопротивление, то количество байдар увеличивалось. Так, летом 1756 г. на переговоры с русскими в Красном Яру прибыло 25 байдар с 300 «пешими чукчами». Сотник И. Кобелев в 1789 г. упоминает о существовании в более ранние времена и огромных флотилий, насчитывавших около сотни байдар (более 800 человек), которые направлялись на Аляску. В 1763 г. на переговоры с подполковником Ф. Х. Плениснером на реку Красная (правый приток Анадыря) прибыло более 60 походных байдар по 20–25 человек в каждой, то есть 1200–1500 человек; столько же байдар приплыло в августе 1766 г. к устью этой реки¹. Поскольку мирные отношения еще не были установлены, чукчи опасались нападения и для этого прислали целую «флотилию», которая в случае надобности вступила бы в бой. Эти страхи не были пустыми, ведь в 1741 г. сотник В. Шепицин приказал убить 12 тойонов, приглашенных на переговоры².

Плавание во время набега могло продолжаться достаточно долго. Отправлялись с восточной части Чукотки, из Уэлена или Наукана — из последнего поселка в ясную погоду даже был виден американский берег — мыс Принца Уэльского, находящийся примерно в 80 км на восток. Один из маршрутов к аляскинскому поселку Кавьярак, по рассказу эскимоса из Уэйлса (1974 г.), был следующим: флотилия азиатов сначала отправлялась на о. Диомида, затем доплывала до Уэйлса на полуострове Сьюард, после чего байдары целый день шли около побережья на юго-восток до Теллера и за день прибывали в Иглу Мэри (Mary's Igloo) в глубине полуострова, где один-два дня уходило на выжидание удобного для нападения времени³. Следовательно, флотилия

дары сибиряков: Sheppard 2009: 47; две байдары: Garber 1940: 55–59; Нефёдкин 2016: 246–247.

¹ 1756 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 36; Алексеев 1961: 19; Нефёдкин 2016а: 87; 1789 г.: Вдовин 1944: 262; 1950: 96; 1965: 93; Malaurie 1974: 140; 1763 г.: Вдовин 1959: 42; 1766 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 30; Нефёдкин 2016а: 243.

² РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 18–19 об.; АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; Нефёдкин 2016а: 214–217. О событиях августа 1741 г. и убийстве 12 чукотских тойонов см.: Зуев 2009: 102–107; Нефёдкин 2016б: 176–179.

³ Malaurie 1974: 140; ср.: Шнирельман 1994: 105; Наукан: Теин 1977: 26; Леонова 2014: 9. Из Уэлена направлялись на торговлю с эскимосами Аляски (Нейман 1877. № 3–4: 87; ср.: Гондатти 1898: 17).

проделывала более 250 км. Согласно же показаниям чукчей середины XVIII в., путь на байдарках с Чукотского носа в Америку занимал три дня с двумя остановками на островах¹.

Ход самого налета описывает А. И. Аргентов, которому, в свою очередь, об этом рассказали чукчи: «Движимые чувством мщения за какие-то старые обиды и имея в виду корысть, чукчи задумали сделать набег. Это было в 1840 году. В числе 70-ти человек пристали они к какому-то острову в туманную ночь; первым делом их было продырявить у туземцев байдары, затем они врасплох напали на сонных обитателей и многих перекололи. Испуганные гамом нападающих и отчаянными воплями своих, оставшиеся в живых кинулись было спастись в своих байдарках: оттолкнулись на море и перетонули. Все годные женщины и дети взяты в плен, а хилые, хворые, увеченные и престарелые убиты без остатка. «Для чего их жалких оставлять на мученье!» — прибавил рассказчик»².

Таким образом, причиной этого набега, по-видимому одного из последних в проливе, являлась кровная месть, соединенная с желанием захватить добычу. Нападающие, чтобы не быть замеченными, причалили к берегу ночью, когда жители спали, дозоров, очевидно, эскимосы специально не выставляли — непосредственной угрозы нападения не было — и врагов не заметили. Приморские жители обычно стремились нападать внезапно, чтобы не дать противнику подготовиться к бою и не понести при этом значительные потери. В частности, для неожиданного нападения умело использовали туман, скрывавший нападение³.

Байдары жителей лежали на берегу, и чукчи порезали их обшивки, чтобы враги не могли бежать в море⁴. Ведь одним из способов спасения от нападавших было не бегство в глубь острова, обычно небольшого, а выход на байдаре в море. Так, например, как уже говорилось, в августе 1745 г. «чукчи», на которых напал отряд сотника С. Кривогорницына, собрали свои яранги, сложили их имущество в 30 байдар и ушли в море⁵.

¹ 250 км: Sheppard 2002: 46; три дня пути: Белов 1954: 182, 183.

² Аргентов 1857а: 37; 1886: 30–31; Нефёдкин 2012: 98–99; 2016б: 300–301; Nefedkin 2017: 131–132.

³ Богораз 1934: 175; Меновщиков 1974. № 83: 294.

⁴ Рубцова 1954. № 34: 389, § 131; Дьячков 1893: 43; Новикова 1987: 106; Крейнович 1979: 187 (эвены разрезали днища корякских байдар); Burch 1998: 229; Sheppard 2009: 54 (аляскинцы разрезали днища азиатских байдар).

⁵ КПЦ. № 63: 165; ср.: Кашеваров 1840: 142; Меновщиков 1988. № 126: 298.

При нападении, описанном А. И. Аргентовым, организованного сопротивления не было, жители, не ожидавшие врага, в панике стали спасаться бегством, столкнули байдары в море, а когда в лодки набралась вода, утонули — плавать жители региона не умели. Чукчи взяли в плен женщин и детей, а мужчин и стариков, по своему обычаю, перебили, ведь, по их представлениям, убитый оружием прямо уходит в лучшую жизнь. Следовательно, по мнению чукчей, убивая этих людей, они избавляли их от земных страданий¹. Нападение, о котором рассказал миссионер, является типичной атакой, какие производили жители Чукотки на островных и аляскинских эскимосов. Из других источников известны и другие подробности морской войны.

Как конкретно происходил набег сибирян, описывают два уэйтских сказания. Азиаты подплывали на двух больших походных байдарках (порядка 40–60 воинов), вероятно, надеясь на внезапное нападение. Набег велся только мужчинами — женщины не упоминаются. Со своей стороны аляскинцы в летний сезон находились на чеку и замечали приближавшиеся байдары. Алгоритм действий уже был отработан: в кажиме били в набат бубном, мужчины схватили оружие, собираются в поход, женщины, дети, старики и подростки прячутся в пещеры, где заранее было заготовлено продовольствие. Защитники, уже зная количество нападающих, собирали большие силы, соединив силы соседних поселков. Потренировавшись, они выходили к берегу против нападающих, преградив путь последних к поселку. Азиаты вытаскивали байдары на берег и издавали боевой клич волчьим воем. Сражались, стреляя из лука и защищаясь большими кожаными щитами. Предания не упоминают, монтировались ли щиты на месте или уже лежали в байдарках; нет сведений и о том, надевали ли доспехи и в какой боевой порядок строились. Одна битва заняла весь день, в течение которого сибиряне израсходовали стрелы и даже были вынуждены использовать стрелы противника. Переход на бой с копьями, которыми азиаты действовали более ловко, вероятно, не произошел вследствие численного превосходства аляскинцев. Оставшиеся в живых двое сибирян попытались уплыть на льдине, но из-за бесперспективности такой попытки убили друг друга. Можно заметить, что при кораблекрушении мореходы знали, кто кого убьет, так как это был лучший конец, нежели утонуть в воде — среде обитания кэле. Вторая битва длилась два дня с перемирием на ночь. На второй день из-за потерь сибиряне капитулировали и стали вести торг, но аляскинцы их

¹ Зеленин 1937: 48–56.

перебили. Хотя, в общем, боевые действия велись по определенным правилам: выбор поля боя, перемирие, переход к торгу¹.

Оба похода, описанных в уэйлских преданиях, закончились провалом — никто из сибирян не спасся. С одной стороны, конечно, оба сюжета сохранились в фольклоре эскимосов Уэйлса как примеры их удачного отражения нападения и их воинской славы, но, с другой, вероятно, подобный исход действительно был у некоторых экспедиций сибирян. Неудачи походов последних объяснялись не только тем, что сибирянам не удавалось напасть внезапно, но также и численным превосходством аляскинцев и их искусной стрельбой из лука.

Существовала и определенная тактика высадки. Нападение старались сделать неожиданным, ночным. Уже во время плавания, чтобы сделать приближение к противнику менее заметным, плыли не под парусом, а тихо гребя веслами. При подходе к поселению врага флот мог разделяться, большая его часть скрытно приставала к берегу, тогда как меньшая прямо направлялась к «пристани», отвлекая на себя противника. Неожиданное нападение высадившейся партии с тыла решало исход дела². Высадка могла происходить и не прямо около поселения врага, а на некотором расстоянии от него, чтобы жители не сразу узнали о ней, а приплывшие могли отдохнуть от гребли³. Нападающие на байдарках, когда их замечали с берега, прекращали греблю и, остановившись на безопасном расстоянии, готовились к бою: разбирали оружие и надевали доспехи. Как уже говорилось, эта традиция сохранилась и в торговых отношениях азиатов с эскимосами островов, у которых вооруженное столкновение могло случиться в любой момент.

Обороняющиеся сами, ожидая нападения с моря или заметив врага, старались разведать силы противника и подготовиться к отражению нападения. При приближении европейских кораблей эскимосы высылали навстречу свои байдары, чтобы выяснить намерение прибывших

¹ Исторические предания: Garber 1940: 55–59, 169–172; Нефёдкин 2016: 245–252; о порядке взаимного убийства при несчастье на море: информация В. Д. Тымнэраскова (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Плавание без паруса: Нефёдкин 2016: 227; на веслах тихо: Рытхэу 2004: 20; разделение флота: Богораз 1934: 175; Меновщиков 1985. № 133: 326–327; Нефёдкин 2016: 230–232.

³ Меновщиков 1985. № 127: 309. Ср.: алеуты с Лисьих островов, решив напасть на эскимосов о. Кадьяк, приплыли вместе с женщинами на четырех байдарках и высадились, назначив нападение на утро, однако эскимосы, узнав об этом, ночью перебили беспечных врагов (незадолго до 1783 г.; Давыдов 1810. Ч. II: 108).

и в случае опасности принять бой¹. В 1816 г. эскимосы залива Шишма-рева (северо-запад Аляски) выслали двух разведчиков на каяках, которые подавали знак, стреляя из луков в сторону своих жилищ². Другим еще более простым методом провести переговоры с приплывшими чужеземцами и выведать их намерение в летнее время являлась посылка к ним человека (естественно, за отсутствием специального плавательного костюма, голого), который на двух пузырях-поплавках, сделанных из надутых нерпичьих шкур и связанных между собой, подплывал к их судну, как это было в 1728 г. во время встречи с В. Берингом и в 1732 г. — с М. С. Гвоздевым³.

Заметив подплывающего неприятеля, мужчины вооружались и шли навстречу врагу. Сигналом тревоги вполне могли быть удары по крышке лежащей на козлах байдары, что в обычных условиях было знаком сбора жителей. У науканцев знаком тревоги при опасности служили горловые звуки. Видимо, обстрел врага из лука был обычным способом нанести ему возможно большие потери. В частности, стреляя, стремились пробить обшивку байдары, чтобы туда залилась вода и она утонула вместе с командой⁴. У приморских жителей при приеме опасных гостей вооруженные мужчины выходили вперед жилищ, а женщины и дети прятались за жилищами или просто скрывались в тундре⁵. Если же выбиралась оборонительная тактика боя, то стремились занять подходящую возвышенность, откуда было удобно вести стрельбу⁶.

¹ Garber 1940: 55–56, 169–170; Нефёдкин 2016: 246–247, 250 (аляскинские эскимосы); встреча европейского корабля: Коцебу 1948: 81; 82.

² Коцебу 1948: 81; ср.: Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 19: 83. § 27–29 (оседлые коряки).

³ Полонский 1850: 402; Соколов 1851: 105; Ефимов 1948: 236; Федорова 1984: 107; ср.: ЭБ: 64; Берх 1823: 47; Наврот 1971: 177; Дивин 1979: 145; Сопко 1983: 109 (эскимосы); Пасецкий 1995: 47.

⁴ Стук по байдаре: Тынеру 2011: 16; науканцы: Леонова 2014: 109; обстрел: Полонский 1850: 400; Соколов 1851: 96, 98, 107; Берг 1946: 100; Дивин 1971: 81; Меновщиков 1985. № 133: 326–327; ср.: Beechey 1832: 244, 465; Hooper 1853: 248 (аляскинские эскимосы); Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 17: 77, § 17 (оседлые коряки); команда тонет: Меновщиков 1985. № 56: 127.

⁵ Врангель 1948: 308; Коцебу 1948: 96; бегство в тундру: ДАИ. 1848. Т. III, № 56: 212 (1649); ср.: Кашеваров 1845. № 190: 858, 860; № 193: 873; аляскинские эскимосы: Beechey 1832: 228 (дети); Словцов 1856: 20. Эскимосы Аляски могли сооружать полевое укрепление — деревянный бруствер для боя на берегу (Hooper 1853: 245).

⁶ Воины на холме: Beechey 1832: 464 (аляскинские эскимосы); Нефёдкин 2016: 254.

Встреча врагов могла происходить и на воде. Эскимосы, готовясь к бою, наполняли байдары стрелами. Была и определенная тактика действий на море, самым простым из которых была засада и неожиданное нападение на байдару врагов. Нападение могло производиться как с суши, так и с моря. Более сложная тактика морского боя представлена в сообщении А. Ф. Кашеварова, который в 1838 г. имел пять байдар с экипажем в 13 человек. Вооруженные луками и копьями, 32 таревмиута на двух больших байдарках собирались напасть на эти пять байдар и слева, со стороны моря, и с тыла, чтобы не дать врагу бежать или сосредоточить свои силы на одном направлении. При сближении воины на байдарках перестреливались, стремясь поразить как можно больше врагов. А при бегстве вражеское судно преследовалось на байдарках же¹.

Видимо, имелись и некоторые элементы абордажного боя. Так, при быстром столкновении байдара могла опрокинуть вражеское судно своим носом. О. Е. Коцебу отмечал, что, когда две эскимосские байдары с экипажем по десять человек подошли в заливе Шишмарева к шлюпке русских, двое эскимосов из одной байдары схватили шлюпку за борт, а остальные стали грозить оружием². Возможно, подобное действие представляет собой модель настоящего боевого: одни притягивают вражескую лодку, а другие, прикрывая их, ведут интенсивный огонь по вражескому экипажу.

Использовались байдары и для ведения боевых действий на реке. Интересы чукчей и русских сталкивались на реке Анадырь, куда чукчи приходили летом для охоты на диких оленей, дважды в год переправлявшихся через реку — по пути на зимние и на летние пастбища³. Можно привести некоторые примеры этой речной войны. 13 августа 1744 г. чукчи «в байдарках и ветках» хотели «скрасть» русский караул на одном из островков реки, однако, увидев «крепость» караула, бежали; служилые же на четырех легких судах преследовали их и, догнав, вступили в бой «как на реке, так и по берегам». В полон были взяты 22 человека — женщины и дети. В августе 1751 г. ситуация повторилась: на Анадыре за три часа до вечера чукчи на семи байдарках

¹ Записание стрелами у эскимосов: Кашеваров 1840: 138; 1845. № 193: 873; тактика высадки: Rasmussen 1952: 57, 67; Меновщиков 1985. № 56: 126–127; описание: Кашеварова 1840: 137–138; перестрелка: Rasmussen 1952: 57, 67; бегство: Богораз 1900 № 165: 411.

² Таран: Богораз 1900 № 165: 411; рассказ: Коцебу 1948: 81–82.

³ АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 584; Андреев 1940: 157; Вдовин 1965: 115; Гурвич 1966: 114; Нефёдкин 2016а: 100–101.

и в ветках хотели русский «караул скрасть и незапно учинить нападение». Однако стража их заметила, служилые погнались за неприятелем на судах, но не догнали. В августе следующего 1752 года россияне на одиннадцати судах опять гнались 80 верст (85 км) по р. Красная за чукотскими байдарками, часть из которых удалось захватить¹. На Колыме бывали и обратные случаи: чукчи бросались преследовать русских по реке, запрыгнув на русские карбасы, которые оказывались со скрытыми пробоинами, из-за чего они и тонули. Вообще преследование на байдарках уплывающего врага было обычным явлением для приморских жителей. Вспороть обшивку своей байдары могли и из-за опасения того, что она могла быть захвачена противником².

Вспарывание кожаной обшивки байдар применялось и при «водолазной» войне: человек, часто беглец, сдерживая дыхание, опускался под воду и разрезал обшивку, после чего байдара шла ко дну вместе с не умеющим плавать экипажем. Впрочем, вероятно, такой способ борьбы с лодками противника не применялся часто: он был рискован и для водолаза, ведь чукчи и эскимосы, как правило, не умели плавать и вообще считали воду средой обитания кэле³.

Если погода была неблагоприятной и льды могли повредить байдары, то последние втаскивались на льдину, где и разбивался временный стан с костром. Когда погода позволяла, байдары вновь спускали на воду, как это было в августе 1914 г. при встрече ледокола «Таймыр» с тремя байдарками чукчей — морских охотников у о. Врангеля⁴.

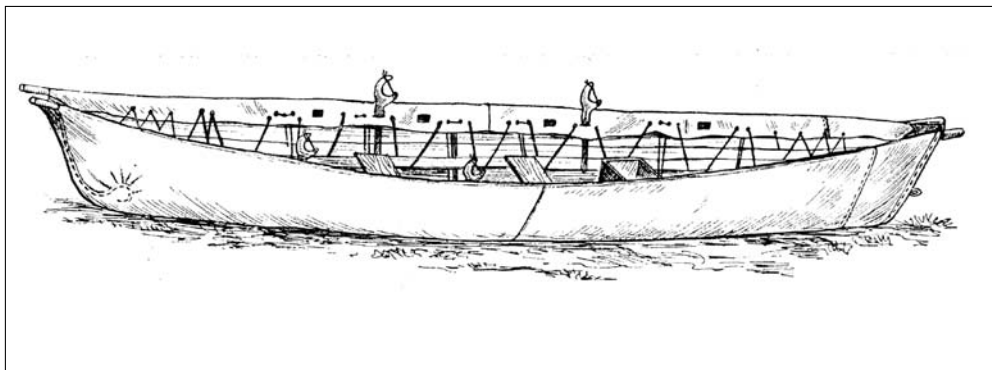
Если плыть было нельзя, то байдары переносили на руках. Как отмечает Б. Кузнецкий, идут «в сухих местах пешком и байдары переносят на руках». Большую байдару, рассчитанную на 30 человек, без особых усилий несли четверо мужчин, а небольшую — двое. В частности, через узкую косу байдару, разгрузив, перетаскивали на плечах, а против течения ее просто тянули длинной бечевой; это могли делать также

¹ 1744 г.: КПЦ. № 63: 165; 1751 г.: КПЦ. № 67: 175; 1752 г.: КПЦ. № 68: 176; ср.: Нефёдкин 2012: 100–101.

² Чукчи на карбасах: Олыксандрович 1884. № 11: 296; Богораз 1902. № 6: 164; Нефёдкин 2016: 300–301, 323; преследование: Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 95–96; ср.: Кашеваров 1840: 141; вспарывание обшивки: Beechey 1932: 466 (эскимосы Аляски).

³ Вспарывание обшивки: Козлов 1956: 65; ср.: Меновщиков 1988. № 195: 399 (канадские эскимосы); Burch 1998: 229; Sheppard 2009: 54 (альяскинские эскимосы); не умение плавать в воде — в среде кэле: Семушкин 1938: 127.

⁴ Старокадомский 1953: 232; Бурькин 2000: 56.

Байдара азиатских эскимосов, рассчитанная на экипаж из восьми человек (вторая четверть XX в.). Воспроизведено по: Рубцова 1954: 542, рис. 41

олени или собаки¹. По прибытии в нужное место делали своеобразное укрытие: байдару вытаскивали на берег, переворачивали набок и подпирали веслами, получая при этом крышу. Очевидно, это был типичный охотничий способ, применявшийся на промыслах². Кроме того, в таких случаях могли устанавливать и палатки или даже просто спать в лодке. На перевале ночью в опасной зоне один из восьми членов экипажа был часовым³.

Итак, как видим, у чукчей и азиатских эскимосов не было специальных боевых кораблей, те же байдары использовались и в военное, и в мирное время. Они применялись лишь для переброски сил, а не для морских сражений. Во время операций на воде чукчи использовали обычную тактику неожиданного нападения на русских, которые в открытом бою со своим огнестрельным оружием были все же сильнее

¹ Цитата Б. Кузнецкого: КПЦ. № 70: 182; Нефёдкин 2017: 378; большая байдара: Норденшельд 1936: 307; небольшая байдара: Сарычев 1952: 185; ср.: 237; тащат байдару на плечах или бечевой: Сарычев 1952: 237; Богораз 1991: 67–69; собаки: Сарычев 1952: 237–238; Sauer 1802: 228; Литке 1948: 222–223; ср.: Баум 2016: 52; олени: Дитмар 1856: 34.

² Байдары-укрытия: Сарычев 1952: 184; Sauer 1802: 102; Beechey 1832: 220 (аляскинские эскимосы); Аргентов 1860: 185; 1887. № 3: 44; Галкин 1929: 37; Леонтьев 1965: 68; 1979: 27; Ray 1975: ill. between p. 176–177; Меновщиков 1958: 148; 1987. № 31: 214; 1988. № 126: 299; Burch 1998: 223; Крупник 2000: 233; Вахтин 2000: 84; Sheppard 2009: 51; охотничий промысел: Калачов 1871: 43.

³ Палатки: Меновщиков 1985. № 127: 309; Рытхэу 2010: 233; сон в байдаре: Меновщиков 1988 № 34: 169; часовые: Меновщиков 1988. № 99: 232; ср.: Вахтин 2000: 155.

их. Внезапность помогала чаще при нападении на местных жителей, которые выставляли караулы только при непосредственной угрозе нападения. Одна из первых задач при нападении на служилых состояла в том, чтобы снять караул. При этом, скорее всего, чукчи использовали свои охотничьи навыки, ведь, например, во время охоты на каяке они незаметно подплывали к лежащему на плавающей льдине морскому зверю и поражали его¹. Однако караул обычно не спал и подавал сигнал тревоги. После неудачного начала предприятия чукчи обращались в бегство, русские их преследовали. Начиналась гонка на веслах. Вероятно, при непосредственной угрозе захвата русскими байдары экипаж направлялся к берегу, чтобы спастись бегством или сражаться на земле. С байдар, которые не успели причалить, воины также отстреливались. Отсюда и возникло сухопутно-морское сражение на Анадыре в августе 1744 г. — оно отнюдь не планировалось таковым. Когда удавалось догнать чукотские байдары, мужчин убивали, а сами лодки вместе с женщинами, детьми и имуществом захватывали. Отметим, что чукчи и тут не изменяли своим обычаям и возили с собой семьи.

В целом еще рано говорить о каком-то развитом военно-морском искусстве, существовали лишь определенные навыки, применяемые и на охоте, и на войне. Причем определенной специализации между экипажем байдары и воинами обычно не существовало: и гребцы и «десантники» одинаково были воинами. Как и в сухопутной войне, чукчи в морских экспедициях прекрасно использовали природные условия, выбирали удобное для внезапного нападения время суток, что при небольшой численности отряда позволяло избежать лишних потерь. После же высадки действовали так же, как в сухопутной схватке.

¹ Беретти 1929: 60.

Глава VI

КУЛЬТОВАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

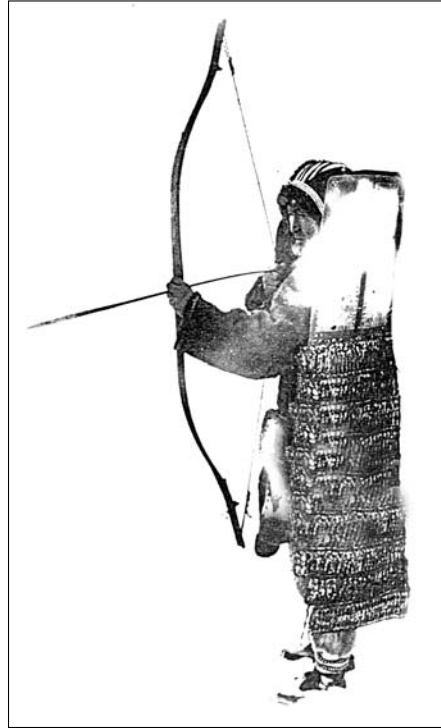
Духовная культура всегда оказывала огромное влияние на военное дело. Именно в ней заключено объяснение различных аспектов ведения войны и поведения людей в бою. Идеологические установки социума и религиозные представления должны были обеспечить благоприятные условия для ведения боевых действий, создать условия для появления у людей уверенности в победе, ведь бойцы идут на войну не для поражения, а для победы. Идеологический фактор, придание войне справедливого характера в глазах общества всегда являлись одним из условий победы. В источниках второй половины XVII–XVIII в. — периода крупных войн — сохранилось мало информации о военной культуре чукчей, поэтому для полноты картины следует активно привлекать сведения более позднего времени — XIX — начала XX в., а также в широком масштабе фольклорные материалы.

1. МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Чукчи, несмотря на резкое различие кочевых и оседлых, обладали явной самоидентификацией, ощущением себя единым этносом, лыо-равэтлан — «настоящими людьми», отличными от остальных, говорящих на других языках. Идея национального превосходства также не была чужда чукчам, которые считали себя выше соседних народов,

пожалуй, за исключением русских. Причем, как и у коряков, оленные считали себя выше оседлых. Будучи лидирующим этносом в регионе, чукчи не учили языков окрестных народов, а наоборот, последние, если была необходимость, изучали язык чукчей¹. Очевидно, осознание себя в качестве единого этноса было вызвано внутренней консолидацией, связанной с постоянными внешними войнами XVIII в. В более раннее время и между чукотскими «общинами» существовала вражда и даже широкомасштабные по местным меркам военные действия, как это было в первой четверти XVIII в. между колымскими и восточными носовыми чукчами. Даже позднее, в XIX в., оленеводы с подозрением относились к чукчам «носовым» и живущим к югу от Анадыря телькепским².

Со своими соплеменниками чукчи предпочитали не сражаться, а решать спор менее кровопролитным путем, например с помощью поединка³. Вместе с тем людей, выведивших социальный организм из равновесия, обычно юношей, одержимых честолюбивыми замыслами (*элеклин*), рассматривали с негативной точки зрения, их даже старались уничтожить. Особенно

Чукча, одетый в железный доспех из десяти рядов пластин, стреляет из сложносоставного лука. Назатыльник, украшенный крестом, съехал у стрелка к левому боку. Фотография 1900–1901 гг. Воспроизведено по: Зуев 2009: рис. 21

¹ Национальная идея у оленных чукчей: Sauer 1802a: 255; Нефёдкин 2017: 397; неизучение иностранных языков: Богораз 1909: 183; Беликов 1927: 116.

² Вражда: Мерк 1978: 99; Бабошина 1958. № 87: 213–214; Нефёдкин 2016б: 303–308; подозрение к южным и восточным чукчам: Мушкин 1853. № 82: 844; Дионисий 1884: 151–152; Богораз 1934: 175–176; война колымских и носовых чукчей: Нефёдкин 2013: 80–84; 2016б: 83–89.

³ Богораз 1900. № 132: 337; 1934: 3–4; Лебедев, Симченко 1983: 13; ср.: Винокуров 1890. № 6: 88; Олсуфьев 1896: 90; Гондатти 1897а: 177; Меновщиков 1985. № 127: 307.

это касалось принятых в семью детей врагов, которые, повзрослев и возмужав, считались потенциальной угрозой коллективу¹.

Эскимосы вообще рассматривали каждого незнакомого странника, пришедшего на их землю, как потенциального врага и обычно его убивали или, по крайней мере, старались убить. Они боялись, что пришедший мог быть злым духом (или, по крайней мере, привести его с собой), особенно если человек появился с моря. Если же вдруг чукча, унесенный морем и уже названный шаманом умершим, возвращался, то ему надо было пройти обряд перерождения и сменить имя².

Своеобразной чертой психологии чукчей был фатализм, пренебрежение к собственной жизни. Чукча мог покончить жизнь самоубийством даже с досады, не говоря уже о перенесенном позоре. Очевидно, это связано с религиозными представлениями, с верой в загробный мир, как верхний, так и нижний, а также в переселение душ. Как остроумно заметил И. С. Вдовин, смерть, по представлению чукчей, — это своего рода переезд «на новое место жительства», где человек будет заниматься своими делами и жить вместе с умершими родичами. Ведь, как пояснил геодезист Ф. Елистратов (1787 г.) относительно коряков (то же самое, впрочем, относится и к чукчам): «Убитые же оружием, а паче умертвившие сами себя имеют будут блаженнейшую жизнь от прочих»³.

Продолжение рода всегда рассматривалось чукчами как задача первостепенной важности. Женатому мужчине позорно было не иметь детей, а кто имел их много, наоборот, пользовался уважением, ведь за ним в решении различных общественных вопросов стояла его многочисленная семья. Мужчине, имеющему детей, не страшно было уми-

¹ Юноши: Козлов 1956: 60; Лебедев, Симченко 1983: 101–106; Вольфсон 1991: 28–29; ср.: Богораз 1934: 180; приемыш: Козлов 1956: 19–20, 23–24; Вахтин 2000: 229–231.

² Стремление эскимосов убить пришельца: Рубцова 1940. № 2: 29; Меновщиков 1985. № 133: 324–326; 1988. № 99: 232; Ray 1984: 287; Burch 1998: 45–46; Krupnik, Krutak 2002: 220; ср.: Богораз 1934: 174; Garber 1940: 189; Воскобойников, Меновщиков 1959: 425; Леонова 2014: 38; пришелец — злой дух: Меновщиков 1985. № 133: 325; ср.: Мушкин 1853. № 83: 853; Богораз 1939: 69; Козлов 1956: 23; Вдовин 1976: 249–251; обряд перерождения: Леонтьев 1976: 212.

³ Самоубийство с досады ср.: Меновщиков 1988. № 131: 297; Вольфсон 1991: 28–29; переселение душ: Богораз 1939: 32, 43–44; Гурвич 1981: 125; цитата: Вдовин 1976: 246; цитата Ф. Елистратова: ЭМ: 169. Известно, например, что в июне 1905 г. мужчины одного чукотского рода, жившего в верховьях Омолона и Олая, потеряв два года назад оленей и впад в нужду, закололи свои семьи и затем себя (Самоубийство. 1906: 2).

рать, так как они продолжают род¹. В экстраординарных обстоятельствах военного времени прежде всего спасали мужчин, затем женщин и детей, поскольку взрослые, будучи спасёнными, смогут нарожать новых детей, а с другой стороны, последние не выживут без родителей. Так, при спасении бегством на нартах, когда враг гнался следом, ребенка могли снять с саней и спрятать в сугроб в надежде затем вернуться и забрать его или даже убить². В обычное же время детей баловали и даже не наказывали. Подобное, с нашей точки зрения, жестокое обращение с детьми было характерно не только для чукчей, но и для других народов региона. Так, оленные коряки перед тем, как спастись в убежище, также могли заколоть своих детей ножом в сердце³.

Вероятно, у чукчей существовали определенные представления о пролитии первой крови. Так, Г. Ф. Миллер, передавая представления, бытовавшие в Сибири, пишет, что о чукчах и олюторских коряках «говорят, что у них есть следующее обыкновение, благоприятное для противника: если они во время кампании однажды пролили кровь, то они уже не продолжают поход; и полагают, что они давно разрушили бы Анадырский острог и в три острога по Колыме, если бы их не удерживало от этого упомянутое суеверие». Из данного сообщения не ясно, пролитие чьей крови, самих чукчей или их противников, служило поводом для прекращения похода. Впрочем, видимо, об этом же упоминает и К. Мерк, описывая нападения чукчей на корякские яранги: «Иногда удается корякам убить некоторых из нападающих, стреляя из ружей из яранги, или ранить, и тогда чукчам приходится ни с чем убраться вояси». Также в одном из вариантов предания о Кунлелю отмечается: «В те далекие времена у народа чаучу побежденным считался тот, кто был хоть чуть-чуть ранен, и оттого сражались противники упорно, яростно, зная, что победит более сильный, более ловкий, более храбрый — и все же только до первой раны»⁴. В общем, получается, что, согласно данному, боевые действия велись до пролития первой крови самими чукчами, после чего они считали себя побежденными и рети-

¹ Августинович 1880: 732–733; Галкин 1929: 65; ср.: Меновщиков 1988. № 59: 128; № 126: 297.

² КПЦ. № 64: 169; Поломошнов 1977: 28–29. Сергеева 1962: 93; 1968: 85 (чаплинский вариант сказания «Мальчик с луком»); Вахтин 2000: 45–48 (сиренинский); Такакава 1974: 104; ср.: Иохельсон 1997: 216.

³ Косвен 1962: 279–280; ср.: Мерк 1978: 120.

⁴ Миллер 2009: 348; ср.: Элерт 1998: 127; 1999: 193; Зуев 2009: 310; цитата: Мерк 1978: 120; цитата из эпоса: Костенецкая 1973: 173–175; Нефёдкин 2016: 127–128.

ровались. Видимо, обычай первой крови относится к типу «войны по правилам», в первую очередь к стычкам или поединкам.

Немаловажным фактором, способствовавшим доблестным, с чукотской точки зрения, деяниям, было общественное мнение и стремление оставить о себе добрую память, которая сохранялась позднее в виде фольклорных сказаний. Другой фактор, не позволявший вести воину себя трусливо — это опасение презрения умерших предков, к которым он мог тут же уйти. Канчаланский герой Мыргувье, принимая бой с большим количеством врагов, думал: «Ну что ж? Сегодня, возможно, мой последний бой в этой жизни. Так встречу врагов, как подобает воину, чтоб не было стыдно перед предками, когда прибуду в долину предков»¹.

Видимо, у чукчей существовало также песенное прославление подвигов предков, ведь славные деяния предков служили образцами для подражания. Это, очевидно, были личные некультовые песни-импровизации на исторические темы². Подобный жанр исторических песен был особенно характерен для бесписьменных народов, которые тем самым сохраняли свою историю. При этом хвастаться своими подвигами было не принято — боялись сглазить. Лишь став стариком, мужчина уже не стеснялся рассказывать о том, каким сильным и смелым он был в молодые годы³.

2. ПРИЕМ ГАЛЛЮЦИНОГЕНОВ

В 1754 г. казак Б. Кузнецкий видел, как чукчи поедают мухоморы. На рубеже XIX–XX вв. чукчи Среднего Анадыря ели мухоморы перед охотой. Участник Второй академической экспедиции в Сибирь (1768–1774 гг.) И. Г. Георги отмечал, что коряки перед походом взбадривали себя мухомором. Очевидно, чукчи в этот период делали то же самое, когда была возможность достать мухоморы, растущие в более южных лесных областях. Согласно чукотскому преданию, Лявтылевал перед

¹ Асадова 2012: 5; о силе общественного мнения см.: Свердруп 1930: 245.

² Песенное прославление предков: Бабошина 1958. № 103: 250–251; Вдовин 1970: 23; Нефёдкин 2016: 142; личная песня: Венстен-Тагрина 2008: 17; о подражании предкам: Вдовин 1977: 136–137; ср.: у эскимосов о. Кадык перед выходом в поход на собрании воинов в кажиме предводитель исполнял пляску-рассказ о предках и их войнах (Гедеон 1994: 63).

³ Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.); ср.: Леонова 2014: 151.

битвой с таннитами на горе Чевтыттым (на левом берегу Малого Анюя, между Кепервеемом и Илернеем) сделал жертвоприношение духам мухоморов и дал воинам пожевать мухоморы, а затем бросил в бой¹.

Человек на войне испытывает большие перегрузки, не только физические, но и психологические, и часто пытается уменьшить или снять их путем приема алкоголя или психоактивных веществ. Чукчи, как мы помним, сражались долго и иступленно, для чего был необходим источник возбуждения, в данном случае — галлюциноген-мухомор, поскольку употребление алкоголя в XVIII в. еще не прижилось. Для уменьшения отравляющего токсичного воздействия грибы сначала сушили, подвесив в яранге. Ели нечетное количество мухоморов (мужчины в среднем — три, максимально — девять, женщины — пять), разрезая или ломая на небольшие кусочки и глотая с водой. В первой стадии токсического опьянения человек чувствовал прилив сил, побуждавший его к пению, пляске и просто к хохоту. После трех мухоморов начинались видения — это вторая стадия опьянения — у человека возникали галлюцинации, он терял ориентацию во времени и пространстве, но еще не терял связь с внешним миром, которая прекращалась на третьей стадии опьянения, во время которой человек видел сновидения (включая полеты по миру, встречи с умершими). Иногда применяли и мочу человека, недавно поевшего мухоморы, через которую выводились нерасщепленные при пищеварении токсины. Опохмелялись своей мочей². Ясно, что, как и на охоте, идущие на бой могли приводить себя в состояние легкого опьянения.

В целом можно отметить, что употребление мухомора в качестве психотропного вещества характерно для этносов северо-востока Сибири. Его ели как мужчины, так и женщины, а не только шаманы.

¹ Коряки: Георги 1777: 78; Косвен 1962: 280; Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000. № 26: 142–143, № 39: 174–175; ср.: Крашенинников 1949: 730; Беретти 1929: 36 (для получения предсказаний коряками); Берг 1946: 163–164; перед охотой чукчи едят мухомор: Богораз 1991: 140; показания Б. Кузнецкого: КПЦ. № 70: 181; Бриль 1792: 371–372; Нефёдкин 2017: 377; эпизод с Лявтылевалом: Меновщиков 1972: 163; Леонтьев 1976: 150 (тут же о дозах); Леонтьев, Новикова 1989: 408; Радов 2008: 74.

² Иступленный вид сражающихся: Мамышев 1809: 24; стадии опьянения: Дьячков 1893: 114–115; Богораз 1991: 139–142; Шундик 1950: 168; опохмеление и способы еды: Из Тигиля 1866. № 13: 3; Окладников 1948: 35; Омруев 2009: 172; устная информация И. В. Омруев (Анадырь, сентябрь 2013 г.); в общем о мухоморах см.: Батянова 1999: 69–80; Верещака 2014: 327–329.

Последние могли есть мухоморы перед камланием для получения видений от духов-мухоморов из нижнего мира. При постоянном использовании галлюциногенов видения могли возникать и сами собой без непосредственного приема психоактивного вещества. При постоянном использовании мухоморов возникал фактор привыкания, ведущий к увеличению количества съеденного. После укрепления в регионе русских употребление мухомора было в значительной мере вытеснено алкоголем.

3. ВОЕННАЯ МАГИЯ

Мир, по чукотским представлениям, был населен духами, жившими семьями и часто приносящими вред людям. В качестве посредника между людьми и духами выступал шаман, который вступал с ними в контакт, ведя войну со злыми силами. Шаманствующие персоны, как мужчины, так и женщины, имелись практически в каждой семье. Причем предсказателями могли быть не только собственно чукчи, но в XIX в. это были, в частности, тунгусские женщины. Доктор А. Э. Кибер отметил: «Чукчи во всем, даже в маловажных делах, советуются со своими шаманами, которые играют важнейшую роль при начале странствований...»¹

Некоторые шаманы обладали даром ясновидения. Так, про одного эскимосского шамана в Шишмареве (север полуострова Сьюард) рассказывали, что он наблюдал в воде, налитой в деревянный магический тазик, за переходом вражеских байдар через Берингов пролив, благодаря чему жители успели подготовиться к отражению врагов и, встретив, перебили всех, кроме двух. О некоторых шаманах полагали, что их не берет даже пуля².

Шаман был лекарем. Наряду с камланием он мог применять и методы народной медицины. Впрочем, и обычные люди также знали некоторые средства. Основным методом лечения была фитотерапия — лечение травами. В частности, известно, что опухоль от раны лечилась припаркой из пережеванного корня, смешанного со свежим салом; раны прочищались болотным мхом, а гнойные обрабатывались мухомором; кровотечение останавливали присыпкой из порошка из жже-

¹ Шаманы в семьях: Кибер 1824: 117; Олсуфьев 1896: 117; о роли шаманов: Щербакова 2011: 179; цитата: Кибер 1824: 118; также ср.: Libby 1960: 299; тунгуски: Августинович 1880: 713.

² Ясновидение: Malaurie 1974: 145; Sheppard 2009: 54; ср.: Мой народ... 2012: 9.

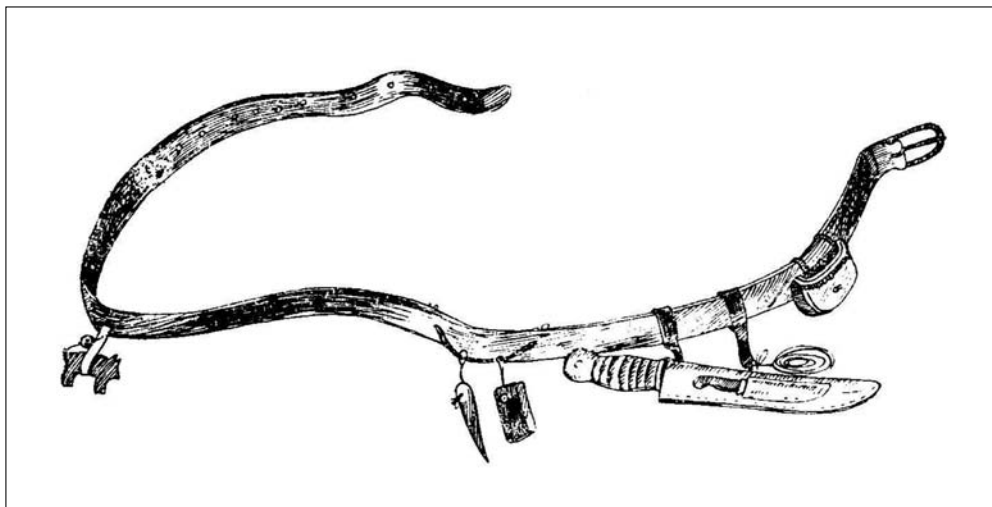
ной оленьей шерсти; на сломанную руку накладывали шину из коры дерева¹.

Шаман или шаманка принимали участие походе. В фольклоре имеются описания целей и даже способов гадания в походе, главная задача которых состояла в совете, как надо действовать. Причем несмотря на все уважение и боязнь шаманов, чукчи, если были очень недовольны их советами, могли бить их, требуя изменить решение. Путем камлания шаман указывал дорогу, когда отряд сбивался с пути. В морских экспедициях практиковался вызов тумана, чтобы незаметно подплыть на байдарках к поселению врагов. Шаман, участвовавший в морской охоте у эскимосов, мог остановить шторм. При бегстве от врага практиковали вызов пурги, чтобы противник потерял след или, к примеру, чтобы захватившие оленей враги потеряли животных во время непогоды. Согласно сведениям, собранным Ж. Малори, именно шаман определял условия боя: благоприятно время для схватки или нет, ждать ли сюрпризов от неприятеля или нет и т. д., то есть, по существу, шаман был военным жрецом. В частности, эскимосский шаман просил духа, чтобы стрелы, которые попадут в бою в воина, легко вынимались².

Практиковалась и черная магия, ведь шаман мог наслать порчу, от которой можно было умереть. Естественно, если человек неожиданно умирал, то первым подозреваемым в колдовстве, приведшем к смерти, был недруг усопшего. За такую смерть мстили — убивали подозреваемого. Можно добавить, что в 1771 г. трое коряков были осуждены в Гижигинске за смерть малолет-

¹ Фитотерапия: Леонова 2014: 72; лечение опухолей: Sauer 1802: 107; мох: Венстен 2012: 140; мухомор: Батьянова 1999: 72; кровотечение: Меновщиков 1982: 158; шины: информация В. П. Кевкея (сентябрь 2013 г.) о лечении его отца, задранного медведем в 1941 г.

² Шаманы или шаманки в походе: Беликов 1982: 187, 190; Меновщиков 1988. № 31: 214; Нутекеу 2005: 13–15; камлание с вопросом, как действовать: Дьячков 1893: 58; ср.: Суворов 1867а: 174; 1867б: 28; Аргентов 1887: 22; Теин 1981: 222–228; Burch 1998: 67; Нефёдкин 2016: 116–118; битие шаманов: Александров 1872: 82; ср.: Врангель 1846: 95; поиск дороги: Меновщиков 1974. № 85: 303; Беликов 1982: 190; Нутекеу 2005: 13; Нефёдкин 2016: 118–119, 133–134; ср.: Меновщиков 1988. № 237: 449 (у гринландских эскимосов поиск шаманом врагов); остановка шторма: Меновщиков 1988 б. № 20: 99; ср.: Bogoras 1913. № 10: 431; Теин 1992: 16–17; вызов пурги: Аргентов 1857: 95; Меновщиков 1988. № 52: 109; ср.: Беликов 1965: 167; 1982: 188; Кавелин 1931: 99; Нефёдкин 2016: 114; вызов непогоды: Меновщиков 1988 б. № 28: 130; собранные сведения: Malaurie 1974: 146, 148.

Эскимосский мужской пояс с амулетом. Воспроизведено по: Рубцова 1954: 552, рис. 3

него сына казака Егора Валинкина посредством «шаманственного волшебства»¹.

Поэтому у каждого человека для защиты от злых духов имелись амулеты, носимые на шее или поясе (например, фигурки косатки, вороны, нерпы и т. д.). Амулетами считались и грубые антропоморфные изображения предков, которые должны были охранять своих потомков. В конце XVIII в. мужчины носили апотропейные серьги из крупного голубого бисера. Еще в первой половине XX в. приморские жители носили нитку бус, а вокруг талии — шнурок из красной мандарки (экс. *к'ук'аг'ун*). На одежде сзади, где человек ничего не видел, и на шапке прикреплялись амулеты — бисерные розетки *к'унрут*. Отправляясь в поход, брали дополнительные амулеты, например, к поясу прикрепляли кожу ласточки, ложку, железные крючки². Естественно, подобные апотропеи носили и в бою.

¹ Черная магия: Аргентов 1857: 95; Шундик 1950: 139; Меновщиков 1988. № 33: 71; Рытхэу 2004: 189; ср.: Гондатти 1898: 22; Богораз 1939: 152–156; подозрение в колдовстве: Богораз 1939: 156; убийство колдуна: Кыттаут 2015: 5; 1771 г.: Нефёдкин 2016а: 75–77, примеч. 11. Порчу могли наслать, завладев вещью неприятеля (Леонова 2014: 37).

² Фигурки: Теин 1981: 220–221; серьги: Мерк 1978: 124; Норденшельд 1879: 220 (у большинства мужчин северного побережья Чукотки); Аргентов 1886: 47 (по две пряди белого и черного бисера); Семенов 1875: 734; Гильдер 1886: 86; ср.: Рытхэу 2010: 266; амулеты: Гондатти 1898: 10 (амулет-бусинка); Вдовин 1979: 137, 142; Венстен 2012: 137–138; ср.: Богораз 1901: 16; 1939: 49; бусы

Амулеты закреплялись и на самом оружии. На пластинах стандартного ламеллярного доспеха из коллекции РЭМ закреплены подвески из синих, голубых и белых бусинок¹, которые, очевидно, и являются амулетами. У другого ламеллярного панциря из РЭМ (№ 4859-24), состоящего из семи рядов пластин, в местах соединения пластин на ремешках закреплены по три королька, тоже, вероятно, имеющие культовое значение. В качестве своеобразных амулетов прикрепляли на ружья кусочки красной материи, которые должны были им помогать².

Также оружие предков считалось приносящим удачу. Например, в семье С. Р. Якуниной (Асадовой) хранился «меч» (видимо, тесак) одного из предков, воина Мыргувье, которым впоследствии вооружались мужчины в семье. В этой же семье, для того чтобы будущие воины росли быстрыми и храбрыми, в пологе хранилась шкурка горностая, качества которого должны были передаваться мальчикам. Она же носилась на поясе в качестве амулета³.

Сами чукчи были весьма суеверны и постоянно прибегали к гаданиям и к магическим действиям⁴. По преданиям местных оленеводов, на правом берегу реки Чегитун в 6 км выше впадения в нее р. Танатап (Чукотский район) находится каменная глыба, о которую ранее воины накануне похода «испытывали» свои стрелы: если стрела входила в трещину камня и не ломалась, то бойцы отправлялись на битву, а если наоборот, то схватку откладывали и делали более крепкие стрелы. Еще не так давно около этого камня находили стрелы⁵.

Перед походом определяли путь, гадая по оленьей лопатке, которая при нагревании на горячих углях или над лампой давала трещины, по которым судили о предстоящем пути; если предсказания были неблагоприятны (например, образовывалась дыра), то меняли время путешествия. Также перед путешествием один из членов семьи, который умел шаманить, мог гадать по треску дров и разлету искр от огня. К. Мерк также рассказывает, что у божка по имени Тайнугун вопрошали о предстоящих мероприятиях. Фигурку божка подвешивали на

и шнур из мандарки: Ушаков 1972: 159; розетки: Коротаева 2008: 6–7; дополнительные амулеты в походе: Мерк 1978: 101; ласточка, ложки, крючик: Кибер 1824: 106.

¹ Волков, Руденко 1910: 190.

² Богораз 1939: 54.

³ Асадова 2012: 4; ср.: Рытхэу 2010: 266; амулет: Вахтин 2000. № 21: 98.

⁴ М-в 1877. № 47: 386; Колымский округ. 1879. № 7: 54–55; Богораз 1939: 7, 13–15.

⁵ Информация М. А. Зеленского (1950 г. р.) (октябрь 2013 г., Анадырь).

нитке. Если при вопрошении она качалась, то предсказание считалось благоприятным. Согласно мейнхипильгынскому преданию, во время чукотско-корякских войн был распространен способ прорицания по принципу «устаи младенца глаголет истина»: совет спрашивали у трехлетнего мальчика, который точно предсказывал успех боевых действий. Возможно, это связано с представлениями о реинкарнации, и таким образом оказывалось, что вместо ребенка, как считалось, говорил кто-то из предков, душа которого переселилась в новое тело. У эскимосов самыми верными предсказаниями считались данные трупом только что умершего ребенка, палку, привязанную к голове которого, держал шаман, задававший вопросы; по движению или бездвижности головы ребенка судили о будущем¹.

Существовали и различные заклинания. Однако уже В. Г. Богораз отметил: «Мне рассказывали, что на войне употреблялись всевозможные заклинания, но ни одно из них не сохранилось в народной памяти». Видимо, в таких заклинаниях описывались необходимые действия в определенной последовательности. Чаунские чукчи вполне верили, что можно заговорить человека так, чтобы его не брала пуля даже из лучшего американского винчестера².

Чукчи, как и другие народы, верили во множество примет, которые говорили о будущем и часть которых, конечно, была связана и с военным делом. Так, если удавалось быстро заглотить мясо, то это рассматривалось как хорошая примета. Считалось, что морская ласточка, рассматривавшаяся как часовая, поднимается в воздух и кричит при приближении врагов³.

Стоит отметить особое негативное отношение чукчей к кресту. Чукчи, конечно, понимали, что это — символ русских, несущий некую важную для последних мистическую функцию. Согласно юкагир-

¹ Шаманствующий в каждой яранге: Авилов 1915: 103; гадание по лопатке оленя: Мерк 1978: 101–102; Аргентов 1857: 94; Олсуфьев 1896: 120; Богораз 1899б: 26; Зонов 1931: 51; Поляков 1933: 103; 1983: 66; Рытхэу 2004: 220–221; ср.: Беретти 1929: 42–43; гадание по костру: Августинович 1878: 56; 1880: 729; Тайнугун: Мерк 1978: 101; мальчик-прорицатель: Тынеру 2005а: 50; труп ребенка: Теин 1981: 221. Как отметил кинодокументалист В. В. Пуя (1966 г.р.), если при остановке во время перекочевки ребенок постоянно плакал, то могли сняться с места и идти далее, так как дух ребенка помнил, что это место неблагоприятное (19 ноября 2015 г., Санкт-Петербург).

² Цитата: Богораз 1934: 167; ср.: Вдовин 1977: 169; заговор от пули: Толмачев 1911: 50; пули не берут шамана: Рытхэу 2004: 440–441.

³ Еда мяса: Кытгаут 2015: 38; Кытгаут-Тынетегина 2016: 10; ласточка: Богораз 1934: 167.

скому преданию, на заимке Погромное стоял крест, который чукчи во время набега весь искололи копьями. В 1787 г. капитан Г. А. Сарычев видел на Омолонском летовье крест, который носил следы от чукотских стрел. Вероятно, поведение чукчей диктовалось тем, что они хотели убить духа, который был в кресте, и тем самым ликвидировать его враждебную магическую силу. Крест, установленный миссионером протоиереем Григорием Слепцовым (служил в 1799–1815 гг.) на берегу р. Чаун в 1811 г., чукчи сломали и сожгли, посчитав, что река стала приносить меньше рыбы. Следовательно, уничтожение креста в данном случае также рассматривалось как ликвидация недружественной чукчам силы. Вообще же, по представлениям кочевых чукчей, от крещения люди беднели, а их олени подвергались падежу¹.

4. ОБРЯДЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Судя по всему, приморские жители перед боем пели определенные песни и выполняли специальные пляски. В своем рапорте 1741 г. геодезист М. С. Гвоздев рассказывал о том, что, когда 17 августа 1732 г. он с командой подплывал на боте к поселку, находившемуся на Чукотском носу, собравшиеся на возвышенности «чукчи» «поют согласно и один у них прыгает и скачет»². Поскольку с россиянами шла война и «чукчи» боялись нападения, то объяснить их странные для команды действия можно именно боевыми обрядами. В поисках аналогий можно обратиться к эскимосам побережья Западной Аляски, где существовали специальные военные танцы, повторяющие боевые движения, исполняемые под звуки бубнов. Согласно же Ю. С. Рытхэу, науканские эскимосы в древности вообще вели бой под звуки бубнов³. Вероятно, и в поведении «чукчей» (видимо, эскимосов), описанном М. С. Гвоздевым, следует видеть тот же обряд: предводитель

¹ Мушкин 1853. № 82: 843; Богораз 1902. № 6: 164; Сарычев 1952: 82; Врангель 1948: 295; представление о крещении: Мушкин 1853. № 83: 854; Парышев 1909: 123.

² Ефимов 1948: 167, 240; ср.: Полонский 1850: 399; Соколов 1851: 95; Нефёдкин 2015а: 107; 2016б: 171. По мнению А. В. Ефимова (1948: 167; 1971: 229), скакал шаман (про: Гольденберг 1984: 128).

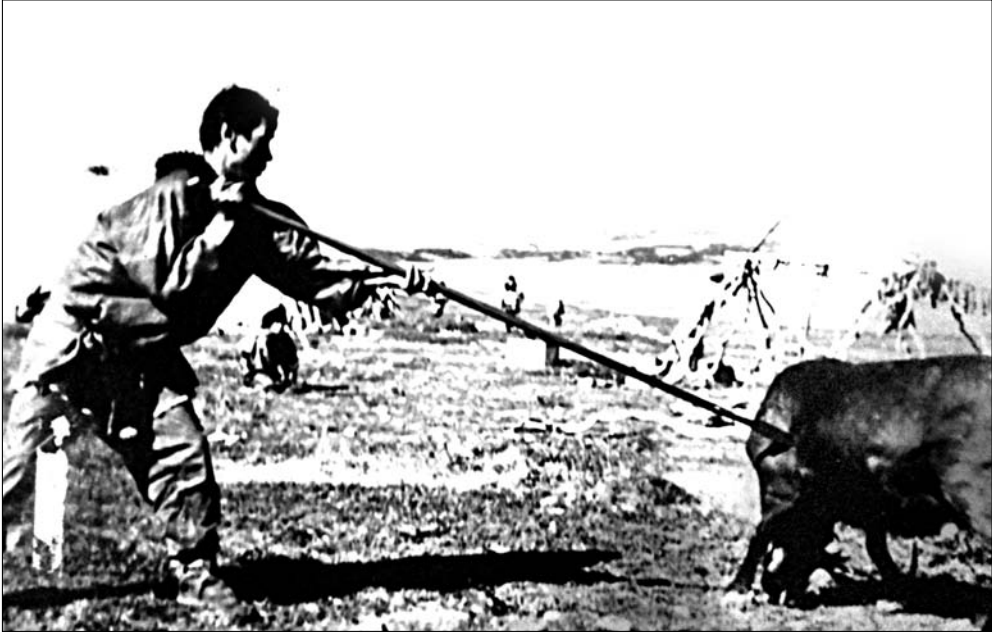
³ Аляскинцы: Кашеваров 1840: 138; Burch 1974: 10, п. 7; 1998: 97; Malaurie 1974: 139; ср.: Fienup-Riordan 1994: 333; Sheppard 2009: 56. Эскимосы Кадыка перед походом собирались в мужском доме — кажиме, где вождь плясал, а его родичи били в бубны и распевали песни о славных деяниях предков (Геден 1994: 62–63; ср.: Malaurie 1974: 149); сведения см.: Рытхэу 2004: 21–22.

исполнял какую-то специальную боевую пляску, а воины пели. Значение танца было прежде всего ритуальным, воодушевляющим воинов на бой и поднимающим их боевой дух. Монотонное же пение позволяет бойцу проникнуться общим коллективным духом, настроить себя на борьбу. Известно, что чукотские воины, сидя перед боем, могли настраивать себя на схватку протяжным напевом, многократно пропевая «ы-я, ы-я, ы-я»¹.

Немного известно о жертвоприношениях чукчей, связанных с военной областью. К. Мерк пишет: «Прежде, чем чукчи начинали враждебные действия в открытом поле, они приносят несколько оленей в жертву земле». Как уже отмечалось, согласно чукотскому топографическому преданию, предводитель Лявтылевал перед битвой с танни-тами сделал жертвоприношение духам. В жертву приносили наиболее ценное, для кочевника — это олени, а для оседлого — собаки. Вот как описал жертвоприношение накануне путешествия капитана И. Биллингса в 1791 г. Г. А. Сарычев: «Чукчи совершали великое жертвоприношение для испрошения у своих богов счастливого путешествия. ... поставили в один ряд 13 санок мужских и женских... К сим саням приставили свои копья и положили на санки черепы и кости давно убитых оленей. Поблизости сего места женщины развели великий огонь, достав его помощью трения из деревянных дощечек...» Затем сын старейшины жертвенного оленя «проколол копьем в левый бок против самого сердца и пустил на волю. Тогда все зрители стали примечать, каким образом будет умирать заколотый олень. И как он упал на правую сторону и умер спокойно и скоро, то оное приняли за самое счастливое предзнаменование. Напротив того, ежели бы олень повалился на левый бок, стал бы мучиться и притом с судорожными движениями, тогда почли бы злополучным предвещанием. Текущую из раны убитого оленя кровь брали в пригоршни и бросили на три стороны по воздуху, обращаясь к солнцу, к морю и к горам. Потом мазали кровью и мозгом оленьим своих идолов, санки и положенные на них кости; а женщины марали оными себе лица, веря, что сие предохранит их от всяких недугов и болезней»². Согласно другим описаниям, плохой приметой считалось, если олень падал не на левый бок, где была нанесена

¹ Информация В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Мерк 1978: 121; ср.: 137–138; РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 8; Нефёдкин 2016а: 300; цитата: Сарычев 1952: 240; ср.: Sauer 1802: 235–236; Леонтьев 1976: 163. Эпизод с Лявтылевалом: Меновщиков 1972: 163; Леонтьев, Новикова 1989: 408; Радов 2008: 74; жертвоприношение собаки: Баум 2016: 62.

Михаил Еттегин из бригады № 6 совхоза «Коммунист» забивает своим копьём личного оленя. «День молодого оленя» в конце августа 1977 г. в верховье реки Аьккатваам. Фото В. В. Радивилова

рана, а также если он бился в конвульсиях¹. Даже перед жертвоприношением, засунув оленю красную тряпочку в ухо, чукчи наблюдали за его движениями. Оленьи жертвоприношения сопровождалось обязательным разведением костра с помощью деревянных фигурок духов. Оленью кровь разбрызгивали в жертву духам, ею смазывали идолов, нарты, спальные подстилки и себе одежду и лицо — в качестве апотропейной меры².

В походе перед вступлением на чужую землю также приносили жертвы для успешного завершения дела: «кормили» духов нового места. К. Мерк отмечал, что по выезде с Чауна в декабре 1791 г. «шаманы принесли в жертву нескольких оленей, насадили их головы с языками на шесты. Со стороны губы вырезали только один кусочек и бросили в огонь, в направлении предстоящей дороги, туда же бросили и кусочки печени, а от молодых важенок — плод». По прибытии же к чужой лес-

¹ Нейман 1871. Т. I: 25; Ивановский 1890: 2; Дьячков 1893: 58; Лебедев, Симченко 1983: 118.

² Красная метка: Мерк 1978: 101; обмазывание кровью: Мерк 1978: 132–133, 137–138; Леонтьев 1976: 164.

ной территории «почти каждый хозяин заколол одного, а то и нескольких своих ездовых оленей, даже женщины и незажиточные следовали их примеру — тоже приносили жертвы»¹.

Норвежский океанограф Г. У. Свердруп (1888–1957) объяснял принесение жертвы именно земле тем, что с ней связаны злые духи, кэле, ведь последних боялись больше, нежели добрых, и старались задобрить, тогда как «духи-помощники» приходили к людям как из земли, так и с неба². Очевидно, такая жертва духу местности не была специфическим военным жертвоприношением, ведь и в мирное время чукчи, придя на новое место, приносили оленей в жертву духам местности для получения их расположения, поскольку, по их представлениям, каждое местечко имело своего духа³.

Во время боевых действий при неблагоприятном или непонятном стечении обстоятельств опять же олень приносился в жертву. Также перед потенциально возможным столкновением устраивали жертвоприношения-гадания о том, кто первым начнет боевые действия: каждая сторона забивала оленя, и у кого животное падало в сторону противника, тот первым и начинал войну. Вообще же хорошей приметой считалось, когда олень падал в ту сторону, откуда жертвующие пришли⁴.

Кочевники приносили в жертву оленей, а если таковых, кроме упряжных, не было, то собаку. В одной сказке упоминается, что два воина пожертвовали перед схваткой своих ездовых оленей⁵.

Олень — обычная жертва кочевых чукчей, но еще в XVIII в. приносили в жертву людей, видимо, в особых случаях. Так, капитан Г. С. Шишмарев отметил, что в «древние времена» приносили людей обоих полов в жертву. К. Мерк более конкретно рассказывал, что однажды земле принесли в жертву пленного казака. В юкагирском предании об Эдилвее чукчи собирались принести в жертву земле оленя-быка

¹ Мерк 1978: 150.

² Свердруп 1930: 322; также см.: Мерк 1978: 100; Чукотская земля... 1873: 63; Ивановский 1890: 2; Тан-Богораз 1930: 71; «духи-помощники» из земли, так и с неба: Тан-Богораз 1930: 71.

³ Вдовин 1977: 132, 166; ср.: Богораз 1899: 29.

⁴ Олень-жертва: Дьячков 1893: 133; очередность начала боя: Меновщиков 1985. № 128: 310–311; Вахтин 2000: 225–226; ср.: Богораз 1939: 71; падение оленя в нужную сторону: Свербеев 1872 15–16; Народы России. 1874. № 3: 43; Миллер 1895: 291.

⁵ Жертвоприношения оленей и собаки: Сарычев 1952: 259–260; ЭМ: 57–58; сказка: Меновщиков 1974. № 42: 186.

и пленного алайского героя, заколов его копьями и сжегши труп на костре. По фольклору известно, что на островах Диомида в жертву морской богине приносили пленника, который мог быть занесен штормом на остров¹. В 1812 г. чукчи, жившие у Чаунской губы, хотели принести в жертву земле первого чукотского миссионера Г. Слепцова, однако вмешательство старшины Валетко спасло протоиерею жизнь². В 1814 г. на ярмарке в Островном среди чукчей распространилась эпидемия, которая с людей перекинулась и на оленей. Шаманы сказали, что для прекращения гнева духов надо принести в жертву тойона Кочена. Последний согласился, и сын убил его ножом³. В январе 1845 г. при жертвоприношениях оленей, оказавшихся неблагоприятными, шаман хотел принести в жертву пленника, что, однако, не было сделано, поскольку далеко не все присутствовавшие чукчи одобрили такое решение. Сами же чукчи в беседах с А. И. Аргентовом, бывшим в 1843–1857 гг. чаунским миссионером, категорически отрицали, что они приносят в «важных случаях» в жертву людей⁴. Очевидно, к середине XIX в. подобная практика жертвоприношений ушла в прошлое, а сами слухи проистекали из уже ушедшего обычая.

После сражения приносили благодарственные жертвы. Интересную информацию находим в сказке приморских чукчей о двух братьях, где говорится о персональном жертвоприношении: за возвращение к жизни дух предложил воину справить благодарственное жертвоприношение над вражеской упряжкой оленей и над самим врагом, в частности, над его головой, что и было сделано. Жертва в этом случае была принесена Кэрэткуну (эск. Качак) — повелителю морских животных, главным образом моржей, почитаемому оседлыми жителями⁵.

¹ Шишмарев 1852: 188; Мерк 1978: 121; Эдилвей: Курилов 2005: 139, 167; Нефёдкин 2016: 298; острова Диомида: Bogoras 1913: 430.

² Мушкин 1853. № 82: 843; Винокуров 1890. № 6: 90; Русская миссия. 1890: 102; Вальская 1961: 178–179.

³ Врангель 1846: 95–96; 1948: 182, 396; Александров 1872: 78, 85 (самоубийство тойона); Bush 1872: 427–428; Народы России. 1880: 12; Миллер 1895: 291; ср.: Меновщиков 1974. № 83: 294.

⁴ Аргентов 1857: 94–95. Швейцарский археолог Г.-Г. Банди, говоря об эскимосах, без ссылки на источник, упоминает, что сибиряне (Siberian natives) убивали пленных перед набегами (Bandi 1995: 168–170). Подобные жертвы известны у тунгусов для вызова духа-покровителя войны Илбиса (Туголуков 1980: 84).

⁵ Сказка о двух братьях: Bogoras 1910: 185; Нефёдкин 2003: 268–270; 2016: 33–35; жертва Кэрэткуну: Bogoras 1913. № 9: 430; Нефёдкин 2016: 229–230; ср.: Кузнецова 1957: 326; Зуев 2007: 158.

Стоит особо отметить роль человеческой головы, над которой в данном сюжете справлялись благодарственные обряды. Чукчи могли отрубать у убитых противников головы, что могло объясняться культовыми целями — возможно, предотвращением мести со стороны умершего¹. Поскольку, по воззрениям чукчей, дух убитого будет мстить врагам, то убитым перерезали горло, чтобы дух мертвеца не преследовал убийцу (эскимосы с о. Св. Лаврентия убивали пленных, просверливая им голову с той же целью). В юкагирском сказании упоминается, что колымские чукчи отрезали голову самого сильного противника и повесили ее на вершине дерева лицом к морю, а герой другого чукотского предания водрузил на трофейные копья головы побежденных врагов. По местным легендам, чукчи, убив Д. И. Павлуцкого, отрезали ему голову и хранили ее как святыню, что, впрочем, не соответствует историческим данным: при осмотре тела майора голова была на месте. Однако известно, что в 1749 г. чукчи во время своего набега отрезали голову итканкому корякскому князю Молоху².

Следы культовой роли человеческой головы прослеживаются в приморском фольклоре. Так, в эскимосской сказке о сожительстве двоюродного брата с сестрой рассказывается, что после убийства брата сестра общалась с его отрезанной головой, ставшей потом самим юношей³. Для сравнения заметим, что аляскинские эскимосы иногда отрезали врагам головы и даже бросали их на землю или выставляли на месте поражения врага; чугачи на юго-востоке Аляски по возвращении из похода выставляли эти трофеи на всеобщее обозрение, а у эскимосов Нижнего Кукоквима головы побежденных убитых врагов с носами, проткнутыми стрелами, выставлялись на колах⁴.

В общем, определенную культовую роль человеческой головы можно проследить сквозь фольклорные мотивы, и она, видимо, свя-

¹ Отрубание головы: Зуев 2009: 140; Нефёдкин 2016: 176; ср.: головы врагов на копьях: Меновщиков 1974. № 88: 312.

² Месть духа врагам: Меновщиков 1974. № 85: 300; Тан-Богораз 1979а: 211; перерезание горла: Богораз 1900. № 135: 361; 1939: 188; эскимосы о. Св. Лаврентия: Богораз 1934: 174; юкагирское предание: Курилов 2005: 165, 167; чукотское предание: Нутекеу 2005: 32; Д.И. Павлуцкий: Сгибнев 1869: 34; 1869а. № 5: 59; Colder 1914: 164; Молох: Зуев 2009: 140; Нефёдкин 2016б: 245; тело майора: Нефёдкин 2016а: 219.

³ Сказка о брате и сестре: Рубцова 1954. № 28: 335–336, § 93–144; Меновщиков 1988. № 109: 256; Вахтин 2000: 383–396; ср.: вопросы, задаваемые черепу: Вахтин 2000: 140.

⁴ Malaurie 1974: 141, 149; Burch 1998: 229; эскимосы Нижнего Кукоквима: Nelson 1899: 329; азиатские эскимосы — голова у столба: Вахтин 2000: 484.

зана с религиозными представлениями о душе. Стоит отметить, что в материалах приморской культуры из раскопок жилищ у стоянки Седьмой причал северного берега Анадырского лимана в ходе раскопок (1957 г.) в остатках наземного жилища приморской культуры было найдено ритуальное захоронение целых и распиленных человеческих черепов. В эквенском могильнике в двух безынвентарных погребениях № 202–203, сопровождавших богатое погребение № 204, обнаружены два человека без черепов, лишь с нижними челюстями (древнеберингоморское время), что также свидетельствует о культовом значении головы¹.

У оседлых чукчей зафиксирован культ головы моржей, белых медведей и тюленей, которые служили приношениями предкам. Череп медведя или волка также служил амулетом, отпугивающим такого же живого зверя². Имеем ли мы и тут функцию, аналогичную человеческой голове, пока не совсем ясно.

Согласно преданиям русских колымчан, чукчи разрезали тело майора Д. И. Павлуцкого на мелкие кусочки, засушили их и хранили как память еще в 1880-х гг. Именно таким образом чукчи поступали со своими покойниками, чтобы дух не реанимировал умершего³. Естественно, данное предание отражает внешние представления русских о чукотских культах. Видимо, имеются в виду те представления, согласно которым на панцирях рисовали убитых врагов, чтобы сделать враждебного мертвеца своим союзником, — чукчи ведь очень боялись духов убитых (и умерших), считая их потенциальными врагами живых⁴.

После военной экспедиции чукчам нужно было очиститься, отогнать или обмануть мстительных духов. Ведь опасность для человека исходила не только от земного врага, но и из мира злых духов, настроенных по отношению к человеку не менее враждебно. Можно было изменить свою внешность. Цель подобного изменения, как и рассматриваемого

¹ Диков 1961: 34; 1977: 158; Кирьяк 2012: 104; Эквен: Арутюнов, Сергеев 1983: 213, 223–224; Бронштейн 2007: 29.

² Культ головы у оседлых: ДАИ. 1848. Т. III. № 24: 100; Богораз 1939: 98–99; Вдовин 1977: 165; Вдовин 2000: 154; Крупник 2000: 268–272; амулет-череп: Вдовин 1977: 148.

³ Д. И. Павлуцкий: Олыксандрович 1884. № 11: 295; чукотские покойники: Поляков 1933: 104; ср.: Fienup-Rierdan 1990: 158;.

⁴ Представления русских ср.: Вдовин 1965: 123, примеч. 79; боязнь духов убитых: Богораз 1939: 181; Поляков 1983: 75. Согласно сиренинской сказке, тело убитого шамана расчленили, чтобы он не ожил (Вахтин 2000: 459–468).

ниже раскрашивания, состояла в том, чтобы, изменив свой облик, сделаться неузнаваемым для злых духов. В. Г. Богораз в своем «Дневнике» от 23 февраля 1896 г. записал: «Если человек убьет человека, то он снимает с головы волосную бахрому (чучуремэн), ибо ва́ырһын сердится; так он меняет наружность, чтобы его нельзя было узнать». В общем, оказывается, что достаточно просто изменить прическу и постричься наголо, чтобы духи не узнали человека и не стали ему мстить¹.

Обряд же «очищения» после похода состоял в том, что встречающие выходили вперед и пускали стрелы (или бросали камни, а позднее стреляли из ружей) в сторону пришедших, а также кололи копьями по сторонам от них, а затем проводили пришедших между двух очистительных костров, в которые бросали олений жир для большей густоты дыма, как это было с участниками экспедиции И. Биллингса 14 августа 1791 г.; весной 1756 г. оленные чукчи очищали пришедших служилых, бросая в них головни с огнем². Всеми этими действиями отпугивали кэле, увязавшиеся за пришедшими, а также огнем и дымом дезинфицировали от заразных болезней. Еще более простой обряд отпугивания кэле у оленных чукчей описал К. Мерк: «...когда они зимой возвращаются домой от оседлых, они останавливаются на своем пути, несколько отдалившись от поселений, оборачиваются и кричат ветрам, чтобы не занести никакой болезни, как будто они были сопровождаемы дьяволами [кэле. — А. Н.]: “Возвращайтесь назад, у нас холодно, у нас вы замерзнете”»³.

Можно добавить, что при эпидемии оленные просто откочевывали и не допускали к себе инфицированных, выставя охрану вокруг стойбища и не подпуская на выстрел никого, создавая своеобразный карантин⁴. Как рассказывал В. Д. Тымнэрасков (Анадырь, сентябрь 2013 г.), во время эпидемии пришельцы не должны были приближаться на выстрел к стойбищу в течение месяца.

¹ Богораз 1901: 19; 1939: 142; Hughes 1984a: 251; дневник В. Г. Богораз: ААН, ф. 250, оп. 1, № 112а, л. 108 об.

² РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 81; Сарычев 1952: 238; Мерк 1978: 131–132, 136; ЭМ: 54, 158; Sauer 1802: 231; Суворов 1867б: 162; Харузина 1906: 131; Тан 1898. № 114: 2; Нефёдкин 2016а: 133; окуривание: Митчель 1865: 319; стрельба из ружья: Петелин 1892: 224; 1756 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 26; Нефёдкин 2016а: 234. Так же отпугивали кэле при приближении стада к стойбищу еще во второй половине XX в. (Леонтьев 1976: 162; Лебедев, Симченко 1983: 118; Омрувье 2016: 47). Ведь по чукотским представлениям душу *увирит* можно было повредить ножом или пулей (Вдовин 1976: 244).

³ Цитата: Мерк 1978: 132.

⁴ Откочевка: Мерк 1978: 137; Леонтьев 1976: 200.

После уничтожения врага или удачной добычи зверя справлялся особый благодарственный обряд, в котором можно проследить некоторые элементы культа оружия. После добычи крупной дичи (медведь, дикий олень), а ранее и уничтожения врага орудие убийства (наконечник стрелы или копья, дуло ружья) смазывали кровью первой жертвы и справляли обряд *пойгымңэгыргын* — «благодарственное служение копьём», во время которого устраивали пляску-пантомиму с оружием, сопровождая ее импровизированным пением, восхваляющим силу оружия и ловкость владельца. Ведь копьё, наряду с кибиткой и треногой, было особо священной вещью у чаучу. Согласно разъяснениям В. Н. Нувано, обряд *пойгымңэгыргын* — это ритуал камлания-очищения, во время которого копьём в вертикальном положении протыкали покров яранги, а затем его зашивали¹.

При возвращении победителей в стойбище их торжественно встречали с приветствиями, устраивали соревнования. Так, после поражения Якунина жители приморских поселений устроили гонки на байдах; призом победителю служила пленница².

5. ТАТУИРОВКА И РАСКРАСКА

Татуировка бытовала как у сибирских народов (хантов, манси, якутов, эвенков), так и у американских эскимосов, она была характерна и для азиатских эскимосов, и оседлых чукчей, у последних она, видимо, появилась под влиянием первых. В XIX — первой половине XX в. женщины татуировались намного чаще, чем мужчины. У девушек наколки наносились на лицо при вступлении в пору половой зрелости³, то есть они были социально значимым показателем вступления во взрослую жизнь. Татуировались лоб, уголки глаз, щеки, подбородок. У мужчин татуировки располагались над глазами, на висках, а также на щеках⁴. Еще в 1934 г. у некоторых мужчин в Чаплино татуировка была рас-

¹ Пойгымңэгыргын: Вдовин 1977: 131; информация С. П. Тнаныквата и В. Н. Нувано (Анадырь, сентябрь 2013 г.).

² Приветствия: Такакава 1974: 105; Поломошнов 1977: 30; гонки: Богораз 1900. № 128: 333; Нефёдкин 2003: 256; 2016: 19.

³ КПЦ. № 72: 187; Мерк 1978: 122; Августинович 1878: 53; Руденко 1949: 149–154.

⁴ Татуировка над глазами и на висках: Руденко 1949: 149; Белов 1954: 183; Иванов 1954: 443–445; щеках: Норденшельд 1879: 221; Митчель 1865: 324; Меновщиков 1959: 113; ср.: Dall 1870: 381.

положена около уголков рта, что, очевидно, символически заменяло амулеты-лабретки, которые азиатские эскимосы не носили уже в середине XVII в.¹ Еще в конце XVIII в. татуировка лица, плеч и рук встречалась у мужчин оленних чукчей², хотя уже тогда она постепенно выходила из моды, ведь первыми от нее отказывались кочевники.

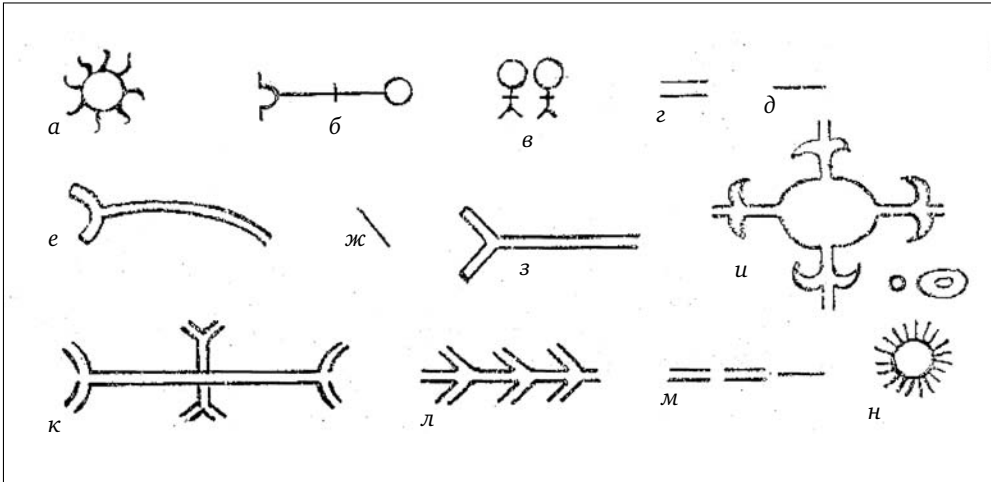
Мужская татуировка имела апотропейный характер³. Ведь опасным для человека, убившего врага, считался дух последнего, который должен был всячески вредить своему обидчику. Для того чтобы уберечь себя от этого злого духа, и наносили татуировку. В частности, оседлые «чукчи» татуировали на своих руках изображения убитых ими врагов в виде абстрактных человечков, подобные же фигуры располагали и на лбу над глазами⁴. По сообщению же М. Соура, базирующемуся, видимо, на объяснениях Н. И. Дауркина, оседлые «чукчи» с помощью татуировки наносили на предплечья и ноги информацию о количестве убитых и взятых в плен врагов. В. Г. Богоразу также рассказывали колымские чукчи, что в старину после убийства неприятеля на внутрен-

¹ ДАИ. 1851. Т. IV, № 7: 21, 26; Dall 1870: 381; Krause 1881: 5; Орлова 1941: 205–206; Руденко 1949: 154; Ушаков 1972: 159; Мой народ... 2012: 43; ср.: Nelson 1899: 52, figs. 15a, b. Лабретки известны на Чукотке и археологически (История Чукотки. 1989: 46). Судя по письменным документам первой трети XVIII в., лабретки из моржовых клыков тогда встречались у азиатских эскимосов (Le Brim 1718: 13; Вдовин 1961: 52; ср.: Александров 1872: 73; Меновщиков 1959: 112 (в XVIII — первой половине XIX в.)). Причем в 1732 г. жители Чукотского носа прямо именовали себя «зубатыми» (Ефимов 1948: 240, 249; 1971: 229; Гольденберг 1984: 128; 1985: 67). Французский врач А. Оливье, бывший на Чукотке в 1865 г., отмечал, что азиатские эскимосы в углах рта носили лабретки из металла, кости или перламутра (Ollivier 1877: 589), тогда как У. Далл, проводивший зиму 1865–1866 гг. в бухте Провидения, заявляет, что лабретки азиатские эскимосы не носят (Dall 1870: 380). Капитан А. А. Ресин (1888: 177–178) конкретно писал, что лабретки были у эскимосов о. Ратманова (Большого Диомида) и у жителей Наукана. Согласно же преданиям, часть аляскинских эскимосов поселились в Наукане за столетие до 1924 г., что подтверждается и ономастикой (Галкин 1929: 71–72; ср.: Крупник 2000: 252–253 (переселенцы с Аляски живут в Сирениках); топография: Членов 1988: 69; об археологии Наукана времени позднего пунукского-доисторического периодов: Днепровский, Лопатин 2016: 83–86). По крайней мере, в конце XVIII в. К. Мерк уже упоминает «паэкейский» диалект, который рассматривается как науканский (Мерк 1978: 98–99; Нефёдкин 2016б: 35, 37; Членов, Крупник 2016: 45–47).

² Мерк 1978: 122.

³ Зеленин 1931: 750–751; Меновщиков 1959: 113; Вдовин 1977: 145.

⁴ Мерк 1978: 121–122; Иванов 1954: 444; Меновщиков 1959: 113; Ушаков 1972: 159; Теин 1981: 221–227; Krupnik, Krutak 2002: 315–316; ср.: Руденко 1949: 150; Fienup-Riordan 1990: 159–160; 1994: 331–332 (альяскинские эскимосы-юпик).

Татуировки «чукчей» (конец XVIII в.). б) татуировка на внешнем предплечье; в) с обеих сторон лба; и, к, л) у уголков рта; м, н) на подбородке. Воспроизведено по: Мерк 1978: 124, рис. 9

ней стороне правого запястья по направлению к локтю накалывали точку. По сведениям хореографа Л. П. Верегиргиной из Конергино, на внешней стороне руки мужчины, от кисти, накалывали крестики по числу убитых им врагов, также на правом предплечье у воина изображался круг. Эскимосы о. Св. Лаврентия вообще наносили такие точки после наиболее значительных событий в своей жизни¹. Подобные же метки после удачной охоты на кита или медведя делали сибирские эскимосы и чукчи в области суставов, эскимосы с о. Большой Диомид — на лице, а с о. Св. Лаврентия — на плече, запястьях, пояснице, коленях, лодыжках². Как предполагал лейтенант У. Х. Хупер, оседлыми «чукчами» эта метка ставилась на лице не только после добычи медведя или кита, но и после убийства врага; на груди делали знаки в память победы над медведем; а другие делали себе на груди наколку двух человек³. Видимо, кит — это косатка — покровитель и защитник.

¹ М. Соур: Sauer 1802: 230; ср.: 237; Мерк 1978: 122; сведения: Богораз 1991: 189; информация Л. П. Верегиргиной (65 лет) передана В. В. Пуей в марте 2017 г. (Анадырь).

² Антропова 1957: 215; Krupnik, Krutak 2002: 316; ср.: Руденко 1949: 149, 152–154; Богораз 1991: 189.

³ Сведения: Ноорер 1853: 37, 150. Эскимосы Северо-Западной Аляски, отличившиеся в бою, наносили татуировкой четыре параллельные черты на каждую щеку (Burch 1998: 109).

Татуировка на лице, выставленная на всеобщее обозрение, служила своего рода показателем силы, смелости и охотничьей удачи, т. е. качеств, пользовавшихся особым уважением со стороны соплеменников.

На оленьих праздниках кочевые чукчи рисовали кровью забитых ими животных знаки на лице, руках и груди, чтобы уподобиться духам, охраняющим оленей. У каждой семьи были свои знаки, обычно изображали различные полосы и точки. Знаки должны были охранять людей и оленей от болезней. Как объясняли приморские чукчи в 1927 г., обычай мазать кровью оленя лицо возник после примирения оседлых и оленеводов в знак мира и дружбы¹. Однако реальный это исторический факт или поздняя интерпретация данного обычая, сказать сложно.

Приморские жители мазались охрой, а в случае опасности и графитом, для защиты от духа, который мог увязаться за гостем². В. Г. Богораз записал в своем дневнике 17 февраля 1897 г.: «Носовые, а также некоторые чаучу, мажут себе лицо мягким камнем при встрече с опасностью, как бы в виде защиты. Напр., при приходе к русским, во время болезни, также при рождении ребенка ему мажут лицо после чьей-нибудь смерти и т. п.» В общем, цель подобного раскрашивания состояла в том же, чтобы изменить облик, сделаться неузнаваемым для болезни и злого духа³.

¹ Знаки: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 8; Богораз 1901: 17; Калинин 1912: 106; Богораз 1939: 64; Кузнецова 1957: 278, 289; Гурвич 1983: 109–110; Зуев 2009: 237–238; Венстен 2012: 131; Нефёдкин 2016а: 300; апотропейный характер обряда: Мерк 1978: 133; Суворов 1867б: 163; М-в 1877. № 47: 386; Тан-Богораз 1979а: 209; Кавелин 1931: 107; Вдовин 1987: 41; возникновение обычая мазания лица кровью: Кавелин 1931: 99.

² Охра: Мерк 1978: 140; Богораз 1901: 19; 1939: 69; Мой народ... 2012: 43; ср.: Свердруп 1930: 319; графит: Кибер 1824: 110; Тан 1898. № 116: 2; Мой народ... 2012: 43; узоры, наносимые углем: Авилов 1915: 149.

³ Богораз 1901: 19; 1939: 142; Hughes 1984а: 251; цитата В. Г. Богораз: ААН, ф. 250, оп. 1, № 112а, л. 325. В качестве определенных этнографических параллелей можно заметить, что эскимосы Кадыяка раскрашивали все лицо перед набегом (Гедеон 1994: 61), а чугачи чернили свое лицо, чтобы не было заметно их страха (Malaurie 1974: 146).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На военное дело, особенно древнее, влияло множество факторов, в первую очередь — природные условия, которые диктуют оптимальные сезоны для ведения боевых действий, а в социальном плане определяют устройство общества: по типу хозяйства на Чукотке были либо кочевники-оленоводы, либо оседлые-зверобои. От организации же социума зависит система комплектования войска, в традиционном обществе — обычно племенная, у оленных чукчей, вследствие рассеянности народа, — семейная, у приморских жителей — родовая. Наличие природных ресурсов и уровень развития техники обусловили уровень производства вооружения, в данном случае — из органических материалов на уровне неолита. В военном деле влияние соседей, особенно врагов, происходит быстро и глубоко, заставляя приспосабливаться к методам ведения войны противником — с разными врагами и воюют по-разному. Чукчи не были исключением: в области вооружения они подвергались влиянию своих врагов-коряков, встреча же с русскими также оказала сильное влияние на тактику и стратегию чукчей и в конечном итоге способствовала появлению у них огнестрельного оружия. Эти влияния происходили как через торговые и иные мирные контакты, так и через военные столкновения. Причем последние являлись более важными, ведь к способу ведения военных действий противником со временем приспосабливаются, а в качестве добычи захватываются новые виды оружия, служащие проводниками инноваций в вооружении. Так, в ходе активных контактов с коряками и русскими в XVIII в. железное оружие у чукчей постепенно вытесняет роговое и костяное, распространяются предметы защитного вооружения из этого металла. На материальную же культуру оседлой части

населения большое влияние оказывали эскимосы — охотники на морского зверя, от них приморские чукчи заимствовали морское дело и некоторые предметы вооружения.

Обычным состоянием для племенного мира была перманентная война, и чукчи не составляли здесь исключения. Более того, они были самым воинственным народом в регионе, в разное время воевавшим со всеми окружающими народами, такая война всех против всех — характерная черта первобытного общества. Причины войн с различными этносами были разными, о чем мы можем судить начиная лишь с середины XVII в. и заканчивая 1840-ми гг., когда происходили последние набеги на эскимосов островов и Аляски, позднее происходившие стычки можно просто на сленге назвать «криминальными разборками». С кочевыми коряками большую часть XVIII в. шла перманентная война из-за оленьих стад, в которой наступающей стороной, как правило, были чукчи. И. С. Вдовин насчитал в документах XVIII в. 4–5 случаев, когда коряки и юкагиры отваживались идти походом на чукчей, да и то при поддержке анадырцев¹. Это было основной осью конфликтов в регионе.

У «первобытных» этносов можно выделить два стереотипа ведения войны: (1) против хорошо знакомых соседних народов и (2) против постоянных врагов, к которым испытывали закостенелую ненависть. С первой группой противников старались воевать «цивилизованными» средствами: войну объявляли заранее, давали время на подготовку к бою, иногда даже отпускали пленных и т. д. Данный стереотип поведения был обставлен определенными ритуалами, регулирующими поведение бойцов на войне. Против второй группы врагов вели «тотальную» войну на уничтожение: предпочитали нападать неожиданно, убивали или замучивали пленных мужчин, а женщин и детей уводили в рабство. Так, чукчи в течение трех четвертей XVIII в. вели «войну на уничтожение» против русских, оленных коряков, юкагиров и эскимосов островов Берингова пролива и Аляски. Однако даже во время этих войн присутствовали и некоторые элементы «цивилизованной» войны: угроза-предупреждение врагов о будущем нападении, заключение перемирия и прочее. Таким образом, возникал способ ведения боевых действий, в котором наряду с основным вторым типом присутствовали и элементы первого типа. Видимо, этот «комбинированный» тип ведения боевых действий был наиболее распространенным у чукчей, у которых господствовал «героический» этос. Поскольку не было четких граней между этими двумя типами войны, то, учиты-

¹ Вдовин 1965: 96.

вая фатальное отношение населения к смерти и убийству, можно даже посчитать такое ведение боевых действий первым типом войны. Вообще же эти стереотипы не были постоянными и могли со временем изменяться по отношению к одному и тому же народу, чаще в сторону ужесточения в связи с накалом борьбы.

Особенности военного дела чукчей и азиатских эскимосов проявляются в их сопоставлении с образом ведения войны на Аляске, существенные различия же между кочевыми чукчами и родственными им оленными коряками трудноуловимы. Эскимосы Западной Аляски сохранили древние традиции еще в XIX в., так сказать, в более чистом виде, нежели их азиатские сородичи. Можно сказать, что война в северо-восточной Сибири была более «гуманной», нежели на Аляске: тут не было всеобщим правилом неожиданное нападение ночью (судя по фольклору, хозяев яранги часто вызывали на бой), не было всеобщим правилом преследование разбитого врага; убивали не всех подряд, а обычно мужчин, тогда как детей и женщин брали в плен. Существовало правило, озвученное героем сиренинского сказания: «Женщин вообще не убивают»¹. Для чукчей, насколько известно, не были характерны кровавые военные ритуалы, своеобразная инициация воинов — пробование крови и сердца первого убитого врага. Судя по фольклору, поедание сердца врага-богатыря встречалось в Сибири у эвенов и эвенков, и, может быть, этот специфический обычай раньше был более распространен в регионе². По крайней мере, в чукотском сказании «Орлиное сердце» две девы-воительницы для храбрости съели сердце убитого ими орла³.

Военные действия велись как на суше, так и на море: оленные чукчи, составлявшие основную массу этноса, воевали на суше, а оседлые — на море. В силу этнического родства, межродовых связей и взаимного гостеприимства представители одной части этноса

¹ Вахтин 2000: 46; ср.: Нефёдкин 2016а: 175, примеч. 9.

² Эскимосы: Nelson 1899: 328; Malaurie 1974: 149; Burch 1998: 109; тунгусы: Василевич 1966: 300; 1972: 156; Новикова 1987: 87, 104, 106. В 1748 г. оседлые коряки реки Наяхан, потерпев поражение от служилых, убили своих жен и детей и «пили для смелости истекшую из ран кровь» их, снова бросились в бой, но опять были разбиты (РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 29 об.; Сгибнев 1869а. № 5: 66; Нефёдкин 2016а: 63). Воин-юкагир обещает при победе съесть печень побежденного (Козлов 1956: 258). В сиренинской сказке женщине как бы в насмешку дали съесть печень ее приемного утонувшего сына (Вахтин 2000: 362–364). Западные эвенки ели сердце врага или его мясо, чтобы приобщиться к его силе и ловкости (Василевич 1972: 156).

³ Асадова 2010: 54–55.

привлекали воинов из другой части для ведения совместных боевых действий. Ясно выделяются сезоны ведения войны. Зимний период был сезоном набегов оленных чукчей. Это обуславливалось тем, что именно зимой они могли быстро передвигаться на своих нартах, которые летом для езды не использовались. Летом же, когда лед, сковывавший Берингов пролив, таял, приморские жители то торговали, то воевали с эскимосами островов и Аляски. Очевидно, в летнее время в тундру в поисках добычи отправлялись в основном пешие партии мужчин, происходящих из бедных стойбищ. Эти немногочисленные отряды обычно состояли из нескольких или нескольких десятков воинов, которые нападали на отдельно стоящие жилища или на пастухов на пастбище. Причем такие нападения велись как на представителей других этносов, так и на своих более зажиточных соплеменников с единственной целью — грабежа.

Вплоть до середины XX в. происходили столкновения как между отдельными людьми, так и между семьями, причиной которых были обычные бытовые обиды, кража оленей или даже кровная месть. Это уже, собственно говоря, не война, а некий вид драки, часть таких драк оканчивалась летальным исходом, однако и в этих столкновениях чукчи применяли свои боевые навыки, приобретенные в ходе многолетних тренировок и охоты. В XX в. стычки чаще происходили у оседлых жителей, у которых торговля была развита больше, тогда как оленные чукчи, сохраняя патриархальный быт в более чистом виде, решали свои споры более мирными путями. Споры же внутри семейной общины обычно улаживали мирным путем, чтобы не разрушать социальный организм, — кровная месть была направлена вовне, на представителей других семей или иноплеменников. В качестве виры мог быть выплачен и определенный выкуп различными товарами. Обычно мстил ближайший родственник убитого, после чего мщение с данной стороны прекращалось.

В целом военное дело оленных чукчей — основной массы этноса — представляет нам своеобразный способ ведения войны кочевниками. Тут присутствуют все их основные элементы войны номадов: наступательная стратегия, подвижность на театре боевых действий, которую не сковывали стационарные укрепления; неожиданные нападения с убийством мужчин и уводом в плен женщин и детей; маневренная тактика, рассчитанная на охват флангов и выход в тыл; устройство засад в удобных местах и ложное бегство, рассчитанное на заманивание противника. Даже перестрелка в начале боя с возможным последующим переходом в рукопашную схватку также относится к основным элементам кочевого военного дела. С другой стороны, мы наблюдаем

и определенные отличия, вызванные особенностями кочевой жизни в специфических условиях: в более характерной для кочевников «тотальной» войне наблюдаются элементы «цивилизованного» типа ведения боевых действий; отсутствие верховой езды сдерживало роль маневра на поле боя; чукчи не полагались на дальний бой, а быстро переходили к рукопашной борьбе, что обычно не характерно для номадов.

Наиболее ранние войны велись чукчами, как и другими племенными этносами, по социальным причинам: похищение женщин, бытовые споры, кровная месть. Во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. чукчи вели оборонительно-наступательные войны против казаков, упорно пытавшихся наложить на них ясак и призвать в подданство, т. е. война приобрела политический характер. С первой четверти XVIII в. и до 1781 г. в связи с развитием крупнотабунного оленеводства у чукчей основной причиной войн с коряками становится экономическая: они производили грабительские набеги с целью отогнать стада оленей. Именно XVIII в. явился пиком военной активности чукчей, когда выставлялись огромные по восточносибирским меркам армии: до 3000 человек (1702 г.), в то время как общая численность населения Чукотки оценивалась в 10 000 человек (1756 г.)! (Обычно же боеспособные мужчины в племенном обществе составляли $\frac{1}{4}-\frac{1}{5}$ от всего населения.) К началу XIX в. большие войны на территории самой Чукотки утихли, но приморские жители продолжали производить морские набеги на эскимосов островов Берингова пролива и Аляски. Еще в начале XX в. происходили, хотя и редко, внутренние столкновения между самими чукчами или между ними и иноплеменниками (эскимосами, коряками). Это были межсемейные, межличностные и — реже — межродовые конфликты, в которых обычно участвовали единицы или немногие десятки человек, в основном родственники. Таким образом, причины войны опять, по существу, вернулись к своему первоначальному состоянию на новом уровне.

Декабрь 1998 — март 2003 г.,
октябрь 2012 — июнь 2017 г.
Санкт-Петербург

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ВОЕННОЕ ДЕЛО КАЗАКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XVII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Обобщающая детальная характеристика военного дела казаков Восточной Сибири не входит в задачу настоящего обзора — хотелось бы остановиться только на сюжетах, связанных с комплектованием, системой снабжения, вооружением и тактикой, оставив за пределами работы другие, естественно, не менее важные аспекты. Такой отбор материала диктуется главной темой книги — военным делом чукчей. Именно служилые, как никакой другой противник, оказали на военное дело чукчей значительное влияние. С другой стороны, и военное дело казаков также подвергалось влиянию местных жителей; сказывалось на нем и удаление от центра, и, в общем, заторможенность военного развития. Сибирь как удаленная восточная окраина сохраняла порядки Московской Руси, по крайней мере, до середины XVIII в.¹

¹ Богораз 1934: 62.

1. Состав, организация и комплектование казацкого войска

В XVII в. в Восточной Сибири военной силой были служилые: «по отечеству» — сибирские дворяне (с 1684 г.) и дети боярские (обе категории существовали до 1810 г., когда они были присоединены к Якутской казацкой команде) и «по прибору» — казаки, пушкари, стрельцы, солдаты нового строя (две последние категории — в Западной Сибири). Казаки были пешими и конными (категория последних была упразднена с 1660-х гг. до начала XVIII в.). Причем даже все конные не обязательно имели лошадей, поскольку содержать их нужно было за свой счет. А в целом всадников было немного, не более сотни, — да они и не служили в Северо-Восточной Сибири — не позволяли климатические и географические условия¹.

На южных приграничных территориях были расселены беломестные казаки. Они, живя на своей земле, при надобности поочередно выделяли из своей среды людей для службы. Эти казаки имели пашню, за которую и служили, не получая всего жалованья, но при этом они были освобождены от основных налогов. Черноместные же казаки, набранные из податных сословий, должны были платить и налоги (до 1751 г.), и подушную подать. Они в первой половине XVIII в. использовались главным образом для обороны границ².

В 1630–1640-х гг., в связи с освоением новых территорий и следовавшей за этим нехваткой служилых, казаки служили «годовальщиками», то есть несли временную службу в «командировке», ожидая, пока их сменят, что обычно происходило через несколько лет (иногда через восемь и более), а затем они возвращались домой, но уже с 1650-х гг. казаков стали верстать в самой якутской области. На дальние зимовья служилые часто ехали семьями³. И в XVIII в. в дальних острогах казаки были «сменяемые погодно» (главным образом казачья старшина) и «жилые», жившие тут постоянно⁴. Если служилым не нравилось место их службы, они могли по взаимному согласию поменяться, получив разрешение начальства. Так, например, в 1693 г. Вла-

¹ Матюнин 1877: 177; Сафронов 1978: 75, 79; Никитин 1988: 139; 1996: 44.

² Беломестные казаки: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 26–27; Никитин 1987: 149; черноместные: Матюнин 1877: 174; Словцов 1886. Кн. 1: 172; Путинцев 1891: 29; Леонтьева 1968: 58–59.

³ Гурвич 1966: 120; Леонтьева 1968: 39–40; Сафронов 1978: 59.

⁴ Гурвич 1966: 117.

димир Атласов, посланный в Якутск, поменялся службой с казаком Василием Григорьевым, направлявшимся в Анадырьск¹.

В XVIII в. приграничные линейные казаки охраняли пограничные линии, а городовые, живя в своих домах, поставляли людей для службы, связанной в основном с полицейскими функциями охраны и конвоирования. Городовых казаков часто собирали на казенные работы: ловить рыбу, сплавливать лес, строить укрепления и административные здания, вываривать соль, разгружать суда, лишь в 1770 г. они были освобождены от дармовых работ в крепостях². Казаки платили налоги: таможенные сборы, торговые пошлины, годовые деньги на выкуп пленных³. Впрочем, за заслуги и вследствие «учиненной прибыли» казаки могли ходатайствовать об освобождении их от определенных видов налога и даже о списании долгов⁴.

Гарнизон острога по общеказачьему образцу составлял «войско», имеющее свою казну и круг, на котором избирали руководителей, распределяли службы, налагали взыскания, однако все важные вопросы решал воевода⁵. Лишь во время походов, когда казаки были оторваны от административной власти, самоуправление приобретало особое значение. Казаки сохраняли свою военную организацию: высшим подразделением был «приказ» во главе с головой, состоявший из пяти «станций» (сотен), возглавляемых у пеших казаков атаманами. По чину службы выше атамана стояли сын боярский и дворянин, хотя на высшие командные должности обычно назначались дети боярские. Станица делилась на пятидесятки, которыми руководил пятидесятник (есаул), а последние отряды состояли из десятков с десятниками во главе. На практике численность подразделений была ниже. В сотнях были знаменщики, трубачи, литаврщики и барабанщики (последних — по одному-два)⁶. Головы назначались на несколько лет, для прохождения остальных должностей определенного срока не было.

¹ АИИ, ф. 160, № 990, сст. 46, 48; о службе В. Атласова: Белов 1957: 96–97.

² Сергеев 1983: 39; Никитин 1988: 87; 1996: 61–62; 1770 г.: Путинцев 1891: 61.

³ ДАИ. 1862. Т. VIII, № 37: 112; Орлова 1951. № 92: 267; № 156: 391; 190: 484–485.

⁴ Ходатайство об освобождении от налогов: Орлова 1951. № 92: 267; списание долгов: Орлова 1951. № 156: 391.

⁵ Сафронов 1978: 69; Александров 1988: 107–109; Зуев 1999а: 106.

⁶ Сафронов 1978: 68; Никитин 1988: 31; 1996: 77; Багрин 2011: 5.

Отметим, что в отряде был один знаменосец, а при больших экспедициях брали три знамени из разных видов шелка: «тавтяные», «дорогильные» или «киндяшные»¹. В первой трети XVIII в. казаки использовали знамена допетровского типа. Так, в 1718 г. на камчатом стяге Анадырского острога был изображен «образ Спасителя». У отряда А. Ф. Шестакова в Охотске (1729 г.) упоминается знамя из белой камки с вызолоченным орлом, а в следующем году — знамя с ликом Богородицы. В 1730-х гг. в арсенале Якутска имелось старинное знамя из красного кумача, на одной стороне которого был образ Спасителя, а на другой — Богородицы и лики св. Сергия и Никона Радонежских; края полотнища состояли из желтых и лазоревых треугольников и окаймлены зеленой каймой².

В течение XVIII в. в документах перестают упоминаться должности десятника, атамана и сына боярского, а самих служилых стали именовать просто казаками³. Хотя в это время существовала допетровская система военной организации. В 1701 г. указ Петра I объединил якутских казаков в один полк (936 человек) во главе с казачьим головой, подчиняющимся непосредственно якутскому воеводе. В 1737 г. ввели новое расписание штата служилого сословия Сибири, но лишь в 1822 г. ввели единообразие чинов и запретили выходить из казачьего сословия⁴. С 1763 г. казаки стали именоваться линейными, а в 1808 г. — «Линейным сибирским казачьим войском»⁵.

В казаки могли верстать с 15 лет, но обычно — в 18–25⁶. Желая стать казаком подавал прошение, а самого кандидата должны были взять на поруки два служилых. Казак не должен быть «зерню, и карты играть», воровать и пьянствовать⁷. Воевода при наличии вакансий утверждал прошение, священники приводили к присяге и следовал указ о внесении новобранца в списки⁸. Продвижение по службе осуществлялось согласно челобитной, где были указаны службы и заслуги слу-

¹ КПМГЯ. № 39: 90; Якутия... 1953: 317; Степанов 1959: 214; Никитин 1996: 77.

² Стяг 1718 г.: Нул... 1866. № 17: 4; стяги отряда А. Ф. Шестакова 1730 г.: Сгибнев 1869: 16; Зуев 2002: 65; ср.: Стрелов 1916. № 41: 126; 1729 г.: Гольденберг 1984: 67; знамя из Якутска: Бакай 1895: 85.

³ Сафронов 1978: 49, 69; Никитин 1988: 31, 49.

⁴ Маныкин-Невструев 1883: 51.

⁵ Сафронов 1978: 55, 67; Казин 1992: 272.

⁶ Никитин 1988: 61; 1996: 49; Зуев 2011: 50.

⁷ Орлова 1951. № 226; ср.: Багрин 2011: 2.

⁸ Васильев 1916. Т. I. Прил.: 1–2.

жилого. Сибирский приказ и губернатор (с 1710 г.) даровали звание сына боярского, атамана и сотника, тогда как чин пятидесятника и десятника могли давать и воеводы. За проступки понижали в чине. Обычным наказанием было битье батогами, а то и просто кулаками¹. Служили пожизненно, в отставку отпускали по челобитной — по старости, увечью или болезни. Отставить от службы могли и за беспорядное пьянство или за преступления. Отставка могла последовать и за «скудость» казака, вследствие чего он не мог исправно исполнять службу. Отставных казаков приписывали к крестьянам и заставляли платить подати. Ветераны не пользовались никакими привилегиями. Для инвалидов в 1686 г. в Якутске была создана богадельня, которая частично финансировалась казной, а частично — пожертвованиями².

В общем, царские указы запрещали записывать в казаки гулящих людей и, наоборот, предписывали верстать детей казаков и стрельцов или же просто родственников казачьих³. В Восточной Сибири в середине XVII в. верстали в казаки сыновей и вообще родственников служилых, промышленников и ссыльных. С 1699 г. было велено не записывать в служилые ссыльных, а также тягловых крестьян и просто пьяниц (еще в 1678 г.)⁴. Особо опасались верстать в казаки крестьян после восстания С. Т. Разина, а поверстанных в казаки тягловых приказывали выписать (1679 г.). Однако при нехватке людей и из-за удаленности от центра эти указы часто не исполнялись⁵.

В XVII в. в Сибири из-за постепенного расширения территории государства ощущалась постоянная нехватка наличного состава служилых, недобор в основном покрывался из переселенцев, промышленников, вольнонаемных, пленных, которые после заключения мира не захотели вернуться домой и остались в Сибири, и даже гулящих людей, но к началу XVIII в. верстали уже среди родственников казаков,

¹ Никитин 1988: 101.

² Нет привилегий у ветеранов: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 23; отставка из-за пьянства: Никитин 1996: 50; по бедности: История казачества... 1995: 40; приписывание ветеранов к крестьянам: Маныкин-Невструев 1883: 62; богадельня в Якутске: Якутия... 1953: 321.

³ Запрет верстать гулящих: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 17: 53; № 40–25: 184; Александров 1988: 101; верстать детей казаков и стрельцов: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 17: 53; № 37: 112; родственников казаков: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 40–25: 184.

⁴ ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44–5: 159; ср.: Булычев 1856: 39; Сафронов 1978: 61–63; Александров 1988: 104; Александров, Покровский 1991: 91–92.

⁵ АИ. 1842. Т. V, № 47: 70–71; ср.: Никитин 1988: 67; не исполнение приказов: Зуев 2001 а: 96–97.

то есть, по существу, появилось служилое сословие¹. Набор в казаки производился среди торгового и промышленного люда, также по рекомендации и поручительству нескольких казаков. В казаки могли записывать и новокрещеных местных жителей. Среди самих казаков было много метисов, так как россияне обычно брали в жены полонянок, окрестив их². Например, в 1675 г. якутский воевода А. А. Бернешлев для покрытия недобора в служилых сначала поверстал казачьих детей, братьев и племянников; а поскольку и этих оказалось недостаточно, то и новокрещеных, ссыльных и гулящих людей. Чтобы обеспечить комплектование местных войск, указом 1725 г. было запрещено призывать сибиряков на службу в европейскую часть России³.

До эпохи Петра I казаки, оказавшись больными во время службы, могли послать вместо себя заместителя, обычно родственника или другого казака⁴. На практике же оказывалось, что нежелающие идти в поход (особенно в дальний) нанимали вместо себя добровольца. К примеру, вместо себя могли отправить на службу нанятых якутов, представляя их своими родичами. Лишь в 1707 г. казачье звание фактически стало наследственным, и в казаки было указано брать лишь детей и родственников служилых и промышленных охотников⁵.

В XVII в. при постоянной нехватке бойцов промышленные и торговые люди участвовали в походах вместе с казаками. Главным стимулом для их участия в походах и продвижения вперед были поиски соболя, которого быстро истребляли, что толкало к дальнейшему движению на Восток⁶. Особой разницы между торговым и промышленным людом не было, и те и другие занимались как торговлей, так и промыслами. В основном это были люди среднего достатка. Богатые купцы снаряжали экспедиции, нанимая различных людей, к которым присоединялись «своеужинники» — независимые промышленники и

¹ Леонтьева 1968: 58–59; Зуев 2011: 51.

² Торговый люд: Орлова 1951. № 217; 218; 225; 226; новокрещены: ДАИ. 1857. Т. VI, № 136: 402; 1862. Т. VIII, № 40–25: 184; Орлова 1951. № 226; Гурвич 1963: 86; метисы: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 31; ЭМ: 28.

³ 1675 г.: ДАИ. 1857. Т. VI, № 136: 402; 1725 г.: Протокол... 1888: 287.

⁴ АИИ, ф. 160, № 891, сст. 123 (1686 г.); Сафронов 1978: 59; Никитин 1988: 101; 1996: 67.

⁵ Нанятие якутов: Гурвич 1966: 117; указ 1707 г.: Манькин-Невструев 1883: 50–51; Сафронов 1978: 63.

⁶ Вернадский 1915: 353; см.: Сергеев 1983: 17–18; Никитин 1987: 20; Зуев 2001 а.

торговцы. Промышленные и торговые люди на службе выполняли все обязанности казаков, поскольку они жили в одном зимовье, ходили в одни и те же походы, но, в отличие от казаков, они не получали жалованья и освобождения от податей, однако могли требовать от воеводы награждения после возвращения из успешной экспедиции. Они могли становиться и «полуказачьем», то есть нести службу лишь за часть добычи, а при необходимости и отсутствии вакансий их зачисляли «в приказ» — служить сверх штата с выплатой жалованья; эта служба считалась временной, до освобождения места служилого¹.

Естественно, при такой системе набора, да и при удаленности от культурных центров, нравственное лицо казаков было далеко от идеала. Французский консул Ж.-Б. Б. Лессепс так характеризовал сибирских служилых XVIII в.: «Воинство состояло из необузданного собрания мещан и крестьян; каково оно было некогда, то есть: шайка диких народов, которые по свойству своему будучи склонны к разбойничествам, не знали других законов, кроме своеволия или собственной выгоды». Чем дальше на восток, тем моральные качества служилых становились хуже. Г. В. Стеллер, к примеру, отмечает, что камчатские казаки в начале XVIII в. представляли собой «кучку бродяг, большей частью скрывавшихся от правосудия»².

Общее число служилых людей в Сибири, включая новокрещеных, в 1662 г. было около 10 000 человек, а к началу XVIII в. — 14 000³. В 1724 г. в Сибирской губернии было расквартировано три гарнизонных полка и один драгунский, всего 4828 человек. Основную же силу составляли казаки. В 1675 г. у якутского воеводы было в наличии 609 служилых вместо положенной тысячи. Якутский казачий полк, образованный в 1701 г., объединял восточносибирских казаков во главе с одним казачьим головой. Он насчитывал примерно 1500 служилых (ок. 1720 г.) и был распределен по восточносибирским острогам. В 1724 г. в ведомстве якутской администрации находилось 13 дворян, 61 человек детей боярских, 1355 казаков, пушкарей и «воротников», тогда как Иркутск в этом же году распоряжался 35 детьми боярскими, 23 казачьими головами, 511 пятидесятниками, десятниками и казаками, — всего 569 служилых⁴.

¹ Якутия... 1953: 315; служба сверх штата: Никитин 1988: 62–63.

² Лессепс 1788. Ч. III: 71; Стеллер 1927: 17–18; ср.: 3-н 1861. № 93: 4.

³ Словцов 1886. Кн. 1: 172, 180.

⁴ Солдатские полки: Кирилов 1831: 62, 64; Якутский казачий полк: Сгибнев 1869: 1; численность: Кирилов 1831: 85, 91; 1675 г.: ДАИ. 1857. Т. VI, № 136: 402.

2. Жалованье

Жалованье служилых было невелико, и его едва хватало на существование двух человек. Платили жалованье в 2–3 приема деньгами, зерном и солью; распределял его приказчик, то есть назначенный воеводой или выбранный казаками комендант острога¹.

Оклады варьировались в зависимости от удаленности гарнизона: в дальних острогах жалованье было выше; от рода войска: у всадников жалованье было больше; от семейного положения: у женатых существовали незначительные прибавки к продовольственным выдачам; от чина: у офицеров жалованье было намного больше. Служилые в 1640-х гг. в Якутске получали 4,25 руб., а также натуральные выдачи ржи, овса и соли². В среднем во второй половине XVII в. оклад казаков в год был 5–7,25 руб., 5–6,5 четвертей (640–832 кг) ржи, 4 четверти (255 кг) овса (для конных казаков и семейных пеших) и 1,5–2 пуда муки (24–32 кг)³.

В 1724 г. в ведомстве якутской администрации числилось 13 дворян со средним жалованьем около 30 руб., 3849 литров ржи, 3730 литров овса и 170 кг соли на человека в год; 61 человек детей боярских, получавших 10 руб.; 1355 казаков, пушкарей и стражей ворот, которым платили в среднем около 5 руб. 30 коп., примерно 883 литра ржи, 204 литра ржи и 24 кг соли⁴. С 1761 г. сибирские казаки стали получать довольствие, как и регулярные войска.

Существовали и экстраординарные выплаты: при отправлении в дорогу деньги выдавались на прогон, при победах платили наградные (за бой — по 50 коп., раненому — 1 руб., столько же платили за убитого), при переселении давали средства на подъем, а по праздникам — по две чарки вина. Так, к примеру, вновь поверстанным казакам, посылаемым на новое место службы, приказывалось выдавать оружие, хлеб и на подъем 50 руб. — огромную для 1684 г. сумму⁵.

Цены же в ту эпоху были сибирскими. Как указывал в своей челобитной И. Курбатов (1640-е гг.), лошадь, стоившая в европейской части России 2–3 рубля, в Сибири имела цену в 10 раз большую, нарты

¹ Никитин 1996: 52; 1999: 29; Nul... 1866. № 16: 3.

² Оглоблин 1903: 44; Самойлов 1945: 44.

³ ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 159; Леонтьева 1972: 10; Сафронов 1978: 72–84; Никитин 1988: 103.

⁴ Кирилов 1831: 91; ср.: Бакай 1895: 86.

⁵ Экстраординарные выплаты, вино: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 33; Никитин 1988: 128; 1996: 54; 1684 г.: ДАИ. 1867. Т. X, № 67-6: 240.

стоили 1 руб., лыжи — 2 руб., а пуд муки — 2–4 руб. На Камчатке в начале XVIII в. пеший казак получал жалованье 5 руб., а также хлебные деньги по якутскому окладу, тогда как для покупки собак, одежды, припасов требовалось более 40 руб. в год. В 1711 г. оклад пешего казака на Камчатке составлял уже 9 руб. 25 коп. В 1747 г. Сенат, вняв просьбам служилых, назначил полуторное жалованье охотским, анадырским и камчатским служилым, что было вызвано дороговизной на этих территориях. В середине XVIII в. в Анадырском остроге сержант вместе с провиантными деньгами получал 57 руб. 46,5 коп., капрал — 52 руб. 89,5 коп., солдат — 50 руб. 87,5 коп.; казак — 43 руб. 75 коп. да еще деньги за провиант¹.

В 1773 г. солдаты на Камчатке получали 12 руб. 84 коп., компенсацию за нижнюю форменную одежду (2 руб. 11,25 коп.), а также хлебное довольствие в 9 пудов 13 фунтов (149,3 кг), тогда как казак получал меньше денег (10 руб. 50 коп.), но больше муки (10 пудов = 160 кг). Поскольку компенсацию за верхний мундир солдаты не получали, то даже они носили местную одежду, лучше приспособленную для местных климатических условий: кухлянки, парки, торбаса. В 1750-х годах служилые в Анадырске вместо униформы носили оленьи парки, «кухлянки с верхней камлей», местные штаны; из русской одежды в Восточной Сибири носили кафтан (зимой — шубу), сапоги и шапку с меховым околышем. Во второй половине XVIII в. казаков отличало от местных жителей лишь наличие сабель и ружей. Униформу сибирские казаки стали носить лишь в 1817 г., когда 50 служилых сделали ее на свои деньги, но даже в конце XIX в. казаки Якутского полка и Камчатской команды носили из элементов униформы лишь фуражку и саблю, которая, впрочем, была даже не у всех².

Выплата небольшого жалованья служилым в XVII в. часто задерживалась на несколько лет. Или же, например, приходило денежное жалованье, а продовольственные выдачи запаздывали³. До конца XVII в. жалованье иногда выдавали товарами, а часть хлебного жалованья

¹ Цены 1640-х гг.: Оглоблин 1903: 39; Самойлов 1945: 44; 1711 г.: Крашенинников 1949: 482, 508; указ 1747 г.: Сафронов 1978: 81; жалованье в Анадырске: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 46 об., 47, л. 147–148.

² 1773 г.: Миллер 1774: 198; местная одежда: Миллер 1774: 198–199; анадырцы: Шашков 1864: 73; Нефёдкин 2016а: 198; оружие конца XVIII в.: Лессепс 1801. Ч. I: 15; униформа: Гагемейстер 1854: 75; Маныкин-Невструев 1883: 51; Слюнин 1900 Т. II: 475; Якутия... 1953: 317; Никитин 1988: 35; 1996: 75–76; Багрин, Зорин 2015: 127–147.

³ Nul... 1866. № 16: 4.

могла быть выдана горячим вином¹. Если сам казак отсутствовал, то его жалование могла получать жена. Поскольку мужчина должен был содержать многодетную семью, то служилые занимались еще различными промыслами, торговлей, ремеслом, обработкой земли, где позволяли природные условия, что и составляло их главный доход².

В 1623–1625 гг. тобольский воевода Ю. Я. Сулешев ввел правило, согласно которому служилый, получая земельный участок, лишался всего хлебного довольствия или его части, в среднем из расчета 1 десятина пашни вместо 1 четверти ржи. Таким образом, на замену жалования приходилось 5–10 десятин земли. Если же десятин было больше, то в качестве налога взималась $\frac{1}{10} - \frac{1}{15}$ доля урожая. В 1706 г. в Сибири всех пашенных казаков сняли с довольствия независимо от количества занимаемой ими земли. Из-за этого в XVIII в. в среднем среди сибирских служилых только 20 % имело земельный участок, преобладали же казаки-ремесленники. Лишь в 1773 г. было велено каждому казаку нарезать по шесть десятин земли. По своему статусу казаки приравнивались к «однодворцам», то есть землевладельцам, не имеющим крепостных. С 1690-х гг. стали взимать десятину с торгов и промыслов самих служилых³.

3. Сбор ясака

У казаков было много обязанностей: в 1737 г. у якутских служилых насчитывалось 47 различных работ, из которых главными были сбор ясака и военные походы⁴. Ежегодно зимой казаки ходили за сбором ясака, лишь в 1764 г. этот сбор был передан в руки родовых старейшин, которые потом сдавали его русским властям в сборных пунктах.

¹ Жалование товарами: АИ. 1842. Т. V, № 31: 46–48; Леонтьева 1972: 10; выдача вином: АИИ, ф. 160, № 967, сст. 6–18; 20–30; 33–60; 62–92; 97–113; 116–148.

² Жена получает жалование: АИИ, ф. 160, № 886, сст. 442–443; промыслы: Вернадский 1915: 346–347; Никитин 1988: 167–191.

³ Указ Ю. Я. Сулешева: Сергеев 1983: 37; Никитин 1988: 149; 1706 г.: Леонтьева 1972: 11–13; земельные участки: Зуев 1999а: 96–97; ср.: Никитин 1988: 165 (в 1699 г. в Тобольске казаков, имеющих землю, было 40–50%); казаки-ремесленники: Леонтьева 1972: 16; 1773 г.: Слозцов 1886. Кн. 1: 172; приравнивание к однодворцам: Сергеев 1983: 33; десятина от служилых: Леонтьева 1972: 18; Александров, Покровский 1991: 105.

⁴ Элерт 1990: 87.

Ясак должно было платить все мужское местное население с 18 до 50 лет, а на Камчатке — даже младенцы (там еще в последней четверти XVIII в. мехами должна была покрываться сумма в 7 руб.). При нехватке соболя ясак могли принимать шкурами других пушных зверей, например рысей или лисиц: за одного соболя брали двух лисиц. В 1727 г. ясак разрешили платить деньгами. У ясачных замиренных «иноземцев» брали «складный» ясак согласно описи в книгах, а у не вполне замиренных — «нескладный», показывая при этом заложника и отдариваясь, стремясь получить как можно больше ясака. В качестве отдарков раздавали железные изделия и бисер, а с петровских времен также табак и сухари. Получив ясак, сборщики делали об этом запись в книге и давали расписку в получении. Постепенно, по мере объясачивания и умиротворения туземцев, нерегулируемый «нескладный» ясак становился нормированным «складным». В 1620-х гг. «ясачные иноземцы» в соответствии со своим имуществом были разделены на лучших, средних и худых, согласно чему и платили ясак¹. Если у местного жителя не было шкурок, то должника били, а в качестве уплаты забирали одежды из ценных мехов или даже членов семьи неплательщика. Сначала их брали в залог, если же долг не выплачивался, то оставляли навсегда. Ясак требовали за умерших, которые еще числились в ревизских сказках, а с наследников взимали недоборы отцов². Естественно, под видом добровольных подарков-поминков брали намного больше, чем причиталось: часть забирали себе, часть отдавали приказчикам, в общем — раза в три больше самого ясака³. Кроме того, брали продукты на прокорм аманатов (ягоды, юколу и прочее), не предусмотренные законом.

После сбора ясака казаки и пришедшие с ними промышленники и купцы имели право покупать у туземцев меха. Естественно, последние старались купить за самую мизерную цену, да еще обмануть продавцов при этом. Однако уже в 1639 г. последовал указ, запрещающий служилым торговать в ясачных областях после взимания ясака, но казаки продолжали вести мелкую торговлю на сумму от 50 коп. до 1 руб. Покупать рухлядь для казны не возбранялось, о чем делалась соответ-

¹ Ясак на Камчатке: Лессепс 1801. Ч. I: 133; Огородников 1922: 84; ясак пушиной: АИИ, ф. 160, № 787, сст. 61–63; № 793, сст. 117–118; № 1049, сст. 1–6; размер ясака: Бахрушин 1955: 58; Никитин 1987: 129; отдарки: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 112: 312; Nul... 1866. № 16: 3–4; Белов 1952. № 12: 60; Гурвич 1970: XL; разделение ясачных: Огородников 1922: 86.

² АИИ, ф. 160, № 788, сст. 45–46; № 813, сст. 119–120; № 1049, сст. 1–6.

³ Сгибнев 1869а: 117; Стеллер 1927: 18–19; ср.: Федорова 1984: 68.

ствующая пометка в документах¹. Казна при этом взимала десятину с промышленников как пошлину, а с торговцев как таможенный сбор².

Царская администрация, заботясь о своих налогоплательщиках и о планомерном поступлении доходов в казну, стремилась ограничить произвол, чинимый казаками при взимании ясака. Так, в памятной записке сыну боярскому Г. Пушину читаем (1679 г.): «А буде ясачные сборщики и промышленные люди, или кто иных чинов какие люди учнут чинить не против великого государя указу иноземцам какие обиды, и тем людям чинить наказание, бить кнутом нещадно, и писать в меньшие чины и оклады». Тем не менее на окраинах коррупционные действия были обычным явлением. В 1763 г. из 17 анадырских офицеров и унтер-офицеров под следствием «по грабежам и разорению верноподданных» находилось 15 человек³.

В общем, принятие в русское подданство знаменовалось двумя актами: сдачей дани-ясака и выдачей заложников-аманатов, которых прекратили обычно брать в 1769 г. С другой стороны, казаки должны были защищать ясачное население от нападений «немирных иноземцев». В целом в XVII в. около трети доходов казны России составляла сибирская торговля⁴.

4. Поход

Перед походом добывали информацию о местах, в которые казаки направлялись. Организатор похода просил воеводу выделить суда, пушки и оружие, а сам покупал недостающее, надеясь потом возместить убытки. Жалованье уходящим в поход также могло быть выплачено вперед. В состав отряда входили проводники и толмачи, в XVII в. — это обычно юкагиры. Анадырские служилые в 1680-х годах брали в собой в длительный поход на кочах своих жен с детьми

¹ Покупка мехов после ясака: Вернадский 1915: 346–347; указ 1639 г.: Александров, Покровский 1991: 105; ср.: Романов 1956: 26; Никитин 1988: 189; также ср.: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 25; в 1621 г. Ю. Я. Сулешев запретил торговлю и промыслы; покупка пушнины для казны (Васильев 1916. Т. I. Прил.: 43).

² Таможенный сбор: Ефимов 1951: 17; Гурвич 1970: XXXVI–XXXVII.

³ 1679 г.: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 3–3: 8; ср.: АИИ, ф. 160, № 788, сст. 2–3; 33–34; № 834, сст. 1–5; 1763 г.: Зуев 2009: 344.

⁴ 1764 г.: Стрелов 1916. № 55: 239–240; 1655 г.: Белов 1952. № 36: 124; ср.: Крашенинников 1949: 609; доходы казны: Ефимов 1951: 18; ср.: Окунь 1935: 3.

и наложниц¹. По местному обычаю, вероятно, для исполнения женских обязанностей. В летний период казаки в Сибири продвигались по рекам, тогда как конница, если она была, шла по берегу. Зимой продвигались по суше. Колымские казаки использовали собачьи нарты, которые могли проходить в день более 100 верст (107 км); камчатские ездили на упряжке из 4–5 кастрированных собак, запряженных цугом, по парам; анадырцы же использовали олени упряжки, запряженные двумя, а то и даже одним оленем². Оленей для этого еще в середине XVIII в. просто забирали у ясачных. При недостатке оленей служилые отправлялись из Анадырска на собачьих нартах, а то и пешком на лыжах³. В феврале 1731 г. капитан Д. И. Павлуцкий вывел из Анадырска 236 казаков, 280 коряков и юкагиров, воины ехали на оленьих нартах, имея полог для ночлега на 5–6 человек. Легкие пушки также возились на оленях. По местному обычаю, в экспедицию в качестве живой провизии гнали большое стадо оленей, взятых у коряков и юкагиров. Всего же для этого похода у местных жителей было изъято 3756 упряжных животных и 641 ездовой олень, которые, по обычаю, после похода не были возвращены владельцам, а розданы служилым с вычетом по 2 руб. за голову из жалованья⁴. За участие в походе воинов из сибирских народов расплачивались с ними товарами или освобождали от ясака на данный год⁵.

В суровых условиях Восточной Сибири, где поселения располагались очень далеко одно от другого, недостаток провианта и даже голод не были в походных условиях редкостью⁶. Так, во время похода Д. И. Павлуцкого 1744 г. на Чукотку, несмотря на то что оленей в экспедиции насчитывалось первоначально 5000, участники под конец

¹ Деятельность организатора похода: КПМГЯ. № 25: 64; Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34; жалованье авансом: АИИ, ф. 160, № 846, сст. 105–114; жены в походе: Полевой 2000: 138–139.

² Передвижение колымчан: ЭМ: 27–28; Рябков 1887: 13; камчатские упряжки: Лессепс 1801. Ч. I: 111; анадырцы: Шашков 1864: 74; Сгибнев 1869: 31; Дьячков 1893: 37.

³ Реквизия оленей: КПЦ. № 65: 169; Вдовин 1965: 117; походы из Анадырска: КПЦ. № 66: 172 (1747 г.); АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583–583 об.; Нефёдкин 2016а: 99 (1756 г.).

⁴ Шашков 1864: 68; Сгибнев 1869: 33; ср.: Nul... 1866. № 16: 4; Вдовин 1965: 117–118.

⁵ Протокол... 1888: 288; Вдовин 1973: 250.

⁶ Материалы по истории Якутии... 1970. Ч. III, № 3: 1073, 1075.

голодали. Поэтому особо отмечали как заслугу командира то, что от голода в экспедиции никто не умер¹.

Скорость передвижения войска в походе была невелика: отряд Д. И. Павлуцкого в 1731 г. двигался по Чукотке, проходя 10 верст (10,6 км) в день². Согласно чукотскому фольклору, представляющему обобщенный образ Якунина, последний ехал на нартах с верхом, а остальные шли пешком, по-видимому, обычно на лыжах³. По свидетельствам ветеранов, в 1744 г. Д. И. Павлуцкий ехал верхом на олене. По свидетельству Г. Майделя, в 1744 г. майор ехал на нартах, которые тянули четыре оленя, а остальные ратники ехали на санях, запряженных одним животным. Когда же наступило лето, во внутренней части Чукотки, где нельзя было передвигаться на судах, шли пешком, а «ружье и прочее несли на себе, имеющийся же шкарб везли на вьюшных оленях». На оленя навьючивали 1,5–2 пуда груза, то есть 24–32 кг⁴.

Прибыв на место, казаки располагались бивуаком; при размещении на открытой местности зимой устраивали укрепление из саней, а летом в XVIII в. ставили рогатки с караулами⁵.

Помня полученные наказания, служилые сначала старались привести туземцев «под руку царя», пользуясь своим часто неожиданным для них появлением и их растерянностью. Через толмачей требовали уплаты ясака, добываясь расположения местных жителей подарками. При необходимости казаки ставили острог, брали аманатов и приводили к присяге. После этого «иноземцы» считались покоренными. Самих же аманатов, представителей именитых родов, содержали под замком и показывали ясачным при уплате ими дани, они же служили гарантией безопасности сборщиков. Эти заложники должны были сменяться погодно⁶. Лишь в 1764 г. аманатство было в целом упразднено.

¹ КПЦ. № 62: 165; Вдовин 1965: 121–122; никто не умер в походе: КПЦ. № 59: 160.

² Миллер 1758: 406–407; Ефимов 1948: 225.

³ Павлуцкий: Богораз 1900. № 129: 338; Широков 1968: Рис. 8; пешие: КПМГЯ. № 185: 223; Берг 1949: 305; Васильев 1916. Т. I. Прил.: 23.

⁴ 1744 г.: Нефёдкин 2016а: 213; свидетельство: Майдель 1925: 23; цитата: Сгибнев 1869: 30.

⁵ Рогатки: Зуев 2007: 286; Нефёдкин 2015: 186; 2016а: 102, 140, 241; 2016б: 219–220.

⁶ Аманаты: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 42; Бахрушин 1955: 77.

В общем правительство требовало приводить «иноземцев» к покорности лаской¹. Но если туземцы сопротивлялись, то их просто убивали, а женщин и детей уводили в полон. Доставшуюся в таких случаях военную добычу казаки делили: часть отдавали в казну, часть — войску, а оставшееся забирали себе. Ясырей крестили, чтобы не возвращать назад язычниками².

Мир обычно продолжался недолго, с той и с другой стороны возникали обиды, приводившие к возобновлению борьбы³.

Из взятых ясырей и пленных у казаков оказывалось определенное количество холопов-рабов. Так, Г. В. Стеллер, говоря о камчатских казаках первой трети XVIII в., указывал: «У каждого казака было от 15 до 20 рабов, у некоторых даже от 50 до 60». Этих холопов они могли проигрывать в кабаках в карты, хотя в азарте игры служилые могли проиграть даже своих жен и детей. Впрочем, пленных могли возвращать родственникам за выкуп, как это делали, например, с якутскими полонянами⁴. Хотя уже в 1697 г. Петр I запретил насильственно закрепощать местных жителей, но этот указ вследствие удаленности территории не исполнялся, поэтому в 1733 г. последовал указ Анны Иоанновны, приказавшей отпустить ясачных рабов на волю⁵.

С обеих сторон случались эксцессы. Г. В. Стеллер отмечает, что в мае 1711 г. после нападения на Нижнекамчатск ительменов казаки, разогнав туземцев, взятых в плен засекли, а некоторых, обмазав жиром, бросили на съедение собакам. Последняя казнь явно навеяна представлениями ительменов о том, что быть съеденным собаками — счастье для человека, т. к. он сразу попадает в подземный мир, но так поступали с покойниками⁶. В чукотских сказаниях рассказывается об особой жестокости русского антигероя Якунина: взятых в плен мужчин ставили вниз головой и топором разрубали надвое, женщин рассекали пополам, сидящему мужчине привязывали пенис к шее, за-

¹ ДАИ. 1851. Т. IV, № 30: 72; 3-н 1861. № 100: 4; Протокол... 1888: 283, 288; Стрелов 1916. № 41: 131; Нефедова 1967: 27; Никитин 1999: 38.

² Добыча: Сгибнев 1869а: 117; Вернадский 1915: 351.

³ Недолгий мир: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34–35.

⁴ Камчатские холопы: Стеллер 1927: 20; проигрыш в карты: Берх 1823: 100; выкуп: Якутия... 1953: 285.

⁵ Гурвич 1970: XLVI; приказ 1733 г.: Окунь 1935: 8; 1935а: 47–48, 90.

⁶ Жестокость казаков: Стеллер 1927: 18; представления ительменов: ЭБ: 63; Стеллер 1927: 48, 67; Крашенинников 1949: 443. Чукчи также считали, что Д. И. Павлуцкий убивал людей на корм собакам (Богораз 1902а: 71).

тем били по спине, и когда он вскакивал, пенис отрывался¹. Чукчи с ужасом вспоминали, как казаки с живых сдирали кожу, поджаривали на небольшом огне, а беременным женщинам распарывали животы. Можно сомневаться, насколько сказания отражают реальность, но, очевидно, жестокость была с обеих сторон. Ведь, согласно тому же фольклору, сами чукчи поджаривали взятого ими в плен Якунина на костре и пихали ему в рот с него же срезанное и поджаренное мясо. Однако известно, что Д. И. Павлуцкий, который подчас сопоставляется с образом Якунина, пал в бою, а не был захвачен в плен. Как отметил Г. Майдель, уже в его время чукчи ничего не знали о сражениях, происходивших в их стране, подразумевая чисто историческую информацию. В целом в фольклоре чукчей образ казака стал образом лютого врага без каких-либо положительных черт².

5. Численность походных отрядов

Если обобщить, то в XVII в. численность казаков в отряде была несколько десятков человек, а в 1730–1750-х гг. — 2–4 сотни, к которым присоединялись местные союзники. Численность казачьих отрядов, покоривших Камчатку, была весьма незначительной: в 1696 г. В. В. Атласов имел 65 русских казаков и промышленников и 60 юкагиров; отряд пятидесятника О. Миронова насчитывал около 70 человек, П. Чирикова — примерно сотню, В. Щепетного — порядка 120 бойцов. В 1715 г. из Якутска на помощь Анадырску, которому угрожали юкагиры и коряки, направился отряд из 120 бойцов. В отряде А. Ф. Шестакова в 1730 г. насчитывалось примерно 150 человек, лишь 19 из которых были русскими. В 1741 г. карательный отряд прапорщика П. Левашова, посланный на штурм укрепления ительменов, состоял из 50 морских солдат и камчатских казаков³.

¹ Богораз 1900. № 128: 332; № 129: 333; № 146: 390; 1934: 171. Последняя пытка, вероятно, была все же чукотской и просто приписана русским, поскольку аналогичным образом пытали сибиряне одного жителя Уэйлса (Malaurie 1974: 141).

² Жестокость казаков: Народы России. 1874. № 2: 26; пленный Якунин: Богораз 1900. № 128: 33; ср.: № 146: 390; мнение: Майдель 1894: 517; местный фольклор о казаках: Кузьминых 1994: 32–39.

³ Численность казаков: Зуев 2007: 285; 1696 г.: Кирилов 1831: 100–101; 1715 г.: Nul... 1866. № 17: 3; 1730 г.: Сгибнев 1869: 14–15; 1741 г.: Крашенинников 1949: 633–634.

В целом в середине XVII в. несколько десятков служилых побеждали несколько сот туземных воинов. Так, в 1651 г. 54 россиянина сражались у устья реки Охоты против более чем 1000 эвенов разных родов, в 1655 г. на реке Ине 34 казака противостояли более чем полутысяче воинов того же народа. В 1707 г. вблизи Петропавловска около 800 ительменов напали на центр походного порядка примерно из 70 казаков во главе с И. Тиратиным, но были разбиты¹. Впрочем, возможно, казаки в своих «сказках» могли несколько преувеличить количество противников и тем самым приумножить значимость своей победы.

6. Вооружение

Казаки не знали строевой службы и не проходили военного обучения. Лишь в 1752 г. селенгинский комендант бригадир В. В. Якобий (1693–1769) приказал селенгинских и нерчинских казаков обучать по военным уставам; городских же казаков не обучали вплоть до 1835 г., хотя на смотры и учебные стрельбы их собирали. Прибывший в 1763 г. в Анадырск подполковник Ф. Плениснер в своем отчете отмечал, что в местной команде нет порядка и никаких воинских упражнений².

В XVII в. казаки получали огнестрельное оружие из государственной казны в остроге, однако часть оружия, в первую очередь холодное, была личным. В частности, за пищаль потом вычитали из жалования³. Выдавали пушки, пищали, порох, свинец, муку⁴. Верстанные в казаки по указам забирали мушкеты и пищали от выбывших со службы. При опасности нападения, кроме промышленников и гулящих людей, оружие из казны получали даже крестьяне⁵, которые по-

¹ Победа на туземцами: Степанов 1937: 222; ср.: Маныкин-Невструев 1883: 8, 16–38; 1651 и 1655 гг.: ДАИ. 1848. Т. III, № 86: 320; № 92: 833; Степанов 1937: 222; 1707 г.: Крашенинников 1949: 479.

² Обучение Якобия: Васильев 1916. Т. II: 76; обучение с 1835 г.: Маныкин-Невструев 1883: 56; смотры: История казачества... 1995: 44; сведения Ф. Плениснера: ААН, ф. 3, оп. 10, № 137, л. 180.

³ Выдача оружия: Багрин 2013: 199; сдача оружия после похода: АИИ, ф. 160, № 850, сст. 9; 25 (1684 г.); свое оружие: АИИ, ф. 160, № 851, сст. 25 (1684 г.); Сафронов 1978: 70; вычет за пищаль из жалования: АИИ, ф. 160, № 959, сст. 54–56; 130–131; 172–173 (1690 г.).

⁴ ДАИ. 1862. Т. VIII, № 101: 326; Крашенинников 1949: 476; Вернадский 1915: 333; ср.: АИ. 1842. Т. V, № 15: 25–26.

⁵ Получение оружия от отставников: ДАИ. 1859. Т. VII, № 74: 350; оружие крестьянам: АИИ, ф. 160, № 443, сст. 7 (1687 г.); № 844, сст. 7 (1684 г.); ДАИ. 1859. Т. VII, № 74: 356; 1867. Т. X, № 80-VIII: 364–365; ср.: Багрин 2013: 26–29.

сле кампании должны были сдавать вооружение обратно. Артиллерии в острогах было очень мало — даже в Якутске было лишь несколько орудий¹.

Часто казаки сами покупали для похода коней, сбрую, оружие, одежду и продовольствие, однако рассчитывали во время похода возместить расходы. Так, сын боярский Иван Ерастов прямо указывает, что для похода «кони, и оружия, и одежду, куяки и сбрую конную покупали» (после 1645 г.). Для такого полного снаряжения казака требовалось более 100 рублей. Поскольку такой суммы у простых служилых не было, то они залезали в долги в надежде после похода покрыть эту сумму выплатами из казны. Казацкая старшина, где позволяли географические условия, выступала в поход даже на двух конях².

Основным оружием казака была более легкая, нежели мушкет, пищаль с кремневым замком, а XVIII в. — фузея, из холодного оружия имелось копье или пальма. Холодное оружие, приобретаемое самими служилыми, было весьма пестрым: сабли, шпаги (в XVIII в.), топоры, саадаки с луком и стрелами. Нож также был непременным атрибутом оружия служилых. В частности, в Анадырске его носили под верхней неподпоясанной паркой³.

Характерной особенностью служилых Восточной Сибири в XVIII в. было наличие защитного вооружения, вышедшего из употребления к началу этого столетия в Европейской России: в 1730-х гг., по сообщению немецкого путешественника И. Г. Гмелина, его уже давно не использовали и в Южной Сибири. Такая заторможенность развития военного дела связана, естественно, с местными условиями: война велась с народами, которые использовали холодное оружие, огнестрельное же только осваивалось ими в XVIII в. (ительмены, коряки, юкагиры). «Немирным же иноземцам» государство запрещало продавать железное оружие. Это была традиционная политика царского правительства, которое, например, еще в 1675 г., с одной стороны, воспретило продавать оружие башкирам, калмыкам, китайцам и монголам,

¹ Об артиллерии Якутска: Багрин 2013: 138–141.

² Покупки казаков: Орлова 1951. № 32: 137; Белов 1952. № 19: 76; № 45: 148; № 72: 207; ср.: Nul... 1866. № 16: 4; рассказ И. Ерастова: Орлова 1951. № 32: 137; 100 рублей: Белов 1952. № 45: 148; долги: Белов 1952. № 19; два коня: Белов 1952. № 19: 76; № 45: 148.

³ Ножи анадырцев: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 583 об.; 585; Нефёдкин 2016а: 100, 104; о ножах вообще см.: Багрин 2013: 113–114; анадырцы: Нефёдкин 2016а: 198.

а с другой — наказало закупать у них в казну панцири¹. Впрочем, сами чукчи покупали или захватывали оружие у ясачных туземцев — коряков, эвенов, юкагиров.

Наиболее характерный набор защитного вооружения встречаем в документе от 1646 г., где говорится о том, что для похода из казны Верхотенского Братского острога выдали «куяки с наручи, и шеломы, и пансыри». Тут речь идет об обычном до конца XVII в. защитном вооружении: кольчатых русских доспехах и пластинчатых местных куюках. В Сибири обычно применяли куюки — согласно общему определению, доспех, в котором отдельные пластины закреплялись на подкладке. Вторым самым обычным видом доспеха был распространенный в европейской части России «пансырь» — рубашка из мелких колец, более легкая и удобная, чем кольчуга. И. Г. Гмелин же считал характерным для сибирских служилых доспех, состоящий из кольчуги и прикрепленных сверху пластин, — вероятно, бехтерец. Наличие же наручей у казаков упоминает и чукотский эпос².

В отписке анадырского приказчика якутскому воеводе (1708 г.) содержится просьба прислать служилых людей для войны с коряками: «Также людей к такому воинскому делу надобно искусных и одежных куяшников, а без куюков и без лушников в здешней стране одним огненным боем с ними, коряками, управливатца трудно, для того огненные бои они вызнали, на боях порядки не русские». В октябре 1752 г. сержант А. Игнатьев выделил из своего русско-эвенско-коряцкого подразделения 20 куяшников в качестве ударного отряда для штурма отрядыша. В общем, куюки были нужны для защиты от холодного оружия местного населения. Другая отписка анадырского приказчика поясняет причину нужды в доспехах (1709 г.): в столкновении у острожка служилые и тунгусы были без куюков, и коряки при вылазке переранили их копьями.

Стоит обратить внимание на то, что речь идет именно о куюках, т. е. пластинчатых доспехах, а не о простых кольчугах. Видимо, это не случайно. Композитный лук длиной 1,5–1,7 м — основное оружие наро-

¹ И. Гмелин: Зиннер 1968: 158; запрет продажи оружия: ДАИ. Т. VI, № 126: 375; Т. VII, № 71: 331; Кузнецов 1890. № 10: 24; Васильев 1916. Т. I. Прил.: 44.

² Цитата 1646 г.: ДАИ. 1848. Т. III, № 4: 26; Вернадский 1915: 333; панцирь: Богоявленский 1938: 265; Гордеев 1954: 79–95; Винклер 1992: 271. Рис. 351; Багрин 2011: 5; сведения И. Г. Гмелина см.: Зиннер 1968: 158; бехтерец: Винклер 1992: 271; куюк: Винклер 1992: 272. Рис. 356; Бобров 2006: 79, 81–82; наручи в чукотском эпосе у русских: Богораз 1900. № 146: 389; Нефёдкин 2016: 23; в общем о защитном вооружении русских: Бобров 2006; куюки и панцири: Багрин 2013: 125, 128.

дов Восточной Сибири — был достаточно туг, а стрелы у чукчей имели наконечники из кости, моржового клыка, камня, позднее — из железа. Однако можно полагать, что даже такие стрелы пробивали кольчугу. Так, испанцы во время завоевания Флориды (XVI в.) заставили пленного индейца выстрелить из своего лука по кольчуге с расстояния 150 шагов (примерно 105 м). В итоге тростниковая стрела с кремневым наконечником пробила кольчугу в два кольца. Вероятно, именно вследствие того что по своим защитным свойствам кольчуга уступала куяку, где сила удара распределялась по всей пластине, этому виду доспеха отдавалось предпочтение, когда, естественно, был выбор. Хотя и кольчатый доспех также широко применялся казаками, о чем можно судить по тому же чукотскому фольклору¹. Очевидно, это были те же «пансыри», т. е. кольчуги, имеющие мелкие кольца, которые были более распространены и легче, чем простые кольчуги.

В 1675 г. в Якутском остроге, по сообщению воеводы А. Барнешлева, у русских и «иноземцев» не было панцирей. Служилые должны были получать куяки, как и другое оружие, из казны. В том же документе читаем: «Якуты и тунгусы куяки... сами делают, и для твоих государевых служб у якутов в твою великого государя казну служилым людям куяки емлют». Юагиры также в качестве ясака поставили в 1650 г. «десять куяков якутских да четверы нарушны, шапку железную», 287 пластин «куяшных» и две большие пальмы. В 1678 г. охотские казаки просили себе на помощь у якутского воеводы 60 конных служилых в куяках, причем и лошадей, и доспехи русские взяли у ясачных якутов. Также воины получали куяки в качестве добычи. Таким образом, куяки имели местное происхождение. Однако не ясно, подвергались ли данные брони переделке в соответствии с русскими традициями или нет. Какие-то различия существовали между более распространенными куяками русских, якутов и эвенов. Так, опись казны в Индигирском остроге за 1650 г. отмечает четыре государевых куяка, «да государев же якутцкой куяк, а в нем 180 колец, да два государевых же панцыря да куяк ламутского дела». Якутские доспехи, по-видимому, отличались от эвенских, которые имели крылья, защищающие затылок и левую руку. Возможно, именно эти щиты упомянуты при пере-

¹ Цитата 1708 г.: ПСИ. Кн. 2, № 117: 477–478; ср.: КПМГЯ. № 188: 232; № 189: 234; отписка 1709 г.: ПСИ. Кн. 2, № 117: 487; ср.: Степанов 1959: 201; 1752 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 30 об.; композитный лук: Богораз 1991: 90; Антропова 1957: 191; кремневой наконечник пробивает кольчугу: Малинова, Малина 1988: 43; распределение удара ср.: Медведев 1966: 33; Горелик 1991: 4; кольчуга казаков: Богораз 1900. № 130: 334; № 146: 389.

числении элементов тунгусской паноплии в документе от 1678 г.¹ Подобное прикрытие затылка и рук имелось у ительменских, корякских, чукотских панцирей, а также у доспехов азиатских и островных эскимосов. Видимо, данное прикрытие не использовали служилые.

В XVIII в. служилые продолжали употреблять шлемы различных типов, использовавшихся в предшествующем столетии. У русских в XVII в. основными видами шлемов были шеломы с округлой, оканчивающейся небольшим острием тульей, не имеющие забрала, иногда с защитой для ушей; шишак со шпилем, оканчивающимся навершием, и железная шапка — каска с отогнутым нижним краем². Похоже, что употреблялись небольшие округлые шлемы с кольчужной бармицей, закрывающей также лицо, известные на Руси под названием «мисюрки». Ведь чукотское сказание называет шлем Якунина, имеющий защиту лица с прорезями для глаз, «котлом». По-видимому, речь идет о мисюрке, имевшей бармицу и кольчужную защиту для верха лица. В корякском же фольклоре так описывается вид шлема: «...шапки носят, как котлы наши». Очевидно, речь идет о «железной шапке», имевшей округлую тулью и потому похожей на перевернутый котел³.

О распространении защитного вооружения среди сибирских служилых известно немного. В уже упоминавшейся отписке якутского воеводы упоминается, что жители Якутска не имели у себя в собственности кольчуг, в то же время служилые обладали куяками: из 250 русских, которые, по словам казаков, готовились к покорению бунтовщиков-якутов, у 100 были куяки (1675 г.). Следовательно, 40% служилых имели доспех⁴.

Как отмечалось, основным оружием казаков было ружье (пищаль, позднее фузея). В 1653 г. солдат стрелял в бою 3–4 раза, а в длительном сражении делал 12 выстрелов. В XVIII в. скорострельность ружей оста-

¹ Сообщение 1675 г.: ДАИ. 1859. Т. VII, № 71: 331; получение куяков: КПМГЯ. № 189: 233–234; юкагирский ясак: Белов 1952. № 66: 194; якутские доспехи у россиян: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 158; местные куяки: ДАИ. 1859. Т. VII, № 3: 10, 36; КПЦ. № 42: 116; ср.: Антропова 1957: 219; опись 1650 г.: Белов 1952. № 67: 196; ср.: № 57: 172; КПМГЯ. № 39: 90; документ 1678 г.: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44-5: 158; ср.: Антропова 1957: 219; о ламутском доспехе: Nefödkin 2013: 17-18; Нефёдкин 2014: 108–110.

² Винклер 1992: 278–281; ср.: Стелов 1916. № 41: 132; Бобров 2006: 79.

³ Чукотский фольклор: Богораз 1900. № 128: 333; № 146: 390; Нефёдкин 2016: 23; мисюрка: Винклер 1992: 278. Рис. 371; корякский фольклор: Жуков 1974: 65; железная шапка ср.: Зиннер 1968: 158; о шлемах: Багрин 2013: 128.

⁴ ДАИ. 1859. Т. VII, № 3: 24. Е. А. Багрин (2013: 180), впрочем, отмечает, что в середине XVII в. среди якутских служилых лишь менее 10% имели доспехи.

валась небольшой, меткость еще меньшей. Гладкоствольное ружье делало один выстрел за 1–1,5 минуты на расстояние 150–200 м, тогда как из нарезного оружия стреляли один раз за 4–5 минут на 200–250 м (это дистанция для кавалерийского штуцера, который имел более короткий ствол и, соответственно, дальность выстрела была меньше, чем у пехотного). Как видим, нарезное оружие было дальнобойнее, но заряжалось дольше, поэтому использовалось в основном как охотничье оружие. Отметим, что в 1702 г. среди кузнецких служилых имели винтовки 50 % детей боярских и 33 % казаков (что было удобнее для верховой службы), а у тюменских пеших стрельцов лишь 7% было вооружено винтовальными пищальми. В Восточной Сибири, на дальней окраине Российской империи, использовались устаревшие образцы огнестрельного оружия. В общем, оно уступало луку как в меткости, так и в скорострельности. Ведь опытный лучник мог выпустить 10–12 стрел за минуту. Лучники-«иноземцы» в отличие от регулярных отрядов не соблюдали в бою линейного порядка, а действовали разреженной линией стрелков, в которую было сложнее попасть из ружья. Это давало дополнительное преимущество сибирянам. Поэтому без помощи лучников было трудно вести борьбу со стрелками. Лучников, способных на равных тягаться с местными, русские обычно набирали среди ясачных народов, выступавших союзниками казаков: юкагиров, коряков, ламутов, знавших местный способ боя. Да и сами казаки не пренебрегали этим традиционным оружием. Так, еще в последней трети XVII в. конные казаки использовали не только карабины, но и луки со стрелами. Карабин же, дальность стрельбы которого была 100–120 м, уступал луку и в прицельности, и в скорострельности, да еще и верхом его неудобно было использовать при стрельбе и перезаряжать. Поэтому сохранение у служилых, в частности всадников, лука и стрел объяснялось не только традицией, но и реальной боевой обстановкой¹.

О луке и стрелах, которыми были вооружены служилые, свидетельствуют находки. В Стадухинском остроге на Колыме было обнаружено три фрагмента лука: лук был сложносоставной трехчастный, обклеенный берестой, со вставками из оленьего рога. Некоторое представление о колчанном наборе казаков мы можем составить на основании находок на острове Фаддея, где были обнаружены стрелы, в первую

¹ Багрин, Зорин 2015: 129–139; скорострельность 1653 г.: Богоявленский 1938: 272; скорострельность: Маковская 1992: 81; 1702 г.: Маковская 1992: 67; использование луков XVII в.: ДАИ. 1859. Т. VII, № 3: 11; лук и стрелы: Медведев 1966: 34; ср.: Никитин 1987: 57.

очередь охотничьи, русских арктических мореплавателей XVII в. Они имели разнотипные железные, костяные или деревянные наконечники. Древки были тростниковые, камышовые, березовые, яблоневые, кедровые или кипарисовые с оперением из орлиных, лебединых или кречетовых перьев. 128 наконечников стрел было найдено в Алазейском и Стадухинском острогах, из которых лишь пять было железными черешковыми, а остальные — костяными восьми типов, включая четыре с костяной переходной втулкой. Для защиты от тетивы запястье левой руки мореходы с о. Фаддея прикрывали медным овальным щитком, тогда как алазейцы — прямоугольным из оленьего рога размером $7,5 \times 3,5$ см¹.

Конные дети боярские были вооружены не только пищалями или карабинами, но также саблями и луками. Для ближнего боя конные казаки были вооружены копьями. Копье же упоминается в чукотском фольклоре и в письменных источниках в качестве оружия пеших россиян в первой половине XVIII в. Пешие служилые умели фехтовать копьем. Более того, в 1751 г. во время боев с коряками солдаты и казаки из Анадырска оставляли штыки и шпаги в лагере, а в руки брали копья, с которыми им было сподручнее сражаться с противником².

Таким образом, вооружение казаков Восточной Сибири лишний раз показывает, как местные условия влияли на развитие вооружения. Ведь одним из основных факторов, влияющих на развитие тактики и вооружения, является способ ведения боя противником. В данном случае противник был вооружен преимущественно холодным оружием, против которого можно было эффективно использовать доспех. Ручное огнестрельное оружие было еще не столь эффективно, как позднее, и подчас уступало по своим боевым качествам луку, что способствовало дальнейшему использованию последнего служилыми. В 1730-х годах стандартными у анадырских казаков наряду с огнестрельным оружием были лук и стрелы с железными и костяными наконечниками. Комплекс вооружения служилых Анадырска в 1744 г. наглядно показывают трофеи, добытые чукчами у шести человек: они забрали

¹ Лук из Стадухинского острога: Алексеев 1996: 41; о. Фаддея: Руденко, Станкевич 1951: 97–102; Алазея и Стадухинский острог: Алексеев 1996: 42–43; защитные пластины из Алазеи: Алексеев 1996: 42. Табл. 59, 6–7.

² Сафронов 1978: 70; ДАИ. 1859. Т. VII, № 3: 11; чукотский фольклор: Богораз 1900. № 130: 334; ср.: Крашенинников 1949: 483; фехтование: Иванов 1954: Рис. 28, фиг. 29; Широков 1968: Рис. 7; поход 1751 г.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 23; Нефёдкин 2016а: 227.

четыре винтовки (включая одну турку), шесть луков и столько же копий. В 1752 г. у селенгинских и нерчинских казаков обычным оружием были палаш, шпага, лук и 30 стрел¹. Еще в 1837 г. реестр казаков, посланных на Анюйскую ярмарку, упоминает вооруженных как пищалями, так и луками. Впрочем, нельзя исключить, что луком были вооружены новокрещенные из сибирских народов, которые в первой половине XIX в. из-за дороговизны ружей и припасов к ним активно использовали лук и стрелы, ведь в «Уставе о сибирских городских казаках» (1822 г.) последним предписано вооружаться саблями, пистолетами и пиками².

В общем, сибирские казаки сохранили в XVIII в. старые московские традиции вооружения, которые у них не были прерваны петровскими преобразованиями. Для сравнения отметим, что в XVIII в. традиционное защитное вооружение из стали в сочетании с луком и стрелами еще достаточно широко применялось не только в Китае, Индии, Центральной Азии, Ближнем и Среднем Востоке, Африке, но и, например, у польских гусар.

7. Тактика полевого боя

Именно с государевыми людьми чукчи чаще других сибиряков сражались в открытом фронтальном столкновении. Подобная тактика диктовалась самим противником. В первой половине — середине XVIII в. россияне проводили длительные карательные акции, направленные на покорение «немирных» чукчей. У служилых не было конницы — природные условия не позволяли ее использовать. Карательный отряд обычно состоял из нескольких десятков казаков и солдат, вооруженных огнестрельным оружием, и нескольких сотен туземных союзников (юкагиров, коряков, эвенов), в основном с холодным оружием. Эти отряды вели наступательные действия, громя чукотские стойбища, убивая мужчин, угоняя оленей, уводя в плен женщин и детей, налагая ясак на покорившихся, — типичная картина колониальной войны. Во время эпидемии оспы в Анадырске отпустили инфицированного пленного чукчу домой, чтобы он перенес эпидемию к своим,

¹ 1730-е гг.: РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 2, д. 3, л. 11 об.; Нефёдкин 2016а: 198; 1744 г.: РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 73 об.; Нефёдкин 2016а: 123; 1752 г.: Васильев 1916. Т. II: 76.

² Вооружение казаков на Анюйской ярмарке: Богораз 1934: 52; ср.: Берх 1823: 100; устав 1822 г.: Сафронов 1978: 71.

что и произошло: умерло и множество его сородичей¹. Как это напоминает зараженные одеяла американцев, подбрасываемые индейцам! В общем, в определенной мере это была стратегия выжженной земли. Если в войне против инков или даже ацтеков испанцам достаточно было захватить правителя, чтобы повернуть ход операции в своих интересах, то с обществом, живущим патриархальными семьями, где не было даже развитой родовой организации, такой прием не удавался. Чукчи, даже давая аманатов, отказывались платить под них ясак, поскольку заложники считались ими уже потерянными, будто бы утонувшими².

Поскольку охранение у россиян было организовано хорошо, то обычный способ нападения чукчей на своего непримиримого врага — внезапное нападение на не ожидающего атаки противника — в основном не срабатывал. Засады были более эффективны, но не всегда успешны. Поскольку карательные экспедиции были продолжительными, то чукчи имели достаточно времени договориться о совместных действиях, поэтому они успевали собрать огромные для них по численности войска, ведь самые большие отряды чукчи собирали именно для борьбы с русскими. Однако при фронтальных столкновениях сказывалось превосходство огнестрельного оружия, ведь «по их названию русская галанка или солдатская фузея преимущественно пробивает все их куяки или панцири усовы, и рыбы кости не помогают». Согласно челобитной служилых Верхоленского острога (1646 г.), их худые пищали не пробивали бурятских куяков, но «нарочитые [отличные. — А. Н.] пищали» делали это. Служилые строились в одну или несколько шеренг для увеличения эффективности стрельбы. В первом сражении с чукчами в июне 1731 г. капитан Д. И. Павлуцкий, согласно казачьей «сказке» 1772 г., построил «команду в парад так обыкновенно, как и в России на сражениях бывает», отвергнув совет казачьего сотника В. Шипицына поставить служилых на расстоянии полторы сажени (ок. 3 м) друг от друга, чтобы не дать возможности более многочисленному врагу окружить их. Такой «рассыпной» строй, по мнению военного историка А. П. Васильева, был типичен для сибирских казаков³. На флангах россиян обычно располагались

¹ АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 104. К. Мерк (1978: 136–137) отмечает, что оспа свирепствовала среди оседлых чукчей лишь однажды в начале 1730 г., когда они прибыли на оленнюю охоту на Анадырь.

² ДАИ. 1857. Т. 6, № 136: 407; КПЦ. № 57: 156–157.

³ Цитата капрала Г. Шейкина о русской галанке: АИИ, ф. 36, оп. 1, № 643, л. 585; Нефёдкин 2015: 187; 2016а: 104; ср.: Вдовин 1965: 37; 1646 г.: КПМГЯ.

сибирские союзники. Цель огненного боя состояла в том, чтобы нанести наибольший урон противнику и не допустить последнего к рукопашной схватке, в которой чукчи могли использовать свое численное превосходство. Ведь наступающей стороной обычно были чукчи. В ближнем бою чукчи — индивидуальные воины, благодаря постоянным тренировкам весьма искусные в фехтовании копьем, превосходили не только казаков с их сабельным и копейным боем и солдат с их штыковым боем, но и своих соседей оленных коряков. Опорой боевого порядка россиянам служил обоз, составленный из нарт, где при неблагоприятном исходе можно было укрыться и обороняться от чукчей, которые не умели вести осаду. В XVII в. при необходимости принять полевой бой около обоза или у судов обычно оставалась большая часть отряда, служа резервом, тогда как примерно треть служилых шла в сражение. При значительном превосходстве противника служилые могли обороняться, стреляя из такого острожка¹.

Теперь обратимся к описанию конкретных сражений, которые покажут нам тактику противников. Для нас представляет интерес описание сражения в 1702 г., когда в бой против 130 россиян и их союзников, юкагиров и коряков, вступили более 3000 оленных и оседлых чукчей. Сражение шло с утра до вечера, и многие из чукчей были «побиты», россияне же потеряли ранеными 70 служилых и их союзников-юкагиров. В. С. Богораз справедливо отмечает, что количество чукотских воинов преувеличено, впрочем, такое преувеличение сил противника — явление, характерное для всех времен и народов. Отметим, что о своих потерях информант, казак Т. Даурцов, скромно умалчивает, отмечая лишь раненых, а о враге говорит в общих чертах: они потеряли многих. Между тем такие непропорциональные потери не выглядят фантастическими. Бой длился весь день. Как заметил немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц, «рукопашный бой фактически не имеет никакой длительности»². Вспомним, что различные документы второй половины XVII–XVIII в. в один голос утверждают: «...а у чюхоч лучной бой...»³. Следовательно, сами противники чук-

№ 188: 232; рассыпной строй: Зуев 2001: 24; 2007: 292; Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34.

¹ Обоз — опора боевого порядка: КПЦ. № 65: 170; разделение отряда: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 34; оборона из острожка: Зуев 2007: 289.

² 1702 г.: ПСИ. Кн. 2, № 122: 525–526; Мнение: Богораз 1934: 44; цитата: Клаузевиц 1941: 431–432.

³ ДАИ. Т. 6, № 136: 407 (1676 г.); ср.: ПСИ. Кн. 2, № 122: 524–525, bis (1710 г.); КПЦ. № 57: 157 (1711); также см.: Вдовин 1965: 37–38.

чей считали, что основным видом боя у чукчей является бой с помощью лука, перестрелка. Поэтому, очевидно, первоначально чукчи не стремились завязать рукопашную схватку с россиянами. Кроме того, нельзя не учитывать и того, что чукчи боялись русских, силы их огненного боя и вида железных доспехов¹. От этого страха, поразившего чукчей, и от особенностей ведения ими боя возникло и само название русских: «огненные [огнивные] враги» или «люди, одетые в железо»². Следовательно, в бою в 1702 г. россияне, скорее всего, имели раненных стрелами, тогда как чукчи были убиты из ружей. Вечером же «отошли те чукчи и стояли вблизи». Россияне, очевидно, отсиживались в лагере, из-за численного превосходства врага боясь произвести вылазку или выйти на бой. Пять дней стояли чукчи у русского стана, ничего не предпринимая, после чего русские ретировались в Анадырск.

В источниках мы находим два полевых сражения чукчей с российскими отрядами, которые достаточно подробно описаны, чтобы составить некоторое представление о тактике той и другой стороны в бою в первой половине XVIII в. — это сражения на реках Егаче (1730 г.) и Орловой (1747 г.). Оба этих боя, закончившиеся гибелью предводителей экспедиционных отрядов — казачьего головы А. Ф. Шестакова и майора Д. И. Павлуцкого, достаточно подробно освещены в документах.

На основании материалов из архивов Сибири историк А. С. Сгибнев составил описание последнего боя отряда А. Ф. Шестакова с чукчами на реке Егаче, впадающей в Пенженскую губу между реками Парень и Пенжиной, 14 марта 1730 г. Поскольку это не прямой первоисточник, то автор местами мог вносить свое понимание событий, однако все описание с военной точки зрения не вызывает сомнений и согласуется с другими свидетельствами. Само описание сражения явно базируется на донесении трех «пеших тунгусов» (эвенов) — участников битвы, которые дали показания в Охотске 23 мая 1730 г. Ведь сам историк упоминает о работе с данным документом³.

Экспедиция якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова была послана правительством Екатерины I для «призывания» в подданство

¹ Богораз 1900. № 130: 334; Нефёдкин 2016: 25.

² Мерк 1978: 100; Литке 1948: 221; Богораз 1919: 55; ср.: Стеллер 1927: 14 (ительмены); Линденау 1983: 103 (коряки); «люди, одетые в железо»: Богораз 1900. № 130: 334; № 146: 389–390; Нефёдкин 2016: 23–25.

³ Сгибнев 1869: 15–17 (ссылки на описание тунгусов — с. 16–17); ср.: ААН, ф. 21, оп. 4, № 33, л. 254–255 об.; Майдель 1894: 544; Слюнин 1900. Т. I: 40–41; Вдовин 1965: 117; Нефёдкин 2016а: 25–28; 2016б: 149–155.

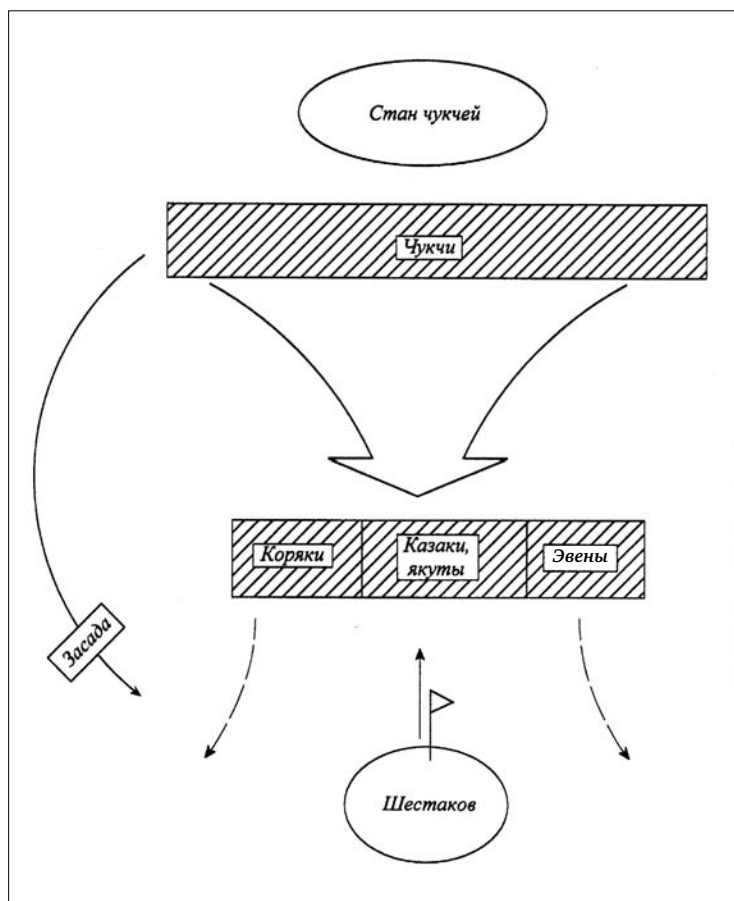

Схема сражения на р. Егаче 14 марта 1730 г. между отрядом А. Ф. Шестакова и чукчами. Выполнена А. В. Сильновым

«немирных» чукчей и коряков и открытия новых земель на востоке (1727–1730 гг.)¹. Отряд головы из Якутска дошел до Охотска по суше, но, выйдя оттуда по морю, потерпел кораблекрушение и далее направился по суше из Тауйского острога в Анадырь, по пути заставляя оседлых коряков платить ясак. Если же последние отказывались давать дань, то целые семьи сжигались в их жилищах. Узнав об угрозе нападения чукчей, А. Ф. Шестаков оставил казну в укреплении из санок у реки Тылка, а сам примерно со 150 бойцами, из которых 21 был русским, отправился вперед и у реки Егачи наткнулся на чукчей². По-

¹ КПЦ. № 60: 160; Зуев 2002: 56–63.

² Согласно Г. Майделю (1894: 544), в отряде было 23 казака, из них 5 анадырских, 48 тунгусов, 20–30 коряков, 13 ламутов и 10 якутов, то есть всего

следние производили очередной набег на коряков, но случайно встретили русских. Численность чукчей не ясна, но их было значительно больше¹. Хотя командиры предлагали А. Ф. Шестакову напасть на чукчей ночью, но голова глубоко заснул, а будить его, опасаясь крутого нрава, не осмелились. Поэтому бой произошел на следующий день у сопки недалеко от реки. «Сойдясь на близкое расстояние, та и другая сторона начали готовиться к бою. Русские и инородцы надели куяки и шишаки, а чукчи свои костяные куяки. Шестаков построил на правой руке тунгусов пеших, оленных и тауйских, на левой коряк оленных и тауйских, а в центре поставил русских и якутов. Сам же, с переводчиком Тайбутом, поместился позади своего отряда, в острожке из санок, который устроен был во время переодевания и размещения людей.

Сражение началось без всяких предварительных переговоров. Русские сделали залп из ружей, на который чукчи отвечали градом стрел; раненные повалились с обеих сторон. Не давая времени вторично зарядить ружья, чукчи кинулись массой на русских и смяли их. Левое крыло не выдержало натиска, и коряки, ища спасения в бегстве, попали в засаду. Бросившиеся из нее чукчи легко разметали коряк и пошли на острожек. Правое крыло билось также недолго, хотя и было и одето, и вооружено лучше других. Заметив гибель левого крыла, тунгусы бросились в беспорядке в бегство, не думая подать помощь русским. При окончательном бегстве союзных инородцев, остались одни казаки. Шестаков, видя гибель товарищей, не вытерпел — выскочил из острожка выручать своих и побил много неприятелей; но стрела, пущенная меткою рукою, поразила его в самое горло и заставила спасаться. Выдернув стрелу, Шестаков бросился на первые попавшиеся санки, но, к несчастью, они были чукотские, и олень завез его в середину неприятелей, где четверо чукок кинулись на Шестакова и закололи его копьями. Переводчик, свидетель смерти головы, успел убежать и, догнав союзников, которым чукчи не препятствовали отступать, объявил им, что Большого не стало».

По данному описанию мы можем выявить характерные черты тактики обеих сторон. Подойдя друг к другу на обозримое расстояние, войска стали снаряжаться для боя. Судя по тексту, защитное вооружение было распространено как среди русских, так и среди местных эт-

114–124 воина. Н. В. Слюнин (1900. Т. II: 6, примеч. 3) полагает, что в 1729 г. у А. Ф. Шестакова было в отряде 13 казаков, 48 пеших тунгусов, 30 оленных ламутов, 10 тауйских якутов.

¹ Как заявляет А. С. Зуев (2002: 63), «по некоторым данным» (каким?), чукчей было до 2000.

носов. Во время этого одевания русские, по своему обычаю, поставили «вагенбург» — это традиция еще с XVII в., согласно которой русские войска создавали гуляй-город из обозных телег, тогда как в условиях Сибири этот вагенбург трансформировался в укрепление из подручных обозных саней. Далее стали строиться. В центре армии А. Ф. Шестаков по традиции поставил наиболее надежные части: казаков и якутов, опиравшихся тылом на «вагенбург». На левом фланге находились коряки, вооружение которых вряд ли существенно отличалось от снаряжения их противников¹. Правое крыло часто оказывалось сильнее левого, поскольку людям, обычно правшам, тут сражаться сподручнее. Вряд ли речь идет о вооружении эвенков огнестрельным оружием, поскольку существовал запрет на его продажу, а еще в 1770 г. А. Бриль отмечал, что оленные тунгусы боятся брать в руки огнестрельное оружие. Вероятно, речь шла о защитном вооружении: кюках, шлемах, наручах, которые часто упоминаются в документах². Также в описании отмечается добротная одежда тунгусов, вероятно, имея в виду красивый распахной кафтан³. А. Ф. Шестаков со знаменем находился в «острожке» из саней, откуда он с помощью переводчика-коряка Чайнбуги руководил войсками. Совершенно ясно, что линия отряда не была очень растянутой, раз из одного места в центре можно было командовать всеми.

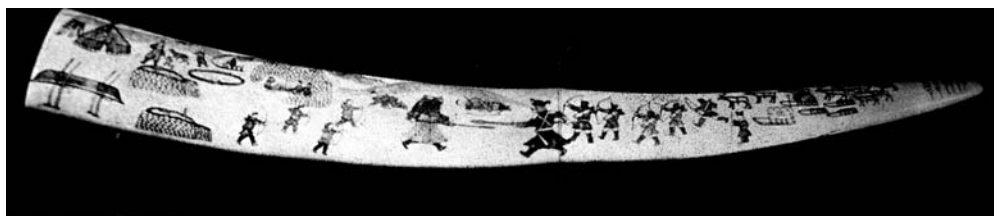
О построении чукчей ничего не сообщается, но, судя по тексту, воспользовавшись ночью, они сделали засаду за левым флангом войска противника или же, воспользовавшись большей протяженностью по фронту, просто зашли в тыл корякам.

Сражение началось сразу, без положенного, согласно правительственной политике, призыва «немирных иноземцев» в ясачный платеж и признание тем самым над ними российской власти. Бой начался традиционно: перестрелкой, от которой обычно было много раненых, но мало убитых. Чукчи, не дав русским перезарядить ружья и выстрелить повторно (в копии подлинника — «выстрели все же дважды»), пошли в атаку, решив использовать свое численное превосходство и мастерство индивидуальных воинов. Вероятно, по всей линии фронта стали переходить в рукопашную — у чукчей это обычно фехтование на ко-

¹ См.: Иохельсон 1997: 99–102.

² ДАИ. 1848. Т. III, № 87: 324; № 92: 833; 1859. Т. VII, № 71: 331; 1862. Т. VIII, № 44-5: 158; Белов 1952. № 67: 196; запрет на продажу оружия: Миддендорф 1869. Отд. 5: 596; ср.: ДАИ. 1859. Т. VII, № 71: 331; тунгусы боятся огнестрельного оружия: Бриль 1792: 378; Калачов 1871: 43.

³ Слюнин 1900. Т. I: 368–369.

Иттель из Нунямо (1898–1956). Поход Павлуцкого, гравировка по моржовому клыку (1936 г.). В центре представлен поединок Павлуцкого с чукотским богатырем из приморского поселка. Воспроизведено по: Широков 1968: рис. 7

пьях. Первыми дрогнули коряки. Хотя в целом не ясно, была ли рукопашная между чукчами и коряками или коряки сразу пустились в бегство. Увидев отходящих коряков, чукчи выскочили из засады (в самом документе этот эпизод отсутствует) и с двух сторон окончательно разгромили противника, после чего направились к «вагенбургу» против А. Ф. Шестакова. Правый фланг также сопротивлялся недолго, увидев, что левый бежит. Бой шел в центре, где сражались русские и якуты, на помощь выскочил и голова, которого, по-видимому, окружили враги. Сопrotивляющихся, видимо, чукчи брали в кольцо. В ходе рукопашной стрела попала А. Ф. Шестакову в шею. Он, выдернув стрелу, хотел спастись бегством и влез на первые попавшиеся олени нарты, однако силы его, по-видимому, иссякали, и он не смог управлять оленьими нартами, которые привезли его к хозяину. Причем в тексте говорится только об одном олене, тогда как в обычной ездовой чукотской нарте было два оленя, что ясно говорит о том, что нарты были грузовыми. Хозяин нарты вместе с тремя другими воинами заколол Шестакова. Чукчи не преследовали разбитых врагов. Всего был убит 31 человек: сам А. Ф. Шестаков, якутский дворянин Б. Жертин, 9 казаков, столько же якутов и 11 прочих; чукчи захватили в острожке знамя, 12 фузей, 3 винтовки, 12 ручных гранат, 12 железных куяков¹. В следующем году во время своего первого похода против чукчей Д. И. Павлуцкий отбил часть этой добычи.

На примере данного сражения мы видим особенности построения и тактики обеих сторон. Россияне строились в обычный линейный порядок: сами располагались в середине, а союзники — на флангах. При этом расчет делался на силу ружейного огня и тем самым отраже-

¹ Сгибнев 1869: 16. По другим данным, погибло 11 русских, 11 эвенков, 6 якутов, 1 коряк (Гольденберг 1984: 72). А. С. Зуев (2002: 63; 2009: 68) полагает, что погибло 10 служилых, 6 якутов, 11 эвенков, 1 новокрещенный коряк.

ние атаки неприятеля. Ведь из-за значительного численного перевеса противника тактика отряда А. Ф. Шестакова должна была быть оборонительной. Чукчи же использовали приемы боя, которые вырабатывались у них в борьбе с русскими: во-первых, окружить противника, в данном случае, возможно, путем засады; во-вторых, не дать врагу использовать свое преимущество (если такое было) от огнестрельного оружия и скорее перейти к рукопашному бою, где можно использовать свое как численное, так и физическое превосходство¹; и, наконец, в-третьих, не преследовать врага, избегая тем самым лишних потерь.

Другим достаточно хорошо известным сражением русских с чукчами является бой на реке Орловой 14 марта 1747 г. Сражение освещено в источниках с разных сторон. Официальные рапорты о смерти майора, естественно, показывают бой с точки зрения российской стороны, представляя факты в выгодном для нее свете. Несколько дополняет сухие отчеты информация работавших с документами сибирских архивов А. С. Сгибнева, П. А. Слоцова и Г. Л. Майделя. Подробности о гибели майора можно найти даже в преданиях колымчан, марковцев и анадырцев. И наконец, чукотскую точку зрения на эти события мы можем видеть в ряде фольклорных сказаний о Якунине, по-разному трактовавших гибель этого антигероя².

Итак, 12 марта ясачные коряки, которых должны были защищать как своих подданных русские власти, пожаловались коменданту Анадырской крепости майору Д. И. Павлуцкому на чукчей, которые в тот день угнали у них и у казаков семь табунов оленей и захватили в плен восемь человек³. Д. И. Павлуцкий бросился в погоню, не дожидаясь подхода подкреплений. Он собрал служилых и казаков, всего — 97 человек, в том числе четверо казачьих детей, один колымский служилый, двое посадских. Они отправились вперед на собачьих нартах и оленях. Также в походе приняли участие 35 оленных коряков, которые, соответственно, и ехали на оленьих нартах. Позади на лыжах шли 202 солдата и казака под командованием сотника А. Котковского, неся на себе оружие и везя нарты. Для охраны Анадырска осталось 53 человека.

¹ Ср.: Две записки... 1873: 362; Окунь 1935а: 78; Зуев 2009: 220.

² Документы: КПЦ. № 65–66; Сгибнев 1869а: 59; Слоцов 1886. Кн. 1: 253–254; Майдель 1894: 560; предания чуванцев и колымчан: Майдель 1925: 23–24; Олександрович 1884. № 11: 295; Дьячков 1893: 37–39; Нефёдкин 2016: 303–308, 324–325; чукотский фольклор: Богораз 1900. № 127–129, 146; Меновщиков 1958: 156–158.

³ КПЦ. № 65-1: 169.

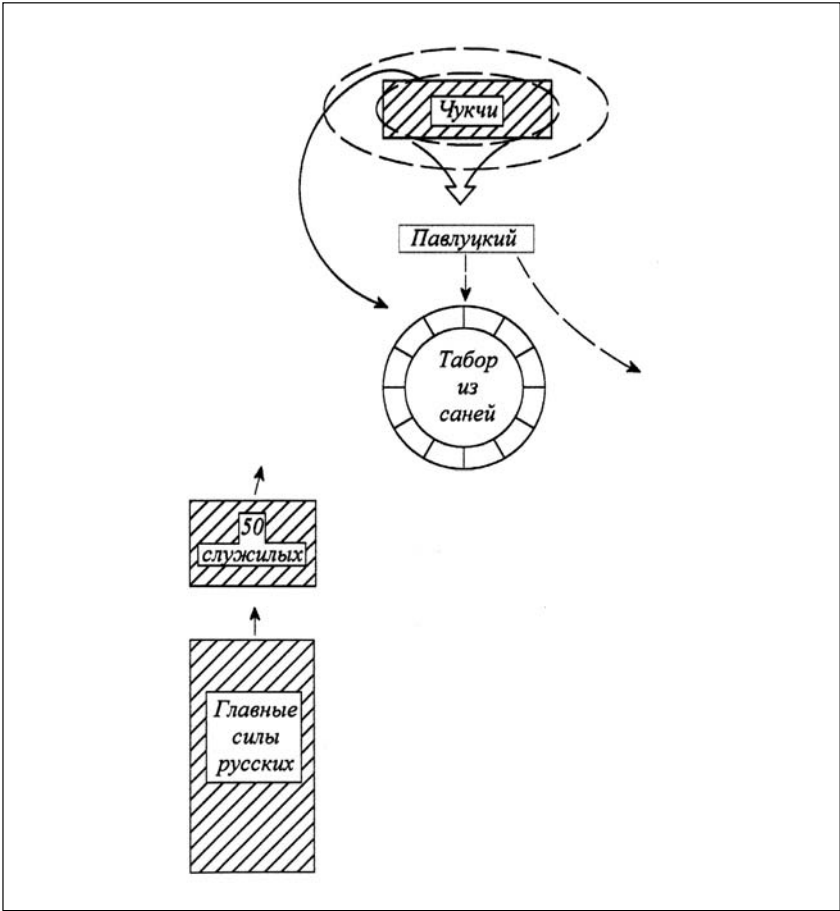

Схема сражения на р. Орловой 14 марта 1747 г. между отрядом Д. И. Павлуцкого и чукчей. Выполнена А. В. Сильновым

Утром 14 марта авангардный отряд майора догнал чукчей. Последние, в количестве около 500 человек, расположились на возвышенности. Майор собрал совет. Есаул П. Модин предложил стать табором, огородившись нартами, и ждать остальную команду, тогда как сотник С. Кривогорницын посоветовал напасть на чукчей немедленно, пока они сконцентрированы в одном месте и не разбрелись по окрестностям. Д. И. Павлуцкий, последовав второму совету, отдал приказ начать бой. В показании ясачных коряков от 17 марта 1747 г. так описываются последующие события: «И как они, неприятели, рассмотрели, что малоллюдно, едва через великую возможность дали

выпалить из ружей один раз и то не всем, бросились вдруг на копья и не дали никакой исправы, стали побивать наше войско и много ружей отбили». Рапорт А. Котковского в иркутскую канцелярию от 3 апреля 1747 г. описывает ситуацию с русской точки зрения: «...а больше и ружей заправить было некогда, понеже пошли неприятели чюкчи на копьях, так же и они [казаки] насупротив их, неприятелей чюкоч, пошли на копьях же и бились с ними не малое время... они, неприятели, у служилых и служилые у них друг у друга отнимали из рук копья, а протчие служилые, у которых отбиты были ружья, оборонялись и ножами». Сам майор храбро сражался. Согласно преданиям анадырцев, он дрался, держа саблю в правой руке, а ствол от ружья — в левой. Часть «чукчей, обойдя сопку, явилась с тыла». Чтобы не подвергнуться окружению, коряки и русские стали быстро отступать, а некоторые — на оленях спастись бегством. Далее, по свидетельству коряков: «...достальные служилые, также и мы, стали отбиватца отходным боем и тогда с нашей стороны много ранено служилых и до смерти побито, также и коряк много ж убито, затем что по вступлении с неприятелями в баталию отбито у служилых ружей, а у коряк луков, и отбивались тем отходным боем с оставшимися с нами служилыми до своего осадного коряцкого острогу, который был из наших возовых санок, с великим трудом». Только при отходе было ранено 13 служилых и 15 коряков. Чукчи преследовали отступавших до «вагенбурга» из санок, но, увидев спешащее на помощь русским подкрепление (около 50 человек), отступили. Сам майор также отступал с немногими оставшимися с ним. «Чукча, попавший в плен чуванцев, следующим образом описывал кончину майора. После побега изменников чукчи долго не могли убить Павлуцкого, потому что он носил панцирь. Чукчи долгое время стреляли в него из луков и кололи копьями, а все-таки не могли его ранить; наконец, обступив его, как волки оленя, запутали ремнями, уронив на землю, и нашли место заколоть, под самым подбородком»¹. Г. Майдель приводит еще некоторые подробности, которые также рассказали чукчи чуванцам: майор трижды нападал на врагов, однако чукчи не могли его ранить, поскольку он был в кольчуге и шлеме. Затем его свалили арканами и стали душить, «тут он сам открыл железный нагрудник

¹ Совет Д. И. Павлуцкого: Словцов 1886. Кн. 1: 253–254; Зуев 2007: 288; первая цитата 1747 г.: КПЦ. № 65-2: 169; вторая цитата: КПЦ. № 66: 173–174; анадырское предание: Майдель 1925: 24; цитата о выходе чукчей в тыл: Словцов 1886. Кн. 1: 254; цитата об острожке: КПЦ. № 65-3: 170; рассказ-цитата пленного чукчи: Дьячков 1893: 39.

и ударом копья кончилось дело». Об этом же рассказывает и предание колымчан, согласно которому майор расстегнул ворот кольчуги. Согласно чукотским сказаниям, майор сначала был ранен стрелой в глаз, а затем добит или же, после данного ранения, его взяли в плен и замучили в отместку за страдания, причиненные чукчам¹. В данном случае это просто фольклорный сюжет, основанный на обычае подобного бесчеловечного обращения с пленным военачальником. Существовало и предание о том, что чукчи, отрезав майору голову, берегли ее как реликвию, а жители Нижнеколымска верили, что чукчи разрезали тело майора на куски, засушили их и хранили как память. Совершенно верно образное замечание И. В. Шкловского о характере преданий о Д. И. Павлуцком: «Этот капитан — самый популярный герой на крайнем северо-востоке Сибири. Он местный Роланд»².

Когда авангард основного отряда русских, шедших за майором, встретил беглецов, которые сообщили, что майор убит, поэтому не надо спешить³. На поле боя они пришли на следующий день и обнаружили там тело майора без шлема и панциря. Последние были взяты чукчами в качестве трофеев. Всего чукчи захватили одного служилого, знамя, пушку, барабан, 40 ружей, 51 копье, множество оленей. В бою было убито 32 служилых, 11 коряков и 8 начальных людей, в том числе и сам майор⁴. В 1870 г. чукотский эрем отдал колымскому исправнику Г. Майделю трофейную кольчугу майора, которая досталась эрему от деда⁵.

Итак, майор допустил три тактические ошибки. Во-первых, он не подождал основной части своего отряда и вступил в бой лишь со своим авангардом; во-вторых, для боя была выбрана неблагоприят-

¹ Майдель 1925: 24; колымское предание: Олыксандрович 1884. № 11: 295; ранение в глаз в чукотском сказании: Богораз 1900. № 127: 332; ср.: Меновщиков 1958: 157; мучения: Богораз 1900. № 128: 333; № 129: 334; № 146: 390; про: Тан-Богораз 1930: 64.

² Голова майора: Сгибнев 1869: 34; 1869а. № 5: 59; разрезание тела на куски: Олыксандрович 1884. № 11: 295; замечание см.: Шкловский 1892: 99.

³ Согласно нижнеколымскому преданию, колымчане спешили на помощь майору, но встретившиеся им казаки, шедшие от Д. И. Павлуцкого (Березкин и Кривогорницын), велели им не торопиться, посему и помощь запоздала (Олыксандрович 1884. № II: 295; Богораз 1902: 148; 1902а: 71). В чуванском предании вместо русских-колымчан на помощь не успели сами чуванцы (Дьячков 1893: 37–38; Нефёдкин 2016а: 304, 306–307).

⁴ КПЦ. № 66: 173; Вдовин 1965: 123; Зуев 2009: 127.

⁵ Майдель 1894: 264; Нейман 1871. Т. I: 18; Олыксандрович 1884. № 11: 295.

ная позиция: враг находился наверху, а он — внизу; в-третьих, отряд был оторван от «вагенбурга», который мог бы прикрыть его тыл. Возможно, все это объяснялось как самоуверенностью, так и излишней поспешностью.

В общем, оставив позади себя в тылу «вагенбург» из корякских нарт, майор двинулся вперед на сближение с неприятелем. Какова была диспозиция, не ясно. Вероятно, русские успели развернуться в линию. Казаки были вооружены ружьями и копьями, причем, судя по сообщению А. Котковского, некоторые служилые носили еще и ножи. Коряки имели свое обычное оружие, в первую очередь луки.

Чукчи действовали весьма умело. Они воспользовались своим почти пятикратным численным превосходством и выгодным тактическим расположением на возвышенности. Дав возможность русским выстрелить только раз, чукчи кинулись с возвышенности в рукопашную, увеличив силу своего натиска быстрым спуском с холма. В ближнем бою они могли эффективно воспользоваться как численным перевесом, так и своим фехтовальным мастерством. Ведь еще К. Мерк заметил о поведении чукчей: «Эти мужчины храбры, когда им противостоит масса, меньше боятся смерти, чем трусости». Бой стал представлять собой фехтование на копьях. Вероятно, русские казаки также умели достаточно искусно сражаться копьями, ведь чукотское искусство XX в. показывает, как чукчи сражаются с русскими на копьях. Копье держали двумя руками: правая рука, сжимавшая древко у заднего конца, была согнута в локте, она направляла удар, левая рука держала древко у середины, корректируя удар. Стойка бойца при этом была левосторонней. В бою старались вырвать, выбить или сломать копье противника, чтобы оставить его без оружия. Причем умели фехтовать на копьях как сами казаки, так и солдаты, ведь, по сообщению капитана В. Шатилова (1751 г.), россияне не использовали шпаги и штыки при штурмах, оставляя это оружие в лагере¹. Вероятно, и в полевом бое ситуация была схожей.

Дальнейший ход боя можно восстановить следующим образом. Русские, теснимые неприятелем, стали, отбиваясь, отступать к «санебургу» коряков. Вероятно, строй был потерян, возникла сумятица, а затем и бегство, и именно в это время служилые понесли наибольшие потери. Причем, судя по потерям, отбивались особенно яростно казаки, тогда как коряки сражались менее доблестно. Часть же россиян,

¹ Цитата: Мерк 1978: 141; фехтование: Иванов 1954: Рис. 28, фиг. 29; Широков 1968: Рис. 7; 9; Нефёдкин 2016: 57, 72; сообщение В. Шатилова: КПЦ. № 42: 117–118.

имея под рукой упряжки, просто бежала на них с поля боя. Отступающих спасло от уничтожения то, что они успели подойти к полевому укреплению, и то, что чукчи, испугавшись нового отряда россиян, отступили. Местоположение этого «санебурга» и расстояние от него до строя не ясно. Вряд ли коряки спешили для боя за несколько километров до встречи с противником: обычно с саней сходили непосредственно перед боем. Хотя, с другой стороны, речь могла идти о нартах с обозными принадлежностями («возовые сани»), которые могли быть оставлены в тылу на более дальнем расстоянии, но похоже, что обоз шел позади с основным отрядом. П. А. Словцов, базируясь на архивных данных, сообщает, что казаки отступали вместе с майором 5 верст (ок. 5,3 км), но все во время этого отхода были убиты¹. Данное свидетельство выпадает из общей канвы происходящего: майор с арьергардом отбивался, а основная масса его войск бежала к острожку или вообще прочь. Возможно, имеются в виду убежавшие, которые, проследовав данное расстояние, встретили основные силы, коим и поведали о гибели майора. Вряд ли это была часть отряда, которая сражалась вместе с майором в арьергарде отступающих и не смогла войти в укрепление из саней коряков. Майор был фактически брошен на поле боя остальными силами, часть которых убежала, а часть скрылась в острожке из нарт.

Поражение россиян было полным. Все это произошло между реками Анадырь и Майн, в месте, которое в середине XIX в. называлось Майорской сопкой и Майорским озером. На данной сопке стоял крест, установленный в 1900 г. в память об этом событии, а вокруг этого места еще в начале XX в. периодически находили кости².

В общем, данное сражение представляет нам характерный образец военного искусства как чукчей, так и россиян. В марте, в сезон зимних набегов, большой отряд чукчей совершал обычный разбойничий налет на стада оленей коряков и тут же уходил назад, чтобы русские не успели поднять войска. Однако Д. И. Павлуцкий сразу пошел в погоню и через день настиг врагов. Произошел бой, в котором яснее всего видна тактика чукчей, поскольку документы с противоположной стороны концентрируют внимание на способе действия врага. Чукчи для обеспечения себе стратегического превосходства встали на возвышенности, по-видимому, еще не зная о численности русских. В первый момент тактика чукчей была оборонительной: им необходимо было

¹ Словцов 1886. Кн. 1: 254.

² Сгибнев 1869а: 59; Дьячков 1893: 38; Колтун 1904: 35; о кресте: Шенталинская 2008: 272.

выдержать первый залп русских, но затем они перешли в наступление, чтобы разбить врага в рукопашной схватке. Одновременно часть чукчей заходила в тыл, стремясь окружить противника, — это другой характерный элемент чукотской тактики, будь то большое сражение или борьба нескольких воинов. Наконец, в этом сражении чукчи некоторое время преследовали разбитого врага, стремясь закрепить свою победу.

* * *

Говоря о военном деле казаков Восточной Сибири в целом, следует указать, что их стратегия была наступательной, ведь русские осваивали новые территории, облагали ясаком разные народы, однако тактика их была оборонительной, поскольку их отряды были небольшими, а противников — многочисленными, и им легче было обороняться, неся при этом небольшие потери, чем наступать, теряя много бойцов. Поскольку казаки не использовали щитов, то им было необходимо защитное вооружение. Часто это были пластинчатые доспехи — куяки или кольчатые брони — «пансыри», которые, видимо, неплохо защищали от холодного оружия местного населения. В поле казаки становились табором и держали оборону от превосходящих сил противника¹. Для сражения выходили и разворачивались в линию: по центру основу боевого порядка стояли казаки, а местные союзники, если они были, вставали на флангах. Цель такого построения состояла в том, чтобы огнем ружей откинуть противника, а если он все же вступит в рукопашную схватку, то своей достаточной сплоченностью отразить натиск недисциплинированного ополчения, которое после первой неудачи могло обратиться в бегство.

Если Западная Сибирь была покорена к началу XVII в., Якутия — в первой половине этого столетия²; тунгусы, ламуты и юкагиры активно сопротивлялись колонизаторам еще во второй половине XVII в., камчадалы и коряки, покоренные в 1697–1711 гг., восставали, соответственно, в 1731–1732 и в 1745–1757 гг., то последние, кто активно сопротивлялся в Сибири русским, были чукчи, война с ними продолжалась до 1778 г. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», русские власти обязывали ясачных «иноземцев» участво-

¹ Наступательная стратегия казаков: Васильев 1916. Т. I. Прил.: 39; Никитин 1996: 78; табор: ДАИ. 1862. Т. VIII, № 44–18: 175; Крашенинников 1949: 481.

² Иванов 1999: 148–151.

вать в походах, часто это были представители этноса, враждебного тому, против которого устраивалась экспедиция, — противники их¹. Воины из местных племен хорошо знали военные обычаи противника и могли оказать неоценимые услуги в борьбе. В целом российский вариант колонизации был гуманнее североамериканского, когда индейцев просто уничтожали, и приближался к испанскому, когда образовывалась значительная масса метисного населения при сохранении индейских анклавов в труднодоступных районах. Такие районы с местным населением были особенно велики в Сибири, которая из-за суровых климатических условий имела весьма небольшую плотность населения.

¹ См.: Стеллер 1927: 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ XVIII ВЕКА

В данном приложении публикуются документы или их фрагменты, которые информируют нас об этнографии чукчей, включая военное дело. Текст публикуется в соответствующих старых грамматических формах, тогда как синтаксис иногда необходимо было подправить для лучшего понимания текста. Также иногда дополнительно добавлена разбивка на абзацы.

1. РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ АНАДЫРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ОТ 14 МАРТА 1710 Г.

«Распросные речи» (показания) якутских служилых, побывавших в Анадырске, были даны в Якутской приказной избе воеводе. Служилые рассказали о своей службе на Анадыре: в первой части показания — о политическом положении Анадырского острога на рубеже XVII–XVIII вв., а во второй — о походе на чукчей в 1702 г. Оба показания снабжены краткой этнографической справкой о противнике. В одном случае информация получена служилыми от жителей Анадырска, а во втором — на основании личных наблюдений. Воспроизведено по: ПСИ. Кн. 2: 523–525; также опубликовано: КПЦ: 155–156.

1710 году марта в 14 день в Якуцком в приказной полате перед стольником и воеводою Дорофеем Афонасьевичем Траурнихтом да перед подьячим с приписью Иваном Татариновым, якуцкие сын боярской Василей Игнатъев, казаки Степан Ильиных с товарищи по допросу про анандырских чюхоч сказали:

Сын боярской Василей Игнатъев, казаки Степан да Максим Ильиных, Матвей Скребыкин, Иван Блохин, Алексей Поротой сказали: В прошлых де разных годех, посыланы они были, Василей с товарищи, в Анандырской острог для ясачного сбору; и из того де Анандырского острогу служилые люди и ясачные юкагири плавают по Анадырю вниз для промыслу оленей; и тех де служилых людей и ясачных юкагирей немирные чюкчи побивают и жен, и детей берут в полон. И ныне де у тех чюхоч в полону казачьи дети есть; в разные годы те чюкчи под Анандырской острог подходили во многолюдстве, Анандырской острог хотели взять и служилых людей побить; а по вся годы острог разорить хвалятца; и от тех де чухоч анандырским служилым людям и ясачным юкагирям жить вельми опасно. А сказывают им, служилым людям, анандырские жители, которые в походех на тех чюхоч бывали, что их, чюхоч, в Анандырском носу¹ многолюдство великое; а бой де у них лучной, питаютца оленные оленьми, а пешие морскими китами, и моржами, и рыбою; а в промыслу де у них бывают лисицы красные и кость рыба², а соболя нет. К сему допросу вместо сына боярского Василья Игнатъева по его велению Иван Стижнов руку приложил. Вместо Стефана и Максима Ильиных и за себя Иван Блохин руку приложил.

Казак Тимофей Даурцов да Федор Порной, Петр Мунгал сказали: В прошлом де 701 году били челом великому государю, а в Анандырском прикащику сын боярскому Семену Чернышевскому анандырские ясачные юкагири ходынского роду Некраско с родниками, подали челобитную, чтоб с ними послать из анандырского служилых людей на немирных чюхоч в Анандырской нос, которые им, юкагирям, чинят в промыслу оленей смертные убийства и грабеж. И по тому их челобитью он, Семен, послал их, Тимофея с товарищи, с анандырскими жителями и с промышленными людьми в двадцати четырех человеках, да анандырских юкагирей и коряк было в походе 110 человек. И пошли де они в тот поход в апреле месяце и ходили 28 недель. И в том де походе в Анандырском носу нашли подле Анандырское море пеших чюхоч юрт с тринадцать и великого государя под царскую высокую руку

¹ Анандырский нос — Чукотский полуостров.

² Рыба кость — моржовая кость, обычно клыки.

их в ясачной платеж призывали и ясак просили; и те чукчи им ясаку не дали, и засели в юрты. И прикащик де их Алексей Чудинов велел к тем юртам приступать, и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жен их и детей в полон взяли, и многие полоненные у них сами давились и друг друга кололи до смерти. А иные де чукчи, подсмотря их, служилых людей, из тех юрт ушли и учили в Носу сбиратца в одно место. И идучи де они, служилые люди, с вышеписанного побоища, нашли их, чухоч, ста с три и учинили с ними бой и убили их человек с двести и болши, а иные ушли на побег. И на другой день стретили их, служилых людей, они, чукчи, во многолюдстве, оленные и пешие, а было де их в то время в сборе человек тысячи с три и болши, и бились с ними с утра до вечера, и многих людей побиили, а их, служилых людей, и ясачных юкагирей они, чукчи, человек 70 переранили, и от них отошли те чукчи и стояли близь их. И от тех де чухоч сидели они, служилые люди, в осаде 5 дней и пошли от них на побег в Анадырской¹.

А бой де у тех чухоч лучной. Лесу в том носу нет, питаютца оленные оленьми, а пешие морскими китами и моржами, и рыбою. Средь того носу по камению живут оленные чукчи. А подле Анадырского и Олюторского моря, по обоим сторонам, живут чукчи пешие; а в промыслу де у них бывают лисицы красные, а соболей и иного зверя, кроме оленя, нет; а кости рыбы зуба по морским губам множество, а сказывают полонные люди, что в той земле людей есть многое число. Вместо служилых людей Тимофея Даурцова, Федора Порнова да Петра Мунгала по их велению десятник казачей Лев Воротимесов руку приложил.

2. ПОКАЗАНИЯ ЯКУТСКОГО КАЗАКА ПОПОВА И ДРУГИХ ОТ 2 СЕНТЯБРЯ 1711 Г.

В 1711 г. экспедиция П. И. Попова, включавшая переводчика-юкагира, должна была не только взять ясак с пяти ясачных анадырских чукчей, но и следовать далее на север за залив Креста для мирного призыва чукчей в российское подданство. Наряду с последним сборщики получили от анадырского приказчика не менее важное разведывательное задание — узнать о Чукотке и о соседних островах и на этом основании составить карту. Воспроизведено по: КПЦ: 156–158, также см.: ААН, ф. 21, оп. 4, № 34, л. 135 об. — 137; ПСИ. Кн. 1: 456–459.

¹ О походе 1702 г. см.: Зуев 2002а: 235–237; Нефёдкин 2016б: 136–138.

1711 году сентября в 2-й день в Анандырском остроге в судной избе пред прикащиком якуцким пятидесятником казачьим Матвеем Скребыкиным якуцкой служилой человек Петр Ильин сын Попов да Анандырские промышленные Егор Васильев Толдин, новокрещен юкагир Иван Васильев сын Терешкин сказали:

В нынешнем де 711 году генваря в 13 день по указу великого государя и по памяти¹ прежнего Анандырского острогу прикащика Федора Котковского, велено де ему, Петру с товарищи, идти из Анандырского острогу вниз по Анадырю реке и собрать в казну великого государя ясак с решных чюкоч, с Нокона с родниками, с 5 человек, которые платили в казну великого государя ясак в Анандырском остроге в прошлом 710 году; а от устья Анадыря реки велено де ему, Петру с товарищи, идти в Нос и проведывать немирных чюкоч, а проведав их, призывать царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платеж ласкою и приветом, чтоб они, чюкчи, платили в казну великого государя ясак соболи и всякие лисицы, и кость моржеваго зубья, и просить с них аманатов.

Да ему же де, Петру, с товарищем велено присматриваться подлинно: На чем у тех чюкоч меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость; и по каким они местам живут, по камням или подле моря, оленные или пешие; и чем они кормятся; и не значатся ли из того Носу какие в море острова; и если какие острова значатся, и про те острова спрашивать у тех носовых чюкоч: Есть ли какие на тех островах люди и звери, и какое они у себя имеют богатство. И присмотря и проведая о всем, велено ему, Петру, записывать в книгу имянно, и той их Чюкоцкой земле написать чертеж, и тот чертеж² за рукою подать в Анандырском остроге в судной избе.

И по вышеписанному великого государя указу и памяти, он, Петр, с товарищи своими, с толмачами Егором Толдиным, с Иваном Терешкиным, с устья Анадыря реки в Нос ходили, и за морскою губою немирных чюкоч проведали, и царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платеж со всяким усердным радением призывали. И они, немирные чюкчи, ему, Петру с товарищи, сказали: «И прежде сего русские люди у них, чюкоч, кочами морем бывали, и в то де время они, чюкчи, им, русским людям, никакова ясаку не платили³, и ныне де платить не будем, и детей своих в аманаты не дадим».

¹ Память — письменный документ-предписание.

² Чертеж — карта.

³ Вероятно, имеются в виду походы россиян в 1687–1693 гг. (Полевой 1976а: 223).

И с того носу пришел он, Петр с товарищи, в реку Анадырь нынешняго ж 711 году июля в 28 день, и с вышеписанных решных чюкоч с Нокона с родниками, с 5 человек, по лисицы красной с человека в казну великого государя ясаку на нынешней 711 год, с казачьим сыном Михаилом Шипуновым с товарищи, собрали, да вновь призвали царского величества под его самодержавную руку в вечной ясачной платеж решного чюкчю Капочилу, Ноканова брата, и тот чюкча с ними, Петром с товарищи, с ясашным платежом пришел в Анадырской острог. А о иных всяких их иноземных обыкнностях писано ниже сего.

По их вере в подлинном договоре меж собою у них, чюкоч, твердость дают порукою солнце. Оленные чюкчи в носу живут по камням, ради оленных своих табунов кочуют по разным местам. А пешне чюкчи по обе стороны Носу живут по коргам¹ подле море, в земляных юртах, где коротает морж. А кормятца они, чюкчи, оленные и пешие: промышляют по камням и по рекам диких оленей, и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, корением и травою.

Против того Анандырского носу с обеих сторон с Ковымского моря и с Анандырского есть де значитца остров², и про тот остров подлинно ему, Петру с товарищи, сказывали носовые чюкчи Макачкины с родниками: Есть де на том острове люди зубатые, а веры де и иной всякой обыкности, и языку не их чюкоцкова, особой; и из давних де лет и поныне у них, носовых чюкоч, с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкоч такой же.

И он, Петр с товарищи, тех островных людей, у них, чюкоч, взятых в полон, видал человек с 10. А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставляемые моржеваго зубья маленькие кости подле природные в щеках. А с того де Носу на тот остров летним временем в байдах веслами перебегают одним днем, а зимою на оленях налегке переезжают одним же днем. И есть де на том острове всякой зверь, соболи и куниты, и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великия табуны оленей³.

¹ Корга — каменистая мель, отмель.

² Остров — Большая земля — Аляска, которая, по представлениям жителей Чукотки, тянулась к северу от их полуострова.

³ Приморский чукча Макачкин и пленные аляскинские эскимосы указали русским на наличие у жителей Аляски множества домашних оленей, которые там появились лишь в конце XIX в. (Коган 1930: 80; Берг 1946: 53). Это может объясняться просто неверным переводом сведений о диких оленях-карибу на Аляске или тем, что сюда, по преданию, бежали оленные жители Чукотки.

А кормятца де они морскими зверями и ягодами, и кореньем, и травою. И всякой на том острове есть де лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он, Петр с товарищи, у них, чюкоч, в байдарах и в ветках, и в юртах видели. А живут де они, островные люди, собою тако ж, что де и они, чюкчи, и начальных де людей никого у них нет.

А в носу зверя, кроме лисиц красных и волков, иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том носу не у чего, лесу никакова нет. А по смете носовых оленных и пеших чюкоч лушников с 2000 и больше, кроме Анадырских решных, а решных человек с 50 и больше.

Островных де людей, применяясь он же, Макачкин, и островные люди, которые у них, чюкоч, в полону, сказывали ему, Петру с товарищи, есть де их при них, чюкчах, второе, и он де, Макачкин, на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они, чюкчи, тот остров большею землею.

А из Анадырского острогу ход до самого носу прямою землею чрез Белую реку на Матколь аргышами на оленях недель с 10 и больше, если пурги нет; а Матколь чюкоцким названием камень есть¹, подле большую губу², в среднем Култуске³.

3. ИЗ РАПОРТА Д. И. ПАВЛУЦКОГО В ТОБОЛЬСКУЮ ГУБЕРНСКУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ (1732 Г.)

Историк флота А. С. Сгибнев (1826–1881) приводит выдержку из донесения капитана Д. И. Павлуцкого (1692–1747) в канцелярию Сибирской губернии в Тобольске от 10 февраля 1732 г. Информация была получена Д. И. Павлуцким после его чукотского похода 1731 г. Первый из приведенных абзацев А. С. Сгибнев не выделил кавычками, вероятно, это парафраз текста рапорта. Воспроизведено по: Сгибнев 1869: 30–31.

Чукотия, вокруг Анадырского носу, самая малая и пустая земля; нет ни лесов, ни других угодий, рыбных и звериных промыслов никаких,

¹ Гора Матколь — сейчас гора Большой Матачингай (Берг 1946: 53, примеч. 2).

² Большая губа — залив Креста.

³ Вероятно, култук — залив (Берг 1946: 53, примеч. 4).

а довольно каменных гор и шерлобов¹, да воды; а больше гор и воды ничего не имеется в той земле. Чукчи, которые живут при морях в земляных юртах, питаются нерпичьим, моржевым и китовым жиром и травой, а оленные оленями.

Чукчи народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, разсудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана; мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают. Стреляют из луков и бросают камни, но не очень искусно. Во время кочевья употребляют легкие юрты из оленьих кож. Кроме оленей, не имеют никакого скота. На промыслы ходят всегда пешком, а в дальних переходах на оленях, по морю плавают в кожаных байдарках.

Привести чукоч в подданство невозможно, потому что у них нет ничего святого: дети отступаются от отцов, отцы от детей. Так, например, в 1730 году один из чукчей оставил 3-х сыновей в аманатах, пошел приглашать других чукоч в ясак и не возвращался, оставив детей на произвол судьбы².

4. С. П. КРАШЕНИННИКОВ. О ЧЮКЧАХ

Географ и этнограф Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), побывавший на Камчатке в 1737–1741 гг., собирал сведения о народах Востока Сибири, в том числе и о чукчах. Данный архивный фрагмент (1741 г.) показывает объем и качество информации о чукчах, бытовавшее у русского населения Камчатки на рубеже 1730–1740-х гг.: войны с коряки, обычай «друзей по жене» и система питания. Воспроизведено по: ААН, ф. 1, оп. 13, № 10, л. 71; ср.: Крашенинников 1949: 737.

Чюкчи живут в носу, от них Чюкоцким называемом; люди их крупные, и в разсуждении коряк и камчадалов, и прочих здешних на-

¹ Шерлобы (диалектизм) — скалы, горные утесы.

² Пример капитан привел из Анадырской жизни до похода 1731 г.: в 1730 г. посланный на Чукотку служилый А. Мельников привез с собой двух «лутчих мужиков» с семьями, одним из которых был Неканн. Он оставил трех своих сыновей в остроге в качестве аманатов, но ясак под них платить не стал (Сгибнев 1868: 138–139; Ефимов 1948: 212–213; 1950: 154–155; Фель 1960: 79; Федорова 1984: 127; Зуев 2009: 72–73, 80; Нефёдкин 2016б: 142).

родов, храбрые, с коряками войну часто имеют. Приезжают к ним и отгоняют оленей табуны, жен и детей громят, и коряки их весьма боятца.

Какие у них обычаи, про то неизвестно, одно только сказывают про них. Ежели кто из них придет к кому в гости, то хозяин его унимает ночевать и кладет его спать с своей дочерью или женою, буде нет дочери, а сам дома не начует; таким же образом и его подчивают, куды он приедет. Это у них добрые друзья между собою делают.

Питаются морскими зверми и рыбою, и оленями, и так мерзки, ежели заколют оленя, то они парной его кал, руками из желудка вынимая, едят, как делают и коряки¹.

5. Я. И. ЛИНДЕНАУ. ОПИСАНИЕ О ЧУКОЦКОЙ ЗЕМЛИ, ГДЕ ОНАЯ ИМЕЕТЦА

Переводчик и ветеринарный прапорщик Яков Иванович (Якоб Иоганн) Линденау (1710–1795) владел пятью языками; был зачислен во Вторую Камчатскую экспедицию переводчиком, в которой он провел 1739–1745 гг. Приводимая ниже глава является частью работы, названной «Географическое описание реки Анадыра и в ней впадших речек и ручьев и о чукчи, где они находятся, и их местах кочевания и нападения их на российских людей и ясашных коряк...», написанной автором во время пребывания его в Охотске (1742 г.). Сам текст работы построен как пояснительная записка к карте Чукотки (см.: Ефимов 1964: № 122; Линденау 1983: форзац; Гольденберг 1984: 86; о карте также см.: Вдовин 1943: 52–53; Орлова 1957: 120–123). Воспроизведено по: Линденау 1983: 162–164.

Чукоцкая земля существенной себе границы не имеет, но токмо едино то есть известно, что которые оленные чукчи ходят по хребтам Анадырской вершины до имянуемого Чукоцкаго носа, и те завсегда кочуют, а пешие чукчи живут для ловления белых медведей около Шалагинского носа, который тако называется, потому что около тамошняго места живали народы, имянуемые шалагинские, и от того Шалагинского носа кругом по морю до реки Нерпиша² местами жительство имеют.

¹ Моноло — полупереварившийся мох, извлеченный из оленьего желудка.

² Нерпечья река — совр. Канчалан (Линденау 1983: 166).

Чукоцкая же земля почти вся пуста и тундрую безлесною облежит, но точию растет тальник кустами, но и то малое число. И того ради тамо жительствующий народ для согревания своего употребляют мох и моржовые кости, а оленные чукчи тово емлют у пешних из-под неволи, где они сами около моря промышляют. А когда оленные те чукчи вознамерятся итти куда на бой и грабеж ясашных коряк, тогда они и пеших приглашают с собою, несоизволяющих же на то ис под неволи принуждают.

У Чукоцкаго носа есть под севером один остров¹ да к восточной стороне четыре острова, и на тех островах живут чукчи². А не в дальном от последнего острова расстоянии имеетца в виду по их званию Большая земля³, которая так называется потому, что та земля более их Чукоцкой земли, и они, чукчи, от своих жилищ на эту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобна русской посуде. <...>

А вышеозначенные чукчи во осень около камня, имянуемого Сердца, собираются, а приезжают на санях, кетовыми усами подбитых, и, переехав Большую речку, ездят на Юкагирскую ярмонгу, где доселе они, чукчи, с юкагирами мену имели, выменивая себе от них на лисицы и на протчее копыя, китайские ножи, пальмы и котлы. И от устья Анадырского ходят вверх к вершинам речек Онемен⁴ и Красной и спускаются через хребты ко Олюторскому, к Ултуцкому⁵ и протчим коряцким острогам, которые остроги почти все вкругли и имеют округ себя рвы и земляные валы. А бывает, ходят они, чукчи, и вверх по Анадыру и, переехав ниже устья Белой реки чрез Парапольский дол⁶, оттуды приходят через Баранины хребты к предписанным острогам. А речь дол именуется еланное⁷ или степное место, а тундра болотные и моховые грязные безлесные места. А водяным путем от самого носа до устья Анадырского и выше ходят летом для рыбной ловли и оленного

¹ Имеется в виду о. Колючин.

² Еще М. С. Гвоздев в 1732 г. насчитал в проливе четыре острова; судя по карте капитана М. Н. Шпанберга: два Диомидовых, необитаемый Фэрүэй-Рок и о. Кинг (Ефимов 1948: 159–174; Гольденберг 1985: 56–80; карту см.: Ефимов 1964: № 69).

³ Большая земля — Аляска.

⁴ Онемен — р. Великая, впадающая в залив Онемен.

⁵ Вероятно, Опуцкий острог на р. Опука на северо-востоке Камчатки.

⁶ Парапольский дол — низменность на севере Камчатки между Пенжинским хребтом и Корякским нагорьем.

⁷ Еланное — от елань — равнина.

промысла, где оленья плавь бывает, в байдарках во сте в 50 и более, в каждой байдаре человек по 15 и по 20 и больше, и потому призна- ваетца, что они так на промысел людно ходят того для, чтобы тогда других промыслять не допускать. А к нию водяным путем из Анадыр- ского острога по Анадыру и из Карачиской губы¹ по морю итти можно, как в карте означено.

А оленные чукчи летом живут на хрептах и около моря, как прежде означено. Осенью приходят они к пешим и приглашают их и нево- лею принуждают итти в Коряцкую землю, которая от речки Апуки до Акланского острога и ниже онаго к полуденной стороне² имеетца.

А когда из Анадырского острогу на чукчи хаживала партия³, тогда она ходила в северную сторону через речек Черную⁴ и Белой вершины и чрез хрепты к Ледяному морю к юртам 9 недель⁵, а от юрт возле моря чрез речки, где первая баталия с чукчами была, 2 недели, а к другому месту, где другая баталия имелась, 3 недели. И хотя партия намерение свое имела тогда к Чукоцкому носу итти и Чукоцкой каменной острог разорить, но токмо за неимением тамо оленного корму, туда не следо- вала, но пошла чрез хрепты и шла 2 1/2 недели до места, на котором с чукчами третью баталию имела, а от того места шла до Чингагиские юрты⁶ 5 дней, а от той юрты к Сердцу-каменю 2 недели, а от того ка- меня к Большой речке 1 1/2 недели, а прямого ходу от Сердца-каменя до Анадырского острога 8 недель. <...>

6. «ИЗВЕСТИЕ» ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ВОПРОСЫ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Х. КИНДЕРМАНА (1750 Г.)

Генерал-майор остзейский дворянин Христиан Х. фон Киндерман (ум. 1752), командующий войсками сибирских пограничных линий (1744–1752 гг.), направил в конце 1749 г. в канцелярию Второй кам-

¹ Карагинский залив Берингова моря у северо-восточного побережья Кам- чатки.

² Полуденная сторона — юг.

³ Описывается поход Д. И. Павлуцкого в 1731 г.

⁴ Черная река — Танюрер.

⁵ 9 недель — по тексту, приводимому Л. А. Гольденбергом (1984: 84).

⁶ Возможно, стойбище тойона Чимкаигана, который прибыл к Д. И. Павлуц- кому около горы Сердце-Камень (Зуев 2009: 77–78).

чатской экспедиции ряд вопросов, касающиеся Восточной Сибири, на что получил 24 февраля 1750 г. ответы за подписью шкипера Д. Коростелева и канцеляриста И. Редина, второй пункт которых касается описания чукчей. Как и информация о коряках, также приводимая в этом документе (Дивин 1979: 257), описание чукчей частью было составлено по данным капитана Д. Я. Лаптева, начальника одного из отрядов экспедиции, изучавшего Анадырь, а частично — по рассказам анадырцев, которые бывали на Чукотке в походах и за сбором ясака (Зуев 2009: 151). Воспроизведено по: Дивин 1979: 257–258.

Чюкчи состоят по известным скаскам анадырских жителей, которые многократно в их Чюкоцкой земле бывали, не больше как в тысяче человеках¹ и живут всегда у самого Восточного моря² блиско устья Анадыря реки в юртах оленьих зимою и летом. А остроги, за скудостью лесу, у чюкоцких жилищ самые некрепкие и без всякой защиты (подобны тому, какие на Камчатке у камчадалов земляные юрты), и лес в строениях тех острогов наносной с вершины Анадыря.

А кочевья их зимние и летние внутрь их Чюкоцкой земли недалеко как от Анадыря реки, так и от Восточного моря, и в разстоянии бывает от тех берегов два и три дни ходу, что меньше ста верст. И кочуют летом и зимою юртами, переменяя места, и хотя из самого Анадырского острогу летом можно Анадырем рекою вниз к их чюкоцким кочевьям блиско приблизитца, но внутрь их земли в летнее время з большим людством и тягостями небезтрудно их находить, понеже по все дни места, кочуя на оленях, переменяют и по всякой год³.

Ежели от анадырских служивых не имеют они опасности, то блиско к Анадырскому острогу приходят, також и в Коряцкую землю. И всегда они, чюкчи, ищут того, чтоб коряк всех искоренить; и от начала житья их всегда ссоры за то, что во всей их Чюкоцкой земле для оленей их дворовых кормов скудно и лесу никакого роду нет, и в том им крайняя обстоит нужда. У них же в зимнее время от великих и жестоких метелиц, что у них называютца пурги, которые чрез всю зиму не перестают, в земле их между каменных хрептов (то есть гор) множество давит снегом оленей и людей. А у ясашных коряк земля привольная к житью и к содержанию оленей, и лесами, и кормом; и для того те

¹ Видимо, имеется в виду оценочная численность мужчин оседлых жителей Чукотки.

² Восточное море — в данном случае Анадырский залив Берингова моря.

³ Вероятно, аллюзия на походы Д. И. Павлуцкого на Чукотку в марте–октябре 1731 и феврале–сентябре 1744 г.

чукчи ищут, чтоб местами их, коряцкими, завладеть¹. А их, чукок, как впустить корякам в свою землю не можно, так и в подданство Е. И. в. привести ласкою не надежно².

7. «ПОКАЗАНИЕ О ЧЮКОЦКОЙ ЗЕМЛЕ» КАЗАКА Б. КУЗНЕЦКОГО (1756 Г.)

Казак Борис Кузнецкий (А. И. Алексеев (1961: 21), правда, без указания на источник, приводит и отчество — Афанасьевич) в марте 1754 г. был захвачен в плен у Анадыря отрядом чукчей во главе с той-онами Тегрувье Ихъяином и Мего. Почти два года (до февраля 1756 г.) провел в плену у оленных чукчей и выучил их язык. После его выдачи в Анадырск, он дал нижеследующие показания, которые повторил и в своей «сказке» в 1763 г. (Зуев 2009: 160–161). В нижеприведенном документе после биографической преамбулы, рассказывающей о том, как служилый попал в плен, Б. Кузнецкий в одиннадцати пунктах дал ценное описание обычаев чукчей и их взаимоотношений с эскимосами Аляски, что особенно интересовало россиян в связи с продвижением на восток в Америку. Данный документ — по существу, первое развернутое этнографическое описание чукчей (Bagger 2005: 52–53). Воспроизведено по: КПЦ: 180–184; также см.: Берх 1825: 182–194.

В прошлом 754 году в марте месяце, в бытность тогда в Анадырску командиром капитана Шатилова³, отпущен был он для звериных промыслов в шестнадцать человек, и едучи назад на вершине речки Налучи (до коей от Анадырской крепости не более разстояние 35 верст), на камню⁴ стояли ясашных юкагирских восемь юрт и в тех юртах за поздним временем ночевали, в которых юртах тех юкагирь одного мужескаго полу было человек до 50 (а всего сколько с женским полом и малолетними показать не упомнит), и поутру рано поехали к Анадырской крепости.

¹ Приводится обоснование чукчами причины их набегов на коряков — вероятно, указаны Д. Я. Лаптевым (ср.: Дивин 1979: 257: «... от начала де житья их всегда у чукчей с коряками ссоры происходят за места коряцкие»).

² Официальная позиция российских властей того времени.

³ Капитан Василий Шатилов был командиром Анадырска с 1 декабря 1750 г. по 1 февраля 1756 г.

⁴ Камень — гора, горы.

И отъехав от тех юкагирей верст с пять, и незапным случаем на дороге повстречались с нами немирные чюкчи (коих числом до 500 было) и учинили на нас нападение, и розбили всех, а его, поймавши, связали, а товарищи, кои с ним были (кроме разночинца Бориса Унжакова, которого в то время тут убили), разбежались и по взятии на том юкагирском месте ночевав, поутру его развязали, и один из них лутчей мужик именем Мего спрашивал у него, что сын ево, взятой в плен, в крепости ли, жив ли, на что он, догадавшись и зная, что его в крепости нет, объявил, что есть и жив, за что они его и не убили.

И тот мужик, которой о сыне своем спрашивал, взял его к себе, и поехали в их чюкоцкие жилища обратно на имевшихся тогда у них оленях санками через хрепты, речки и болоты и доехали до их первых юрт.

Всего до их юрт имели проезду шесть недель, все пустыми и безлесными местами; а тех оленей у них, чюкоч, имелось более двутысяч, ибо они, по их обыкновению, ездят на оных следующим порядком: один олень запрегается в санку под называемой аргыш (то есть для съестных припасов и другаго борошню¹), а по два и по три оленя потому ж запрегают в санки ж, на которых они едут сами, а протчие олени всегда берутся заводными для перемены усталых; а у иных лутчих мужиков и более тех оленей бывает, а сколько числом, всего показать не упомнит. Во время того к их жилищам проезда были великие метели и с мокрым снегом, так что в случае на другой день морозу и копытами те олени корму себе добыть не могут, отчего также и от пристали немалое число оных издохло. И во время того к их жилищам проезда тех же оленей по недостатку тогда взятого у них корму употребляли на еду; а где случится ночевать, то всегда останавливаются на таких по знаемости их местах, где можно тех оленей прокормить мохом, из табуна оных распускают для корму с одним или двумя карaulьщиками; а как едут, так и становятся не все вдруг, но порознь, кто куда едет или где ночевать место себе изберет, только друг от друга в виду, и вместо юрт становятся шитые из оленьих теплых кож полога, в коих спят по десяти человек и более.

По привозе его в их Чюкоцкую землю жил он у вышеписанного чюкчи Мего, которой по их обыкновению лутчей оленной мужик, два года; и во всю ту его бытность имел он обо всех их обхождениях примечание, и какие у них между собою поступки, и как их многолюдной, и о протчем по достоверным и очевидным случаям следующее объяснение:

¹ Борошня — скарб, имущество.

1) Предписанные чюкчи главного командира над собою не имеют, а живет всякой лутчей мужик своими родниками собою; и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы.

2) В зимнее и летнее время на каждый день большими собраниями во-первых бегают пешие даже до последнего человека и друг друга перебегают до самого пристатку¹ и расходятся по юртам.

3) Нагие борются.

4) Надев кюяки и взяв луки со стрелами, и делают друг против друга один только пример; натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копыя, такой же делают пример, как в сражении быть надобно, потому ж до устатку². Луки со стрелами и копыя имеют всегда при себе в чистоте и бережи³. По окончании того также расходятся по юртам.

5) Вышеобъявленная Чюкоцкая земля во-первых болотная, гористая и весьма кочковатая и мокрая, тако ж никакого лесу и трав, кроме оленьего корму, то есть моху, не имеется; и те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях; и живут в чюмовых оленьих кожаных юртах; огонь зимою во оных бывает посредине (которой добывают из дерева) таким подобием: кладут мелкой тальник, т. е. самой малой сланец, вышиною не более от земли четверти⁴, да и того весьма около речек редко да и почти нет, также олени сухие рога и кости, и облевают нерпичьим китовым и моржевым жиром; да кроме того имеют в пологах (кои сшиты из оленьих с шерстью кож) называемые жирники, в которых из вырастающего на кочках черного моху делают на подобие фитиля и кладут в те жирники, кои выдолбленные из камня и сделанные из глины на подобие плошки, а железных ни у кого не видал. И тот фитиль горит весьма ясно, от которого свету в тех их пологах имеется теплота, и хотя сколь великие бывают морозы, то они по большей части сидят нагие. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу едят мясо оленье, рыбу, нерпу и прочих морских зверей, каких упромыслить могут, сырое и мерзлое, и всякое из земли мягкое коренье; а хотя со временем и варят себе еду в

¹ Пристаток — изнеможение.

² Устаток — усталость.

³ Бережа — сохранность.

⁴ Четверть — ок. 18 см.

сделанных из глины горшках, но и то очень за неимением лесу редко. Нерпу и морских зверей получают те оленные от сидячих около моря чюкоч. Когда зимним временем бывает теплота и снег небольшою частию растает, а после того делается стужа, то имеющиеся у них олени, за недобычею из-под снега копытами корму, многие гибнут.

6) Называемые сидячие около моря чюкчи, т. е. кои оленей не имеют, а ездят на собаках, у оных юрты выкопанные в земли деревянные; лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припайках.

7) Они же, чюкчи, хотя между собою временем бывают согласны и вместо присяги обязываются по их обыкновению солнцем (чтоб оно не видать); но только в бытности его мог он видеть, что один сын отца родного, а потом и брат брата родные ж зарезали ножами, и то они почитают между собою ни во что¹. И когда у которого сына отец или мать придут в старость, то их у себя более не держат и в бывшие морозы отвозят от своих жилищ вдаль и оставляют, где они и замерзают; мертвые тела жгут на огне.

8) Еще ж они собирают на земли грибы, кои и составляют каким-то надобьем (которого он приметить и знать не мог), называемой мухомор, и едят, и сделаются без ума: бегают и скачут; а сверх того как мужеской, так и женской полы умываются урином. Жен имеют каждой по две, по три, по четыре и по пяти; бабы живут ни в одних, но в разных пологах, кои столь же велики бывают, как и выше объявлено: человек по десяти и более спят. И то чюкоцкое между самыми камнями житье за неимением лесу самое уже последнее, а к тому и мерзкое, коего едва ль в свете для человеческого жития хуже быть может.

9) А когда он, Кузнецкой, разговоры признал и несколько говорить научился, и тогда многократно в тех их разговорах слышал, что воюют они не только против российских и коряк, но еще есть прямо их от Чюкоцкого носу в море остров, на коем живут чюкчи же, называемые зубатые, с коими напредь сего имели войну, а ныне живут в дружбе², а от того острова имеется остров же, которой называют Большою землею, и так многолюдно почитают и применяют, как песку, коих людей называют кыхмыщами³. А сколь далеко от них тот остров, на коем живут зубатые, а от оногo и называемая Большая земля, имеется и какое

¹ Речь идет о ссорах внутри семьи, в которые соседи по существовавшей традиции не вмешивались.

² Остров Ратманова в Беринговом проливе.

³ Большая земля — Аляска, кыгмитцы — в узком смысле — эскимосы — жители поселка Кыгмик на мысе Принца Уэльского. В 1791 г., по наблюдениям И. Кобелева, тут было до 50 землянок (Черненко 1957: 132).

положение имеют, того они не знают, только сказывали, что на той Большой земли разных родов лесу множество и так крупен, что едва два человека одну лесину обнять могут, также и всякого зверя довольствие, и такие же земляные у них юрты, как и у них, сидячих. А солнце де бывает человеку в самое темя, и великие от того солнычного сияния бывают жары. На ту Большую землю для войны ездят они чрез губы в кожаных байдарах, не хватая того острова, где зубатые живут, а в сухих местах пешком и байдары переносят на руках, а зимою не ходят.

10) Сверх же того, когда он у означенного хозяина жил, то ходил с ним к сидячим носовым чюкчам к морю летним временем подле одного берегам к его родникам, то в то время оных сидячих юрт по тому берегу довольно; и когда к тем его родникам пришли, то увидел он тут дву баб да одного мужика, кои между разговорами сказывали ему, что взяты они теми чюкчами с Большой земли в полон, а его, Кузнецкого, признав, что он такой же полоненник, весьма сожалели и сказывали, что они с той Большой земли увезены уже назад тому будет года четыре, и рассказывали про ту землю, что она очень велика, народу и всяких лесов и зверей весьма предовольно, и солнце ходит человеку в темя и весьма жарко, так что они ходят нагие. А между теми разговорами, увидев он из них у одной бабы на вороту привязаны две плашки четвероугольные маленькие по краям неизвестными словами подпись, которые им, Кузнецким, признаны золотыми; про кои он у них спрашивал, где они то получили, на что объявили, что те плашки ими увезены с той Большой земли, где они жительство имели. А от того их жилья есть де еще далее по той же земле к теплой стороне, или полдне, другие люди, а разговор имеют особой, к которым людям ездили их мужики для торгу и те плашки получили. У оных де дальних людей имеются избы все каменные и утесы каменные ж, так белы, что беляя снегу, а посуда светлая (сребрена ль или какая другая, они де того не знают), коих людей весьма предовольно, и они с ними живут союзно и никакой драки не имеют. А сколько до них разстояния, они не знают, и каким путем к тем дальним людям имеют переезд, выспросить за недовольно еще чюкоцкого языку знанием, а к тому и за скорым от них хозяином его, Кузнецкого, уходом, не успел.

11) В прошлом 755 году в осеннее время сказывали мне они, чюкчи, что собиралось их многолюдно и пошли было в поход на коряк, и тогда хозяин его, Кузнецкого, ему объявил, что он с родниками своими на коряк не идет, а пойдет ради выкупу сына своего в Анадырскую крепость и его возьмет с собою, и хотел отдать на выкуп, точию в самое то время пришли анадырские ясашные юкагири, шесть человек, и объ-

явили им, что их послал к ним, чюкчам, приехав в Анадырск, новый командир, и привез де указ, и велено с ними мирится, а они, юкагири, пришли для выкупу взятых у них в плен жен и детей их; коих юкагир те чюкчи приняли честно и ничем не обидели, и те юкагири жен своих и детей у оных чюкоч выкупали, давая табаком, котлами, топорами, ножами, копьями, луками, стрелами и корольками¹, а выкупили всего мужеского и женского полов девять человек². Чюкчи тем юкагирям давали ж в подарок парки оленьи, пыжики белые, камосы белые, парки куньи и лисицы красные. Тогда ж приезжал из коряк один человек, а как ево зовут, не знает, и с собою привез дву женок: одну полоненную чюкоцкую, а другую коряцкую с таким объявлением, что коряки желают с ними, чюкчами, между собою жить вместе и на российских ходить в поход обще; на что те чюкчи объявили, что они с коряками мирится не желают, а желают мирится с российскими людьми и ясак платить, токмо без взятия у них, чюкоч, аманатов, почему с вышеписанными юкагирями хозяин его, Кузнецкого, хотя другие и советывали, чтоб до лета его не отпускал, а летом вывести на Анадырь и разменяться на сына его, однако ж тот его хозяин их советов не послушал и послал жену свою и оленей ради провожанья ево отпустил. И сверх того по согласию всех чюкоч послали с ним чюкча лутчих мужиков, Харгитита да Амговгова, и при той посылке ему объявили, что послали они ево бутто для миру и приказывали быть возвратно, а хозяин и другие говорили, хотя де и сын его в даль услан, точию ему ничего не будет. А хотя их между разговорами намерение в подданстве Ея Императорскаго Величества быть и ясак платить есть, только по их по древней лехкомысленности и непостоянству, и что старшин своих не слушают, никакой надежды иметь не можно.

Копья у них, тако ж и на стрелах копьа ж железныя, костяные и каменные из темного в горах находящаяся хрусталу, кои почитают за наилутчее, потому что ежели в человеческое тело то каменное копье ранит, то все во оном рассыплется. А к тому ж те стрелы со обеих сторон мажут из травы называемой лютика соком, от которой человек, получа стрелою язву, в скором времени опухнет и умрет.

Сколько же всего тех оленных и сидячих чюкоч имеется, ибо они живут не в одном, но в разных местах, зачем точно всего он пока-

¹ Корольки — кусочки кораллов.

² До анадырских юкагиров дошли слухи о том, что едуший в Анадырск новый командир секунд-майор И. С. Шмалев намерен вести с чукчами переговоры; чем воспользовались юкагиры, которые под предлогом установления мира прибыли к чукчам и стали выкупать взятых в плен в 1754 г. (Зуев 2009: 157–161).

зять не может, а сказывали они на словах, что их многолюдно, только видно, что они тем открывали одну свою славу; а как во всю ту его, Кузнецкого, бытность было примечено, что их как оленных, так и сидячих не более двух тысяч человек будет, и оленей (кроме сидячих) не по равному числу: у лутчих мужиков с родниками есть по тысяче и более, а у протчих и самое малое число, так что от десяти до двадцати оленей бывает. А хотя лисицы красные и есть, и то малое ж число, а соболей и ни одного нету; парки куньи получают они от островных чюкоч. В той же их Чюкоцкой земле есть река большая, коя впала по течению между севера и востока на самом Чюкоцком носу устьем в море, на которой промышляют оленей, а называют оную те чюкчи Омгаяном¹, шириною против того места, где он жил, сажень со 150, во оную ж реку Омгаяну немного повышее впала устьем из гор же река Тиркигей², шириною будет сажень со 100.

А более вышеписанного показать ничего не может.

8. П. С. ПАЛЛАС. ОСОБЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ЧУКОТСКОМ НОСЕ И СОСЕДНИХ ОСТРОВАХ (ПЕРЕВЕДЕНО С РУССКОГО ОРИГИНАЛА)

В 1777 г. полковник Ф. Плениснер, бывший Анадырский командир, представил в Академию наук в Санкт-Петербурге имеющиеся у него документы о северо-востоке Азии, в частности, копию карты, составленной крещеным чукчей–казаком Н. И. Дауркиным в 1765 г., и отчет последнего о его пребывании на Чукотке в 1763–1764 гг. Два последних документа Н. И. Дауркин составил в Анадырске в 1765 г., отдал поручику Я. М. Пересыпкину, командиру Анадырской партии, а последний переслал их Ф. Плениснеру, бывшему тогда в Охотске (Берг 1946: 106; Алексеев 1961: 26; Зуев 2009: 196). В пояснении к карте Н. И. Дауркина описываются три острова в Беринговом проливе, чукотский народ хрхаев и мифические народы «амазонок», беззых, карликов (текст документа см.: Гельмерсен 1876: 462). Биографию Н. И. Дауркина (ок. 1734 — после 1795 г.) см.: Алексеев 1961: 9–85.

¹ Амгуэма — река, впадающая в Чукотское море (Леонтьев, Новикова 1989: 64–65).

² По замечанию Л. С. Берга (1946: 113), река Тыртигей — приток Амгуэмы.

Публикация П. Палласа состоит из трех частей: введения, в котором представлен Н. И. Дауркин, текста самого отчета и краткого заключения академика. Насколько мне известно, перевода отчета Н. И. Дауркина на русский язык нет; парафраз перевода отчета см.: Берг 1946: 105–106. Отчет, пересказанный и заверенный Ф. Х. Плениснером, хранится в «Портфелях Миллера» в РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 1, д. 8 (ссылка по: Алексеев 1961: 25–26). Перевод на русский язык с немецкого сделан мной по изданию: Pallas 1781: 245–248; перевод на английский язык см.: Masterson, Brower 1948: 64–67.

Когда бывший начальник Охотска и Камчатки полковник Плениснер (курляндец)¹, который в 1772 году был отозван с этого поста и в 1778 г. умер в Петербурге, оказался в 1763 году на Анадыре для рассмотрения положения далекого Анадырского острога и последующего его упразднения и даже срытия, он тайно отослал к чукчам под видом самовольного бегства некоего разумного казака Николая Дауркина, урожденного чукчу, плененного юным во время первой экспедиции Павлуцкого и выращенного в Якутске у вдовы после убийства чукчами майора Павлуцкого², чтобы принести всевозможные сведения о

¹ Плениснер Федор (Фридрих) Христианович (ок. 1711–1778) — из курляндских немцев, родился в Риге в семье музыканта; в 1730–1735 гг. служил капралом конной лейб-гвардии, в 1735 или 1736 г. за некую вину сослан в Охотск, где служил начальником артиллерии; в 1741–1742 гг. участвовал в качестве рисовальщика в экспедиции В. Беринга; в 1742 г., освободившись из ссылки, уехал в Москву. В 1761–1766 г. в чине подполковника (с 1765 г. — полковника) был командиром Анадырского острога, куда прибыл в 1763 г.; затем, в 1765–1772 гг., был начальником Охотского порта и Камчатки. По заданию сибирского губернатора Ф. И. Соймонова (1757–1763 гг.) занимался организацией географических экспедиций по исследованию Берингоморья и Медвежьих и Курильских островов, сбором этнографических материалов и картографией. В 1772 г. освобожден от должности командира Охотского порта, переехал в Петербург в 1776 г., где и умер (Гольденберг 1966: 160; 1979: 172; Зуев 2005а).

² Отец Тангитана (чукотское имя Дауркина) был коряком, а мать — чукчанкой. Во время похода Д. И. Павлуцкого в 1744 г. около горы Камень-Сердце мальчик Тангитан попал в плен вместе с отцом и матерью, однако первый бежал, а вторая убита после пыток в плену. Тангитан стал в Анадырске холопом майора, затем поступил в распоряжение жены последнего Анны Филипповны в Якутске. Как и троих других ясырей-чукчей, Тангитана крестили; крестным отцом стал подьячий Иван Борисов, по прозвищу Дауркин, откуда появилось и новое имя Тангитана. Н. И. Дауркин был обучен русской грамоте, сапожному ремеслу, игре на скрипке, также, находясь в Якутске, он самостоятельно освоил якутский язык. Оказавшись в 1760 г. в столице Сибири — Тобольске, подал прошение губернатору Ф. И. Соймонову об освобождении от холопства и зачисле-

расположении их [чукчей] страны. Он, поскольку знал в совершенстве чукотский язык, оставался среди этого народа до 1765 г., и сделал под предлогом розыска своих родственников с их помощью различные путешествия по их Носу и до лежащих напротив островов¹. Следующее является отчетом, который он сам подал по своему возвращению в 1765 году в охотскую канцелярию и за что он упомянутым полковником Плениснером был пожалован сибирским дворянином²:

«20-го июля 1763 г.³ сбежал я согласно специальному тайному приказу вашего высокоблагородия из лагеря в устье реки Анадырь⁴ и пришел к временным стоянкам чукчей, которые меня с миром приняли по первому состоявшему с ними разговору, также с собой на их байдары взяли и привезли на собственную родину, где среди них я жил до зимы и имел достаточно времени для обозрения их жилищ и местностей. Когда в октябре море между Чукотским носом и лежащим на-

нии на службу, что и произошло в 1761 г., когда Н. И. Дауркин был направлен в Анадырск вместе с Ф. Плениснером. П. Паллас считал, что Н. И. Дауркин был пленен в ходе первого похода Д. И. Павлуцкого, т. е. в 1731 г., тогда как А. И. Алексеев (1961: 9–11) указывает, что это произошло в 1744 г., во время второго крупного похода майора против чукчей. Это подтверждается и информацией Т. И. Шмалева (Алексеев 1961: 9–17; Дивин 1979: 323–325).

¹ Маршрут путешествий Н. И. Дауркина по Чукотке прослеживается по его карте: от Анадыря до залива Креста, коса Меечкен, мыс Камень-Сердце, о. Колючин, Чаунская губа, о. Св. Лаврентия (апрель 1764 г.), залив Креста, устье Анадыря (Ефимов 1964: № 130; ср.: Алексеев 1961: 23–24).

² Сибирские дворяне — прослойка служилых в Сибири; в 1683 г. был введен чин сибирского дворянина, который сначала даровался ссыльным дворянам, служившим в Сибири без взысканий; в 1822 г. сибирские дворяне были уравнены по своим правам с казаками.

³ Н. И. Дауркин считает началом своего путешествия 20 июля — дату еще до отправления анадырской команды вниз по Анадырю для переговоров с чукчами (23 июля 1763 г.: Зуев 2009: 183; ср.: Алексеев 1961: 22), тем самым как бы намекая, что приказ им был получен от Ф. Плениснера еще в Анадырске.

⁴ Версия о том, что Н. И. Дауркин был специально послан Ф. Плениснером, явно более поздняя, призванная, видимо, показать большую значимость заслуг полковника. По другим более ранним данным, Н. И. Дауркин сбежал из команды самовольно ночью 4–5 сентября 1763 г., встретив своего дядю Меньхту, который прибыл на р. Красная для переговоров с Ф. Плениснером. В середине августа 1764 г. на той же реке он вернулся к русским, был взят под арест, в Анадырске составил отчет и нарисовал карту, затем отправлен в Якутск, где был наказан батогами и определен казаком; затем по его ходатайству был приведен в Иркутск, где дал показания, за что в 1766 г. получил от сибирского губернатора Д. И. Чичерина чин сибирского дворянина (Алексеев 1961: 18–41; Дивин 1979: 323–324; Зуев 2005а: 57–58; 2009: 187–202).

против островом покрылось льдом, выпросил я у них пару оленей и нарты и пошел с одним чукчей, который на мое счастье считался за моего родственника, к первому острову, куда мы по льду ехали лишь шесть-восемь часов, однако, когда летом на байдарках до туда, а от этого острова до второго, гребут до каждого из них целый день¹.

Жители острова приняли нас радушно; их первый вопрос был о листовом табаке. Поскольку я взял с собой три пуда этого товара, то я подарил им несколько листов, за что они дали мне целое платье из соболя и куницы и как меня, так и моего спутника снабдили своими лучшими припасами. У них было мясо китов, моржей, тюленей, а также оленей. Жители этого острова называются чукчами ахюхалят²; у них свой язык; носят платье из оленьих кож, похожие на чукотские кухлянки, и промышляют главным образом ловлей китов, моржей и тюленей. Поскольку на острове нет дерева, то они готовят свою еду, как чукчи, на огне с ворванью, так что они кладут туда выдолбленный плоский камень, наполненный ворванью, и фитиль толщиной в три пальца из болотного мха (*Sphagnum*), скрученный, как фитиль, и обмотанный нитями из кишок животных, и зажигают. Этими лампами обогреваются они в своих сшитых из шкур юртах, в которых они также зиму проводят.

На другом острове живут люди такие же, как на первом; жители называются пейесколи³. У них обычай — детям тойонов и знати про-

¹ Речь идет о путешествии Н. И. Дауркина на о. Ратманова, от которого на расстоянии около 4 км находится о. Крузенштерна.

² Ахюхалят (*Achüchalät*) — приводимое Н. И. Дауркиным чукотское название эскимосов о. Ратманова. В «экспликации» к карте Н. И. Дауркина 1765 г. под номером 105 читаем: «Остров Имягълин, на коем живут люди зубатые..., а что принадлежит кушать или спать, и те зубы скидают; а разговор их, как на Большой земле» (Ефимов 1948: 138; Алексеев 1961: 33). Л. С. Берг (1946: 104, примеч. 2) предлагает сопоставить этноним островитян с наименованием всех нечукчей — альвайельлыт-«иноязычные» (Богораз 1934: 3). На карте сына боярского Ивана Львова (ок. 1710 г.) читаем: «на сем острову живут люди по чюкоцки зовомо Ахьюхалят. Язык собой [*особый*], платье носят уточье и гагарье кож, и питаются моржом и китом. А безлесно, а вместо дров костью варят в жиром» (Ефимов 1949: 780; 1964: 39, № 55).

³ Пейесколи (*Pejeskoli*) — чукотское название, приводимое Н. И. Дауркиным для эскимосов о. Крузенштерна. В той же «экспликации» карты 1765 г. под номером 106 значится: «Остров Иняльлин, на коем живут люди такие ж, как на Имягълине, тоже зубатые и диалект у них один» (Алексеев 1961: 33). Л. С. Берг (1946: 104) сопоставляет этноним Н. И. Дауркина с пеэжел на карте И. Львова, который пишет следующее: «На сем острову живут люди по чюкочьи зовомы пеэжел зубатые. Платье уточье и остроги у них есть» (Ефимов 1949: 780; 1964:

дельвать на обеих сторонах нижней губы отверстия, в которые они вставляют небольшие украшения из разрезанного моржового клыка, и как знак их знатного рождения носят, а по желанию могут вынуть. Впрочем, по своему платью они, как жители первого острова.

По середине на Чукотской косе живут чукчи, которые держат стада оленей и на равнинах с мохом пасут их; на обеих берегах там проживают в землянках сплошь пешие и живут ловлей морских зверей. Оленные, как и пешие чукчи, промышляют охотой на дикого оленя в горах и выходят на ловлю морских зверей, из которых там есть морские котики, моржи, киты, белая рыба или белый дельфин (белуха) и всякие тюлени.

Против Чукотского мыса (Landsende), как на севере против Ковымского, так и на востоке у Анадырского моря лежат берега, которые чукчи называют Большой землей. Они рассказывают, что там живут люди, которые от них нравами и обычаями совсем отличны; говорят своим языком, и с ними с давнего времени немирно живут, поэтому они попеременно выходят друг против друга на бой. Они сражаются копьями и луками, а у их стрел, как и у копий, наконечники из хрусталя, который очень тверд, и которые они отравляют ядом растения (лютика)¹ так, что, если сделанную им рану тотчас же не высосать, раненый должен умереть в течение 24 часов.

От чукотского берега можно перегрести до ближайшего берега этой страны за один день; а поскольку на Чукотском мысу отсутствует лес, то есть лишь красные лисицы и волки, тогда как, напротив, на той земле есть всякие звери: соболь, куница, различные (в частности белые и голубые) песцы, росوماхи, медведи, морские бобры² также; и тамошние жители держат также большие стада оленей³; едят же морских зверей и разные корни. Однако страна до-

39, № 55). Вообще же, пэеки сопоставляются с науканцами (Членов, Крупник 2016: 45). Данное наименование сопоставляется пэеками-науканцами (Членов, Крупник 2016: 45).

¹ Как заметил сам П. Паллас в примечании к данному пассажи: в Сибири лютиком называли то ядовитый кирзамон, то ветреницу / анемону (Pallas 1781: 248, Anm. «с»). В данном случае, как считается, речь идет о ядовитом аконите — борец живокостнолистный (*Aconitum delphinifolium*) — многолетнее травянистое растение рода борец (*Aconitum*) семейства лютиковых (*Ranunculaceae*), листья и корни которого содержат ядовитый алкалоид аконитин.

² Морской бобер (*Seeotter*) — калан или морская выдра (*Enhydra lutris*) семейства куньих (Берг 1946: 106, примеч. 2).

³ Еще П. Паллас заметил об этом свидетельстве Н. И. Дауркина: «До сих пор путешествующие еще не заметили этого о любом североамериканском народе»

вольно снабжена лесом из кедра, ели, пихты и лиственницы. Я видел дерево из этой страны в чукотских жилищах и байдарах. Большие реки, должно быть, с этой земли в море впадают, а жители, должно быть, делают укрепления из земляных валов и прочих оборонных средств».

Таков отчет Дауркина, который также господин советник Румовский¹ вместе с картой, набросанной упомянутым Дауркиным, использовал в своей статье, что была включена в русский географический календарь за этот 1780 год², верность которой я, однако, удостоверю не во всех пунктах.

9. ОПИСАНИЕ НАРОДОВ ЯКУТСКОГО ВЕДОМСТВА 1769 Г.

История данного документа такова. 29 ноября 1767 г. Сенат предписал иркутской губернской канцелярии предоставить информацию о местных народах. Иркутский губернатор генерал-поручик А. И. Бриль потребовал сведения от якутского воеводы де Бриньи, который, составив подробный вопросник, переадресовал задание знавшим предмет по личному опыту якутским дворянам и служилым; коллегия из 21 служилых 9 мая 1769 г. предоставила данное описание (Окладников 1948: 19–21). Данное описание рассматривает народы северо-востока Сибири, которые входили в состав Якутского уезда. О коряках и чукчах служилые рассказывают в одной части, видя схожесть обоих народов. Здесь приводится именно этот фрагмент документа, тогда как части, описывающие якутов, тунгусов, ламутов и юкагиров, опущены. Вероятно, в большей части документа речь в пер-

(Pallas 1781: 248, Anm. «d»). Данное замечание академика остается актуальным и в настоящее время — домашних оленей на Аляске не зафиксировано вплоть до конца XIX в., когда туда ввезли животных с Чукотки. Информация Н. И. Дауркина явно взята из устной традиции чукчей о бегстве оленеводов-храхаев с Чукотки в Аляску, ведь на его карте 1765 года на земле к северу от Чукотки, считавшейся продолжением Америки, обозначено: «Земля Тикеген... живут люди на оной земле оленные, а их чукчи называют храхаи, разговор у них, как у чукочь, а у оных красной меди довольно: копья, ножи и котлы медные» (Медушевская 1954: 120; Алексеев 1961: 34; Ефимов 1964: 87, № 114).

¹ Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) — астроном и математик, академик с 1767 г.

² Издание см.: Румовский 1779: 36–46. Карту Н. И. Дауркина 1765 года см.: Алексеев 1961: 32; Ефимов 1964: № 128.

вую очередь идет о коряках и по сходству с ними — о чукчах, тогда как в последнем абзаце ясно, что имеются в виду именно чукчи. Воспроизведено по: Окладников 1948: 34–36.

Описание, учиненное в штате состоящими дворяны и детми боярскими и нерегулярного войска якуцких казаков старшинами, о нравах, качестве и обхождении находящихся в окрестности и ведомстве города Якуцка ясашных разных родов иноверцах, кто именно какая нежности, увеселении, притом же в каких местах жительство имеют, также и суевериях и какою довольствуют себя пищею и чем скотоводствуют, какие же звери и рыбы в промыслу бывают и родство между собой производят, о том значит ниже сего генваря... дня 1769 году. ...

Оные народы чукчи и коряки возраста большого и малого и среднего¹, лицом смуглы, волосами черные — у мужска пола стригут, а у женска не стрижены. Платья носят одинарное, по их названию ку-клянки, парки, шитые из оленьих кож с опушкой из собачьих шкур. Жилища их на тундреных местах блись моря и в хребтах². Скотоводствуют оленьми и на оных ездят зимою на санках, а в летныя времена верхом на седелках об одной подпруге без стремян³. А пешия, кои у себя не имеют оленей, живут по край моря и рек в земляных юртах, подобно яко в погребах, вход и выход зделан вместо дверей сверху по леснице. Вместо скота пешие кормят собак и на оных в зимнее время ездят в санках и ходят пешия на лыжах и в лаптях деревянных и те огибы переплетают ремнями⁴. А оленные называются кочевные, поставляют тычинами жердин и покрывают шитыми из оленьих кож выделанных ровдуг чумами, а в летнее время потому ж из ровдух шитыми чумами. Юрты ставят, у которых бывает промысел, в пищу себе из моря и из рек неводами и седми ис трав кропивными⁵, а именно: рыбу и нерпу, китов, белук, моржей носками железными на жердях деревянных⁶. А в хребтах промышляют диких лесных баранов, оленей,

¹ Речь идет о росте людей.

² Летние стойбища чукчей располагались у побережья, где меньше насекомых, беспокоящих оленей, тогда как зимние в глуби материка, где ветры не столь сильные.

³ Если данная информация о верховой езде на оленях коряков и чукчей верна, то речь могла идти об эвенском влиянии на коряков.

⁴ Описываются снегоступы, состоящие из деревянной рамы с натянутой посередине ременной сеткой.

⁵ Сети из волокон крапивы.

⁶ Гарпуны на деревянных древках с железными наконечниками.

так о ж на платеж в казну ясака соболей¹, лисиц, медведей, волков, и оные употребляют себе на одежду.

Свойства производят и в замужество дочерей своих отдают без калымов, толко с тем договором, штоб тому зятю их быть у них в работе по то время, естли тот зять усиством своим у оной засватанной своей невесты, хватя ее, неболшим ножом штаны разрезав, и за нижней её тайной уд захватит рукою, тогда уже ее действительно получит к себе в жены, и во время того его рукою действия, собравшись многолютство женского полу, и бьет жениха, елико возможно, палками и дерут рушными коктями и колют неболшими палмами² и женскими ножницами для одного увеселения по обычаю их³. И живучи в работе у тестев своих несколько лет⁴, увидя несносное тиранство и нестерпя таковых мучительств, оставя засватанную свою невесту, отходят некоторые прочь.

Гулбу и увеселения имеют: набрав грибов, по их названию мухомору, и высуша оное едят положа в рот, нерозжовавши, глатают, от чего бывают весма пьяны и дики, а потом вымочась в ковш костяной из оленьяго рогу, и подают другому, которой приняв должен выпить и от того уже зделается болше пьяным, нежели тот, который наелся оного мухомору. А протчия мужеска полу чрез волшебство обращаются во образ женской и между собою мужеложествуют и походят друг за друга замуж⁵. И те народы люди злонравныя и, между собою поссорясь, друг друга убивают до смерти, а добродетели человеческой не чувствуют, а зла никогда забыть не могут. Шаманствы у них происходят битьем в бубны, зделав огиб деревянной и обшивають в оленью кожу и, диаволским претыканием омрача, тот шаман колет себя но-

¹ Речь идет о южных лесных районах, где водился соболь, т. е. о территории коряков.

² Пальма́ — нож на древке, преимущественно охотничье оружие.

³ Описан обычай (дольше сохранившийся у коряков) захвата женихом невесты, которая вместе со своими подружками могла сопротивляться этому захвату, особенно если жених ей не мил (Крашенинников 1949: 458; Мерк 1978: 129).

⁴ По С. П. Крашенинникову (1949: 458), отработка женихом невесты у коряков длилась 3–5 лет.

⁵ Верно подмечен обычай транссексуализма, когда человек чувствовал со стороны духов веление сменить пол. В. Г. Богораз (1899б: 31) насчитал среди 3000 колымских чукчей всего пять транссексуалов (ок. 0,15% населения), ставших женщинами, двое из которых, впрочем, имели жен и детей, а еще двое вышли замуж.

жем и палмой. А жертву приносят диаволу битыми оленьми и сабак, которых оставляют в пустых местах на земле.

Ружья у них костяные ис китового уса и костей¹, також и деревянные луки со стрелами, палмы, и во время неприятелей носят при себе на темляках копы и на себе куяки железные, костяные, тож и панцыри. А для промыслу, как в море так и в реках, плавают в лотках с деревянными огибни и обшиты вокруг того кожей моржевой, по их речению байдары, и выделанные из дерев баты подобны российского народа лоткам.

Вера их: кланяются солнцу и луне и обшивают мертвого кости в оленю кожу и обнизывая одекуем², а мертвые человеческие тела, как протчия ясашные иноверцы, на лабазы и в землю не кладут, толко зажгут на огне.

В измену и бунты часто вступают, и коряки с чюкчами производят незабытную всегдашнюю ссору, а в приход во время неприятелей жен и детей своих колят копы, с тем дабы в неприятельских руках те их жены и дети не достались.

А у чукок нрав и качества, равно как коряки, и язык имеют сходственной и не различной; а для легости и разминажу пинают мячи и копейному сражению обучаются, також и друг друга из луков стреляют до ран. Едят рыбу и зверинные мяса, не всегда вареную на огне и болшей частию и сырую. Закон у них также и вера одна: идолжоторствуют. ...

10. Ф. А. ПОЛУНИН. ЧУКЧИ

«Географический лексикон Российского государства» — первый полный географический словарь России. Словарь был составлен воеводой города Верея в Московской губернии Федором Афанасьевичем Полунинным (ок. 1735–1787) при помощи академика Г. Ф. Миллера (1773: V). Последний явно отредактировал, дополнил или даже сам написал нижеследующую небольшую статью о чукчах. Воспроизведено по: Полунин 1773: 448–449. В 1789 г. данная статья была практически без изменений опубликована в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» (Максимович 1789: 232–233).

Чукчи, народ, обитающий в крайнем северо-восточном углу Сибири, между реками Колымою и Анадырем, весьма дикий и противный, и к самоубийству склонный, чего ради и по ныне в подданство

¹ Оружие из китового уса и кости, а также оленьего рога.

² Одекуй — бисер.

не приведены. Разделяются на оленные и сидячие, из коих первые ездят на привычных оленях, составляющих большими табунами их богатство, коими и ловлею зверей и питаются, а другие, т. е. сидячие, живут на морских берегах в заливах и на устьях больших рек и питаются рыбным и морским зверей промыслом. Особливый род у них называются шелаги. Однородцы с ними, как по некоторому сходство языков разсудить должно, суть олуторы, живущие по Камчатскому морю и на обоих берегах Пенжинской губы¹. По их названных Чукотский и Шелагинской носы², також и Чукочьа река по западной стороне реки Колымы, для того что некогда чукчи войной до оной дошли и людей на промыслу убили³. О прочих их обстоятельствах и поведениях читать можно в «Известии о мореплаваниях», напечатанном в «С.-Петербургских ежемесячных сочинениях»⁴.

11. И. Ф. ГАКМАН. ЧУКЧИ

«Пространное землеописание Российского государства» географа Иоанна Фридриха Гакмана (1756–1812) было составлено как стандартное учебное пособие для народных училищ. В этой книге в третьей главе «Об обитателях государства» (с. 131–189) описаны 19 народов (или этнических групп), живших в России. При этом чукчам посвящен лишь один абзац (тогда как, например, алеутам — около шести страниц — с. 180–186), что подчеркивает крайнюю скудость имевшейся информации о чукчах накануне экспедиции И. Биллингса. Воспроизведено по: Гакман 1787: 176.

Чукчи, обитающие в отдаленнейшем северо-восточном углу Азии, между Ковымою и Анадыром, начали с недавних только еще годов

¹ Коряки-алюторцы жили на побережье северо-западной Камчатки (Долгих 1960: карта).

² Чукотский нос — мыс Дежнева, Шелагинский нос — Шелагский мыс.

³ В 1752 г. более ста человек оленных чукчей с Чауна, перейдя по льду через Колыму, появились на Малой Чукочьей реке, где убили двух слуг нижнеколымского прапорщика А. Паршукова, четырех казаков и забрали продовольственные запасы (РГАДА, ф. 199, № 528, ч. 1, д. 17, л. 15, примеч.; № 539, ч. 2, д. 6, л. 77, примеч.). В 1756 г. несколько нижнеколымских рыбаков было вновь убито на Чукочьей реке (Белов 1954: 181). Подробнее см.: Нефёдкин 2016б: 118–120.

⁴ Имеется в виду сочинение Г. Ф. Миллера (1758) «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненных», опубликованное в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих».

платить подать¹. Одна часть сего грубого народа кочует с многотысячными стадами² оленей по болотным и моховым степям; другая же часть беднее первой и кормится звериною и рыбною ловлею. Все они исправляют многие свои надобности ловлею китов, моржей и разных тюленей.

12. К. Г. МЕРК. ОПИСАНИЕ ОБЫЧАЕВ И ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧУКЧЕЙ

Работа Карла Генриха Мерка (1761–1799) является, по существу, первой монографией по этнографии чукчей. К. Г. Мерк родился в Дармштадте, учился в Гессенском университете; завербовавшись для работы в Россию, зачислен врачом в госпиталь в Иркутске; в 1786 г. вместо заболевшего шихтмейстера Патрина зачислен в состав экспедиции И. Биллингса в качестве натуралиста; на основании инструкций академика П. С. Палласа К. Г. Мерк собирал различные сведения о Чукотке; в августе 1791 — феврале 1792 гг. он пересек вместе с капитаном И. Биллингсом Чукотку, от Мечигменского залива до Колымы (Бронштейн, Шнакенбург 1941: 76–88). «Описание» было написано готическим шрифтом на немецком языке, переведено полностью З. Д. Титовой. Настоящие фрагменты воспроизведены по: Мерк 1978: 116–117, 120–122.

... К дополнительным занятиям мужчин относится и изготовление стрел, тогда как луки они выменивают чаще у коряков или американцев³, как и панцири. Острия стрел сделаны большею частью из клыков моржей или лобковой кости этих животных, с зазубринами, однако бывают у них и железные наконечники. Для работы над стрелами нуждаются чукчи в клее⁴, который изготовляют следующим образом: кожу кеты или гольца очищают от чешуи путем жевания или с помощью ножа помещают ее в кусок кишки, подвешивают в котел и варят

¹ В 1778 г. чукчи во главе с тойоном Амулятом официально приняли российское подданство и заплатили ясак, а с 1788 г. была организована Анюйская ярмарка, где перед торгом чукчи платили ясак (Нефёдкин 2016б: 229–230).

² В 1823 г. доктор А. Кибер (1824: 93) заметил: «Чукча, владея несколькими сотнями оленей, называет себя еще бедным; те, которые считаются достаточными, имеют оных до тысячи, а богатые часто даже не знают им числа».

³ Американцы — эскимосы Аляски.

⁴ Клеем приклеивалось оперение стрел у оленных чукчей.

или распаривают ее в таких же мешочках между горячими камнями и сырым мохом.

Их панцирь — Murgau — состоит из заднего щита, который представляет собою деревянную доску четырехугольной формы в один дюйм толщины [2,5 см], в полтора фута длины [45 см] и в один фут и три дюйма ширины [37,5 см], которая снаружи и изнутри обтянута окрашенной в белый цвет тюленьей кожей и закрывает затылок и голову. Сверху, частично по краям, а также в середине щит окрашен в красный цвет, и с него свешиваются окрашенные кисти. К заднему щиту прикреплен с левой стороны передний щит, свободный и гибкий, состоящий из четырех тонких, также обтянутых внутри и снаружи тюленьей кожей дощечек в четыре дюйма ширины [10 см], которые заканчиваются спереди куском из двойной кожи лахтака в шесть с половиной дюймов ширины [16 см]. Эти дощечки соединены друг с другом узкими ремнями, а передние дощечки скошены наверху вдоль. Для удлинения панциря служат загнутые вокруг тела человека восемь толстых ременных лент из кожи лахтака в два слоя. Первая лента шириной в пять дюймов [12,5 см], остальные — в десять дюймов [25 см]. Задний щит прикреплен ремешками к самой верхней ленте, последующие ленты соединены друг с другом таким же образом. Снаружи недалеко от верхнего края прикреплены ровдужные ремешки, которыми нижняя часть панциря подвязывается к поясу, и это облегчает передвижение в нем. Спереди к самой верхней ременной ленте прикреплена нагрудная часть из кожи лахтака, взятой вдвойне, шириной в десять дюймов [25 см] и длиной в семь дюймов [17,5 см], имеющая у шеи закругленный вырез, по бокам которого прикреплены закрепки из кости или китового уса, которые служат для притягивания панциря. Такие же кости просунуты в прорези ремня, пропущенного сзади внутри верхней ленты, как и через задний щит, лежащий на плечах. Через петлю переднего щита просовывают чукчи левую руку (а иногда и правую, если передний щит имеется у них и с правой стороны, что бывает реже), благодаря чему они могут отгибать щит вперед и назад. С правого бока нижняя часть панциря соединяется только наверху на груди при помощи петли, в которую входит крючок, а внизу она открыта.

Нередко более молодые мужчины, облаченные в такой панцирь, приучаются следовать за оленьим поездом в течение целого дня пути, но идут обычно по боковой горной тропинке, и случается еще при этом, что они тащат кое-что из поклажи на себе.

Также есть у чукчей железные панцири, сделанные из соединенных ремнями друг с другом продолговатых четырехугольных кусков же-

леза, которые они особенно ценят, как равным образом и шлем с опускающимися на лоб и уши частями.

Островитяне пролива носят панцири, которые защищают и затылок. Эти панцири похожи на камзол, имеют рукава до половины задней части рук из пластинок в шесть дюймов длины [15 см] и два дюйма ширины [5 см], сделанных из клыков моржей или рогов диких оленей, соединенных друг с другом ремешками из ровдуги. ...

Представляется целесообразным добавить здесь кое-что об их торговле с островитянами пролива и об их военных походах. Набеги свои оленные чукчи направляют главным образом против коряков, вражду с которыми все еще не могут забыть, а в прежние времена выступали и против юкагиров, которые с их помощью почти уничтожены. Цель их набегов — грабеж оленей. При предприятиях подобного рода чукчи выбирают себе предводителя, что в других случаях редко имеет место. Когда они приближаются к чужой земле, то оставляют позади женщин и юрты, а их предводитель советуется с более опытными стариками. Возраст при таких предприятиях имеет преимущество, а все остальные молчат. Вождь — Parthun — посылает в стойбища посланцев и определяет место сбора.

Нападения на яранги противника начинают всегда на рассвете. Одни бросаются с арканами на яранги и стараются их разрушить, выдергивая стойки, другие в это время колют копьями покрышки яранги, а третьи, подъехав быстро на своих легких нартах к оленьему стаду, делят его на части и угоняют. Иногда удастся корякам убить некоторых из нападающих, стреляя из ружей из яранги, или ранить, и тогда чукчам приходится ни с чем убираться восвояси. Однако так как чукчи большей частью очень быстро разрушают ярангу, то корякам реже удастся стрелять во второй раз и больше. В то время как чукчи закалывают всех боеспособных мужчин (так как когда дело доходит до копья, то эти «русские бабы», как чукчи называют коряков, уступают чукчам и справляются с ними только при большом численном перевесе), женщин и детей они уводят с собой. Коряцкие женщины носят на боку маленькие ножи, которыми они тогда убивают собственных детей. Родственники пленных приходят через несколько дней к чукчам, чтобы выкупить своих близких, причем им нет надобности бояться дальнейших враждебных действий со стороны чукчей.

Прежде чем чукчи начинают враждебные действия (бой) в открытом поле, они приносят несколько оленей в жертву земле. Со своих убитых врагов чукчи снимают одежду и кладут трупы затем на землю, лицом вниз, чтобы они не могли смотреть на солнце. Трупы храбрых врагов, которые ранее убили нескольких из чукчей, они увечат, прока-

лытая большей частью правое предплечье стрелами, как они сделали это с майором Павлущим. Оседлые чукчи к тому же имеют обычай татуировать на своих руках фигуры, изображающие убитых ими врагов. Хотя и реже, но проявляют чукчи жестокость и в отношении пленных; так, нескольким казакам, которые попали к ним в руки, они выжгли кожу раскаленными ножами, а затем убили их; еще раньше они взяли в плен молодого казака из Анадырского острога и принесли его в жертву земле.

Ради той же цели, то есть грабежа, переезжают оседлые чукчи на своих байдарках в Америку, нападают на стойбища, убивают мужчин и забирают женщин и детей в качестве пленных; в результате нападения на американцев получают они частично и меха, которые они обменивают у русских. Оленные чукчи покупают у оседлых за 12 важенок или за 10 важенок и за двух ездовых оленей американских женщин, детей — за более умеренную плату; женщин они используют для постоянной работы, слегка бьют, одевают в поношенную одежду и предоставляют в распоряжение приезжих. Пленный называется у них *Purel*. Благодаря продаже американских женщин оленным чукчам и прочим торговым сделкам оседлые чукчи превращаются в оленных и могут иногда кочевать вместе с оленными, хотя со стороны последних никогда не пользуются уважением. Большинство оседлых владеет десятью, двумя или одним оленем, которых они держат при стадах оленных. Встречаются также у чукчей коряки и единичные юкагиры в качестве работников. Чукчи женят их иногда на своих бедных женщинах; а оседлые также берут зачастую в жены пленных американок.

В нынешнем году (1791) оседлые чукчи отправились на нескольких байдарках в Америку для набега, но нашли пустые жилища, а жители все ушли, боясь мести чукчей, так как в прошлом году во время шторма из четырех чукотских байдар три были выброшены на американский берег, и американцы перебили всех мужчин. Чукчи же четвертой байдары, поскольку у них разорвалась старая обтяжка их лодки и в перспективе у них оставалось только утонуть, перерезали друг друга ножами.

Только немногие из оседлых чукчей отправляются сами в Америку для меновой торговли. От марта до апреля лишь единичные чукчи осмеливаются отправляться туда с северо-восточного мыса пешком или на собаках через лед с некоторым риском для себя. Чаше же всего отправляют они туда замужних пленных женщин из тех мест или устраивают меновую торговлю на островах в проливе, предлагая железные изделия и бисер и получая в обмен парки из куньего и мышиного меха, волчьи, рысьи, росомашьи, лисьи и выдровые шкуры. Жители

о. Окипен¹ встречаются, по своему обычаю, байдары чукчей в доспехах, с луками, стрелами и ножами, также провожают они их при отъезде, причем чукчи отвечают им тем же. Островитяне распределяют таких гостей между собой поодиночке и ходят и сидят с ними в своих жилищах большей частью с обнаженными ножами. Островитяне имеют до восьми жен каждый и предоставляют их приезжим.

13. М. СОУР. ОПИСАНИЕ НАРОДА ЧУКЧЕЙ

Мартин Соур (Martin Sauer, иногда на немецкий лад его фамилию пишут как Зауер) — англичанин, секретарь и переводчик капитана И. Биллингса во время Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785–1793 гг.). Экспедиция была секретной, поэтому бумаги, относящиеся к ней, по возвращении надо было сдать, что не было сделано М. Соуром, несмотря на произведенный у него обыск. Вернувшись в Англию, он опубликовал свой «Отчет о географической и астрономической экспедиции в северные части России», используя также путевой журнал Ивана Мейна, помощника К. Мерка (Сарычев 1952: 237, примеч.). Труд был опубликован на английском языке в 1802 г. и в том же году был переведен на французский и немецкий языки. На русский язык работа не переводилась, т. к. в ней подчас были нелестные описания фактов российской действительности. Однако записки имеют определенную ценность, поскольку автор имел возможность наблюдать быт чукчей в заливе Лаврентия в августе 1791 г. (сам М. Соур не участвовал в сухопутной части путешествия). Судя по замечанию о сходстве языка оленных и оседлых, М. Соур описывает оседлых чукчей, а не эскимосов, добавляя к их описанию информацию об оленных. Поскольку в данном описании М. Соура имеются пассажи, близкие к замечаниям в «Журнале» одного из членов экспедиции, прошедшего с И. Биллингсом по Чукотке в 1791–1792 гг. (вероятно, штурмана Антона Батакова — см.: Sauer 1802: 330), то можно полагать, что англичанин использовал при описании этот «Журнал», веденный на русском языке. Название данной части главы дается по французскому переводу сочинения (Sauer 1802: 388; в английском оригинале просто (с. 250): «Tshutski Pastimes etc.»). Переведено по английскому оригиналу: Sauer 1802a: 252–255.

¹ Остров Кинг — остров в Беринговом проливе к западу от побережья Аляски, южнее мыса Принца Уэльского.

Чукчи — народ, делящийся на два очень разных племени: одно называется оседлыми, или постоянными жителями побережья, второе — оленными, или кочевыми.

Первые занимают места, подходящие для рыбной ловли и охоты на морских животных, от реки Анадырь до *мест*, немного к северу от Восточного мыса¹. Их численность, согласно лучшим сведениям, которые я мог получить, достигает примерно 3000 мужчин. Их основные стойбища — около Анадырской губы, особенно в окрестностях Сердце-Камня и в заливе Метчикма, который находится между губами Анадырской и Св. Лаврентия. К северу от Восточного мыса жилищ немного, вследствие *того, что* море *тут* небогато рыбой, а лесов нет. Однако морские животные достаточно многочисленны, что является причиной их частого отбытия на охоту, которая иногда доводит их до Шалатского мыса в губе Чаун (Tshaoon), которая, *как* говорят, находится примерно в 15 днях пути от Восточного мыса, ночуя каждую ночь на берегу². ...

Они кажутся очень мастеровитыми и умелыми ремесленниками, что ясно по их байдарам, копьям, стрелам, лукам, одежде, посуде и т. д., которыми они снабжают кочевых. Они также торгуют своими пленными женщинами, получая в обмен оленей, медные и железные котлы, ножи, бисер и такие товары, которые бродячие получают от русских торговцев.

Они роют погреба, в которых хранят свои запасы еды и жира. Их рацион состоит из вяленого мяса морских животных и оленей, корней и ягод. Они рассматривают губы и морды моржа как большой деликатес, варя *их* почти до желе. Жир морских животных они хранят в тюленьих шкурах, отчего он приобретает отличные качества, будучи использован не только для еды, обогрева и освещения, но также составляя отличный товар для торговли с кочующим племенем.

Кобелев и Дауркин обнародовали очень достойные сообщения об этом народе³. Среди прочих рассказов, они говорят, что «чукчи, когда

¹ Восточный мыс — мыс Дежнева.

² Следовательно, по берегу от м. Дежнева до Шелагского мыса — 15 дней ходу, включая ночевки.

³ Переводчики экспедиции: казачий сотник Иван Кобелев (1739–1849) из Анадырска и крещеный чукча сибирский дворянин Николай Дауркин, специально плававшие в 1791 г. по поручению И. Биллингса на Аляску. О И. Кобелеве см.: Черненко 1957: 138–139; Федорова 1971: 156–172; о Н. И. Дауркине см.: Алексеев 1961: *passim*; его показания 1765 г.: Нефёдкин 2017: 380–385. Выдержки из походного журнала И. Кобелева за 1779 г.: Ефимов 1948: 228–233; за

стары или больны, просят своих друзей убить их, что немедленно исполняется как женщинами, так и мужчинами; а острый нож — единственное средство от всяких неурядиц». Но они [чукчи] решительно отрицали это. Я выяснил с помощью Толстихина¹, что когда старики жаловались на ревматизм, их лечили сжиганием сухих листьев горькой полыни, делая так, чтобы сжечь их, как трут, оставляя их до полного сгорания на больных местах — обычай, также наблюдаемый у юкагиров, тунгусов и якутов. Если же у них были опухоли от ран, заноз или от какой другой причины, они прикладывали припарку, состоящую из пережеванных съедобных корней, сдобренных свежим жиром. А в случае тяжелых болезней они приносили в жертву оленя мучащему их духу, а иногда убивали собаку, больного обводили вокруг нее и мазали ее кровью и жиром. В случае смерти тело сжигается дотла; камни кладутся на пепел так, что напоминают в некоторой степени тело человека, большой камень, обмазанный костным мозгом и жиром, — в голове, а из оленьих рогов составляют кипу или кучу на небольшом расстоянии. Это место раз в год посещается родственниками, которые, вспоминая, перечисляют подвиги и дела умершего, тогда как каждый из них добавляет рога в кучу и обмазывает головной камень.

Я не мог узнать о каких-либо деталях их религиозных ритуалов и церемоний, а также о каких-либо значимых обычаях. Они знают лишь два сезона: лето и зиму, в начале каждого из которых они делают жертвоприношения и праздники в благодарность за то, что произошло, и призывая успехи в будущем.

Кобелев утверждает, что «кочующие чукчи практикуют передачу своих жен иностранцам в качестве знака дружбы и что они часто ими меняются между собой на короткое время». Это, однако, не относится к тем людям, кто крайне привязан к своим женам и потомству; и если одна из них была неверна своему мужу, она может быть оставлена всеми; нет большего позора, брошенного на чукотскую женщину, чем подозрение за ней вины благосклонности к иностранцу.

1789–1791 гг.: Черненко 1957: 126–138; ЭМ: 160–165; сообщения Н. И. Дауркина о Чукотке: Паллас 1779: 43–46; Pallas 1781a: 245–248.

¹ Василий Толстихин (Vassiley Tolstichen) — бывший житель Анадырска, видимо, знавший чукотский язык, участник экспедиции И. Биллингса (Sauer 1802: 251). В Гижиге в это же время известен толмач капрал Петр Толстихин (Гренадер 1975: 101). Кроме того, мать солдата из Гижиги Михаила Толстихина была чукчанкой, в 1779 г. он также женился на крещеной чукчанке (РГАДА, ф. 199, № 539, ч. 2, д. 6, л. 53 об.). Возможно, все эти люди были родственниками.

Кочевое племя рассматривает себя как высшую из существующих рас и самую независимую из людей. Они называют все окружающие их народы старухами, способными только охранять свои стада и быть их слугами, особенно коряков. Олени — их единственное богатство; их и шкуры этих животных, когда их убивают во время перекочевки, они обменивают у русских и т. д. на котлы, ножи и безделушки, как-вые товары *позволяют* им приобретать оружие, одежду, рабов и т. д. у оседлого племени. Их обычаи одинаковы, как и их язык. Это все сведения, что я смог получить об этом народе во время моего краткого пребывания.

14. И. КОПЕЦ. О НАРОДАХ, ИЗВЕСТНЫХ ПОД ИМЕНЕМ ЧУКЧЕЙ

Польский шляхтич Юзеф (в русском варианте — Иосиф) Копец (Józef Koreś, 1762–1827), кавалерийский офицер Речи Посполитой; в 1792 г. присягнул императрице Екатерине II, но в 1794 г. перешел на сторону восставшего Т. Костюшко в чине вице-бригадира, а потом бригадира. В этом же году раненым был взят в плен и сослан в апреле 1795 г. в Сибирь, на Камчатку, где пробыл до конца 1796 г., когда была подписана императором Павлом амнистия. Жил в имении, где занимался литературной деятельностью. После его смерти были изданы «Записки», частью которых является данная глава. Сам Ю. Копец лично встретился с чукчами-охотниками, когда возвращался с Камчатки из ссылки в декабре 1796 г. (Копец 1896: 1004). Воспроизведено по: Копец 1896: 996–997.

На оконечности Азии, неподалеку от Ледовитого моря, обитают чукчи. Чукчи отличаются от других народов ростом, красотой, наружностью и особенной решительностью. Прежде, когда москали нападали на них в крепостях¹, а они видели, что защищаться уже не в состоянии, — убивали своих детей и жен, чтобы те не доставались неприятелю, а сами погибали с великою храбростью. Чукчи метко стреляют из луков, ловко ездят на оленях и летают на лыжах, как птицы.

¹ Вероятно, имеются в виду острожки — как русские называли поселения с землянками оседлых приморских жителей или стойбища оленных, которые могли быть укреплены при непосредственной угрозе нападения (ср.: Линденау 1983: 108).

Выдерживают величайший холод. Едят почти все сырое. На зиму они устраивают в земле глубокие ямы, летом же живут в шалашах из кож или коры¹. Делятся на несколько родов, и каждый род имеет своего начальника. В последние выбирают людей сильных, высоких и отважных. Религия, обряды и сожжение умерших у чукчей такие же, как и у соседних народов. Но кроме того, они зарезывают очень старых и тяжело больных своих родственников и ближайших друзей, предварительно заявив им, что вследствие нежной привязанности они собственноручно прекратят их страдания.

Россияне основали в соседстве с чукчами, в местностях, наиболее для себя выгодных, при реке Анадыре, крепостцы. Там у чукчей величайшие ловли рыб и стада оленей. В этой местности много собирается купцов ради мехов. Там есть отличнейшие соболи, белки и черные лисицы. Торговцы, москали и сибиряки, очень много наживают от чукчей, давая им за соболей, куниц и другие меха тютюн², железные горшки, бусы, разный железный хлам и игрушки. Когда не хватало у москалей тютюну, они мешали листья капусты, о чем чукчи узнали. Но те еще чаще доказали свою честность и дружбу. Когда сделка кончалась, москали угощали их тютюном. Чукчи имеют обычай закуривать трубки все разом и при этом затягиваться, так что на короткое время одуряются. Москали, пользуясь этим случаем, перебили своих друзей и отобрали у них всё³. С этого времени чукчи не имеют с ними никакого знакомства и остаются злейшими врагами.

Заведение укрепленных пунктов⁴ в земле чукчей повело к постоянным столкновениям. Погибало много людей с обеих сторон. В конце концов москали были вынуждены уступить. Теперь они уже не предпринимают экспедиций против чукчей, а ищут их дружбы. Вообще, этот чрезвычайно отдаленный пункт, где обитает чукотский народ, мало имеет значения для русских, за исключением разве гавани, откуда можно было бы со временем открыть воображаемую Америку. К этому-то и стремятся москали. Они знают, что чукчи переезжают море на кожаных лодках и на третий день пути становятся

¹ Зимой жители побережья жили в землянках, а летом — в ярангах, обтянутых шкурами. Покрышка из коры известна не у чукчей, а у летней урасы юкагиров.

² Тютюн — табак.

³ Похожий случай связан с действиями сотника В. Шипицина в 1741 г. (Нефёдкин 2016а: 78–82).

⁴ Острогами на границе с чукотской землей были Анадырск и Нижнеколымск.

на берегах Новой земли. Между последней и материком существуют три острова¹. Чукчи нападают на эти острова и отбирают у жителей все достояние. Ни одно большое судно не может там пройти как по причине мелководья, так и вследствие тумана; да кроме того, в малом числе никто не отважился туда ехать, видя на том берегу толпы людей.

15. ЧУКЧИ (1806 г.)

Анонимный автор (возможно, создатель журнала А. Ф. Бестужев) составил описания различных сибирских народов, собрав информацию из различных источников. Основой для данной статьи послужил материал лексикона Ф. А. Полунина (1773: 448–449), которая была значительно дополнена в соответствии с новыми данными, полученными во время астрономической и географической экспедиции И. И. Биллингса (1785–1793 гг.). В целом, в данной статье обобщена основная информация о чукчах, известная в XVIII в., которая представляет чукчей глазами европейца эпохи просвещения, перемешивая кочевых и оседлых. Данный материал, в свою очередь, послужил основой для написания статьи «Чукчи» в российском географическом словаре, изданном в 1809 г. (Щекатов, Максимович 1809: 171). Воспроизведено по: Нечто о Сибири. 1806. № 8: 94–96.

Чукчи иначе называются шалагами. Живут в крайнем северо-восточном углу Камчатки, которой по имени их прозван Чукотским или Шалагским носом. Земля их довольно велика и простирается между рек Колымы и Анадыра до Ледовитого моря, но пуста, бесплодна, болотиста и окружена горами, меж коих по долинам едва растет трава возле низких ивовых, березовых и ольховых кустарников. Лето там короткое, но дни длинные; ночи зимние продолжительны. Чукотский нос от твердой земли Америки отделен проливом в 300 верст².

Чукчи народ дикой, весьма грубой, беспокойный и к самоубийству склонный. Росту они малого, тонки и лицом похожи на коряков.

Пища их состоит в рыбе, растениях и кореньях разного рода. Платье делают из звериных кож. Зимой живут более в постоянных хижи-

¹ Острова Диомиды (Ратманова) и островок Фэррей-Рок или о. Кинг.

² Наименьшая ширина Берингова пролива между мысами Дежнева и Принца Уэльского составляет ок. 82 км.

нах или землянках; а летом перекочевывают с места на место, делая везде маленькие шалаши, подобные камчадалским легким юртам¹.

Домашняя утварь их весьма бедна; у нет ни железной, ни другой какой-либо посуды. Оружие их состоит в луках, стрелах, копьях с косяными наконечниками и в пращах. Байдары их (род лодок), длиною до двух сажень², узкие и плоскодонные, делаются из китовых ребер и обтягиваются тюленьими кожами.

Главнейший промысл их — олени, которые составляют их богатство и которых у одного есть более 10 000; занимаются также звериною и рыбною ловлею. Когда пролив замерзнет, чукчи ездят в Америку и ведут изрядный торг с американцами³. Приходят и к русским, живущим при Колыме, и выменивают у них на товары свои разные вещи, из коих иные оставляют для своего употребления, а другие отвозят в Америку.

О религии их нельзя сказать ничего достоверного; известно только, что они самые грубые идолопоклонники, погруженные в крайнем невежестве.

У чукчей нет почти никакого управления и общественных порядков. Число их полагают до 4 или 5 тысяч человек, способных владеть оружием. Подать начали платить с недавних еще времен и дают ее больше по доброй воле, нежели по обязанности подданства, ибо их можно почесть совершенно почти независимым народом.

¹ В данном предложении автор смешал информацию об оседлых жителях, живших зимой в землянках, и кочевниках, жилищем которым служили яранги.

² 2 сажени = 4,26 м.

³ Американцы — аляскинские эскимосы.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

НОВЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. [КАК ПОЯВИЛОСЬ НАЗВАНИЕ СЕРДЦЕ-ГОРА]

Топографическую легенду рассказала в мае 2017 г. на русском языке Лариса Ивановна Тымнэраскова (1945 г. р.) из Конергино, которая, в свою очередь, слышала ее от своей бабушки домохозяйки Айгытыко (Айгитваль, 1890-е — 1969) из Нунлиграна; записала внучка Ларисы Ивановны экономист Светлана Валерьевна Якушина (1991 г. р.). Легенда объясняет появление топографического названия горы к юго-востоку от Конергино у восточного берега залива Креста сходством формы возвышенности с сердцем — Линглингэй — «Сердце-гора» (Камень-Сердце) (Леонтьев, Новикова 1989: 234). Публикуется впервые.

В летнее время многие семьи береговых чукчей для заготовки провизии на зиму жили во временных жилищах, похожих на шалаш из моржовых шкур (*гатгаран*). Одна такая семья из Энмелена, состоящая из отца, матери, двух взрослых сыновей и сына-подростка, закладывала добытого морзверя в ямы. Вследствие претензий на обладание хорошим прибрежным пастбищем, на них напали тундровики (чукчи-оленоводы), всего десять человек. Началось сражение. В нем погибли отец и двое сыновей, из нападавших осталось двое. Мать не пускала младшего сына в схватку, говоря: «Лучше давай спрячемся». Но подросток тоже пошел в бой, убил оставшихся, но и сам погиб. От

горя сердце матери закаменело и превратилось в гору. Эту Сердцегору видно из села Конергино в ясную погоду, если смотреть в сторону Энмелена.

2. [ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ ГОРЫ ЧЕВТЫТЪЫМ]

Топографический рассказ составила преподаватель из села Кепервеем (Билибинский район ЧАО) Татьяна Алексеевна Терлецкая (1954 г. р.) на основании повествования жителя того же села учителя Дмитрия Михайловича Дьячкова (1937–2003); рассказ записан в конце 1990-х гг. Рассказ объясняет название горы Чевтытъым на левом берегу Малого Анюя по дороге между Кепервеем и Билибино гибелью тут юкагиров. Вариант рассказа был опубликован в билибинской газете «Золотая Чукотка»: Терлецкая 2006; ср.: Нефёдкин 2016: 350–351.

В кепервеемской тундре есть гора Чевтытъым—«Головные кости». Откуда такое название?

В топонимическом словаре В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой рассказывается о бое на этой горе чукчей с таннитанами¹. А вот что мне рассказал житель Кепервеема Дмитрий Михайлович Дьячков. Ему об этом поведал его отец Михаил Семенович Дьячков:

«Старики рассказывали нам о чукотских войнах, а еще хуже о межродовых. Давным-давно по Большому и Малому Анюю обитало большое племя эльэтаннэт — «настоящие танниты», то есть юкагиры. Большинство из них погибло из-за эпидемий. Много погибло из-за племенных распрей. У нас на маршруте первой бригады² есть сопка Чевтытъым. Она сначала называлась Левтытъым — «Много черепов», а позднее стали называть Чевтытъым³. Говорят, что там было последнее прибежище юкагиров.

Мой старший брат, оленевод Семён Михайлович Дьячков (1920–2000), рассказывал, что он там проходил в молодости и видел каменные плиты, а под ними — пустота. Говорят, что тут прятались

¹ См.: Леонтьев, Новикова 1989: 408; Нефёдкин 2016: 350–351.

² Первая бригада совхоза «Вперед» (Билибино), в которой работали братья Дьячковы.

³ Как заметила И. В. Куликова, оба наименования горы (Чевтытъым и Левтытъым) — синонимы, поскольку в чукотском языке буквы Л и Ч постоянно чередуются, но для современного читателя ближе будет второе название.

Гора Левтыттым. Фото А. А. Терлецкого, 17 мая 2017 г.

юкагиры. Они рыли ямы, сверху клали плиты, а потом покрывали дерном, чтобы их не могли заметить. В этих ямах прятались они, когда видели врага. А борьба шла между племенами за территории. При очередном нападении они снова там спрятались. Чукотские воины бежали и не замечали эти плиты. Куда они делись? Присутствие людей обнаружили таким образом: услышали плач ребенка. Детям же рот не закроешь. Там они и погибли. От них остались головные кости.

На этой сопке ещё мальчишкой я был. У подножия мы находили обломки копий, стрелы. Теперь, конечно, там все мхом поросло. Чтобы что-то найти, надо хорошенько покопаться. Кончики копий были позеленевшими, значит, были изготовлены из бронзы или меди. А у стрел наконечники были каменные (из обсидиана) и костяные».

А вот племянница Д. М. Дьячкова, чумработница Анна Дмитриевна Шкуренкова (1943–2014) рассказывала: «Чевтыттым-Левтыттым — «Головные кости» — сопка есть такая. В 1940–1950-е годы у подножия находили копыя, наконечники стрел. Говорят, что по сопке проходила

тропа диких оленей. На них охотились ламуты (эвены). Заодно они нападали на чукчей в этом месте».

Вот таких два разных рассказа. Возможно, что это происходило в разное время¹.

3. ЛЕГЕНДА ОБ АЙОНСКОЙ БАБУШКЕ

Легенда рассказана 16 сентября 2015 г. в селе Айон чукчанкой Татьяной Трофимовной Котгыргиной (1958 г. р.), родившейся и живущей в этом селе, этнографу Анастасии Алексеевне Ярзуткиной. В рассказах информантов села Айон обычно противопоставляются «лесные» (материковые) и «островные» жители, об этих двух группах, похоже, и идет речь в легенде. В айонском совхозе также разделялись оленеводческие бригады — одни («лесные») — пасли оленей в материковой части, другие («островные») — на острове Айон. Данное сказание объясняет происхождение кучи оленьих рогов на острове на 18-м километре. Публикуется впервые.

До сих пор оленеводы, даже молодые, соблюдают обряд. Прежде, чем перейти стаду на остров или с острова на материк. Обряд в честь бабушки и для нее куча рогов. Это на 18-м². Рассказывали, что она спасла свою семью от этих, которые отбирают оленей. Врагами их называли. Мы с малых лет слышали про эту кучу рогов. Пытались трактором их отодвинуть — не смогли — трактор сломался. Вот как эта куча образовалась? Целая легенда. Она посвящается именно этой бабушке.

Поздняя осень была. С той стороны пролива это начиналось³. Семью преследовали захватчики-завоеватели или, как по-современному, «рэкетиры» — *экельхит* — «плохие люди» по-чукотски. И вот они преследовали эту семью, и бабушка поняла, что они могут их нагнать. И тогда погибнет семья и отберут оленей. Она сказала своему сыну: «Гони стадо дальше и семью уводи. Через три дня пути поставь ярангу, и так, чтобы она хорошо стояла, и укрепи хорошо эту ярангу».

¹ Действительно, столкновения чукчей с юкагирами на Малом Анюе должно быть датировано XVII в. или ранее, тогда как эвены появились в регионе позднее и столкновения с эвенками могут быть датированы XIX в.

² Местность в 18 км к юго-западу по побережью от поселка Айон.

³ Т. е. бабушкино стойбище находилось на материке, а враги хотели перейти на остров Айон.

Сама бабушка осталась. Вот приходят враги и видят: сидит бабушка и больше никого нет. Враги говорят: «Ну-ка скажи, где твой сын и где олени?» Бабушка молчит. Еще раз враги повторили, она молчит. Тогда они говорят: «Мы тебя убьем». Бабушка вдруг заговорила и сказала им: «А вы попробуйте». И продолжала сидеть спокойно. Враги ее окружили и проткнули штыками¹. Убили.

После этого они легли спать, чтобы утром проснуться и дальше идти за оленями. Просыпаются враги, а бабушка сидит. Конечно, им немного не по себе стало. Враги говорят: «А ты жива? Тогда мы тебя по-другому лишим жизни». Стали ее смерть готовить. Залили ее холодной водой, и она превратилась в глыбу льда. Весь день у них прошел, чтобы бабушку убить. Долго ее убивали. День прошел, и они расположились на ночлег.

Просыпаются, идут — бабушка опять сидит. Тут совсем враги разозлились. «Ну, тогда мы тебя убьем огнем, сожжем тебя», — говорят бабушке враги. Сделали огромный костер, посадили ее в этот костер, чтобы она сгорела. Пока дрова собирали на костер, день опять прошел. Опять преследование отложили и легли ночевать. Утром проснулись — бабушки нет. Только враги встали и хотели продолжить преследование, разыгралась вдруг пурга сильная. Но враги решили пролив перейти, и тут лед под ними стал ломаться, и они начали тонуть. В страхе оставшиеся преследователи бросились на берег, а там бабушка сидит.

«Прости нас, пожалуйста, — стали говорить бабушке враги. — Мы не будем твоих детей преследовать и стадо отбирать. Защити нас».

Бабушка говорит: «Я вас прощу тогда, когда вы мне поставите курган из оленьих рогов и всего, что вы будете добывать. Он должен быть таким высоким, чтобы видно было с любого горизонта и чтобы все видели мою могилу».

Прошло много лет, враги выполнили завет бабушки. Но за эти годы враги породнились с бабушкиной семьей и стали другими — островными.

4. [КАК ПЭТЫВЫТЫЧГЫН ПОЛУЧИЛ СВОЕ ИМЯ]

Героическое сказание рассказано мне на русском языке в марте 2017 г. в Анадыре зоотехником Николаем Коравье (1966 г. р.), телькепским чукчей из Ваег, который слышал этот рассказ от своей бабушки,

¹ Штыки — явный анахронизм, заменивший обычные копья.

тундровички Кергынтонау (ок. 1920–1998/9). Сам Пэтывытычгын был младшим братом Кунлелю (Нефёдкин 2016: 144, 145) и, соответственно, время его жизни датируется серединой — второй половиной XVIII в. Пэтывытычгын является героем ряда сказаний южных чукчей (см., например: Нефёдкин 2016: 144–145, 340). Публикуется впервые.

Отряд врагов приближался к стойбищу. Пэтывытычгын оделся в старую рваную одежду и лег на снег на пути врагов, притворившись замершим. Когда враги проходили мимо, увидя его, говорили: «Бедняжка, такой нищий, что у него нет хорошей одежды. Замерзший. Трогать его не будем». Когда враги прошли, Пэтывытычгын вскочил, схватил лук и перебил прошедших мимо него врагов. Отсюда произошло и его имя Пэтывытычгын — «Старая камлейка».

5. [ПЭТЫВЫТЫЧГЫН]

Героическое сказание рассказано мне на русском языке в марте 2017 г. в Анадыре оленеводом Владиславом Николаевичем Нувано (1963 г. р.), научным сотрудником Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения РАН. Он, в свою очередь, слышал сказание в 1987 г. от телькепского чукчи Николая Нутевьи (1948–2002), оленевода четвертой бригады совхоза «Путь к коммунизму» в Ваегах. Сказание описывает, как Пэтывытычгын стал богатырем. Публикуется впервые.

Пэтывытычгын рос без отца. В стойбище его не уважали, издевались над ним. А он еще и специально мазал себе глаза, чтобы казалось, что у него в глазах казюли. Зимой у него не было подходящей обуви, и он обувался в летние кожаные бродовки, сшитые из прокопченной покрывки яранги. Мать по ночам его обувала и тренировала. На рассвете он возвращался в ярангу, мазал себе глаза и сидел, ничего не делая, потому что не имел обуви. Односельчане его не уважали, думая, что он какой-то юродивый. Так продолжалось достаточно долго.

Однажды люди смотрят: приближается караван «плохих людей» (экэлъыт). И вдруг видят: из яранги через дымовое отверстие выпрыгивает Пэтывытычгын и начинает прыгать туда-сюда через свою ярангу. Это увидели и сельчане, и враги. Враги, устранившись, ушли. Пэтывытычгын с тех пор стал уважаемым человеком и даже попал в легенды.

6. [МАЛЬЧИК С ЛУКОМ]

Героическое сказание рассказано мне в марте 2017 г. в Анадыре В. Н. Нувано, который слышал это сказание в 1980 г. от своего отца Н. И. Нувано. Сказание описывает вариант традиционного сюжета о том, как мальчик победил вражеского богатыря (см.: Нефёдкин 2016: 58–61, 207–209, 282–283, 349, № 59). Публикуется впервые.

Вражеский богатырь пробежал по тундре¹. В это время мальчик из стойбища, на которое должны были напасть враги, ел ягоду. Увидев приближающегося воина, мальчик испугался и спрятался в кусты. Он выстрелил в богатыря из своего детского лука. Стрелка попала в щеку богатыря, не причинив никакого вреда. Но все же богатырь объявил мальчику: «Ты меня победил. Ты должен меня убить». Мальчик спросил: «А что мне делать?» Богатырь сказал: «Я сам все сделаю. Главное: ничего не бери. За мной идут вооруженные люди. Я лучший среди них. Они увидят, что я побежден, и скажут: «С этими людьми мы связываться не будем». Они меня и мое оружие заберут и уйдут обратно».

Богатырь сложил всё свое оружие. Испуганный мальчик спросил: «Как же я тебя убью, такого большого и сильного?» Богатырь ответил: «Возьми мое копье и упри его о кочку. А остальное я сам сделаю. Только мое копье положи рядом с моим остальным оружием». Так и случилось... Богатырь умер, побежденный мальчиком. Его воины увидели своего богатыря мертвым, забрали тело и оружие и ушли назад.

7. [ОТКУДА ПРОИЗОШЛИ ВАЕЖСКИЕ КЕРЕКИ]

Историческое предание рассказано мне в марте 2017 г. в Анадыре В. Н. Нувано, который слышал сказание в 2001 г. от своего отца Н. И. Нувано. Предание повествует о происхождении кереков, которые наряду с чукчами живут в Ваегах. Публикуется впервые.

У ваежских стало много оленей, а вот пастухов не хватало, так как много мужчин гибло в битвах. У одного пастуха было большое стадо. Как обычно, на лето он угонял стадо к морю, на прохладное место, оставляя ярангу и семью. Однажды вернувшись, он не обнаружил в яранге ни жены, ни детей, а вокруг увидел медвежьи следы. Потом пастух женился

¹ Как пояснил рассказчик, это было летнее нападение, но не на соседнее стойбище. Просто молодежь таким образом проверяла свои навыки боя.

во второй раз, уже на *эйгыск'ылъыт* — из «северных людей»¹. Уйдя на летовку, вернулся. Опять произошло то же самое: семьи нет, лишь медвежьи следы. Потом пастух женился на другой женщине, но произошло то же самое. Медведь уже знал место и привык приходить.

Наконец взял в жены керекскую женщину. Она, как говорили, была *гейгулетлин* (т. е. «наученная»), обладавшая шаманскими знаниями. У них родился ребенок. Настала пора уходить на летовку. Муж говорит жене: «Медведь привык приходить. Может быть, вы со мной пойдете, оставив ярангу?» Жена отвечает: «Не волнуйся. Ничего, мы здесь как-нибудь побудем. Положено так, чтобы яранга не оставалась пустой». Муж ушел со стадом. Через два месяца он возвращается, думая: «Ну, сейчас увижу опять печальную картину». Смотрит, а там — большая медвежья шкура висит, сохнет. Подходит к яранге, а семья жива-здорова. Спрашивает жену: «А как это ты сделала?» «Э, — говорит она, — я ребеночка в качестве приманки посадила напротив входа внутри яранги, а сама спряталась за входом и схватила топор. Медведь только заходит, а я его по шее топором. И всё — убила его». От этой женщины и произошли наши ваежские кереки. Все они стали чукчами, но помнят о своих корнях.

8. [В ПОИСКАХ ПОХИЩЕННОЙ СЕСТРЫ]

Героическое сказание рассказано мне в марте 2017 г. в Анадыре В. Н. Нувано, который слышал сказание в 1977 г. от оленеводов четвертой бригады совхоза «Путь к коммунизму» в Ваегах (от его отца, Николая Ивановича Нувано (1937–2007), оленевода Тэнэвэнтэна или старика Эйгынкевкя). Сказание описывает стандартный в чукотском фольклоре сюжет — поиск похищенной врагами сестры (Нефёдкин 2016: 157–170). Публикуется впервые.

Существует множество рассказов о похищенной сестре. Вот один из них.

Враги похитили сестру. Брат рос и тренировался. Потом пошел искать сестру. Пришел к корякам (чукчи их называли *танн'ыт*, т. е. враги; в свою очередь, коряки чукчей называли так же). Чтобы произвести впечатление на пришедшего, коряк взбежал по опорному шесту треноги наверх, то есть по наклонности 45 градусов, на высоту по-

¹ Как заметил рассказчик, с середины 1950 до 1960-х гг. на Чукотке проводилась паспортизация потомков чукчей, коряков из «северных» людей, которые были записаны чуванцами.

рядка четыре метра. Визбравшись, он стал испражняться вниз. Коряк спросил пришедшего: «Ну что? Видишь?» Брат отвечал: «Вижу. Ну, ты лучше спустись. Тут сразимся». Тот спустился и оделся. Они сразились. Пришедший убил коряка, но его братьев не стал убивать. Те сказали: «Забирай сестру». Так брат вернул сестру.

9. ИЩУЩИЙ СЕСТРУ

Сказку рассказал 30 января 1981 г. Иван Тыненкеу (1931–1991), житель села Алькатваам, записала Елена Ивановна Кытгаут-Тынетегина (1941–2015), руководитель ансамбля «Дружба» села Мейныпильгыно; перевод на русский язык сделал в мае 2017 г. оленевод (ныне пенсионер) Игорь Сергеевич Етылькут (1961 г. р.). В сказке приводится традиционный для южных чукчей сюжет — поиски похищенной сестры, а сам сюжет с оборотнем-волком аналогичен со сказкой о Ейвэлкэ — так звали брата, освободившего сестру (Куттэгина 2003: 47–49; Нефёдкин 2016: 157). Перевод с чукотского языка (с диалектизмами) сделан по изданию: Кытгаут-Тынетегина 2016: 60–61.

В старину, ещё во времена чукотско-корякских войн, в одной семье во время набега коряками была похищена девушка. Подросший и окрепший младший брат этой девушки, прослышав правду о похищении, решил во что бы то ни стало разыскать и вернуть сестру в семью. Отправившись с двумя товарищами на поиски, он целый год провёл на острове, соорудив шалаш в густом кустарнике, недалеко от стойбища предполагаемых похитителей.

Юноша оказался оборотнем — мог превращаться в волка. Таким образом он целый год добывал пищу для себя и своих товарищей, одновременно делая разведку.

Однажды ранней весной в сумерках он увидел женщину за шитьём покрыва для яранги. Женщина, увидев его, спросила: «Кто ты и откуда?»

— Я ищу свою сестру, которую выкрали чужеземцы, когда я был ещё младенцем, — ответил юноша. — Хочу забрать её домой.

— Это я и есть. Но вряд ли это получится. Возвращайся обратно, не подвергай себя риску.

Брат посетовал:

— Зря ли я столько тренировался и готовил своё тело к битвам с целью освободить тебя? Пусть лучше обессилю, чтобы понять, что не

смогу этого сделать! Вот что, сестра, сшей-ка мне по-быстрому чывэрит¹ и повесь с уличной стороны. Утром я приду за ними.

Сестра отвечала:

— Сомневаюсь, что ты пройдешь незамеченным, тебя обнаружат.

— Не беспокойся, я сумею, я приду за ними.

Утром действительно обуви не было. Брат предупредил сестру: «Осенью, как только озеро покроется льдом, мы придем».

Ранней осенью брат отбил от стада неприятеля одного оленя-производителя и погнал его в сторону своего расположения, превратившись в волка.

— Что бы это значило? Кто тут ходит чужой? — недоумевал зять с соплеменниками.

С этого времени они начали тщательно обследовать территорию, выслеживать злоумышленников. Но тщетно. Хорошо замаскированные в непроходимых зарослях острова брат с товарищами были неуязвимы, недосыгаемы.

Как только озеро замерзло, чукчи приблизились к стойбищу. Ночью крикнули голосом гагары. Зять-коряк сказал: «Если гагара кричит, когда озеро покрыто льдом, жди незваных гостей. Значит, кто-то приближается».

Жена утром вышла на улицу и говорит мужу:

— Что-то там у озера? Похоже, что люди?

— Позови их.

Люди с озера пришли.

— Кто вы и откуда?

— Мы пришли с восточных земель. Ищем сестру, похищенную людьми с вашей стороны.

— Она здесь и сейчас моя жена.

— Я намерен забрать ее домой.

— Забирай, если сможешь победить меня.

— Где будем драться?

— На озере, на голом льду.

Шурин предложил:

— Сначала попробуй ты попасть в мои лодыжки пущенными по льду стрелами.

Зять, как ни старался, не мог попасть в соперника, ибо шурин ловко уворачивался от стрел, подпрыгивая на льду.

¹ Чывэрит — легкая летняя обувь.

— Теперь твоя очередь защищаться, — сказал шурин и первыми же стрелами попал в лодыжку зятя, искалечив его.

Так вместе со стадом оленей и ярангой брат вернул сестру домой.

10. СЕМЬЯ КЫРГЫЯНВЫНА

Героическое сказание рассказал 8 февраля 1978 г. житель села Мей-ныпильгыно Николай Етылин (1939–2016); записала Е. И. Кытгаут-Тынетегина; перевел на русский язык И. С. Етылькунт. Сказание представляет собой вариант сюжета о поиске сестры, но без сказочных элементов. Сказание является вариантом топографического предания о появлении названия «Кровавое озеро»–Мотлыгытгын (Нефёдкин 2016: 343). Упомянутый в тексте Рэйипгэв, вероятно, являлся родственником (братом или племянником) Кунлелю (см.: Нефёдкин 2016: 99), и в этом случае время действия данного сказания относится ко второй половине XVIII в. Перевод сказания, сделанный анадырской журналисткой Евгенией Ивановной Тынеру (1948 г. р.), был уже опубликован (Кытгаут 2015: 37–39). Настоящий перевод сделан по изданию: Кытгаут-Тынетегина 2016: 6–9.

Кыргыянвын не помнил сестру. Ее увели с собой танныт, когда он был младенцем. Мальчишкой он был шалуном и пересмешником: то и дело подначивал и дразнил девчонок, особенно тех, кто постарше. Однажды девчата осадили озорника, сказав: «Свою старшую сестру ты бы тоже дразнил, если бы ее не похитили у вас танныт?» Замолчал, призадумался Кыргыянвын.

Придя домой, с порога спросил отца: «У меня действительно есть сестра, которую увезли чужеземцы, как говорят люди?» Отец не считал нужным отвечать на вопрос сына — мол, все равно не поймет.

С тех пор подросток Кыргыянвын. Снова стал расспрашивать родителей о пропавшей сестре... Отец хорошо понимал сына, видя его нетерпение. Но понимал также, что сын недостаточно опытен, ловок и силен, чтобы противостоять врагам: «Не торопись, сынок, всему свое время. В будущем году будет видно...»

Прошел год изнурительных тренировок. Отец наконец остался довольным подготовкой возмужавшего наследника. Рассказав повторно о похищении дочери, старик дал последние наставления. Кыргыянвын призвал двоюродных братьев: «Летом мы должны хорошо подготовиться к походу».

Ранней осенью небольшой отряд Кыргызянына выдвинулся в сторону расположения неприятеля. И только к первым заморозкам и первому снегу они приблизились к стойбищам коряков.

Однажды Кыргызянын затемно вышел на разведку. Рано утром вышел к стойбищу и вдруг увидел женщину, выходящую из ближайшего жилища, выносящую эчуулгын¹. Женщина замерла, увидев незнакомца, черты лица которого неуловимо напоминали о ком-то родном.

— Кто ты? — с надеждой в голосе тихо спросила она.

— Я Кыргызянын, пришел с чукотских земель, ищу свою сестру. Вы не слышали о ней?

Женщина ответила:

— Я и есть сестра Кыргызянына.

Юноша волнуясь спросил: «Значит, в самом деле ты моя сестра?»

Сестра ответила:

— Да, я почти сразу тебя узнала.

Молча рассматривали друг друга брат с сестрой, еле сдерживая чувства...

— Я пришел за тобой, сестра.

— Боюсь, что это невозможно. Мой муж слишком силен.

— Не переживай, справлюсь. К тому же со мной мои товарищи.

— Уходи, братец, как можно быстрее. Мой муж скоро выйдет на тренировку. Как бы не увидел тебя. Иди!

— Не волнуйся, сестра. Я уйду незаметно.

На прощание сестра сказала:

— Завтра приходи в это же время. Я пойду по воду в сторону, откуда ты пришел.

Кыргызянын ушел. Входя в ярангу, сестра оглянулась — брата уже не было видно.

— Ты почему задержалась? — спросил муж.

— С соседкой разговорились...

Рослый и сильный, опытный воин, зять Кыргызянына ушел в тренировочный лагерь. Женщина же крепко призадумалась о дальнейшей судьбе, растерявшись перед неизвестностью.

Назавтра Кыргызянын вновь увидел сестру, идущую по воду. Помог донести сосуды с водой. Перед входом сестра говорит брату:

— Все, уходи, дальше я сама.

Брат продолжал стоять у входа.

Коряк спросил:

¹ Эчуулгын — ночной горшок.

— С кем ты разговаривала?

— Да вот гость объявился, откуда — не знаю.

— Скажи, пусть войдет.

Кыргыянвын вошел, замерев у входа. Хозяин пригласил:

— Проходи, присаживайся у полога. Кто ты?

— Я Кыргыянвын.

— Что ты здесь делаешь?

— Искал и нашел свою сестру. Это она — твоя жена. Я пришел забрать ее домой.

— Ты слишком молод тягаться со мной.

— Ничего, справлюсь. Зря ли мы столько прошли.

— Кыргыянвын, так ты не один?

— Да, мои воины здесь неподалеку.

— Ну раз такое дело, хотя бы попытайтесь, если силенок хватит.

Кыргыянвын спросил:

— Когда начнем?

Коряк ответил:

— Завтра пригоним стадо, забьем оленей, справим ритуал, будем варить на улице — все, как положено.

— Ну и мы сделаем так же.

Назавтра коряки подогнали табун оленей к своему стойбищу. Отряд чукчей тоже приблизился на расстояние видимости, так что были слышны голоса со стана противника. Коряки с насмешками смотрели на немногочисленный отряд Кыргыянвына. Чукчи тоже готовили пищу. Кыргыянвын подбадривал товарищей: «Давайте тоже веселиться. Не будем думать о плохом, не будем терять боевой дух!»

Кыргыянвын сказал Рэйипгэву¹:

— Сыграем, погадаем в шутку. Если быстро проглотим олений язык и рорат (колбасу), значит, удача будет с нами, если нет — нас победят.

Рэйипгэв с Кыргыянвыном мигом проглотили олений язык с колбасой, даже не подавившись. Кыргыянвын сказал: «Значит, все будет хорошо».

Когда все было готово, Кыргыянвын спросил коряков:

— Где будем биться?

— Где вам угодно.

— Нам тоже все равно где биться, говорите прямо, где удобнее будем вам.

¹ Рэйипгэв — вероятно, один из двоюродных братьев, которые, как указывалось выше, пошли в поход вместе с Кыргыянвыном.

Противники ответили:

— Давайте на озере, на льду.

Когда все приготовились, предводитель таннытов сказал:

— Вставай на исходную боевую позицию.

Кыргыянвын встал посередине озера. Враги тут же окружили воина. Коряк, зять Кыргыянвына, крикнул ему:

— Авач! Теперь что ты сделаешь, куда выскочишь?!

Коряки начали обстреливать из луков Кыргыянвына. У него было одно копьё. К счастью, Кыргыянвын оказался настолько ловок и быстр, что за мелькающим копьём, отражающим вражеские стрелы, становился невидимым. Незаметно приближался к рядам противника, молниеносно поражая их копьём. В замешательстве танныты стали падать стрелами друг в друга.

Когда с врагом было покончено, остался один предводитель — зять Кыргыянвына. Начали биться на копьях. Но мастерство и преимущество шурина было очевидным. Он был неуязвим. И когда проткнул икроножную мышцу врага, тот сказал: «Все, ты меня победил, убей меня здесь же».

После битвы озеро во льду стало кроваво-красным.

Так Кыргыянвын отомстил за сестру и увез домой ее вместе с годовалым сыном. Кыргыянвын вернулся с воинами домой. Отец был горд за сына. Остался довольным и умиротворенным. Сын же после непродолжительного отдыха продолжал совершенствоваться в мастерстве ежедневными тренировками в горах и тундре.

Племянник вскоре подрос и возмужал. А поскольку в его жилах текла также и корякская кровь, он затаил обиду на дядю. Стал вынашивать план мести, тайком преследуя родственника, уходящего в тундру. Опытный воин замечал и понимал племянника, читая наперед его мысли и намерения. И ничего не мог поделать: либо он, либо его...

Однажды Кыргыянвын удалился особенно далеко от своего стойбища. Племянник, как обычно, пошел следом. На обратном пути Кыргыянвын наткнулся на спящего юношу и тут же убил его. На вопросы отца и сестры о племяннике отвечал, что не видел его.

11. ДРАЧУНЫ А'РЭНКАВ И Э'ОНВАТ

Семейное предание рассказал 26 января 1978 г. Н. Етылин; записала Е. И. Кытгаут-Тынетегина; перевела на русский язык в мае 2017 г. руководитель общества «Чычеткин вэтгав» («Родное слово») села Мей-

ныпильгыно преподаватель чукотского языка Елена Викторовна Тевлявье (1961 г. р.). Перевод сделан по изданию: Кытгаут-Тынетегина 2016: 5.

Так говорят. Драчун А'рэнкав с зятем-драчуном Э'онватом всегда ссорились, всегда друг на друга наставляли лук со стрелами. Однажды А'рэнкав поранил наклонившегося Э'онвата. И сестра сказала А'рэнкаву:

— Ты что, хочешь убить моего мужа?

Убедила сестра А'рэнкава, поговорив с ним. С тех пор успокоились зять с братом, вразумленным сестрой. Так и жили по-доброму, пока не состарились.

На сына А'рэнкава наслал порчу Уйвэльивчейвын, тот умер. Помутился разум отца от горя, но мать, пытаясь привести в чувство, сказала ему:

— Сын, надо держать себя в руках, будь спокойным.

На второй день после похорон, когда совершали обряд тантэтко-гыргын¹, много людей позвал А'рэнкав. Сам он нарядился — надел свою нарядную погребальную одежду².

Во время обряда А'рэнкав сказал женщинам:

— Пусть отдельно едят старики, отдельно молодежь и отдельно дети.

А'рэнкав сказал:

— Ну-ка, пока начну потихоньку складывать утварь, а то занесет снегом.

А сам в рукаве тайком держа гыттак'авк'оолгын³, нарочно, как бы прибираясь, прохаживался мимо группы стариков. И в очередной раз подойдя к группе, он вдруг внезапно выхватил вожжу и стремительно ударил набалдашником по голове Уйвэльивчейвына, убив наповал.

Тут же и похоронили Уйвэльивчейвына в погребальной одежде А'рэнкава, которую он с себя снял.

¹ На второй день после похорон происходил обряд «посещения мертвеца», когда пришедшие к могиле приносили жертвы и клали олени рога (Богораз 1939: 190–191).

² Одежда была заранее приготовлена А'рэнкаву для того момента, когда настанет день его смерти (прим. Е. В. Тевлявье).

³ Гыттак'авк'оолгын — правая вожжа с костяным набалдашником.

12. ДЕСЯТЬ БРАТЬЕВ

Сказка рассказана 29 июня 1983 г. чумработницей Татьяной Петровной Тевлянтонану (1934–2010) из Мейныпильгыно, записана Е. И. Кытгаут-Тынетегиной, переведена на русский язык трактористом (ныне пенсионером) Николаем Эттытегином (1947 г. р.). Нижеследующая сказка — это, по существу, выжимка из эскимосской сказки «Девушка, отказывающаяся выйти замуж»: девушка была выгнана из дома отцом за то, что она не хотела выходить замуж; она пришла в жилище пяти братьев, старший из которых взял ее в жены; она нечаянно убила одного из братьев, который к ней приставал; братья скинули невестку в яму с червями, но из ямы ее спас паук, и она попала на небо, откуда вернулась обратно к отцу (Рубцова 1954: 183–191). Перевод сделан по изданию: Кытгаут-Тынетегина 2016: 74–75.

Жили десять братьев. Когда они были на охоте, пришла к ним в ярангу женщина. Заходит она и видит, что одни мужчины тут живут. И начала к ним ходить, когда их дома нет. Сшила им десять пар торбас, потом десять пар чижей¹, штаны пошила некоторым. Развесила все вещи.

А братья все удивляются: «Кто же к ним приходит? Кто обшивает их? Кто это делает? Спасибо этому человеку».

Решили выяснить, кто это делает. Одного брата решили оставить, а сами пошли на охоту. Он спрятался хорошенько. Вот она приходит, и он увидел ее. Говорит ей: «Спасибо!» Очень благодарен ей.

Самый старший взял ее в жены. И когда они пошли снова на охоту, он одному из младших братьев сказал дома остаться — развлекай ее, чтобы ей скучно не было.

Вот остались они, а он начал приставать к ней. Она ему говорит: «Я вас пожалела, обшивала вас, а ты себя так нехорошо ведешь».

А он не слушает ее, все равно за свое.

Она тогда размахнулась и ударила его доской, на которой выделывают шкуры, и он извелся духом (умер).

Спрятала мертвого в том месте, где мясо сухое хранят². А сама сидит, шкуру выделывает и боится. Страшно ей, что убила одного из братьев.

¹ Чижи — меховые носки.

² Согласно эскимосскому варианту сказки, труп был спрятан на высоких подмостках (к'ыг'ак), где хранилась рухлядь (Рубцова 1954: 184–185, 193).

Сидит, выделявает шкуру, а тут к ней паучок приполз, она отмахнулась от него, а он все равно к ней ползет. Она ему говорит: «Мне и так страшно, а ты тут еще мешаешь».

А паучок ей говорит: «Я хочу помочь тебе, мне тебя жалко стало»¹. Она обрадовалась тогда. И научил ее сделать так.

Если они узнают, что ты убила их брата, то они будут тебе мстить. Они складывают добытого зверя в трещине в земле (в ущелье). И у них там завелись черви. Ты шей из бисера пояс красивый и рукавицы и надень.

Езжай вместе с ними к ущелью. Я тебе спущу на паутинке молоточек, ты за него возьмишься, и я тебя подниму высоко, чтобы тебя не достали они.

Так и произошло.

Вернулись братья и спрашивают, где их брат. А женщина говорит, что он пошел навстречу братьям, чтобы помочь им.

Все братья все равно поняли, что она убила их брата. И старший говорит: «Надо ее убить, иначе она нас всех перебьет».

Они взяли ее с собой, чтобы она якобы немного отдохнула от шитья, а на самом деле для того, чтобы убить ее.

И вот, когда они были недалеко от того места, где они хранят добытого зверя, женщина села по нужде, пояс из бус порвался и рассыпался в траве.

Пока мужчины искали ее, разглядывали бусины, женщина побежала и открыла червям путь.

Паучок в это время спустил ей молоточек на паутинке, женщина схватилась за него, и паучок ее поднял высоко-высоко, мужчины стреляли из луков в нее, но стрелы до нее не достали. Тем временем черви съели всех мужчин.

13. [КАК ОЛЕНЕВОД ОБМАНУЛ ВРАГОВ]

Рассказ поведал 1 октября 2013 г. в Публичной библиотеке им. В. Г. Тана-Богораза (Анадырь) зоотехник Иван Васильевич Вуквун (1942 г. р., лоринская тундра) из Лаврентия. Данное сказание, видимо, повествует о столкновении с коряками. Публикуется впервые.

Сказки, легенды я слышал, когда бывал в гостях. Некоторые оленеводы рассказывали, что знания местности у чукчей очень хорошо

¹ Паук в чукотском фольклоре — положительный персонаж, часто спасающий героев от злых сил (Меновщиков 1974: 613, прим. 1 к № 69).

были развиты. Почему побеждали чукчи? Потому, что знание местности и погодных условий тоже влияло на них. Вот взять хотя бы один рассказ:

Ехал на оленях чукча. Встречает селение и видит там врагов. Он специально подъезжает к врагам поближе, чтобы его увидели. Когда его увидели, враги начали готовиться к нападению. А этот оленевод, когда увидел, что к нему стали двигаться, взял ориентир на круглую сопку. Он не гнал оленей, а сдерживал их, чтобы его было видно. Враги его видели. Приблизившись к сопке, он погнал своих оленей и возле подножия привязал их. Когда привязал, он пешком пошел вокруг сопки и поднялся с другой стороны. И когда поднялся, увидел, что они (*враги*) приближаются. А они увидели привязанных оленей и тоже привязывают своих оленей. Пошли пешком по следу. Поскольку пешком человек далеко не уйдет, они решили, что пешком найдут того. И вот когда они по снегу шли, он скатился по сопке вниз к оленям и забил у врагов оленей. Потом погнал своих оленей и уехал домой. Так он обхитрил этих врагов.

Вот один такой маленький рассказ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. СПб.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.

АИИ — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. СПб.

ВИРГО — Вестник Императорского русского географического общества. СПб.

ВНГУ — Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск.

ВО — Восточное обозрение. Иркутск.

ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока. М.

ГМИР — Государственный музей истории религий. СПб.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим. СПб.

ДИБ — Дальневосточная историческая библиотека. Магадан.

ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.; Пг.

ЖЧВВУЗ — Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб.

ЗВСОИРГО — Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск.

ЗГДММ — Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.

ЗСОИРГО — Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб.

ЗИРГО — Записки Императорского русского географического общества. СПб.

ЗПОИРГО — Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Хабаровск.

ЗЧКМ — Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан.

ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л.

ИВСОИРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск.

ИИРГО — Известия Императорского русского географического общества. СПб.

ИСОИРГО — Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск.

ИЭАС — Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л., 1961.

КЗОКМ — Краеведческие записки Областного краеведческого музея. Магадан.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.; Л.

КПМГЯ — Колониальная политика московского государства в Якутии в XVII в.: Сборник документов / Под общ. ред. Я.П. Алькора, Б.Д. Грекова. Л., 1936.

КПЦ — Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник документов / Под ред. Я.П. Алькора, А.К. Дрезена. Л., 1935.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб.

МС — Морской сборник, издаваемый от Морского ученого комитета. СПб.

ПСИ — Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1–2. СПб., 1882–1885.

РАЖ — Русский антропологический журнал. М.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. М.

РЭМ — Российский этнографический музей. СПб.

СЗРИ — Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1857.

СИС — Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.М. Бронштейн. Вып. I. М.; Анадырь, 2016.

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.

СЭ — Советская этнография. М.; Л.

СЭС — Сибирский этнографический сборник. М.; Л.

ТБ — Тропую Богораза: Научные и литературные материалы / Ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. М., 2008.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. Список сокращений

ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.

ТФЭ — Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. СПб.

УЗЛПИИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Л.

ЧПН — Чукотка в прошлом и настоящем / Гл. ред. А. М. Тарунов. (Наследие народов Российской Федерации. Вып. 11). М., 2009.

ЭБ — Экспедиция Беринга: Сборник документов / Подготовил к печати А.А. Покровский. М., 1941.

ЭМ — Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. / Под ред. И. С. Вдовина. (ДИБ). Магадан, 1978.

ЭО — Этнографическое обозрение. М.

ЯЕВ — Якутские епархиальные ведомости. Якутск.

MAMNH — Memoir of the American Museum of Natural History. Publications of the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by F. Boas. Leiden; New York.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

1. А. 1878. Мерзлый край // Всемирный путешественник: Иллюстрированный журнал путешествий и географических открытий. СПб. Январь. С. 261–294.
2. А. К. 1894. [О чукчах] // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск. № 108 (16 сентября). С. 3.
3. Авилов П. 1915. В дали: Рассказы из чукотской жизни. М.
4. Августинovich Ф.М. 1878. О племенах, населяющих Колымский округ // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 31. Труды антропологического отдела. Т. 4. Приложение. (Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 2. Вып. 2). М. С. 43–56.
5. Августинovich Ф.М. 1880. Три года в Северо-Восточной Сибири за полярным кругом // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический журнал. Т. XVIII. СПб. № 12. С. 641–733.
6. Адлер Б.Ф. 1903. Луки и стрелы Северной Азии // РАЖ. № 3–4. С. 178–194.
7. Азбелев П.П. 1992. Культурные связи степных народов предтюрокского времени (по материалам тепсейский и орлатских миниатюр) // Северная Азия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петрович Грязнова. СПб. С. 211–214.
8. Айвангу. 1985. Наш родной Уназик: Рассказы. Магадан.
9. Айнана Л.И., Татыга В., Тыпыхкак П., Загребин И.А. 2003. Байдара: традиционная кожаная лодка береговых жителей Чукотского полуострова. Анкоридж.
10. Акифьев И. 1904. На Далеком Севере: из дневника кругосветного путешествия. СПб.

¹ В работе использована гарвардская система ссылок, согласно следующей схеме: фамилия автора — год издания — том (номер журнала / документа / сказки) — страница. Например: Бабошина 1958 № 93: 223 — это значит: Бабошина О.Е. Сказки Чукотки. М., 1958, сказка № 93, стр. 223.

11. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. V. СПб., 1842.
12. Александров В.А. 1988. «Войско» — организация сибирских служилых людей в XVII в. // История СССР. М. № 3. С. 94–113.
13. Александров В.А., Покровский Н.Н. 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск.
14. Александров Н.А. 1872. Народы России (этнографические рассказы): Земля чукчей и коряков // Детское чтение. Год 3. Т. VII. СПб. С. 72–88.
15. Алексеев А.И. 1958. Братья Шмалевы: Исторический очерк. Магадан.
16. Алексеев А.И. 1961. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан.
17. Алексеев А.Н. 1996. Первые русские поселения XVII — XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. (История и культура Восточной Азии). Новосибирск.
18. Алексеева Т.И., Алексеев В.П., Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. 1983. Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В. П. Алексеев. М. С. 3–64.
19. Амундсен Р. 1929. На корабле «Мод»: Экспедиция вдоль северного побережья Азия / Пер. с норвеж. Л.Г. Кондратьевой. М.; Л.
20. Андреев А.И. 1940. Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVIII вв. // ИВГО. Т. 72. Вып. 2. С. 152–157.
21. Андреев А.И. 1965. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина). М.; Л.
22. Андронов Б.М. 2008. Коллективизация по-чукотски // ТБ. С. 102–126.
23. Анкалин А., Богословский С.А. 1985. Ан'япик — эскимосская промысловая байдара // Северные просторы. № 1. М. С. 40–43.
24. Антропова В.В. 1947. К вопросу о межплеменных отношениях и военных укреплениях у народов северо-востока Сибири // КСИЭ. Вып. III. С. 64–65.
25. Антропова В.В. 1953. Современная чукотская и эскимосская резная кость // СМАЭ. Т. XV. М.; Л. С. 5–122.
26. Антропова В.В. 1956. Коряки // Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. (Народы мира: Этнографические очерки). М.; Л. С. 950–977.
27. Антропова В.В. 1957. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // СЭС. Вып. II. (ТИЭ. Новая серия. Т. 35). М.; Л. С. 99–245.
28. Антропова В.В. 1961. Лодки // ИЭАС. С. 107–116.
29. Антропова В.В. 1961а. Лыжи // ИЭАС. С. 79–87.
30. Антропова В.В. 1971. Культура и быт коряков. Л.
31. Антропова В.В. 1976. Представления коряков о рождении, болезни и смерти // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л. С. 254–267.
32. Антропова В.В., Кузнецов В.Г. 1956. Чукчи // Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. (Народы мира: Этнографические очерки). М.; Л. С. 896–934.
33. Анучин Д.Н. 1887. О древнем луке и стрелах // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе, 1881 / Ред. П.С. Уварова. М. С. 337–411.

34. *Аргентов А.И.* 1857. Описание Николаевского Чаунского прихода // ЗСОИРГО. Кн. 3. С. 79–106.
35. *Аргентов А.И.* 1857а. Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности // ЗСОИРГО. Кн. 4. С. 1–59.
36. *Аргентов А.И.* 1860. Извлечение из путевых записок // Амур: Ежедневное издание. Иркутск. № 14 (5 апреля). С. 185–187; № 15 (12 апреля). С. 195–199.
37. *Аргентов А.И.* 1860а. Олени Заленского края // Акклиматизация: Ежемесячное издание Комитета акклиматизации. Т. 1. Вып. 1. М. С. 20–33.
38. *Аргентов А.И.* 1861а. О полярной северной земле // Амур. № 67 (26 августа). С. 600–602; № 68 (29 августа). С. 612–614.
39. *Аргентов А.И.* 1861. Северная земля // ЗИРГО. Кн. 2. С. 1–35.
40. *Аргентов А.И.* 1886. Путевые записки. Нижний Новгород².
41. *А[ргенто]в А.И.* 1887. Год на Крайнем Севере (дневник чукотского миссионера) // Русский паломник: Ежедневное иллюстрированное издание. СПб. № 1 (4 января). С. 9–10; № 2 (11 января). С. 20–22; № 3 (18 января). С. 44–45; № 4 (25 января). С. 56–57; № 5 (1 февраля). С. 70; № 7 (15 февраля). С. 88–91.
42. *Аргентов А.И.* 1889. Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае: 1843–1857 гг. (из воспоминаний миссионера) // Всемирный путешественник. СПб. № 5. С. 65–80; № 6. С. 81–91.
43. *Арутюнов С.А., Глинский Е.А., Сергеев Д.А.* 1977. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам // СЭ. № 1. С. 101–106.
44. *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* 1969. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.
45. *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* 1975. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.
46. *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* 1983. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974 гг.) // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В.П. Алексеев. М. С. 200–229.
47. *Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А.* 1982. «Китовая аллея» (Древности островов пролива Сеныявина). М.
48. Архив Государственного Совета. Т. I. Ч. 2: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й. СПб., 1869.
49. *Архинчеев И.С.* 1957. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // СЭС. Вып. II. (ТИЭ. Новая серия. Т. 35). М.; Л. С. 43–98.
50. *Асадова С.Р.* 2010. Сказки бабушки Тымнеквыной. М.
51. *Асадова С.Р.* 2012. Сборник легенд и предания: По аргишному пути канчаланского чаучу. М.
52. *Асадова С.Р.* 2012а. Рассказ об отце бабушки Кагле. (рукопись).
53. *Афанасьева Г.М.* 1999. Чукчи: популяционно-демографический статус (вторая половина XIX — первая половина XX вв.). М.
54. *Бабошина О.Е.* (запись). 1958. Сказки Чукотки. М.
55. *Багрин Е.А.* 2011. Вооружение и одежда русских служилых людей в Забайкалье в 80–90-е гг. XVII в. // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (2). М. 2011. С. 2–11.

56. *Багрин Е.А.* 2013. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. (Historia militaris). СПб.
57. *Багрин Е.А., Зорин А.В.* 2015. Русские воины на Северо-Востоке Сибири и Северо-Западе Северной Америки XVIII — начала XIX в.: Материалы для исторической реконструкции оружия и костюма (часть 1) // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. СПб. № 3 (36). С. 127–147.
58. *Бакай Н.* 1895. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII века // *ИВСОИРГО*. Т. 25. № 4–5. С. 82–94.
59. [*Баккаревич М.Ж.*]. 1810. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб.
60. *Баранников И.* 1974. Амамхотлымн'ыло: Сказки об Эмэмкуте / Пер. С. Стебницкого, Е. Григорьева // *Нотаймэ. Повести. Рассказы. Сказки*. Петропавловск-Камчатский. С. 76–87.
61. *Батъянова Е.П.* 1999. Мухомор в лечебной и обрядовой практике народов Сибири // Материалы Международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики», посвященного памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова. Москва, Россия, 7–12 июня 1999 г. Ч. 3. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 5. Ч. 3). М. С. 69–81.
62. *Баум В.В.* 2016. На рассвете идущая (Тын'эсэйвын'э). СПб.
63. *Бахрушин С.В.* 1955. Ясак в Якутии в XVII в. // *Бахрушин С.В. Научные труды*. Т. III. Ч. 2. М. С. 49–85.
64. *Беликов Л.В.* 1956. Основные виды устного народного творчества чукчей: Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. Л.
65. *Беликов Л.В.* 1965. Героические сказания чукчей // *Языки и фольклор народов Крайнего Севера*. (УЗЛГПИ. Т. 269). Л. С. 154–169.
66. *Беликов Л.В.* 1967. В.Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора // *Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера*. (УЗЛГПИ. Т. 353). Л. С. 80–89.
67. *Беликов Л.В.* 1982. Чукотские народные сказки, мифы и предания. Магадан.
68. *Беликов Л.В.* 1987. Устное народное творчество // *История и культура чукчей* / Под ред. А.И. Крушанова. Л. С. 251–260.
69. *Беликов С.М.* 1927. Заметки о Чукотке // *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. Хабаровск. № 9. Сентябрь. С. 115–125.
70. *Беличенко М.* 2008. Слабеющие сигналы // *Region 87: Ежеквартальный журнал о возможном чуде*. № 2 (6). М. С. 58–60.
71. *Белов М.И.* 1952. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке / Составитель М.И. Белов. М.; Л.
72. *Белов М.И.* 1954. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова // *Географический сборник. III: История географических знаний и географических открытий*. М.; Л. С. 160–184.
73. *Белов М.И.* 1956. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. (История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I). М.

74. Белов М.И. 1957. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // *Летопись Севера*. № 2. М. С. 86–106.
75. Берг Л.С. 1946. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1725–1742. М.; Л.⁴
76. Беретти Н.Н. 1929. На крайнем Северо-Востоке // *Записки Владивостокского отдела Государственного русского географического общества*. (Общество изучения Амурского края). Т. IV (XXI). С. 5–102.
77. Берх В.Н. 1819. Путешествие казачьего головы Афанасия Шестакова и поход майора Павлутского в 1729 и 1730 годах (Отрывок из I части «Истории российских географических открытий», сочиняемой В.Н. Берхом) // *Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Н. Гречем*. Ч. 54. СПб. № 20. С. 3–17.
78. Берх В.Н. 1823. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб.
79. Берх В.Н. 1823а. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Ч. II. СПб.
80. Берх В.Н. 1825. Разные известия и показания о Чукотской земле // *Северный архив: Журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов*. Ч. 19. СПб. № 22. С. 164–201.
81. Бобров Л.А. 2006. Сибирские панцири русских казаков // *Para bellum: Военно-исторический журнал*. СПб. № 26. С. 77–91.
82. Богданович К.И. 1901. Очерки Чукотского полуострова. СПб.
83. Богораз В.Г. 1899б. Краткий отчет об исследовании чукок Колымского края // *ИВСОИРГО*. Т. 30. (1900). № 1. С. 1–52.
84. Богораз В.Г. 1899. Сказание об Эленди и его сыновьях (перевод с чукотского) // *Живая старина*. Год IX. СПб. Вып. 3. С. 350–370.
85. Богораз В.Г. 1899а. Сказка о чесоточном шамане Wapысьxalayl-lumозыл // *Живая старина*. Год IX. СПб. Вып. 2. С. 263–270.
86. Богораз В.Г. 1900. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Отд. III. Т. XI. Ч. 3). СПб.
87. Богораз В.Г. 1901. Очерк материального быта оленных чукчей. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук. Т. II). СПб.
88. Богораз В.Г. 1902. О принятии чукок в русское подданство // *Живая старина*. Год XII. СПб. Вып. 2. С. 147–164.
89. Богораз В.Г. 1902а. Чукчи // *Научное обозрение: Ежемесячный научно-философский и литературный журнал*. Год IX. СПб. № 1. Январь. С. 70–88.
90. Богораз В.Г. 1909. Материалы по изучению языка азиатских эскимосов // *Живая старина*. Год. XVIII. СПб. Вып. 2–3. С. 178–190.
91. Богораз В.Г. 1919. Народная литература палеоазиатов // *Литература Востока: Сборник статей*. Вып. 1. Пг. С. 50–68.
92. Богораз В.Г. 1921. Пределы расселения чукотского племени в древние и новые времена // *ААН*, ф. 135, оп. 2, № 57, л. 1–98.
93. Богораз В.Г. 1931. Материалы по ламутскому языку // *Тунгусский сборник*. Т. I. Л. С. 1–106.
94. Богораз В.Г. 1934–1939. Чукчи / Авторизированный пер. с англ. Ч. I–II. Л.

95. Богораз В.Г. 1934а. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера / Под ред. Я. П. Алькора. Ч. 3. (Труды по лингвистике Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР. Т. III). М.; Л. С.105–128.
96. Богораз В.Г. 1949а. Игры малых народностей Севера // СМАЭ. Т. XI. С. 237–255.
97. Богораз В.Г. 1949. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л.
98. Богораз В.Г. 1991. Материальная культура чукчей / Авторизированный пер. с англ. (Этнографическая библиотека). М.
99. Богораз В.Г. 2008. Чукотские лодки // ТБ. С. 162–165.
100. Богораз-Тан В.Г. 1933. Оленеводство // Проблемы происхождения домашних животных. Вып. 1. (Труды лаборатории генетики АН СССР). Л. С. 219–251.
101. Богораз-Тан В.Г. 1934. Чукотское общество: Краткий путеводитель по выставке. Л.
102. Богораз-Тан В.Г. 1936. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л. № 4–5. С. 29–50.
103. Богословская Л.С. 2009. Зверобой российской Берингии // ЧПН. С. 148–155.
104. Богословская Л.С., Крупник И.И., Вдовин Б.И. 2008. Коренные народы Российской Берингии // ТБ. С. 207–217.
105. Богословский С. 2004. Ан'япик-умиак // Северные просторы. М. № 1–2. С. 50–56.
106. Богоявленский С.К. 1938. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М. № 4. С. 258–283.
107. Ботяков Ю. 2003. Тихие войны Полярного круга // Независимое военное обозрение. 5 сентября 2003. М. URL: [http:// www.nvo.ng.ru/history/2003-09-05/5_polar.html](http://www.nvo.ng.ru/history/2003-09-05/5_polar.html) (дата обращения: 15.03.2015).
108. Брачун Т.А. 2009. «Миф агрессивности» чукчей: опыт культурно-философского анализа // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону. № 5. С. 2–12.
109. Брачун Т.А., Сахибгоряев В.Х. 2009. Чукотский этнос: генезис и кризис. Магадан.
110. Брилль А.И. 1792. Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и в Камчатке // Российский магазин трудами Ф. Туманского. Ч. I. СПб. С. 361–402.
111. Бронштейн М.М. 2007. Эквен и Пайпельгак глазами этнологов // Бронштейн М. М., Днепровский К. А., Сухорукова Е. С. Мир арктических зверобоев: Шаги в непознанное. Каталог выставки. М.; Анадырь. С. 26–47.
112. Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Отке Н.П., Широков Ю.А. 1997. Искусство Чукотки. М.
113. Бронштейн Ю., Шнакенбург Н. 1941. Записки доктора К. Мерка — участника экспедиции Биллингса — Сарычева в 1785–1792 гг. // Советская Арктика. М. № 4. С. 76–88.
114. Булычев И. 1856. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. I: Якутская область, Охотский край. СПб.
115. Булычев И. 1856а. Путешествие по Восточной Сибири. [Альбом рисунков]. СПб.

116. Бурыкин А.А. 1993. Чуванцы: Происхождение и этническая история. Материальная и духовная культура (конец XIX — начало XX вв.). Анадырь.
117. Бурыкин А.А. 2000. К интерпретации некоторых загадочных этнонимов арктического побережья Чукотки // ЭО. № 4. С. 45–59.
118. Бурыкин А.А. 2002. Анекдоты о чукчах как социокультурное явление (заметки специалиста) // Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб. С.64–70.
119. Бурыкин А.А. 2006. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). (Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири). СПб.
120. Бурыкин А.А. 2007. Первое собрание образцов фольклора эвенов Якутии (к 135-летию издания) // Acta Linguistica Petropolitana. СПб. Т. III. Ч. 3. СПб. С. 361–392.
121. Бушнев Н. 1995. Конкистадор Чукотки // Русская Америка: историко-географический журнал. Вып. 6. Вологда. С. 16–19.
122. В. А. 1935. У чукоч в Чаунской губе (Из дневника врача) // Советский Север: Общественно-научный журнал Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. М. № 2. С. 60–64.
123. Вальская Б.А. 1961. Путешествие Андрея Аргентова на северо-восток Сибири в 1851 году // Страны и народы Востока. Вып. II. М. С. 172–187.
124. Василевич Г.М. 1966. Исторический фольклор эвенов: Сказания и предания / Перев. Г.М. Василевич. М.; Л.
125. Василевич Г.М. 1972. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенов // Вопросы языка и фольклора народностей Севера / Отв. ред. Б.Н. Путинцев. Якутск. С. 143–160
126. Василевич Г.М., Левин М.Г. 1951. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. № 1. С. 63–78.
127. Васильев В.Г., Кирюшина М.Т., Меньшиков Н.А. 1935. Два года в тундре. Л.
128. Васильев А.П. 1916. Забайкальские казаки: Исторический очерк. Т. I. Приложение. Т. II. Чита.
129. Васильев В.Н. 1936. Оленьи пастбища Анадырского края // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л. С. 9–105.
130. Васильевский Р.С. 1981. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск.
131. Вахтин Н.Б. 2000. Язык сиреникских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. (Lincom Studies in Asian Linguistics. 33).
132. Вахтин Н.Б. 2001. Что слышит персонаж эскимосской сказки: заметки о магии звука // ТФЭ. Вып. 1. С. 170–178.
133. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцлер П. 2004. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.
134. Вдовин И.С. 1943. Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг. // ИВГО. Вып. 4. С. 52–54.
135. Вдовин И.С. 1944. Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и XVIII вв. // ИВГО. Т. 76. № 5. С. 250–265.
136. Вдовин И.С. 1948. Из истории общественного строя чукчей // СЭ. № 3. С. 56–70.
137. Вдовин И.С. 1950. К истории общественного строя чукчей // Ученые записки ЛГУ. № 115: Факультет народов Севера. Вып. 1. Л. С. 73–100.

138. Вдовин И.С. 1959–1960. Анадырский острог: Исторический очерк // КЗОКМ. Вып. II. 1959. С. 20–27; Вып. III. 1960. С. 31–48.
139. Вдовин И.С. 1961. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // СЭС. Вып. III. (ТИЭ. Новая серия. Т. 64). М.; Л. С. 27–63.
140. Вдовин И.С. 1962. Ваегские чукчи // СЭС. Вып. IV. (ТИЭ. Новая серия. Т. 28). М. С. 153–164.
141. Вдовин И.С. 1964. Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.)). М.
142. Вдовин И.С. 1965. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.
143. Вдовин И.С. 1970. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л. С. 16–24.
144. Вдовин И.С. 1971. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX–начале XX века. (СМАЭ. Т. XXVII). Л. С. 275–299.
145. Вдовин И.С. 1971а. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // СЭС. Т. III. (ТИЭ. Т. LXIV). Л.; М. С. 27–63.
146. Вдовин И.С. 1972. Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии / Отв. ред. С.М. Абрамзон, Р.Ф. Итс. М. С. 99–112.
147. Вдовин И.С. 1973. Очерки этнической истории коряков. Л.
148. Вдовин И.С. 1976. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX–начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л. С. 217–253.
149. Вдовин И.С. 1977. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX–начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. (СМАЭ. Вып. 33). Л. С. 117–171.
150. Вдовин И.С. 1987. История и культура чукчей в дооктябрьский период — с XVII в. до 1917 г. // История и культура чукчей / Под ред. А.И. Крушанова. Л. С. 30–146.
151. Вдовин И.С., Кочешков Н.В. 1985. Хозяйство и материальная культура народов Дальнего Востока // Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. / Отв. ред. И.С. Гурвич. М. С. 92–123.
152. Венстен III. 2012. Из моего дневника: Чукотка (1993–1999) // Вехи на мысах: К 80-летию члена-корреспондента РАН С. А. Арутюнова: сборник статей / Отв. ред. М. М. Бронштейн, И. И. Крупник. М. С. 130–141.
153. Венстен-Тагрина З.В. 2008. Феномен личной песни в традиционной культуре чукчей: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. СПб.
154. Верещака Е.А. 2013. «Превращение пола» в культуре чукчей // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб. С. 324–334.
155. Верещака Е.А. 2014. Традиция использования красного мухомора (по этнографическим материалам чукчей, коряков, ительменов) // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой). СПб. С. 326–339.

156. Вернадский Г. 1915. Государевы служивые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века // ЖМНП. Новая серия. Ч. 56. Апрель. С. 332–354.
157. Вернер Э. 2009. Оружие Китая: Развитие традиционного оружия / Пер. с англ. И. А. Емеца. М.
158. Винклер П., фон. 1992. Оружие: Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.
159. Винокуров З. 1890. Краткие сведения о чукчах и чукотской миссии // ЯЕВ. № 5 (1 марта). С. 74–78; № 6 (16 марта). С. 87–93.
160. Витсен Н. 2010. Северная и Восточная Тартария / Пер. с голл. В. Г. Трисман. Т. 1–2. Амстердам.
161. Военное дело чукчей // Полярник. 4 августа 2006. С. 6.
162. Волков Ф.К., Руденко С.И. 1910. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф.К. Волкова. Т. I. СПб. С. 155–200.
163. Вольфсон А.Г. 1991. Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства. Владивосток.
164. Воскобойников М.Г., Меновицков Г.А. (состав.). 1951. Сказки народов Севера. М.; Л.
165. Воскобойников М.Г., Меновицков Г.А. (состав.). 1959. Сказки народов Севера. М.; Л.
166. Врангель Ф.П., фон. 1835. О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и с чукчами // Телескоп. Ч. 26. М. С. 604–613.
167. Врангель Ф.П., фон. 1846. Шаманы и предрассудки чукчей // ЖЧВВУЗ. Т. 63. № 249. С. 94–99.
168. Врангель Ф.П., фон. 1948. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г.г. М.²
169. Вуквукай Н.И. 2009. Под теплым пологом яранги // ЧПН. С. 134–139.
170. Вуквукай Н.И., Коломиец О.П. 2012. Традиционное воспитание и этнопедагогические знания коренных народов Чукотки: на примере чукчей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов. № 7 (21). Ч. 3. С. 41–47.
171. Вымирание инородцев // Сибирская жизнь: Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1914. № 23 (2 февраля). С. 3.
172. Вэкэт В.Г. 2012. Танойгайкотльят / Спящие на нерпичьих шкурах / Tanougaykotl'at — The Ones who Sleep on Seal Hides. М.
173. Гагемейстер [Ю.А.]. 1854. Статистическое обозрение Сибири... Ч. II. СПб.
174. [Гакман И.Ф.]. 1787. Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй. СПб.
175. Галкин Н.А. 1929. В земле полуночного солнца. (Библиотека экспедиций и путешествий). М.; Л.
176. Гарусов И.С. 1981. Социалистическое переустройство сельского и промышленного хозяйства Чукотки (1917–1952 гг.). Магадан.
177. Гедеон. 1994. Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. // Русская Америка (по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, ис-

- следователей и других очевидцев) / Отв. ред. А.Д. Дридзе, Р.В. Кинжалов. М. С. 27–121.
178. *Геденштром М.М.* 1830. Отрывки о Сибири. СПб.
 179. *Гедионов А.* 1896. За северным полярным кругом II: Город Колымск и его обитатели // Русское богатство. СПб. № 7. С. 66–98.
 180. *Гельмерсен Л.* 1876. К вопросу об открытии Врангелевой земли // ИИРГО. Т. 12. 1876. Вып. 6. С. 455–487.
 181. *Георги И.Г.* 1777. Описание всех в Российском государстве обитающих народов / Пер. с нем. Т. III. СПб.
 182. *Гильдер У.* 1886. Во льдах и снегах: Путешествие в Сибирь для поисков экспедиции капитана Делонга / Пер. В.Н. Майнова. СПб.
 183. *Гильсен К.К.* 1849. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» для исследования берегов Азии и Америки за Беринговым проливом с 1819 по 1822 год // Отечественные записки. СПб. Т. 66. № 10. С. 212–238 (седьмая пагинация); Т. 67. № 11. С. 1–24 (шестая пагинация); № 12. С. 215–236 (седьмая пагинация).
 184. *Гирифельд О.В.* 1953. Копьеметалки по материалам этнографических музеев Ленинграда и Москвы // СМАЭ. Вып. XIV. С. 98–118.
 185. *Глинский Е.А.* 1986. Лук и стрелы народов Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Л.
 186. *Глинский Е.А.* 1987. Методика описания ручных луков в музейных собраниях (по материалам сибирских коллекций ГМЭ народов СССР и МАЭ АН СССР) // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников: Сборник научных трудов / Отв. ред. И.И. Шангина. Л. С. 123–128.
 187. *Глинский Е. А.* 1987а. О технике стрельбы из лука у народов Северо-Востока Азии // СЭ. № 6. 1987. С. 100–109.
 188. *Глинский Е.А.* 1989. Комплектование фондов ГМЭ метательным оружием народов крайнего северо-востока Сибири // Полевые исследования ГМЭ народов СССР, 1985–1987 гг.: Тезисы докладов научной сессии / Отв. ред. О.В. Лысенко. Л. С. 10.
 189. *Глухих М.С.* 2008. Райское наслаждение // Region 87: Ежеквартальный журнал о возможном чуде. № 2 (6). М. С. 62–63.
 190. *Голицын В.Н.* 1899. Портфели Г.Ф. Миллера. М.
 191. *Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г.* 2015. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург.
 192. *Гольденберг Л.А.* 1966. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). Магадан.
 193. *Гольденберг Л.А.* 1979. Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и деятельность Ф. И. Соймонова. (ДИБ). Магадан.
 194. *Гольденберг Л.А.* 1984. Между двумя экспедициями Беринга. (ДИБ). Магадан.
 195. *Гольденберг Л.А.* 1985. Михаил Спиридонович Гвоздев (начало XVIII в. — после 1759 г.). М.
 196. *Гондатти Н.Л.* 1897а. Оседлое население реки Анадырь // ЗПОИРГО. Т. III. Вып. 1. С. 111–165.
 197. *Гондатти Н.Л.* 1897. Состав населения Анадырской округи // ЗПОИРГО. Т. III. Вып. 1. С. 166–177.

198. *Гондатти Н.Л.* 1898. Поездка из с. Маркова на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // ЗПОИРГО. Том IV. Вып. 1. С. 1–42 (первая пагинация); Приложение. С. I–XXVII.
199. *Гордеев Н.В.* 1954. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты / Под ред. С.К. Богоявленского, Г.А. Новицкого. М. С. 61–114.
200. *Горелик М.В.* 1982. Кушанский доспех // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М. С. 82–112
201. *Горелик М.В.* 1984. Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев. С. 119–121.
202. *Горелик М.В.* 1987. Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М. С. 110–133.
203. *Горелик М.В.* 1991. Куликовская битва 1380 // Цейхгауз. М. № 1. С. 2–7.
204. *Горелик М.В.* 1993. Оружие древнего Востока. М.
205. *Горин Ю.* 2004. Военное дело чукчей // Беринговский вестник. 7 августа. С. 10–11.
206. *Горовский Б.* (Подгурский Б.К.). 1914. Забытая русская земля: Чукотский полуостров и Камчатка: Путевые очерки. СПб.
207. *Горосов О.* 2011. Непокорные чукчи // Тайны XX века: Еженедельник. № 15 (апрель 2011). С. 14–15.
208. *Гранстрем Э.* 1886. Вдоль полярных окраин России: Путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии в 1878–1880 г. СПб.
209. *Греков В.И.* 1960. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.
210. *Гренадер М.Б.* 1975. Последние годы деятельности Т. И. Шмалева // Летопись Севера. Т. VII. М. С. 93–106.
211. *Григорьев В.В.* 1876. Чукчи и земля их, от открытия этого края до настоящего времени // Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб. С. 551–575.
212. *Грэхем С.* 2007. Цикл анекдотов о чукчах: откуда, однако? // Живая старина. М. № 4. С. 33–35.
213. *Гурвич И.С.* 1953. Метательное оружие на Колыме // КСИЭ. Вып. XVIII. С. 47–49.
214. *Гурвич И.С.* 1957. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII века // СЭС. Вып. II. (ТИЭ. Новая серия. Т. 35). М.; Л. С. 246–262.
215. *Гурвич И.С.* 1963. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. // СЭС. Вып. V. (ТИЭ. Новая серия. Т. 84). М. С. 71–91.
216. *Гурвич И.С.* 1966. Этническая история северо-востока Сибири. М.
217. *Гурвич И.С.* 1970. Ясак в Якутии в XVII веке // Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). Ч. I. М. С. XXIV–LII.
218. *Гурвич И.С.* 1971. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири («Собрание известий о начале и происхождении различных племен инородцев, в Иркутской губернии проживающих, сочиненное надворным советником Францем Лангенсом») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. (ТИЭ. Новая серия. Т. 95). М. С. 5–14.
219. *Гурвич И.С.* 1975. Таинственный чучуна (История одного этнографического поиска). М.

220. Гурвич И.С. 1979. Новые материалы о традиционной культуре чукчей // СЭ. № 2. С. 95–105.
221. Гурвич И.С. 1981. К вопросу о параллелях в традиционной культуре аборигенных народов Северной Азии и Северной Америки // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И.С. Вдовин. М. С. 119–128.
222. Гурвич И.С. 1982. Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. М. С. 197–222.
223. Гурвич И.С. 1983. Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В.П. Алексеев. М. С. 96–119.
224. Гурвич И.С., Кузаков К.Г. 1960. Корякский национальный округ (очерки географии, истории, этнографии, экономики). М.
225. Давыдов Г.И. 1810–1812. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. I–II. СПб.
226. Давыдова Е.А. 2015. Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей (по материалам XIX – первой половины XX в.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.
227. Даль В.И. 1994. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.
228. Две записки о сношениях с чукчами в 1774–1776 годах // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов / Издание А.Ф. Базунова. Т. III. СПб., 1873. С. 360–371.
229. Деревянко Е.И. 1987. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск.
230. Дивин В.А. 1971. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М.
231. Дивин В.А. 1979. Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск.
232. Диков Н.Н. 1958. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 г. // ЗЧКМ. Вып. I. С. 32–44.
233. Диков Н.Н. 1961. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году // ЗЧКМ. Вып. 2. С. 21–36.
234. Диков Н.Н. 1971. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтмеля). М.
235. Диков Н.Н. 1977. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М.
236. Диков Н.Н. 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.
237. Диков Н.Н. 1993. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). СПб.
238. Дионео. 1895. На Крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб.
239. Дионисий. 1884. Поездка Преосвященного Дионисия, епископа Якутского, в Чукотскую миссию в 1868–69 г. // Труды православных миссий Восточной Сибири: Издание Иркутского комитета Православного миссионерского общества. Т. II. Иркутск. С. 141–163.

240. *Дитмар К.М., фон.* 1855–1856. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // ВИРГО. Ч. 15. 1855. С. 51–63; Ч. 16. 1856. С. 19–39 (пятая пагинация).
241. *Дитмар К.М., фон.* 1901. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. / Пер. с нем. С.М. Герценштейна, П.П. Шалфеева, А.М. Никольского, И.М. Кузнецова. СПб.
242. *Дмитриев М.И.* 1892. О чукотский земле // Владивосток: Общественно-литературная и морская газета. Владивосток. № 31 (2 августа). С. 7; № 33 (16 августа). С. 5–7; № 35 (30 августа). С. 5–6; № 36 (6 сентября). С. 6–7; № 38 (20 сентября). С. 6; № 39 (27 сентября). С. 5–6; № 40 (4 октября). С. 6–7; № 42 (18 октября). С. 9–10; № 45 (8 ноября). С. 8; № 47 (22 ноября). С. 8–9; № 49 (9 декабря). С. 10; № 50 (13 декабря). С. 9–10; № 51 (25 декабря). С. 8.
243. *Днепровский К.А.* 2007. Древнеэскимосские памятники, исследованные Чукотской археологической экспедицией // Бронштейн М. М., Днепровский К. А., Сухорукова Е. С. Мир арктических зверобоев: Шаги в непознанное. Каталог выставки. М.; Анадырь. С. 15–25.
244. *Днепровский К.А., Лопатин Н.В.* 2016. Археологические находки на территории Наукана // СИС. С. 82–95.
245. *Долгих Б.О.* 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. (ТИЭ. Т. 55). М.
246. *Долгих Б.О.* 1967. Образование современных народностей Севера СССР // СЭ. 1967. № 3. С. 3–15.
247. Дополнения к Актам историческим. Т. III–IV, VI–VIII, X. СПб., 1848–1851, 1857–1862, 1867.
248. Драма на берегу Ледовитого океана // Крым: Газета экономическая, общественной жизни, литературная и политическая. Симферополь, 1892. № 6 (12 января). С. 6.
249. Драма на Шалахском мысе // Московские ведомости. 1891. № 357 (27 декабря). С. 2–3.
250. *Друри И.В.* 1936. Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукох Анадырского района // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л. С. 105–124.
251. *Дьяконова Н.В.* 1955. Шикшин: Материалы Первой русской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. М.
252. *Дьячков [А.Е.]* 1893. Анадырский край. (Записки Общества изучения Амурского края. Т. II). Владивосток.
253. *Дьячков А.Е.* 1992. Анадырский край // Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове. Дьячков А.Е. Анадырский край. (ДИБ). Магадан. С. 160–265.
254. *Е. М.* 1892. Прибавление к рассказу о чукчах // ЯЕВ. № 15 (1 августа). С. 231–235.
255. *Егоршев П.* 2009. О чукчах без «однако» // Аргументы недели. № 16 (154). 24.04.2009.
256. *Ефимов А.В.* 1948. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (Первая половина XVIII в.). М.
257. *Ефимов А.В.* 1949. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв. // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л. С. 771–815.

258. *Ефимов А.В.* 1951. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на Северо-Востоке Азии // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии / Составление Н.С. Орловой. М. С. 6–48.
259. *Ефимов А.В.* 1964. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америки XVII–XVIII вв. М.
260. *Ефимов А.В.* 1971. Из истории великих русских географических открытий. М.
261. *Жорницкая М.Я.* 1975. Традиционные танцы эскимосов // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М. С. 149–157.
262. *Жуков Л.* 1974. Нотаймэ / Пер. С. Стебницкого // Нотаймэ: Повести. Рассказы. Сказки. Петропавловск-Камчатский. С. 40–74.
263. *Жукова А.Н.* 1988. Материалы и исследования по корякскому языку. Л.
264. *Завадский-Краснопольский А.К.* 1873. Русское царство: Коряко-чукотский край и Камчатка. СПб.
265. *Загоскин Л.А.* 1956. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М.²
266. *Задорин В.И.* 2009. «Если олень от человека уходит, вместе с оленем уходит счастье...» // ЧПН. С. 118–127.
267. Заметки о чукчах // Сибирь: Еженедельная газета. Иркутск, 1877. № 12 (20 марта). С. 4–5.
268. Замечание о чукчах // Санкт-Петербургские ведомости. 1835. № 120 (31 мая). С. 483–485; № 121 (1 июня). С. 487–489.
269. Замечания о чукчах // ЖМВД. Ч. XVI. 1835. С. 356–368.
270. Записка о чукотском народе, обитающем около берегов Ледовитого моря, из имеющихся в Сенатском секретном архиве сведений // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4. С. 100–108 (пятая пагинация).
271. *Зеленин Д.К.* 1931. Магические функции примитивных орудий // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. Л. № 6. С. 713–754.
272. *Зеленин Д.К.* 1937. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): Сборник статей. М.; Л. С. 47–78.
273. *Зиннер Э.П.* 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. [Иркутск].
274. *З-н М.* 1861–1862. Русские промышленники на побережьях и островах Тихого океана // Амур: Газета Восточной Сибири. Иркутск. 1861. № 93 (2 декабря). [С. 4]; № 95 (9 декабря). [С. 4]; № 98 (19 декабря). [С. 4]; № 99 (23 декабря). [С. 4]; № 100 (30 декабря). [С. 3–4]; 1862. № 1 (3 января). [С. 3–4]; № 2 (7 января). [С. 3]. № 3 (10 января). [С. 4]; № 5 (17 января). [С. 4]; № 6 (21 января). [С. 4]; № 7 (24 января). [С. 3–4]; № 8 (26 января). [С. 4].
275. *Золотарев А.М.* 1938. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии // Известия Воронежского педагогического института. Т. IV: Научные работы молодых ученых. Воронеж. С. 73–87.
276. *Зонов Б.В.* 1931. Описание бассейна реки Омолон. (Материалы партии по исследованию реки Колымы. Вып. IV). Иркутск.
277. *Зорин А.В.* 2016–2017. Воинственные тлинкиты // *Parabellum novum*: Военно-исторический журнал. СПб. № 5 (38). 2016. С. 95–118; № 6 (39). 2017. С. 85–102.

278. Зуев А.С. 1998. «Немирных чукчей искоренить вовсе» // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. № 1. С. 38–41.
279. Зуев А.С. 1999. Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века): Бахрушинские чтения 1997 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск. С. 18–39.
280. Зуев А.С. 1999а. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.). Учебное пособие для старших классов общеобразовательных учреждений. Новосибирск².
281. Зуев А.С. 2001а. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на Северо-Востоке Сибири // *Ab imperio*. Казань. № 4. С. 81–108.
282. Зуев А.С. 2001. Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века). Бахрушинские чтения 1998 г.: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск. С. 3–38.
283. Зуев А.С. 2002. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск. С. 53–82.
284. Зуев М.С. 2002а. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // ВНГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. С. 14–24.
285. Зуев А.С. 2002б. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. (Труды Гуманитарного факультета НГУ. Серия I). Новосибирск.
286. Зуев А.С. 2003. Промемории Д. И. Павлуцкого о деятельности Анадырской партии в начале 1730-х гг. // ВНГУ. Т. 2. Серия: История, филология. Вып. 2: История. С. 133–139.
287. Зуев А. С. 2004. Из истории присоединения Северо-Восточной Сибири: Русско-корякские отношения в XVII–XVIII веках // Якутия — форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века) / Отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск. С. 59–81.
288. Зуев А.С. 2004а. Походы Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1744–1747 гг. // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. (Труды Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Серия 2: Сборники научных трудов). Новосибирск. С. 207–230.
289. Зуев А.С. 2005. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект (вторая половина XVII–XVIII век): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Томск.
290. Зуев А.С. 2005а. Ф. Х. Плениснер как исследователь Северо-Востока Сибири // *Aus Sibirien-2005*: Научно-информационный сборник. Тюмень. С. 57–58.
291. Зуев А.С. 2006. Оценочное восприятие русскими чукчей и коряков (вторая половина XVII–XVIII век) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревенко, В. И. Молодин. Т. XII. Ч. 2. Новосибирск. С. 96–101.

292. Зуев А.С. 2006а. Русско-чукотские переговоры 1778 года и принятие чукчей в подданство России // ВНГУ. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3. Прил. 1. С. 26–37.
293. Зуев А.С. 2007. «Аманатов дать по их вере грех»: Отношение чукчей к русской практике заложничества (XVII–XVIII вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). Новосибирск. С. 155–159.
294. Зуев А.С. 2007а. Русская тактика ведения боя в полевых сражениях с сибирскими «иноземцами» (по материалам Северо-Востока Сибири) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования / Отв. ред. А.Р. Артемьев, Н.Г. Артемьева. Т. 5. Ч. 1. Владивосток. С. 284–295.
295. Зуев А.С. 2008. О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // ВНГУ. Серия: История, филология. Т. 7. Вып. 1. С. 35–43.
296. Зуев А.С. 2009. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск.
297. Зуев А.С. 2009а. Ясак, подданство и договорной товарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX вв.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 2 (23). С. 84–92.
298. Зуев А.С. 2011. Казачье сердце Сибири // Тобольск и вся Сибирь. № 14: Сибирское казачье войско. Тобольск. С. 47–61.
299. Зыков А., Кокшаров С. 2000. Феномен таежной цивилизации // Родина. М. № 5. С. 39–44.
300. Иванов В.Н. 1978. Русские ученые о народах Северо-Востока Азии (XVII–начало XX в.). Якутск.
301. Иванов В.Н. 1989. Историческая мысль в России XVIII – середины XIX в. о народах северо-востока Азии. М.
302. Иванов В.Н. 1999. Вхождение Северо-Востока Азии в состав русского государства. Новосибирск.
303. Иванов В.Ф. 1979. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск.
304. Иванов С.В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. (ТИЭ. Новая серия. Т. 22). М.; Л.
305. Ивановский А.А. 1890. [Религиозные представления чукчей] // Русские ведомости. М. № 66 (9 марта). С. 2 (пятый столбец).
306. Ивтагина Л.С. 2008. Противопоставление «свой / чужой» в чукотских героических сказаниях о столкновениях с коряками // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М. № 9. С. 294–302.
307. Идес И., Бранд А. 1967. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Пер. с голл. и нем. М.И. Казина. М.
308. Из Иркутска, от 15 февраля // Северная почта: Новая Санкт-Петербургская газета. СПб., 1814. № 26 (1 апреля). [С. 3–4].
309. Из Тигиля из частных писем // Сибирский вестник: Газета. Иркутск, 1866. № 13 (30 июня). [С. 2–3]; № 14 (10 июля). [С. 4].
310. Известие из Гижиги // Восточное Поморье. Николаевск-на-Амуре, 1865. № 10 (7 августа). С. 58–59.
311. [Иохельсон В.И.] 1892. Драма на берегу Ледовитого океана // ВО. № 9 (1 марта). С. 12–14.

312. *Иохельсон В.И.* 1895. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. Вып. 2. Год 5. СПб. С. 127–161.
313. *Иохельсон В.И.* 1898. По рекам Ясачной и Коркодону: Древний и современный юкагирский быт и письма // ИИРГО. Т. 34. Вып. 3. С. 255–290.
314. *Иохельсон В.И.* 1900а. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречия, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. Вып. 1–2. СПб. С. 151–193.
315. *Иохельсон В.И.* 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Отдел III. Т. IX. Ч. 3). СПб.
316. *Иохельсон В.И.* 1997. Коряки: Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ. СПб.
317. История казачества Азиатской России. Т. I: XVI–первая половина XIX века / Отв. ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 1995.
318. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н.Н. Дикова. М., 1989.
319. *Кавелин Е.* 1931. В стране анакалин и чауча // Советский Север: Общественно-научный журнал. М. № 7–8. С. 75–121.
320. *Казин В.Х.* (состав.). 1992. Казачьи войска: Хроника. Без места [репринтное издание: СПб., 1913].
321. *Калачов И.В.* 1871. Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г. // ИСОИРГО. Т. II. № 3. С. 43–45.
322. *Каллиников Н.Ф.* 1912. Наш крайний Северо-Восток. (Приложение к вып. 34-му Записок гидрографии). СПб.
323. *Караев А. И.* 1926. Чукотско-Анадырский край. (Очерки местного жителя) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск. № 4. С. 136–153; № 5. С. 137–146.
324. [*Кашеваров А.Ф.*]. 1840. Обзорение берегов Северной Америки, от мыса Баррова, совершенное русской экспедицией в 1838 году // Сын Отечества: Журнал словесности, истории и политики. СПб. Т. I. С. 127–144.
325. *Кашеваров А.Ф.* 1845. Отрывки из дневника Корпуса флотских штурманов поручика А.Ф. Кашеварова, веденного им при обозрении Полярного берега Российской Америки, по поручению Российско-Американской компании в 1838 году // Санкт-Петербургские ведомости. СПб. № 190 (23 августа). С. 858–860; № 191 (24 августа). С. 863–864; № 192 (25 августа). С. 867–868; № 193 (26 августа). С. 872–874.
326. *Кашеваров А.Ф.* 1846. Заметки об эскимосах в Русской Америке // Северная пчела: Газета политическая и литературная. СПб. № 227 (9 октября). С. 907–908; № 228 (10 октября). С. 911–912.
327. *Кеккетын К.* 2010. Эвныто-пастух: Повести на корякском и русском языках. Петропавловск-Камчатский.
328. *Кеккетын К., Стебницкий С.Н.* 1938. Книга для чтения / Пер. с корякского С.Н. Стебницкого. Ч. 2. Л.
329. *Кенан Дж.* 1871. Степная жизнь в Сибири. СПб.
330. *Кибер А.* 1823. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 году / Пер. с

- франц. П. Наумова // Сибирский вестник. Ч. 2. СПб. Кн. 10. С. 122–136; Кн. 11. С. 137–150.
331. Кибер А. 1824а. Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранных в болотных пустынях северо-восточной Сибири / Пер. с франц. // Сибирский вестник. Ч. 1. СПб. С. 1–58.
332. Кибер А. 1824. Чукчи / Пер. с франц. Е. Перцова // Сибирский вестник. Ч. 2. СПб. Кн. 9–10. С. 87–126.
333. Кибер А. 1827. Извлечение из журнала путешествия доктора Кибера, с мнением об оном академика Захарова // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. Ч. 13. СПб. С. 179–216.
334. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. 2000. Язык и фольклор алюторцев. М.
335. Кирилов И.К. 1831. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий ... Кн. 2. М.
336. Кирьяк (Дикова) М.А. 2012. Загадочный мир древних граффити: по материалам поздненеолитической стоянки Раучувагытгын I (Чукотка). Магадан.
337. Кисель В.А. 2000. «... он привязал к бедру кинжал...» (об одном из способов ношения клинкового оружия) // Археологические вести. СПб. № 7. С. 82–95.
338. Клаузевиц К., фон. 1941. Учебное пособие для обучения тактике, или Учения о бое // Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. Т. II. 3-е изд. М.: 406–458.
339. Коган М. 1930. Оленеводство за границей // Советский Север: Общественно-научный журнал. М. № 6. С. 80–83.
340. Козлов Н.В. (ред.). 1956. Сказки народов Северо-Востока. Магадан.
341. Колесническая И.М. 1971. В.Г. Богораз-Тан — фольклорист // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. (ТИЭ. Новая серия. Т. 95). М. С. 13–159.
342. Колесов М. И. 1991. История Колымского края. Ч. I. Якутск.
343. Колониальная политика московского государства в Якутии в XVII в.: Сборник документов / Под общ. ред. Я.П. Алькора, Б.Д. Грекова. Л., 1936.
344. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник документов / Под ред. Я.П. Алькора, А.К. Дрезена. Л., 1935.
345. Колтун Л. [1904]. Краткий очерк Анадырского уезда и быта населения: Марково и его значение для кочевых инородцев. Владивосток. (Отдельный оттиск из газеты «Восточный вестник»).
346. Колымский округ // Миссионер: Еженедельное издание Православного миссионерского общества. М., 1879. № 4. С. 30–32; № 5. С. 39–40; № 6. С. 46–47; № 7. С. 53–55.
347. Конец И. 1896. Записки бригадира Иосифа Копця / Пер. Г. А. Воробьева // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. Год 17. СПб. № 10. С. 226–244; № 11. С. 579–601; № 12. С. 991–1016.
348. Королева В.А. 1993. Материальная культура // История и культура коряков / Отв. ред. В.А. Тураев. СПб. С. 25–56.
349. Коротаева Д. 2008. Жизнь по погоде // Region 87: Ежеквартальный журнал о возможном чуде. № 1 (5). М. С. 4–11.

350. Коротаева Д., Харитонов А. 2008. Встреча солнца // Region 87: Ежеквартальный журнал о возможном чуде. № 2 (6). М. С. 24–33.
351. Косвен М.О. 1962. Из истории этнографии коряков в XVIII в. (публикация) // СЭС. Вып. IV. (ТИЭ. Новая серия. Т. 78). М. С. 276–291.
352. Костенецкая М.Г. 1973. Луна холодного лица. Рига.
353. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара.
354. [Костюрин В.Ф.]. 1893. Экономическое положение чукчей // Сибирский листок. Тобольск. № 24 (4 апреля). С. 2; № 26 (11 апреля). С. 2.
355. Косяченко С. 2013. Чукчи: герои холодной войны // Секретные материалы 20 века. № 6 (366). С. 8–9.
356. Коцебу О.Е. 1948. Путешествие вокруг света. М.2
357. Крашенинников С.П. 1949. Описание земли Камчатки. М.; Л.
358. Крейнович Е.А. 1979. Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. Вып. 20. Кн. 4. М. С. 186–201.
359. Кротов М.А. 1927. К истории чукчей // Сборник трудов исследовательского общества «Saqa Keskilе». Вып. 1. Якутск. С. 51–57.
360. Круzenshtern И.Ф. 1950. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М.
361. Крупник И.И. 1983. Древние и традиционные поселения эскимосов на Юго-Востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В.П. Алексеев. М. С. 65–95.
362. Крупник И.И. 1988. Инфантицид в традиционных обществах Арктики: адаптивная стратегия или культурный механизм? // Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М. С. 76–84.
363. Крупник И.И. 1989. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Азии. М.
364. Крупник И.И. 2000. Пусть говорят наши старики: Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1977–1987 гг. М.
365. Крупник И.И., Членов М.А. 1979. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970-е гг.) // СЭ. № 2. С. 19–29.
366. Кузнецов И. 1890–1897. Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Вып. I–II. Томск.
367. Кузнецова В.Г. 1957. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // СЭС. Вып. II. (ТИЭ. Новая серия. Т. 35). М.; Л. С. 263–326.
368. Кузьмина Л.П. 1981. Фольклор эскимосов (по материалам В.Г. Богораза) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред И.С. Вдовин. М. С. 200–212.
369. Кузьминых В.И. 1994. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск. С. 32–39.

370. Кук Дж. 1971. Третье плавание капитана Джеймса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / Пер. с англ. М.
371. Куликов М.И. 1957. Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысчылын» (богатых) (конец XIX — начало XX вв.) // КЗОКМ. Вып. I. 31–58.
372. Куликов М.И. 2002. Чукотка: Зигзаги истории малых народов Севера. Великий Новгород.
373. Курилов Г.Н. 2005. Фольклор юкагиров. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 25). Новосибирск.
374. Куттэгина М.П. 2003. Ейвэлкэй // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 10. Анадырь. С. 47–49.
375. Кымытваль А.А. 1987. Лыгъоравэтльэн лымңылтэ. Магадан.
376. Кытгаут Е.И. 2015. Семья Кыргызанвына // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 15. Анадырь. С. 37–39.
377. Кытгаут-Тынетегина Е.И. 2016. Фольклор Беринговского района. СПб.
378. Л. 1901. Женщина — невольница в Сибири // Енисей. Красноярск. № 48 (22 апреля). С. 2–3; № 49 (25 апреля). С. 2–3.
379. Лазарев А.П. 1950. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный». М.
380. Лебедев В.В., Симченко Ю.Б. 1983. Ачайваямская весна. М.
381. Левин М.Г. 1946. О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. № 4. С. 75–108.
382. Леонова В.Г. 2008. Память о Наукане // ТБ. С. 156–161.
383. Леонова В.Г. (сост.). 2014. Наукане и науканцы: Рассказы науканских эскимосов. Владивосток.
384. Леонова В.Г. 2016. Рассказы о Наукане // СИС. С. 74–81.
385. Леонтьев В.В. 1960. Национальные игры чукчей // На Севере дальнем. Магадан. № 1 (16). С. 127–137.
386. Леонтьев В.В. 1965. Антымавле — торговый человек. Магадан.
387. Леонтьев В.В. 1969. Чукотские спартанцы // На Севере дальнем. Магадан. № 1. С. 128–141.
388. Леонтьев В.В. 1972–1975. Этническая история поселка Уэлен // КЗОКМ. Вып. 9. 1972. С. 83–94; Вып. 10. 1975. С. 77–87.
389. Леонтьев В.В. 1973. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958–1970 гг.). Новосибирск.
390. Леонтьев В.В. 1976. По земле древних кереков: Записки этнографа. Магадан.
391. Леонтьев В.В. 1979. Самый сильный, самый ловкий: О чукотско-эскимосских спортивных играх. Магадан.
392. Леонтьев В.В. 1982. Происхождение этнонима «чукчи» и слова «чаучу» // КЗОКМ. Вып. 12. С. 151–154.
393. Леонтьев В.В. 1983. Этнография и фольклор кереков. М.
394. Леонтьев В.В., Новикова К.А. 1989. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан.
395. Леонтьев В.В., Тураев В.А. 1987. Жилищно-бытовые условия. Образ жизни // История и культура чукчей / Под ред. А.И. Крушанова. Л. С. 186–213.
396. Леонтьева Г.А. 1968. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII — начале

- XVIII вв. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Новосибирск. С. 37–60.
397. *Леонтьева Г.А.* 1972. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. М.
398. *Леонтьева Г.А.* 1997. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М.
399. *Лессепс Ж.-Б.Б., де.* 1801–1802. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири / Пер. с фр. Ч. I–III. М.
400. *Линденау Я.И.* 1983. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем. З.Д. Титовой. (ДИБ). Магадан.
401. *Литке Ф.П.* 1948. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Синявин». 1826–1829. М.²
402. Любовь чукчей к справедливости // Русский вестник на 1811-й год, издаваемый С. Глинкой. Ч. XV. М., 1811. № 8. С. 17–26.
403. *Люцидарская А.А.* 2006. Аманаты в Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А.П. Деревенко, В.И. Молодин. Т. XII. Ч. 2. Новосибирск. С. 121–124.
404. *Майдель Г.Л.* 1871. Ответы Чукотской экспедиции на вопросы академика Бэра // ИСОИРГО. Т. II. № 1–2. С. 60–70.
405. *Майдель Г.Л.* 1894. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах / Пер. с нем. (Приложение к LXXIV-му тому Записок Импер. Академии наук. № 3). СПб.
406. *Майдель Г.Л.* 1925. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской области // Сборник трудов исследовательского общества «Saqa Keskilе». Якутск. Вып. 1. Август. С. 20–34.
407. *Маковская Л.К.* 1992. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: Определитель. М.
408. *Максимов А.Н.* 1912. Превращение пола // ЭО. № 1. С. 1–19.
409. [Максимович Л.М.] 1789. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. VI. М.
410. *Малинова Р., Малина Я.* 1988. Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох / Пер. с чеш. И.И. Поп, Ю.И. Ретчик. М.
411. *Мальцева Н.А.* 1968. Копьеметалка у народов Северо-Восточной Сибири // ЗЧКМ. Вып. 5. С. 72–82.
412. *Мамышев Н.Р.* 1809. Отчаяние (исторический отрывок) // Вестник Европы, издаваемый В. Жуковским. Ч. 44. М. № 5. С. 20–27.
413. *Манькин-Невструев А.* 1883. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки: Очерк. М.
414. *Маргаритов В.* 1899. Камчатка и ее обитатели. (ЗПОИРГО. Т. V. Вып. 1). Хабаровск.
415. *Мартынов М.Н.* 1957. Малые народы Якутии // История Якутской АССР. Т. II. М. С. 95–110.
416. Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). Ч. I, III. М., 1970.

417. Матюнин Н. 1877. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871. СПб. С. 138–184.
418. Матющенко В.И., Сеницына Г.В. 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск.
419. Маховский Я. 1981. Огненный шар: легенды, предания и сказки эскимосов / Пер. С.В. Тельнюка. Магадан.
420. Мачинский А.В. 1941. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // КСИИМК. Вып. 9. С. 80–89.
421. М-в. 1877. Чукотская земля и ее обитатели // Миссионер: Еженедельное издание Православного миссионерского общества. М. № 46. С. 377–379; № 47. С. 385–386.
422. Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. (Свод археологических источников. Вып. Е I-36). М.
423. Медушевская О.М. 1954. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 7. М. С. 95–127.
424. Мелетинский Е.М. 1979. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М.
425. Мелетинский Е.М. 1981. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред И.С. Вдовин. М. С. 182–200.
426. Меновицков Г.А. 1947. Ун'ипаг'атыпут (эскимосыг'мит ун'ипаг' алылг'утан'иит). Наши сказки (Сборник эскимосских сказок) / Составил и перевел на русский язык Г.А. Меновицков. Л.
427. Меновицков Г.А. 1950. Чукотские, эскимосские, корякские сказки. Хабаровск.
428. Меновицков Г. А. 1958. Эскимосские сказки. Магадан.
429. Меновицков Г.А. 1959. Эскимосы: Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан.
430. Меновицков Г.А. 1962. О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов (Из полевых наблюдений) // СЭ. № 6. С. 29–34.
431. Меновицков Г.А. 1964. Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964). М.
432. Меновицков Г.А. 1964а. Язык сиреникских эскимосов. М.; Л.
433. Меновицков Г.А. 1969. Эскимосские сказки и легенды. Магадан.
434. Меновицков Г.А. 1972. Местные названия на карте Чукотки. Магадан.
435. Меновицков Г.А. 1974а. Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки // Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Состав. Г.А. Меновицкова. М. С. 5–48.
436. Меновицков Г.А. (состав.). 1974. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. (Сказки и мифы народов Востока). М.
437. Меновицков Г.А. 1975. Язык науканских эскимосов. Л.

438. Меновщиков Г.А. 1977. На Чукотской земле. (Первопроходцы. Вып. 6). Магадан.
439. Меновщиков Г.А. 1979. Китовый праздник полъя у науканских эскимосов // Страны и народы Востока. Вып. XX. Кн. 4. М. С. 202–229.
440. Меновщиков Г.А. (запись). 1980. Эскимосские сказки. Магадан³.
441. Меновщиков Г.А. 1980а. Язык эскимосов Берингова пролива. Л.
442. Меновщиков Г.А. 1982. Отражение положительных народных знаний в языке азиатских эскимосов // КЗОКМ. Вып. 12. С. 154–164.
443. Меновщиков Г.А. (состав.). 1985. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. (Сказки и мифы народов Востока). М.
444. Меновщиков Г.А. 1987. Материалы и исследования по языку и фольклору науканских эскимосов. Л.
445. Меновщиков Г.А. 1988б. Материалы и исследования по языку и фольклору чаплинских эскимосов. Л.
446. Меновщиков Г.А. 1988а. Устное повествовательное творчество эскимосов // Эскимосские сказки и мифы. (Сказки и мифы народов Востока). М. С. 5–22.
447. Меновщиков Г.А. 1988. (состав.). Эскимосские сказки и мифы. (Сказки и мифы народов Востока)¹. М.
448. Мерк К.Г. 1978. Описание обычаев и образа жизни чукчей / Пер. с нем. З.Д. Титовой // ЭМ. С. 98–155.
449. Миддендорф А. 1869–1878. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II. Отд. 5–6. СПб.
450. [Миллер Г.Ф.]. 1728. О земле Камчатке // Календарь, или месяцеслов исторический, на лето от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1729. СПб. [С. 1–10].
451. [Миллер Г.Ф.]. 1756. Описание о торгах сибирских. СПб.
452. [Миллер Г.Ф.]. 1757. О китовой ловле около Камчатки // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. [Т. 5]. СПб. Май. С. 470–479.
453. Миллер Г.Ф. 1758. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненных // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб. Март, май. С. 195–212, 387–409.
454. Миллер Г.Ф. 1773. Предисловие // Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства... М. С. [I–VIII].
455. Миллер Г.Ф. 1774. Краткое описание о Камчатке, учиненное в июне месяце 1773 года, Камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалевым // Опыт трудов Вольного российского собрания при Императорском московском университете. Ч. I. М. С. 195–215.
456. Миллер Г.Ф. 2009. Описание сибирских народов. (Источники по истории Сибири и Аляски в российских архивах. Т. VIII.1). М.
457. Миллер Ф.Ф. 1895. Тунгусы, якуты и чукчи // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом и бытовом описании / Под общ. ред. П.П. Семенова. Т. XII. Ч. 1. СПб.; М. С. 279–310.
458. Митлянская Т.Б., Карахан И.Л. 1987. Новая жизнь древних легенд Чукотки. Магадан.

¹ Фактическое повторение вышеупомянутого издания Г.А. Меновщикова 1985 г. «Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии».

459. [Митчель Дж.]. 1859. Зима у чукчей // Иллюстрация: всемирное обозрение. СПб. № 84 (3 сентября). С. 142; № 85 (10 сентября). С. 158; № 86 (17 сентября). С. 175; № 87 (24 сентября). С. 183.
460. [Митчель Дж.]. 1865. Зима у чукчей // Вокруг света. Год 5. СПб. № 10. С. 313–330.
461. Михайлова Е.А. 1996. К вопросу об этно- и культурогенезе коренного населения крайнего Северо-Востока Азии // Сибирь: древние этносы и их культура / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. С. 164–195.
462. Мой народ — моя гордость: Работы лауреатов конкурсов учащейся молодежи Чукотского автономного округа на знание истории своего народа и народной культуры. Новосибирск, 2012.
463. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. 2005. Чукотско-русский словарь. 2-е изд. СПб.
464. Муравьев В. 1979. Владимир Германович Тан-Богораз (1865–1936) // Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. Магадан. С. 3–19.
465. Мушкин П. 1853. Русские миссионеры у чаукчей // Московские ведомости. М. № 82 (9 июля). С. 843–844; № 83 (11 июля). С. 853–854.
466. Мушкин П. 1853а. Торговля чукчей с русскими и жителями островов Восточного моря // Московские ведомости. М. № 138 (17 ноября). С. 1421–1422.
467. На крайнем северо-востоке Сибири // Сибирский листок. № 45 (16 июня). Тобольск, 1894. С. 2.
468. Наврот М.И. 1971. Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции // Летопись Севера. Т. V. М. С. 173–179.
469. Народы России. XVI: Чукчи // Нива. Год 5. СПб., 1874. № 2. С. 26–27; № 3. С. 42–43.
470. Народы России: Чукчи // Природа и люди: Иллюстрированный журнал, литературный, научный и политический. СПб., 1880. Июнь. С. 1–13.
471. [Неверов И.] 1874. Условия успеха миссионерской деятельности между чукчами в Якутской области // Миссионер: Еженедельное издание Православного миссионерского общества. М. № 5. С. 47–49.
472. Нейман К.К. 1871. Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // ИСОИРГО. Т. I. № 4–5. С. 6–31; Т. II. № 3. С. 7–28.
473. Нейман К.К. 1872. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // ИСОИРГО. Т. III. № 1. С. 32–44; № 2. С. 57–69.
474. Нейман К.К. 1877. Плавание по Восточному океану // ИСОИРГО. Т. VIII. № 1–2. С. 43–56; № 3–4. С. 83–94; № 5–6. С. 148–155.
475. Нестеров В. 2003. Инопланетные войны // Газета.RU. 3 декабря 2003. URL: <http://www.gazeta.ru/2003/12/03/inoplanetnye.shtml> (дата обращения: 15.03.2015).
476. Несчастливцев Н.С. 1930. Оленеводство и пути его развития в Я.А.С.С.Р. // Советская Якутия: Политико-экономический журнал. Якутск. № 3. С. 76–89.
477. Нефедова С.П. 1967. Ясачная политика русского царизма на Чукотке (XVII–XIX века) // ЗЧКМ. Вып. IV. С. 27–32.
478. Нефёдкин А.К. 2001а. Военные обычаи чукчей // Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума 26 февраля — 7 марта 2001 г. / Отв. ред. Е. Э. Сурова. (Symposium IX). СПб. С. 104–107.

479. Нефёдкин А.К. 2001. Война на Чукотке: характеристика вооруженных конфликтов // Политические конфликты в прошлом и настоящем: Материалы всероссийской научной конференции. Иваново, 24–26 апреля 2001 г. / Отв. ред. А.З. Чернышева. Иваново. С. 79–83.
480. Нефёдкин А.К. 2002. Оборона и осада у оленных чукчей (вторая половина XVII–XVIII в.) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб. С. 214–221.
481. Нефёдкин А.К. 2003. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб. (Ethnographica Petropolitana. X).
482. Нефёдкин А.К. 2012. Чукотская война на море (середина XVII — середина XIX века) // Вехи на мысах: К 80-летию члена-корреспондента РАН С. А. Арутюнова: сборник статей / Отв. ред. М. М. Бронштейн, И. И. Крупник. М. С. 96–103.
483. Нефёдкин А.К. 2013. «Ледяной поход» колымско-алазейских чукчей в 1716–1721 гг. по свидетельству Г. Ф. Миллера // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И.В. Туникина. (Ad fonts: Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4). СПб. С. 80–84.
484. Нефёдкин А.К. 2014. Военное дело ламутов в XVII–XVIII вв. // ЭО. № 5. С. 104–120.
485. Нефёдкин А.К. 2015. Записка отставного капрала Григория Шейкина // ВНГУ. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 8: История. Новосибирск. С. 183–190.
486. Нефёдкин А.К. 2015а. Плавание М. С. Гвоздева в Берингов пролив (1732 г.) как военная экспедиция // Государство и общество в Европе: Проблемы становления и развития. Сборник научных работ / Отв. ред. Р. К. Хабибуллин. Уфа. С. 102–109.
487. Нефёдкин А.К. (состав.). 2016. Героические сказания народов Чукотки. СПб.
488. Нефёдкин А.К. (состав.). 2016а. Неопубликованные материалы по истории Чукотки XVIII века. СПб.
489. Нефёдкин А.К. 2016 б. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. — XIX в.). СПб.
490. Нефёдкин А.К. 2016 в. Чукчи на войне (середина XVII — конец XVIII в.) // *Parabellum novum*: Военно-исторический журнал. № 4 (37). СПб. С. 117–129.
491. Нефёдкин А.К. 2017. Военная культура чукчей (середина XVII — середина XX в.). СПб.
492. Нефёдкин А.К. 2018. Новые панцирные пластины из Южной Чукотки // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до середины XX в.: Сборник научных статей. Вып. 3. С. 57–62. (в печати).
493. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. СПб., 1806. № 7. С. 92–108; № 8. С. 92–106.
494. Никитин Н.И. 1987. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. (Страницы истории нашей Родины). М.
495. Никитин Н.И. 1988. Служилые люди Западной Сибири XVII века. Новосибирск.
496. Никитин Н.И. 1996. Начало казачества Сибири. М.

497. Никитин Н.И. 1999. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М.
498. Никольский Д. [П]. 1900. О чукчах Колымского округа // РАЖ. Т. 2. С. 23–29.
499. Новейшие известия о чукчах // ЖМВД. 1852. Кн. 8. С. 348.
500. Новикова К.А. 1987. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан.
501. Нолан Л.Э. 1871. История и тактика кавалерии / Пер. с фр. // Военная библиотека. Т. III. СПб. С. 1–293.
502. [Норденшельд А.Э.] 1879. Экспедиция профессора Норденшельда // ИИРГО. Т. 15. 1879. Вып. 3. С. 210–226.
503. Норденшельд А.Э. 1881. Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Азии на пароходе «Вега» / Пер. С.И. Барановского. Ч. I. СПб.
504. Норденшельд А.Э. 1936. Плавание на «Вега» / Пер. со швед. А. Бонди. Т. II. Л.
505. Нордквист О.А. 1880. Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих по берегу Ледовитого океана // ИИРГО. Т. XVI. Вып. 2. С. 95–105.
506. Нувано В.Н. 2003. Межплеменные отношения на юге Чукотки в XVIII–XX веках: Ваежские чукчи // Чукотские исследования: Оленеводство среди чукчей / Ред. К. Икея. Вып. 1. Осака. С. 49–56.
507. Нувано В.Н. 2004. Огонь на поражение // Северные просторы. М. № 1–2. С. 58–61.
508. Нувано В.Н. 2008. Трагедия в селах Берёзово и Ваеги. 1940, 1949 гг. // ТБ. С. 85–90.
509. Nul... 1866. Отдаленный север Сибири: Анадырский острог // Сибирский вестник. Иркутск. № 16 (15 августа). [С. 3–4]; № 17 (30 августа). [С. 3–4].
510. Нутекеу Е. И. 2005. Чукотские сказки и легенды (в пересказах бабушки Нутекеу). Б. м.
511. Н-ъ. 1897. Походская Виска // Сибирский сборник. Год 12. Вып. 1–2. Иркутск. С. 1–22.
512. О кровной мести: чукотское предание // ЗЧКМ. Вып. I. 1958. С. 71–72.
513. Обручев С.В. 1933. Колымская земля: Два года скитаний. М.
514. Обручев С.В. 1974. По горам и тундрам Чукотки: Экспедиция 1934–1935 гг. Магадан².
515. Овсянников В.Ф. 1930. Поездка в долину реки Анадырь летом 1929 года // Записки Владивостокского отдела Государственного русского географического общества (Общества изучения Амурского края). Т. V (XXII). Владивосток. [Вып. 1]. С. 41–119.
516. Оглоблин Н. 1903. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века // ЖМНП. Ч. 347. СПб. Май–июнь. С. 38–62.
517. Огородников В.И. 1922. Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. (Труды Государственного института народного образования в Чите. Кн. 1). Чита.
518. Окладников А.П. 1948. К истории этнографического изучения Якутии // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск. С. 17–48.
519. Окладников А.П. (ред.). 1975. Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск.

520. Окунь С.Б. 1935. Вступительная статья // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник документов / Отв. ред. Я. П. Алькора, А. К. Дрезена. Л. С. 3–22.
521. Окунь С.Б. 1935а. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае. Л.
522. Омрувье И.В. 2009. Такое невероятное пиршество: Традиционная гастрономия чукчей и эскимосов // ЧПН. М. С. 170–173.
523. Омрувье И.В. 2011. Кончились кочевья у потомков Кунлелю? // Крайний Север. Анадырь, 3 августа 2011 г. URL: <http://www.ks87.ru/site.xp/057052124050052049053.html> (дата обращения: 15.03.2015).
524. Омрувье И.В. 2013. Маралькот и другие. СПб.
525. Омрувье И.В. 2013а. Основной источник — фольклор // Крайний Север. № 40 (1899). 11 октября. С. 20.
526. Омрувье И.В. 2014. Кочевники: Повести, рассказы и новеллы на русском и чукотском языке. СПб.
527. Омрувье И.В. 2016. Маралькот и Натали. Анадырь.
528. Омрувье И.В. 2017. Немирные луораветланы // Крайний Север. № 11 (2075). 24 марта. С. 24.
529. Олсуфьев А.В. 1896. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. (ЗПОИРГО. Т. II. Вып. 1). СПб.
530. Олыксандрович. 1884. Уголок далекого севера // Сибирская газета. Томск. № 7 (12 февраля). Кол. 185–188; № 9 (26 февраля). Кол. 234–237; № 11 (11 марта). Кол. 295–297.
531. Онацевич М. 1877. Заметки во время плаванья около берегов Чукоцкой земли и в Ледовитом океане в 1876 году // МС. Т. CLXI. СПб. № 7. С. 43–68 (третья пагинация); № 8. С. 27–40 (вторая пагинация).
532. Орехов А.А. 1977. Предварительная типология костяных наконечников Северо-Западного Берингоморья // КЗОКМ. Вып. XI. С. 109–114.
533. Орехов А.А. 1987. Древняя культура Северо-западного Берингоморья. М.
534. Орлова Е.П. 1929. Коряки полуострова Камчатки // Северная Азия: Общественно-научный журнал. Кн. 3 (27). М. С. 83–113.
535. Орлова Е.П. 1941. Азиатские эскимосы // ИВГО. Т. 73. Вып. 2. С. 202–222.
536. Орлова Е.П. 1957. Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова // Вопросы географии Дальнего Востока. Сб. 3. Хабаровск. С. 120–129.
537. Орлова Н.С. (состав.). 1951. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сборник документов. М.
538. Орловский П.Н. 1928. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия: Общественно-научный журнал. № 2 (20). М. С. 61–70.
539. Охотина-Линд Н., Мёллер П. У. 2015. Вторая камчатская экспедиция: Документы 1739–1740. Морские отряды. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. X). СПб.
540. Паллас П.С. 1781. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой // Месяцеслов исторический и географический на 1781 год. СПб. С. 1–150.
541. Пальма // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. Т. XXIIа. СПб., 1897. С. 649.

542. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1–2. СПб., 1882–1885.
543. *Панченко Г.М.* 1997. Оленьи ноги, медвежьи руки // История боевых искусств: От Нового Света до Черного континента. М. С. 225–285.
544. [*Парышев С.Е.*] 1909. Учреждение Чукотской миссии и образование Чаунского прихода // Православный благовестник. М. № 15. С. 119–126; № 21. С. 396–400; № 24. С. 546–548.
545. *Пасецкий В.М.* 1995. Звездные мгновения Арктики. СПб.
546. *Пежемский П.* 1850. Панорама Иркутской губернии // Современник: Литературный журнал. Т. XXII. СПб. Июль–август. С. 1–158 (вторая пагинация).
547. *Петелин И.* 1895. Учукчей (Из дневника миссионера Эламбальского стана (Якутская область) священника Иоанна Петелина за 1891 год) // Православный благовестник. Т. I. Кн. 1. М. № 7. С. 346–354.
548. *Петелин М.* 1892. По поводу драмы на берегу Ледовитого океана // ЯЕВ. № 14 (16 июля). С. 212–214; № 15 (1 августа). С. 229–231
549. Плавание лодки «Сивуч» к устью р. Анадыри, к м. Восточному и обратно // Владивосток: Общественно-литературная морская газета. Владивосток, 1890. № 39 (30 сентября). С. 2–3; № 40 (7 октября). С. 2–3; № 43 (28 октября). С. 3–4; № 45 (11 ноября). С. 2–3.
550. *Поддубный И.П.* 1914. Население Азиатской России // Азиатская Россия. Т. I. СПб. С. 93–178.
551. *Полевой Б. П.* 1976а. Вхождение в состав России части восточных чукчей // История и культура народов Северо-Востока СССР: Материалы 3-й сессии Дальневосточных исторических чтений по проблемам истории Северо-Востока СССР / Отв. ред. Б. И. Мухачев. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. С. 219–223.
552. *Полевой Б.П.* 1976. Новое о Владимире Атласове // Дальний Восток. № 4. Хабаровск. С. 130–135.
553. *Полевой Б.П.* 2000. Новое об открытии Камчатки. М.
554. *Поломошнов И.В.* 1977. Храбрая Торыт: Чукотские сказки. Магадан.
555. *П[олонский] А.С.* 1850. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив, 1732 года // МС. Т. IV. № 11. С. 389–402.
556. *Полтораднев П.Г.* 1932. Оленеводство тунгусов (р. Нижней Тунгуски). М.
557. *Полунин Ф.А.* 1773. Географический лексикон Российского государства... М.
558. *Поляков А.* 1933. Чукотские праздники // Советский Север. М. № 3. С. 102–106.
559. *Поляков А.А.* 1983. По непроторенным тропам. М.
560. *Попов А.А.* 1934. Материалы по родовому строю долган // СЭ. № 6. С. 116–139.
561. *Прокопец С.Д.* 2012. Ительменский доспех из собраний ПГОМ им. В.К. Арсенева // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. М. № 1–2 (№ 4–5). С. 106–109.
562. Протокол Верховного тайного совета. № 133. Приложения. I–II // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 283–293.
563. *Прыткова Н.Ф.* 1961. Верхняя одежда // ИЭАС. С. 227–238.

564. *Прыткова Н.Ф.* 1976. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера / Под. ред. И.С. Вдовина. Л. С. 5–88.
565. *Путинцев Н.Г.* 1891. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими теперь территории. Омск.
566. *Рабинович М.Г.* 1947. Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии // КСИЭ. № 3. С. 74–78.
567. *Радов И.А.* 2008. Названия чукотских родов Усть-Бельской тундры // ТБ. С. 72–77.
568. *Райзман Д.И.* 2008. Шаман был против // ТБ. С. 95–101.
569. *Ратцель Ф.* 1904. Народоведение / Пер. с нем. Д.А. Коропчевского. Т. I. СПб.⁴
570. *Ресин А.А.* 1888. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // ИИРГО. Т. XXIV. Вып. 3. С. 121–198.
571. *Роббек В.А.* 2005. Фольклор эвенков Березовки: Образцы шедевров. Якутск.
572. *Рожков Е.Ф.* 2003. Тысячелетия арктической Трои // Независимая газета. № 19 (2852). М. 3 февраля 2003. URL: http://www.ng.ru/regions/2003-02-03/13_anadyr.html (дата обращения: 15.03.2015).
573. *Рожков Е.Ф.* 2006. Чернокожие наложницы для чукчей // Независимая газета. № 264 (3944). М. 4 декабря 2006. (http://www.ng.ru/style/2006-12-04/24_chukchi.html).
574. *Рожков Е.Ф.* 2007. Смертельное оружие чукчей // Независимая газета-Регионы. М. 9 июля 2007. URL: http://www.ng.ru/ng_region/2007-07-09/15_weapon.html (дата обращения: 15.03.2015).
575. *Рожков Е.Ф.* 2007а. У чукчей было тайное оружие // Независимая газета-Регионы. М. 26 февраля 2007. URL: http://www.ng.ru/ng_region/2007-02-26/21_chukcha.html (дата обращения: 15.03.2015).
576. *Рожков Е.Ф.* 2008. Бронежилет из мамонтовой кости // Независимое военное обозрение. М. 14 марта. С. 8.
577. *Романов Н.С.* 1956. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск.
578. *Рубцова Е.С.* 1954. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. I. М.; Л.
579. *Руденко С.И.* 1947. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.
580. *Руденко С.И.* 1949. Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. № 1. С. 149–154.
581. *Руденко С.И., Станкевич Я.В.* 1951. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л. С. 97–102.
582. [Румовский С.Я.]. [1779]. Известие о Чукоцком носе // Месяцеслов исторический и географический на 1780 год. СПб. С. 36–46.
583. Русская миссия: чукчи // Семейные вечера: Иллюстрированный журнал. СПб. № 1. Декабрь 1890. С. 95–106.
584. *Рытхэу Ю.С.* 1980. Современные легенды. М.
585. *Рытхэу Ю.С.* 2004. Последний шаман. СПб.
586. *Рытхэу Ю.С.* 2010. Дорожный лексикон. СПб.

587. *Рябков П.* 1887. Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе) // Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание. Приложение к «Восточному обозрению» (1887). СПб. С. 1–42.
588. *С.В.* 1897. Чукчи и русские: нравы Нижне-Колымска // Сибирский сборник. Год 12. Вып. 1–2. Иркутск. С. 23–31.
589. *Самарин Я.Ф.* 1935. На Чукотке // На рубеже: Журнал художественной литературы и публицистики. Хабаровск. Кн. 8. Август. С. 81–97.
590. *Самойлов В.А.* 1945. Семен Дежнев и его время. М.
591. Самоубийство // Сибирская жизнь. № 108 (26 мая). Томск, 1906. С. 2.
592. *Санги В.М.* (состав.). 1985. Легенды и мифы народов Севера. М.
593. *Сарычев Г.А.* 1952. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.
594. *Сафронов Ф.Г.* 1978. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.
595. *Сафронов Ф.Г.* 1988. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережья Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск.
596. *Свербеев.* 1872. Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Анюйскую крепость в 1855 году // ЗСОИРГО. Кн. IV. С. 13–17 (вторая пагинация).
597. *Свердруп Г.У.* 1930. Плавание на судне «Мод» в водах моря Лаптевых и Восточно-Сибирского. (Материалы Комиссии по изучению Якутской автономной советской социалистической республики. Вып. 30). Л.
598. *Сгибнев А.С.* 1868. Большой камчатский наряд // МС. Т. 98. СПб. № 12. С. 131–139.
599. *Сгибнев А.С.* 1869. Материалы для истории Камчатки: Экспедиция Шестакова // МС. Т. 100. СПб. № 2 (февраль). С. 1–34 (вторая пагинация).
600. *Сгибнев А.С.* 1869а. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // МС. Т. 101. СПб. № 4, апрель. С. 65–142 (вторая пагинация); Т. 102. № 5, май. С. 53–84 (вторая пагинация).
601. *Сгибнев А.С.* 2005–2008. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Вып. 1. 2005. С. 5–103; Вып. 2. 2008. С. 5–123.
602. *Седов Г.Я.* 1917. Путешествие в Колыму в 1909 г. // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. Пг. Т. 41. Вып. 2–3. С. 262–326.
603. *Семенов П.П.* 1875. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. V. СПб.
604. *Сементовский Н.* 1852. Новые сведения о чукчах // ВИРГО. Ч. 5. Кн. 1. Отдел 5. С. 143.
605. *Семивский Н.Г.* 1817. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было всем известно. СПб.
606. *Семушкин Т.* 1938. На Чукотке. Хабаровск.
607. Сенатский архив. СПб. Ч. II. 1889; Ч. VIII. 1897.
608. *Сергеев Д.А.* 1962. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов // СЭ. № 6. С. 35–42.

609. *Сергеев О.И.* 1983. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.
610. *Сергеева К.С.* 1962. Сказочник Кивагмэ. Магадан.
611. *Сергеева К.С.* 1968. Сказочник Кивагмэ. Магадан².
612. *Серебренников И.И.* 1914. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк) // ИВСОИРГО. Т. 34. 1914. С. 121–168.
613. *Сильницкий А.П.* 1897. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь // ЗПОИРГО. Т. II. Вып. 3. С. 1–79.
614. *Симченко Ю.Б.* 1970. Особенности социальной организации палеоазиатов крайнего Северо-Востока Сибири (коряки, чукчи, ительмены, эскимосы) // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. М. С. 313–331.
615. *Симченко Ю.Б.* 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
616. *Ск-ий А.* 1888. Плавание клипера «Всадник» к берегам Камчатки, Чукотской земле и в Ледовитый океан (Из записной книжки) // Кронштадтский вестник: Морская и городская газета. Кронштадт. № 20. С. 1–2; № 23. С. 1–3; № 26. С. 1–3; № 32. С. 1–2; № 35. С. 1–2.
617. *Скобелев Д.А.* 2000. Техника стрельбы из пращи и способы ее держания // *Rara bellum*: Военно-исторический журнал. СПб. № 9. С. 49–62.
618. *Словцов П.А.* 1856. Историческая записка о чукотском народе, обитающем около берегов Ледовитого моря // ВИРГО. Кн. V. С. 19–25.
619. *Словцов П.А.* 1886. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1-2. СПб.
620. *Слюнин Н.В.* 1900. Охотск-Камчатский край. Т. I–II. СПб.
621. *Смирнов Ю. И.* (состав.). 1991. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Новосибирск.
622. *Собичевский В.Т.* 1892. Ветка // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. Т. VI. СПб. С. 134.
623. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. V. СПб., 1790.
624. [*Соколов А.П.*]. 1851. Первый поход русских к Америке, 1732 года // ЗГДММ. Ч. IX. С. 78–107.
625. [*Соколов А.П.*]. 1852а. Река Анадырь по описаниям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. // ЗГДММ. Ч. X. С. 160–166.
626. [*Соколов А.П.*]. 1852. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. 1764–69 г. // ЗГДММ. Ч. X. С. 70–103.
627. *Сопоцко А.А.* 1983. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северной Ледовитый океан. М.
628. *Спафарий Н.* 1882. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария. (ЗИРГО по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1). СПб.
629. *Спиридонов Н.И.* 1933. Торговая эксплуатация юкагиров в дореволюционное время. Л. URL: http://knigakan.ru/literaturnaya-karta/Teki_Odulok/Library/dissert.pdf (дата обращения: 17.05.2016).
630. Среди чукчей // ВО. 1899. № 38 (18 февраля). С. 3; № 39 (19 февраля). С. 2.
631. *Старокадомский Л. М.* 1953. Пять плаваний в Северном Ледовитом океане. М.

632. *Стебаков Л.Н.* 1958. Творчество народов Дальнего Севера / Редактор-составитель Л.Н. Стебаков. Магадан.
633. *Стебницкий С.Н.* (состав.). 1938а. Лымн'ыло. Нымыланские (корякские) сказки. Л.
634. *Стебницкий С.Н.* 1938. Нымыланы-алюторцы: К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков // СЭ. Вып. 1. С. 129–144.
635. *Стебницкий С.Н.* 1994а. Апукинский диалект корякского языка // Стебницкий С.Н. Очерки по языку и фольклору коряков. СПб. С. 102–184.
636. *Стебницкий С.Н.* 1994. Коряцкий исторический фольклор и зарождающаяся коряцкая литература // Стебницкий С.Н. Очерки по языку и фольклору коряков. СПб. С. 18–101.
637. *Стебницкий С.Н.* 2000. Очерки этнографии коряков. СПб.
638. *Стеллер Г.В.* 1927. Из Камчатку в Америку: Быт и нравы камчадалов в XVIII в. / Пер. с нем. (Природа и люди. Кн. 11). Л.
639. *Степанов Н.Н.* 1937. Освободительная борьба народностей северо-востока Сибири в XVII в. // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): Сборник статей. М.; Л. С. 213–226.
640. *Степанов Н.Н.* 1957. Малые народы Якутии в 1861–1917 гг. // История Якутской АССР. Т. II. М. С. 324–337.
641. *Степанов Н.Н.* 1959. Русские экспедиции на Охотское побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // УЗЛГПИ. Т. 188: Историко-филологический факультет. Исторические науки. С. 179–254.
642. *Степанов Н.Н.* 1967. В.Г. Богораз как историк народов Дальнего Востока // Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. (УЗЛГПИ. Т. 353). Л. С. 71–79.
643. *Стоун Дж.К.* 2008. Большая энциклопедия оружия и доспехов: Оружие и доспехи всех времен и народов / Пер. Л.И. Здановича. М.
644. *Стрелов Е.Д.* 1916. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. по 1800 г.). Т. I. Якутск.
645. *Суворов П.С.* 1867б. Записка миссионера священника Петра Суворова о поездке на тундру в чукотские жилища, для проповеди слова Божия в 1860 году чукчам // Душеполезное чтение. Год 8. М. Ч. 2. С. 159–168.
646. *Суворов П.С.* 1867. Миссионерская записка священника Петра Суворова за 1863-й год // Душеполезное чтение. Год 8. М. Ч. 3. С. 17–26 (вторая пагинация).
647. *Суворов П.С.* 1867а. Отчет того же миссионера о поездке к Анюйской крепости в 1861 году // Душеполезное чтение. Год 8. М. Ч. 2. С. 168–175.
648. *Суворов П.С.* 1867б. Походный журнал. М.
649. *Сыроечковский Е.Е.* 1986. Северный олень. М.
650. *Такакава М.К.* 1974. Кто самый сильный на Земле? Чукотские сказки / Составитель М.К. Такакава; литературная обработка, комментарии и вступительная статья В.В. Леонтьева. Магадан.
651. *Тан Н.А.* 1898. Из записной книжки // ВО. Год. XVII. № 114. С. 2–3; № 116. С. 2; № 118. С. 2–3.
652. *Тан-Богораз В.Г.* 1930. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. М. № 6. С. 63–79.
653. *Тан-Богораз В.Г.* 1933. Оленеводство: возникновение, развитие, перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Вып. I. Л. С. 219–251.

654. *Тан-Богораз В.Г.* 1935. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов // Академия наук СССР: XLV академику Н.Я. Марру. М.; Л. С. 353–366.
655. *Тан-Богораз В.Г.* 1936. Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества: Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» / Отв. ред. А.М. Деборин. М.; Л. С. 195–256.
656. *Тан-Богораз В.Г.* 1958. Казаки у Полярного круга // Северные рассказы. М. С. 42–93.
657. *Тан-Богораз В.Г.* 1979. Восемь племен // Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. Магадан. С. 21–139.
658. *Тан-Богораз В.Г.* 1979а. Чукотские рассказы // Тан-Богораз В.Г. Восемь племен. Магадан. С. 141–269.
659. *Теин Т.С.* 1975. Эскимосский праздник кита «полъя» (на примере п. Наукан) // КЗОКМ. Вып. 10. С. 88–94.
660. *Теин Т.С.* 1977. Эскимосское селение Наукан — историко-этнографический памятник // Памятники истории и культуры Магаданской области. Вып. 2. С. 25–29.
661. *Теин Т.С.* 1981. Шаманы сибирских эскимосов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX — начала XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л. С. 218–232.
662. *Теин Т.С.* 1983. Тайна Чертова оврага. Магадан.
663. *Теин Т.С.* 1992. И было так... Очерки традиционной культуры азиатских эскимосов. Магадан.
664. *Текки Одулок.* 1933. На крайнем Севере. Л.
665. *Терлецкая Т.А.* 2006. В долине Росомашей реки // Золотая Чукотка. Библино. 23 ноября. С. 9–10.
666. *Титова З.Д.* 1978. Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII века // СЭ. № 1. М. С. 59–71.
667. *Тихомиров Б.А.* 1960. Картины чукотской природы (Из записной книжки натуралиста) // КЗОКМ. Вып. III. С. 133–137.
668. *Толмачев И.П.* 1911. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб.
669. *Толмачев И.П.* 1912. Чукотская сказка // Живая старина. Год XXI. Пг., 1914. Вып. 2–4. С. 495–502.
670. *Трифонов А.* 1872. Заметки о Нижне-Колымске // ИСОИРГО. Т. III. № 3. С. 160–166.
671. *Туголуков В.А.* 1980. Идущие поперек вершин. Красноярск.
672. *Тумма А.* 2008. Воспоминание о детстве // Region 87: Ежеквартальный журнал о возможном чуде. № 1 (5). М. С. 50–57.
673. *Тынеру Е.И.* 2005 б. Как произошли названия гор, рек // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 11. Анадырь. С. 59.
674. *Тынеру Е.И.* 2005. Краеведческий музей в Мейныпильгыно // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 11. Анадырь. С. 82–84.
675. *Тынеру Е.И.* 2005а. Потомки Кунлелю // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 11. Анадырь. С. 49–50.
676. *Тынеру Е.И.* 2009. В.И. Тынагиргин // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 13. Анадырь. С. 50–51.
677. *Тынеру Е.И.* 2011. Чукотские сказки // Айвэрэттэ: Репертуарно-методический сборник. Вып. 14. Анадырь. С. 12–18.

678. *Тынэтэгын (Тинетев) Ф.* 1940. Сказки чаучи / Редактирование и перевод на русский язык Г. Мельникова. Л.
679. *Тюшов В.Н.* 1906. По западному берегу Камчатки. СПб.
680. *Ухтомский Д.Э.* 1913. Чукотские стрелы // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском с.-петербургском университете. Т. IV. СПб. С. 103–122.
681. *Ушаков Г.А.* 1972. Остров метелей. Л.
682. *Файнберг Л.А.* 1964. Общественный строй эскимосов и алеутов: От материнского рода к соседской общине. М.
683. *Федорова С.Г.* 1971. Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев // Летопись Севера. Т. V. М. С. 156–172.
684. *Федорова Т.С.* (состав.). 1984. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов. М.
685. *Хабарова М.В.* 1978. Народное искусство Чукотки. Л.
686. *Хан М.* 1863. О племенах земного шара. Ч. I. СПб.
687. *Харузина В.Н.* 1906. К вопросу о почитании огня: Введение в программу для собирания сведений о почитании огня у русских крестьян и инородцев // ЭО. № 3–4 (1906). М., 1907. С. 68–205.
688. *Хаугаард Л.* 1880. Плавание парохода «Вега» // ИИРГО. Т. XVI. Вып. 2. С. 79–94.
689. *Худяков Ю.С., Соловьев А.И.* 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск. С. 135–163.
690. *Церковникова Е.* 2009. «Серьезные игры» чукчей и эскимосов // ЧПН. С. 177–182.
691. *Черненко М.Б.* 1957. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789–1791 гг. // Летопись Севера. Вып. 2. М. С. 121–142.
692. *Чесноков Ю.В.* 1993. Яранга оленных чукчей // Российский этнограф. М. № 12. С. 221–231.
693. *Членов М.А.* 1981. Кит в фольклоре и мифологии азиатских эскимосов // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И.С. Вдовин. М. С. 228–243.
694. *Членов М.А.* 1988. Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива // Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М. С. 64–75.
695. *Членов М.А., Крупник И.И.* 2016. Наукан: главы к истории // СИС. С. 38–73.
696. Ч-о. 1889. Трагическая смерть чукчей-фанатиков // ЯЕВ. № 6 (16 марта). С. 92–96; № 7 (1 апреля). С. 105–112.
697. Чукотская земля и чукчи // Живописное обозрение стран света. СПб., 1873. № 4 (28 января). С. 62–63.
698. Чукчи // Московские ведомости. № 47 (12 июня). М., 1835. С. 2337–2340.
699. Чукчи и земля их, с открытия этого края до настоящего времени // ЖМВД. Ч. 34. 1851. С. 456–490.

700. Чулков М.Д. 1785. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... Т. III. Кн. 1–2. М.
701. Чучупал В. 2006. Военное дело «чукчей» из СПУ-2 // Полярник. 27 октября. С. 2.
702. Шамиссо А. 1986. Путешествие вокруг света / Пер. с нем. А.М. Моделя. (Рассказы о странах Востока). М.
703. Шаховской А. 1822. Известия о Гижигинской крепости // Северный архив, журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов. СПб. Ч. IV. № 22. С. 283–312.
704. [Шаховской А.] 1823. Взгляд на торговлю, производимую чрез Охотский порт // Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий. СПб. Ч. VII. № 13. С. 28–45.
705. Шашков С. 1864. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII веке // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. Кн. 3. С. 62–93 (пятая пагинация).
706. Швайццер П., Головкин Е.В. 2001. Память о войне: конструирование внешнего конфликта в культуре этнических общностей Берингова пролива // ТФЭ. Вып. 1. С. 26–37.
707. Шенталинская Т.С. 2003. Последний конкистадор Чукотки: Фольклорные ипостаси майора Павлуцкого, или Новые факты по материалам американской Северо-Тихоокеанской экспедиции // Мир Севера. М. № 2–3. С. 60–63.
708. Шенталинская Т.С. 2008. Фольклорные ипостаси майора Павлуцкого (Новые факты по материалам Северо-Тихоокеанской экспедиции) // ТБ. С. 262–274.
709. Широков Ю.А. 1968. Гравированные клыки в собрании Государственного музея революции // ЗЧКМ. Вып. V. С. 87–90.
710. Шишмарев Г.С. 1852. Сведения о чукчах капитана Шишмарева 1821 года // ЗГДММ. Ч. X. С. 178–200.
711. Шкловский И.В. 1892. Очерки крайнего Северо-Востока. (ЗВСОИРГО по общей географии. Т. II. Вып. 2). Иркутск.
712. Шнирельман В.А. 1994. У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М. С. 9–161.
713. Шренк Л. 1899–1903. Об инородцах Амурского края. Т. II–III. СПб.
714. Шундик Н.Е. 1950. На земле чукотской. М.; Л.
715. Шурхало Д. 2004. Народ-анекдот // Трибуна. М. 20 ноября 2004. URL: <http://tribuna.com.ua/articles/socium/129147.htm> (дата обращения: 15.03.2015).
716. Щекатов А., Максимович Л. М. 1809. Словарь географический Российского государства. Ч. VII. М.
717. Щербакова Т.И. 2011. Последние шаманы Чукотки: лидерство как долг // Теория и методология в архайке. Лидерство в архайке: условия и формы проявления / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. М. С. 171–182.
718. Щукин Н.С. 1844. Поездка в Якутск. СПб.²
719. Щукин Н. 1852. Поход капитана Павлуцкого в Чукотскую землю // Современник. Т. 34. № 7. С. 1–16 (шестая пагинация).

720. *Шукин Н.* 1854. Поход капитана Павлуцкого в Чукотскую землю // ЖЧВ-ВУЗ. Год XVII. Т. 107. СПб. № 427. С. 409–437.
721. Экспедиция Беринга: Сборник документов / Подготовил к печати А.А. Покровский. М., 1941.
722. *Элерт А.Х.* 1990. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск.
723. *Элерт А.Х.* 1991. Новые материалы по истории чукчей в первой половине XVIII в. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. История, философия, филология. Вып. 3. С. 27–30.
724. *Элерт А.Х.* 1998. Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г. Ф. Миллера // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е. К. Ромодановский. Новосибирск. С. 121–133.
725. *Элерт А.Х.* 1999. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск.
726. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785–1795 гг. / Под ред. И.С. Вдовина. (ДИБ). Магадан, 1978.
727. Якутия в XVII веке (Очерки) / Под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск, 1953.
728. [Ятгиргин А.Я.]. 2005. Учебная программа «Обучение детей борьбе тэйкэв и основам самозащиты». Анадырь. 24 с. (рукопись).
729. *Ятгыргын В.В.* 1963. Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин. Магадан.
730. *Aldrich H.L.* 1889. Arctic Alaska and Siberia, or Eight Months with the Arctic Whalemens. Chicago; New York.
731. *Bagger H.* 2005. Tjukotkas indlemmelse i Det russiske imperium // Tjukotka i fortid og nutid / Red. B. Nielsen. (Eskimologis skrifter, № 18). København. S. 39–64.
732. *Bandi H.-G.* 1974 /75. Metallene Lamellenpanzer der Eskimos auf der St. Lorenz Insel, Alaska // Folk: Dansk etnografisk tidsskrift. Aarhus. № 16–17. S. 83–94.
733. *Bandi H.-G.* 1977. Die Kunst der Eskimos auf der St.-Lorenz-Insel in Alaska. (Orbis pictus, 65). Bern; Stuttgart.
734. *Bandi H.-G.* 1995. Siberian Eskimos as Whaler and Warriors // Hunting the Largest Animals: Native Whaling in the Western Arctic and Subarctic / Ed. By A. P. McCartney. (Studies in Whaling, № 3; Occasional Publication, № 36). Edmonton. P. 165–183.
735. *Beechey F.W.* 1832. Narrative of a Voyage to the Pacific and Beering's Strait, to Co-operate with the Polar Expeditions Performed in His Majesty's Ship Blossom, under the Command of Captain F. W. Beechey, in the Years 1825, 26, 27, 28. Philadelphia.
736. *Bogoras W.* 1910. Chuckchee Mythology. (MAMNH. Vol. VIII. Pt. 1). Leiden; New York.
737. *Bogoras W.* 1913. The Eskimo of Siberia. (MAMNH. Vol. VIII. Pt. 2). Leiden; New York.
738. *Bogoras W.* 1917. Koryak Texts. (Publications of the American Ethnological Society / Ed. by F. Boas. Vol. V). Leiden; New York.
739. *Bogoras W.* 1918. Tales of Yukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. XX. Pt. 1). New York.

740. *Bogoslovskaya L.S.* (ed.). 2014. *Nadezhda — Race on the Edge of Land: Great Arctic Race, Mushers of Chukotka and Their True Friends Sled Dogs.* (Beringia Heritage. 3). 2nd ed. Moscow; Anadyr.
741. *Burch E.S., Jr.* 1974. Eskimo Warfare in Northwest Alaska // *Anthropological Papers of the University of Alaska.* Vol. 16. Fairbanks. № 2. P. 1–14.
742. *Burch E.S., Jr.* 1988. War and Trade // *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska* / Ed. by W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington. P. 227–240.
743. *Burch E.S., Jr.* 1998. *The Cultural and Natural Heritage of Northwest Alaska.* Vol. VII: International Affairs. Kotzebue; Anchorage.
744. *Bush R.J.* 1872. *Reindeer, Dogs, and Snow-Shoes: A Journal of Siberian Travel and Explorations Made in the Years 1865, 1866, and 1867.* London.
745. *Choris L.* 1822. *Voyage pittoresque autour du monde.* Paris.
746. *Cochrane J.D.* 1824. *Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka; Performed during the Years 1820, 1821, 1822 and 1823.* Philadelphia; New York.
747. *Collins H. B., Jr.* 1937. *Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska.* (Smithsonian Miscellaneous Collections. Vol.96. № 1). Washington.
748. *Cooper H. K., Gabriel J. B.* 2013. Metal Armor from St. Lawrence Island // *Arctic Anthropology.* Vol. 50. № 1. P. 1–19.
749. *Dall W.H.* 1870. *Alaska and Its Resources.* Boston.
750. *Dall W.H.* 1877. *Tribes of the Extreme Northwest.* (Contributions to North American Ethnology. Vol. I). Washington.
751. *Fienup-Riordan A.* 1990. *Eskimo Essays: Yup'ik Live and How We See Them.* New Brunswick (New Jersey).
752. *De Windt H.* 1898. *Through the Gold-Fields of Alaska to Bering Strait.* London.
753. *Fienup-Riordan A.* 1994. Eskimo War and Peace // *Anthropology of the North Pacific Rim* / Ed. by W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington. P. 321–335.
754. *Findeisen H.* 1929/30. *Krieg und Kriegswesen in Nordostasien* // *Der Weltkreis: Mitteilungen der Vereinigung für Völkerkunde und Wissenschaften.* Bd. I. Berlin. № 9–10. S. 130–134.
755. *Garber C.M.* 1940. *Stories and Legends of the Bering Strait Eskimos.* Boston.
756. *Gerland G.* 1883. *Zur Ethnographie des äussersten Nordostens von Asien* // *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.* Bd. XIII. Berlin. Hf. 1. S. 194–222.
757. *Golder F.A.* 1914. *Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850.* Cleveland.
758. *Grünwedel A.* 1920. *Alt-Kutsha: Archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Tempera-Gemälden aus Buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt.* Berlin.
759. *Hickey C.G.* 1979. The Historic Beringian Trade Network: Its Nature and Origins // *Thule Eskimo Culture: An Anthropological Retrospective* / Ed. by A.P. McCartney. (National Museum of Man. Mercury Series. Archaeological Survey of Canada Paper. № 88). Ottawa. P. 411–434.
760. *Hoffman W.J.* 1897. *The Graphic Art of the Eskimos* // *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution.* 1895. Report of the U.S. National Museum. Washington. P. 749–968.

761. *Hooper C.L.* 1884. Report of the Cruise of the U. S. Revenue Steamer Thomas Corwin in the Arctic Ocean. Washington.
762. *Hooper W.H.* 1853. Ten Months among the Tents of the Tuski, with Incidents of an Arctic Boat Expedition in Search of Sir John Franklin. London.
763. *Hough W.* 1895. Primitive American Armor // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the Year Ending June 30, 1893. Washington. P. 625–651.
764. *Hughes Ch.C.* 1984. Asiatic Eskimo: Introduction // Handbook of the North American Indians / Ed. by W. C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. by D. Damas. Washington. P. 243–247.
765. *Hughes Ch.C.* 1984b. Saint Lawrence Island Eskimo // Handbook of the North American Indians / Ed. by W. C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. by D. Damas. Washington. P. 262–284.
766. *Hughes Ch.C.* 1984a. Siberian Eskimo // Handbook of the North American Indians / Ed. by W.C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. by D. Damas. Washington. P. 247–261.
767. *Jacobsen J.A.* 1884. Capitain Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerikas 1881–1883 / Für deutschen Leserkreis bearbeitet von A. Woldt. Leipzig.
768. *Jesse G.R.* 1866. Research into the History of the British Dog, from Ancient Lows, Charters, and Historical Records. Vol. I–II. London.
769. *Jochelson W.* 1905. The Koryak. Pt. 1–2. (MAMNH. Vol. VI. Pt. 1–2). Leiden; New York.
770. *Jochelson W.* 1928. Peoples of Asiatic Russia. New York.
771. *Kaplan L.D.* 1988. Ugiuvangmiut quliapyuit. King Island Tales: Eskimo History and Legends from Bering Strait. Fairbanks.
772. *Krause A.* 1881. Die Expedition der Bremer geogr. Gesellschaft nach der Tschuktschen-Halbinsel und Alaska // Deutsche Geographische Blätter. Bd. V. Bremen. Hf. 1. S. 1–35, 118–119, 177–223, 308–335.
773. *Krauss M. E.* 2005. Eskimo Language in Asia, 1791 on, and Wrangel Island — Point Hope Connection // Études / Inuit / Studies. Vol. 29. № 1–2. P. 163–185.
774. *Krickeberg W.* 1914. Einige Neuerwerbungen der nortamerikanischen Sammlung des Königl. Museums für Völkerkunde // Zeitschrift für Ethnologie. Jg. 46. Berlin. Hf. 4–5. S. 678–745.
775. *Krupnik I., Krutak L.* 2002. Akuzílleput Igaqullghet. Our Words Put to Paper: Sourcebook in St. Lawrence Island Heritage and History / Compiled by I. Krupnik, L. Krutak; ed. by I. Krupnik, W. Walunga (Kepelgu), V. Metcalf (Qaakaghllaq). (Contributions to Circumpolar Anthropology. 3). Washington.
776. *Langsdorff G. H., von.* 1812. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Bd. II. Frankfurt am Main.
777. *Lauffer B.* 1914. Chinese Clay Figures. Pt. I: Prolegomena on the History of Defensive Armor // Field Museum of Natural History Publication 177. Anthropological Series. Vol. 13. Chicago. № 2. P. 73–315.
778. *Le Brun C.* 1718. Voyages de Corneille le Brun par la Moscovie, en Perse et aux Indiens Orientales. Vol. I. Amsterdam.
779. *Lebo S. A.* 2013. A Hawaiian Perspective on Whaling in the North Pacific // Anthropological Studies of Whaling / Ed. by N. Kishigami, H. Hamaguchi, J. M. Savelle. (Senri Ethnological Studies, 84). Osaka. P. 51–78.

780. *Libby D.* 1960. Three Hundred Years of Chukchi Identity // Men and Cultures: Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, Philadelphia, September 1–9, 1956 / Ed. by A. F. C. Wallace. Philadelphia. P. 298–304.
781. *Lowe F.* 1843. Die Tschuktschen / Nach dem Russischen von F. Litke mitgetheilt von F. Lowe // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Berlin. Hf. 3. S. 446–464.
782. *Malaurie J.* 1974. Raids et esclavage dans les sociétés autochtones de détroit de Behring // Inter-Nord: Revue internationale d'Études arctiques et nordiques. N° 13–14. Décembre. Mouton; Paris; La Haye. P. 129–155.
783. *Mason O. W.* 1998. The Contest between the Ipiutak, Old Bering Sea, and Birnirk Polities and the Origin of Whaling during the First Millennium A. D. along Bering Strait // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 17. P. 240–325.
784. *Masterson J. R., Brower H.* 1948. Bering's Successors 1745–1780: Contributions of Peter Simon Pallas to the History of Russian Exploration Toward Alaska. Seattle.
785. *Murdoch J.* 1884. A Study of the Eskimo Bows in the U. S. National Museum // Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution. 1884. Washington, 1885. Pt. 2. P. 307–316.
786. *Nefëdkin A.K.* 2013. Some Aspects of Warfare of the Reindeer Lamut in the 17th century / Translated by R. L. Bland // Arctic Anthropology. Vol. 50. Madison. N° 1. P. 103–143.
787. *Nefëdkin A.K.* 2016. Warfare of the Chukchi (mid-17th to Early 20th Century) / Translated by R. L. Bland. Anchorage.
788. *Nefëdkin A.K.* 2017. War and Peace in the Bering Strait (in the 18th and First Half of the 19th Century) // Journal of Asian History. Vol. 51. N° 1. P. 1–41.
789. *Nelson E.W.* 1899. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution 1896–1897. Pt. I. Washington. P. 19–518.
790. *Niedieck P.* 1909. Cruises in the Bering Sea, Being Records of Further Sport and Travel / Transl. by R. A. Ploetz. London.
791. *Nordenskiöld A.E., von.* 1882. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Bd. II. Leipzig.
792. *Ollivier A.* 1877. Sur les Esquimaux d'Asie // Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris. T. XII. 2e Série. Paris. P. 587–598.
793. [*Pallas P.*]. 1781a. Besondere Nachrichten über die tschuktschische Landspitze und benachbarte Inseln // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. St. 2. St. Petersburg; Leipzig. S. 245–248.
794. [*Pallas P.*]. 1781. Geographische Beschreibung des Anadyrflusses und in selbigen einfallenden Bäche // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I. St. 2. St. Petersburg; Leipzig. S. 238–244.
795. *Plsi S.* 1983. Arktisia kuvia. Helsinki².

796. *Parry W.E.* 1824. Journal of a Second Voyage for the Discovery of a North-West Passage from Atlantic to the Pacific; Performed in the Years 1821-22-23 in His Majesty's Ships *Fury* and *Hecla*. London.
797. *Paulsen P.* 1967. Alamannische Adelsgrüber von Niederstotzingen (Kreis Heidenheim). Stuttgart.
798. *Rasmussen K.* 1952. The Alaskan Eskimos as Described in the Posthumous Notes of Dr. Knud Rasmussen by H. Ostermann / Translated from the Danish by W.E. Calvert. (Report of the Fifth Thule Expedition, 1921 1924. Vol. X. № 3). Copenhagen.
799. *Ratzel F.* 1887. Ueber die Stäbchenpanzer und ihre Verbreitung im nordpazifischen Gebiet // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München. Jg. 1886. München. S. 181–216.
800. *Ray D.J.* 1975. The Eskimos of Bering Strait, 1650–1898. Seattle; London.
801. *Ray D.J.* 1984. Bering Strait Eskimos // Handbook of the North American Indians / Ed. by W. C. Sturtevant. Vol. 5: Arctic / Ed. by D. Damas. Washington. P. 285–302.
802. *Reuse W.J., de.* 1994. Siberian Yupik Eskimo: The Language and Its Contacts with Chukchi. (Studies in Indigenous Languages of the Americas). Salt Lake City.
803. *Robinson H.R.* 1967. Oriental Armour. (Arms and Armour Series). New York.
804. *Sauer M.* 1802a. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia. London.
805. *Sauer M.* 1802. Voyage fait par ordre de l'impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russie Asiatique, dans la Mer glaciale, dans la Mer d'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique depuis 1785 jusqu'en 1794 par le commandore Billings / Traduit de l'Anglais... par J. Castôra. T. II. Paris.
806. *Schiefner F.A.* 1874. Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben // Mélanges asiatiques. T. VII. Livraisons 2–3. St. Petersburg. S. 323–377.
807. *Sheppard W.* 2009. Assault on Qawiaaraq: Siberian-Alaskan Warfare in Historical and Cultural Context // Changing the Dark: Perspectives on Place, History, and Alaska Native Land Claims / Ed. by K.L. Pratt. Vol. I. Anchoridge. P. 46–63.
808. *Smith V.L.* 1970. Intercontinental Aboriginal Trade in the Beringian Straits Area // Proceeding of the 8th Congress of Anthropological and Ethnological Science, 1968, Tokyo and Kyoto / Eds. B. Endo, H. Hoshi, Sh. Masuda. Vol. 2. Tokyo. P. 236–238.
809. *Stone G.C.* 1961. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. New York.
810. *Strahlenberg Ph.I.* 1730. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Rußischen Reich mit Siberien und der grossen Tataren in sich begreifet, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten... Stockholm.
811. *Swenson O.* 1951. Northwest of the World: Forty Years' Trading and Hunting in Northern Siberia. London.
812. *Thordeman B.* 1939. (in collaboration with P. Nürlung and B.E. Ingelmark). Armour from the Battle of Wisby 1361. Vol. I: Text. Stockholm.

- 813. *Thornton H.R.* 1931. Among the Eskimos of Wales, Alaska, 1890–93. Baltimore; London; Oxford.
- 814. *VanStone J.W.* 1983. Protective Hide Body Armor of the Historic Chukchi and Siberian Eskimos // *Etudes / Inuit / Studies*. Vol. 7. Quebec. № 2. P. 3–24.
- 815. *Wagner J.L.* 1789. Schicksale whrend seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763... Berlin.
- 816. *Wardwell A.* 1986. Ancient Eskimo Ivories of the Bering Strait. New York.
- 817. *Weissenberg S.* 1895. Ueber die zum mongolischen Bogen geherigen Spannringe und Schutzplatten // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. 25 (N. F. Bd. 15). Wien. S. 50–55.
- 818. *Whympers F.* 1869. Travel and Adventure in the Territory of Alaska. New York.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	8
ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ	17
СОБЫТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУКОТКИ	21

Глава I. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	33
1. Социальная структура кочевых чукчей	36
2. Социальная и военная организация приморских жителей	38
3. Система командования	41
4. Сбор войск	44
5. Численность войск	48
6. Воспитание и тренировка	52
7. Военная специализация	61

Глава II. ВООРУЖЕНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ, СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ	65
1. Защитное вооружение	66
1.1. Доспехи	66
1.2. Кольчуга	104
1.3. Шлемы	104
1.4. Наручи	108
1.5. Поножи	112

1.6. Щит	114
2. Наступательное оружие	114
2.1.1. Луки	115
2.1.2. Налучье	118
2.1.3. Стрелы	118
2.1.4. Колчан	128
2.1.5. Стрельба из лука	131
2.1.6. Лук с двойной натяжкой (нуйок)	139
2.2. Праща	139
2.3. Копья	144
2.4. Пальма	150
2.5. Ножи	150
3. Неспециализированное или случайное оружие	156
3.1. Аркан	156
3.2. Копьеметалка	157
3.3. Дротики	158
3.4. Гарпун	159
3.5. Бола	159
3.6. Топор	162
3.7. Палица	163
3.8. Молоток	163
3.9. Кистень	164
3.10. Камни	165
3.11. Посох	165
3.12. Прут	165
4. Огнестрельное оружие	165
5. Комплекс вооружения	169
6. Одевание	174
6.1. Одежда для боевых действий	174
6.2. Головные уборы	176
7. Средства передвижения на войне	179
7.1. Нарты	179
7.2. Снегоступы, лыжи, подковы	188
7.3. Преодоление водных препятствий	190
 Глава III. ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ	205
1. Война и мир	205
1.1. Причины войны	205
1.2. Начало войны	215

1.3. Мир	216
1.4. Союзы	218
2. Боевые действия	221
2.1. Стратегия	221
2.2. Разведка	225
2.3. Поход	227
2.4. Набег со стойбищем	234
2.5. Набег одних мужчин	235
2.6. Грабительские налеты	236
2.7. Нападение на поселение врагов	237
2.8. Столкновения из-за кровной мести или прочих причин	243
3. Битва	250
3.1. Засады	250
3.2. Военные хитрости	254
3.3. Тактика	255
3.4. Техника боя	262
3.5. Поединок	269
3.6. Финал боя	277
4. Судьбы врагов	279
4.1. Убитые	279
4.2. Пленные, рабы	281
4.3. пытки	286
5. Использование собак в военных целях	287
 Глава IV. ОСАДА И ОБОРОНА	290
1. Оборона и осада у оленных чукчей	290
2. Осада и оборона у оседлых чукчей и азиатских эскимосов	302
 Глава V. ВОЙНА НА МОРЕ	313
 Глава VI. КУЛЬТОВАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ	324
1. Мировоззрение	324
2. Прием галлюциногенов	328
3. Военная магия	330
4. Обряды и жертвоприношения	335
5. Татуировка и раскраска	343
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	347

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ВОЕННОЕ ДЕЛО КАЗАКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	352
1. Состав, организация и комплектование казачьего войска	353
2. Жалованье	359
3. Сбор ясака	361
4. Поход	363
5. Численность походных отрядов	367
6. Вооружение	368
7. Тактика полевого боя	375

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ XVIII ВЕКА	391
1. Распросные речи анадырских служилых от 14 марта 1710 г.	391
2. Показания якутского казака Попова и других от 2 сентября 1711 г.	393
3. Из рапорта Д. И. Павлуцкого в тобольскую губернскую канцелярию (1732 г.)	396
4. С. П. Крашенинников. О чукчах	397
5. Я. И. Линденау. Описание о чукоцкой земли, где она имеетца	398
6. «Известие» Второй камчатской экспедиции на вопросы генерал-майора Х. Киндермана (1750 г.)	400
7. «Показание о чукоцкой земле» казака Б. Кузнецкого (1756 г.)	402
8. П. С. Паллас. Особые известия о Чукотском носе и соседних островах (переведено с русского оригинала)	408
9. Описание народов Якутского ведомства 1769 г.	413
10. Ф. А. Полунин. Чукчи	416
11. И. Ф. Гакман. Чукчи	417
12. К. Г. Мерк. Описание обычаев и образа жизни чукчей	418
13. М. Соур. Описание народа чукчей	422
14. И. Копец. О народах, известных под именем чукчей	425
15. Чукчи (1806 г.)	427

ПРИЛОЖЕНИЕ III. НОВЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	429
1. [Как появилось название Сердце-гора]	429
2. [Происхождение названия горы Чевтыттым]	430
3. Легенда об айонской бабушке	432
4. [Как Пэтывытычгын получил свое имя]	433

5. [Пэтывытычгын]	434
6. [Мальчик с луком]	435
7. [Откуда произошли ваежские кереки]	435
8. [В поисках похищенной сестры].....	436
9. Ищущий сестру	437
10. Семья Кыргыянвына	439
11. Драчуны А'рэнкав и Э'онват.....	442
12. Десять братьев.....	444
13. [Как оленивод обманул врагов]	445
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	447
БИБЛИОГРАФИЯ	450

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронном или механическом виде, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

ЛУЧШИЕ ВОИНЫ В ИСТОРИИ

Нефёдкин Александр Константинович

ВОЕННОЕ ДЕЛО ЧУКЧЕЙ **Первая иллюстрированная энциклопедия**

Ответственный редактор *Н. Аничкин*
Художественный редактор *Г. Федотов*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *Е. Джелилова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.
Home page: www.yauza.moscow
Тел.: (495) 745-58-23

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 3
E-mail: editor@yauza.moscow

Подписано в печать 17.10.2017. Формат 70х100^{1/16}.
Гарнитура «CharterС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 40, 19.
Тираж экз. Заказ

Сложно найти другой народ, чей образ в массовом сознании настолько бы расходился с реальностью, как образ чукчей – персонажи известных анекдотов просто не смогли бы выжить в жестоких условиях Крайнего Севера. Настоящие чукчи были умелыми и энергичными воинами, грозой арктического побережья, где между ними, коряками, эскимосами и русскими разворачивались самые северные войны в истории человечества. Несмотря на то, что кровопролитное противостояние русских колониальных войск с чукчами продолжалось почти 150 лет, этот северный народ так и не удалось покорить силой, а командиры русских отрядов так отзывались о своих непримиримых противниках: «Чукчи – народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана».

Новая книга ведущего специалиста по военной истории древних народов – первое в мировой литературе систематическое исследование военного дела чукчей (вооружение, тактика, стратегия, фортификация, война на море), рассматривающее его на всем протяжении известной по источникам эпохи, начиная со второй половины XVII века, когда чукчи впервые столкнулись с сибирскими казаками, вплоть до начала XX столетия, когда еще происходили вооруженные столкновения на почве кровной мести. Кроме того, эта богато иллюстрированная энциклопедия подробно описывает культовые аспекты войны чукотского народа (обряды, жертвоприношения) и важнейшие аспекты военного дела казаков Восточной Сибири – главных противников чукчей.

Якорь

ISBN 978-5-04-088815-3

9 785040 888153 >

